

XXIX МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

21–23 июня 2017

Том 2

Vol. 2

21–23 June 2017

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies of Asia and Africa

ASIA AND AFRICA: THEIR HERITAGE AND MODERNITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
THE FACULTY OF ASIAN AND AFRICAN STUDIES

XXIX International Congress
on Historiography and Source Studies
of Asia and Africa

**ASIA AND AFRICA:
THEIR HERITAGE AND MODERNITY**

Vol. 2

21–23 June 2017

Proceedings

St. Petersburg
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии
стран Азии и Африки

АЗИЯ И АФРИКА: НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Том 2

21–23 июня 2017 г.

Материалы конгресса

Санкт-Петербург
2017

ББК 63.3(5)+63.3(6)

A35

*Издание материалов конгресса осуществлено
при финансовой поддержке:*

Штаб-квартиры Институты Конфуция,

Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002),

РГНФ, проект № 17-01-14039г

A 35 Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. — СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. — Т. 2. — 492 с.

Asia and Africa: their Heritage and Modernity. XXIX International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. 21–23 June 2017 / Ed. by N. N. Dyakov, A. S. Matveev. St. Petersburg: NP-PRINT, 2017. — Vol. 2. — 492 p.

ББК 63.3(5)+63.3(6)

ISBN 978-5-901724-36-1 (т. 2)

ISBN 978-5-901724-34-7

© Авторы сборника, 2017

© СПбГУ, 2017

СЕКЦИЯ XIII.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
ИНДИИ И ЮВА
HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTHEAST ASIA

*Stig Toft Madsen (Nordic Institute of Asian Studies,
University of Copenhagen)*

Jats and Jutland: Caste Identity Across Time and Space

In India, some oral and written sources hold that the Jats (a North Indian caste closely tied to agriculture) have originally come from the peninsula of Jutland. In a similar vein it is sometimes said that the Jats have many other old affiliations across the Eurasian space. As proof of the hypothesis, the sources point to similarities in vocabulary, physical make-up, or cultural traits.

Diffusionist theories once enjoyed widespread credence in anthropology, geography and other disciplines. When I entered the university in 1970, diffusionist thinking had already lost traction, but in India the sun never set on this brand of science. I will illustrate this by presenting a little-known tract entitled *Jat and Jutland (Denmark): Ancient History of Migration and Settlement of the Jats over Europe and Asia* from 1982 in which Mangal Sen Jindal rehearses the old, but not entirely forgotten hypothesis, that the farmers in the Danish mainland, i.e. in Jutland, are actually Jats. The tract celebrates the past and present grit and glory of the irrepressible Jat farmers, pastoralists and soldiers wherever they are, or were, found. To wit: “Jats of the whole world are brave, intelligent, hard working possess capacity to rule. They are less merciful. They were very fond of good breed horses and other animals. Many of them love drinks and are non-vegetarians. They had been bitter enemies of Muslims. Mahmud of Ghazni who was robbed of half his

loot by the Jats had to come back to India the 17th time only to take revenge from them when Jats fought the Gazanians with 4,000 boats near Mooltan. They were a terror to Timur Lung in Samerkand, Tashkand, Khiva in Russia and Persia. In Spain also Muslims had to struggle hard against them. ...The stature is tall, complexion fair, eyes dark, hair on face plentiful, head long, nose narrow and prominent but not very long, of agile and muscular frame. Jats makes difficult subordinates and comfortable bosses. Jats are fond of Milk and Lassi [a sweetened drink made of curd], horse and good breed animals. They are energetic and hard working. Being healthy, enjoy drinks and are sexy. Hooka (smoking pipe) is his favourite. They are haughty and expect respects to be paid to them” (Jindal, n.d.: 213/5).

I will contrast this image with the caste identity currently cultivated by Jats. Struggling for a place in India’s crowded political landscape, politically mobilized Jats now often demand that their caste is officially acknowledged as a so-called “backward caste” bereft of suitable life-chances unless accorded substantial affirmative action by the Indian state. The old image of the haughty and irrepressible Jat does not tally easily with this new image of the deprived and backward peasant.

Атманова Ю. Г. (ИБ РАН, Москва)

Могольский дарительный портрет в свете письменных и изобразительных источников

Среди самых разнообразных форм репрезентации могольского владыки особый интерес представляет тип дарительного портрета (XVI–XVII вв.), функциональное предназначение и типологию которого можно восстановить только путем реконструктивно-аналитического метода, основываясь на могольских и европейских письменных источниках, а также живописных памятниках (портреты могольских сановников).

Репрезентативная формула и символическая образность могольского монаршего портрета были предназначены как для подданных Его Величества (*хазрат-и а́ла*), так и для иностранных государей и их вельмож. Портретный образ Великого Могола должен был вызывать в сердцах его подданных чувство гордости и восхищения. На иноземных правителей он должен был производить впечатление иного порядка: демонстрируя мощь и великолепие Могольской державы, внушать уважение к могольскому владыке, призывая считаться с его геополитическими претензиями.

В сфере межгосударственных контактов и посольских «обменов дарами», нередко, по всей видимости, использовались аллегорические портреты могольских правителей. Интересно, что посылаемый портрет мог, по свидетельству венецианца Николо Мануччи, спровоцировать неожиданную реакцию, вызвав сильное раздражение, а иногда даже ярость чужеземного владыки, если,

по мнению последнего, могольский падишах оспаривал своим изображением его имперское могущество. Так, например, произошло в истории с сефевидским шахом Аббасом II, которому пришлось не по душе конный портрет падишаха Аурангзеба с изображением небесного ангела, дарующего меч правителю. Можно предположить, что в XVII веке существовала даже особая практика обмена подобными «дипломатическими» портретами, которые могли функционировать в качестве изобразительных «ответов», по аналогии с практикой ответов поэтических, распространенной в сфере межгосударственных контактов.

Другим примером могольского дарительного портрета являются портреты, пожалованные могольским владыкой избранному кругу его подданных. Еще падишах Акбар ввел традицию дарения своего портретного изображения адептам *дин-и иллахи*, что подразумевало духовную связь правителя с кругом избранных вельмож. Отношения между падишахом и адептами его веры носили характер духовный наставник-ученик (*пир — мурид*). Во время правления Джахангира дарительный портрет уже не заключал в себе сугубо религиозного подтекста. Он мог служить наградой высокопоставленным вельможам за проявленные верноподданнические чувства, военные и государственные заслуги, являться знаком особого расположения падишаха. Когда падишах вручал свой портрет кому-либо из могольских сановников, последний вместе с портретом получал своего рода благословение и памятную награду, которую обязательно должен был носить как своеобразный знак отличия либо в виде украшения на тюрбане, либо в качестве медальона на груди.

Как сообщают источники, существовало, по крайней мере, три вида данных портретов:

1. Медальерный портрет (монета или медальон), редкие образцы которого дошли до нашего времени (датируются временем правления падишаха Джахангира). Погрудные портреты, а также изображения восседающего на троне правителя.

2. Ювелирный портрет, о котором можно судить лишь по описаниям, оставленным английским послом сэром Томасом Роу, а также на основании изобразительных источников, поскольку ни одного экземпляра данного вида портрета не сохранилось. Ювелирный портрет представлял собой живописное изображение, вставленное в золотую оправу и украшенное драгоценными камнями.

3. Портрет падишаха с родословным древом. Образцов не сохранилось. По всей видимости, данный тип портрета повторял формулу могольской генеалогической печати, где по центру располагалось имя действующего правителя, а по окружности имена его предков по мужской линии (вплоть до Тимура). Возможно, что в портрете все надписи были заменены портретными изображениями, возможно также, что заменена была только надпись с именем действующего правителя.

Бочковская А. В. (МГУ, Москва)
**Амритбани: священный текст
 современных последователей Равидаса**

Индийский поэт-мистик, мыслитель и философ Равидас (также Раидас; реже — Ро(х)идас, Ру(х)идас) прожил, согласно легендам, долгую жизнь длиной в полтора столетия (1377–1528) и оставил большое поэтическое наследие, которое оказалось чрезвычайно востребованным в XXI в. Он принадлежал к касте кожевенников-чамаров — изгоев в кастовом обществе, и поэтому идея несправедливости социального устройства составляла основу многих его произведений. Стихи Равидаса (40 гимнов-*шабадов* и двестишеи-*шлока*) являются частью Гуру-грантх (Гуру-грантх-сахеб, Ади-грантх) — священного текста сикхов; они также присутствуют в ряде рукописей, обнаруженных в Панджабе и за его пределами.

Интерес к творчеству Равидаса заметно возрос к концу XX в. в Северной и Северо-Западной Индии — прежде всего в среде низкокастовых далитов, в особенности, среди низкокастовых сикхов, провозгласивших «певца чамаров» своей иконой как в прямом, так и переносном смыслах. Наряду с Гуру-грантх они все чаще стали использовать книгу Амритбани Сатгуру Равидас-махарадж («Бессмертные слова истинного гуру Равидас-махараджа»), которая включает 240 приписываемых Равидасу гимнов, включая 40 *шабадов* и *шлоку* из Гуру-грантх.

До 2010 г. Гуру-грантх и Амритбани в равидасских храмах-гурдерах (альтернатива сикхским храмам-гурдварам) располагались рядом на почетном месте под балдахином. Но с нарастанием кастового конфликта в сикхской общине, кульминацией которого стало провозглашение в 2010 г. *равидассия дхарам* — «религии равидаси» — как альтернативы «мейнстримному» сикхизму, центральное место в гурдерах было закреплено исключительно за Амритбани. Во всех гурдерах, включая храм равидаси в Бенаресе/Варанаси, священная книга размещается на специальной подставке рядом со статуей или портретом Равидаса.

Электронная версия Амритбани (http://sachkhandballan.net/main.php?page=Amritbani_Guru_Ravidass_Ji) размещена на сайте Сачкханд Баллан — штаб-квартиры равидаси в Джаландхаре (Панджаб, Индия). Текст книги (177 страниц) представлен на старом панджаби и записан в графике гурмуки; параллельно существует версия в графике деванагари. С учетом ориентации на панджабско-сикхскую диаспору Амритбани была переведена на английский, а также на хинди и несколько других индийских языков. Компоновка трех основных изданий — на панджаби¹, хинди² и английском³ — несколько различается, но в каждом из них присутствуют все 240 гимнов, приписываемых Равидасу.

¹ Amritbāni Satigurū Ravidās Mahārāj. Vārānasī. http://sachkhandballan.net/main.php?page=Amritbani_Guru_Ravidass_Ji. S. a. (электронное издание).

² Jagatguru Ravidas Amrit Vāṇi Evam Sankṣipt Jīvan. Pratham Hindī Sanskaraṇ. Vārānasī. S. a.

³ Amritbani Satguru Ravidas Maharaj. Tr. by Siri Ram Arsh. Varanasi (UP), 2012.

Одна из ключевых идей «религии равидаси» изложена в *арти* — хвалебном гимне, которым открывается английская версия книги. Этот же гимн входит в Гуру-грантх; в нем Равидас говорит о необходимости медитации и повторения божественного Имени как важнейшем способе прямого общения с Божеством и познания его. Строка из *арти* («Свет в Имени Твоем // Сиянью фитиля зажженного подобен, // Что озаряет каждый храма уголок») стала частью религиозного символа равидаси.

В гимнах Равидаса постоянно фигурирует мысль об отсутствии граней между поклонником и божеством, а следовательно, о равенстве поклонников — безотносительно возраста, пола, социального статуса, касты. Этот тезис особенно важен для современных последователей «певца чамаров», поскольку вопрос кастового (не)равенства и (не)справедливости в общественных отношениях является системообразующим в «религии равидаси». Наиболее ярко он раскрывается в концепции Бегампуры — «Города без несчастий», о котором идет речь в одном из гимнов. Идеальный город Равидаса, где каждый обретает счастье, лишен кастовой вражды, поскольку там нет людей второго и третьего сорта, как нет запретов и ограничений на перемещения. Эти идеи приобретают особую значимость для низкокастовых сикхов, дискомфортно себя ощущающих в «высококастовых» гурдварах. Равидас хочет видеть вокруг стабильный, справедливый и хорошо организованный мир, жители которого свободны от поборов и выплат. Неудивительно, что эта «великая утопия» средневекового поэта воспринимается в XXI в. в качестве «уникальной концепции социализма, равенства и достоинства»¹ и, являясь стержнем идеологии равидаси, широко пропагандируется лидерами общины.

Горяева Л. В. (ИБ РАН, Москва)

Опыт построения документального нарратива в мемуарах Абдуллаха б.Абдулкадира Мунши (1796–1854)

В истории малайской литературы конца XVIII — середины XIX в. отмечен рост числа произведений, опирающихся не на художественный вымысел, а на описание реальных событий. В эту переломную, богатую историческими потрясениями эпоху традиционная малайская словесность постепенно уступает место новым сюжетам и жанрам, прежде всего — документальному. Наиболее известным из авторов, пишущих о современной ему действительности, был Абдуллах б.Абдулкадир Мунши — писатель, историк и переводчик арабо-гамильского происхождения, которого принято считать основоположником новой малайской литературы.

¹Ibid. P. 17.

Получив традиционное образование в коранической школе, Абдуллах как автор сформировался в тесном взаимодействии с европейцами-миссионерами (по преимуществу, британцами). С их помощью он осваивает английский язык и печатное дело, участвует в составлении словарей и переводе на малайский священных книг христианства, ведет секретарскую работу и т. д. По совету одного из своих патронов Абдуллах впервые берется за перо, чтобы описать события, свидетелем которых ему довелось быть.

Особое место среди его книг занимают мемуары — «История Абдуллаха» (1843), написанные от первого лица, где автор впервые отказывается от традиционного образа рассказчика — безымянного «владельца этой истории». Документальность повествования предполагает линейную шкалу времени и отбор автором событий, наиболее важных с его точки зрения. Очевидно при этом, что Абдуллах приписывает своему сочинению по преимуществу обучающую роль и в силу этого уснащает повествование целым рядом нарративных элементов, традиционно присущих малайским дидактическим трактатам (вступление-самопрезентация, комментарии к событиям с позиций мусульманской этики, поучения-*насахат*, толкование событий с помощью пословиц и поговорок и т. д.).

Специфической чертой мемуаров является двойственность адресатов книги, нашедшая свое отражение в структуре нарратива. С одной стороны, Абдуллах рассказывает о своей жизни, прежде всего, своим соплеменникам и приглашает их, не изменяя законам ислама, учиться всему новому, что несет с собой европейская цивилизация. С другой стороны, он включает в повествование информацию этнографического характера, адресатом которой выступают его патроны — миссионеры и чиновники. Очевидно, таким образом, что мемуары Абдуллаха, в силу прерывистости и неоднородности их нарратива, обнаруживают несомненные черты сходства с традиционными сочинениями компилятивного характера, как дидактической, так и общей просветительной направленности.

Григорьева Н. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Ритуальные нарративы мыонгов как нематериальное культурное наследие: история изучения, перспективы, проблемы¹

В 2015 г. национальный комитет по делам ЮНЕСКО во Вьетнаме присвоил статус нематериального культурного наследия ритуальным нарративам мыонгов провинции Хоабинь (*Mơ Mường Hòa Bình*).

Под ритуальными нарративами понимается совокупность устно передаваемых текстов, которые сопровождают важнейшие ритуалы календарного,

¹ Исследование проводилось в рамках проекта РГНФ 16–24–09001.

хозяйственного и жизненного циклов мыонгов. Наиболее значимым и лучше всего изученным к настоящему времени корпусом таких текстов являются нарративы, сопровождающие традиционный похоронный обряд, и, особенно, выделяемый в их составе мифо-эпический цикл «Рождение Земли и Воды». Нарративы, как и их ритуальное исполнение, принято обозначать термином *Mo*; с этим термином связано также обозначение мастеров ритуала — шаманов-сказителей (*đông/pô Mo*). Таким образом, рассматриваемый объект культурного наследия представляет собой комплексное явление народной культуры, тесно связанное с верованиями и религиозными практиками мыонгов.

Признание ритуальных нарративов мыонгов в качестве объекта культурного наследия увенчало процесс сложного взаимодействия вьетнамского государства и традиционной мыонгской культуры, подвергшейся достаточно сильной трансформации во второй половине XX века. Речь идет о том, что в ходе земельной реформы середины 50-х годов прошлого века, была ликвидирована социальная группа потомственных аристократов-землевладельцев (*Nhà Lang, Nhà Cùn*), в домах которых традиционно проводились наиболее пышные ритуалы с участием шаманов-сказителей *Mo*; в последующие десятилетия исполнение многих ритуалов осуждалось как следование «суевериям» (*mê tín dị đoan*), а сами шаманы подвергались гонениям. Однако, в 1970-е годы, когда во Вьетнаме возрос интерес к собиранию и систематическому изучению фольклора малых народов, несмотря на существующие ограничения, стали появляться первые записи мыонгских ритуальных нарративов (главным образом, эпических сказаний), были предприняты первые попытки их комплексного анализа. В конце XX века, с началом политики «обновления» (*Đổi Mới*), когда проведение многих ранее запрещенных ритуалов стало постепенно восстанавливаться, мыонги смогли вернуться к отправлению традиционных обрядов, подразумевающих декламацию нарративов, и интерес к этому объекту культуры возрос.

В течение 2015–2016 годов Вьетнам осуществил ряд мероприятий, которые свидетельствуют о намерении страны добиться включения ритуальных нарративов мыонгов в состав всемирного нематериального культурного наследия: состоялась научная конференция, подводящая итоги изучения нарративов и связанных с ними элементов традиционной культуры; был создан специализированный информационный портал, посвященный ритуальным нарративам мыонгов провинции Хоабинь¹; разработан комплекс мер по сохранению этого вида устного наследия и поддержке его носителей — шаманов, именуемых теперь «исполнителями *Mo*» (*nghệ nhân Mo*). Следует думать, что руководство СРВ предпримет все необходимые усилия для включения ритуальных нарративов мыонгов в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества, и ЮНЕСКО поддержит инициативу Вьетнама. Эти процессы, с одной стороны, создадут более благоприятные условия

¹ <http://momuong.hoabinh.gov.vn/> (дата обращения: 31.01.2017).

для сохранения и дальнейших исследований нарративов, особенно на фоне драматических событий 1950–1970-х годов, но с другой стороны, могут обернуться некоторым искажением живой фольклорной традиции по причине отрыва нарративов от их ритуальной основы, неизбежной формализации и театрализации исполнений. Как показывает опыт наследизации других объектов нематериальной культуры Вьетнама¹, чрезвычайно важным является учет всех особенностей функционирования культурных объектов в их традиционном контексте.

Демичев К. А. (НИУ РАНХИГС, Нижний Новгород)

«Путь любви» Прем Сумараг XVIII в. как источник изучения идеальной модели сикхского государства

Прем Сумараг или в переводе с панджаби Путь любви/ истинный путь любви, представляет собой разновидность такого специфического вида источника, появившегося в XVIII в., как рахит-нама (*rahit nāmā*). Вплоть до сегодняшнего дня рахит-нама представляют собой своеобразные инструкции поведения и набор руководящих принципов, определяющих поведения сикхов, объединенных в рамках военизированной общины Хальсы.

Самый ранний из известных в настоящее время списков Прем Сумараг датируется 1801 г. Однако временем его создания большинство исследователей считают первую половину XVIII в., но не ранее 1708 г. Несмотря на разные датировки все сходится во мнении, что Прем Сумараг был написан после смерти десятого сикхского гуру Гобинда Сингха.

Язык Прем Сумараг существенно отличается от языка других рахит-нама. Он не столь лаконичен, как другие сборники, отличается большей образностью и плавностью изложения. Текст разделен на десять глав, из которых, в рамках нашей работы, наибольший интерес представляет восьмая, посвященная особенностям идеальной модели политической организации сикхской общины.

Одной из главных особенностей Прем Сумараг является то, что в нем представлена целостная концепция государственного устройства сикхов. Предложена идеальная модель, которая должна была быть взята за образец в условиях перехода мирской власти в руки Хальсы, после смерти последнего гуру Гобинда Сингха.

Желательная и даже идеальная форма сикхского государства — это абсолютная монархия. Вся полнота власти при таком устройстве принадлежит единоличному правителю *махарадже*, который управляет, опираясь на главного министра (*визиря*) и придворный совет.

¹ *Oscar Salemink*. Appropriating culture: the politics of intangible cultural heritage in Vietnam // *State, Society and the Market in Contemporary Vietnam: Property, Power and Values*, Hue-Tam Ho Tai and Mark Sidel (Eds.). Routledge, 2013. P. 158–180.

Административно-территориальное деление государства предполагалось следующее. Низшей административной единицей выступала деревня. Группа деревень объединялись в более крупное подразделение — *паргана* (*pargana*). Каждые 21 *паргана* должны были быть сгруппированы в округа — *тарафы* (*taraf*). Причем, название округов должно было определяться по названию входящего в округ крупного города. В свою очередь, каждые 11 округов должны были составлять высшую административно-территориальную единицу государства — провинцию *дуца* (*disā*).

На каждом уровне административно-территориального управления создавался целый штат чиновников, ответственных за сбор налогов, судопроизводство и пр. При этом во все подразделения от паргана до провинций (*дуца*) направлялся представитель правителя («офицер разведки») — *хабар* (*khābār*), который контролировал региональных чиновников и отправлял регулярные отчеты махарадже. Для поддержания порядка в каждый город должен был назначаться особый чиновник — *котвал*, который, с определенной долей условности, может быть соотнесен с начальником полиции.

Центральный аппарат управления формировался путем назначения лично правителем. Махараджа отбирал, как высших чиновников, так и многочисленных секретарей с формально неопределенным кругом полномочий.

Непосредственное управление сикхский махараджа осуществлял, как за счет устных распоряжений, так и письменных приказов, которые были одинаково обязательны для исполнения. В случае неповиновения или невыполнения приказа, ответственные должны быть отстранены от службы, уволены и подвергнуты телесному наказанию.

В целом, краткий анализ приведенной модели государства в Прем Сумараг показывает, что идеальной формой организации сикхской общины в XVIII в. представлялось относительно небольшое государственное образование во главе с единоличным верховным правителем. Достаточная компактность государства и производное от нее административно-территориальное деление были связаны с актуальными военно-политическими задачами. Сущность этих задач заключалась, в первую очередь, в обеспечении безопасности земель, которые в рамках религиозной традиции, считались исконно сикхскими территориями и связывались с системой Пятиречья – Панджабом.

Донских В. В. (БАН, Санкт-Петербург)

Ретроспективный библиографический указатель христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.

Взаимодействие культур Востока и Запада, вызванное активной миссионерской деятельностью Общества Иисуса в Португальской Индии, дало

уникальный результат в виде оригинальной книжной продукции — первопечатной христианской книги на индийских языках.

Первопечатная христианская книга на индийских языках до сих пор не была предметом специального научного изучения и ретроспективного библиографического учета. Я считаю важным и необходимым выделение первопечатной христианской книги на индийских языках в единый книжный массив и самостоятельный объект ретроспективной библиографии. Рассредоточенная в пространстве и во времени первопечатная христианская книга на индийских языках компактно не представлена ни в одной библиотеке мира и специально и полностью не отражена ни в одном каталоге или указателе.

На основе изучения документов и писем Общества Иисуса, а также библиотечных каталогов и библиографических указателей мною была проделана работа по выявлению библиографических сведений о первопечатных христианских книгах в Португальской Индии и составлению ретроспективного библиографического указателя христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв. В результате библиографическими средствами удалось в значительной степени воссоздать первопечатный книжный репертуар на индийских языках на всей территории Португальской Индии.

Основная задача данного ретроспективного указателя состояла в выявлении помимо библиографических данных исторических и культурных сведений об индийских христианских книгах и представлении общей картины развития раннего христианского книгопечатания в Португальской Индии на индийских языках.

Указатель состоит из основной ретроспективной части, дополненной тремя вспомогательными указателями: именованным, заглавий и предметным; приведены названия библиотек, в которых книги хранятся, а также каталоги и указатели, в которых они учтены. Полное библиографическое описание каждой книги дается в основной ретроспективной части в хронологическом порядке с указанием года и места издания: от 1557-Гоа до 1678-Амбалакатты. Помимо даты и места издания библиографическая запись каждой книги содержит следующие элементы описания:

- Основное заглавие / Сведения об ответственности. — Выходные данные. — Количественная характеристика.
- Примечания.
- Литература о книге.
- Источники.
- Место хранения.

Описание дается по заглавию книги, с указанием авторов, издателей и переводчиков в сведениях об ответственности. Это связано с тем, что христианские книги в Индии, прежде всего традиционные, более известны под названиями.

В примечаниях приводятся сведения о различных аспектах книги: ее авторах, содержании, языке, истории, иллюстрациях, титульных листах, библиографических деталях и др. Полные сведения даются только при описании первого издания книги с последующей к нему отсылкой.

В литературе о книге указаны выявленные источники и специальная литература о данной книге.

В источниках в алфавитном порядке указаны известные библиотечные каталоги и библиографические указатели, в которых данная книга учтена. В этой части дается только краткое описание. Полное же библиографическое описание всех каталогов и указателей приводится в конце «Указателя».

В разделе Место хранения отмечены библиотеки и книжные коллекции (в том числе и частные), в фондах которых хранится данная книга.

Данный ретроспективный указатель может использоваться также в качестве сводного каталога библиотек и книжных коллекций первопечатной христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв. В случае, если книга не сохранилась до настоящего времени или не выявлена до сих пор, но известна по документальным и библиографическим источникам, то ее описание сопровождается примечанием: Издание не обнаружено.

История первопечатной христианской книги Общества Иисуса в Португальской Индии на индийских языках охватывает период с 1557 по 1678 гг. За это время было напечатано 28 книг (по историческим и библиографическим источникам), которые стали объектом ретроспективного библиографического учета в подготовленном мною указателе. Первпечатные христианские книги на индийских языках XVI–XVII вв. — печатные свидетельства уникального диалога традиционных культур Востока и Запада.

Дорохова И. А. (Петрозаводский госуниверситет)

Скандинавские корреспонденты Махатмы Ганди

Большая часть многотомного собрания сочинений М. К. Ганди — это его переписка. Соратники и оппоненты, государственные, общественные и религиозные деятели из разных стран, в разное время и по разным поводам писали Махатме. С кем-то переписка носила достаточно постоянный характер, а чье-то обращение было единичным. Его корреспонденты из скандинавских стран — Дании, Норвегии, Швеции также были людьми разных профессий: миссионеры и пасторы, люди искусства и науки, учителя, журналисты, издатели. Темы, затрагиваемые в переписке разнообразны: вопросы о переводе на датский и шведский языки «Автобиографии» М. К. Ганди и возможности ее публикации, приглашение посетить Норвегию в качестве гостя Норвежского вегетарианского общества и прочитать лекцию по этой проблеме, просьба

прислать фотографию Ганди с автографом и даже просто написать о том, чем сейчас он занят.

Больше всего писали Ганди датчане — 15 человек. Из них самую длительную, многолетнюю переписку вели с Махатмой Эстер Фэйрин (Менон), Анн-Мари Петерсон и Эллен Хёрап¹. Именно в письмах к ним поднимаются вопросы религии, философии, этики, текущие проблемы. Ганди пишет о сатьяграхе, конструктивной программе, много внимания уделяет вопросам образования. Особо доверительной была переписка с Эстер, которую он называл «мое дорогое дитя». Она пробовала жить в ашраме Ганди, носила домотканую одежду, стала вегетарианкой. В письмах к ней Ганди сообщает не только о своих делах, но и откликается на события в жизни Эстер: поздравляет с замужеством, рождением детей, дает советы по уходу за ними, обсуждает вопросы диеты. Вероятно, этому способствовало личное общение. Датское миссионерское общество запретило ей посещать ашрам Ганди, потребовало прекратить переписку с ним и уехать в Данию. Эстер вышла из общества и продолжила общение с Махатмой. Их переписка продолжалась с 1917 по 1940 г. и насчитывает полторы сотни писем.

Переписка с Анн-Мари Петерсон («сестрой Марией») носит менее личный характер, похожа на обмен мнениями относительно индийских событий. Как и Эстер Фэйрин, она порвала с Датским миссионерским обществом и неоднократно встречалась с Ганди. Петерсон была активной участницей конструктивной программы и уделяла большое внимание проблемам образования, в том числе, девочек в Индии. Более двадцати писем охватывают период с 1919 по 1945 г.

Эллен Хёрап, в отличие от предшественниц, не была миссионером. Как журналист, она занимала активную общественную позицию и встречалась с Ганди в 1929 и 1930 г. Хёрап сочувствовала борьбе индийцев. Своими публикациями она стремилась пробудить интерес к освободительному движению в Индии и пыталась организовать поддержку ему в Дании, а также в Женеве.

Эти датские женщины видели в Махатме разные качества и черты. Для одной он был живым идеалом, воплощавшим Бога на земле, для другой — великим святым и любимым руководителем, а для третьей стал человеком, осветившим ее жизненный путь.

Таким образом, события в далекой Индии, личность Махатмы Ганди не оставили безучастными жителей севера Европы. В сентябре 1931 г. один из шведских журналистов в письме к Ганди отметил, что «события, происходящие в Индии, популярны и широко обсуждаются читателями»².

¹ URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/20932830/friends-of-gandhi-det-danske-fredsakademi> (Дата обращения 1 февраля 2017 г.).

² URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Lp0rDahr8y8J:www.fredsakademiet.dk/library/nordic/index4/pub.htm+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (Дата обращения 1 февраля 2017 г.).

Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва)

Некоторые замечания о переводах «Камасутры»

В докладе исследуются проблемы перевода санскритского трактата «Камасутра» (III–IV вв.) Ватсьяны на английский и русский языки. Искажения в английских переводах могут быть связаны с условностями тех эпох, когда эти переводы делались. Р. Бёртон и Ф. Ф. Арбатнот следовали правилам викторианского этикета. Другие англоязычные переводы делались/печатались в 1990-х — 2012 гг. Ален Даньелу (1994), вероятно, мог переводить достаточно вольно, следуя французской изящной словесности и/или веяниям постмодернистской «игры со смыслами» (впрочем, возможно, его ошибки вызваны элементарным незнанием санскрита / невниманием к деталям, а вовсе не «текстом культуры»). Венди Донигер и Судхир Какар работали для серии «Мировая классика от Окфорда», в которой требуется точность и скрупулезность (2002). В отличие от Р. Бёртона и Ф. Ф. Арбатнота они предполагали, что Камасутра — трактат и «для нас», т. е. современных англоязычных читателей, поэтому Донигер и Какар переводили максимально понятно, не оставляя никакого «ориенталистского аромата». Ларс Мартин Фосс работал для компании Йогавидья (2012). Его подход, пожалуй, отчасти нагружен психоаналитической традицией или, шире, современными психологическими теориями (отсюда использование в переводе термина “personal psychology”). Во введении Фосс называет Ватсьяну «в большинстве случаев безнравственным» (mostly amoral), в чем расходится с Донигер и Какаром. Фосс признает ценность взглядов Ватсьяны на психологию межличностных отношений, но следует американской политкорректности, подчеркивая его «цинизм» и потенциальную опасность описанных им практик:

“It contains appalling practices and attitudes — literally too numerous to mention here — that could get you injured, renounced, imprisoned, abandoned, impoverished, or even killed. The cynicism that permeates the text could make you Machiavellian—or worse. Do not blindly use this book as a how-to manual”.

Но в то же время Фосс утверждает, что знание о человеческой психологии, взаимодействии сознания, тела и эмоций у Ватсьяны полезно, «чтобы найти и взращивать настоящую/ истинную любовь» (to find and nurture true love; второй глагол может означать и «учить», т. е. «учить подлинной любви»).

Фосс также полагает, что «существо третьей природы» — это гомосексуалист (gay man), в то время как А. Я. Сыркин, например, думал, что речь идет о евнухах (1993, перевод был сделан в 1960-е гг.).

Карлова Е. М. (ГМ Востока, Москва)

Об одном бродячем сюжете в могольской миниатюре

В собрании Государственного музея Востока хранится миниатюра с изображением встречи с шахом Аббасом хана Алама, посланника могольского правителя Индии Джахангира. Встреча эта произошла в 1618 г. в Иране, в Казвине. Миниатюра датируется XVIII в. и была выполнена в Индии. Нетрудно выяснить, что этот сюжет активно воспроизводился в индийской живописи XVII, XVIII и даже XIX в., когда запечатленное событие давно потеряло свою актуальность.

Шах Аббас I (1587–1629) вошел в историю как Аббас Великий. Он поддерживал сложные, но в целом теплые отношения сначала с падишахом Акбаром (1556–1605), а затем с его преемником Джахангиром (1605–1627). Внешнеполитическая ситуация была весьма сложной в этот период для обеих сторон. Акбар лавировал между Сефевидами и узбеками. Первые в лице шаха Аббаса пытались привлечь его на свою сторону в борьбе с узбеками, пользуясь давней неприязнью к ним Моголов, в том числе и из-за претензий на наследственные владения в Маверранахре. Однако по договору узбеков с Акбаром границей между их владениями было принято считать Гиндукуш, соответственно Хорасан и Бадахшан отходили к узбекам, а Кандагар (весьма болезненная для Сефевидов точка) и Кабул — Моголам. С другой стороны, узбеки и Моголы были суннитами, что создавало между ними естественную связь, а Сефевиды — шиитами. Абдулла-хан II Шейбанид (1583–1598) постоянно предлагал Акбару напасть совместно на Иран и разделить его (к тому моменту у иранцев были успешно отбиты Хорасан, Мерв, Герат, Мешхед и Нишапур). Шейбаниды с Моголами обменивались посольствами: с 1582 по 1591 г. они направили в Индию четыре посольства, а первое могольское было отправлено в ответ в 1597 г. При этом Акбар мог похоронить свои надежды вернуть Маверранахр, поскольку Абдулла-хан уже был провозглашен его ханом. Это оставалось причиной внутреннего недовольства и попыток сближения с иранцами как с естественными союзниками. С другой стороны, Аббас, чьи наследственные земли находились как раз в Хорасане, с самого начала пытался заручиться поддержкой Акбара — первое посольство к нему он направил еще в 1583 г.¹

Преемник Акбара, Джахангир, свое первое и единственное действительно большое посольство к шаху Аббасу отправил в 1613 г. А Аббас за время правления Джахангира послал в Индию три крупных посольства и несколько более мелких миссий. Вероятно, это было связано с тем, что Аббас настоятельно просил Джахангира вернуть ему Кандагар и усиленно оказывал ему знаки

¹Подробнее об этом см. *Фарзалиев А., Мамедова Р.* Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике. СПб.: СПбГУ, 2004.

внимания, а Джахангир принимал их, но Кандагар возвращать не собирался¹. Посольство, о котором пойдет речь, Великий Могол отправил вместе с возвращавшимися в Иран послами, которых он продержал у себя целых два года. Оно было весьма представительным — нам здесь важно отметить, что впервые в посольской практике индийцев посла, хана Алама, сопровождал художник — Бишан Дас (в русской традиции его иногда называют Вишну Дас). В своих воспоминаниях Джахангир пишет:

«Когда я послал хана Алама в Персию, я послал вместе с ним художника, Бишан Даса, которому нет равных в передаче сходства, чтобы он смог передать подобие шаха и его вельмож. Он нарисовал многих из них и представил на мой суд. Портрет брата моего, шаха, он изобразил очень, очень хорошо. Даже один из слуг шаха, которому я показал этот портрет, сказал, что он его очень хорошо изобразил»².

Посольство вернулось к могольскому двору только в 1620 г. Следуя распространенной практике того времени, Шах Аббас активно использовал послов для политических манипуляций и мог держать их у себя довольно долго. Известно, что он практиковал публичные мероприятия с рассматриванием и принятием даров, на которые приглашал присутствующих в этот момент послов других государств — чтобы произвести на них правильное впечатление. Посольство Джахангира к шаху Аббасу в 1613 г. — один из наиболее интересных примеров такой ситуации. Поскольку это было первое (и последнее большое) посольство Джахангира к Аббасу после восшествия на престол, оно было обставлено с максимальной пышностью: хана Алама сопровождали более тысячи слуг и придворных. Аббас пожелал принять индийского посла вместе с русскими посланниками: на главной площади города дары обоих посольств были выставлены друг напротив друга. Вероятно, это мероприятие было не в пользу русских посланников: по свидетельствам очевидцев, дары могольского правителя и само посольство поражали роскошью³. Обмен дарами, в число которых входили не только драгоценные и редкие вещи, но и обязательно предметы искусства, был обязательной частью программы. Момент это часто фиксировался придворными художниками, документировался ими — причем с обеих сторон. Здесь на первый план выходит важнейшая функция придворного художника — документирование ключевых событий жизни правителя: общественной, политической и личной.

¹ В 1622 году Шах Аббас оккупирует Кандагар, однако к этому моменту различные обстоятельства, в том числе мятеж Шаха Джахана, не позволили Джахангиру достаточно резко отреагировать.

² Jahangirnama: memoirs of Jahangir, Emperor of India. New York, 1999. P. 319.

³ *Искендер-бек Мунши*. Тарих-и алам арай-и Аббаси. Т. I–II. Тегеран, 1350 г. х. 1235 с. (на перс. яз). С. 662.

Прибывший с индийцами в Иран Бишан Дас работал в 1590–1640-е гг. Он происходил из семьи художников и, вероятно, был приближен к падишаху — он есть в числе других пяти художников, которые упоминаются в воспоминаниях Джахангира. Он же — единственный могольский придворный художник, про которого достоверно известно, что он побывал за границей⁴. За несколько лет, проведенных в Иране, он, видимо, оставил достаточно объемное наследие — но до наших дней от этого периода его творчества дошло сравнительно немного. Вероятнее всего, сначала он делал наброски, на основании которых затем выполнил рисунки, так что не всегда можно точно определить, какие работы были выполнены им в Иране, а какие — по возвращении в Индию.

Среди работ Бишан Даса есть подписанная миниатюра со сценой «*Встречи шаха Аббаса с ханом Аламом*»⁵. На ней Аббас в охотничьем одеянии сидит на земле, перед ним — две тарелки с закусками. Он протягивает чашу с вином сидящему напротив хану Аламу в синем — тот протягивает руку в ответ. За спиной Аббаса стоит юноша с флягой, за спиной Алама — прислужник с *хуккой*. Рядом трое высокопоставленных придворных — имя каждого подписано. Слуга с *хуккой* за спиной Алама — намек на зависимость посланника от курения табака. Последний был запрещен в Иране, и Алам получил от Аббаса личное разрешение на курение. Они даже обменялись эпитаграммами на этот счет.

Кроме того, известно несколько набросков портретов, сделанных художником в Иране — не все они подписаны. Один из таких набросков — погрудное изображение шаха Аббаса, выполненное Бишан Дасом, из собрания музея Гарварда⁶. Художник встретил Аббаса, когда тот был уже пожилым человеком. Об этом говорит изборозженное морщинами лицо, мешки под глазами, старческий рот. В целом это, безусловно, портрет, и портрет весьма выразительный. Шах Аббас очень узнаваем в живописи: у него характерные усы, короткая стрижка, худое лицо с высокими скулами. На другом портрете работы Бишан Даса из Британского музея Аббас показан стоящим в полный рост. Он стоит в красном халате на фоне зеленой травы, и здесь мы видим, что специализацией Бишан Даса как раз были портреты, точнее — лица и головы: фигура непропорциональна, в неловкой позе, ноги слишком коротки. Композиционно голова, если она была нарисована сначала, скорее подошла бы человеку сидящему, чем стоящему.

Уместно упомянуть, что художники — «портретисты» делились на тех, кто пишет вымышленных или второстепенных персонажей, и на тех, кто пишет «лиц с именем» — конкретных исторических персонажей, причем статус

⁴ Masters of Indian Painting. 1100–1650. Artibus Asiae. 2011. P. 259.

⁵ Masters of Indian Painting. 1100–1650. Artibus Asiae, 2011. P. 270, fig. 8.

⁶ Harvard Art Museum. Инв. 1999. P. 304.

вторых был значительно выше¹. Степень индивидуализации зависела от многих факторов — не только от времени создания, но и от того, насколько художник был знаком с внешностью своего персонажа, был ли у него образец, разумеется, от мастерства. При этом не все образы можно назвать портретными, некоторые — индивидуализированные. Бишан Дас создавал, безусловно, портреты, и весьма похожие — недаром Джахангир в своих воспоминаниях заостряет на этом внимание.

Что же происходит дальше? Хотя среди миниатюр со сценой встречи Аббаса и Алама нам известна только одна подписанная Бишан Дасом (она сейчас находится в Музее изящных искусств Бостона), скорее всего, их было сделано больше. Вероятно, они были весьма похожи композиционно, но с некоторыми отличиями в количестве второстепенных персонажей — на каждой следующей миниатюре их круг расширялся, добавлялись новые лица. Известны несколько других миниатюр с этим сюжетом, которые были выполнены позже — копии. Вот основные из них: близкая бостонской миниатюре работа хранится в музее Виктории и Альберта (1800 г.), две очень похожие в Музее Востока в Москве (1715 г.) и в Британском музее (датирована XVIII в.), и одна в музее Гарварда (датирована XVII–XIX вв.). Еще одна из Британского музея, очень своеобразная, была выполнена не могольскими мастерами.

Существует и иранская версия этого события. Это миниатюра придворного художника шаха Аббаса Ризы-йи Аббаси, которая, кстати, тоже многократно повторялась, в том числе и самим автором. В Иране в это время был расцвет наук и искусств — Аббас собрал в Казвине, а затем и в Исфахане множество художников и каллиграфов, среди которых Риза-йи Аббаси признан наиболее выдающимся. С иранской стороны именно он документировал встречу шаха с индийским послом. В восточном фонде отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) хранится миниатюра исфаханской школы «*Шах Аббас и хан Алам*», датированная 7 *раджаба* 1042 / 28 января 1633 года и приписываемая авторству Ризы-йи Аббаси². То есть, вероятно, это поздняя, но авторская копия события 1618 г. — Аббаси умер в 1635 году, на шесть лет пережив своего шаха. В иранской версии участники встречи стоят, когда у индийца — сидят, в остальном они иконографически схожи. Дело происходит, судя по всему, сразу после охоты: в руках Аббаса лук, а на бедре — колчан со стрелами. За его спиной также стоит юноша с флягой, и шах также протягивает чашу с вином стоящему напротив Аламу. В нижней части изображены двое слуг и оседланный конь.

И персидский, и индийский вариант сцены встречи шахом Аббасом хана Алама, индийского посланника, впоследствии неоднократно копировали. По

¹ *Атманова Ю. Г.* К интерпретации терминов *чихрагушайи* и *чихранами* в могольской миниатюрной живописи // Письменные памятники Востока. Проблема переводов и интерпретации. М., 2016. С. 17–28.

² *Васильева О.* История одного поиска // Восточная коллекция. Лето 2004. С. 28–41.

мнению некоторых ученых это показывает неугасающий интерес, который вызывала эта встреча. Но так ли это на самом деле?

Известно, что альбомы с миниатюрами и каллиграфией собирали для могольских правителей начиная с Акбара, но особенно много — для Шаха Джахана (1628–58), используя в них в том числе работы, выполненные при его отце Джахангире. Часто в этот момент для них изготавливалось богато украшенное обрамление. Из этих многочисленных альбомов в первозданном виде до нас дошел только один — составленный сыном Шаха Джахана Дара Шукохом (1615–1659) альбом, ныне хранящийся в India Office Library. Еще три альбома (по именам владельцев названные альбом Минто, Кеворкяна и Вантейдж) сохранились в поздних компиляциях. При этом только альбом Минто состоит из оригинальных миниатюр: ныне он разделен и хранится частично в музее Виктории и Альберта, частично в библиотеке Честер Битти в Дублине. Два других альбома (сейчас они в музее Виктории и Альберта и в музее Метрополитен) были сильно разбавлены копиями более ранних миниатюр, выполненными в XIX в.³ Доподлинно неизвестно, в какое время эти альбомы были составлены, однако мы знаем, что первые значительные потери могольской живописи связаны с вторжением Надир Шаха в 1737 г. — тогда была утрачена большая часть сокровищницы. Вероятно, именно в этот момент исчезла печать Джахангира, которая потом появляется на поздних работах в компилятивных альбомах⁴. Учитывая широкую популярность альбомов-*муракка* естественно, что миниатюры наиболее удачных из них копировали и (часто вперемешку с действительно старыми) формировали из них новые альбомы — это происходило вплоть до XIX в. К примеру, «Встреча шаха Аббаса и хана Алама»⁵ из собрания музея Виктории и Альберта по мнению некоторых исследователей⁶ является типичной подделкой, характерной для альбомов Вантэйдж и Кеворкяна. Ее выдают светотени, выполненные тонкими линиями — характерное заимствование из европейской гравюры того времени. При этом копировали, судя по всему, непосредственно с описанной выше подписанной работы Бишан Даса. Эта ситуация провоцирует путаницу с датировками, ведь многое зависит и от качества копии и степени свободы художника, который ее выполнил. Например, довольно поздняя копия Бишан Даса из собрания Гарварда⁷ остается датированной XVII — XIX вв., хотя на взгляд автора ее смело можно датировать XIX в. Рассмотрим эти миниатюры подробнее.

³ Jones M., Craddock P. T., Barker N. Fake? The Art of Deception. University of California Press, 1999. P. 229

⁴ Ibid. P. 230.

⁵ Victoria and Albert Museum. Инв. IS.219–1951.

⁶ Ibid.

⁷ Harvard Art Museums. 1984.855.

Работу Бишан Даса из Музея изящных искусств Бостона¹ (ок. 1650 г.) интересно сравнить с миниатюрой из собрания музея Виктории и Альберта² (датирована 1800 г.). Как уже упоминалось выше, вторая очевидно является копией первой. Интересно, что бостонская вещь происходит из коллекции русского собирателя Виктора Голубева, жившего в Париже³. На обеих миниатюрах практически идентично выполнены центральные персонажи: хан Алам имеет характерный тюрбан, темную куртку на пуговицах и полосатый кушак, за который заправлен короткий кинжал. Шах Аббас в зеленой куртке и высоких сапогах протягивает Аламу вино. При этом в если в бостонской миниатюре между пиалой и протянутыми навстречу руками Алама остается некоторое расстояние, то в лондонской их руки соприкасаются. Отметим и такую деталь, как перчатки на руках представителей иранской стороны, в том числе шаха. В целом, ничего удивительного в этом нет, учитывая, что дело происходит во время соколиной охоты. Есть мнение, что изображение «черных рук Аббаса» на могольской миниатюре (и у Бишан Даса в частности) говорит о его якобы «черных, нечистых намерениях» — имеется в виду захват Кандагара⁴. Нам кажется, что изображение рук в перчатках может говорить в большей степени о его любви к охоте. На бостонской миниатюре в перчатки одет только сам шах и его спутник, на лондонской шах, двое его спутников в левой части рисунка, а также их получает один персонаж в белом в правой части, со стороны хана Алама. На этом персонаже интересно остановиться подробнее: это Сару Таки (Мирза Мухаммад Таки), сохранился его портрет кисти Бишан Даса и черты лица весьма узнаваемы. Он был очень влиятельным иранским вельможей, правителем провинции Мазендаран. Его появление здесь не случайно — считается, что изображен именно момент совместного выезда шаха и посла на охоту в Фарахабад в Мазендаране⁵ в 1618 г. В обеих сценах Сару Таки располагается в нижнем правом углу и портретное сходство очевидно как в миниатюре 1650 г., так и в миниатюре 1800 г. Если последняя является копией, то это копия, прекрасно выполненная непосредственно с оригинала.

Одно из наиболее ранних изображений этой встречи находится в коллекции Британского музея⁶. Оно выполнено не могольскими художниками и проис-

¹ Museum of Fine Arts. Инв. 14.665

² Victoria and Albert Museum. Инв. IS. 219–1951.

³ Подробнее см. Paull, Florence Virginia. “The Goloubew Collection of Persian and Indian Paintings”. *Museum of Fine Arts Bulletin*. Vol. XIII. No. 74. (February 1915). 1–16.

⁴ Атманова Ю. Г. Прославление падишаха Джахангира: культурно-исторический и политический контекст могольского визуального панегирика. // ПРАЭНМА. 2016. 2 (8), с. 53–80.

⁵ Masters of Indian Painting. 1100–1650. Artibus Asiae Pub., 2011. Vol. II. P. 271.

⁶ The British Museum. Инв. 1974.0617.0.2.4.

ходит из альбома, переданного в музей в 1753 г. одним из его основателей, сэром Хансом Слоаном. Альбом помимо изображения посольства содержал портреты деканских правителей, а также портреты шаха Аббаса II (1642–1666) и Сулеймана I (1666–1694). Эта миниатюра разительно отличается от остальных, хотя в ней соблюдены все формальные признаки изначальной композиции Бишан Даса. Вероятнее всего, она была выполнена в Голконде в конце XVII в. Голконда в то время проводила самостоятельную внешнюю политику и даже посылала собственное посольство к шаху Аббасу. Здесь мы ясно видим, что описываемый сюжет привлекал внимание не только художников *китабхане* падишаха. В мастерских региональных правителей его копировали в свойственной им манере. Здесь основное поле миниатюры осталось незаполненным, на нем свободно располагаются три фигуры — Аббас, Алам и наиболее устойчивый (происходящий с миниатюры-первоисточника) образ — юноша, держащий флягу с вином за спиной шаха. Судя по их расположению, первым рисовали центрального персонажа, шаха, а остальных позже — Хан Алам едва уместился в живописном поле, а у слуги отсутствуют скрытые непропорционально огромным колчаном ступни, отчего ноги выглядят неестественно короткими.

В репликах этого сюжета XVIII в. мы видим нарастание стаффажа — вокруг, как в миниатюре из собрания ГМВ (1715 г.) и из собрания Британского музея (ок. 1800 г.), располагаются музыканты, свита, сопровождавшая шаха на охоте, на дальнем плане слуги держат под уздцы коней. Композиционно эти две миниатюры наиболее близки, однако есть и принципиальные отличия. Наиболее интересное из них — нимб над головой шаха Аббаса в лондонском варианте. Этот элемент выделения царственной особы в живописи начинает активно использоваться во времена Джахангира — однако заметим, что на миниатюрах Бишан Даса этот элемент еще отсутствует, да и в современной иранской миниатюре такой традиции не было. Московская миниатюра в целом аскетичнее — спутников ожидают четыре коня весьма натуралистичных расцветок, тогда как в британском варианте кони раскрашены очень декоративно и вне всякого соответствия с их природой. При этом черты лица хана Алама на британской миниатюре (впрочем, как и на нашей — отчасти) наводят на мысли о том, что они скопированы с других рисунков, не имеющих отношения к сюжету: они совершенно разные, и каждая из них при этом портретная. Получается, что обе миниатюры являются компиляциями на заданную тему, вероятно, московская — немного более ранняя. При этом нам известно, что британская миниатюра происходит из альбома-*муракка*, склеенного в виде гармошки — то есть скорее всего составленного во второй половине XVIII–XIX в.

Московская миниатюра имеет надписи по сторонам живописного поля: *«изображение хана Алама, посла Шаха Джаханана»*, *«изображение худож-*

ника Рай Бхаттачара», «изображение визиря», «прием шаха Аббаса, правителя Ирана», внизу надпись «художник Каликхрадж». На обороте надпись «раб Мухаммада» и дата 1127/1715.¹ Миниатюра из лондонского собрания тоже несет на себе надпись — только одну, и выполнена она менее профессионально, чем классический *насталик* в московской вещи. В левой части написано «Шех Аббас», в правой — «Хан Алам»².

Отметим, что обе миниатюры близки не только композиционно, но и колористически. Цветовые акценты базируются на ритме желтых и насыщенно-зеленых пятен, начинаясь двумя всплесками лимонного желтого на переднем плане: сначала в халате персонажа в нижней левой части рисунка (мы помним, что миниатюру следует читать слева направо), затем в желтом халате персонажа за спиной хана Алама. Интересно, что сидящий в желтом на британской миниатюре утратил чашу в протянутой руке, отчего его жест теряет всякий смысл, а стоящий в желтом отдал халат своему спутнику с бородой. Небольшое пятно того же цвета — тюрбан стоящего за спиной Аббаса слуги, также «перезезжает» на британской миниатюре на голову соседнего персонажа, а его бывший владелец лишается рук и получает странный предмет — нечто среднее между барабаном и щитом. Яркие цветовые пятна и кучно расположенные персонажи в ярких одеждах формируют на переднем плане своего рода обрамление центральной сцены — свободной, выполненной в спокойных тонах и с явным желанием подчеркнуть, выделить фигуру Аббаса. Он помещен на яркий квадратный ковер и по масштабу заметно больше окружающих, что дополнительно усилено высоким головным убором. Отмечу, что игру акцентов лимонно-желтого и светлого песочного цвета можно наблюдать и в миниатюре Бишан Даса, однако там она не так прямолинейна, колорит в целом более приглушенный, охристый.

«Встреча шахом Аббасом хана Алама» из Гарварда, вероятнее всего, была выполнена в XIX в. Об этом говорит заполненность, «теснота» общей композиции — придворные так плотно обступили Аббаса, что он практически сидит у одного из них на коленях. Характерен и своеобразный колорит — в светлых, пастельных тонах, и обилие ненужных подробностей, несущих скорее декоративную, чем смысловую нагрузку. И, разумеется, такие детали, как неловкий ракурс персонажей — например, троих в халатах на переднем плане, не говоря уже о сидящем к зрителю спиной человеке в синем тюрбане. Позднее происхождение выдает и светотеневая моделировка. Здесь в центре композиции находится затейливый нимб над головой Аббаса: он протягивает хану Аламу золотое яблоко.

¹ Карпова Н. К. Индийская миниатюра в собрании ГМИНВ // Научные сообщения ГМВ, вып. VIII. М., 1775. С. 83–126. С. 122.

² Благодарю за прочтение надписей О. В. Андриянову и Р. М. Шукурова.

Рассматривая представленные в собраниях ведущих мировых музеев миниатюры можно представить, как эволюционировал и развивался этот сюжет, до последнего момента не теряя осмысленности и, в целом, точности деталей. Однако можно с уверенностью предположить, что причиной его популярности стало не значение описываемого исторического события, а широкое распространение альбомов-*муракка*, мода на них и обычай непрерывного копирования старинных образцов. Для верной датировки миниатюр полезно рассматривать каждую из них в общем контексте — это поможет избежать ошибочного датирования по времени описанного события, а не дате создания, как это иногда происходит.

Кнорозова Е. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о вьетнамских традиционных энциклопедиях

В китайской литературе существовали произведения жанра *лэй шу* (букв. «книги (с распределением материала) по категориям/разрядам») — своды, энциклопедии. В отличие от европейских справочников в *лэй шу* не даются толкования отдельных понятий, а приводятся цитаты, фрагменты текстов или даже целиком небольшие произведения, в которых соответствующие слова употреблены¹.

Во вьетнамской литературе, судя по сохранившимся памятникам, подобных всеохватывающих сочинений не существовало, энциклопедические труды имели политическую направленность.

Первым таким произведением, вероятно, является свод «Записи о Небесном Юге, сделанные в часы досуга» (Тхиен нам зы ха), составленный по приказу императора Ле Тхань-тонга (годы правления: 1460–1497). Сочинение состояло из 100 томов, большая часть его утрачена.

Ле Куи Дон считал, что свод напоминал «Тун дянь» и произведения *хуэй яо*². «Тун дянь» — это «Свод уложений» Ду Ю (735–812), первая историческая энциклопедия государственного управления. *Хуэй яо* — «собрания важнейших сведений о династии» — один из жанров китайских исторических трудов, относящихся к категории *чжэн шу* (книги о делах правления). Они содержали установления, определявшие функционирование государственного механизма в период правления той или иной династии³.

¹ Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: Вост. лит., 2009. 935 с. С. 544.

² Lê Quý Đôn. Đại Việt thông sử (Сводная история Дайвьета) // Toàn tập. Hà Nội: Nhà xuất bản khoa học xã hội, 1978. Т. 3. 402 tr. Tr. 102.

³ Доронин Б. Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с. С. 144.

В настоящее время вьетнамские ученые располагают сочинением, состоящим из 10 томов, из них, по мнению Чан Ван Зяпа, только три — I, IX, X — могут считаться идентичными первоначальному варианту. В них входят законы, административное деления государства, регламент, устанавливающий число, титулы гражданских и военных чиновников в столице и в провинциях¹. Остальные части, вероятно, являются более поздними добавлениями. Они содержат стихи императора Ле Тхань-тонга, в том числе поэтические собрания, например, «Девять песен из сада бессмертных» (Куинь уиен кьу ка), с избранными откликами поэтов из окружения государя; сборник од-*фу* с комментариями Нгуен Чыка, куда входит, например, «Ода реке Льюнг в Ламшоне», где приводятся выдержки из раннего варианта «Правдивого повествования о Ламшоне» (Ламшон тхык лук, XV в.); «Путевые заметки о подавлении запада» (Чинь тэй ки хань), состоящие из стихов, написанных во время военной кампании против Тямпы 1470–1471 гг.; религиозные тексты, например, молитвы о дожде; литературная критика императора и придворных ученых.

Большую известность получила политическая энциклопедия Фан Хюю Тю (1782–1840) «Описание установлений минувших династий, классифицированное по родам» (Лить чиеу хиен тионг лоай ти). Автор выделяет десять важнейших сфер государственной жизни: 1) Географические записи; 2) Биографии; 3) Записи о чиновничьих должностях; 4) Записи об обрядах и церемониях; 5) Записи об экзаменационной системе; 6) Записи о государственных финансах; 7) Записи о законодательной системе; 8) Записи о военном деле; 9) Библиография; 10) Записи о международных делах. По словам А. В. Никитина, ученый вывел политическую науку из стадии накопления эмпирического материала на уровень обобщения².

Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Технологии создания личного религиозного культа в борьбе против коммунистов в горах Вьетнама по воспоминаниям участников

Большую часть своей истории люди вели ожесточенные войны друг с другом. С самого начала и до сих пор основное поле битвы этого эпического противоборства — «сердца и души» людей. В данном контексте особую роль

¹ Trần Văn Giáp. Tìm hiểu kho sách Hán Nôm (Исследование книг, написанных на китайском языке и вьетнамской иероглифической письменностью ном). Hà Nội.: Thư viện quốc gia xuất bản, 1970. Т. 1. 405 tr. Tr. 213.

² Никитин А. В. Общественно-политические воззрения Фан Хюю Тю, вьетнамского ученого-энциклопедиста к. XVIII — нач. XIX вв. Автореф. на соиск. уч. ст. к. фило-соф. н. М., 1984. 21 с. С. 10.

играли информационные технологии, с помощью которых соседние племена и народы приобретали образ друзей, союзников или врагов. В информационных технологиях по праву наиболее эффективными считаются религии.

По мере развития цивилизации, особенно в период Великих географических открытий, религия (прежде всего католицизм) стала играть важную роль в превращении сугубо колониальных войн в цивилизационные, в ходе которых туземное население подлежало дегуманизации и истреблению, а местные цивилизации подлежали жесткой зачистке. По мере расширения колониальных захватов в связи с нехваткой наемников стало очевидным, что наиболее рациональной стратегией поведения завоевателей стала католизация — обращение в католицизм местных жителей, которые после изменения религиозной идентичности становились послушным орудием в руках католических миссионеров в деле захвата их стран. Участие католических прелатов в колониальных войнах нанесло тяжелый удар по имиджу католической церкви. Однако проблема подавления сопротивления не была решена окончательно. Католики были опорой колониальных властей, тогда как не охваченное католицизмом население становилось питательной средой для революционных идей.

Для подавления новой угрозы колониальные спецслужбы стали использовать новые религии или религиозные секты, которые были свободны от ограничивавших свободу рук репутационных вопросов, характерных для традиционных религий. Эту роль стали выполнять секты Каодай и Хоахао, а также криминальная организация Биньсюен. Таким образом колониальные власти получили в свои руки надежный и безотказный инструмент жесткого решения тонких вопросов чужими руками. При этом колониальные спецслужбы закулисно управляли местными подопечными, одновременно создавая для них среди местного населения образ патриотов, которые борются с колонизаторами.

Следующий этап связан с технологиями нового поколения, для которых характерно создание открытого и публичного личного религиозного культа офицера иностранных спецслужб, которому непосредственно поклонялись представители реликтовых этносов в горах Восточного Индокитая. Именно изучению данного феномена и посвящен данный доклад.

В бурной истории индокитайских войн имеются весьма интересные, но мало изученные эпизоды идеологического и религиозного противоборства на вспомогательных театрах военных действий, прежде всего в горах, населенных национальными меньшинствами.

В нашем распоряжении имеется монография Фрэнка Уолкера «Тигр Вьетнама. Вьетнамские горцы сделали его полубогом. ЦРУ хотело убить его. Замечательная правдивая история австралийского героя войны Барри Петерсена»¹,

¹ *Walker F. The tiger man of Vietnam. The Vietnamese hill tribes made him a demi-god. The CIA wanted to kill him. This is the remarkable true story of Australian war hero Barry Petersen.* Sydney: Hachette, 2009.

написанная на основе общения с самим героем повествования, подполковником австралийских спецслужб.

Американские спецслужбы направили в провинцию Даклак способного австралийского офицера разведки, который, получая американское финансирование, настраивал местных горцев воевать с вьетнамскими коммунистами. Он, в отличие от вьетнамцев и американцев, с уважением относился к горцам, чье поведение действительно было весьма своеобразным.

По ряду причин данная проблематика не получила должного внимания в историографии американской войны во Вьетнаме. Однако существует литература, в которой превозносятся успехи австралийского офицера, который даже удостоился эпитета «Лоуренс Аравийский вьетнамских гор».

Котин И. Ю. (МАЭ РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Ранние английские «Истории Индии» глазами современных индийских и российских историографов.

Одним из первых, а возможно, первым крупным историческим трудом по истории Индии на английском языке стала работа Александра Доу «История Хиндустана», изданная в Лондоне в 1769–1970 гг. (2-е издание в 3-х т. — в 1772 г.), начатая как переложение исторической хроники Мухаммада Касима Феришты, но переработанная Доу и снабженная его соображениями по поводу особенностей исторического процесса в Индии. За трудом Доу последовали работы Роберта Орма, Джона Бриггса, Дж. Глейга. Особую роль в качестве исторического исследования, теоретического труда и учебника сыграла работа Джеймса Мила «История Британской Индии», вышедшая в 6 томах в 1818 г. и за десять последующих лет выдержавшая еще два издания. В значительной степени полемизируя с Миллом создавал свои труды Маунтстюарт Эльфинстон (1779–1859), а Г. Г. Уилсон, издавший комментированный и дополненный труд Милла, взял на себя труд полемизировать с ним даже в комментариях. Тем не менее, труды Доу, Орма, Глейга, Бриггса и особенно Милла оставили неизгладимый след на последующих авторов, таких как В. Смит, издавший в 1904 г. «Раннюю историю Индии» и в 1909 г. — «оксфордскую историю Индии», до сих пор остающиеся учебниками в школах и университетах Индии. Индийские историографы Дж. Гревал и И. Сридхаран, отдавая дань ранним историям Индии английских авторов справедливо критикуют их. То же делают и российские историки истории Индии Е. Ю. Ванина и Л. Б. Алаев, чьи точки зрения на труды Доу, Бриггса, Глейга, Милла, Эльфинстона рассматриваются в данном докладе.

Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С.
(МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

И. П. Минаев как зачинатель и пропагандист русской этнографической индологии

Этнографическая дисциплина занимает особое место среди других индологических дисциплин: она использует методы и цели, отличающие ее от собственно исторического и от филологического направлений индологии. Смыслом и конечной целью этнографического исследования является не показ отдельных граней традиционной культуры, а создание целостного культурного «портрета» того или иного народа (народов). Этнографа в равной мере интересуют духовная культура, традиционное мировоззрение, религия и верования, моральные и эстетические установки, исконная система жизнеобеспечения, материальные проявления культуры, общественные устои и законы. Так или иначе, затрагивает этнограф и вопросы происхождения народа, его истории, комплекс художественных ремесел и искусств, фольклора и литературы.

Начало этнографического изучения народов Южной Азии в России связано с именем Ивана Павловича Минаева (1840–1890). Именно Минаев призывал к изучению не только древних языков и религий народов Индии и соседних с ней стран, но и их «новой» жизни, «живой» реальности — современных аспектов бытия, живых языков, традиционных форм в укладе жизни. Он сам уделил немало внимания, во время своих путешествий в Индию, Непал, на Цейлон (ныне Шри Ланка), подлинно этнографическим наблюдениям, отвел немало страниц в собственных трудах этнографическим описаниям увиденных им стран и народов.

Минаев обоснованно считается родоначальником русской индологической школы: разносторонность его научной деятельности в области индологии, широта и глубина его интересов, фундаментальность в исследовательской и преподавательской деятельности, открытие множества новых направлений в индоведении навсегда укрепили за ним это место в российской науке. Минаев был всемирно известным буддологом и индологом-лингвистом, его интересовали история и общественное развитие, экономика и другие аспекты бытия изучаемых стран и народов.

И. П. Минаев фактически был и первым у нас профессиональным индологом — «полевиком»: он совершил три путешествия в Индию: в 1874–1875, в 1880 и в 1885–1886 гг. (в ходе этих поездок он в разное время посетил также Ланку, Непал и Бирму), запечатлев свои непосредственные наблюдения в книге очерков и в дневниках. Он был крупнейший знаток религий *Индии* (в давнем, широком значении слова, подразумевающим регион, который ныне называется Южной Азией), а также ее географии, истории, древних языков и литературы. Сверх этого Минаев с пристальным интересом вглядывался в современ-

ную ему жизнь многоэтнического региона, исследовал сам и призывал других всесторонне изучать быт и культуру его народов, местные народные традиции или, как он сам говорил, «живую Индию».

Будучи во всех отраслях затронутых им дисциплин всегда на уровне последних достижений современной ему европейской индологии, Минаев во многом заложил те подходы, которые стали неписаными законами для всех последующих поколений российских индологов, в том числе индологов-этнографов. Для российского индоведения, особенно в Петербурге, само употребление термина *этнография*, под которой понимается наука, посвященная совокупному и комплексному исследованию этнических традиций в области духовной, социальной и материальной культуры, является тоже давней традицией; и этот термин употреблял Минаев. Он сам всячески способствовал развитию этнографической науки в России: был активнейшим членом этнографического отделения РГО, составлял его этнографические программы, принимал деятельное участие в создании журнала «Живая старина».

Минаев неоднократно подчеркивал, как важны и занимательны для него проблемы этнографии, и старался привлечь к ним будущих исследователей. Из путешествий он вывез и умело составленные коллекции — из приобретенных на собственные средства рукописей, книг и предметов искусства и этнографии.

Для его научного метода характерны: комплексный подход к изучению этнической специфики культуры; при внимании к отдельному факту — стремление к генерализации знаний об изучаемых народах. Изучение местных языков (как классических, так и живых) он полагал необходимым условием для постижения образа мыслей местного населения и знакомства с первоисточниками по истории религий, мифологии и других местных отраслей знаний. Проявляя уважение к чужим традициям и интерес к «объекту изучения» не только научный, но и гуманистический, он стремился к грамотной и широкой популяризации полученных научных знаний.

Заметим, востоковед не может не быть одновременно и этнографом: никакие исследования в области восточной культуры не будут полноценны и адекватны, если ученый не осведомлен в исконных традициях мировоззрения и образа жизни народа, который он изучает. Минаев и здесь служит нам образцом.

Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва)

Источники и методология исследования экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии

В последние пару десятилетий, особенно во второй декаде XXI века, активизировался процесс интеграции стран Юго-Восточной Азии, который

институционально реализуется в рамках региональной организации — АСЕАН. Формально его пиком стало образование в декабре 2015 г. Сообщества АСЕАН из трех составных частей — в сфере политики и безопасности, экономики и в социально-культурной сфере. Экономическое сообщество (ЭСА), по нашему мнению, заслуживает особенно пристального внимания, т. к. механизмы и предпосылки экономической интеграции созрели в наибольшей степени, подталкивая объединительный процесс в ЮВА. В то же время тема *формирования ЭСА* — достаточно нова, для российского обществоведения это пока «белое пятно», требующее скорейшего раскрытия. Нами проведено первичное исследование данной темы, и в настоящем докладе представлены его теоретические аспекты, методология и источники.

Методология исследования

Теоретической и методологической основой исследования послужили работы зарубежных и отечественных ученых по проблематике международной экономической интеграции, а также правовые документы и соглашения, принятые в рамках АСЕАН.

С концептуальной точки зрения мы стремились выявить характеристики и модель экономического сближения в ЮВА. Это важно и теоретически, и практически, поскольку аналогичные процессы разворачиваются в других регионах мира. Не случайно экономические теоретики АСЕАН были под сильным влиянием проводников аналогичной политики в других регионах мира. Понять сущность и перспективы той или иной модели крайне важно и для принятия решений на национальном уровне, и для прогнозирования международных процессов.

Методологически также очень важен вопрос о соотношении процессов глобализации и регионализации. Мы наблюдаем, что по мере углубления первых активизируются вторые. По нашему убеждению, налицо спонтанная замена прежней доминанты, господствовавшей после крушения социализма около 30 лет, на новую, и это тенденция мирового развития. Попытки США навязать свое доминирование силой остальным странам, встречают растущее сопротивление, что очевидно на примере России. Многие государства и регионы осознают отличие своих интересов от американских и возражают против подмены национальных ценностей универсальными. Нарастающая угроза возврата к холодной войне между Западом и Востоком (в лице Китая, России и их союзников) разрушает однополярный мир, усугубляя эту тенденцию. Ее также стимулировал глобальный экономический кризис, самый сильный с 1930-х годов. Он порожден передовым Западом — основным бенефициаром процесса глобализации. В этих условиях любая форма объединения усилий стран, связанных общими интересами, географией, культурой и т. п., полезна, востребована и требует научного анализа.

Развернувшиеся в АТР, как мегарегионе, который включает различные группы стран и континенты, интеграционные движения сосредоточены в силу этого в отдельных «ячейках». Они протекают в форме создания зон свободной торговли и иных объединений-блоков на основе комплексного экономического взаимодействия. Таким образом, либерализация торговли и иных хозяйственных связей создает обратный стиранию всяких барьеров эффект, порождая потребность в экономическом объединении. Столкновение этих трендов и производных эффектов в АТР пока недостаточно осознано и изучено в мировой науке.

Элементы исследования

В центре исследования были значение, история и мотивы формирования ЭСА. История отсчитывается от создания Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) и фиксируется соглашениями о либерализации торговли товарами, услугами, движения капитала и рабочей силы, защите прав интеллектуальной собственности и т. д. Образование ЭСА представляет собой одновременно и экономический, и стратегический проект. В качестве мотивов фигурируют преодоление текущих проблем, создание объемного и привлекательного для ПИИ рынка, подъем конкурентоспособности экономик региона. Учтены также углубление интеграционных процессов в Европе и Америке, активизация и унификация системы международной торговли. Цель нового проекта стран АСЕАН — до 2925 г. создать высоко конкурентную экономику с единой производственной базой и открытой торгово-инвестиционной системой.

АСЕАН двигают и геостратегические соображения. Стремясь быть экономически единой, сильной и устойчивой, она пытается закрепить за собой роль «строителя мостов» в масштабах всей Азии. Благодаря общему экономическому пространству, миру и стабильности в ВА предполагается добиться осуществления адекватных интеграционным задачам политических реформ, региональную идентичность. Строительство сообщества призвано способствовать преодолению текущей геополитической незащищенности АСЕАН, вызванной борьбой интересов в Азии крупных держав, разрешению обострившихся территориальные споры в Южно-Китайском море.

Раскрытию темы служит анализ правовых аспектов формирования ЭСА, позитивных сторон и проблем экономического сближения. Среди первых программный документ всей организации «Видение АСЕАН 2020», Дорожная карта (Blueprint) формирования экономического сообщества, Хартия АСЕАН 2008 г. Двигателями хозяйственного роста здесь считаются демографическая структура, богатые природные ресурсы и капиталоемкие отрасли промышленности, высоко конкурентная производственная база и расширяющаяся инфраструктура, развитие образования и медицины.

К недостаткам, сдерживающим процесс интеграции, относятся различия ее участников и сложность принятия ими общих решений, приближение многих к «ловушке среднего уровня развития». Также признаются медленное продвижение нововведений, старение общества, слабая институциональная структура, сильная зависимость экономик АСЕАН от внешней среды.

Представлены основные направления и задачи интеграции, образующие программу создания ЭСА. Ею предусмотрено создание четырех составных частей или «опор» сообщества. Первая из таких опор — образование общего рынка и производственной базы, чтобы реализовать задачи либерализации экономик. Второе условие — превращение ЮВА в конкурентоспособный регион. В этой части решаются задачи создания стандартов конкурентной политики, защиты потребителя и прав интеллектуальной собственности, развития инфраструктуры. Сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития стран ЮВА — еще одно неотъемлемое условие создания ЭСА. Задача решается, в частности через поддержку малого и среднего бизнеса. Четвертая основа — интеграция в глобальную экономику на основе согласованного подхода к внешнеэкономическим связям и растущего участия в международных производственно-распределительных сетях.

Материалы исследования

Исследование в значительной мере построено на самых свежих публикациях авторитетного аналитического центра АСЕАН — ИСЕАС (ISEAS) в Сингапуре. В них отражены опыт практической работы и оценки ведущих экспертов этой организации. В частности, реалии построения ЭСА и сопутствующие мифы раскрывают коллективные работы этого института под общей редакцией Родолфо Северино, Санчиты Басу Дас, Джайанта Менон и Там Сиеу Йен¹.

Приняты во внимание взгляды и позиции вьетнамских ученых, которые абстрагируются от оценок ситуации на конкретный момент и сосредоточены на самом процессе, видя в нем хорошие перспективы. Эти взгляды изложены в профильных изданиях Вьетнама, прежде всего в журналах «Экономические исследования» (ВАОН), «Экономическое развитие» (Гуманитарный университет г. Хошимина), материалах Института экономической политики (Гуманитарный университет Ханоя). В России вьетнамскими аспирантами защищен ряд кандидатских диссертаций по тематике АСЕАН. В этих работах акцентированы роль АСЕАН в регионе, влияние на нее мировых процессов, участие СРВ в Ассоциации и другие аспекты².

¹ The 3-rd ASEAN Reader (2016), The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality (2016), The ASEAN economic community. An economic and strategic project (2016).

² Данг Май Ань (2012). Пути и методы активизации привлечения прямых иностранных инвестиций в странах АСЕАН в условиях глобализации на примере СРВ; Ле Ань Куан (2011). Тенденции макроэкономического развития стран АСЕАН в период мирового

В нашем исследовании нашли отражение разработки по теме АСЕАН российских авторов, хотя они не охватили ЭСА. К ним относятся диссертационные труды и публикации И. С. Троекурова, И. П. Сергуна, К. Ю. Мурадова¹. Отдельные аспекты процесса экономической интеграции в ЮВА осветили ученые ИМЭМО — Е. А. Канаев, А. А. Рогожин и другие². Первый опыт комплексного анализа идущих в ЮВА процессов представлен в коллективной монографии сотрудников ИДВ РАН, в которой показан и ход интеграционных процессов (Г. М. Локшин). В статьях В. М. Мазырина рассмотрены вопросы современного экономического развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии³. В ИСАА МГУ под руководством автора подготовлена магистерская диссертация А. М. Дементьевой «Формирование Зоны свободной торговли стран АСЕАН (АФТА) и участие Вьетнама» (2012).

Автор также опирался на работы более общего характера. Это труды Малетина Н. П., заложившего основы изучения АСЕАН, как организации, на протяжении первых 40 лет. Важным источником информации о положении в странах ЮВА послужил журнал ИВ РАН «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», выходящий с 2003 г. Содержательный анализ ключевых параметров двустороннего сотрудничества дал Центр АСЕАН МГИМО МИД в коллективном труде, выпущенном на английском языке совместно с ISEAS⁴. При поступательном расширении базы данных и оценок АСЕАН в целом российские ученые только подходят к концептуальному осмыслению данной темы, и исследование процесса экономической интеграции стран ЮВА в рамках ЭСА поможет этому.

Теоретические основания исследования

Теоретическую основу настоящего исследования составили популярные концепции, которыми объясняется необходимость расширения торговли

финансово-экономического кризиса; До Суан Хьонг (1997). Экономическая интеграция стран Юго-Восточной Азии на современном этапе.

¹ *Троекурова И. С.* Проблемы расширения внешнеэкономических связей России в АТЭС, М., 2010; *Сергун И. П.* Перспективы участия России в интеграционных процессах в Юго-Восточной Азии: на примере опыта создания зоны свободной торговли Китай — АСЕАН, М., 2013; *Мурадов К. Ю.* Экономическая интеграция стран-участниц АСЕАН в 1990–2000-х годах: оценка и критерии эффективности», М., 2005.

² *Рогожин А. А.* Экономическое сообщество АСЕАН на пути к созданию единой региональной энергосистемы // Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Вып. 32. М.: ИВ РАН, 2016. С. 24–34; *Канаев Е. А., Родосская М. А.* АСЕАН как «движущая сила» РВЭП // Юго-Восточная Азия. Указ. соч. М.: ИВ РАН, 2016. Вып. 33. С. 10–27.

³ АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы. Отв. ред. Г. М. М. Локшин: ИД «Форум», 2010.

⁴ ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Ed. by Sumsky V. and Hong M. Singapore: ISEAS, 2012.

и других форм экономического взаимодействия вне рамок отдельных стран. Во-первых, это теория экономической интеграции, сформулированная еще в 1960-е годы. Один из ее родоначальников Бела Балаш трактовал интеграцию просто как «отмену дискриминации внутри определенной зоны»¹. Позднее она стала отождествляться с понятием регионализма, например Мэнсфилдом и Мильнером, которые определили 4 этапа развития интеграции, начиная с XIX века. Последний этап, называемый ими «новым регионализмом», длится с 1990-х годов и характеризуется как «направляемый государством ответ на глобальную конкуренцию»². Грюгель уточняет, что таким образом власти «стремятся решать ряд социально-экономических проблем, порождаемых глобализацией»³. С приведенными определениями трудно не согласиться.

Особенно этот подход актуален для малых экономик АСЕАН, которым сложно выдерживать давление глобализации на национальном уровне. Миттельман добавляет, что, ведя острую конкуренцию за иностранные инвестиции с целью поддержать внутреннее производство, государства вынуждены сотрудничать, чтобы создать более широкое рыночное пространство⁴. Решение строить ЭСА, по определению Каваи и Хью, объективно обусловили глобальные процессы, которые подтолкнули 10 стран ЮВА ускорить экономическую интеграцию⁵. Это, прежде всего, Азиатский финансовый кризис, заставивший страны АСЕАН осознать важность коллективных экономических механизмов для региональной стабильности и предотвращения новых кризисов. Вступление Китая в ВТО и его быстрый рост как привлекательного рынка и производственной базы также принудили их теснее кооперироваться. Значит, движение в сторону интеграции было продиктовано не только экономическими причинами, но и политическими, стратегическими императивами, требовавшими действовать согласованно. В этой связи экономическая интеграция АСЕАН часто рассматривается как проводимая государством (сверху), а значит имеющая недостатки в виде ограниченного участия местного бизнес сообщества снизу, что способно замедлить интеграционный процесс⁶.

¹ *Balassa, Bella*. The Theory of Economic Integration. Illinois, 1961. P.1.

² *Mansfield, E. D. and Milner H.* The New Wave of Regionalism // International Organization, 1999, vol. 53, n. 3. P. 589–627.

³ *Grugel, J. B.* New Regionalism and Model of Governance // European Journal of International Relations, 2004, v. 10, n. 4. P. 604.

⁴ *Mittelman, J. H.* The Globalization Syndrome: Transformation and Resistance. New Jersey, 2000. P. 85.

⁵ *Kawai, Masahiro*. East Asian Economic Regionalism: Progress and Challenges // Journal of Asian Economies, 2005, v. 16, n. 1. P. 29–55; *Hew, D.* Brick to Brick: The Building of an ASEAN Economic Community. Singapore, 2007.

⁶ См. *Sally, R.* Free Trade Agreements and the Prospects for Regional Integration in East Asia // Asian Economic Policy Review, 2006, v. 1, n. 2. P. 306–321; *Terada Takashi*. Competitive Regionalism in SEA and Beyond: Role of Singapore and ASEAN // Competitive Regionalism: FTA Diffusion in the Pacific Rim. England, 2009.

Эти трактовки вступают в определенное противоречие с классической теорией международной торговли, которая призывает к ее либерализации в противовес протекционизму. Го Кен Сво подчеркнул актуальность данной задачи еще в 1995 г.¹ Получается, что защита национальных интересов коллективными усилиями на региональном уровне вполне закономерна, хотя расходится с неолиберальными постулатами.

Торговая либерализация, как ключевая идея экономического мейнстрима, требует отказа государств от защиты национального производителя. При создании зоны свободной торговли необходимо убрать таможенные и иные барьеры, мешающие ее действию. Вместе с тем, как известно, протекционизм по-прежнему востребован в мире, практикуется не только странами АСЕАН, но, как показывают призывы нового президента США Д. Трампа, и самими Соединенными Штатами. Из этого следует, что торговая либерализация будет иметь известные пределы и ограничиваться региональными, а то и субрегиональными рамками, удовлетворяя нужды наиболее взаимосвязанных экономик. Данный вывод подтверждается неудачным опытом образования в 2016 г. Транстихоокеанского партнерства, ставшего примером «забегания вперед» в деле торговой либерализации с замахом на трансконтинентальный масштаб и наднациональные механизмы управления.

В поисках выхода из данного противоречия западные теоретики выдвинули концепцию открытого регионализма, определяющую принципы работы АСЕАН, что важно в контексте нашего исследования. Эта концепция предусматривает одновременно с укреплением внутренних взаимосвязей также развитие взаимодействия с партнерами вне рамок Ассоциации. Данная концепция – попытка поддержать идеи глобализации при реальном отходе от нее в сторону регионализма. Региональная открытость ЮВА реализуется до известной степени, поскольку прием в члены Ассоциации закрыт с 2000 г. — в основном в форме диалогового партнерства с ведущими соседями в регионе. Такой тип регионализма предполагает возможность открытой конкуренции и политического, тем более экономического, влияния этих стран.

Ввиду повышенной заботы членов АСЕАН о своем национальном суверенитете, открытость в условиях глобального финансового кризиса и распространения его последствий с Запада на Восток стала подвергаться в ЮВА сомнению. Сегодня обсуждается необходимость «отцепления» или ослабления зависимости экономик стран региона от США, ЕС и т.п., чтобы избежать распространения создаваемых ими «инфекций»². Значит, АСЕАН практикует

¹ *Goh Keng Swee*. Regional cooperation in Southeast Asia // *The Economics of Modernization*. Singapore, 1995. P. 105.

² *Menon J. and Thiam Hee Ng*. Challenges facing a globally connected ASEAN // *Global Economic Uncertainties and South East Asian Economies*. Ed. By S. Chirathivat, Ch. Sabhasri and A. Chongvilaivan. Singapore: ISEAS, 2015. P.1, 5. *Мазырин В. М.* Экономика

регионализм в пределах своих интересов, и по нашему мнению, делает это правильно. Здесь нет никакого противоречия, т. к. рост открытости равнозначен усилению зависимости.

Необходимость интеграции основывается и на теоретических посылах доклада Кансу (Kansu Report), изданного в 1970-е годы, согласно которым экономическое сотрудничество помогает прогрессу индустриализации, что согласуется с опытом стран ЮВА. На примере Вьетнама данный тезис был доказан на опыте его вступления в СЭВ в 1977 г., которое обеспечило ускоренное развитие промышленности и аграрного комплексов в рамках разделения труда со странами социалистического содружества. Хотя этот опыт не был завершен, мы воспринимаем данную закономерность как универсальную, а не действующую исключительно в системе капитализма.

Глубинную общую закономерность выявляет теория повышения эффективности экономики по мере расширения масштабов производства и рынка («эффект масштаба»). Она нашла подтверждение в практике АСЕАН, при создании зон свободной торговли с другими странами АТР по формуле «АСЕАН плюс 1». Выполнение отдельных совместных проектов, затем промышленная кооперация и, наконец, создание единых производственных цепочек в рамках ЭСА постепенно усиливает этот эффект.

Из обзора теоретических оснований нашего исследования следует, что концепции экономической интеграции, проповедуемые господствующей школой неоллиберализма, не дают достоверного объяснения протекающих сейчас в ЮВА процессов и требуют существенной корректировки. Мы видим правоту аргументов неомарксистской школы и разделяем кардинально новые подходы теории сложности или кибернетической эпистемологии, которая выдвинута С. И. Кретовым в рамках методологии политической экономии¹.

Итоги исследования

Как показало проведенное исследование, происходящие сегодня в ЮВА процессы представляют собой скорее *кооперацию*, т.е. взаимодействие государств и хозяйствующих субъектов в общих интересах на определенной территории. По сути, это предшествующая стадия или более простая форма сотрудничества. Интеграция является для АСЕАН лишь перспективой, к которой может привести углубляющийся процесс экономической кооперации и ее институционального оформления. Такое понимание принципиально отличается от

Юго-Восточной Азии после глобального кризиса // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, № 29, 2015. С. 60.

¹Кретов С. И. Шестой технологический уклад, кибернетическая эпистемология, политическая экономия и мейнстрим // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 6 (388). Экономические науки. Вып. 53. С. 7–18.

приведенного выше (в духе регионализма) и, на наш взгляд, является научно более точным и объективным.

Из данного объяснения следует, что интеграция стран АСЕАН ведется по иной *модели*, чем уже действующие в Европе и в Евразии. Как признают специалисты Ассоциации, они не копируют при формировании ЭСА опыт европейской интеграции (ЕС, ранее ЕЭС), но изучали и использовали его ввиду экономических и других успехов этого регионального объединения¹. Сходство ограничивается названием. Хотя создание ЭСА отвечает желанию участников развивать экономическую интеграцию, оно нацелено, прежде всего на достижение идентичности в рамках всей Ассоциации. Ожидается, что это поможет продвижению индивидуальных и национальных интересов по мере политического и экономического сближения стран-участниц, а в итоге и общему прогрессу региона.

Во многих аспектах интеграция в ЭСА отличается от ЕС, исходит из особенностей экономического и культурного развития ЮВА. Европейский союз является группой государств, граждане которых могут жить, работать и учиться в любой стране своего региона. Очевидно, что такая интеграция недостижима для АСЕАН сегодня и даже в ближайшем будущем, поскольку социально-экономическое многообразие участников рождает существенные противоречия. Недавний кризис в ЕС и выход Британии из состава союза — четкий сигнал того, что цели такого процесса должны быть реалистичными. Перспектива аналогичных шагов со стороны других членов ЕС показывает, что он не может служить образцом интеграции и выявляет очевидную поспешность отказа стран Европы от национального суверенитета и базовых ценностей.

Мы видим отличие модели ЭСА также от Евразийского экономического сообщества. Конечно, лидеры АСЕАН не ориентируются на наш опыт в силу молодости Евразийского союза. К тому же ориентиры построения ЕАЭС во многом сходны с ЕС, поэтому вряд ли приемлемы для АСЕАН. Наоборот, самобытный опыт ЭСА в части умеренности, постепенности, сохранения национального суверенитета, выравнивания уровня развития и учета интересов стран-участниц поучителен для ЕАЭС.

Мельниченко Б. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Российские и тайландские издания XXI века о российско-тайландских отношениях

В XXI веке между Российской Федерацией и Королевством Таиланд установились многоаспектные дружественные отношения. Одним из примеров

¹ *Sanchita, Basu Das*. Five facts about the ASEAN economic community // The ASEAN economic community and beyond. Myths and Reality. Singapore: ISEAS, 2016. P. 59.

этих отношений могут служить государственные визиты на высшем уровне. Президент РФ В. В. Путин посетил Таиланд в 2003 г.; премьер-министр РФ Д. А. Медведев — в апреле 2015 г. Королева Таиланда Сиричит была с визитом в России в 2007 г.; премьер-министр Таиланда Прают Чан-Оча — в мае 2016 г.

В XXI в. в России и в Таиланде впервые опубликованы большие работы, рассказывающие о российско-тайландских отношениях в целом, в течение трех столетий. Здесь мы можем только назвать некоторые из них (с анализом этих изданий в выступлении на секции). В 2011 г. в С.-Петербурге вышла в свет монография Б. Н. Мельниченко и А. И. Пылевой «Россия – Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века)», научный редактор проф. В. Н. Колотов. 295 стр. Во Владивостоке в 2011 г. опубликована монография А. В. Симоненко «Таиланд — СССР: точки соприкосновения», изд. Дальневосточного федерального ун-та. 264 стр.

Посольство Королевства Таиланд в России издало в 2007 г. книгу «От друга» — к 110-летию установления тайландско-российских отношений. (223 стр.). Консульство Таиланда в Санкт-Петербурге в 2010 г. и Посольство Таиланда в Москве в 2011 г. дважды переиздали книгу Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова «Король Чулалонгкорн в России. 1897 год» (книга вышла в свет в 1997 г., речь в ней идет о визите, положившем начало дипломатических и дружественных отношений между двумя странами).

В XXI в. трижды (2000, 2002, 2011) опубликована коллективная монография «Россия и Восток», в которой имеются разделы «Россия и Сиам»; появилось много статей по истории и современному положению Таиланда; защищены кандидатские диссертации А. И. Пылевой и Е. В. Пугачевой о Таиланде; нельзя не упомянуть об огромной работе «Памятники искусства Юго-Восточной Азии» (О. П. Дешпанде, каталог коллекций Гос. Эрмитажа), Санкт-Петербург, 2016, искусство Таиланда показано на стр. 105–312; вышли в свет многие другие исследования.

Меренкова О. Н. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Банглатаун и его жители в романе Тарквина Холла «Салам, Брик Лейн: год в новом Ист Энде».

Лондонский район Ист Энд, частью которого является Тауэр Хэмлетс — место, где традиционно селились мигранты, прибывавшие в город. Именно здесь в сентябре 1997 г. состоялось торжественное открытие Банглатауна («Бенгальского города»), одной из главнейших улиц которого стала Брик Лейн (Brick Lane). Брик Лейн является продолжением Осборн-стрит (Osborn Street) и соединяет районы Бетнал Грин и Уайтчепел. Она получила свое название благодаря фабрике по изготовлению кирпичей, располагавшейся в этом районе в XVI в.

Лондонский Банглатаун, как часть Ист Энда, в настоящее время привлекает внимание исследователей, писателей и журналистов. Это совершенно особенное городское пространство, в котором отражена смена поколений иммигрантов, прибывавших сюда в поисках лучшей жизни и пытавшихся найти себя на новой для них земле. Лишь некоторая часть этих многочисленных жизненных историй нашла отражение в ряде художественных и научных произведений, опубликованных бангладешскими и английскими авторами.

Большинство бангладешцев, проживающих в настоящее время в районе Тауэр Хэмлетс, в частности, на Брик Лейн, это в основном силхетцы. Они родом из районов Балагандж, Джаганнатхпур, Гопалгандж и Бинибазар округа Силхет. Ист Энд — один из крупнейших центров концентрации южноазиатов в Лондоне.

В романе Тарквина Холла «Салам, Брик Лейн: год в Новом Ист Энде», опубликованного в 2005 г., Банглатаун предстает перед читателем как мультикультурное пространство, попадая в которое герою необходимо заново осознать свое место непривычной для него среде. Тарквин Холл — английский писатель и журналист. Он родился в Лондоне в 1969 г., но большую часть жизни провел вдали от Англии. Холл жил в Америке, Пакистане, Индии, Кении и Турции. Кроме того, в связи с профессиональной деятельностью он много путешествовал по Африке, Среднему Востоку и Южной Азии.

Помимо данного романа Тарквин Холл — автор множества статей, опубликованных в известных британских газетах и журналах. Темы его репортажей отличаются разнообразным спектром интересов: от поэзии на урду писателей смешанного британско-азиатского происхождения до эксклюзивных материалов, связанных с деятельностью Садама Хуссейна.

Роман «Салам, Брик Лейн: год в Новом Ист Энде» — третья книга писателя. В ней от первого лица автор рассказывает о том, как он провел целый год в лондонском Ист Энде, проживая на улице Брик Лейн. Холл делится с читателем своим непосредственно пережитым опытом, а также описывает окружающих его людей и действительность. Будучи не простым обывателем, а профессиональным репортером, Холл также обращается к истории этого района, в том числе и к литературным источникам прошлого, где встречаются упоминания о данном месте, например, к роману М. Твена «Люди бездны».

Многие писатели на протяжении долгих лет стремились создавать литературные шедевры на основе описания мрачных и пугающих глубин человеческого общества, но лишь немногим удавалось не только обозначить перед читателем волнующую их проблему, но и отнестись к рассматриваемым фактам без предвзятости и социальных предрассудков. Постепенно от описания жизненных историй Холл переходит к размышлению о том, что такое «английскость», и кого можно назвать настоящими англичанами. Несмотря на то, что сегодня местность вокруг улицы Брик Лейн известна под именем «Банглатаун», а местные уличные указатели продублированы на двух языках (английском и бенгальском), живущие

там бангладешцы — всего лишь новая волна мигрантов, сменявших друг друга в районе Ист Энд на протяжении долгих лет. В XVII в., спасаясь от преследования католиков, сюда прибыли гугеноты, и французский язык стал преобладать в этом районе. В XIX в. им на смену пришли евреи, а французскую речь сменил разговор на идиш. Первые силхетцы, служившие на торговых судах Ост-Индской Компании, стали прибывать в Ист Энд уже в середине XIX в. В настоящее время в данном районе бангладешцев насчитывается более 80 тыс. чел.

Роман Холла служит своего рода напоминанием о том, что каждая «волна иноземцев», когда либо прибывавшая на территорию современной Британии, внесла свой культурный вклад в то, что в настоящее время исследователи пытаются осознать как «истинно английское» и выявить некие культурные маркеры, идентифицирующие «настоящих англичан» («the English»).

Итак, рассматривая процессы адаптации бангладешцев в принимающем обществе сквозь призму авторского восприятия, с применением аналитического метода удастся подтвердить тот факт, что мигранты (бангладешцы в частности) уже стали неотъемлемой частью британского общества. Многие из них стараются приспособиться к непривычным для них условиям окружающей жизни, но при этом и сами мигранты привносят новые культурные особенности, к которым постепенно привыкает британское общество.

Москалев П. Э. (ВФ, СПбГУ)

Книга Джорджа Уильяма Скиннер «Китайская община в Таиланде: аналитическая история» как ключевой источник по истории зарубежных китайцев в Таиланде в западной историографии XX в.

На протяжении значительной части истории развития Королевства Таиланд, и особенно в период XIX–XX вв., на его территорию активно происходила иммиграция с территории Китая. По средним оценкам в 2009 г. около 14% населения Таиланда признавались лицами китайского происхождения, многие ученые считают, что фактически в стране намного больше лиц, ведущих свое происхождение от представителей китайской нации, и китайские иммигранты, а также их прямые потомки могут составлять до 40% населения страны. Учитывая данное обстоятельство, нужно отметить, что изучение истории китайских иммигрантов и их потомков, которых в научной литературе часто называют «зарубежными китайцами» (от кит. *«хайвай хуажэнь»*) в Таиланде является весьма актуальным в контексте изучения новейшей истории этого государства в целом и потому вызывает интерес исследователей из разных стран. К началу XXI в. было опубликовано несколько научных работ непосредственно посвященных различным аспектам истории зарубежных китайцев в Таиланде.

Самой первой работой полностью посвященной именно вопросам истории зарубежных китайцев в Таиланде в западной историографии стала книга американского ученого Джорджа Уильяма Скиннера «Китайская община в Таиланде: аналитическая история», впервые опубликованная в США и Великобритании в 1957 г. Этот труд, несмотря на то, что на тот факт, что в этом году исполняется 60 лет с даты его публикации, до сих пор является ключевым источником, написанном на Западе, по истории зарубежных китайцев в Таиланде.

Труд Скиннера посвящен детальному описанию истории китайской иммиграции и формирования китайской общины в Таиланде начиная с XVII в. и до середины XX в. Будучи в первую очередь китаеведом, для написания книги Скиннер использовал большое количество первичных исторических источников на китайском языке, например, династийные хроники в части взаимодействия китайских императорских династий со государствами Юго-Восточной Азии, дипломатические документы, дневники и мемуары. Кроме того, Скиннер опирался также и на письменные источники, которые создавали европейские и американские очевидцы событий истории Таиланда.

При этом, ценность работы Скиннера обусловлена также тем фактом, что он писал ее отнюдь не только опираясь на более ранние письменные источники, но он лично провел несколько лет в Таиланде в начале 1950-х гг., занимаясь полевыми исследованиями, собирая наиболее актуальный на тот период материал относительно положения китайской общины в стране, и в тех разделах книги, которые посвящены истории 1940–1950-х гг. он во многом имел возможность опираться на сведения, которые сообщали ему очевидцы соответствующих исторических событий.

Рассматриваемый труд выдающегося американского ученого является актуальным и по сей день, в особенности для современных исследователей, занимающихся изучением истории зарубежных китайцев во второй половине XX — начале XXI вв., поскольку он представляет собой не просто описательную историю, сообщающую о некоторых фактах, но является полноценным историческим анализом. Выводы к которым пришел Скиннер в своем исследовании относительно положения китайской общины в Таиланде до сих пор вызывают полемику среди ученых, и это свидетельствует о том, что они ничуть не теряют своей значимости.

Мратхузина Г. Ф. (ИМОИВ КФУ, Казань)

Историография и источниковедение как самостоятельная часть индологии: основные вехи и концепции

Сегодня актуальной задачей стало изучение истоков и закономерностей развития индологии, освоение накопленного историографического

и источниковедческого материала, развитие теоретического фундамента индологии, что позволит зафиксировать отечественный уровень осмысления проблем развития индологии в России. Важно обновить индологию новыми концепциями, пропагандировать знания об истории и культуре народов Индии. Эти научные и социально-мировоззренческие установки выявляются в исследованиях отечественных авторов по истории российско-индийских отношений.

Отечественная индология решила задачу хронологической систематизации истории российского востоковедения. Периодизация российской индологии совпадает с основными периодами эволюции этой гуманитарной науки: конец XVIII — первая половина XIX вв.; вторая половина XIX — начало XX вв.; 1920–80-е гг., постсоветский этап. За эти периоды проблема истории отечественной индологии получила многоаспектное изучение.

Наука об Индии становится объектом исследования первых отечественных историков-востоковедов. Истоки историко-научных знаний об Индии в России формируются к середине XIX в. Эти материалы отличались рациональностью построения и обоснованностью фактов. Изучение истории отечественной индологии связано с долговременной традицией, идущей от работ отечественных индологов первой половины XIX в. Первые работы, посвященные индологии в России, уже представляли самосознание науки. Связь формирующейся индологии с проблемой изучения российско-индийских отношений становится не случайной, а приобретает систематический и комплексный характер.

На рубеже XIX–XX вв. сложились историографические и источниковедческие традиции исследования истории российской индологии. Отечественная историография истории российской индологии выполнила часть стоящих перед нею задач. Были опубликованы исследования, освещающие страницы истории российской индологии. Историографический анализ показывает, что многие работы и статьи были посвящены темам, касающимся российско-индийских отношений, однако история этих отношений в исследованиях освещалась фрагментарно.

В начале XX в. сыграл роль общий для гуманитарных наук процесс смены парадигм. Исследователи овладевают новыми научными методами и оценивают историю отечественной ориенталистики как неотъемлемую часть научного знания и культуры общества. Ими сформулированы и представления о предмете и задачах, познавательной и социальной роли истории взаимоотношений России со странами Востока. Деятельность ряда известных индологов, их научное и просветительское наследие сыграли исключительную роль и составили целую эпоху в истории науки. Их труды — это обобщение ключевых итогов индологии в дореволюционной России.

Публикации дореволюционных и советских исследователей истории российско-индийских отношений основывались на оригинальных материалах. К сожалению, их вклад не был в полной мере оценен. Лишь с середины

XX в. на основе разнообразного архивного и историографического материала, рукописей и редких книг издаются сводные исследования. Систематические исследования дооктябрьского и советского периодов означали возрождение прерванных традиций отечественной индологии.

К 90-м гг. XX в. идеологический и административно-политический характер влияния марксистской методологии истории ослабевает в советской ориенталистике. В целом отечественное востоковедение и индология второй половины XX в. развивались стремительно и впечатляюще.

В последнее десятилетие XX — начале XXI вв. начинается ломка устаревших стереотипов. Оценка современной Индии связана с определением признаков ее цивилизационной, идейно-культурной самоидентификации, а также влиянием индийской культуры на мировую. В целом открылись новые перспективы современной российской индологии, ее соответствия современному уровню развития мировой исторической науки.

Новакова О. В. (ИСАА, МГУ, Москва)

***Relation* как основные источники по истории Вьетнама XVII в.**

Большую группу источников, значение которых трудно переоценить, составляют изданные в Европе печатные работы первых миссионеров-иезуитов, находившихся во Вьетнаме (в Дангчаунге и в Дангнгоае) в XVII в. Это их знаменитые «Описания» («*Relation*») — работы, через которые европейцы впервые узнали о вновь открытых землях «Восточных Индий».

Наиболее выдающиеся из них — итальянец Кристофоро Борри, авиньонец Александр де Род, генуэзец Филипп де Марини, француз Жозеф Тиссанье.

Кристофоро Борри родился в Милане в 1583 г. и скончался в Риме 24 мая 1632 г. Он работал миссионером в Кохинхине в период с 1618 г. по 1621 г. К. Борри был первым, кто написал и издал свое «*Relation*» («Описание»)¹ страны Кохинхины (Центрального Вьетнама — Дангчаунга), где была основана первая христианская миссия (1615 г.). Он дал жизнь этому жанру, до этого никем не применявшемуся. Благодаря «Описанию» Кристофоро Борри мы имеем неоценимые сведения очевидца событий того времени — о различных сторонах жизни вьетнамцев в Дангчаунге, об их духовной жизни, о деятельности самих миссионеров и методах проповеди Евангелия, о численности первых новообращенных и мотивах принятия ими новой религии и т. д.

¹ *Borri C. Relation de la nouvelle missions des Pères de la Compagnie de Jesus au royaume de la Cochinchine. Lille 1631. In-8o. 400 P. In. B. A. V. H. № 3. Juiller–sept. 1930. Les européens qui ont vu le vieux Hue: Cristoforo Borri.*

«Описание» К. Борри было издано в Европе в 1631 г. и в том же году было переведено на французский язык и опубликовано в двух городах Франции — Лилле и Ренне и имело большой успех. Этот труд состоял из двух больших частей. В первой части, содержащей 51 страницу, рассказывалось о положении «королевства Кохинхины», его материальных и земных богатствах, во второй части (156 страниц) — о духовной жизни вьетнамцев, о религиозной ситуации в стране¹.

«Описание» К. Борри может считаться образцом этого жанра. Впоследствии ему будут подражать в своих мемуарах другие европейские миссионеры и путешественники, посетившие Вьетнам в более поздние времена. Этим своим трудом К. Борри как бы наметил путь, каким затем стали следовать другие миссионеры в своих печатных трудах.

Более того, из его работы перейдут в другие определенные выражения и станут своеобразными клише с устоявшейся терминологией. Например, когда речь идет об описании той роли, которую играли слоны в армии и в гражданской жизни вьетнамцев того времени, о ласточкиных гнездах, о состоянии медицинской науки, или, когда Борри описывал ловкость и умение вьетнамских стрелков, а также различные редкие тропические фрукты, бывшие для европейцев диковинкой. «Описание» К. Борри на все времена сохранило преимущество первоисточника, где в деталях и с живостью приводятся те или иные факты или события, увиденные им своими глазами и пропущенные через себя, например, о строительстве первых христианских храмов на земле Вьетнама.

В «Описании» К. Борри остались уникальные первые наброски той письменной графики, которую он сам изобрел, сообразуясь с политонностью (6 тонов) вьетнамского языка. Он выучил вьетнамский язык, несмотря на то, что в его распоряжении было только несколько неквалифицированных переводчиков.

В целом весь стиль изложения «Описания» К. Борри пронизан юмором и иронией. Проницательный и ироничный ум образованного европейца по-своему, оригинально и нестандартно освещает и излагает события и явления нового, недавно еще никому в Европе неизвестного «королевства Кохинхина», в котором волею судеб оказался К. Борри.

К. Борри покинул Кохинхину в 1621 г. Он был шестым в списке первых миссионеров-иезуитов, посетивших Кохинхину в начале XVII в.

¹ *Borri C.* “Relation” Part II. L’état spirifuel de la Cochinchine. Chap I. // В. А. В. Н., Juillet-septembre, 1930, № 3. P. 304–428. Relation de la nouvelle missions des Pères de la Compagnie de Jesus au royaume de la Cochinchine. Lille 1631. In-8o. // В. А. В. Н. № 3. Juillet-sept. 1930. Les européens qui ont vu le vieux Hue: Cristoforo Borri. P. 419.

Пылева А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Характер и особенности взаимных отношений Таиланда с Германией и Великобританией в историческом контексте

Контакты между Сиамом (с 1939 г. — Таиланд) и Англией были установлены в 1612 г., когда в Сиам прибыло судно Английской Ост-Индской компании с письмом от короля Якова I королю Сонгтхаму, а в сиамской столице Аютии были построены английские торговые склады. В 1855 г. Великобритания заключила с Сиамом торговый договор и в Бангкоке открылось британское консульство. Дипломатические отношения между Германией и Сиамом были установлены в 1862 г., немецкие коммерсанты вели с модернизировавшимся Королевством торговые дела и помогали отстраивать инфраструктуру. Германия, в отличие от Великобритании и Франции, не имела колониальных притязаний в отношении Таиланда. Во Второй мировой войне Таиланд принял участие на стороне государств «оси». Впоследствии отношения Таиланда с Германией осложнились, но были возобновлены в 1954 г.

Великобритания и Таиланд — конституционные монархии, в которых у власти находились наиболее долго правившие в современном мире монархи — королева Елизавета II и король Рама IX (ум. 2016). В 1990-е гг. Великобритания и Таиланд выступали принимающими странами на Форуме «Азия – Европа»; министры иностранных дел и экономики Германии посещали Таиланд с официальными визитами. Однако после государственного переворота в Таиланде в 2014 г. политический диалог между Таиландом и странами Европы был приостановлен. В октябре 2015 г. посол Германии в Таиланде П. Приюгель в интервью таиландскому изданию «The Nation» коснулся проблемы политической изоляции Таиланда в связи с переворотом 2014 г., а также выборов в Таиланде, предстоящих в октябре 2017 г.

По данным «Банка Таиланда» на 2015 г., Германия является первым торговым партнером Таиланда из стран Европы, а Великобритания – третьим. Британская торговая палата в Таиланде — старейшая торговая палата в стране (осн. в 1946 г.) и самая крупная торговая палата в Таиланде из числа подобных неазиатских организаций. Германско-таиландская торговая палата (осн. в 1962 г.) — также одна из самых больших иностранных торговых палат в Королевстве. В 2003 г. Великобритания была главным европейским инвестором Таиланда; финансовые вливания в таиландскую экономику производят такие британские компании как «Shell» и «Tesco»; в работе таиландских компаний («CP Foods», «Thai Bev») заняты более тысячи британцев¹.

¹ Forward into the 5th Century of Thailand-UK Relations // GOV. UK 10. 03. 2015 // [URL]: <https://www.gov.uk/government/world-location-news/forward-into-the-5th-century-of-thailand-uk-relations> (дата обращения: 05. 05. 2016).

Для Германии Таиланд — третий торговый партнер среди стран АСЕАН. В Таиланде работают более 600 немецких компаний. Германия и Таиланд, будучи зависимыми от импорта энергии, заинтересованы в развитии ее возобновляемых источников, в связи с чем между странами активно развивается сотрудничество по защите окружающей среды.

Каждый год Таиланд посещают около 1 млн британцев, а в Великобритании проживает самая большая таиландская диаспора в Европе; 50 тыс. британцев живут в Таиланде постоянно. Около 600 тыс. немецких туристов посещают Таиланд каждый год, 30 тыс. немцев живут в Таиланде, примерно 55 тыс. тайцев живут в Германии¹.

Великобритания и Германия поощряют интерес в Таиланде к своим языкам и культурам. В Таиланде уважаем и любим британский театр, проводится Фестиваль британского кино. Популярна Английская Премьер-лига, футбольным клубом «Лестер Сити» владеет таиландский предприниматель-миллиардер; из таиландских средств спонсируются клубы «Челси» и «Манчестер Юнайтед».

В Бангкоке и Чиангмае работает Британский Совет. Тайская студенческая община в Великобритании входит в десятку самых многочисленных в стране (4400 студентов), в ведущих английских учебных заведениях получили образование представители современной таиландской политической и деловой элиты. В Лондоне, Эдинбурге, Бирмингеме, Петерсфилде можно посетить тайские храмы.

При поддержке МИД Германии в Аютии ведется реставрация храма Ратчабурана и производится оцифровка исторических рукописей на пальмовых листах из Северного Таиланда. В Бангкоке уже более 50 лет действует Гете-Институт, между немецкими и таиландскими университетами заключено 185 договоров о сотрудничестве. Таиландский филиал Немецкой службы академических обменов предоставляет стипендии студентам и исследователям из Таиланда и других стран ЮВА².

Несмотря на то, что внешнеполитический вектор современного Таиланда направлен в сторону Китая и США, европейские страны, в частности, Великобритания и Германия, имея давнюю традицию отношений с Таиландом, по-прежнему являются его важными экономическими партнерами, поставляя в страну высококачественную продукцию, а также развивают с Королевством культурно-гуманитарное сотрудничество, которое можно рассматривать и в качестве «мягкой силы».

¹ German-Thai Chamber of Commerce. May 2013 // [URL]: http://www.boi.go.th/tir/issue/201305_23_5/265.htm (дата обращения: 05. 05. 2016).

² Thailand // Federal Foreign Office. March 2016 // [URL]: http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Laender/Laenderinfos/01-Nodes/Thailand_node.html (дата обращения: 05. 05. 2016).

Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Хинду «джанаджагрути самити» на защите индусского государства

В XXI в. понятия патриотизма и национализма зачастую становятся тождественными, причем подмена понятий происходит на государственном уровне. В ряде стран, призывая к патриотизму, политические лидеры на самом высоком уровне навязывают обществу националистические взгляды. «В эпоху информационных технологий государству не составляет труда воспитывать поколения в русле угодной ему идеологии. Однако если в Европе под национализмом подразумевается защита этнических интересов, то в Индии речь идет об отстаивании религиозности, индусскости, а именно «хиндутвы»¹.

С 90-х гг. XX в. в Индии произошла смена политического курса. Индии всегда было трудно удержаться в рамках светского государства, а с приходом к власти Индийской народной партии (БДП) индуизм и хиндутва стали столпами государственной идеологии. Индусскими обрядами стали сопровождаться почти все важные государственные мероприятия. По всей Индии стали возникать общественно-политические организации охраняющие индусские традиции и культуру. В стране началось массовое переписывание исторических учебников, пересмотр археологических данных дабы подчеркнуть роль индуизма и индусских лидеров в историческом и культурном развитии страны.

Одной из самых молодых и в то же время массовых индуистских общественно-политических праворадикальных организаций является «Хинду джанаджагрути самити» (ХДС) («Ассоциация за индуистское возрождение»). Она была создана 7 октября 2002 г. Согласно лозунгам целью Джанаджагрути самити является защита индусской культуры, обучение индусов принципам индуизма и их сплочение в законной борьбе с антииндусскими и антииндийскими проявлениями в современном индийском обществе. «За создание индусского государства» — гласит лозунг на официальном сайте ХДС. Эта организация имеет разветвленную сеть местных подразделений, собственные образовательные учреждения, публикуют сотни агитационных материалов. За свою десятилетнюю историю Хинду джанаджагрути самити приостановила национализацию нескольких индусских храмов, признанных государством частью культурного наследия и наделенных особым статусом; вынудила закрыть десятки выставок картин; изъять из продажи неугодные художественные и исторические работы; запретить к показу ряд художе-

¹ Смирнова Е. В. Хиндутва в современной политике Индии // Современные тенденции развития науки и технологий. Издательство: Индивидуальный предприниматель Ткачева Екатерина Петровна (Белгород). 2015. № 6, ч. VI. С. 82–88.

ственных фильмов. По причине протестов активистов этой организации в Индии к показу был запрещен мультипликационный фильм Константина Бронзита «Божество».

Хинду джанаджагрути самити выступает за сохранение чистоты индусской культуры и недопущение христианского и мусульманского влияния. Так в 2015 г. организация выступила за закрытие католических школ, т. к. в этих учебных заведениях ученики не могут соблюдать индусских традиций. Ежегодно лидеры этого движения призывают к массовым акциям протеста в День Святого Валентина. По отношению к исламу и мусульманам в Индии Хинду джанаджагрути самити занимает праворадикальную позицию. Здесь речь идет и о переоценке мусульманского периода в истории Индии, и об открытых экстремистских антимусульманских призывах. Наибольшая активность организации сосредоточена вокруг святынь, вызывающих споры между индусами и мусульманами в силу своей значимости для обеих конфессий. Джанаджагрути самити оправдывает разрушение мечети Бабура в Айодхье в 1992 г. и призывает не шадить памятники мусульманского периода. Выводимые на улицы ХДС и поддерживаемые другими националистическими организациями индусы регулярно устраивают погромы мусульманских кварталов.

Однако несмотря на свою зачастую экстремистскую деятельность Хинду Джанаджагрути самити пользуется покровительством высших эшелонов власти и продолжает свою пропагандистскую деятельность, направленную в большей степени на пересмотр исторических итогов и фальсификацию исторических и археологических данных.

Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Личные истории евразийцев как этнокультурные тексты (на примере мемуаров англо-индийцев из Калькутты)

В последние годы индийские издательства выпустили много книг, посвященных истории отдельных евразийских семейств. Наряду с этнографами и социологами эту тему стали разрабатывать сами евразийцы. Собран значительный массив оригинальной информации о происхождении и судьбах людей смешанного происхождения в разных регионах Южной Азии. Книги снабжены фотографиями и письмами из семейных архивов, факсимиле официальных документов (свидетельства о браке, о рождении и пр.), вырезок из газет и т. п. Показательны две книги, посвященные судьбе англо-индийцев в Калькутте.

Элизабет Фэйсфул (Джеймс) написала несколько книг о жизни евразийцев в Западной Бенгалии («Я пошлю тебе свою любовь письмом», «Полукровка»,

«Хроники англо-индийской жизни»). В четвертой — «Англо-Индийцы»¹ — она рассказала о своей семье, особо сконцентрировавшись на истории жизни одной из теток, которая жила во время правления шести британских монархов — от королевы Виктории до Елизаветы II. Воспитанная в традиции, что «леди узнают по белизне кожи и гладкости рук», смуглая Долли Дадмен окончила жизнь в Пакистане с пенджабцем, который одновременно имел мусульманскую семью в г. Кветта и потратил на нее всю ее собственность. Книга раскрывает мироощущение большой евразийской семьи, демонстрирует образ жизни, показывает географию ее перемещений по Индостану. Бережно сохраненные архивы позволили автору проследить родословные и нюансы семейно-брачных отношений многочисленных родственников в XIX–XX вв. Смертность среди англо-индийцев была высока, девушки выходили замуж за вдовцов-британцев в возрасте, за уроженцев других стран Европы, за евразийцев разного происхождения, их дети попадали на воспитание к разным родственникам. Показано отношение к Долли, сбежавшей с пенджабцем Хамидом Ханом, местного населения в Бирме, Индии, Пакистане. Говорится об отношениях хозяев и индийских слуг до, во время и после обретения независимости Индии, об опыте выживания и поисках заработка. При этом никто из членов семьи не думал покидать родину и уезжал из Индии лишь по служебной необходимости.

Подробности воспитания и формирования самосознания англо-индийского населения Западной Бенгалии раскрывают очерки, изданные Робин Эндрюс в подборке «Рождество в Калькутте»². Автор — преподаватель Massey University в Новой Зеландии — в 2000-е гг. исследовала англо-индийскую диаспору, посетила их собрания в Индии, Канаде и Австралии, встречала с ними праздники (в т. ч. Рождество в Калькутте). Книга состоит из четырех частей. В каждой («Идентичность», «Вера», «Образование», «Общинная забота») представлены вводные тексты с комментариями. Всего опубликовано 10 развернутых интервью с англо-индийцами. Эти материалы свидетельствуют о важности общинных социальных служб в поддержке малообеспеченных сородичей и в сплочении группы.

Р. Эндрюс замечает, что, несмотря на свою роль в истории индийского народа, в национальном сознании этносоциальная группа англо-индийцев является невидимкой. Автор ставит вопрос о критерии определения англо-индийцев, поскольку, согласно Конституции Индии, их европейское происхождение прослеживается по мужской линии, но не по женской. Этот же вопрос поднимает д-р Кумари Джаявардена, дочь сингала и англичанки, в книге «Стирание Евро-Азиатского»³.

¹ *Faithful E.* Anglo-Indians: A Life Lived Through Six British Monarchs. Biography of Dolly Dudman. Delhi: Originals, 2003. 160 p.

² *Andrews R.* Christmas in Calcutta: Anglo-Indian Stories and Essays. Delhi: SAGE, 2014. 219 p.

³ *Jayawardena K.* Erasure of the Euro-Asian. Recovering early radicalism and feminism in South Asia. New Delhi: Raj Press, 2009. 312 p.

Как видим, в традиционном универсуме Южной Азии личный опыт евразийцев оказывается актуальным этнокультурным текстом, востребованность которого в современном обществе подтверждается количеством публикаций на английском языке и тиражами.

Соколов А. А. (ИВ РАН, Москва)

Кругосветное путешествие великого князя Бориса Владимировича: Вьетнам, 1902 год

Великий князь Борис Владимирович Романов (1877–1943) был внуком императора Александра II и двоюродным братом императора Николая II. Практически всю жизнь находился на воинской службе, участвовал в русско-японской и Первой мировой войнах. Он много путешествовал как по России, так за рубежом. В 1902 году он совершил кругосветное путешествие, во время которого посетил Египет, Цейлон, Индию, Таиланд, Вьетнам, Китай, Гонконг, Японию, Гавайские острова и США.

Во Вьетнаме князь побывал в июне 1902 году, где был радушно встречен местной колониальной администрацией. Свое пребывание в этой азиатской стране он начал с Сайгона, а также побывал в Ханое, Хайфоне и других городах, познакомился с местными культурными и историческими достопримечательностями. Ранее, весной 1891 года, в Сайгоне побывал будущий российский император Николай II.

Старикова Е. О. (НИУВШЭ, Санкт-Петербург)

Вьетнамские антологии народных песен конца XIX — начала XX вв. как самый ранний источник сведений о песенном фольклоре вьетов¹

Интерес к сбору и осмыслению национального песенного фольклора во Вьетнаме тесно связан с интересом к Книге песен и ростом конфуцианских настроений на волне национально-освободительного движения на рубеже XIX–XX вв. Первыми собирателями народных песен становятся конфуцианцы, которые ассоциируют вьетнамский фольклор с Ши Цзином, а точнее, с разделом «Нравы царств» (*гофэн*). В дословном переводе *гофэн* (國風) означает «местные напевы», в этот раздел входят 160 песен из 15 царств Китая того времени с указанием царства, из которого они происходят. По аналогии с конфуцианским каноном в некоторых сводах вьетнамских песен выделяются главы, носящие названия провинций или уездов, в которых были записаны те или иные *казао*.

¹ Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект № 16–24–09001.

В некоторых сборниках такого рода вьетнамский текст был записан только письменностью *ном* (chữ Nôm), а в других сборниках к *ному* добавляется вьетнамская латиница (chữ Quốc ngữ).

Наиболее известными сборниками вьетнамского песенного фольклора XIX-XX вв. являются следующие:

- «Разъяснение южных напевов» (Nam phong giải trào 南風解嘲) и «Южные напевы — женские пословицы и песни» (Nam phong nữ ngôn thi 南風女諺詩), составителем которых считается Нго Динь Тхай (Ngô Đình Thái). Эти сборники датируются серединой XIX века. Как сообщает аннотация к рукописи «Разъяснение южных напевов» на сайте Вьетнамского фонда сохранения письменности *ном*, вопрос причастности к этому манускрипту Чань Зань Ана является спорным.
- «История вьетнамских напевов» (Việt Nam phong sử 越南風史), скомпилированный Нгуен Ван Май (Nguyễn Văn Mai), датируется 1914 г.;
- «Антология местных напевов» (Quốc phong thi tập hợp thái 國風詩集合採), автор Нгуен Данг Туен (Nguyễn Đăng Tuệ), 1910 г.
- «Избранные напевы Дайнама» (Đại Nam Quốc Túy 大南國粹), автор Нго Зяп Дау (Ngô Giáp Đậu), 1908 г. В этом манускрипте собраны 1800 пословиц и поговорок, которые объединены в 46 тем, и около 600 песен (*казао*) в стихотворном размере *люкбат*.
- «Записи изустных летописей» (Khẩu sử ký 口史記), составитель Нгуен Хыу Кюи (Nguyễn Hữu Quý). Содержит записи пословиц, поговорок и песен (*казао*). Большинство песен записаны на письменности *ном*, но некоторые записаны китайской иероглификой.
- «Нравы и мелодии Тханьхоа» (Thanh Hóa quan phong 清化觀風), составитель Вьонг Зюи Чинь (Vương Duy Trinh), 1903 г. В этом сборнике представлены песни провинции Тханьхоа (провинция на севере Вьетнама, 150 км. к югу от Ханоя) с указанием уезда, а также песни малых народностей, проживающих в Тханьхоа, с переводом на вьетнамский язык.

В данном докладе мы рассмотрим особенности составления и комментирования первых сводов вьетнамского песенного фольклора, проанализируем содержание этих сводов и влияние, которое первые антологии песенного фольклора оказали на дальнейшее восприятие вьетнамских народных песен.

Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Первые упоминания Непала в записях британских дипломатов и исследователей

Непал долгое время оставался недоступным для европейцев из-за своего географического положения. До XVIII века об этой стране поступали крайне

отрывочные сведения. В 1792 г. от Британской Империи была отправлена первая дипломатическая миссия. Ее возглавлял полковник Вильям Киркпатрик, пробывший в стране 7 недель и представивший в 1811 г. путевые заметки под названием «Сообщение о Королевстве Непал, сделанное на основе наблюдений, собранных во время дипломатической поездки в ту страну в 1793 г.». Эти заметки содержат преимущественно информацию о маршруте следования дипломатической миссии, о долине Катманду, о непальской флоре и фауне. Поскольку Киркпатрику не удалось проникнуть в отдаленные районы страны, то наблюдения за народами, населяющими Непал, ограничиваются парбатия, к которым относится пришедшая к власти династия Шахов, и неварами, автохтонным населением долины Катманду. Киркпатрик отмечает, что доходившая до него информация о бесчисленных богатствах страны, несколько преувеличена.

В 1801 г. между Непалом и Ост-Индской компанией был подписан договор о дружбе и сотрудничестве, по которому в Катманду открывалось Британское резиденство, первым главой которого стал полковник Нокс. В 1802–1803 гг. к миссии Нокса присоединился Френсис Бьюкенен-Гамильтон, оставивший по результатам поездки «Некоторые наблюдения за Непалом». Бьюкенен-Гамильтон позднее дополнил свои «Наблюдения» после пребывания около непальской границы в 1810 и 1814 гг., а также после прочтения путевых заметок Киркпатрика. В 1819 г. он опубликовал «Сообщение о Королевстве Непал и присоединенных к нему династией Гуркхов территориях». В этом сообщении впервые представлена информация о Сиккиме, королевствах Восточного Непала, о соседних с Горкхой территориях, а также о независимых от центральной власти районах на дальнем западе страны.

Из-за взаимного недоверия резиденство просуществовало недолго и вновь открылось лишь в 1816 г. после поражения Непала в Англо-Непальской войне. Следующим резидентом на 13 лет стал Эдвард Гардинер. В 1829 г. на два года и. о. резидента стал Брайан Хьютон Ходжсон, которого сменил Томас Герберт Мэддок. В 1833 г. резидентство снова возглавил Ходжсон, проработавший в этой должности десять лет.

Ходжсон считается основоположником непаловедения; им были написаны «Эссе о языках, литературе и религии в Непале и Тибете» (1874), из которых можно составить представление о культурном разнообразии страны. В сборник входят эссе, посвященные буддизму, санскритским текстам, истории некоторых горных племен, а также географическое описание местности. Ходжсон собрал значительную коллекцию млекопитающих, обнаружил более ста новых видов птиц. По его заказу была собрана большая коллекция рисунков животных, созданных индийскими и непальскими художниками.

В 1843 г. Ходжсона сменил другой дипломат, Генри Лоуренс, придерживавшийся политики невмешательства во внутренние дела страны. Этой же политики придерживались и следующие резиденты. В 1846 г. в результате

дворцового переворота власть перешла в руки Джанга Бахадура Рана, основавшего династию премьер-министров, фактически правивших страной.

В 1853 г. Лоуренс Олифант опубликовал путевые заметки «Путешествие в Катманду с лагерем Джанга Бахадура». Олифант прибыл в Непал по приглашению премьер-министра, который, в свою очередь, был первым непальским аристократом такого уровня, побывавшим в Великобритании. Труд Олифанта интересен описанием повседневной жизни непальской аристократии того времени.

В 1877 г. была опубликована «История Непала» со вступительным словом о стране и ее народе, написанным д-ром Вильямом Райтом. «История Непала» — перевод непальских царских хроник на английский язык.

Вышеописанные труды представляют интерес не только для этнографов и историков, но и для представителей автохтонных народностей, поскольку позволяют с той или иной степенью достоверности реконструировать историю своих этносов.

Теханович Анна (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

План «Дорожная карта» как способ нормализации отношений между СРВ и США

Дорожная карта (Road map) это наглядное представление сценария развития чего-либо, широко используемое в сферах международных отношений, экономики и менеджмента.

В международных отношениях под планом «Дорожная карта» понимается последовательность действий субъектов международных отношений для достижения определенных результатов.

Рассмотрим значение плана «Дорожная карта» в нормализации двусторонних отношений между СРВ и США. Краткий обзор причин необходимости нормализации двусторонних отношений:

<i>Со стороны Вьетнама</i>	<i>Со стороны США</i>
• обострение экономической ситуации внутри страны из-за распада СССР;• необходимость снятия торгового эмбарго, введенного США в 1975 году;• невозможность получать помощь по линии МВФ и других международных финансово-валютных организаций;	• стремление укрепить свои позиции не только в Юго-Восточной Азии, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом;• необходимость сотрудничества по урегулированию ситуации в Камбодже;• поиск останков погибших и без вести пропавших солдат армии США во время вьетнамо-американской войны;

- стремление правительства СРВ к интеграции в мировую политическую и экономическую систему.
- давление со стороны бизнес кругов.

План «Дорожная карта» был предложен 09 апреля 1991 года на встрече зам. Госсекретаря США по вопросам Восточной Азии и Тихого Океана Ричарда Соломона с представителем СРВ в ООН Чинь Суан Лангом¹. Предложенный план предполагал последовательное выполнение четырех этапов, в ходе которых Вашингтон будет постепенно ослаблять политические и экономические ограничения в отношении Вьетнама. В свою очередь, Ханой должен продолжать сотрудничество по поиску останков американских солдат, поддержать мирное урегулирование камбоджийского вопроса и не препятствовать эмиграции в США.

Этапы нормализации двусторонних отношений в соответствии с «Дорожной картой»².

Этап	План мероприятий	Срок реализации
Этап 1	Снятие запрета на посещение СРВ американскими гражданами	1992 г.
Этап 2	Разрешение американским бизнесменам вести дела на территории СРВ	1993 г.
Этап 3	Снятие эмбарго на торговлю и инвестиции	03 февраля 1994 г.
Этап 4	Установление дипломатических отношений	11 июля 1995 г.

Благодаря усилиям, приложенным правительством США и шагам, принятым правительством Вьетнама, в первой половине 90-х годов в отношениях двух стран наблюдались положительные изменения как в области экономических отношений, так и в области внешней политики. Все эти изменения способствовали, в конечном счете, процессу нормализации двусторонних отношений. Отмена торгового эмбарго и возобновление экономических отношений открыли двум странам возможность строить двусторонние отношения в новых политических реалиях. 11 июля 1995 года премьер-министр СРВ Во Ван Кьет и президент США Билл Клинтон объявили о нормализации двусторонних отношений между двумя государствами³. Следующим шагом

¹ Oberdorfer Don. U. S. Details plan for normalizing Vietnam relations // The Washington Post https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1991/04/10/us-details-plan-for-normalizing-vietnam-relations/65f555fb-2a73-4b90-a562-4251614e75b6/?utm_term=.453503f0bf24.

² Babson Oliver. Diplomacy of isolation United States unilateral sanctions policy and Vietnam 1975–1995. P. 9. <http://wenku.baidu.com/view/1b8bae0b52ea551810a6879e.html>.

³ Manyin Mark E. The Vietnam — U. S. Normalization Process. Updated June 28, 2002. P. 4. <http://www.usvtc.org/info/crs/CRS-Normalization%20Process%20Jun02.pdf>.

в развитии уже восстановленных двусторонних отношений было подписание официального соглашения о нормализации отношений между СРВ и США от 5 августа 1995 года министром иностранных дел СРВ Нгуен Минь Камом и государственным секретарем США Уорреном Кристофером¹.

Установление дипломатических отношений между СРВ и США соответствовало требованиям современных международных отношений и способствовало осуществлению каждым государством последующих необходимых шагов в обеспечении своих национальных интересов.

Тюнь Г. Т. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О жертвах трагедии 30 сентября 1965 г. в современных электронных ресурсах и исторических исследованиях Индонезии

История трагических событий в Индонезии, связанных с подавлением «движения 30 сентября 1965 года», внимательно изучена и опубликована в индонезийской историографии — это начало «нового порядка» Сухарто освещалось достаточно подробно, в сущности, от самого начала военной диктатуры. Но оценка жертв трагедии (как количественная, так и моральная) по понятным причинам всегда оставалась табуированной на протяжении диктатуры Сухарто, а с наступлением «эпохи перемен» вплоть до настоящего времени является противоречивой и вызывает по-прежнему массу вопросов, остающихся без ответов.

Интерес к этим проблемам был весьма широким и привел к целому ряду публикаций, правда, нередко опровергающих друга. Однако Корнельский университет США, всегда внимательно отслеживающий ситуацию в Индонезии, разместил основные документы и публикации по этой теме на своем сайте еще в апреле 1966 г., описывая деятельность «Движения 30 сентября» (“Gerakan September Tiga Puluh” “Gestapu”)².

Очередной всплеск активизации широкого интереса к этим вопросам связан сегодня с публикацией новой художественной книги Су Тьен Марчинг «Конец молчания», опубликованной в 2016 г.³ Эта книга содержит рассказы тех жертв репрессий второй половины 1960-х гг., которым посчастливилось выжить в период жесткого преследования их самих и их семей властью Сухарто и уничтожения от 1 до 2 млн индонезийцев, обвиняемых в участии

¹ Ibid. P. 4.

² Selected Documents Relating to the September 30th Movement and Its Epilogue. URL: <http://cip.cornell.edu/seap.indo/1107134819> (дата обращения: 29.01.2017).

³ Soe Tjen Marching. The End of Silence. Accounts of the 1965 Genocide in Indonesia. Amsterdam, 2016. С.214.

в «движении 30 сентября» и попытке государственного переворота. Большинство пострадавших в те годы опасаются и сегодня рассказать правду о количестве жертв и методах преследований, справедливо полагая, что эти вопросы могут привести к жестким противоречиям в современном обществе, что в свою очередь может стать причиной возобновления политических преследований¹.

К такому же выводу пришел в своем исследовании наш российский политолог, профессор Воронежского университета Кирчанов М. В. В своей работе он анализирует восприятие массовых убийств 1965 и 1966 годов в современной индонезийской исторической памяти и показывает, как одновременно развиваются официальные и альтернативные точки зрения на события прошлого. Как правило, политические убийства в современной исторической памяти не оправдываются, а радикальные историографические перемены невозможны потому, что власть опасается поляризации общества².

В этой ситуации особое значение для исследователей-историков имеют источники и базы их сохранения. Помимо уже упомянутой публикации Корнельского университета, для индонезийцев приобретают ценность собственные Интернет-ресурсы, позволяющие сохранить весьма значимые свидетельства событий 1965–1966 гг.

Одним таких ресурсов является сайт Yayasan Pendidikan Kesehatan Perempuan (YPKP), его руководитель Сулами Джойоправиро — одна из наиболее известных активисток движения за осуждение виновных в массовых убийствах 1965–1966 гг. Сама С. Джойоправиро всю свою юность была убежденной защитницей прав женщин, но в 1965 г. ее обвинили в участии в государственном перевороте, арестовали и она провела в заключении 20 лет. После освобождения она вновь включилась в движение феминисток, в 1999 г. стала инициатором создания, а на сегодня занимает должность председателя Индонезийского института по исследованию резни 1965–1966 в составе Центра изучения здоровья женщин (Yayasan Pendidikan Kesehatan Perempuan — YPKP)³. Этот Интернет ресурс содержит большое количество подлинных документов и свидетельств очевидцев событий 30 сентября.

Еще один весьма убедительный ресурс — это сайт Центра политических исследований Индонезийского института наук, одним из сотрудников которого является Асви Арман Адам, также изучающий диктатуру Сухарто⁴.

¹ URL: <http://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/distributed/E/bo26266821.html> (дата обращения 28.01.2017).

² URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/24.html> (дата обращения 27.01.2017).

³ URL: <http://www.wirantaprawira.de/ypkp/sulami.htm> (дата обращения 30.01.2017).

⁴ URL: <https://theconversation.com/ben-andersons-works-on-indonesia-challenged-suhartos-military-rule-52447> дата обращения 30.01.2017).

Помимо перечисленных баз данных исторических источников в настоящее время имеется еще целая серия сайтов, безусловно представляющих большой интерес для исследователей темы трагедии 30 сентября 1965 г. в Индонезии.

Шомахмадов С. Х. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)
**Неопубликованные санскритские фрагменты
из коллекции С. Е. Малова (ИВР РАН)**

Доклад посвящен палеографическому обзору ранее неопубликованных центральноазиатских санскритских рукописей из коллекции С. Е. Малова (1880–1957), хранящихся в Сериндийском фонде ИВР РАН. Санскритская часть рукописной коллекции Малова была обнаружена лишь в 80–90-х гг. XX в. и составляет 8 единиц хранения в 12 фрагментах¹. Часть из них — 4 фрагмента — были опубликованы М. И. Воробьевой-Десятовской в 1995 г.², представляют собой отрывки из Махапраджняпарамита-сутры и Саддхармапундарики-сутры. Изданные санскритские фрагменты записаны южнотуркестанским брахми и могут быть датированы VIII–IX вв.

Неопубликованная часть санскритских фрагментов из коллекции С. Е. Малова также составлена на южнотуркестанском брахми. Наибольший интерес могут представлять две единицы хранения, датированные более ранним периодом — IV–VI вв. Необходимо отметить, что часть центральноазиатских буддийских рукописей на санскрите из собрания ИВР РАН, зафиксированных ранее VII–VIII вв., достаточно невелика. Поэтому содержание данных фрагментов представляет значительный интерес, поскольку отражает один из ранних этапов бытования буддизма в южных оазисах Великого шелкового пути (например, в Хотане), тогда как расцвет учения Шакьямуни в данном регионе приходится лишь на VIII–X вв.

Первый из рассматриваемых санскритских фрагментов составлен на раннем туркестанском брахми и по данным палеографии может быть датирован V–VI вв. Размеры наиболее сохранившейся части фрагмента ~13 × 17,5 см. Текст представлен на обеих сторонах листа, по 12 строк на каждой. Есть основания полагать, что это — фрагмент «Каушика-праджняпарамита-сутры».

Второй рассматриваемый фрагмент, по всей видимости, составлен на туркестанском брахми периода Гуптов и может быть датирован IV–V вв. Его

¹Центральноазиатская коллекция рукописей Петербургского филиала института востоковедения РАН // Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М: Вост. лит., 2004. С. 80–81.

²*Vorobyova-Desyatovskaya M. I. The S. E. Malov Collection of Manuscripts in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies // Manuscripta Orientalia. 1995. Vol. 1. No 2. P. 29–39.*

размеры ~14,5 × 10 см. Текст расположен на обеих сторонах листа; сохранившийся неатрибутированный фрагмент содержит по 7 строк на каждой стороне. Содержание — отрывки буддийских заклинаний-дхарани.

Рассмотренные фрагменты санскритских рукописей на брахми весьма типичны для буддизма Центральной Азии — тексты праджняпарамитского цикла, различного рода заклинания, очень популярные в буддийской традиции оазисов Восточного Туркестана, наравне с многочисленными списками Саддхармапундарики составляют подавляющее большинство текстов в «репертуаре» буддийских письменных памятников Центральной Азии.

Яковлева Е. А. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва)

«Воспоминания о моей жизни в контексте лаосской истории»¹ Фуми Вонгвичита — «забытый» источник по новейшей истории Лаоса

В 2017 году исполняется тридцать лет со времени выхода в свет мемуаров одного из виднейших руководителей Народно-революционной партии Лаоса и лаосского государства Фуми Вонгвичита (1909–1994). Однако в исторических исследованиях, изданных за пределами Лаоса, в том числе и у нас, его книга практически не использована до сих пор. Возможно из-за того, что она пока, по крайней мере полностью, не переведена с лаосского языка.

Представление о высокой информированности и компетентности Ф. Вонгвичита, автора целого ряда лингвистических и политико-исторических публикаций, негласно именовавшегося главой «националистической группировки» в правящей партии, дает его краткая биография. Ф. Вонгвичит — выходец из низших слоев лаосской аристократии. Его предки были широко известны как знатоки Палийского канона. Однако его семья всегда зарабатывала на жизнь еще и крестьянским и ремесленным (ювелирным) трудом. Потеряв отца, одиннадцатилетний Фуми сам приобщился к крестьянской жизни, но получить образование сумел. Работая секретарем-переводчиком во французской колониальной и японской оккупационной администрациях, Ф. Вонгвичит входил в патронатно-клиентельную систему выдающегося лаосского политического деятеля-принца Пхетсалата. Это обстоятельство стало важнейшим в самоопределении Ф. Вонгвичита как патриота и активного участника сначала мирной, а затем и вооруженной борьбы за независимость Лаоса. Последняя могла быть успешной только во взаимодействии с вьетнамскими коммунистами, и Пхет-

¹ *Фуми Вонгвичит*. Кхуамсонгтям кхонг сивит хау най кхабуанвиват хэнг паватсат кхонг патхет лао (Воспоминания о моей жизни в контексте лаосской истории). Вьентьян: Изд-во Института социальных исследований при Министерстве образования ЛНДР, 1987. 207 с., илл.

салат с единомышленниками-аристократами санкционировал парадоксальный альянс. Беседы с Хо Ши Мином в годы I войны Сопротивления убедили Ф. Вонгвичита в возможности применения марксизма-ленинизма на лаосской почве. Став коммунистом в 1949 г. еще как член Коммунистической партии Индокитая, Ф. Вонгвичит с 1972 г. — бессменный член Политбюро ЦК НРПЛ. Он был единственным представителем Патриотического фронта Лаоса (наряду с его Председателем — принцем Суфанувонгом), входившим в состав всех трех коалиционных правительств королевского Лаоса. После провозглашения ЛНДР Ф. Вонгвичит — заместитель премьер-министра и министр образования, спорта и по делам религий. Эти сферы, а также информацию и культуру он продолжает курировать как член Политбюро после отставки с министерского поста. В 1986–1991 гг. он — Временно исполняющий обязанности Президента ЛНДР.

Хронологически «Воспоминания» охватывают раннее детство автора, завершаясь периодом деятельности третьего коалиционного правительства (1974–1975 гг.), и читатель получает возможность познакомиться со всеми периодами истории колониального и независимого королевского Лаоса.

Главное достоинство мемуаров Ф. Вонгвичита в том, что они существенно расширяют и уточняют наши представления о генезисе и характере социализма на Востоке. Наблюдение же за жизнью в колониальном и независимом королевском Лаосе глазами «революционера-националиста» помогает вдумчивому исследователю уйти от весьма распространенного и столь же упрощенного представления о национально-освободительной борьбе в этой стране как о некоем «придатке» вьетнамской революции.

Отметим в заключение высокие лингвистические и стилевые достоинства «Воспоминаний», не столь часто, увы, обнаруживаемые в современных лаосских публикациях, а также острую наблюдательность автора, его меткий юмор и самоиронию.

СЕКЦИЯ XIV.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ
HISTORIOGRAPHY OF CHINA

Alexander G. Storojuk (FAAS, St Petersburg State University, St Petersburg)

**Qi-furen: Historic Figure
and Goddess of Chinese Folks Religion**

Qi-furen (戚夫人, 224–194 B. C.) or “Spouse Qi” is well-known to Chinese historians as one of the most tragic and woeful figures of the Empire building period. The beloved and most beautiful concubine of Liu Bang (劉邦, 256–195 B. C.), the founder of the Han dynasty, shared all the hardships of war her husband fought and gave a birth to their son Liu Ru-yi (劉如意, 208–194), the prince of Zhao and a possible heir to the throne. Charming, educated and bestowed with plentiful talents, Qi-furen has been cherished by Liu Bang, especially after Liu Ru-yi grew up and proved to inherit the best of his father. Liu Bang loved his son devotedly, actually casting away his other offspring — Liu Ying (劉盈, 211–188 B. C.), the child of the Ruling Empress Lü Zhi (呂雉, 呂太后, 241–180 B. C.). Having gained the most powerful position at the court, Qi-furen even tried to impair Liu Ying and his elder sister — Princess Lu-Yuan (魯元公主, ?–187 B. C.), causing Lü Zhi’s persistent hatred.

Everything changed in 195 B. C., after Liu Bang’s death. Liu Ying ascended the throne, and no official Liu Bang’s proclamations about Liu Ru-yi’s faith had ever been publicized. Lü Zhi, now the Empress Dowager, prevailed at the court and started recompensing her old fears and wounds. Qi-furen was arrested, shackled, dressed in the prisoner’s garb, had her head shaved and forced to husk rice and undergo other labor cervices. In 194 B. C. Liu Ru-yi was murdered, and Qi-furen subjected to the most fearful and hellish execution: her eyes were dug out, her ears burnt, her vocal cords destroyed with some dumbing potion, her legs and arms cut away, and her crippled torso thrown in the latrine. Lü Zhi did it openly and even invited guests to

watch her new “pig-human” (人彘), as she called crippled Qi-furen. The result of these visits were dreadful: after watching the disfigured Qi-furen, Liu Ying burst out crying, laid ill for two days and then wrote to his mother: “What you have done is inhuman. I, your son, Empress, will never be able to rule the Celestial Empire again”. Indeed he never turned back to his regal duties and died in 7 years. Even after decades the story of “pig-human” remained the major intimidation for royal favorites.

No wonder, in time the legend of poor Qi-furen has transformed into a new worship practice in the Chinese folksy religion. Having been tortured and murdered in the latrine, deified Qi-furen has become the goddess of toilets and cesspools. Hence, the process of sanctification happened to be quite lengthy, whilst a great many other deities (sometimes zoomorphic) executed the same divine chores alongside Qi-furen. The prevalence of Qi-furen as a latrine god Zi-gu (紫姑) must have happened not earlier than in Song Dynasty (宋, 960–1279).

Since then Zi-gu has been being worshipped as the main heavenly supervisor of Chinese restrooms, appearing in a great many forms: as one person and as a group of persons; as a poor concubine, murdered by the wicked senior wife and as several irreverent sisters, who must atone their indecent conduct, etc. Howbeit the main role of Zi-gu is a predictor, prognosticator, to whom young ladies for centuries have been addressing their divinations during the Lantern Festival. The sortilege implies direct contact with the spirit instead of using less reliable but safer foretelling techniques and is performed by both — special mediums and common village or town folks. The name of the deity has also undergone a number of transformations according to time and local dialects: in some regions it is called Qi-gu, in some Zi-gu, even San-gu and the like. Thus in the Chinese folksy religion the historic figure Qi-furen has been transformed in a multifunctional and diverse deity with an abundant functional of its own, inspired by an affluent tradition of divinations, connected with latrine, but this is a matter of a special research.

Алтан-Очир (ИКОР, КАОН, Пекин)

Медведь глазами дракона: Образ России в Китае в XVIII и XIX вв.

Первыми официальными контактами между Китаем и Россией являются посольства Федора Байкова и Ивана Перфильева, посетившие китайскую столицу Пекин в 1656 и 1660 годах. Но, к сожалению, эти неудачные миссии не оставили заметного следа в истории, так как почти не осталось никаких записей в китайских или маньчжурских документах. А после того, как посольство Н. Г. Спафария (Милеску) посетило Пекин, с визитом в 1675 г., произошли Арбазинские войны 1685–1688 гг., и даже после подписания Нерчинского договора 1689 года, знания цинского двора о России были очень

ограниченными. Это можно видеть при изучении текста официального цинского сочинения «Стратегические планы усмирения русских» («Пиндин лоча фанлюэ»). Там сказано следующее: *«Русские (лоча) являются подданными государства Олосы (России). Русское государство находится в отдалении, на крайнем северо-западе, и с древнейших времен не имело сношений с Китаем. Русские в основном все грубые, алчные и некультурные. Тех, которые поселились на границах недалеко от Хэйлуңцзяна, дауры и солоны прозвали «лоча». Они бесчинствовали, убивали и грабили, принимали перебежчиков с нашей стороны, [постоянно] причиняя зло на границах»*¹.

Китайское посольство, отправленное императором Канси к калмыцкому Аюке-хану в 1712 году, представляло собой первое путешествие китайцев по территории России через Сибирь. Посольство вернулось в Пекин в 1714 году. После чего, по результатам путешествия, одним из главных членов посольства, Тулишэнем (1667–1740), было написана книга «И-юй-лу» («Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге»). Она считается первым географическим описанием России в истории Китая и очень богато фактами. Кроме географического описания, автор пишет следующее:

В их русской земле, как сказывают, прежде не бывало ханов, и владение их было очень невеликое, которое заключалось токмо в пределах Киевской губернии и в протчих тамошних местах, не далее от северо-западного моря находящихся. Тому с лишком 300 лет прошло, как их государи ханами, или царями, называться начали. А потом, как сила их отчасу умножилась, так равным образом и завоевания их день от дня распространялись далее. Сперва завоевали они Казань и Тобольск со всеми к ним принадлежащими землями, а потом овладели они Енисейским, Иркутским, Нерчинским городами и прочими многими землями. И так государство их в величестве своем распространилось. Ныне владеющий их российской Чашань-хан, называемой по имени Петр Алексеевич, от рождения ему 41 год, и тому 18-ой год, как он царствует. Столичной его город называется Москва. К шведскому королю посылал он своих послов и требовал от него о возвращении помянутого города Нарвы, но понеже шведской король отдать города не хотел, то произошла от того между ими война, которая уже с 15 лет продолжается².

¹ Стратегические планы усмирения русских (Пиндин лоча фанлюэ) // Русско-китайские отношения в XVII веке. Сборник документов. Т. 2. 1686–1691. М., 1969. С. 660.

² Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1764, июль, с. 3–48; август, с. 99–150; сентябрь, с. 196–234; октябрь, с. 291–353; ноябрь, с. 387–413.

Данные строки касаются обычаев, законов, религии и т.д., Записки Тулишэня об истории России, считаются первым целостным изложением китайцами истории Российского государства и первым описанием Великой Северной войны России со Швецией.

Юй Чжэнсе (1775–1840), знаменитый ученый периода цинской династии, и представитель интеллигентов того времени, автор ряда произведений о России, таких как «Гуэй сы лэй гао», «Гуэйсы сунь гао» и «Хай го цзи вэнь», в своей статье «Олосы Ши цзи» («Русские дела») писал: «Олосы (Русское государство) находится на севере от Хэйлуңцзянских четырех племен, Халхи, Ур-Джар, Казахов Большого и Среднего жуза и Турции. К западу его территория доходит до Голландии и Английского моря, на юге граничит с государством Улуму. Предки их происходили из места, которое находится к западу от Большого жуза казахов, называли их Лоча (русскими), или Яоча. Во время Тайхэ (477–499), когда царствовала династия Северная Вэй, русские (лоча) создали свое государство, называемое Олосы. А когда они принимали христианство, то они хотели уничтожить Будду. Будда удивлялся, и дал им название лоча (*rākṣasī/Rākṣasī*)¹.

Баялиева Е. Ф. (ИБ РАН, Москва)

О «моральной или нравственной» экономике юаньского Китая (по переводам кодекса «Чжичжэн тяогэ 至正条格», цзюань 25)

Известно, что в системе традиционных ценностей Китая земля стояла всегда, и сейчас стоит, наряду с такими высокоценными понятиями как жизнь или золото.

При чтении текста 25 цзюаня кодекса «Чжичжэн тяогэ 至正条格» следует отметить необычность жанра этого документа — читателю покажется, что текст напоминает некие воспитательно-нравственные нотации.

Здесь речь идет о так называемой «моральной экономике или нравственной экономике» юаньского периода. О таком термине пишут авторы китайского происхождения, в частности Тайсу Чжан, и идея в следующем: «В традиционном обществе, или в так называемых «нравственных экономиках» факты продажи и покупки земли, по разным причинам, ... рассматривались в качестве серьезного морального преступления. Соответственно, такие общества разработали правовые и традиционные институты, ориентированные на запрет или, по крайней мере, обременение продажи земли. Следовательно, сам акт покупки или продажи земли был существенно морализирован — такое и называлось моральными экономиками».

¹ *Хэ Цютао. Шо фан бэй шэн. Кн. 48.*

В юаньском Китае отношение к земле и все действия с ней носили, кроме юридического и коммерческого содержания, еще и морально-нравственное содержание. И в свете этого, становится понятно, почему в рассматриваемом кодексе, помимо юридических и организационных моментов, большое внимание уделяется воспитательным, морально-ценностным аспектам. И теперь становится понятнее читать в кодексе: «Когда наступают дни сельских праздников в уездах или областях, и если встречаются в общинах бездельники, которые не занимаются сельским хозяйством и не справляются с налогами, то их много раз уговаривают. Глава общины *Шэчжан* должен объявить перед всем народом и сказать какое наказание или какую дисциплинарную меру следует наложить на таких».

Понятно, что традиционная китайская правовая система была разработана не для защиты равенства и прав личности, а для поддержания порядка. Здесь напомним основы традиционных китайских представлений о власти, где политическая основа государства базируется на некоем элементе сверхъестественного порядка, и он гласит, что Император — это представитель Неба на земле. Основанием для правления является его всемогущество, но законы, по которым он управляет, не имеют божественного происхождения кроме того, что они обнародовались императором.

«На протяжении последних лет термин „моральная экономика“ пережил несколько лет обсуждений. Понятно, что „моральная экономика“ — основной мотив перехода к началу коммерческой морали... и наиболее важно, что ранние экономики по большей части развиваются в сторону отчуждения земли... Они не обременены никакими моральными понятиями о неотчуждаемости земли, и когда в их правовых институтах появляется отчуждение земли, то в целом этому есть экономические прагматические причины, а не моральные».

Конечно, общинники Юаньского периода до конца не понимали вопроса о стоимости земли, и в силу этого не были заинтересованы в максимизации стоимости земли.

А конфуцианское моральное осуждение операций с землей вытекает именно из экономической ценности земли в доиндустриальном обществе: его экономическое значение психологически могло подавлять и влиять на судьбы сельских общин.

На примере 25-го цзюаня видим, что Юаньский двор при составлении закона о земле не избежал прямого влияния китайской административной мысли — весь цзюань содержит надзирательно-менторские методы работы с сельским населением и конфуцианские идеи о послушании, трудолюбии, о исполнении долга, о регулярной работе, о чтении классических книг, о контроле за соседями по системе круговой поруки, об общественном порицании лентяев и т. д.

Кроме морально-нравственной части в 25-й цзюань внесен и огромный китайский сельскохозяйственный опыт — о количестве лунок на 1 му, о коли-

честве тутовников, о налогах с проданной продукции, о принятии конкретных необходимых мер при борьбе с саранчой, о постройке водяных колес, и т.д. Кочевники-монголы, в силу своего образа жизни, таких нюансов о ведении сельского хозяйства не знали, да и знать не могли.

Китайская древняя цивилизация при общении с любыми иноземными явлениями всегда неуклонно воспринимает все иное, перерабатывает, умеет наполнить своим рациональным содержанием и делает все в конечном счете своим, китайским. Содержание кодекса «Чжичжэн тяогэ» хороший тому пример.

Белая И. В. (МРИВСЭО, Курск)

Тексты даосских стел как источник по истории женского монашества школы Цюаньчжэнь

Школа Целостности и совершенства (Цюаньчжэнь) — ведущее монашеское направление даосизма в материковом Китае. Ее появление в XII в. на севере страны связано с деятельностью даосского подвижника Ван Чун-яна (1113–1170), а строительство монастырей — с его учениками, среди которых наибольший вклад внес Цю Чу-цзы (1148–1227) (*дао хао* Чан-чунь). Основной период развития школы пришелся на эпоху Юань (1271–1368). Известно, что к концу XIII в. послушницы составляли одну треть от 20000 священнослужителей¹. Не смотря на это, женская монастырская традиция школы Цюаньчжэнь остается одной из малоизученных тем.

Со времени наместничества Цю Чу-цзы в монастыре Тяньчангуань (совр. Байюньгуань) в Пекине началось активное возведение монастырей Цюаньчжэнь, среди которых были и женские обители. До нашего времени сохранилось 8 стел, входивших в «Сводное описание эпохи Юань» (*Юань и тун чжи*), в которых рассказывается о женских монастырях, основанных в различных районах Пекина.

Один из женских монастырей, получивший название «Монастырь, где почитают Совершенных» (Чунчжэньгуань) основала даосская наставница Чжао Шоу-си. В «Записях о монастыре, где почитают Совершенных» (*Чунчжэньгуань цзи*) сообщается, что: «Чжао Шоу-си, [по прозвищу] „отшельница, постигшая Совершенство“ (Тун-чжэнь сань-жэнь), происходила из уезда Дай². В г. Тайюань она получила посвящение [в даосизм] от Ли Цзы-юаня и оставила семью (т.е. стала даосской монахиней — *И. Б.*). Весной, в год под циклическими знаками *жэнь-чэнь* (1232 г.) она стала послушницей в обители Целостности и совершен-

¹ *Eskildsen S.* The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. SUNY press, 2004. P. 17.

² Совр. уезд Дайсянь, пров. Шаньси.

ства (Цюаньчжэньтан), под началом Совершенного человека Чистой гармонии (Цин-хэ чжэнь-жэнь)¹. В год под циклическими знаками *синь-чоу* (1241 г.) она приняла решение основать даосский монастырь и получила от учеников настоятеля храма Вечной весны (Чанчуньгун) [Ли] Чжэнь-чана² „Реестр законов правильного единства и величия, скрепленного клятвой от Высочайшего“ (*Тай шан чжэнь и мэнь вэй фа лу*)³. [Затем Чжао Шоу-си] возвратилась в Чжуннань в Патриарший двор (Цзу тин) [школы Цюаньчжэнь], дворец Долголетия [Совершенного] Двойного ян (Чун-ян ваньшоугун), где получила от Совершенного человека [Юй] Дун-чжэня даосский жезл (*жу и*) [позволяющий повелевать] Шестью небесами (*лю тянь*)⁴ и „Правильный закон Небесного сердца“ (*Тянь синь чжэнь фа*), [с помощью которых] исцеляла людей от болезней, изгоняла озлобленных призраков [Загробного мира] (*се гуй*), никогда не отказывая в помощи. В год под циклическими знаками *гуй-чоу* (1253 г.) на празднике Середины осени отшельница, Унаследовавшая сокровенное (Цзун-сюань сань-жэнь) и другие [ученицы] установили мемориальную стелу, прославляющую ее деяния⁵.

Даже краткий обзор одной из стел наглядно демонстрирует, что женщины принимали активное участие во всех сферах религиозной жизни школы Целостности и совершенства. Самые выдающиеся подвижницы становились настоятельницами уже существующих обителей или закладывали собственные монастыри, инициируя тем самым появление женской монастырской традиции в школе Цюаньчжэнь. Кроме индивидуального самосовершенствования они проводили ритуалы для оказания помощи людям, что является неотъемлемой деятельностью школы и по сей день.

Благодер Ю. Г. (КубГТУ, Краснодар)

Роль периодики в формировании представлений россиян о Китае (1850–1917 гг.)

Российско-китайские отношения имеют длительную историю. Неудачи в реализации планов установления крепких добрососедских отношений

¹ Шестой патриарх Цюаньчжэнь Инь Чжи-пин (1169–1251).

² Седьмой патриарх Цюаньчжэнь Ли Чж-ча (1193–1256).

³ Ритуальный текст, позволяющий восстановить порядок Трех чистых небес. См.: Филонов С. В. Миграционные процессы как фактор институционализации даосизма. // Религиозный мир Китая. Альманах. М.: Муравей, 2003. С. 49.

⁴ Шесть небес — царство мертвых, где правят кровожадные божества — источник всех бед и болезней.

⁵ Новое издание надписей на каменных стелах школы Цюаньчжэнь эпох Цзинь и Юань (Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзяо ши кэ синь бянь). Сост. Ван Цзун-юй. Пекин: Пекин дасюэ чубаньшэ, 2005. С. 100.

сосуществовали с успехами в урегулировании пограничных споров, укреплении взаимопонимания и выработке правил торговли. Постепенно складывались разнообразные каналы поступления информации о сопредельной державе, одним из которых стала периодическая печать.

Использование в качестве теоретико-методологической основы концепции социокультурного взаимодействия, разработанной и примененной в научных исследованиях профессором Н. А. Самойловым, делает изучение представлений российского общества о Китае на основе анализа материалов печатных периодических изданий середины XIX — начала XX в. наиболее продуктивным.

Периодика, охватывавшая широкую читательскую аудиторию в различных регионах Российской империи, предоставляет разнообразный (по содержанию, объему, характеру, жанрам) материал для исследований по китаеведческой проблематике и позволяет восполнить пробелы и создать многогранную картину представлений о Китае не только в среде интеллигенции, но и достаточно широких слоев российской общественности. На основе содержания публикаций, частоты их появления можно судить о мнениях и настроениях в российском обществе в отношении Китая.

Во второй половине XIX — начале XX в. столичные и провинциальные, идеологически и тематически разнообразные газеты и журналы, ориентированные на просвещенные, профессионально подготовленные круги общества и массовую аудиторию, давали единственную возможность общественности следить за тем, что происходит в мире. Частота появления статей, освещающих вопросы «китаеведческой тематики», говорила о степени заинтересованности в получении достоверной информации. Выбор фактов, которые казались авторам наиболее важными, трактовка явлений и событий, их оценки, воздействуя на читателей, влияли на конструирование образа Китая и, как следствие, на развитие российско-китайского социокультурного взаимодействия.

В зависимости от содержания статей конкретного периодического издания можно судить о том, какое мнение о событиях складывалось у читателей — представителей различных социальных слоев. Периодика явилась показателем активности интеллигенции, стремящейся рассказать соотечественникам о сопредельном государстве. Основная масса статей — итог исследовательской работы и наблюдений очевидцев событий, происходящих в Китае. Авторы статей формировали в сознании представителей различных слоев российского общества образ того Китая, который видели сами. Изначально больше реализма присутствовало в статьях изданий научно-просветительских обществ и журналах, рассчитанных на интерес профессионально подготовленного читателя, но в первые годы XX в. научная информация проникает и на страницы журналов широкого тематического профиля.

Несмотря на то, что «сердце» российской науки располагалось в Санкт-Петербурге, со временем в отдельных региональных центрах (Владивосток, Чита,

Троицкосавск, Нерчинск, Хабаровск, Благовещенск) в периодических изданиях также стали публиковаться серьезные исследования, полностью либо частично посвященные отдельным эпизодам российско-китайских отношений, анализу этнических проблем Дальнего Востока, современному развитию Китая, «острым» политическим и социально-экономическим международным вопросам.

Благодаря периодической печати образ Китая претерпевал значительную трансформацию, наполнялся новым содержанием. Наибольшее влияние на формирование негативных и позитивных представлений россиян о Китае оказывали опубликованные на страницах газет и журналов сведения о приграничных конфликтах, международных договорах, народных выступлениях, а также описания культурных традиций и картин быта представителей различных слоев китайского общества. Периодическая печать предоставляла широкий спектр разнообразной информации о Китае, но не формировала целостных представлений об этой стране.

Бойко В. С. (АлтГПУ/АГУ, Барнаул)

Синьцзян в 1940-е — середине 1950-х гг.: на пути к коммунистическому правлению и созданию автономии

Цель данного доклада — характеристика социально-политических процессов в северо-западных районах Китая (Синьцзяне) на этапе смены политических режимов с гоминьдановского на коммунистический и изменений во внутренней политике и международных связях пекинских и местных властей. Исследование базируется на документах из архивов Великобритании, Индии и России и полевых материалах автора.

Одной из основных тенденций развития ситуации в Синьцзяне в 1940-е — первой половине 1950-х гг. стало снижение роли национальных меньшинств (уйгуры, казахи и др.). Одновременно произошло ослабление советского влияния в этом регионе Китая, что выразилось в массовой реэмиграции этнических русских и русскоязычных в СССР, свертывании культурно-образовательной работы на русском языке, поощрительной натурализации в Китае наиболее квалифицированных кадров из эмигрантской среды. По замыслу китайской стороны, именно эти кадры должны были сформировать костяк новой (прокитайской) управленческой бюрократии и на многих позициях заменить уйгуров и других специалистов из числа национальных меньшинств. Эти действия подготовили бюрократический вариант учреждения национальной автономии в Синьцзяне в середине 1950-х гг., фактически означавший свертывание режима «новой демократии» с ее многопартийной системой и многоукладностью экономики, а также унификацию региональной системы управления и политики в соответствии с общегосударственными подходами.

Уже в этот период в связи с линией нового руководства в Синьцзяне между китайскими и советскими лидерами возникает недоверие. Великоханьский курс Пекина, открыто проявившийся на северо-западе КНР уже в первое десятилетие правления коммунистов, отказ от «новой демократии», а затем и серия хозяйственно-экономических авантур в духе «большого скачка» обусловили нарастающий конфликт двух версий политического лидерства в коммунистическом лагере — китайской и советской — и двух версий национальной политики: помимо сходных практик русификации/китаизации национальных меньшинств, они предусматривали различную степень автономии национальных культур и вовлеченности тюрко-мусульманских и других групп в управленческий процесс.

Распад СССР в начале 1990-х гг. создал новые дилеммы и альтернативы решения национальных и других проблем, как в России, так и в Китае. Но, несмотря на поступательное движение Китая к региональному, а в перспективе — и глобальному лидерству, обострение этно-социальных противоречий в Синьцзяне и их интернационализация уйгурскими националистами в XXI в. заставляют китайских лидеров и экспертное сообщество обсуждать и решать эти вопросы в открытом режиме, но в духе собственных политических традиций и подходов.

Верченко А. Л. (ИДВ РАН, Москва)

Китайские студенты в СССР в 1920–1950 годы: отцы и дети

Китайская компартия взяла курс на обучение китайских студентов в Москве в 1920-е годы. Первая группа приступила к занятиям в 1921 году. Тогда по линии Шанхайской коммунистической группы (еще до официального образования КПК) при активном участии Чэнь Дусю и Г. Н. Войтинского были отобраны 26 человек. Ставилась задача подготовки кадров для дальнейшего развития коммунистического и рабочего движения. Направляемые в СССР кадры должны были обладать положительными морально-политическими характеристиками, в то время как общеобразовательный уровень играл менее важную роль. Ограниченность знаний по русскому языку, полученных в школе русского языка в Шанхае, создавала трудности при восприятии учебного материала в КУТВ. Всего в 1920–1930-е годы в СССР прошло обучение около 3 тыс. человек. Многие учились всего несколько месяцев и по требованию партии возвращались в Китай вести революционную борьбу, так и не получив законченного образования. Но более 200 человек впоследствии заняли значимые позиции в китайском руководстве или вошли в историю страны. Большая часть работала на низовом уровне, внося определенный вклад в ознакомление китайцев с СССР. Некоторые вернувшиеся из СССР кадры не допускались к руководству

партийной работой, поскольку им приписывали догматизм и отрыв от китайской действительности.

КПК учла первый опыт обучения студентов в СССР и сделала соответствующие выводы. В 1939 г. приехавший на лечение в СССР Чжоу Эньлай привез для обучения дочь своего соратника Сунь Бинвэня Сунь Вэйши и сыновей известных революционеров Чэнь Чанхао и Лю Шаоци — Чэнь Цзутао и Лю Юньбиня. Получив в Интердоме среднее образование, они поступили в вузы Москвы. Это были качественно новые студенты. В отличие от своих отцов они изучали специальности, применимые в народном хозяйстве. Чэнь Цзутао стал впоследствии главным инженером построенного с помощью СССР Чанчуньского автозавода, нередко участвовал в переговорах с советской стороной. Лю Юньбинь окончил физфак МГУ и по возвращении в Китай участвовал в разработке китайской ядерной программы. Сунь Вэйши училась в ГИТИСе на факультетах актерского мастерства и режиссуры, позже ставила в Китае пьесы советских драматургов.

Тенденция отправлять на учебу в СССР детей, родители которых имели безупречное политическое прошлое и опыт революционной борьбы, нашла продолжение накануне образования КНР. Коммунистическое руководство Дунбэя, раньше других районов освобожденного от гоминьдановцев, в 1948 г. приняло решение направить группу молодежи (21 человек, в том числе: сын Ли Шосюня Ли Пэн, дети Е Тина, Е Цзяньина, Гао Гана, Ван Цзясяна, Ло Инуна, Сян Ина и др.) для учебы в вузах Москвы. При отборе учитывалось членство в КПК (19 были членами партии), опыт партийной работы и анкетные данные родителей. У многих родители в свое время учились или работали в СССР: Сяо Цзиньгуан, Е Цзяньин, Ван Цзясян, Чжан Хао, Лю Боцзянь, Ло Инун, Жэнь Цзоминь, Ху Лун. Будущие студенты получили от руководства Дунбэя четкую директиву приложить максимальные усилия к изучению нужных народному хозяйству специальностей, а не заниматься политикой или военным делом, как делали их предшественники. Юношей и девушек предостерегали от отрыва от китайской действительности, следования иностранному образу жизни и от догматических ошибок, приписываемых нередко старшему поколению. Это была первая группа студентов, которых предполагалось после окончания направить на восстановление народного хозяйства. Военная ситуация складывалась в пользу КПК, и партия уже в 1948 г. составляла реальные планы по строительству Нового Китая. Как и студенты 1920-х годов, молодые люди прошли краткосрочные курсы русского языка, но им потребовалось два года тяжелейшего труда, прежде чем они стали полноценно понимать лекции. Однако их общеобразовательный уровень был выше, чем у старшего поколения. Большинство из группы, прибывшей в 1948 г., закончило вузы Москвы с красными дипломами, многие, вернувшись на родину, работали в ключевых отраслях народного хозяйства.

В семьях окончивших советские вузы в 1951–1960 г. около 4 тыс. китайских студентов и аспирантов также были родственники, которые когда-то учились в СССР или у советских специалистов в Китае.

Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск)

Ароматическая древесина аквилярии в китайских религиозных практиках

Во всех древних цивилизациях, включая Египет, Грецию и Китай, где важнейшая роль в жизни общества отводилась религии, при проведении очистительных церемоний и сакральных обрядов в святилищах и храмах во множестве воскурялись разнообразные благовония и пряности. Во многих религиях мира до сих пор в дар Всевышнему предлагаются благоухающие ароматы и снадобья, среди которых ключевую роль всегда играла древесина аквилярии (лат. *Aquilaria agallocha Roxb.*), или «алойное дерево», «орлиное дерево», «агаровое дерево», «алоэ», «каламбак», «райское дерево», «удовое дерево» и др. В Китае самыми известными можно считать названия 沉(水)香 чэнь (шуй) сянь (букв. «тонущий [в воде] аромат») и 降真香 цзянь чжэнь сянь (букв. «спутившийся [с небес] совершенный аромат»), которые отражают как физические свойства агарового дерева (древесина аквилярии, зараженная грибом, тонет в воде), так и ментальные, связанные с ее будто бы божественным происхождением. Эти многочисленные названия свидетельствуют о необычайно важном месте этого ароматического средства в жизни и культуре Восточной Азии.

Будучи порождением нужд повседневной жизни, благовония издавна широко применялись в санитарно-гигиенических целях, для предотвращения болезней, отпугивания насекомых и пр. При этом применение благовоний не ограничивалось исключительно бытовыми нуждами: ароматы и благовония, обладая ярко выраженной эстетической функцией, способствовали релаксации и очищению сознания. Возжигание ароматической древесины с течением времени широко внедрилось в практику проведения различных религиозно-магических обрядов, при которых вместе с ароматным дымом к богам отправлялись заветные мольбы и желания людей.

Особую роль аквилярии как ядра культуры благовоний в Китае подчеркивает то обстоятельство, что помимо бытовой сферы ее ароматическая древесина (а также получаемое из нее целебное масло) до сих пор широко используется в традиционной медицине, в духовно-целительных практиках, в декоративно-прикладном искусстве, а также в религиозно-магической обрядности даосизма, буддизма, ислама и христианства.

Ритуалы и магические практики с благовониями в буддийских храмах и даосских святилищах Китая демонстрируют особенности современной

религиозной обрядности. На основе письменных буддийских памятников (таких, как «Лотосовая сутра» (妙法莲花经 «Мяо фа лянхуа цзин»); «Сутра о Добродетельном Соблюдении Заповедей Благовоний» (佛说戒德香经 «Фошо цзе дэ сянь цзин»); «Шурангама-сутра» (大佛顶首楞严经 «Дафо дин шоу лэн янь цзин»); «Аватамсака-сутра» (华严经 «Хуа янь цзин»); «Сутра Помоста Шестого Патриарха» (六祖坛经 «Лю цзу тань цзин») и др.), некоторых даосских медицинских трактатов («Канон травоведения Священного земледельца» (神农本草经 «Шэнь-нун бэньцао цзин»), составленном в эпоху Восточная Хань (25–220 гг. н. э.); «Отдельные записи знаменитых врачей» (名医别录 «Мин и белу»), датируемом III в. н. э.; трактат «Лекарственные рецепты ценою в тысячу золотых» (千金要方 «Цянь цзинь яо фан») Сунь Сымяо (581–682); травник «Расширенное собрание лекарственных трав с иллюстрациями» (图经衍义本草 «Туцзин яньи бэньцао»), составленном при династии Сун (960–1279); «Компендиум лекарственных веществ» (本草纲目 «Бэньцао ганьму»), написанном Ли Шичжэнем (1518–1593), и др.), отдельных даосских медитативных заклинаний, а также текстов Священных писаний исламской и христианской традиции рассмотрены особенности использования ароматической древесины аквиларии в письменной и художественно-изобразительной культуре Китая.

Примеры религиозно-мистических практик с использованием благовоний показывают необыкновенную устойчивость традиционного мировоззрения, опирающегося на незыблемые ценности письменной традиции и народных представлений, а также на ритуально-сакральную атрибутику, сопровождающую все важнейшие этапы жизни человека в социуме.

Врадий С. Ю. (ИИАЭ НДВ ДВО РАН, Владивосток)

Китай накануне «опиумных» войн: реакция образованного сословия¹

Считается, что расцвет империи Цин (1644–1912) завершился с окончанием эры правления императора Цяньлуна (1736–1796). Несмотря на то, что военные экспедиции расширили территорию Срединной империи, прославив мощь и величие маньчжурских правителей, финансовые расходы, связанные с их проведением и ослабление контроля со стороны центральных властей стимулировали рост коррупции бюрократического аппарата. Иностранная торговля, как и прежде, составляла малую долю в экономике страны. Ввоз серебра в обмен на экспортируемые товары способствовал росту ремес-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-01-00172.

ленного хлопчатобумажного производства, однако технологического совершенствования при этом отмечено не было. Когда поток серебра изменился в обратном направлении, казна стала стремительно опустошаться, что привело к замедлению темпов развития экономики, созданию питательной среды для формирования армии недовольных, готовых откликнуться на любой призыв к неповиновению и влиться в ряды повстанцев. Увеличение мобилизуемых средств, не приводившее в конечном итоге к заметным положительным результатам, подрывало престиж правящей иноземной династии, вызывало неуверенность в военном могуществе, способности империи противостоять трудностям. Начало 19 столетия было отмечено ростом антиправительственных выступлений, увеличением попыток проникновения со стороны иностранных держав и инертностью чиновников.

Озабоченность по поводу безопасности страны и собственного благополучия стала проявляться среди служилой интеллигенции в конце правления императора Цзяцина — начале эры его сына Даогуана (1820–1851). В этих условиях некоторые представители передовой интеллигенции попытались предложить варианты решения текущих проблем. Среди государственных служащих стало распространяться понимание необходимости перемен, направленных преимущественно на защиту собственного положения и сохранение привилегий. Отвергалось мнение об отстраненности ученого сословия от политических вопросов, что было характерным для периода правления Канси. Ослаб интерес к классическим произведениям конфуцианской схоластики, больше внимания стали обращать на знания прикладного значения, связанные с вопросами политического управления страной и ее экономического развития.

Накануне «опиумных» войн наиболее заметными представителями интеллигенции, государственных служащих, ратовавших по поводу важности практических знаний, были Бао Шичэнь, Тао Шу, Хэ Чанлин, Линь Цзэсюй, Гун Цзычжэнь, Вэй Юань, Яо Ин, Сюй Цзиюй и другие. Будучи участниками либо свидетелями «опиумных» войн, в результате которых империя вынуждена была подписать неравноправные договоры, они предлагали варианты выхода из трудной ситуации. В них наряду с наставлениями из древнекитайской философии присутствовали предложения о современном искусстве государственного управления и ведения войн. При этом на вооружение принимались идеи легизма, предполагавшие необходимость «обогащения государства и укрепления его военной мощи». В этом контексте реальная политика пользовалась прагматическим, основанным на результате подходом не только во внутренних делах, но и в международных отношениях.

Призыв «опираться на богатство и силу» помог противостоять традиционной китайской точке зрения отвергать все иностранное. Укрепить государство можно было «заимствовав» достижения стран Запада, одновременно проводя государственные преобразования в стране. При этом, учитывая сильные

и слабые стороны иностранных держав, противопоставлять их друг другу, извлекая свою выгоду из противоборства («использовать одних варваров для контроля над другими»). Для этого необходимо было собирать доступную информацию о зарубежных государствах, чтобы выявлять их слабые стороны и дипломатическими средствами раскалывать враждебные альянсы.

Многие идеи, озвученные в сочинениях Линь Цзэсюя («Описание четырех материков», «Основные сведения о Российском государстве»), Вэй Юаня («Описание заморских стран с картами»), Сюй Цзиюя («Очерк всемирной географии») и др., получили развитие в работах китайских реформаторов второй половины XIX в. и современно мыслящих деятелей XX-го столетия. Эти сочинения показали перспективу открытия государства внешнему миру, способствовали формированию требований к проведению реформ в Китае, Японии, Корее, которые были определены, исходя из тех сведений о странах Запада, что были получены непосредственно из книг китайских ученых и сановников первой половины XIX в.

Несмотря на то, что мир и его карта существенно изменились, однако рекомендации ученых-сановников начала XIX в. до сих пор находят положительный отклик и, как будто, объясняют некоторые дипломатические решения Китая последнего времени.

Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва)

Новые сведения о прапорщике П. И. Ибисе и «экскурсии на Формозу» в 1875 г.

Зимой 1875 года прапорщик Павел Иванович Ибис (1852–1877), участник кругосветного плавания на корвете *Аскольд* (1872–1876), совершил в одиночку путешествие по Тайваню, итогом которого стал подробный отчет, изданный в статьях на русском (*Морской сборник*, 1876) и немецком языке (*Globus*, 1877)¹. После смерти Ибиса в 1877 г. его имя забыли в России. Лишь через сто лет М. Ф. Чигринский нашел упоминание о нем в работе французского ориенталиста Лякупри² и издал две статьи, где изложил биографию Ибиса и обзор статьи 1877 г. «На Формозе. Этнографическое путешествие Павла Ибиса»³. Но

¹ *Ибис П.* Экскурсия на Формозу // *МС.* 152–I (1876): неофициальный отдел. СПб., 1876. С. 111–149; 152–II (1876). С. 111–141; *Ibis, P.* Auf Formosa: Ethnographische Wanderungen von Paul Ibis (На Формозе. Этнографическое путешествие Павла Ибиса) // *Globus* 31 (1877). С. 149–152, 167–171, 181–187, 196–200, 214–217, 230–235.

² *Lacouperie T. de.* Formosa notes. M. S. S., Races and Languages // *JPAS.* 1887, vol. 19. P. 413–494.

³ *Чигринский М. Ф.* Путешествие Пауля Ибиса на Тайвань // *Советская этнография.* 1982. № 2. С. 60–64; *Чигринский М. Ф.* Российский офицер П. И. Ибис и его записки

Чигринский не знал о первой статье Ибиса «Экскурсия на Формозу» в *Морском сборнике*. В 1993 г. эту статью выявил и выборочно цитировал А. Н. Хохлов¹.

В 1999 г. английский текст статей Ибиса появился в электронной библиотеке Рид-колледжа, что сделало их мировым достоянием. В 2006 г. в сборнике «американских и европейских впечатлений XIX в. о Тайване»² вышел китайский перевод статьи 1877 года. В 2012–2014 гг. этнологические и прочие аспекты статей Ибиса были рассмотрены в работах В. Ц. Головачева³.

Важной вехой стала экспедиция, инициированная Центром тайваньских исследований ИВ РАН. 3–23.03.2014 г. путешественники из Челябинска Ф. И. Лабутин и С. В. Малков прошли по следам Ибиса на Тайване. Экспедиция широко освещалась в СМИ и стимулировала дальнейшие исследования. Позднее С. Малковым была создана экспозиция из 43 свитков с рисунками, фото и текстами Ибиса и Малкова, выявляющая параллели между жизнью на острове сегодня и в 1875 г. В 2014–2016 гг. выставка прошла в гг. Миасс, Челябинск, Москва и Севастополь. В 2017 г. пройдет в Санкт-Петербурге и Владивостоке.

Предпринятые в 2016–2017 гг. поиски в библиотеках, архивах и электронных ресурсах выявили ряд новых статей и документов, проливающих дополнительный свет на обстоятельства заграничного плавания корвета «Аскольд», «экскурсии на Формозу» и детали биографии Ибиса⁴. Среди этих документов — личное дело Ибиса в штурманском училище и карта Формозы, аналог которой он использовал. Находка карты позволит уточнить путь россиянина и этнонимы упомянутых им 13 туземных «племен».

Сегодня, когда имя Павла Ибиса выведено из забвения, необходимо более глубокое изучение его наследия.

о путешествии по Тайваню в 1875 г. // Страны и народы Востока. Вып. XXIV. М., 1984. С. 56–64.

¹Хохлов А. Н. Исторические связи России с Тайванем до 1917 г. // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем. М., 1993. С. 123–138.

²Curious investigations: 19th-century American and European impressions of Taiwan. Ed. by Douglas L. Fix, Charlotte Lo. Тайбэй, 2006. Перевод статьи П. Ибиса в Гл. 7. С. 153–198.

³Головачев В. Ц. Этническая история Тайваня в трудах русских путешественников и ученых (кон. XVIII — 1-я треть XX в.) // Этнографическое обозрение. М., 2012. № 2. С. 165–174; Головачев В. Ц. «Живописное обозрение» и исследования Тайваня в дореволюционной России (XIX — начало XX в.) // Общество и государство в Китае. XLIV н. к. М., 2014. Ч. 1. С. 458–466; Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. М., 2014. С. 18–24.

⁴Высочайшие приказы по Морскому ведомству (№1059) // *Морской сборник (МС)*. Т. 140. №1, СПб., 1874. С. 3; Высочайшие приказы по Морскому ведомству (№ 1247) // *МС*. Т. 161. № 7, СПб., 1877. С. 2; РГАВМФ, Ф. 406, О. 3; Ф. 410, О. 2; Ф. 1212, О. 2; Ф. 1331, О. 7.

Гулева М. А. (СПбПУ, Санкт-Петербург)

**Образы русских эмигрантов
в журнале «Шидай маньхуа»¹**

Журнал «Шидай маньхуа» 時代漫畫 (ШМ) выходил в Шанхае в 1934–1937 гг. Выпуски содержали карикатуры и фельетоны на злободневные политические, экономические, социальные и международные темы, а также зарисовки из повседневной жизни — в основном, Шанхая, но иногда и других городов и провинций Китайской Республики. Журнал издавался один раз в месяц, а в числе его авторов были как самые известные журналисты своего времени, так и начинающие художники: Лу Шао-фэй 魯少飛, Чжан Чжэн-юй 張正宇, Е Цянь-юй 葉淺予, Хуа Цзюнь-у 華君武 и многие другие. Оказавшись одним из самых влиятельных изданий Нанкинского десятилетия (1928–1937 гг.), «ШМ» был при этом относительно свободен в выборе тем и сюжетов, поскольку позиционировался как «развлекательное» издание.

Среди сюжетных линий, появлявшихся на страницах журнала, фигурируют русские эмигранты в Китае. Их жизнь в изложении «ШМ» состояла из труда, тягот и высокомерного поведения бывшего дворянства. В первом выпуске журнала (январь 1934 г.) «русские сюжеты» появляются дважды: с одной стороны, на с. 5 Сталин оказался в компании Рузвельта, Муссолини, Гитлера и Араки Садао, а с другой — на с. 6 в ряду фотографий иностранных заведений в Шанхае (французских, японских, индийских и других) занял свое место и русский магазин с вывеской «Рождественская выставка женских рукоделий и изящных работ». Здесь, как и в ряде других примеров, русские эмигранты представлялись коммерсантами, стремившимися заработать на жизнь и преуспеть. В седьмом выпуске «ШМ» подчеркивалось уже не сходство белоэмигрантских предприятий с другими иностранными заведениями Шанхая, а наоборот, отличие статуса русских от граждан западных держав: белоэмигранты не могли рассчитывать на силу оружия или на права экстра-территориальности, так что в журнале проскальзывали даже нотки сочувствия и симпатии к «вечным изгнанникам» (вып. 21, с. 15), лишившимся отечества. Русские женщины обречены были «флиртовать» на улице Ся-фэй (ныне ул. Хуайхай) — одном из центров белоэмигрантской жизни в Шанхае; мужчинам же оставалось или изображать «беспечность», или работать полицейскими и охранниками, несмотря на дворянское происхождение и высокие чины в прошлом. При этом отмечалась как многочисленность русских, и особенно русских женщин, на улицах, так и их неумение приспособиться к китайскому стилю ведения дел.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17–21–49001а(м) («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

Однако близость русских, их стремление обособиться и сохранить свое дворянское достоинство вызывали раздражение и презрение, что отразилось и во многих публикациях «ШМ». В журнале по отношению к русским жителям Шанхая встречается такой оксюморон, как «высокородные нищие», а «сын великого князя», устроившийся в полицию на территории шанхайского международного сэттльмента, стал героем заметки о том, как он побил гуляющих в парке и был за это привлечен к ответственности в своем же участке (вып. 19, с. 36). Русские заведения, помещенные в один ряд с западными в первом выпуске, через два года (1936 г., вып. 27, с. 39) оказались уже в положении убежища для небогатых китайцев, которые хотели «сохранить лицо», но не могли позволить себе поход в уважаемое заведение и потому искали «русской поэтичности».

В целом, в публикациях «ШМ», касающихся русских эмигрантов, не чувствуется ненависти или страха – более распространены либо сочувствие, либо снисхождение, но проявление такого же отношения можно заметить и в случае других вынужденных переселенцев. Русские эмигранты никак не ассоциировались с Советским Союзом даже на уровне лексики («советское» чаще обозначалось термином *су* 蘇, тогда как белоэмигранты именовались либо «белыми русскими» *бай-э* 白俄, либо диалектным словом *ло-сун* 羅宋) и не изображались как угроза, что отличало их от других иностранцев в Шанхае. Но можно говорить с определенной долей уверенности, что презрительность и раздражение, которые заметны в целом ряде публикаций журнала о русских шанхайцах, служат дополнительным подтверждением тому, как мало удавалось белой эмиграции интегрироваться в жизнь крупного китайского города.

Дмитриев С. В. (ИБ РАН; ИСАА МГУ; РГГУ, Москва)

Музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности тангутских буддистов по тангутско-китайскому словарю «Перл в ладони» (1190)

Тангутское государство *de iure* существовало с начала XI в. по первую четверть XIII в., когда оно было уничтожено Чингис-ханом. Тангутский язык и тангутская культура просуществовали несколько дольше, но последние их следы также затерялись не позднее чем в XVII–XVIII вв. К счастью, в 1908 г. Монголо-Сычуаньская экспедиция под руководством П. К. Козлова во время работ в заброшенном городе Хара-Хото обнаружила богатейшую тангутскую библиотеку, изучение которой позволило вырвать тангутов из пучин Леты, куда они, казалось бы, к тому времени погрузились безвозвратно.

Среди важнейших книг этой библиотеки — тангутско-китайский словарь «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языков»,

составленный тангутским интеллектуалом Квельдэ-риепху и изданный около 1190 г. Словарь представляет собой сборник терминов, освещающих важнейшие категории тангутской культуры и лексики, снабженных переводами на китайский язык и фонетической транскрипцией китайскими иероглифами. Помимо его крайней ценности как практически единственного двуязычного тангутского словаря (что особенно важно при попытках точного перевода терминов, относящихся к некоторым областям лексики, чье однозначное толкование почти невозможно без опоры на синхронное иноязычное толкование), нельзя не отметить и то, что его составитель очевидно стремился к созданию максимально яркого и репрезентативного отражения тангутской культуры, в связи с чем набор понятий, собранных в словаре, надо воспринимать не как случайный, но как продуманный свод наиболее оригинальных и репрезентативных категорий тангутской культуры, специально собранных для того, чтобы сделать тангутскую культуру максимально более понятной и яркой для иностранного (в данном случае — китайского) читателя. Это намерение автора вполне ясно изложено в предисловии к словарю. К сожалению, этот словарь, хорошо известный специалистам, практически никогда не исследовался как цельный памятник и источник по тангутской культуре.

В своих предыдущих выступлениях мы останавливались на некоторых из категорий, отраженных в «Перле» — названиях растений, праздничных блюдах. Анализировался нами и состав тангутского светского оркестра. Однако помимо мирской музыки в словаре отражены и термины, относящиеся к музыке храмовой: на л. 21а представлены 6 инструментов, использовавшихся в буддийских богослужениях (два вида колоколов, два вида барабанов, гонг и раковина); анализ этих понятий представляет, с нашей точки зрения, немалый интерес. Нельзя не отметить, что термины, обозначающие музыкальные инструменты, представлены чересполосно с иными храмовыми ритуальными принадлежностями — четками, знаменами, сосудом для воды, ваджрой и т. п. Это не позволяет нам ограничить наш анализ данного фрагмента словаря только музыкальными инструментами — очевидно, сами тангуты не проводили здесь четкого разграничения между звучащими и незвучащими предметами, необходимыми при богослужении.

Как и всегда при анализе категорий тангутской культуры особый интерес представляет попытка определить влияния, определившие формирование той или иной части этой крайне разносторонней и восприимчивой цивилизации, формировавшейся в самом сердце Центральной Азии, на перекрестке китайской, тибетской, уйгурской культур и влияний Степи и Великого Шелкового пути. В данном случае представляется любопытным выяснить степень оригинальности тангутской терминологии, относящейся к материальному измерению богослужения, ее зависимость от китайской, тибетской, санскритской традиции.

Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)
**Новые подходы в исследовании голода
в период «большого скачка» в КНР**

Политика «большого скачка» и ее последствия для страны — одна из наиболее важных и болезненных тем историографии Китая. Однако количество исследований по данной теме и степень известности этих событий широкой публике несоизмеримы с масштабом трагедии. Можно перечислить несколько десятков интересных научных статей на английском и китайском языках и буквально несколько книг. Наибольший интерес, пожалуй, привлекали два аспекта: демографические последствия бедствия и причины региональных различий их тяжести. Оценки демографических потерь находятся в диапазоне от 16 до 60 млн чел. Цао Шуцзи¹ называет цифру 32,5 млн, Ян Цзишэн² — 36 млн, Ф. Дикеттер³ — 45 млн. По поводу главной причины, вызвавшей голод, разногласий давно уже нет — это политика «большого скачка», речь идет лишь о степени информированности и ответственности Мао Цзэдуна и других лидеров КПК. А вот существенные отличия ситуаций в разных провинциях вызвали к жизни появление целого ряда гипотез. Приведем лишь некоторые из них: чем выше уровень производства зерновых на душу населения, тем ниже смертность в регионе; чем больше в регионе городов, тем выше смертность в деревне (в связи с приоритетным снабжением городов); степень радикализма зависела от потребности руководителей провинции в укреплении и повышении своего статуса; в регионах сохранялась «историческая память» о бедствиях, пережитых в недавнем прошлом, и соответствующие поведенческие модели и т. д.

Первой попыткой создания комплексного специального исследования стала работа журналиста Дж. Бекера⁴. Ее трудно назвать научной в строгом смысле, но Бекеру удалось привлечь к теме внимание широкой публики. Монографии Цао Шуцзи и Дикеттера уже базировались на огромном количестве архивных материалов. Авторы сумели изучить документы КПК, хранившиеся в некоторых провинциях и уездах. Как отмечал Дикеттер, в некоторых случаях в местных архивах обнаруживались и документы, имеющие отношение к истории выработки политики — фрагменты речей, стенограмм заседаний, директивы

¹ *Цао Шуцзи*. Да цзихуан — 1959–1961 нянь ды чжунго жэнькоу (Великий голод — Население Китая в 1959–1961 гг.). Гонконг, 2005.

² *Yang Jisheng*. Tombstone: The Great Chinese Famine, 1958–1962. Книга издана в Гонконге на кит.яз. в 2008 г., сокращенный вариант переведен на несколько западных языков.

³ *Dikötter F.* Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–62. Эта монография, опубликованная в Лондоне в 2010 г., была удостоена премии Сэмюэла Джонсона, главной британской литературной премии в области нон-фикшн.

⁴ *Becker J.* Hungry Ghosts: Mao's Secret Famine. NY, 1998.

и т. п. Кроме того, было собрано и опубликовано значительное количество воспоминаний людей, переживших голод (работы Ян Цзишэна, Чжоу Сюнь¹).

Интересно отметить, что в работах последнего десятилетия изменилась датировка периода голода. Вплоть до последнего десятилетия голод датировали 1959–1961 г., а Дикеттер, Ян Цзишэн, Чжоу Сюнь аргументированно расширяют период до 1958–1962 гг. Таким образом, утрачивает смысл термин «три года стихийных бедствий» — давно признано, что стихийные бедствия нельзя считать основной причиной голода, а теперь изменился и временной промежуток.

Пожалуй, больше всего откликов и дискуссий вызвала монография Дикеттера. Автор называет голод периода «большого скачка» «самой масштабной рукотворной катастрофой», виновник которой превзошел и Сталина, и Гитлера. Эта книга не только о трагедии, она — о преступлении, о массовом убийстве, не только о том, как умирали от голода, но и о том, как морили голодом, о вошедших в обиход пытках, унижениях и насилии. Дикеттер ставит события периода «большого скачка» в ряд трех величайших преступлений против человечества в XX в. (два других — Холокост и Гулаг).

Доронин Б. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китайская историческая наука нового времени: начало пути

Новую историю своей страны китайские историки начинают с событий первой опиумной войны (1840–1842). Считается, что с этого рубежа началось разрушение устоев просуществовавшей многие века конфуцианской монархии и становление нового постимперского Китая. Радикальное обновление затронуло и ее важнейший институт — официальное историописание. Оно сразу же практически утрачивает свои позиции, уступая их стремительно набирающей силу новой современной исторической науке. Свои труды, посвященные этой проблематике, китайские ученые начинают с творчества Гун Цзычжэня (1792–1841), Линь Цзэсюя (1785–1850) и Вэй Юаня (1794–1857), которые стояли у истоков этого процесса. В поисках путей спасения страны в своей деятельности на ниве историографии они обратились к наиболее актуальным проблемам современности, что принципиально отличало их от занимавшихся древностью придворных историков. Именно они стимулировали изучение зарубежья и проблем границ двух магистральных для историографии XIX — начала XX вв. тем. Китайские ученые подчеркивают, что именно взгляды Гун Цзычжэня, Линь Цзэсюя и Вэй Юаня, их подход к освещению

¹Zhou Xun (ed.). *Forgotten Voices of Mao's Great Famine, 1958–1962: An Oral History*. Yale, 2012.

и трактовке исторических событий во многом определили пути развития исторической науки того времени.

Эти выдающиеся представители цинской элиты, действительно, занимают очень важное место в китайской историографии этого времени, но сложившаяся его оценка противоречит хорошо известным фактам и требует корректировки.

Жесточайший кризис, который переживала тогда империя, заставил власти мобилизовать для его преодоления все ресурсы, которыми располагала конфуцианская монархия. Важнейшая роль здесь традиционно отводилась официальному историописанию. Предназначенное быть опорой правящей династии, оно всегда (и особенно с приходом к власти династии Цин) занималось ее историей. Кризис заставил придворных историков сосредоточить свое внимание на современности. Источником всех бед, обрушившихся на империю, власти считали агрессию держав. Это была неведомая им сила, а многовековой опыт взаимоотношений с зарубежьем, накопленный конфуцианской монархией, учил, что его необходимо знать, иначе успешно противостоять исходящей оттуда угрозе невозможно. Аккумуляцией такой информации и ее сохранением в императорском Китае традиционно занимались придворные историки. Но в XIX веке оперативно решить эту важнейшую государственную задачу они не могли и этим занялась элита. Собранный ею фактический материал и их рекомендации власти активно использовали в своей внешнеполитической практике.

Традиционна для официального историописания была и проблема границ, она появляется уже в текстах X в. до н. э. и с тех пор неизменно присутствует в трудах придворных историков. Ее официальная трактовка предполагала характеристику состояния дел на периферии империи, складывающихся там межнациональных отношений, а также взаимоотношений с сопредельными странами и народами. В силу определенных причин эта проблема особое звучание приобрела в империи Цин, а в XIX в. она получила необыкновенную актуальность, трудами придворных историков и элиты был создан огромный фонд посвященных ей трудов.

Таким образом, Гун Цзычжэнь, Линь Цзэсюй и Вэй Юань разрабатывали проблематику, которой всегда занималось официальное историописание, а в XIX в. ставшую особо востребованной властями. Они были представителями элиты, воспитанной цинскими властями в беспрекословной верности престолу и предписаниям государственной доктрины и посягать на устои конфуцианской монархии и ее надежную опору — официальное историописание — они просто не могли. Как основоположники новой исторической науки они стали известны в Китае лишь в конце XIX в., когда вышли в свет их труды в окончательной редакции. Можно предположить, что к их пропаганде и трактовке были причастны будущие реформаторы — как это было принято

в Китае, в своих начинаниях им необходимо было опереться на предшественников. Все говорит о том, что даже в период, когда конфуцианская монархия доживала свои последние дни, официальное историописание оставалось самым стабильным ее институтом и еще много десятилетий продолжало определять лицо китайской исторической науки. Сложные процессы, которые в ней тогда шли, еще требуют основательного и непредвзятого изучения.

Зельницкий А. Д. (Институт философии, СПбГУ)
Подлунный старец. Когда возникает культ?

Подлунный старец является весьма популярным божеством в современном Китае. Особенно заметен его культ на территории Тайваня. Тем не менее, при всей его популярности, до сих пор нельзя с точностью сказать, с какого времени практикуется его почитание.

Известно, что сам персонаж впервые появляется на страницах сборника «Продолженные записи о темном/сокровенном и странном» (*Сюй ю/сюань гуай лу* 續幽/玄怪錄) кисти Ли Фуяня 李復言 (ум. в 830 г.). Это хорошо известная история о Вэй Гу, 韋固, остановившемся в местности Сунчэн 宋城, что соответствует современному городу Шанцю 商丘 в провинции Хэнань 河南. Рассказывается, что однажды ночью он, прогуливаясь по парку, увидел некоего странного старца, читавшего книгу, написанную неизвестными иероглифами. Вэй Гу спросил его, что это за книгу он читает, на что получил ответ, то это «книга неведомого» (*юмин чжи шу* 幽冥之書). Поняв из пояснений старца, что он имеет дело с небожителем, Вэй Гу захотел уточнить, чем же старец занимается, на что получил ответ: «браками в Поднебесной». Уже после этого Вэй Гу хочет выяснить, на ком же и когда ему суждено жениться, и получает ответ, что это произойдет через 17 лет и что его супругой станет тогда еще трехлетняя дочь кривой продавщицы зеленыю. Мешок же, на котором сидел старец, оказался наполненным красными нитями, которыми он уже связал лодыжки будущих супругов, что предопределило их брак. Далее следует история о том, как сам Вэй Гу решил испытать судьбу и подослал слугу убить кривую продавщицу зелени и ее дочь. Слуга не смог убить ребенка и позже оказывается, что та девушка, на которой женится Вэй Гу, это и есть та самая дочка кривой продавщицы зеленыю, удочеренная правителем области. После этого Вэй Гу вешает над входом в постоянный двор Сунчэна доску с надписью «Место неизбежного супружества» (*Дин хунь дянь* 定婚店). Эта весьма популярна. Известен ее перевод на русский язык, выполненный О. Л. Фишман¹.

¹Танские новеллы // Пер. с кит. О. Фишман и А. Тишкова. М.: Гослитиздат, 1960. 252 с.

В связи с этим текстом возникает ряд вопросов. Во-первых, не вполне ясно, есть ли основания считать эту новеллу записью некоей местной легенды и если да, то каков в ней процент авторского вымысла. Во-вторых, что могло способствовать возникновению самого образа Подлунного старца? Наконец, в-третьих, не ясно, оказывала ли она какое-то влияние на религиозно-мифологические представления танской эпохи. Не менее интересен вопрос о том, с какого момента отсчитывать начало истории самого культа. По умолчанию считается, что началом можно считать саму новеллу, однако, подтверждения существования культа ни в Тан (618–907), ни в Сун (960–1279) до сих пор нет. Единственное, что известно, это то, что определенными ассоциациями наделялась красная нить, о чем пишет китайский исследователь Ма Шутянь, приводя историю сватовства Го Юаньчжэня 郭元振 (656–713), военачальника (дуду 都督) области Цзинчжоу 荊州 из биографических разделов обеих «Книг [по истории] Тан». В рассказе говорится, что его начальник Чжан Цзячжэнь 張嘉貞 (666–729) решил женить его на одной из своих дочерей, а поскольку ему не удалось найти сваху, то он устроил так, чтобы выбор произошел «сам собой». Он посадил своих дочерей за ширмой и дал каждой в руки по красной нити, кончик которой высовывался из-за ширмы наружу. Го Юаньчжэнь потянул за одну из нитей и вытянул третью по старшинству дочь, на которой и женился¹. Стоит, правда, обратить внимание на то, что сама история относится ко времени более раннему, чем новелла Ли Фуяня и в ней говорится только о красной нити. Тем не менее, можно предположить, что культ Подлунного старца мог возникнуть на рубеже XIII–XIV веков, поскольку он упоминается в одной фразе пьесы «Оставленная туфелька» (*Лю се цзи* 留鞋記) эпохи Юань (1280–1368)². Причем, фраза «Зачем обращаться к Подлунному старцу, если ты и так превосходная сваха?» говорит, что зритель должен был понимать о ком именно идет речь, а также о существовавшей в сознании зрителей и автора пьесы связи этого божества с возможностью заключения брака. С этого момента уже можно указать на появление этого персонажа еще в двух драматических произведениях эпохи Мин (1368–1644) и, наконец, на страницах знаменитого романа XVIII века «Сон в красном тереме», где его образ соединяется с поговоркой «Брачные узы протягиваются через тысячу ли» (*цянь ли инь юань и сянь цянь* 千里姻緣一線牽)³. Таким образом, наиболее вероятно предположение о появлении культа не в эпоху Тан, а на рубеже эпох Сун и Юань.

¹ Ма Шу-тянь 馬書田 中國民間諸神 Народные божества Китая, 臺北: 國家出版社 2005. 380 с.

² Цы юань 辭源 商務印書館出版 北京, 1998. 3523 с.; Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII–XIV веков — М.: Изд-во «Наука» ГРВЛ. 336 с.

³ Ма Шу-тянь 馬書田 中國民間諸神 Народные божества Китая, 臺北: 國家出版社, 2005. 380 с.

Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск)

Характеристика пространства храма предков (по материалам трактата «Ли цзи»)

«Ли цзи» («Записи [о] ли») — один из важнейших текстов китайской духовной культуры. Трактат относится к числу канонических конфуцианских памятников. Представляется справедливым рассматривать «Ли цзи» как идеологического характера сборник, разъясняющий значимость *ли* и других основ конфуцианского учения.

Почитание умерших родителей и близких родственников, составляло содержание распространенного в древнем Китае культа предков. Уважительное отношение к покойным предкам имело, в том числе, и прагматическую составляющую: умиловить духов, чтобы получить от них помощь и поддержку. В отношении Китая, как и ряда других культур, культ предков может рассматриваться в качестве универсальной особенности, характеризующей и определяющей всю религию и социальную жизнь¹.

Храм предков/родовой храм *цзунмяо* — место проведения социально значимых событий в жизни человека. Перемена социального статуса происходила во взаимосвязи с сакральной сферой. Это требовало регламентации и соблюдения ритуала, дабы общество в целом не испытало затруднений и не понесло ущерба². Обеспечить сакральную чистоту действия и гарантировать успешный исход мероприятия мог только храм предков — локус особого свойства.

«Ли цзи» содержит строгие предписания относительно количества храмов, которое необходимо было возвести с целью выражения сыновнего долга перед предками. Порядок определял, что наибольшее количество ритуальных «объектов» (девять) должен был соорудить верховный правитель *Тянь-цзы*: семь храмов *мяо*, один жертвенник *тань* и одно место для жертвоприношений *шань*.

Устройство храма предков было наполнено символическим смыслом. Сооружение располагалось на возвышении. В главный зал *тан* вели две лестницы, считавшиеся священными. Передвижения участников события по лестницам «маркировали» этапы ритуала, «обозначали» и «фиксировали изменения» социальных ролей в процессе осуществления ритуала. Прочие помещения и пространства храма: жертвенная кухня, кладовые для хранения табличек с именами предков, одежд умерших пращуров, используемых при совершении жертвоприношениях сосудов, одежды и других предметов.

¹ Кассирер Э. Эссе о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Религиоведение. Хрестоматия / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: «Книжный дом «Университет», 2000. С. 693.

² Генпен А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002. С. 9.

Спускаясь вниз, в обратную сторону от зала *тан*, лестницы вели на небольшой дворик, обнесенный оградой. В ограде напротив храма воздвигались главные входные ворота. На храмовом дворе между лестницами располагался столб *бэй*, к которому привязывали жертвенное животное при совершении заклания. Жертвоприношения сопровождали каждое событие, происходящее в храме. *Тянь-цзы*, например, совершал заклание крупного рогатого скота; а простолюдины *цужэнь* приносили жертвы луком-пореем и яйцами весной, пшеницей и рыбой летом, просом и свиной мясью осенью, рисом и диким гусем зимой¹.

«Ли цзи» представляет храм как упорядоченный и гармонизированный локус вселенной. Именно в этом месте, при таком состоянии реальности, с помощью совершения соответствующего ритуала становится возможным в полной мере проявить сыновнюю почтительность *сяо*, что для древнего человека являлось основным смыслом жизни. Всякий раз при апелляции к родовому храму составители трактата используют коннотации сакрального — идеальный, правильный, гармоничный, совершенный. Родовой храм фигурирует в тексте именно как центр упорядоченного бытия и «точка отсчета», центральная ось последующей пространственной ориентации для человека².

Спатиальное измерение храма символизировало вселенную. Оно было «звучащим» пространством смыслов, подчеркивало способность музыки устанавливать космический порядок³. Устройство правильного порядка в родовом храме — способ гармонизации социальных отношений, проявление уважения и почтения к предкам.

Важнейшей чертой храма⁴ является пребывание в нем какой-либо сакральной сущности, создающей условия для совершения в данном локусе всей полноты религиозных обрядов. «Сакральной сущностью» *цзунмяо* являлись духи предков, их «обитание» в храме диктовало человеку соответствующее религиозное поведение, ориентированное на совершение определенных ритуальных действий, нацеленных на контакт с духами.

Имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что функциональные параметры *цзунмяо* в целом соответствуют универсалиям, характеризующим священное пространство и храмовые символы других культур.

¹ Ли цзи и чжу / Ян Тяньюй чжуань [禮記譯註 / 楊天宇撰. 上海: 古籍出版社]. «Ли цзи» с переводом и комментариями: В 2 т. / Сост. Ян Тяньюй. Шанхай: Гуцзи чубаньшэ, 1997. Т. 1. С. 209.

² Эшаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 22.

³ Локонова Е. Л. Храм как культурно-символический текст (на примере православного храма): дис. канд. философ. наук: 09.00.13 / Е. Л. Локонова; Юж. федер. ун-т. — Ростов-на-Дону, 2008. Ростов-на-Дону, 2008. С. 10.

⁴ Согласно определению, данному И. П. Давыдовым в энциклопедическом словаре «Религиоведение»: Давыдов И. П. Храм // Религиоведение / Энциклопедический словарь. М.: Академический Проект, 2006. С. 1149.

Кобзев А. И. (ИВ РАН, Москва)

К уточнению перевода заглавия «Ши цзина»

В отечественной синологии переводы заглавия основополагающего памятника китайской поэзии и канонической литературы «Ши цзина» (詩經) отличаются завидным разнообразием. Только у одного В. М. Алексеева (1881–1951) встречаются такие, как «Книга песен», «Книга песен и гимнов», «Книга гимнов, од и песен», «Книга од и стихов», «Книга стихов», «Книга од», «Книга поэзии». Первые два варианта альтернативно и вместе использованы в трех изданиях перевода А. А. Штукина (1904–1963) в 1957 и 1987 гг., а в опубликованном В. П. Абраменко в 2015 г. втором полном поэтическом переводе «Ши цзина» на русский язык он назван «Каноном поэзии». В современной справочной литературе в качестве основного закрепился перевод «Канон стихов».

Различие между «песнями» и «стихами» тут имеет принципиальное научное значение, поскольку, по справедливому замечанию М. Е. Кравцовой (2014), «не будет преувеличением сказать, что стержневой академический сюжет отечественного и европейского китаеведения составляют старания установить, что же является для «Ши цзина» определяющим — песенное или собственно поэтическое (стихотворное) начало».

Столь же важно понимание разницы между просто «книгами» *шу* (書) и «канонами» *цзин* (經). Трудом В. С. Спирина (1929–2002) и российских сиологов-структуралистов в 1970–1980-е гг. был установлен точный текстологический смысл термина *цзин* — «канон», впервые официально утвержденный издательством «Советская энциклопедия» в «Философском энциклопедическом словаре» 1989 г. в нашей статье «Тринадцатиканоние» («Ши сань цзин» 十三經), где «Ши цзин» представлен как «Канон стихов».

Перевод «Канон поэзии», популяризируемый В. В. Лихтман (Дорофеевой, 1988) и вслед за ней М. Е. Кравцовой (с 1994), хуже, поскольку подменяет точное и конкретное значение иероглифа *ши* (詩) — «стихи» абстрактным и более широким (вплоть до совпадения с «художественной литературой») понятием поэзии, едва ли ему присущим, особенно в древности. Дискретно-множественный и версификационный смысл термина очевиден в описании Сыма Цянем (司馬遷, 145/135–87/86 до н. э.) создания «Ши цзина», глясящем, что сначала существовали 3000 с лишним единиц (буквально: «писчих планок» 片篇) *ши* (詩), а потом Конфуций сократил их до 305 («Ши цзи» 史記, цз. 47).

Неопровержимым свидетельством этого смысла стало обусловленное происхождением и составом альтернативное название «Ши цзина» — «Ши сань бай» (詩三百 «Триста стихов», точнее «Стихов три сотни»), которое встречается уже в «Лунь юе» (論語 «Теоретические речи», II, 2, XIII, 5) и «Мо-цзы» (墨子, гл. 48) и которое В. М. Алексеев переводил как «Канон Трехсот» или просто «Триста». Исходное же наименование «Ши», под которым памятник

фигурировал до причисления к канонам-цзин в эпоху Западной/Ранней Хань (206 до н. э. — 8 н. э.), он передавал как «Стихи» или «Оды». Поэтому и крупнейшие западные переводчики «Ши-цзина» отказались от устаревшего варианта Дж. Легга (G. Legge, 1815–1897) «Книга поэзии» («The Book of Poetry», 1871/1876), заменив в заглавии «поэзию» «песнями» («The Book of Songs» у А. Уэйли / A. Waley, 1937) или «одами» («The Book of Odes» у Б. Карлгрена / B. Karlgren, 1950).

Кудинова М. А. (НГУ, Новосибирск)

Данные археологических и эпиграфических источников о ритуальном использовании собак в Шан

Начиная с периода ранней Шан получает широкое распространение обычай жертвоприношения собак и захоронения собак в могилах. Рядовые погребения эпохи Шан представляют собой вертикально-ямные могилы прямоугольной формы с *яокэном*. *Яокэн* («срединная яма») — важнейшая конструктивная особенность шанских погребений — это яма, чаще прямоугольной или овальной, реже квадратной формы, расположенная в центре погребальной камеры под телом покойного. Захоронение собак в *яокэнах* становится неотъемлемой частью шанского похоронного обряда. Кроме того, собаки могли быть погребены на земляном уступе, проходившем вдоль стенок погребения, и/или в заполнении могильной ямы. В *яокэн* всегда помещали одну собаку, всего же в могиле могло быть захоронено до шести особей. Известно 95 ранне- и среднешанских могил, в которых были захоронены собаки, на 15 памятниках. Для позднешанского периода известно как минимум 694 могилы с захоронениями собак, на 52 археологических памятниках. Традиция захоронения собак была распространена практически на всей территории, которую занимала культура Шан.

По мнению Ли Цзи, захоронения собак и людей в *яокэнах* могли трактоваться как сопроводительная жертва: охотничьи собаки и рабы, сопровождавшие хозяина при жизни, должны были последовать за ним и в мир иной¹. Гао Гуанжэнь и Шао Ванпин считают, что собаки, захороненные в шанских могилах, «были жертвами, которые должны были служить покойному или выступать в качестве его охранника»². Данные зооархеологических исследований остеологических

¹ Li Chi. The Beginnings of Chinese Civilizations: Three Lectures Illustrated with Finds at Anyang. Seattle: University of Washington Press, 1957. P. 25.

² Гао Гуанжэнь, Шао Ванпин. Чжунго шицзянь шидай дэ гуи лин юй цюань шэн [高广仁、邵望平. 中国史前时代的龟灵与犬牲 // 邵望平. 邵望平史学、考古学文选; дух черепахи и жертвоприношения собак в Китае доисторической эпохи // Шао Ванпин. Шисюэ, каогусюэ вэньсюань Избранные труды по истории и археологии]. Цзинань: Шаньдун дасюэ чубаньшэ, 2013. С. 387.

материалов собак, найденных при раскопках могильников Сяоминьтунь¹ и Цяньчжанда², позволяют уточнить существующие интерпретации. Большая доля щенков в возрасте до 1 года указывает на то, что собаки захороненные в могилах, не являлись прижизненными любимцами и компаньонами людей, с которыми они сопогребены. Возможно, захоронения собак в *яокэне* следует трактовать как строительную жертву при закладке могилы. При сооружении могилы необходимо было, чтобы и место, и сама конструкция были ритуально «чистыми», таким образом, жертвоприношение собаки совершалось как обряд очищения. В таком случае использование именно молодых животных представляется вполне логичным. Собаки, погребенные на уступе, в могильном коридоре, земле, заполняющей могилу, были, вероятно, принесены в жертву духам предков или духам мира мертвых в процессе похорон.

Скелеты и отдельные кости собак найдены также в жертвенных ямах и на жертвенных площадках. Исходя из контекста находок, можно сделать вывод об использовании собаки в Шан в качестве строительной жертвы, жертвы духам предков и божествам земли. Археологические материалы могут быть дополнены данными эпиграфических источников. В настоящее время известно более 200 надписей на костях животных и панцирях черепах, включающих иероглиф 犬 *цюань* «собака». В основном они содержат информацию о ритуалах, в ходе которых приносили в жертву собак. Приводятся разные способы жертвоприношений, а также различные объекты (стороны света, духи предков, Земля, Небо, метеорологические явления и т. д.) и цели (усмирение ветра, прекращение болезней).

Кузнецова-Фетисова М. Е. (ИВ РАН, Москва)

Образы людей в искусстве «Великого города Шан» (XIV–XI вв. до н. э.)

Вторая половина II тысячелетия до н. э. в Китае — эпоха становления древнекитайской цивилизации и государственности. Этот период характеризуется быстрым развитием крупных городских центров, введением сложной государственно-административной системы, фиксированием и расширением употребления письменности. Согласно традиционной историографии, это являлось временем правления династии Шан-Инь; в XX веке эти сведения были

¹ Ли Чжипэн. Шан вэньхуа муцзан чжун суйцзандэ гоу шэн яньцзю эрти. [李志鹏. 商文化墓葬中随葬的狗牲研究二题 // 南方文物; Два вопроса, связанные исследованиями жертвенных захоронений собак в могилах культуры Шан] // Наньфан вэньу. 2011. № 2. С. 100–104.

² Тэнчжоу Цяньчжанда муди. [滕州前掌大墓地; Могильник Цяньчжанда [в уезде Тэнчжоу]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2005. 832 с.

подтверждены данными археологии и эпиграфики. Изучение материальной и духовной жизни шан-иньского населения имеет важное значение для понимания исторических процессов становления древневосточных цивилизаций вообще и особенностей развития Китая в частности.

При реконструкции духовной культуры шан-иньского общества исследователи сталкиваются с многочисленными трудностями. Письменные памятники, описывающие верования и ритуалы китайцев, относятся к значительно более позднему времени и отражают картину жизни своего времени; информация о более ранних периодах переосмысливалась в соответствии с изменениями общества, религиозных воззрений, этических и эстетических установок. Поэтому вполне закономерно обращение ученых к археологическим и эпиграфическим данным, а также к искусству. Исследование распространенных мотивов и их расположения на предметах, приемов изображения, особенностей употребления определенных изделий, сопоставление окружающей людей того времени действительности и мира ритуальных образов позволяет сделать выводы о приоритетах и ценностях шан-иньского общества, религиозных воззрениях и обрядах.

Предметы искусства представлены несколькими основными категориями: керамические, бронзовые, каменные, костяные, и, возможно, деревянные сосуды; некоторые разновидности бронзового и каменного оружия; каменные резные пластинки; каменные и костяные таблички; каменные диски; скульптура.

Следует отметить, что изображения на изделиях из различных материалов, таких, как бронза, камень, кость, керамика, дерево, представляют собой единую систему образов, несмотря на значительные отличия в технологиях их обработки. Некоторые особенности присущи каждой из категорий изделий, но общность орнаментального оформления характеризует практически все из них.

В этой системе образов человек определенно не занимал доминирующую позицию: скульптуры и изображения людей крайне немногочисленны; полностью отсутствуют картины любых видов человеческой деятельности, культовой, военной, бытовой, ритуальной и т. д., так же, как и изображения окружающей действительности, природы, жилищ, повседневных предметов. К настоящему моменту известно лишь несколько десятков человеческих лиц на изделиях из бронзы, керамики и из поделочного камня; многие изображения высоко стилизованы, хотя некоторые скульптурные изображения, возможно, имеют реальные прототипы, поскольку фиксируют портретные черты. Можно предположить, что подобное пренебрежение всеми картинами и образами человеческого существования имело в основе своей представление о том, что все это является ординарным и незначительным, профаническим по своей природе, и, следовательно, не заслуживающим фиксации. С другой стороны, редкость портретных изображений свойственна многим ранним обществам,

так как считается, что через образ человека можно причинить вред как его физическому телу, так и духовным составляющим.

Отсутствие половых признаков людей и животных может свидетельствовать о существовании системы запретов в обществе, табуировании сексуальности. Этнографические материалы многих древних и современных народов показывают связь между изображением половых признаков и культурами плодородия; в древнекитайских источниках практически единственным образом, предположительно связанным с фаллической символикой, считается пиктограмма — изображение предка *цзу*. Поскольку по эпиграфическим данным известно, что шан-иньское общество зависело в своем жизнеобеспечении от сельского хозяйства, а получение и обилие урожая являлось постоянным объектом внимания и заботы со стороны правителя, отсутствие выраженных культов плодородия может объясняться необходимостью сдерживания социальной агрессии, зачастую провоцируемой при подчеркивании сексуальных различий полов.

*Лютик Е. В. (Гуандунский Университет иностранных языков,
Гуанчжоу)*

Китайские ученые о перспективах участия и сотрудничества с РФ в проектах Морского шелкового пути (по материалам журнала «Стратегические решения» и тезисов конференций 2016 г.)

Отвечая требованиям современного мира, КНР поддерживает и активно развивает индустрию «мозговых центров¹», которых в стране насчитывается 435². Такие центры осуществляют сбор открытой информации, касающейся существующих в мире новых политических тенденций, анализируют ее и готовят отчеты рекомендательного характера для руководства страны³.

¹Мозговые центры — это центры, получающие финансовую и другую поддержку от государства или частных лиц, которые определяют предмет исследования по отдельным или многим дисциплинам. Центры информируют о результатах своей работы широкую общественность или только узкую целевую аудиторию. В КНР существуют два основных вида деятельности центров: 智囊团 *чжинан туань* — группа экспертов, работающая над практикоориентированными вопросами и 智库 *чжику* — «кузница идей», группа экспертов, работающая над идеологической составляющей.

²The Global “Go-To Think Tanks” 2015. The Leading Public Policy Research Organizations in the World/University of Pennsylvania. Philadelphia, PA. <http://gotothinktank.com/2015-global-go-to-think-tank-index-report/>

³Ngeow Chow Bing. From translation House to Think Tank: the changing role of the Chinese Communist Party’s Central Compilation and Translation Bureau//Journal of Contemporary China, 2015. Vol. 24, No. 93, P. 554–572.

Институт международных стратегических исследований провинции Гуандун¹ — это один из таких «мозговых центров». По результатам его исследований в журнале «Стратегические решения»² публикуются материалы.

Тематики статей разделены по следующим направлениям:

1) ответ китайской внешней политики новым вызовам; новая концепция, теория и практика внешней политики Китая, стратегический анализ международных отношений, включая анализ проблем, стратегии и процесса реализации проекта «Один пояс, один путь»;

2) региональное сотрудничество и его влияние на развитие КНР;

3) региональные системы;

4) анализ эволюции международных отношений, ситуаций в горячих точках в приграничных с КНР районах и в других регионах мира;

5) теоретический анализ международной стратегии и переоценка исторических событий.

«Главной теме XXI века»³ — инициативе экономического развития «Один пояс, один путь» (в частности, его морской части) небезосновательно уделяется особое внимание. Согласно статистическим данным Госкомитета по делам развития и реформ КНР за 2016 г.⁴, торговый оборот между Китаем и странами — участницами проекта «Один пояс, один путь» составил \$848,9 млрд или свыше 25% от общего внешнеторгового оборота Китая за указанный период. Прямые инвестиции Китая в эти страны достигли \$13,4 млрд — 8,3% от общей суммы внешних инвестиций КНР. Налоговые поступления китайских предприятий в бюджет стран «Одного пояса, одного пути» в общей сложности превысили \$1 млрд, было создано 160 тыс. рабочих мест. В странах и регионах организовано 56 баз сотрудничества, в особенности в таких сферах, как производство оборудования, машиностроение и электроника.

¹ 广东国际战略研究 / Guangdong Research Institute for International Strategies (GRIIS)/ Институт международных стратегических исследований провинции Гуандун. Был создан 13 ноября 2009 г. на базе Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (г. Гуанчжоу). Центр занимается изучением влияния внешнеполитических процессов на экономическое развитие провинции Гуандун, проведением консультаций и оказанием исследовательской поддержки региональному правительству и комитету КПК. GRIIS сотрудничает со следующими правительственными организациями КНР: МИД, Министерство торговли, Международный отдел Центрального комитета КПК, Китайская Академия Общественных Наук и Китайская Академия Наук. Основными предметами исследования GRIIS является участие КНР в глобальном экономическом управлении / 中国参与全球经济治理, реализация провинцией Гуандун стратегии «идти во вне» / 广东 «走出去» и Морской шелковый путь / 海上丝绸之路.

² Выходит один раз в два месяца с 2010 г.

³ Из пресс-конференции главы МИДа КНР Ван И «Внешняя политика и международные отношения Китая» от 8 марта 2017 г.

⁴ <http://www.ndrc.gov.cn/> Госкомитет по делам развития и реформ КНР.

Несмотря на внушительные успехи новой стратегической инициативы КНР, нерешенные вопросы высокого уровня коррупции в РФ, излишней бюрократизации и несовершенной законодательной базы по защите иностранных инвестиций стали причиной крайне сдержанных оценок перспектив российско-китайского сотрудничества в проекте ВШП¹ китайскими исследователями².

Анализируя возможности развития Морского Шелкового пути, часть ученых КНР не видит участия в нем РФ. Это связано с тем, что в «южных морях»³ Россия практически не представлена⁴. Высказанные еще в сентябре 2014 г. на межправительственных переговорах заверения о российско-китайском сотрудничестве и развитии проекта «Морского шелкового пути в Северо-Восточной Азии» так и остались нереализованными⁵.

В 2016 году в ученых кругах Китая все чаще стала звучать тема развития северного маршрута Морского Шелкового пути (Арктического пути). Это объясняется участием КНР в российском энергетическом проекте «Ямал СПГ» через фонд Шелкового пути⁶.

¹ 余珍艳. «21世纪海上丝绸之路» 战略推进下中国-印度尼西亚海洋经济合作: 机遇与挑战 // 战略决策研究2017年第1期. 第61 - 81页. / Юй чжэньян. «Морской шелковый путь XXI века». Стратегическое содействие китайско-индонезийскому сотрудничеству в области морской экономики: перспективы и вызовы // Стратегические решения, 2017. № 1. С. 61–81.

² Ван Шучун / 王树春 — профессор Университета Иностранных языков и Внешней торговли, институт Юриспруденции. Чэнь Ханси / 陈寒溪 — руководитель подразделения европейских исследований института международных стратегических исследований провинции Гуандун.

³ Основные страны-участницы проекта Морского Шелкового пути: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Таиланд, Лаос, Вьетнам, Мьянма, Камбоджа.

⁴ 余珍艳. «21世纪海上丝绸之路» 战略推进下中国-印度尼西亚海洋经济合作: 机遇与挑战 // 战略决策研究2017年第1期. 第61 - 81页. / Юй чжэньян. «Морской шелковый путь XXI века». Стратегическое содействие китайско-индонезийскому сотрудничеству в области морской экономики: перспективы и вызовы // Стратегические решения, 2017. №1. С. 61–81.

⁵ 中俄边境城市将推进“东北亚海上丝绸之路经济带”建设 / Вовлечение китайско-российских приграничных городов в «Экономический пояс Морского шелкового пути» от 24.09.2014 http://dqs.ndrc.gov.cn/qyhz/gjqyhz/201409/t20140924_740722.html.

⁶ Китайская компания «Фонд Шелкового Пути» (丝路基金) была создана 29 декабря 2014 г. Фонд является инвестиционным и реализует коммерческие цели, т.е. действует на принципах возвратности вложенных средств. Инициатива по созданию фонда была озвучена Председателем КНР Си Цзиньпином 8 ноября 2014 г. в Пекине на конференции по вопросам партнерства и повышению инфраструктурной связанности. Создание Фонда Шелкового Пути произошло в рамках реализации инициативы «Один пояс — один путь». Заявленный капитал — \$40 млрд (взносы в капитал Фонда: \$6,5 млрд — Государственное управление валютных резервов; \$1,4 млрд — Суверенный фонд Китая и Эксимбанка; \$500 млн — Государственный банк Китая). Основные заявленные направления политики Фонда в сфере инвестиционного участия в реализации

В апреле 2016 года в Гуанчжоу была проведена международная конференция по вопросам сотрудничества в проекте «Морской Шелковый путь»¹, в рамках которой был проведен отдельный форум по российско-китайскому взаимодействию².

Один из ведущих специалистов-аналитиков по вопросам российско-китайского взаимодействия Ван Шучун выступил с докладом на тему ««Экономический пояс Великого шелкового пути» и ЕАЭС: возможности и пути сотрудничества». Среди прочего, докладчик затронул вопрос Арктического маршрута, в рамках развития северного направления Морского Шелкового пути, и перспективы сотрудничества с РФ в этой связи.

Автором были отмечены завышенные ожидания политических элит РФ, согласно которым КНР станет основным финансовым кредитором, проведет модернизацию всех портов Арктического маршрута, железнодорожной инфраструктуры Транссибирской магистрали и автомобильных дорог. Отдельно был поднят вопрос дополнительного анализа перспектив сотрудничества и преимуществ этого в долгосрочном плане с более зависимыми от китайских инвестиций странами³, чем с одной РФ. Так как в случае ухудшения двусторонних российско-китайских отношений работа маршрута может быть приостановлена.

Кроме того, были отмечены положительные аспекты развития направления Арктического маршрута в рамках Морского Шелкового пути, такие как снижение стоимости груза из-за уменьшения расстояния и времени в пути⁴ и отсутствие угрозы морского пиратства.

Руководитель подразделения европейских исследований⁵ Чэнь Ханси высказал в своем докладе, опираясь на статистические данные, неопределенность

инициатив создания сухопутного и морского Шелковых путей и инвестирования в весь сектор реальной экономики (инфраструктура, энергетика, промышленная кооперация, финансовое сотрудничество). Основная цель фонда — зарубежные инвестиции. Участвует в российском энергетическом проекте «Ямал СПГ», который входит в проект Арктического маршрута.

¹ 21世纪海上丝绸之路（广东）国际智库论坛会议综述//战略决策研究。2016年第4期。第96 - 104页。// Морской шелковый путь XXI века (Гуандун). Обзор форума международных экспертов//Стратегические решения, 2016. №4, С. 96–104.

² 第四届岭南国际关系论坛、第六届俄罗斯东欧中亚青年论坛暨“一带一路”与欧亚大陆：历史与现实研讨会，2016年4月。http://news.gdufs.edu.cn/Item/85330.aspx // Четвертый южнокитайский форум по международным отношениям, шестой молодежный форум о России, Восточной Европе и Центральной Азии. Конференция «Один пояс, один путь» и Евразия: история и современное положение дел.

³ Такими как Таджикистан, Узбекистан, Пакистан, Иран, Туркменистан, Азербайджан, Грузия, Украина.

⁴ 7300 морских миль за 20 суток против 11200 морских миль за 33 суток (через Суэцкий канал).

⁵ При Институте международных стратегических исследований провинции Гуандун.

возможности дальнейшего развития российско-китайских отношения в контексте Шелкового Пути, в каких отраслях будет развиваться сотрудничество и что оно принесет в будущем КНР. Данные опасения, как было отмечено, вызваны непредсказуемостью внутренней и внешней политики РФ.

Таким образом, анализ докладов конференций 2016 г. и публикаций издания Институт международных стратегических исследований провинции Гуандун по теме «Морской шелковый путь XXI века» свидетельствует о том, что в современном Китае появились и активно развиваются новые исследовательские направления и их методы. Их результаты направлены на обоснование и поддержку инициативы китайского руководства по расширению своего экономического влияния в РФ, странах Центральной Азии, Африки, ЕС. С учетом того, что практически все 435 «мозговых центров» КНР имеют свои печатные издания, можно сказать, что в современном Китае создается новый сегмент научных исследований.

Мясников В. С. (ИДВ РАН, Москва)

Китайский чай в России¹

Слегка перефразируя заданный Николаем Васильевичем Гоголем в «Мертвых душах» вопрос: «И какой же русский не любит быстрой езды?», сегодня мы можем спросить: «И какой же русский не любит китайский чай?». Судя по сводкам ГИБДД, этот русский продолжает любить быструю езду, автомобиль стал его «упорно двигательным» аппаратом. Но к нему издавна пришла и вторая любовь — к чаепитию. Когда и как это произошло?

Одним из известнейших достижений китайской цивилизации является окультуривание чая. Недавно в китайской печати промелькнуло сообщение о том, что в одной из южных провинций археологи обнаружили в раскопе остатки чая. Они датировали эту находку двухтысячелетним возрастом. Редакция русскоязычного журнала «Китай» стала коллективным автором книги «Его Величество Чай»². Авторы этой книги подчеркивают, что «согласно письменным источникам чаеводство зародилось 3000 лет назад»³. Далее сообщается, что «чай был открыт культурным героем китайской нации Шэньнуном — Боже-

¹Самое начало этой статьи (с. 1–3) я использовал при выступлении на открытии российско-китайской конференции «Чайный путь», Москва, 2 июня 2016 г. Термин «Чайный путь» употребляется как название транспортного маршрута, аналогичного «Шелковому пути». Разумеется, его не следует путать с буддийским понятием «чайный путь», распространенным в Китае и Японии. Для данной публикации текст упомянутого выступления существенно переработан и многократно расширен.

²Коллектив авторов. Его Величество Чай. Пекин: Хуабао чубаньшэ, 2011.

³Там же. С. 2.

ственным земледельцем, покровителем земледелия и медицины, одним из великих мифических правителей Китая»¹. При династии Западная Чжоу уже существовали чайные плантации, и княжество Баго «уже платило дань чаем императору У-вану»². Согласно историку Бань Гу (32–92.) «в районе современного города Чэнду «распространилась мода на чаепитие и появились специальная чайная утварь и принадлежности, а также чайный рынок, который называли Уян»³.

В период династии Суй (589–619)⁴ произошло объединение Китая и был построен действующий до наших дней Великий Канал. Тогда же были открыты лечебные свойства дикорастущего чая. Отвар веточек чайных деревьев использовался в медицине. При следующей династии Тан (618–907) чайные деревья стали одной из сельскохозяйственных культур. Танский ученый Лу Юй (733–804) создал «Чайный канон» («Ча цзин»), в котором говорилось о способах выращивания чайных деревьев, сборе и высушивании их листочков и заваривании чая. Лу Юй рассматривал чай не только как лекарственное средство, но и как полезный повседневный напиток. Он же рассказал, как обрабатывать чайные листья, чтобы получить зеленый чай, желтый чай, красный чай, белый чай⁵. Чай превратился в подлинно национальный напиток и сформировались правила чаепития. «Такие правила содержали и эстетические требования к чайной посуде, что привело к существенному обновлению категорий и художественного ассортимента изделий»⁶.

Лу Юй дегустирует чай, рядом с чайником лежит «Чайный канон», так изобразил ученого современный скульптор.
(Фото О. В. Марковой)

¹ Там же. С. 5.

² Там же.

³ Там же. С. 6.

⁴ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан. Отв. ред. д. и. н. И. Ф. Попова, д. ф. н. М. Е. Кравцова. М.: Наука, «Восточная литература», 2014.

⁵ Подробнее о Лу Юе и его книге см.: Его Величество Чай С. 180–181; *Игнатювич А. Н.* Чайное действо. М., 2011. С. 20–27. Там же (с. 373–443) см. переводы японских трактатов о чае.

⁶ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III. С. 783.

Знакомство русских с чаем в Китае, засвидетельствованное в документальных источниках относится к 1638 г. Известный предприниматель Константин Попов в своих очерках, дал такую датировку появления китайского чая в Русском государстве. «В 1638 году, — писал он. — Русское посольство, бывшее в Монголии¹, взамен своих подарков получило вместе с прочим 200 пачек чая для Государя. Послы были весьма недовольны таким ничтожным и совершенно, по их мнению, бесполезным подарком, но по необходимости должны были принять его; потом хотели было выбросить, но почему-то не исполнили этого, чай уцелел и был привезен в Москву»².

А вот как сцена чаепития описана в «Статейном списке» Василия Старкова, главы посольства, о котором говорил К. А. Попов: Алтын-хан «нас перед собою кормил, в корыто мясо коровье накатчи, да перед нами поставили, а пили — чай словог, а чай лист не ведать деревянной, не ведать травы какой, а варят его в воде, да прибеливают молоком. А к ним, к мугальцам, чай идет ис Китайского [государства], а сказывают, что чай лист снимают с виноградного дерева, а какое дерево имянно, рассказать не умеют». Алтын-хан посылал царю Михаилу Федоровичу ответные подарки («дань») в числе которых было и «200 бумажек чаю»³.

В Москве, отметил К. А. Попов, «оценили этот подарок, и с тех пор чай вошел в употребление сначала как лекарство. В 1674 году чай уже продавался в Москве, но постоянный ввоз его начался только с 1680 года, по заключению торгового трактата с Китаем». Речь идет о Нерчинском договоре 1689 г., который официально открыл для русских купцов возможность торговать в Пекине.

Однако американский автор Марта Эйвери⁴, упомянув о миссии В. Старкова, заметила, что русские познакомились с чаем значительно раньше. Она отмечает, что русская торговля с Персией и Индией в низовьях Волги, включала в товарооборот и чай. Причем русские пили чай из стеклянных стаканов, а китайцы пили чай из фарфоровых чашек⁵. С этим утверждением можно согласиться, так как в Астрахани в начале XVII столетия действительно была колония индийских купцов.

¹ Речь идет о посольстве Василия Старкова См. Русско-монгольские отношения 1636–1654. Сборник документов. Составители М. И. Гольман и Г. И. Слесарчук. М., 1974, док. № 28.

² *Попов К. А.* О чае и его приготовлении русскими в Китае. М., тип. И. Н. Кушнерова, 1870 г. Здесь дано описание сортов и видов чая, рассказано о разведении чайных кустов, сборе, приготовлении, упаковке чая. О кирпичных чаях и китайской торговле чаем. Думаю, что эту книгу (35 стр.) стоило бы переиздать и в наши дни, получив разрешение от потомков автора.

³ Русско-монгольские отношения 1636–1654. С. 129.

⁴ *Avery M.* The Tea Road. China and Russia meet across the steppe. «China International Press». 2003.

⁵ *Ibid.* P. 113–115.

Следующий эпизод чаепития русским дипломатом относится к 1654 г., когда первое официальное посольство Русского государства приближалось к столице Цинской империи — Пекину. Цинские чиновники не знали, какой церемониал следовало применить при встрече русского посольства, и решили, что такой же, как при встрече Далай Ламы, за год до этого посетившего Пекин. При подъезде к столице послу преподнесли чай от императора. Но это был не китайский чай (император был не китаец, а маньчжур), а монгольский с молоком и жиром. Шел Великий пост, и посол Ф. И. Байков отказался выпить такой чай.

Члены Русской духовной миссии, начавшей свою деятельность в Пекине в 1716 г. и официально оформленной в 1727 г., конечно, пили китайский чай. Посещали пекинские чайные и русские албазинцы, служившие в императорской гвардейской сотне¹. В Миссию Академия наук посылала и представитель разных наук. Многие из них хотели, чтобы чай выращивался и в России. К. А. Скачков, выдающийся знаток сельского хозяйства Китая, пытался вырастить чайное дерево в Петербурге. Но эксперимент кончился неудачей. Он же опубликовал статью «О морской доставке чая из Китая»². В течение XVIII–XIX веков чай доставлялся в Россию караванами через Монголию. По аналогии с Великим Шелковым путем, этот маршрут и был назван «Чайным путем».

Впервые в России чай был посажен в Никитском ботаническом саду в 1814 году. В Западное Закавказье чай был завезен в 1846 году, а первая чайная плантация была заложена (в 60-х годах XIX века) в районе Озургети.

В 1884 г. А. А. Соловцов заложил чайную плантацию недалеко от Батуми. На основе этой плантации в 1892–1896 гг. К. А. Поповым была построена одна из первых чайных фабрик в России. С середины 90-х годов чай фигурировал в договорах мастеровых и ремесленников с предпринимателями как одна из трех составных обязательных частей заработной платы (жалованье деньгами, харчи, чай). В русский язык вошли такие понятия как «чаевые», такие обороты речи как: «дать кому-либо на чай», «чай не пьешь, откуда сила». Владимир Иванович Даль приводит полтора десятка пословиц и поговорок, связанных с чаем. Открывает этот перечень такое выражение: «Ныне уж нет сбитню, а все чаёк; не просят на водку, а просят на чай»³. У Федора Михайловича Достоевского есть такое замечательное выражение одного из героев: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁴.

¹ *Петров В. П.* Албазинцы в Китае. Изд. книжн. Магазина Victor Kamkin. Вашингтон. 1956. С. 36.

² «Голос». 25.X. 1882 г.

³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. С. 580–581.

⁴ *Достоевский Ф. М.* Записки из подполья // Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 5. С. 174.

Русский (грузинский) чай под названием «Русский чай Дядюшкина» в 1899 г. получил золотую медаль на Парижской выставке. К началу XX века наша Россия была самой чаепотребляющей страной мира. Чайные склады и магазины были открыты в Ростове-на-Дону, Казани, Уфе, Тюмени, Перми, Кургане, Челябинске, Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Иркутске, Бийске, Семипалатинске, Владивостоке, Ташкенте, Самарканде, Екатеринбурге, Киеве, Коканде, Тифлисе. Обороты чайной торговли достигали к этому времени нескольких сотен миллионов рублей в год. Одна лишь фирма Кузнецова накануне первой мировой войны продавала чая на 50 млн руб. ежегодно, а фирма Высокого — на 35 млн руб.

С 1900 г. открыли Транссибирскую железную дорогу. Чай значительно подешевел, его употребление стало массовым. Новую ноту в русское чаепитие внесло появление самовара — отныне он главный участник русского чайного застолья, непременная принадлежность любого семейного дома. «В четыре часа по всему Замоскворечью слышен ропот самоваров; — писал Александр Николаевич Островский, — Если это летом, то в домах открываются все окна для прохлады, у открытого окна вокруг кипящего самовара составляются семейные картины...».

Чай не знал и не знает социальных различий — он был любим и в великосветских салонах Петербурга, и в деревенской избе, топившейся по-черному, его пили в трактирах Мещанской слободы и в фешенебельных ресторанах. Чаепитие в России нечто большее, чем просто застольная традиция — это образ жизни, черта национального характера, символ хлебосольства и гостеприимства...¹

Широким распространением в нашей стране чайный куст обязан основателю Батумского ботанического сада, ученому Александру Николаевичу Краснову (1862–1915 гг.). Совершая экспедиции в Японию и Китай, он привозил семена и саженцы редких растений, в том числе и наиболее перспективных сортов чая. В результате в 1900 (1901) г. первые чайные плантации появились в России в Краснодарском крае, близ Сочи. Через шесть лет крестьянин И. А. Кошман уже начал продавать чай, выращенный на плантации близ селения Солох-Аул в Краснодарском крае.

До начала Первой мировой войны площадь чайных плантаций в России составляла всего 182 га. Незнание агротехники чая, неудачный подбор сортов

¹ Интересная сцена чаепития описана Михаилом Чеховым в его книге «Вокруг Чехова». Как то ранним утром примерно в 5 часов поутру А. П. Чехов, М. Чехов и В. Гиляровский возвращались из гостей. Шли пешком по ночной Москве. Захотелось выпить чаю. «Дядя Гиляй» предложил зайти в ближайший трактир. Несмотря на ранний час в трактире было довольно много народа: ломовые извозчики пили свой утренний чай. В. Гиляровский решил подшутить над одним из возниц. Но его затея не была понята и чуть не привела к столкновению писателей с ломовиками // Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и воспоминания. М., «Московский рабочий». 1981. С. 87–88.

и технологии ферментации привели к тому, что долгое время получаемый продукт был низкого качества. Военное ведомство закупало этот продукт для солдат, и поэтому его называли «солдатским чаем».

Чай в те времена ценился в Москве очень дорого. За полтора фунта (1 фунт равнялся 409 граммам) чая среднего качества давали шкурку соболя. Даже в начале XIX века продавали лучший цветочный китайский чай по 10–12 рублей ассигнациями за фунт. Это были весьма внушительные деньги — на них можно было купить три-четыре коровы. Отсюда такие большие прибыли у чайной фирмы «Братья К. и С. Поповы».

Причина же такой дороговизны была простой. Выращивали чай практически только в Китае, и потому китайские чаеводы могли держать монопольно высокие цены на свой эксклюзивный товар. Да и сама покупка чая была сопряжена с немалыми трудностями. В разных провинциях Китая есть свои ассоциации чаеводов и чаеоторговцев. Помимо того, что китайские торговцы порой отказывались принимать в оплату русские золотые и серебряные монеты, само производство чая держалось под строжайшим секретом. До 1842 года китайские порты были закрыты для захода иностранных судов, тем самым оставлялся только сухопутный путь для торговцев, через Азию и Россию. Этим и воспользовался русский предприниматель Константин Абрамович Попов. Несмотря на все затраты и тяготы долгого пути, русский купец получал солидный доход от перепродажи чая английским, голландским и немецким коллегам.

Лю Цзежун — сын китайского чаевода Лю Чжэньчжоу, в возрасте пяти лет приехал с отцом в Россию. Отец его долгое время работал в России. Поэтому Лю Цзежун успел окончить физико-математический факультет Петербургского университета, жениться на русской девушке. Он преподавал математику в реальном училище. Был активным участником революционного движения.¹ Поэтому, когда во время революции его отец, управлявший чайными плантациями, был объявлен «классовым врагом», Лю Цзежун обратился к В. И. Ленину. Он объяснил вождю мирового пролетариата, какой вред преследованием Лю Чжэньчжоу может быть нанесен чайному делу в России². Уже 16 апреля 1918 года, через месяц после переезда в Москву, В. И. Ленин рассматривал проект декрета о чае, а 19 апреля 1918 года этот документ был подписан. Согласно ему были установлены четкие правила распределения и торговли чаем, а также цены на него, зависящие не от сорта чая, а от классовой принадлежности покупателей. Рабочие, особенно члены профсоюза, получали чай бесплатно, а представители буржуазии должны были платить за него максимально высокую цену.

Лю Чжэньчжоу продолжил свою работу и даже был награжден орденом, а сын его вскоре после кончины В. И. Ленина возвратился в Китай. Там он был

¹Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. М., 2009. С. 73–90.

²О Лю Цзежуне и его отце см.: Друг издалека. Сост. Л. Каландаришвили и Б. Пирадов. Батуми, 1958.

одним из первых ученых, кто попытался по документам воссоздать историю отношений Китая с Россией¹.

Конечно, большинство тех, кто профессионально изучает китайскую культуру, кого называют китаеводами, любят пить китайский чай и учатся у китайских коллег чаепитию. Во-первых, нужно знать, при каких сезонах года, какой чай следует пить. Во-вторых, как покупать, как хранить, как заваривать чай. Выдающийся китаевед XX века академик Василий Михайлович Алексеев был знатоком чаепития по-китайски. Вот как об этом рассказывает его дочь М. В. Баньковская в своем послесловии к вышедшему в 2000 г. переводу В. М. Алексеевым сборника новелл китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Странные истории из Кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и)»². Эта часть Послесловия носит название — *Умеете ли вы пить китайский чай?*

«...„Разброс точек“ среди друзей-читателей Ляо Чжая велик, и, можно представить их как большую и очень пеструю толпу людей, которых объединяет одно драгоценное свойство — интерес к чужому, непривычному.

Мне кажется, что в основе этого свойства лежит что-то простое, вкусовое. Есть люди, которые, хлебнув китайский зеленый ароматный чай, решительно заявляют: «наш лучше» и отодвигают чашку. Чаще всего, такой человек не станет и читателем китайской литературы. Действительно, мы привыкли пить чай с бутербродами и печеньем, а китайский чай для этого совершенно не годится. Зато годится для многого другого, и в китайской литературе, пишет Алексеев, «большое место занимает непривычное нам обильное потребление чая для углубления наслаждения природой и интенсивности наслаждения». Помните Цяо Нян («Цяо Нян и ее любовник») при свете белой луны и редких звезд велит служанке заварить чашечку круглого чая, дабы насладиться чудесной ночью, и в примечании Алексеев со вкусом поясняет, что круглый чай — самый лучший, редкостный, его государи жаловали придворным, а «заварить чашечку» значит положить листья прямо в чашку, залить кипятком и накрыть другой, меньшей чашкой, чтобы потом, не снимая, а лишь отодвигая ее, отхлебывать по глоточку зеленоватый настой. Чай не уступал вину ни в быту старого Китая, ни в литературе. «Поэзия чая» — так назывался спецкурс, выделенный Алексеевым из общего курса китайской поэзии. Как образцы Алексеев предлагал слушателям короткие фразы вроде следующих: «Горы кругом... В чайном дыму забываюсь в безмолвии»; «Чай смывает мрак души и заботы»; «Вместо вина другу — тонкое прихлебывание чая»; «Чай

¹ Архивные материалы на русском языке из бывшего Императорского дворца. Письма полученные из России в годы царствований Кан-Си и Цянь-Лун. Китайский перевод Ван Чжи-сян. Редакция русского текста Лю Цзе-жун. Бейпин, 1936.

² *Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета неудачника (Ляо Чжай чжи и) // Пер. с кит. академика В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 754–755.*

и саморастворение в стихах»; «Прекрасный чай всегда уподоблялся красавице» и еще, особо звучащая, — «Чайный дымок колеблет седины друзей, от которых ушли [умерли] общие друзья»... Какие уж тут бутерброды, «печенье к чаю»!.. И так ведь во всем, и надо бы помнить этот «чайный дымок», читая Ляо Чжая, и стараться не умозрительно, а вкусово воспринимать стародавнее его новшество. «Настоящее новшество, — убеждал Алексеев, — как всегда и везде, не может быть понято без известного рода революции, которая должна освободить место новой идее в нашем фонде зрелых и слишком застывших мыслей» — вот бы и размыть эти «застывшие» горячим пахучим — крутым! — чаем...¹

Итак, мы остановились на судьбах китайского чая в России в XVII — начале XX столетия. А как в тоже время развивались выращивание чайных кустов и деревьев, а также торговля чаем в самом Китае? Ответ на эти вопросы мы находим в справочнике China Year Book за 1926 год².

Интересующий нас раздел ежегодника так и называется «Чай»³. И он начинается с исторического экскурса:

«Чай это всеобщий напиток китайцев, потребление которого достигает 5 фунтов⁴ в год на душу населения. Думается, что наиболее раннее употребление чая в Китае, было скорее в качестве овощной приправы, чем напитка, использование чайных листьев как приправы, имеет место и в наши дни у шаньсийцев и бирманцев. Бретшнейдер⁵ упоминает, что в Ча-пу⁶ — специальном исследовании о чае, опубликованном между десятым и тринадцатым веками — сказано, что император Вэньди (589–605 гг.) получил рекомендацию от одного настоятеля буддийского монастыря пить отваренный мин (листья чая) как лекарство от головной боли. Привычка пить отвар специально приготовленных листьев должна рассматриваться как имеющая сравнительно недавнее происхождение. В восьмом веке мы имеем первое несомненное свидетельство того, что чай стал обычной сельскохозяйственной культурой, из источников династии Тан мы узнаем, что он облагался имперским налогом».

¹ Там же.

² China Year Book 1926.

³ Там же. С. 581.

⁴ Английский и американский фунт равен 453,592 г.

⁵ Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833–1901), врач Русской духовной миссии в Пекине, китаевед. Подробнее см.: П. Е. Скачков Очерки истории русского китаеведения. М.: «Наука», 1977. С. 179–181. Шевчук С. В. Эмилий Бретшнейдер — врач, китаевед, ботаник. // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2015. Вып. 9. С. 302–308.

⁶ Другое название «Трактата о чае».

Далее следует повествование о сортах чая, способах его выращивания и сбора, а так же о реализации готовой продукции.

«Чай как растение произрастает преимущественно в провинциях Хунань, Хубэй, Фуцзянь, Цзянси, Аньхой, Чжэцзян, Гуандун и Юньнань; основными портами, через которые он экспортируется, служат Ханькоу (черный чай и черный и зеленый кирпичный чай), Цзюцзян и Фучжоу (черный чай). Ханчжоу, Нинбо, Цзюцзян, Саньтяо (зеленый чай). Чай будет черным или зеленым в зависимости от способа приготовления. Он выращивается небольшими гнездами на приусадебных участках, его плантации практически неизвестны. Листья обрываются членами семьи¹ и высушиваются на солнце, затем они предаются посреднику, который подвергает их обжигу. Для зеленых чаев листики прогреваются почти сразу же после того, как они собраны, и высушиваются быстро после того как они вручную закручены и зажаты в шарики. Обычно бывает три сбора листьев чая: в начале апреля, когда молодые листики покрыты белесым налетом (ограниченная выработка известная как высший сорт черного чая), в середине мая и вновь в августе»².

Анализируя производство чая и торговлю им на китайском рынке, автор данной статьи отмечает, что «производство чая берет свое начало в Фучжоу в период 70-х годов. Торговля быстро расцвела, принося различные успехи, и три фабрики, оснащенные английским оборудованием, были полностью загружены в течение нескольких лет до 1891 года. С этого года начался постепенный упадок вследствие экономических причин из-за перенесения российского рынка торговли чаем на берега Янцзы в соседние города Цзюцзянь и Ханькоу. Торговля в Фучжоу постепенно увяла и все три иностранные фабрики были вынуждены закрыться...

Русские фирмы в Ханькоу, Цзюцзяне и Фучжоу производили высококачественный кирпичный чай, изготавливавшийся, главным образом, путем обветривания его специальными веялками отдельно от чая и с применением чайной пыльцы, привозившейся из Индии и с Цейлона, а так же благодаря применению гидравлики при упаковке»³.

¹ В Отделе Востока Эрмитажа хранятся западные альбомы XIX–XX веков. В одном из них я обнаружил китайскую картину, показывающую сбор чая китайской семьей. На ней изображено чайное дерево, под которым на разосланных белых полотнищах расположилась китайская семья. На дереве же маленькие обезьянки обрывают листочки и сбрасывают их вниз. Членам семьи остается только подбирать этот урожай и укладывать его в мешки.

² China Year Book 1926. P. 681

³ Там же.

Не забыл автор этого очерка в справочнике упомянуть и о цветочных чаях. В нашей стране сегодня весьма популярен «молихуа ча» — жасминовый чай. Он был известен и сто лет тому назад.

«Ароматизированный чай готовится на чайных фабриках в Фучжоу путем нагревания определенных видов цветов вместе с листьями чая. Четыре вида цветов используются на чайных фабриках в Фучжоу: 1) белый жасмин, 2) *чу лан* — один из видов орхидей, 3) *шуйгуи* и 4) *юй лан* — особый вид магнолии (*Magnolia conspicua*). Из-за нынешней депрессии на экспортном рынке зеленого чая, был очень малый спрос на эти цветы и цены на них упали до беспрецедентно низкого уровня... Сравнительно часто ароматизированный цветами чай употребляется в Северном Китае. Он обычно производится на основе высококачественных сортов зеленого чая, черный чай не ароматизируется. Снижение запроса на зеленый чай, может, таким образом, повлиять и на рынок ароматизированных чаев».¹

Говоря об экспорте китайского чая, автор данной статьи подчеркивает, что «в 1924 г. Великобритания заняла первое место: ее импорт черного чая достиг 4596174 гонконгских доллара, Турция, Персия и Египет закупили зеленый чай на общую сумму 3082348 гонконгских долларов. Россия все еще остается вне чайного рынка.

Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу² по поводу чрезмерных долгов за китайский чай»³.

Интересные данные о русской торговле китайским чаем содержатся в книге члена-корреспондента АН СССР, возглавлявшего советское торгпредство

¹ Там же, с. 683.

² Там же, р. 684. Вероятно, имеется в виду Лев Карахан. До 1924 г. все державы, имевшие дипломатические представительства в Китае, назначали во главе их не послов, а посланников. После заключения Л. М. Караханом 31 мая 1924 г. советско-китайского «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой» (Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. Изд. Восточной литературы. М., 1959. С. 82–85.) состоялся обмен нотами относительно учреждения посольств и обмена дипломатическими представителями в ранге послов. (Там же, с. 93–94). Таким образом, СССР первым поднял ранг своего представителя в Китае. Подробнее см.: *Каница М. С.* Советско-китайские отношения. Госполитиздат. М., 1958. С. 122–123.

³ Там же, с. 684. В 1927 г. китайские власти грубо нарушили иммунитет советских дипломатов в Китае (см. Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. Изд. Восточной литературы. М., 1959. С. 116–132). Это привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. См. также: *В. М. Крюков, М. В. Крюков.* Весна и осень революционной дипломатии. Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2. 1922–1926 гг. М.: Памятники исторической мысли. 2015.

в Пекине, а затем ставшего первым директором Института Дальнего Востока АН СССР (1967–1985) Михаила Иосифовича Сладковского «Очерки экономических отношений СССР с Китаем»¹.

М. И. Сладковский вскрыл причины нарушения баланса в русско-китайской торговле. «После отмены меновой системы кяхтинской торговли и разрешения русского правительства на расплату купцами за покупаемые товары деньгами, золотом и серебром, соотношение между стоимостью ввоза и вывоза товаров через Кяхту стало меняться в пользу китайских товаров. Вывоз русских товаров стал стремительно сокращаться».² Существеннейшую роль в этом процессе сыграла торговля чаем. Дело в том, что «после отмены русским правительством запрета завозить китайский чай морем через Одессу. Морская торговля между китайскими портами (Кантон, Шанхай) и Одессой стала для России односторонней. Привозя из Кантона или Шанхая главным образом байховый чай, русские купцы были вынуждены для оплаты его завозить в Китай наличные деньги, золото или серебро, поскольку русские товары морем из европейских портов почти не завозились из-за жесткой конкуренции и засилья в китайских портах западноевропейских и американских фирм»³.

Для Китая экспорт чая играл существенную роль в его внешней торговле. Поскольку Великобритания расширяла чайные плантации в Индии и на Цейлоне, то она существенно пополнила свой импорт чая за счет этих стран. При подписании русско-китайского С.-Петербургского договора 12 февраля 1881 г. китайская сторона, стремясь увеличить русский чайный экспорт, предложила в статье 16 договора исправить вывозные таможенные тарифы так, чтобы «вывозные пошлины, взимаемые ныне с некоторых сортов чая низшего качества, в размере одинаковом с пошлинами на чай высшего достоинства, будут уменьшены соразмерно со стоимостью этих низших сортов чая»⁴. Это способствовало существенному росту русского импорта кирпичного чая через Кяхту⁵.

Интересно наблюдение М. И. Сладковского о реэкспорте к 1914 году русскими предпринимателями китайского чая в Синьцзян и приграничные районы Северо-Восточного Китая⁶. «В истории русско-китайской торговли, — отметил Михаил Иосифович, — наивысший ввоз чая в Россию был в 1915 г. Под влиянием мировой войны импорт чая в Россию снизился»⁷

¹ Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. Внешторгиздат. М., 1957.

² Там же, с. 113.

³ Там же.

⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) // Под общ. ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004. С. 123.

⁵ Соответствующие таблицы см.: Сладковский М. И. Ук. соч. С. 117–119, 124.

⁶ Там же. С. 160, 163, 165.

⁷ Там же. С. 165.

После создания СССР торговля нашей страны с Китаем постепенно возрастала. Уже в 1923–1924 гг. из Китая было вывезено 6 133 тонны чая, за которые наша страна заплатила 5 млн 736 тыс. рублей¹. Так что приведенное нами выше высказывание из опубликованного в 1926 году английского справочника: «Россия все еще остается вне чайного рынка».

Министр иностранных дел в разное время заявлял протесты русскому послу по поводу чрезмерных долгов за китайский чай», абсолютно не соответствует действительности. Это была обычная английская ложь о России, начало которой было положено еще во второй половине XIX века, когда шла «Большая игра в Азии». Так называлась схватка Российской и Британской империй за территории и сферы влияния на Азиатском континенте. Этой лжи в различной форме хватает и сегодня. Конечно, всякая ложь раздражает. Мы воспринимаем ее как оскорбление нашей страны, а значит и каждого из нас. Иногда на нее хочется ответить словами замечательного английского писателя Ричарда Олдингтона², прозвучавшими в 1929 г. в его романе «Смерть героя»: «Дивная старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая сука, ты нас отдала на съеденье червям...»³. Но мы — люди вежливые, поэтому отвечаем русскими пословицами: «Кто о ком за глаза худо говорит, тот того боится», и «Клеветники на том свете раскаленные сковородки лижут»⁴.

Новиков Б. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китайские гильдии: условия возникновения и сферы торгово-экономической деятельности в XV — начале XVII вв.

Период правления в Китае династии Мин (1368–1644) являлся важной вехой развития китайской торговли, частного предпринимательства. Крупным событием в этом отношении стало появление и распространение гильдий (*шанбан*, *хуэйгуань*, *гунсо* и др.) — земляческих корпораций торговцев, ведущих бизнес и проживающих вне родных мест. По оценке многих китайских авторов, это был качественный скачок в организации коммерческой деятельности⁵. Если

¹ Там же. С. 205.

² *Aldington R.*, 1892–1962.

³ *Олдингтон Р.* Смерть героя // Пер. Н. Галь. М., 1976. С. 32.

⁴ Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 3 т. Т. I. М.: Русская книга. 1984. С. 354.

⁵ *Ван Жигэнь.* Сянтю чжи льянь: Мин-Цин хуэйгуань юй шэхуэй бьяньцянь (王日根. 乡土之链: 明清会馆与社会变迁 Земляческие узы: торговые гильдии и социальные сдвиги при Мин и Цин). Тяньцзинь, 1996. С. 26–27; У Хуэй. Чжунго гудай шанье (吴慧. 中国古代商业 Китайская торговля в древнюю эпоху). Пекин, 2010. С. 116–120;

раньше «иногородние» торговцы выступали на рынке индивидуально, как представители семейного бизнеса, то с появлением гильдий их профессиональная деятельность вышла за ограниченные рамки кровнородственных коллективов и приобрела масштабную форму региональных объединений.

Возникновение торговых гильдий было обусловлено рядом значимых изменений в китайском обществе. В XV–XVI вв. в стране наблюдался подъем сельскохозяйственного и ремесленного производства, возрастал объем и разнообразился ассортимент товарной продукции. Помимо растущих городов, в рыночные товарно-денежные отношения начали вовлекаться крестьянские хозяйства, ранее имевшие натуральный, самодостаточный характер. Все это вело к расширению и активизации внутреннего рынка, росту числа профессиональных торговцев, обострению рыночной конкуренции. В этих условиях добиться успеха в торговых делах ограниченными силами семьи стало крайне трудно. Назрела острая потребность объединения приезжих торговцев в крупные корпорации, каковыми и стали гильдии. Появлению и быстрому распространению *шанбанов* и *хуэйгуаней* способствовало также изменение традиционно негативного отношения власти к торговле и торговцам. Начиная с эпохи Хань, государство, руководствуясь выдвинутым конфуцианскими идеологами принципом «важного и второстепенного», проводило политику «поддержки земледелия и ограничения торговли». Это создавало для торговцев немалые трудности, однако не могло остановить развитие рыночных отношений в стране. В период Мин, когда экономическая роль торговли и купечества в китайском обществе многократно возросла, конфуцианская элита и власть были вынуждены, считаясь с новыми реалиями, постепенно отказываться от курса на дискриминацию частной коммерции. Этому способствовала и позиция самого купечества, представители которого писали наставления торговым людям, призывая их вести дела честно, в соответствии с конфуцианскими морально-этическими принципами¹.

Семейные предприятия продолжали функционировать, однако гильдии как более крупные профессиональные коллективы торговцев с общей целью завоевать рынок и получить прибыль обладали серьезными преимуществами в ведении бизнеса. Прежде всего, они, будучи купеческими кооперативами на паевых началах, располагали более крупными материальными средствами, чем любая отдельная семья. Это реально повышало конкурентоспособность. Но главное преимущество было в том, что наличие солидного капитала позволяло гильдиям максимально диверсифицировать свою торговую деятельность, сообразуясь с рыночным спросом. Именно это делало их более жизнеспособными и устойчивыми в условиях отсутствия в императорском Китае правовой

Цзинь Яньян. Чжунго шанье ши (靳杨杨. 中国商业史 История торговли в Китае). Пекин, 2014. С. 120–124.

¹ Цзинь Яньян. Указ. соч. С. 120; Малявин В. В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. М., 2008. С. 155–169.

защиты частной собственности и предпринимательства. По мнению исследователей, из множества торговых гильдий в Китае XV — начала XVII в. самыми крупными являлись две — хуэйчжоуская и шаньсийская¹.

Уроженцы области Хуэйчжоу в северной части современной провинции Аньхуэй имели давние традиции занятия торговлей: первые сведения о купцах из Хуэйчжоу относятся еще к IV–V векам. Объединение их в гильдию произошло в середине Мин (конец XV — начало XVI вв.). С этого времени начинается бурное территориальное расширение коммерческой деятельности хуэйчжоусцев, причем главным направлением этой экспансии было южное. Одновременно происходила и отраслевая диверсификация торгового капитала гильдии. К концу Мин хуэйчжоусцы занимали ведущее положение на рынках многих центральных и южных провинций Китая. Их бизнес охватывал торговлю зерном, шелком, хлопчатобумажными тканями, чаем, древесиной. Немалые доходы давали и ссудные конторы (ломбарды). Однако наиболее прибыльной являлась торговля солью.

Аналогичной была и история шаньсийского гильдейского объединения. Торговцы из провинции Шаньси уже с начала XV века проявляли исключительную активность и изобретательность в продвижении своего бизнеса. Первоначальные накопления многие из них осуществляли в солеторговле, в снабжении провиантом минских военных гарнизонов на границе с Монголией и на рынке лошадей в Ляодуне. Главным направлением их торговой экспансии было северное. После образования гильдии размах коммерческой деятельности купцов из Шаньси многократно возрастал и к началу XVII века достиг практически общекайтайских масштабов. Они торговали повсюду и имели существенные преимущества на стратегически важных рынках, в частности, столичном. Уникальным для той эпохи был и отраслевой охват бизнеса шаньсийцев (торговля солью, железными изделиями, чаем, шелком, хлопчатобумажными тканями, растительным маслом, натуральными красителями, лекарствами, древесиной и другими товарами). Шаньсийцы почти вдвое превосходили своих конкурентов-хуэйчжоусцев по разнообразию поставляемых на рынок товаров, а также по числу принадлежавших им ломбардов.

Важной экономической новацией шаньсийской гильдии был опыт вложения торгового капитала в сферу материального производства. Так, члены гильдии покупали или брали в аренду участки земли, на которых наемные работники выращивали технические и лекарственные растения для изготовления идущих на продажу натуральных красителей или лекарств. Эту модель бизнеса можно оценить как мануфактурную, предкапиталистическую. В дальнейшем, при династии Цин шаньсийское купечество еще больше укрепило свое экономическое влияние, создав в стране сеть банковских контор, которые осуществляли

¹ Юй Синьянь (ред.). Цзяньмин Чжунго шанье ши (余鑫炎。简明中国商业史 Краткая история торговли в Китае). Пекин, 2009. С. 178–180; Wilkinson, E. (ed.). Chinese History. A New Manual. Cambr. (Mass.) and London, 2013. P. 574–576.

многие кредитно-финансовые операции и даже занимались стандартизацией серебряных слитков-лянов и пуском их в обращение. Началось сращивание торгового капитала с денежно-финансовой сферой экономики¹.

Приведенные примеры показывают, что распространение земляческих корпораций купечества сыграло огромную роль в процессе формирования в Китае традиционной рыночной сети и ускорения развития товарно-денежных отношений. Это, в свою очередь, способствовало созданию первичных условий для появления в отдельных районах и отраслях ремесленного производства страны феномена так называемых «ростков капитализма».

Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Инспекционные поездки на Восток императора Цяньлуна

К периоду маньчжурской династии (1644–1912) инспекционные поездки императоров *сюнь* 巡 являлись традиционным политическим мероприятием, во время которого императоры объезжали различные территории своего государства. Целью этих поездок были военные учения, охота, а также наблюдение за местными обычаями и условиями для лучшего управления страной. Более того, считалось, что во время инспекционной поездки император лично приносил добродетель, счастье и процветание в отдаленные места.

Китайский термин 东巡 *дунсюнь* обозначает «восточные инспекционные поездки» маньчжурских императоров из Пекина в Маньчжурию, когда они сочетали политические и экономические проверки с приношением жертв на могилах императорских предков. За свое шестидесятилетнее правление император Цяньлун совершил четыре поездки в Маньчжурию — в 1743, 1754, 1778 и 1783 гг. Эти поездки различались по длительности, так, например, самой короткой по времени была четвертая поездка императора Цяньлуна — 61 день, а самой длинной — его вторая поездка в 153 дня.

Одной из целей поездок Цяньлуна был контроль и объединение монгольских племен, представители которых входили в знаменные монгольские войска, сопровождавшие императорский двор на всем протяжении маршрута и участвовавшие в военных тренировках и облавной охоте. Именно поэтому маршрут трех поездок *дунсюнь* проходил через монгольские земли (т.е. через заставу Губэйкоу и Чэндэ) и лишь последний — коротким путем через заставу Шаньхайгуань. Известно, что император сам участвовал в облавных охотах и даже лично застрелил тигра, о чем сложено большое количество стихов и славословий. Облавные охоты были одним из видов армейской подготовки, во время которых солдаты демонстрировали выучку в верховой езде, стрельбе

¹ Хуан Цзяньхуэй. Мин Цин Шаньси шанжэнь яньцзю (黄鉴晖. 明清山西商人研究 купечество Шаньси при Мин и Цин). Тайюань, 2008. С. 308–312.

из лука на скаку, владение мечом. Во время облавной охоты вырабатывались военная стратегия и тактика, которые позднее могли быть использованы в реальных боевых действиях.

Перед выездом из Пекина в Мукден к могилам предков (что являлось наивысшей формой проявления сыновней почтительности) маньчжурские императоры совершали поклонения предкам в Храме предков Таймiao и шаманских молельнях в Куннин-гуне и Тансэ. По приезде в Мукден императоры сначала проводили церемонии в Храме предков и в молельне Циннин-гун на территории мукденского императорского дворца Гу-гун, а затем совершали церемонии на могиле Нурхаци — Фулин и на могиле Хун Тайчжи — Чжаолин. После этого император и его свита отправлялись в Юнлин к могилам первопредков, находящимся в 200 км к востоку от Мукдена.¹

Тщательность и правильность проведения жертвоприношения должна была подчеркнуть выполнение императором долга сыновней почтительности *сяо* и соблюдение всех норм ритуала *ли*. Проезжая по северным и северо-восточным областям Китая императоры знакомились с местными традициями, жизнью народа и возможностями экономического развития этих районов, чтобы гармоничнее управлять этим регионом, тем самым осуществляя конфуцианский принцип гуманного правления *жэнь*. Более того, посещая местные достопримечательности, все императоры повсюду писали посвящения и воспевания древних монастырей или мест былых исторических битв и маньчжурских побед. Этим они демонстрировали свою просвещенность *вэнь*.

Наиболее известным произведением, написанным во время восточной инспекционной поездки, является «Написанная императором ода Мукдену», созданная императором Цяньлуном в 1743 г. на китайском и маньчжурском языках, когда он впервые посетил первую столицу маньчжурского государства и могилы императоров Нурхаци и Хун Тайчжи. Императорские издания маньчжурской *Han-i araha Mukden-i fujurun bithe* и китайской «Юйчжи Шэньцзин фу» 御制盛京賦 версий этого текста появились в том же году под редакцией комитета, состоящего из одиннадцати человек. Несколько позже, в 1748 г., маньчжурский текст был переиздан в 32-х тетрадях, записанный 32 почерками в подражание китайским квадратным почеркам.² Изобретение 32-х маньчжурских почерков, подобных китайским, было своего рода произведением искусства. Они почти никогда не использовались, кроме квадратного почерка для легенд на печатях. Текст оды представляет собой географическое описание Маньчжурии, Мукдэна (Шэньцзина) и церемоний, проводимых на могилах предков, а также воспевание первых маньчжурских императоров и великолепной столицы. Она написана в традиционном для китайской литературы жанре *фу* 賦 (мань.: *fujurun*) как поэма-описание одического характера.

¹ Цин ди дунсюнь 清帝東巡. Шэньян, 1991.

² Stary G. Die Chinesischen und mandshurischen Zierschriften. Hamburg, 1980.

В маньчжурском фонде рукописной коллекции ИВР РАН хранится редчайший ксилограф «Оды Мукдэну» 1748 г. издания¹, состоящий из 4 *добтонь/тао* по 8 *дэбтэлинь/тетрадей*. В каждой тетради текст повторяется в написании одного из 32-х почерков в подражание древнекитайским. Первая тетрадь начинается указом Цяньлуна о создании этих 32-х почерков для маньчжурского письма, датированным: *Abkai wehiyehe juwan ilan aniya цун биyai juwan juwe* — 12-й день 9-й луны 13-го года Абкай вэхехэ (2 ноября 1748 г. — л. 1а–3б) и списком членов ученого комитета во главе с Юньлу и Хун Инем. За ним следует предисловие *шутучинь (šutucin)* о причинах, побудивших императора написать оду (л. 1а–10а); сама ода *фучжурунь (fujurun)* в стиле ритмической прозы, наподобие китайской, с описанием Маньчжурии, Мукдена и легендой о происхождении маньчжуров (л. 10а–63б); хвалебный гимн Мукдену *тукечунь (tukiyesun)* — л. 64а–71б) и описание стилизованного маньчжурского почерка под старинный китайский, которым написана данная тетрадь (л. 1а–3б). Все 32 тетради имеют одинаковое содержание (кроме описания конкретного почерка). «Написанная императором ода Мукдену» является редким произведением оригинальной маньчжурской литературы и иллюстрацией владения Цяньлуном маньчжурским и китайским языками.²

Таким образом, во время восточных инспекционных поездок маньчжурские императоры, и в особенности Цяньлун, полностью проявляли себя как монархи, воплощающие в себе основные конфуцианские принципы, демонстрируя сыновнюю почтительность, соблюдение ритуала, распространение императорской силы *дэ* и просвещенности *вэнь*.

Пахомова М. А. (ИВ РАН; ВКЛЯ МИД РФ, Москва)

Взаимодействие в формате Восток-Восток: арабские исследования в КНР во второй половине XX — начале XXI века

Страноведческие исследования в КНР — один из важнейших инструментов внешней политики государства. Становления современных исследований такого рода относится к середине XX в., а степень их развития на текущем этапе позволяет рассуждать о существовании востоковедения в странах современного Востока.

В рамках работы мы рассмотрим историю и современные тенденции развития страноведения в Китае на примере арабистики. За истекший период она прошла несколько рубежных этапов развития:

¹ Второй полный маньчжурский текст «Оды Мукдэну» хранится в Национальной библиотеке в Париже: Puugaimond J.-M. Catalogue du fonds Mandchou. Paris, 1979, № 110.

² О литературном творчестве Цяньлуна см.: Gimm, Martin. Kaiser Qianlong (1711–1799) als Poet: Anmerkungen zu seinem schriftstellerischen Werk. Stuttgart: Steiner, 1993.

- 1) с 1949 г. и вплоть до начала периода «культурной революции»,
- 2) в период «культурной революции»,
- 3) после 1978 г. — начала проведения политики реформ и открытости,
- 4) с 2004 г. по настоящее время.

Рассмотрение истории арабистики в КНР позволяет сделать несколько выводов:

1. Развитие исследований в указанной области было тесно взаимосвязано с формированием внешнеполитического курса государства.

2. Любые ближневосточные исследования в Китае, тесно соприкасаясь с исламскими, во многом, базируются на внутрисоциальном компоненте — в КНР проживают около 20 млн. мусульман, представителей десяти национальных меньшинств. Значительное место среди них занимают этнические группы хуэй и уйгуров.

3. В Китае действует обширная сеть научно-исследовательских учреждений (научных институтов и ассоциаций), работа которых в целом или частично направлена на изучение современной обстановки в странах Востока и Запада, особенностей их исторического и культурного развития.

4. Развитие научной и практической арабистики подкреплено функционированием значительного числа университетских кафедр, готовящих специалистов соответствующего профиля. Арабский язык изучается более чем в 20 учебных заведениях КНР.

5. Научная и практическая арабистика в КНР имеют достаточно тесные связи. Присутствует значительное количество практически-ориентированных работ. Среди представителей академической общественности много практиков, работавших в дипломатических кругах.

6. Китайские исследования предлагают интересный пример интерпретации цивилизационной теории. В них активно используются понятия «исламская цивилизация» и «арабская цивилизация». Подобная терминология занимает значимое место и в так называемых околонучных кругах.

7. Отдельный интересный для исследователей пласт представляет собой литература, вышедшая за последние полвека в рамках китайской арабистической школы.

Перминова В. А. (ИБ РАН, Москва)

Выбор модели колониального управления Тайванем в 1895–1945 гг. – вопрос применимости Конституции Мэйдзи

На момент перехода Тайваня под управление Японии (в 1895 г.) у правительства не было четкого понимания того, как следует осваивать приобретенные территории, поэтому вопрос о модели и методах правления оставался на повестке

дня в течение первых лет освоения острова. Основными вариантами были две на тот момент наиболее известные модели — это косвенное управление (британский вариант, по примеру Индии), и прямое управление (французский вариант, по примеру Алжира). В случае Тайваня вопрос сводился к тому, будут ли японцы проводить полную интеграцию метрополии с колонией, унифицируя законодательную базу Японии и Тайваня и предоставив тайваньцам те же права, которыми обладали сами японцы (таким образом, реализовав модель прямого управления) либо будут разрабатывать отдельную законодательную систему, которая была бы применима только в колонии. В результате, японскими властями было принято решение о совмещении этих двух моделей — полная экономическая и культурная интеграция метрополии с колонией при условии частичного действия законодательства Японии на территории Тайваня.

Вопрос законодательного урегулирования и правового статуса Тайваня был напрямую связан с применением в колонии Конституции Мэйдзи — основного закона государства, закрепившего за императором Японии статус суверена. Конституция, принятая в 1889 г., не содержала в себе какого-либо упоминания о колониях, поэтому на момент приобретения Тайваня японское законодательство не распространялось автоматически на колонию, не действовала там и Конституция. По сути, получалось, что Тайвань находился под управлением императора, власть которого регламентировалась Конституцией, которая, в свою очередь, не действовала в пределах колонии. Решением этой проблемы стало условное разделение регионов Японской империи на две категории: «внутренние территории» (Японские острова, Курильские острова, о-ва Рюкю) и «внешние территории» (колонии)¹, где японское законодательство могло не действовать.

По мере того, как местная администрация колонии становилась все больше вовлечена в процесс подавления неутихающих антияпонских восстаний, власти начинали осознавать неприемлемость унификации законодательной базы колонии и метрополии и все более склонялись к методам косвенного управления. Исходя из необходимости администрации Тайваня своевременно реагировать на кризисные ситуации, не дожидаясь санкции центрального правительства, в 1896 г. было принято постановление о наделении полномочиями генерал-губернатора принимать законы. Начиная с этого момента, хотя закон и вызвал бурные обсуждения в парламенте, полная унификация законодательной системы, в том числе вопрос о принятии Конституции, уже не стоял так остро, а после перехода Кореи под японское управление и оккупации Маньчжурии и вовсе потерял актуальность.

¹ Vol. 12: History of Law in Japan since 1868 / Ed. by Wilhelm Röhl. In Handbook of oriental studies. Section V: Japan / Ed. by Blum M., Kersten R., Low M. F. Leiden, Boston: Brill, 2005. 849 p. P. 12–13.

Петухова Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Российские консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре во второй половине XIX века (по материалам АВПРИ)¹

После заключения русско-китайского Пекинского договора 1860 года, дипломатические отношения России и Китая получали новые импульсы к развитию на протяжении всей второй половины XIX века. Важную роль для обеих сторон сыграла достигнутая договоренность о равенстве и взаимности в делах, касавшихся торговли и консульской службы².

Создание русских консульств в Синьцзяне стало результатом обострения отношений Российской империи и Великобритании в Центральной Азии и, как следствие, желания России закрепить свои позиции в этом регионе. Кроме этого, связи населения Сибири и российского Туркестана с этой западной окраиной Цинской империи и возникавшие там проблемы требовали периодического вмешательства консульских служб, вплоть до физической защиты русских торговцев³.

В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) в Москве хранится большое количество документов, включающих консульские донесения о политических и военных событиях в Западном Китае, а также финансовую отчетность, характеризующие деятельность российских консульств в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре⁴. Эти документы позволяют сделать выводы о той роли, которую играли эти консульские пункты во внешнеполитических делах Российской империи на границе с Китаем в Центральной Азии, а также подчеркнуть активность самих российских дипломатов, возглавлявших консульства. Во второй половине XIX века консулы в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре принимали активное участие в процессе регулирования политических процессов на западе Китая в приграничных с Россией областях. В 1890 году при обсуждении изменений в «Правилах сухопутной торговли», утвержденных Санкт-Петербургским договором 1881 года, они высказали большое количество предложений, подкрепленных подробнейшей отчетностью, а также информацией о положении дел в регионе и состоянии российско-китайской торговли. Таким образом, форпосты российской дипломатии в Западном Китае выпол-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15–01–00231а («Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы»).

² *Самойлов Н. А.* Россия и Китай в XVII — начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб., 2014. С. 109.

³ *Сизова А. А.* Роль российской дипломатии в регулировании миграционных процессов на центральноазиатских рубежах России и Китая (вторая половина XIX века). // *Международные отношения в Центральной Азии: история и современность: Материалы международной научной конференции*, Барнаул, 29 апреля 2010 г. Вып. II/ Под ред. А. В. Старцева. Барнаул: Азбука, 2010. С. 69.

⁴ АВПРИ, Ф. 252, о. 889, д. 1,7; Ф. 307, о. 887, д. 2; Ф. 188, о. 761, д. 12.

няли несколько важных функций, в том числе: регулирование торговли на границе России и Китая, контроль миграционных процессов, поддержание мира в регионе, а также принимали активное участие в формировании российской внешней политики на Дальнем Востоке в целом.

Погудина Ю. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Система контроля численности автомобилей в крупных мегаполисах Китая в процессе ускоряющейся урбанизации

В последнее десятилетие урбанизация Китая происходила стремительными темпами. Одновременно с этим увеличивалось количество автомобилей в городах. Так, в 2015 г. 55 из каждых 1000 человек владели личным транспортным средством, в то время как в 1985 г. эта пропорция составляла 0,27 человек. Эти значительные перемены создали немало проблем для дорожного движения, особенно в крупных городах Китая. Кроме того, дополнительные трудности для городской администрации создают высокая плотность населения, сложная и напряженная обстановка внутри городской среды. И нередко меры, которые применяются в крупных городах других стран, не всегда являются эффективными в условиях китайских мегаполисов. Китайские политики совместно с учеными разработали собственные решения данным проблемам. Так, например, политика контроля над ростом числа зарегистрированных автомобилей последовательно была введена в Шанхае, Пекине и Гуанчжоу. Три крупнейших китайских мегаполиса руководствуются общими причинами для ограничения численности зарегистрированных автомобилей. После вступления в ВТО (2001 г.) в автомобильной промышленности Китая произошли значительные перемены. Ежегодное производство транспортных средств возросло с 2 млн штук в 2000 г. до 18 млн в 2015 г.,¹ что позволяет считать Китай одним из крупнейших в мире производителей автомобилей. В период одиннадцатой пятилетки (2006–2010 гг.) продажа автомобилей увеличивалась на 25% ежегодно.

Одним из действенных способов сдержать рост численности автомобилей в городах является ограничение возможности их приобретения. Для этого местные власти самостоятельно определяют количество номеров, выдаваемых автовладельцам для регистрации транспортного средства. Однако, спрос на дефицитные номера намного больше, чем предложение. В настоящее время в Китае в шести городах действуют ограничения на выдачу автомобильных регистрационных номеров. Впервые такую политику власти внедрили в Шанхае, где еще в 1986 г. была введена аукционная система для продажи

¹ Guo J. F., Y. Liu, L. Yu. Traffic Congestion in Large Metropolitan Area in China // Urban Transport of China, 2011. Vol. 9, No. 2. P. 7–11.

номеров. Однако из-за низкого уровня жизни основной части населения и невысокого спроса на автомобили эта система была не востребована. Правительству потребовались годы, чтобы разработать оптимальную систему выдачи автомобильных номеров и исключить всевозможные коррупционные составляющие этого процесса. В связи с большим наплывом автомобилей власти Пекина в 2011 г. внедрили систему распределения номеров через ежемесячную лотерею. Сначала выставлялось 250 000 номерных знаков в год, но в 2015 г. местные власти снизили квоту до 150 000¹. В Гуанчжоу местная администрация использует совмещенную систему лотереи и аукциона: всего выделяется 120 000 номеров в год, 50% из которых разыгрывается в лотерею, остальные номера можно приобрести за деньги. Подобная двойная система применяется в Тяньцзине и Ханчжоу. Система аукционов и лотерей искусственно сдерживает развитие автотранспорта в крупных городах Китая, а также приносит дополнительные средства в бюджет. Это позволяет властям создавать современную систему общественного транспорта, которая призвана избавить городских жителей от необходимости приобретать автомобиль или даже два, как это принято в развитых странах.

Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва)

Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.

Характеризуя в интервью Центральному китайскому телевидению 22 декабря 2016 г. отличительные особенности деятельности Китая на международной арене в истекшем году, министр иностранных дел КНР Ван И выделил проведение «политики великой державы (даго) с китайской спецификой». Эта дефиниция раскрывает главную особенность современной внешней политики Китая: самоидентификацию как великой державы и усилия по приведению в соответствие с нею основных ориентиров и базовых параметров внешнеполитического курса. Пекин практически впервые без всяких оговорок признал свой глобальный статус и продемонстрировал желание играть адекватную ему роль в мировых делах. Ван И подчеркнул, что «более зрелый Китай приблизился к центру мировой арены, играя роль стабилизатора в глобальном хаосе».

Одним из главных проявлений глобальных амбиций Китая явилась более четкая, чем раньше, заявка на *активное участие страны в глобальном управлении*. Как констатировал Ван И, «в связи с историческими переменами в глобальном балансе сил реформа системы глобального управления будет

¹ Beijing People's Municipal Government. Interim Regulation on Quantity Control of Small Passenger Vehicles in Beijing, 2015. No. 227. URL: <http://www.bjjtgl.gov.cn/publish/portal0/tab63/info21958.htm>.

неизбежной». По его словам, Китай взял на себя инициативу продвижения более справедливой и разумной глобальной политической и экономической системы, предлагая свои варианты решений в сфере глобального управления. Несколько ранее министр иностранных дел КНР подчеркнул, что китайская дипломатия добилась «всестороннего повышения места, влияния и институциональных прав страны в трансформации международной системы».

Основанием для таких оценок служит прежде всего заметная роль Китая в подготовке и проведении *саммита G-20 в Ханчжоу*. Как отмечается в китайских СМИ, саммит показал, что КНР из получателя «общественных продуктов международного сообщества» постепенно становится поставщиком таких «общественных продуктов» (калька с английского «public goods»). Этот процесс отражает переход Китая от пассивного следования международным правилам на позицию активного участника и вдохновителя их формирования. На саммите в Ханчжоу это проявилось в последовательном противодействии Пекина протекционизму и отстаивании открытого характера мировой торговли, в защите принципа инклюзивного роста, в предложении поиска «новаторских моделей роста» и более тесной координации макроэкономической политики ведущих государств мира. Персонально с именем Китая связана не только Ханчжоуская декларация, но и другой документ саммита — впервые принятый «группой 20» Меморандум о поддержке G-20 индустриализации Африки и наименее развитых государств.

Еще одной площадкой демонстрации заявки Китая на активную роль в глобальном управлении стал *24-й саммит Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)* в Лиме (Перу) в ноябре.

Китайский проект «пояса и пути» квалифицируется как важный поиск Пекина в деле совершенствования глобального управления экономикой. Он помогает решать и политические задачи. Так, проект стал важным инструментом улучшения связей Пекина с государствами Центральной и Восточной Европы. В целом же некоторые китайские эксперты видят значение инициативы «пояса и пути» в том, что она существенно увеличила Китаю пространство для маневра и помогла Пекину преодолеть «зацикленность» его внешней политики на «повороте США в Азию» и отношениях с соседними странами.

Еще одной особенностью 2016 г. стала активная *пропаганда в Китае особых заслуг в выработке и проведении внешнеполитического курса страны председателя КНР Си Цзиньпина*. Центральным в комплексе внешнеполитических идей Си Цзиньпина провозглашено положение о «человечестве как сообществе общей судьбы» («*жэньлэй минъюнь гунтунти лилунь*»). Оно квалифицируется как важный вклад Китая в мировую теорию международных отношений в XXI веке и одновременно — как «важный руководящий курс» в реализации «китайской мечты» и в достижении «всемирной мечты». Рассмотрены также ситуация вокруг споров по Южно-Китайскому морю, отношения КНР с США и Россией.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эскадра адмирала Лесовского у берегов Китая (материалы и документы)¹

После подписания в 1879 г. русско-китайского договора в Ливадии цинское правительство проявило серьезное недовольство его условиями и подвергло наказанию заключившего этот договор дипломата Чун Хоу, а некоторые сановники и генералы стали требовать его пересмотра, возможно даже военным путем. Особенную активность в этом плане проявил генерал Цзо Цзунтан, командовавший в то время китайскими войсками в Синьцзяне. Великобритания также была заинтересована в обострении российско-китайских отношений в Центральной Азии. Началась наиболее острая фаза Илийского кризиса.

В сложившейся ситуации император Александр II принял решение усилить русские войска в Средней Азии, а к берегам Китая направить военно-морскую эскадру под командованием вице-адмирала С. С. Лесовского, управляющего Морским министерством. Отрядами русских кораблей, вошедших в состав эскадры, командовали контр-адмирал О. Р. Штакельберг и контр-адмирал А. Б. Асланбегов. Вице-адмирал С. С. Лесовский поднял свой флаг на крейсере «Европа». К осени 1880 г. прибывшая на Дальний Восток эскадра насчитывала 28 кораблей, в том числе броненосные фрегаты.

Демонстрация силы русского военно-морского флота сыграла важную роль в устранении угрозы войны между Россией и Китаем на суше. Цинское правительство отказалось от планов решения дипломатических вопросов военным путем, и в 1881 г. в Санкт-Петербурге между двумя империями был подписан новый договор, носивший компромиссный характер. Опасность войны была устранена.

Документы, в настоящее время хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы, раскрывают подробности подготовки и проведения этой масштабной военно-морской экспедиции и позволяют по-новому взглянуть на сопутствующие ей внешнеполитические обстоятельства.

Помимо архивных документов очень ценными источниками следует признать описания плавания кораблей эскадры и их заходов в китайские порты, сделанные участниками экспедиции. Особенно подробно детали этого плавания и впечатления о пребывании в Китае были изложены в путевых очерках известного писателя и публициста В. В. Крестовского, который был назначен секретарем «по военно-сухопутным сношениям» адмирала С. С. Лесовского. В дальнейшем эти записки стали основой его книги «В дальних водах и странах». В. В. Крестовский подробно описывает свои впечатления о пребывании в портах, которые были открыты для захода иностранных кораблей (Гонконг,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15-01-00231a («Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы»).

Шанхай, Чифу). Особенную ценность представляют его впечатления о повседневной жизни китайских городов, которую ему довелось наблюдать своими глазами. Любопытны описания поведения иностранцев в Китае. Подробно освещено состояние торговли чаем, в которой в то время активное участие принимали русские купцы.

Не менее интересные записи об этом плавании оставил молодой мичман В. Ф. Руднев, в будущем — герой русско-японской войны, командир легендарного крейсера «Варяг» (Руднев В. Ф. «Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 годах»).

В научной литературе нет единого мнения по поводу итогов и значения столь масштабной экспедиции российского военно-морского флота. Некоторые авторы полагают, что огромные финансовые затраты себя не оправдали и проще было бы направить в Китай сухопутные войска. Однако, по нашему мнению, историческая заслуга эскадры адмирала Лесовского состоит именно в том, что, благодаря ее действиям, не пришлось посылать дополнительные сухопутные войска, а это, в свою очередь, позволило избежать вооруженного конфликта между Россией и Китаем и жертв с обеих сторон. Миссия адмирала Лесовского способствовала мирному разрешению острого международного кризиса, в этом ее значение и поучительный исторический урок.

Синецкая Э. А. (ИБ РАН, Москва)

Вопрос социальной характеристики современного Китая

Развитие Китая по меньшей мере на протяжении уже более века происходит весьма стремительно. Реформы разнонаправленные и порой весьма резкие касаются всех трех образующих позитивностей человека (труд, жизнь и язык) — все меняется, с откатами, рывками, в политическом, социальном, экономическом, а стало быть — в ментальном, в этико-поведенческом существовании страны и ее жителей. Китайский писатель Юй Хуа пишет: «Китай периода культурной революции и нынешний — все равно что средневековая и нынешняя Европа. Чтобы прожить эти две эпохи, далекие друг от друга как небо и земля, западному человеку потребовалось бы четыреста с лишним лет, а китайцы сделали это за сорок. Бури четырех веков сгустились в четыре десятилетия — поистине неопределимый опыт!»¹ Однако нельзя забывать при этом, что западное Средневековье являлось продолжением (или итогом)

¹ Юй Хуа. Десять слов про Китай // http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031346/Hua_-_Desyat_slov_pro_Kitay.html.

предшествовавшего развития т. н. западной цивилизации. Не без влияния христианства на определенном этапе «Средневековья Запад стал выходить за пределы, в которых развивалось традиционалистское общество», что «сделалось возможным благодаря развитию культуры индивидуалистического типа и в свою очередь способствовало ее утверждению»¹. В Китае христианство начало приникать с 80-х годов позапрошлого столетия. Сунь Ятсен говорил, что истоки модернизация Китая неотделимы от проникновения в страну христианских ценностей: «Западная культура и знания, распространяемые миссионерами, в значительной степени сформировали основу для победы революции»². Вообще история влияния миссионеров рассматривается как один из существенных факторов воздействия западной культуры на Китай³. Христианские общины нынче присутствуют в Китае, но в результате государственной политики у системы религиозных объединений в стране отсутствует иерархическая вертикаль взаимоотношений, а также провозглашены т. н. «три самостоятельности» для последователей западной религии, суть которых — «отказ от западных традиций в церкви, построение подходящих для Китая систем, правил и обрядов» («это вопрос не о том, кто пойдет проповедовать, а о том, что проповедовать», ибо «в самостоятельной проповеди необходимо отказаться от западного богословия, создать собственную богословскую систему»)⁴. Все это, представляется, выхолащивает суть христианства. Значительно более чем миллиардному населению многоукладного Китая весьма присущи синкретизм и многокультурность, но традиционализм жив не только в крестьянской среде. В определенной ситуации он может «вторгаться» в социально-психологическое состояние, поведенческую психику представителей иных слоев, в том числе и являющихся, казалось бы, уже «новыми» китайцами, когда западные ценности, представляется, усвоены, освоены, стали «своими», но остаются элементы исторической памяти, еще не изжитые полностью, подспудно остающиеся также «своими» в силу (родовой?) привычности. В купе с бэкграундом китайской модернизации это вносит некий скепсис в оценку нынешних потрясающих экономических и социальных достижений страны.

¹ Гуревич А. Я. Индивид. Статья для возможного в будущем «Толкового словаря средневековой культуры» // От мифов к литературе. Сб. в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М. 1993. (<https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Home-5-6>).

² Священник Петр Иванов. Сунь Ятсен и христианство // Революция и реформы в Китае новейшего времени: поиск парадигмы развития. М., 2004. С. 52.

³ Huges E. R. The Invasion of China by the Western World. N. Y. 1968. P. 53 (см. также: А. В. Ломанов Христианство в Китае: История культурной адаптации. М., 1999. С. 3).

⁴ Афонина Л. А. Государственная политика КНР в сфере религии в период реформ (1978–2005). Автореф. на соискание уч. степени к. и. н. ИДВ РАН. М., 2016. С. 39.

Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск)

Исследования Льва Абрамовича Березного по американской историографии проблем новой истории Китая

Научными исследованиями профессора, доктора исторических наук Льва Абрамовича Березного (1915–2005) поставлен ряд важных историографических проблем в китаеведении. Интерес у ученого вызывали тенденции развития американской историографии. Лев Абрамович изучил труды выдающегося американского китаеведа Джона Кинга Фэрбэнка (John King Fairbank) (1907–1991), был лично знаком с историком и неоднократно обсуждал с ним многие аспекты наиболее острых проблем новой истории Китая¹. Д. К. Фэрбэнк принадлежит к числу наиболее известных американских специалистов по истории Китая, «общепризнанный старейшина не только американской, но и западной в целом историографии»².

Профессор Д. К. Фэрбэнк связал свою преподавательскую и научную деятельность с Гарвардским университетом, опубликовал ряд трудов по истории Китая нового времени, американо-китайских отношений, американской миссионерской и торговой деятельности в Китае. В течение 18 лет (1955–1973) был директором исследовательского центра Восточной Азии (ныне Центр Фэрбэнка) Гарвардского университета, работал с коллегами над кембриджской «Историей Китая». В работах Л. А. Березного содержится анализ исследований американского китаеведа Д. К. Фэрбэнка³, который, применяя новые методологические подходы, сформулировал концепции исторического развития Китая периода нового времени, выработал «новый взгляд» на проблемы, связанные с развертыванием колониальной экспансии в Китае в XIX в.

Центральной темой исследований американских ученых являлась модернизация. Лев Абрамович Березный подчеркивал, что в 1950–1960-е гг. термины «модернизация», «европеизация», «вестернизация», «усвоение

¹ *Березный Л. А.* Критика методологии американской буржуазной историографии Китая (проблемы общественного развития в XIX — первой половине XX вв.). Л., 1968. 262 с.; *Березный Л. А.* Начало колониальной экспансии в Китае и современная американская историография. М., 1972. 222 с.; *Березный Л. А.* История Китая в трудах профессора Д. К. Фэрбэнка: основные концепции // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История, языковедение, литературоведение. 1993. Вып. 3. С. 24–34; *Березный Л. А.* Американская историография Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб, 2004. Вып. 22. С. 3–28.

² *Березный Л. А.* Американская историография Китая... С. 22.

³ *Fairbank J. K.* The United States and China. Cambridge, 1948 (1958); *Fairbank J. K.* Trade and Diplomacy on the China Coast. The Opening of the Treaty Ports 1842–1854; Cambridge, 1953. *Ssu-yu Teng, Fairbank J. K.* Chinas Response to the West. A documentary survey. 1839–1923. Cambridge, 1954; *Fairbank J. K.* The Great Chinese Revolution, 1800–1985. New York, 1987; *Fairbank J. K.* China: a New History. Cambridge, 1992.

западной культуры» употреблялись зарубежными авторами как синонимы, для констатации факта социальных изменений в странах Азии. В 2004 г. в статье «Американская историография Китая: кризис парадигм? Заметки о дискуссиях синологов США» Л. А. Березный проанализировал дискуссии американских ученых в 1980–1990-х гг., в ходе которых отмечалась смена ряда общеметодологических подходов к анализу новой истории Китая (А. Dirlic, Ph. Huan, Т. А. Metzger, R. Н. Myers). В центре обсуждений оказались «парадигма модернизации» и «парадигма революции». В американской литературе получил довольно широкое признание вывод о том, что в Китае был свой период «Early Modern», свои особенности модернизации в столетия, предшествовавшие началу так называемого «воздействия Запада». Более того, некоторые ученые вели поиски в позднеимперском Китае «публичной сферы» или «гражданского общества» как терминов, равноценных понятию «зарождающейся демократии»¹.

Старовойтова Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китайско-японская война 1894–1895 г. и формирование образа Китая в России²

Как в китайской, так и в российской и западной историографии событиям китайско-японской войны 1894–1895 гг. обычно дается однозначная оценка. Исследователи едины в том, что этот конфликт явил собой демонстрацию всей степени разложения верхушки цинского государства и несостоятельности ее внешней политики. Помимо потери протектората над Кореей, в числе итогов войны называют усиление противоречий внутри Китая, в частности, рост антиманьчжурских настроений и движения против иностранцев.

Однако, на наш взгляд, этот непродолжительный военный конфликт между Китаем и Японией стал серьезным испытанием не только для Цинской империи, но и для российско-китайских отношений. Усилившийся после вступления Николая II на престол интерес России к Дальнему Востоку заставлял представителей русской дипломатии самым тщательным образом следить за событиями в регионе и искать адекватный ответ на сложившуюся ситуацию. Как отмечают авторы издания «История русско-китайских отношений»: «Русский посланник Кассини в Тяньцзине поддерживал тесные контакты с Ли Хунчжаном, постоянно проявляя пристальный интерес к развитию корейского вопроса, направляя к Русскому императорскому двору просьбы о скорейшем принятии

¹ *Huan Ph.* Theory and the Study in Modern Chinese History // *Modern China*. 1998. № 2.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15–01–00231а («Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы»).

категорических мер относительно японской интервенции, что укрепляло веру Китая в Россию»¹.

Однако, стоит отметить, что в те годы при дворе российского императора не было полного согласия по поводу того, какой политики стоит придерживаться России на Дальнем Востоке. Даже после окончания китайско-японской войны и подписания Симоносекского мирного договора в высших кругах российской власти решалось, как проводить дальнейшую политику в отношении Китая и Японии, в том числе, какую из сторон поддержать. Это подтверждается материалами тайного совещания у Министра иностранных дел князя А. Б. Лобанова-Ростовского, состоявшегося 30 марта 1895 г., хранящимися в фондах Российского государственного исторического архива. В частности, в этих бумагах упоминается о том, что Николай II был сторонником сохранения дружественных отношений с Японией как с сильной морской державой. А например, сам князь Лобанов-Ростовский полагал, что России следует вступить в военный конфликт с Японией в целях предотвращения распространения ее влияния в регионе и повышения своего авторитета в глазах Китая.

В то же время китайско-японский конфликт широко обсуждался в русской прессе. Стоит отметить, что вторая половина XIX в. стала временем бума в русской печати. Это было связано с промышленным подъемом и появлением новых средств связи. Как отмечает историк журналистики Б. И. Есин, русская пресса существенно отличалась от европейской, «с первых шагов существования обнаружив свои важные потенциальные качества — быть проводником определенной политики, быть пропагандистом»². А «толстый» журнал 1890-х гг., столь популярный у тогдашнего читателя, по его оценке, и вовсе являлся «руководителем общественного мнения»³.

Развитие дальневосточной политики России привело к росту интереса к этому региону со стороны прессы. Одним из наиболее популярных жанров тех лет стала политическая сатира. В частности, широкое распространение получали сатирические и карикатурные публикации на тему конфликта между Китаем и Японией. В частности, китайско-японская война упоминается практически в каждом номере наиболее популярных в те годы сатирических еженедельных журналов, посвященных политике и международным отношениям, — «Будильник» и «Стрекоза» за 1894 год. С этого момента на страницах подобных журналов стали формироваться совершенно новые образы восточных соседей России, закрепившиеся в сознании большого количества российских обывателей, благодаря злободневности и доступности этих изданий. Таким

¹ Чжун'э гуаньси ши [История русско-китайских отношений]. Ч. 2. Сост. Мин Цзи. Тайбэй: Изд-во Саньминь, 2008. С. 154.

² Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917). М.: Флинта: Наука, 2000. С. 6.

³ Там же. С. 43.

образом, это короткое и, на первый взгляд, досконально изученное военное противостояние Китая и Японии достойно повторного обращения к нему со стороны исследователей русско-китайских отношений.

Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)
Две трактовки древнейшей истории в китайской историографии VIII–XVIII вв.

Древность в Китае всегда пользовалась большим авторитетом, и это особенно хорошо заметно в случае с наиболее ранним, согласно традиционным воззрениям, периодом — так называемой эпохой «Трех августейших и Пяти владык» (*сань хуан у ди* 三皇五帝), воспринимавшейся как золотой век правления идеальных государей.

Тем не менее, в посвященных древней истории сочинениях VIII–XVIII вв. этот период освещен очень неравномерно. В некоторых из них, например в «Сань хуан бэнь цзи» 三皇本紀 («Основные анналы Трех августейших») Сыма Чжэня 司馬貞 (ок. 656–720), «Цзы чжи тун цзянь вай цзи» 資治通鑑外紀 («Анналы, оставшиеся за пределами «Всепроницающего зеркала, управлению помогающего»») Лю Шу 劉恕 (1032–1078), «Хуан ван да цзи» 皇王大紀 («Важнейшие записи об августейших царях») Ху Хуна 胡宏 (1102/1105–1161), «Лу ши» 路史 («Великая история») Ло Ми 羅泌 (1131–1189), «Хуан ши» 荒史 («Отдаленная история») Чэнь Ши-юаня 陳士元 (1516–1597), «И ши 繹史» («Разматывание нитей истории») Ма Су 馬驢 (1621–1673) и «Шан ши» 尚史 («Древнейшая история») Ли Кая 李鏊 (1686–1755), сведения об этой эпохе (или, точнее, о якобы правивших тогда государях) достаточно пространны и подробны. В то же время, некоторые сочинения, такие как «Цзи гу лу» 稽古錄 («Записи об изучении древности») Сыма Гуана 司馬光 (1019–1086), «Гу ши» 古史 («Древняя история») Су Чжэ 蘇轍 (1039–1112) или «Цзы чжи тун цзянь цянь бянь» 資治通鑑前編 («Собрание [повествований о событиях], предшествующих [описанному во] «Всепроницающем зеркале, управлению помогающем»») Цзинь Люй-сяна 金履祥 (1232–1303), в своих описаниях этого периода крайне лапидарны.

Истоки подобной ситуации восходят к первым векам н. э., когда сложившиеся в течение первого тысячелетия до н. э. представления о древнейшем этапе китайской истории подверглись значительным изменениям. Эти изменения были связаны с появлением так называемых «апокрифов» (*чэньвэй* 讖緯) — религиозно-политических по характеру сочинений, содержащих сведения из самых разных областей духовной культуры Китая. Большое внимание в этих текстах уделялось и истории, причем в первую очередь — истории древнейшей, которая подверглась серьезному переосмыслению исходя из преследуемых создателями апокрифов политических целей. В качестве

наиболее важных нововведений в этой сфере можно выделить идею о том, что за именами древних правителей (тех самых Трех августейших и Пяти владык) скрываются целые династии, появление точных данных о продолжительности их правлений, а также возникновение легенд об их необычном появлении на свет и представлений об их удивительной внешности; помимо этого, в *чэньвэй* нередко описываются обстоятельства вступления монархов на престол, предпринимавшиеся ими ритуально-политические меры и ситуация, царившая в мире в период их правления. Эти сведения легли в основу первых глав сочинения «Ди ван ши цзи» 帝王世紀 («Анналы императоров и царей») Хуанфу Ми 皇甫謐 (215–282), ставшего одной из наиболее авторитетных работ в рассматриваемой области, и превратились в важный элемент традиционной историографии. В результате, «апокрифическая» версия древнейшей истории Китая продолжила переходить из книги в книгу даже после того, как сами апокрифы лишились прежнего авторитета и были утрачены.

В то же время, некоторые историки отказывались от использования сведений, восходящих к *чэньвэй*, и в своем изложении древнейшей истории основывались на данных сочинений, предшествующих их появлению. Тем не менее, открытой критике «апокрифическая» версия истории подверглась лишь во второй половине XVIII в. — в «Као синь лу» 考信錄 («Записи об установлении достоверности») Цуй Шу 崔述 (1740–1816).

Таким образом, можно утверждать, что в историографических сочинениях VIII–XVIII вв. зафиксированы две конкурирующие трактовки древнейшей истории Китая, в основе которых лежало, соответственно, принятие или непринятие сведений, восходящих к апокрифическим текстам.

Харитоновна А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Китай 2-й половины XIX века глазами русского дипломата (труды и архивные материалы В. М. Успенского)¹

Российский дипломат Виктор Матвеевич Успенский — выпускник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, сыграл важную роль в развитии русско-китайских отношений последней четверти XIX века. В 1872–1873 годах он был студентом в русской дипломатической миссии в Пекине, а затем поступил на дипломатическую службу. В. М. Успенский служил в различных русских консульствах в Китае, в том числе в Тяньцзине в 1874–1875 годы и в Урге в 1879–1884 гг. В дальнейшем он занимал должность генерального консула в Кульдже и Урумчи.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 15–01–00231а («Русско-китайские отношения в 1861–1901 гг. Материалы и документы»).

В. М. Успенский также внес существенный вклад в изучение Китая в России. Его работы освещали текущее положение дел в империи Цин («Краткая записка о возникшем в год «ген-цзы» (1900 г.) бедствии»). Кроме того, он является автором исторических исследований, таких, как «Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов». Современные исследователи говорят о том, что данную работу отличает системность и критическое отношение к китайским источникам.

Известно, что его книжная коллекция, состоящая из 466 томов, была передана в дар научной библиотеке Санкт-Петербургского университета. Его донесения, отчеты и письма из Пекина и других городов Китая, содержащие информацию об этой стране, а также сведения о самом В. М. Успенском, его учебе и работе в Китае хранятся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы.

Из работ В. М. Успенского отдельный интерес представляет собой не публиковавшаяся «Биография Цзэн Гофаня — канцлера Китайской империи и генерал-губернатора провинций Чжэцзян, Цзянси, Аньхой и Цзянсу». Данный материал находится в Архиве внешней политики Российской Империи, в Москве (фонд № 152 «Библиотека Азиатского департамента», опись 505, дело 106). Документ представляет собой рукопись на 10 листах. Текст расположен как на лицевой стороне листа, так и на оборотной. Автор представляет читателю биографию Цзэн Гофаня с момента сдачи последнего экзамена до разгрома Тайпинского восстания. Наибольшее внимание В. М. Успенский уделяет ведению военных действий в период Тайпинского восстания Цзэн Гофанем, его карьерному продвижению от начальника народного ополчения до командующего войсками вверенных ему провинций, а также его перемещениям по Китаю. В. М. Успенский подробно описывает личность Цзэн Гофаня, давая высокую оценку его моральным качествам.

После знакомства с рукописным наследием Виктора Матвеевича Успенского можно утверждать, что этот русский дипломат помимо практической профессиональной деятельности, активно писал научные труды, которые до сих пор представляют большой интерес для ученых. Подобные архивные материалы способствуют более полной реконструкции событий, которые происходили в Китае во второй половине XIX века.

Чэнь Бин (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Советская помощь Китаю в 1950-х годах: Чанчуньский автозавод

Чанчуньский автозавод №1 известен как колыбель автомобильной промышленности Китая. Это был первый автомобильный завод в Китайской Народной Республике, который заложил основной фундамент автомобилестроения.

строения в Китае. Более полувека назад 14 февраля 1950 года был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и Китаем. Сразу же вслед за этим были определены 156 ключевых промышленных объектов, помощь в строительстве которых оказывал Советский Союз. Чанчуньский автомобильный завод был одним из них. 26 января 1951 года Центральный финансово-экономический комитет КНР постановил: в 1951 году начать проектирование, в 1953 году перейти к строительству, а в 1957 году запустить производство грузовиков модели ЗиС-150 грузоподъемностью 4 тонны. Годовой выпуск автомобилей должен был составить 30000 штук¹. 13 ноября 1951 г. было подписано соглашение о проектировании автозавода между Министерством тяжелой промышленности КНР и Министерством автомобильной и тракторной промышленности СССР².

9 июня 1953 года председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун подписал распоряжение об ускоренном трехлетнем строительстве Чанчуньского автозавода³. Спустя 3 года, 13 июля 1956 года первый китайский грузовик «Цзефан» («Освобождение») сошел с конвейера, а 15 октября 1956 года, в КНР был официально открыт «Автомобильный завод № 1». План по выпуску первых автомобилей в 1956 году был выполнен. Так китайская автомобильная промышленность успешно сделала свой первый шаг.

Объем работ был так велик, что к строительству первого автозавода было привлечено 26 советских проектных организаций⁴ и около 200 советских заводов и фабрик⁵. Специалисты из СССР участвовали во всем процессе строительства автозавода. Были выбраны площадки для завода, спроектированы все объекты, переданы советские производственные технологии, современное оборудование и т. д. В командировку в КНР были отправлены около 200 высококвалифицированных специалистов Московского автозавода имени Сталина. Параллельно более 500 китайских товарищей прошли годичную стажировку на МосЗиСе и других автозаводах СССР. Хочется отметить, что среди этих китайских специалистов были и будущие руководители Китайской Народной Республики – Цзян Цзэминь (председатель КНР с 1993 по 2003 год) и Ли Ланьцин (первый вице-премьер КНР с 1998 по 2003 год). Помимо строительства автозавода в Чанчуне, остальные из 156 объектов, спроектированных

¹ 《第一汽车制造厂志 (1950–1986)》第一卷下册。(Записки о развитии Первого автозавода (1950-1986 гг.). Чанчунь, 1991. Т. 1. Ч. 2. 422 с.). С. 348–349.

² Там же. С. 349-351.

³ 张逢时：《历史的壮举》//《一汽创建发展历程》。北京，中国文史出版社，2007年。44–45。(Чжан Фэнши. Исторический подвиг // Создание и развитие Первого автозавода. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2007). С. 44-45.

⁴ Записки о развитии Первого автозавода. С. 102.

⁵ 陈祖涛。Чэнь Цзугао (устное изложение). URL: <http://auto.ifeng.com/topic/Chenz> (дата обращения: 15.01.2016).

при помощи СССР, строились в 17 провинциях Китая. Эти проекты заложили фундамент индустриализации в новом Китае, а построенные в эти годы предприятия сыграли важнейшую роль в становлении ключевых отраслей тяжелой промышленности.

Прошло полвека. На этом заводе давно уже не выпускают прежний грузовик «Цзефан». Завод прошел много этапов развития. Сегодня, созданная на базе «Автозавода № 1» компания FAW (First Automotive Works), является крупнейшей в Китае промышленной группой по выпуску автомобилей и другой техники. В Китае есть такая поговорка: «Когда пьёшь воду, думай об источнике». Современные китайские специалисты утверждают, что «без помощи Советского Союза, не было бы Чанчуньского автозавода и никто не может отрицать этот исторический факт»¹.

Черникова Л. П. (ИБ РАН, Москва)

Обзор китайской историографии по истории российской эмиграции в Китае

1980-е годы стали «прорывом» в исторических исследованиях Китая: появилось новое направление исследований «История русской эмиграции», которое разрабатывалось в русле изучения «Истории регионов КНР». Здесь наиболее интересными темами стали: политика царской России в Китае в конце XIX — начале XX вв.; присутствие иностранного, в т. ч. русского, капитала в Китае; строительство КВЖД и ее роль в хозяйственно-экономическом освоении Маньчжурии². Тем не менее, все же было введено негласное «табу» на изучение всего, что связано с периодом «культурной революции», перегибов партии во время «большого скачка», критикой в адрес Председателя Мао Цзэдуна. Из запрещенных работ можно назвать двух авторов Ляо Гайлуна и Цзинь Чуньмина, чьи работы были изъяты из библиотек и тираж полностью уничтожен³. Подоплека запретов, на наш взгляд, зиждется на идее «Сомнение — червь, подтачивающий идеи изнутри». Отрицание определенных периодов истории опасно для сплоченности нации.

Многие работы китайских историков написаны с позиции критики колониального «раздела Китая» на сферы влияния империалистическими держа-

¹ 韩玉麟: 《记录历史, 抢救历史》// 汽车商业评论2009年12月。(Хань Юйлинь. Записать и сохранить историю // Цицэ шанье пинлунь. 2009. №12.)

² См.: Романова Г. Н. Китайская историография об экономических отношениях России и Китая на Дальнем Востоке во втор. пол. XIX — нач. XX вв. Владивосток, 2002.

³ Ляо Гайлун. Эпоха больших беспорядков (1949–1989 гг.). Б. м., НАР. ИЗД-ВО провинции Хэнань, 1988. 648 с.; Цзинь Чуньмин. набросок к истории культурной революции в Китае. Б. м.: Сычуаньское народн. изд-во, 1995. 521 с.

вами, с участием России, проводившей агрессивную политику по отношению к своему соседу¹. Тем не менее, есть ряд работ, авторы которых активно изучали историю русских эмигрантов в Китае в русле российско-китайских культурных связей (Ван Чжичэн, Ли Сингэн², Ли Янлин).

Большая заслуга в постановке проблемы существования русских в Китае принадлежит проф. Ван Чжичэну, бывшему заведующим отделом России в Шанхайской Академии общественных наук. Автор работал над темой 10 лет с начала 1980-х годов, систематизируя архивы и фонды периодики. В Китае его книга «История русской эмиграции в Шанхае»³ вышла в 1993 г., в 2008 г. она была переведена на русский язык с предисловием Л. П. Черниковой.

Исследование рассматривает политические, экономические, социальные, культурные аспекты эмиграции, вводит в научный оборот большое количество имен. Во многом оно опирается на знаменитый альбом В. Д. Жиганова, однако имеет и самостоятельное лицо, поскольку автор сумел отойти от подражательности, введя многие новые аспекты изучения эмигрантов.

Другой известный китайский славист — проф. Цицикарского университета Ли Янлин. Он известен, главным образом, осуществленным изданием 10-томной «Антологии русской эмигрантской литературы КНР». В 2000 г. Президент России Владимир Путин в 2004 г. наградил его орденом Дружбы.⁴

Благодаря подвижничеству китайского ученого Ли Янлина, сотрудничество Академии общественных наук (АОН) КНР и Государственного архива РФ (ГАРФ) привело к тому, что часть отсканированных газет и журналов (электронный ресурс) была передана российской стороне. Отныне можно ознакомиться с эмигрантской периодикой Китая 1920–1940-х лет в читальном зале ГАРФа.

За последние 10–15 лет отмечается нарастающее появление китайских исследований в России. Обучаясь в российских университетах, китайские студенты и аспиранты защищают диссертации по самым разным темам, в том числе

¹ Су Цзунминь. История Южно-Маньчжурской железной дороги. Чаньчунь, 1990. 897 с.; Синь Пэйлинь, Чжан Фэнмин, Гао Сяосань. История освоения пров. Хэйлунцзян. Харбин, 1999; Колл. авт. Ша Э цинь хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Пекин, 1990. Ч. 4. 532 с.

² Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Фэн юй фупин. Эго цяоминь цзай чжунго (Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае). Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1997. 536 с. На кит. яз.

³ Ван Чжичэн. Шанхай эцяо ши (История русской эмиграции в Шанхае). Шанхай, Шанхай саньянь шудянь, 1993. 832 с.

⁴ Ли Янлин родился в г. Биань, Маньчжурия, в 1940 г. «Благодаря эмигрантке-учительнице русского языка из России Левской полюбил русский язык, русскую литературу». Окончил факультет русского языка и литературы Хэйлунцзянского университета, в 1962 г. начал преподавать в Цицикарском политехническом институте. Во время «культурной революции» Ли Янлин собрал коллекцию книг на русском языке, спасая их из подвалов и мусора.

связанным с художественной культурой русской эмиграции (в МПГУ, РГПУ им. А. И. Герцена и др.). Диссертация исследовательницы *Ван Пин*¹ посвящена русской художественной эмиграции в Китае в первой половине XX в. Она является добросовестным обобщением имеющейся историографии, преимущественно российских авторов, и представляет интерес как первый опыт целостной характеристики искусства и архитектуры русских эмигрантов в Китае². Исследовательница *Дяо Шаохуа* также защитила диссертацию и издала большую монографию по литературе русского зарубежья в Китае, рассматривая и сравнивая литературные таланты эмигрантского Харбина и Шанхая³. В целом по китайским публикациям 1990–2000-х гг. можно составить солидный список работ⁴.

Тем не менее, уже с 2008–2010 гг. в официальной исторической науке КНР принято считать, что тема практически полностью раскрыта, в связи с чем основная часть данных исследований свернута⁵. Однако многие китайские аспиранты продолжают публиковать свои работы в России, поскольку для нашей страны эта тема никогда не будет исчерпана.

¹ *Ван Пин*. Русская художественная эмиграция в Китае в первой половине XX века. Кандидат. дисс. по спец. 17.00.04 — Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура (искусствоведение). Защищена в совете Д 009.001.01 при НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств в 2006 г.

² Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-khudozhnikov-emigrantov-ma-kichigina-i-ve-kuznetsovoikichiginoi-v-kontekste-rus#ixzz3cDaYegLA>.

³ *Дяо Шаохуа*. Чжунго (Хаэрбин-Шанхай) эцзяо вэньсянь цуньму (Литература русского зарубежья в Китае (в Харбине и Шанхае). Харбин: Бэйфан вэньи чубаньшэ, 2001. 222 с. (Рус. и кит. яз.).

⁴ *Го Юньшэнь*. Чжун э чае маои ши (История чайной торговли между Китаем и Россией). Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ, 1995. 208 с.; Хаэрбин лиши бяньнянь (1763–1949) (Историческая летопись Харбина) / Сост. Ли Шусяо. Харбин: Хаэрбин субаньшэ, 2000. 486 с.; *Ван Шу Пин*. Архивы и архивное дело в Китае: преемственность и эволюция: Вторая половина XX века. Диссертация... кандидата исторических наук: 05.25.02. М., 2003. 238 с.; *Ли Дэбин, Ши Фан*. Хэйлунцзян иминь гайяо (Краткий очерк об иммигрантах в провинции Хэйлунцзян). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1987. 320 с.; *Синь Пэйлинь*, Чжан Фэнмин и Гао Сяоянь. Хэйлунцзян кайфа ши (История освоения провинции Хэйлунцзян). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1999. 816 с.; *Су Цзунминь*. Маньте ши (История Южно-Маньчжурской железной дороги). Чаньчунь: Чжунхуа шуцзюй чубань. 1990. 897 с.; *Сунн Хуньянь*. Дунфан сяо бали (Восточный маленький Париж: Фотоальбом). Харбин: Хэйлунцзян кэсюе цзишу чубаньшэ, 2001. 154 с.; *Сюэ Сяньтянь*. Чжундун телу хулуцзюнь юй дунбэй бяньцзын чжэньцзюй (Охранная стража КВЖД и политическая ситуация в Маньчжурии). Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 1993. 335 с.; *Цзи Фэнхуэй*. Хаэрбин сюньгэнь (В поисках корней Харбина). Харбин: Хаэрбин чубаньшэ, 1996. 354 с.; *Цзяо Чэнь*. Русская эмигрантская литература в Харбине (1920–1930-х гг.). Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 2000. 201 с. Рус. яз.

⁵ Из личной беседы автора с официальным представителем Департамента образования г. Шанхая, май 2012 г.

XV. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«КИТАЙ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»
ROUND TABLE DISCUSSION:
“LEGACY AND MODERNITY IN CHINA”

Будаева Т. Б. (ИВ РАН, Москва)

**Старые театры пекинских домов землячеств Чжэньци
и Хугуан хуэйгуань: история и современность¹**

В одном из пекинских районов, изобилующем переулками-хутунами и известном как Цяньмэнь-вай (前门外, «За пределами врат Цяньмэнь»), в эпоху Цин сосредоточились многие из увеселительных заведений и ресторанов, в том числе и театры, которым по новым правилам было не положено находиться на территории центральной части столицы². Вопреки историческим катаклизмам, происходившим в Китае за последние полтора столетия, четыре здания театров, построенных при домах землячеств хуэйгуань 会馆 еще в XVIII–XIX столетиях, сохранились до наших дней, правда, в разном состоянии. Два из них, театр «Чжэньци» в бывшем Банкирском доме чжэцзянского землячества (正乙祠银号会馆) и театр Дома хугуанского землячества (湖广会馆, ныне Музей Пекинской оперы 北京京剧博物馆), и сейчас живут насыщенной театральной жизнью. О них и пойдет речь далее.

Оба дома землячеств являются образцом китайской традиционной архитектуры. На их территориях, соответствующих известному китайскому принципу застройки *сыхюань*, помимо здания театра размещались еще несколько строений, образуя гостиничный анклав. С течением времени общая площадь каждого из хуэйгуань значительно уменьшилась (1000 м² занимает сегодня Чжэньци и 2800 м² — Дом хугуанского землячества), но даже сейчас в одном

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ, грант № 15–04–00513/17 (а).

² 前门外—京剧发祥地。国家京剧院官网。转载自《北京日报》：2013年04月28日，第17版。(За пределами Цяньмэнь: Колыбель Пекинской оперы // Национальный театр Пекинской оперы. Цит. по: Пекин Дэйли, 28.04.2013, вып. 17). URL: <http://www.cnpros.cn/contents/20/9648.html> (на кит. яз.).

дворе с театром находятся выставка-музей, чайная, сувенирная лавка, в Хугуан хуэйгуань также расположены ресторан и зал искусства каллиграфии.

Трехсотлетний Чжэньцзи является самым старым из всех перечисленных театров (1712), тогда как театру Хугуан хуэйгуань нет еще двух веков (1830). Примечательно, что в обоих театрах принципиально не используются микрофоны, что в современном Китае, к сожалению, встречается редко. Репертуар спектаклей ориентирован, прежде всего, на иностранную публику, поэтому в нем изобилуют эффектные акробатические, пантомимные и танцевальные сцены из известных спектаклей Пекинской оперы *цзинцзюй* 京剧 («столичный спектакль»), а также музыкальной драмы *куньцзюй* 昆曲 («куньшаньские мелодии»), более доступные для восприятия, нежели вокальные номера.

Квадратная сцена традиционно открыта с трех сторон, непосредственно на ней слева (со стороны актеров) располагается оркестр, состоящий обычно из 8 музыкантов. Сцену украшают расшитый шелком задник с пологими для выхода и ухода артистов, изречения о театральном искусстве на горизонтальных досках *пайбянь* 牌匾 и парные надписи *дуйлянь* 对联 на колоннах, которые поддерживают второй ярус. Сцены в два, а в императорских театрах и в три яруса строились в Китае достаточно часто, причем в Чжэньцзи верхний ярус активно задействуется во время спектаклей, тогда как в Хугуан хуэйгуань он несет лишь эстетическую функцию.

В отличие от императорских театров, по сути представляющих собой сцены под открытым небом (например, большие театры Дэхэюань в Летнем дворце Ихэюань 德和园大戏楼 и Чаньбиньгэ в Запретном городе Гугун 畅音阁大戏楼), сцены домов землячеств расположены в крытом зрительном зале с балконами по трем сторонам периметра; помещается здесь две-три сотни человек. Построенные из дерева, залы богато украшены резьбой, росписью, в театре Чжэньцзи интерьер лож дополнен креслами-лежанками с атласными подушками, а в Хугуан хуэйгуань – шестигранными деревянными фонарями. По всему залу расставлены столики: традиция вкушения чая в театре во время представления, скорее всего, перешла из аналогичной практики, принятой в частных богатых домах, где спектакли устраивались по тем или иным поводам. Подобное успешно реализуется и в некоторых современных театрах, где преследуется цель воссоздать дух старины: в Пекине среди них Большой театр Чаньань (长安大戏院) и театр Лиюань (梨园剧场), расположенный, как и некогда театры домов землячеств, в гостиничном комплексе «Цяньмэнь Цзяньго» (前门建国饭店).

«Атмосферные театры» – пожалуй, именно так можно назвать те места старого Пекина, которые в свое время были не только свидетелями, но и активными участниками процесса постепенного ухода со сцены музыкальной драмы *куньцзюй* и расцвета нового жанра – Пекинской оперы *цзинцзюй*. А сегодня благодаря особому духу, свойственному этим театрам, современный зритель может по-настоящему проникнуться искусством традиционной китайской драмы.

Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург)

Академик В. М. Алексеев о преподавании истории Китая (по материалам Синологической картотеки ученого)

Соображения академика В. М. Алексеева (1881–1851) о методике преподавания китаеведных дисциплин в высшей школе достаточно хорошо изложены в ряде его статей, опубликованных в сборнике «Наука о Востоке»¹, и в его «Рабочей библиографии китаиста»², где больше сказано о пособиях, необходимых для самообразования. В сохранившейся рабочей картотеке ученого (Синологической картотеке) можно найти ряд ценных сведений о том, что основатель новой отечественной школы китаистики считал важным и необходимым при преподавании истории Китая. Следует сказать, что В. М. Алексеев — прежде всего филолог и культуролог, и проблемы, связанные с преподаванием китайского языка и литературы, освещены в его Картотеке в гораздо большем объеме.

Карточки, касающиеся проблем преподавания китайской истории, входят в основном в разные подрубрики большого раздела «История». Проанализировав материал, мы сочли нужным распределить информацию по пяти разделам.

1. Собственный опыт изучения истории в университете

Записи в Картотеке свидетельствуют о том, что В. М. Алексеев хранил в личном архиве свои студенческие выписки из библиографий по истории Китая (за 1904 г.), выписки из переводов Дж. Легга (за 1902–1904 гг.), из разнообразных, в основном англоязычных «Историй Китая». Также им были составлены ученические генеалогические таблицы династии Юань. Об интересе В. М. Алексеева к конфуцианству свидетельствует упоминание о его магистерской работе 27 апр. 1904 г. «Судьбы конфуцианства после сожжения книг при Цинь Ши Хуан Ди и отношение к нему государей западной Ханьской династии», а также наличие в архиве записей лекций Эд. Шаванна о Конфуции *Confucius et son école*.

2. Преподавание истории в вузах

Материалы картотеки подтверждают, что В. М. Алексеев считал возможным преподавать историю Китая только путем чтения со студентами китайских исторических сочинений, начиная с «Исторических записок» Сыма Цяня. См.: «Китайская история как предмет университетского /текстового/ преподавания» (Мои отчеты по АН, стр.63). Со студентами разбирались оглавления к дина-

¹ Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: ГРВЛ, 1982. 534 с.

² Алексеев В. М. Рабочая библиография китаиста: Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / Под ред. Б. Л. Рифтина; отв. сост. Т. И. Виноградова. СПб.: БАН, 2010. 504 с.

стейным историям, особое внимание уделялось разбору (этюдам) терминов, применяемых в китайской традиционной историографии (Тексты к лекциям). Особо тщательно курсы по истории были разработаны применительно к преподаванию в ЛИФЛИ (Ленинградский институт истории, философии и лингвистики) в 1934–1935 гг.: План и детали к курсу «Историческая пропедевтика китаиста» ЛИФЛИ 1934/1935. Студентам 2-го курса этого вуза предлагались курсы НОТ (научная организация труда) китаиста-историка и критическое прочтение труда Лян Цичао «Методы изучения истории Китая» (*Zhongguo lishi yanjiu fa*).

В. М. Алексеев поручал студентам писать рецензии на свои собственные статьи: Рец. на «„Утопический монизм“ студ. Яхонтова. Весна 1946». Имеется в виду статья В. М. Алексеева «Утопический монизм и „китайские церемонии“ в трактатах Су Сюня (XI в.). Из истории борьбы конфуцианства с революционной идеологией», впервые опубликованная в журнале «Советское востоковедение» № 3 за 1945 г.¹

3. Изучение китайских классиков в контексте преподавания истории

Основное внимание уделяется чтению и комментированию «Чуньцю» и «чуньцюизма»: «Курс в ЛИЛИ (ЛИФЛИ — ?) 4 к. в 1931 г. “Критико-библиографические тексты к изучению Чуньцюизма”»

При ссылке на издания классиков, используемых в процессе преподавания, даны шифры Васильевского учебного фонда библиотеки Восточного факультета (В. У.).

4. Работа с аспирантами

Материал данной рубрики интересен, прежде всего, упоминаниями конкретных имен, с перипетиями подготовки и обсуждений диссертационных работ: З. И. Горбачева (1907–1979), Л. В. Симоновская (1902–1972).

5. Учебники

Ощущается необходимость в создании авторитетных учебных пособий по истории Китая. Особое внимание уделяется работам Л. И. Думана (1906–1979), Н. В. Кюнера (1877–1955), Г. В. Ефимова (1906–1980) (печатные труды и разработанные им учебные курсы).

¹ Алексеев В. М. «Утопический монизм и „китайские церемонии“ в трактатах Су Сюня (XI в.). Из истории борьбы конфуцианства с революционной идеологией» // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. Кн. 1. М. : Восточная литература, 2002. С. 534–553.

При изучении записей Картотеки становится очевидно, что В. М. Алексеев уделял внимание не только преподаванию древней истории Китая, но принимал активное участие в рецензировании научных работ и учебных пособий по новой и новейшей истории.

*Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск),
Соловьев А. И. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск)*

Мавзолей Цинь Шихуанди как неиссякаемый источник по истории Древнего Китая

Источник важность мавзолея Первого Циньского императора вполне очевидна и не нуждается в особых доказательствах. Многие тысячи terra-cotta-фигур солдат и лошадей, их вооружение и построение, позволили внести существенные дополнения и уточнения в представления о военном деле Китая того времени. Тщательность в оформлении скульптур, достигающая уровня портретного искусства, дала Н. Н. Чебоксарову основание для антропологических определений, затем подтвержденных морфологическим и палеогенетическим анализом погребенных на кладбищах, входивших в состав мавзолея.

Сложный характер памятника неизбежно требовал сочетанного использования различных научных методик для его изучения. Первым этапом, благодаря развитой письменной традиции, стало сопоставление сведений письменных источников с материалами раскопок, причем процесс шел в двух направлениях: найденные артефакты получали наименования, многие столетия дожидавшиеся их на страницах летописей, а сами эти термины наконец-то обретали зримое воплощение. Приведем лишь один пример. В 2001 г. раскопали захоронение, символизирующее судебное присутствие, с керамическими фигурами чиновников. Вместе с ними нашли четыре предмета бронзового оружия с двумя лезвиями: одно скошенное как у секиры, другое прямое как у топора. Судя по размерам, это было не боевое, а петенциарное оружие, которым наносили как режущие, так и рубящие удары. Термин *фуюэ* встречался во многих письменных источниках как нечто, используемое для тяжелых наказаний; традиционно его переводили двумя словами с соединительным союзом посередине — «топоры и секиры». И только благодаря археологии удалось установить, что имелось в виду особое полифункциональное оружие «топор-секира». Казалось бы, невелика разница, но благодаря этому мы не только вносим уточнение в словарь, но и можем подчеркнуть репрессивный характер циньского режима, когда это оружие смерти появляется впервые.

Привлечение новых методик, в первую очередь естественнонаучных, существенно расширяет возможности источниковедческого анализа как новых, так и, казалось бы, уже использованных материалов. Так, методики сохранения

и химического анализа минеральных красителей на поверхности статуй не только позволили реконструировать цветовую гамму воинской формы, но и уточнить происхождение некоторых видов сырья для изготовления красок. А палинологическое исследование глины, из которой были изготовлены статуи, позволило установить, что они изготавливались в разной местности: фигуры лошадей — очень близко, а заготовки для терракотовых воинов — достаточно далеко, в степных районах.

Особый интерес вызывает технология изготовления различных артефактов в составе погребального инвентаря. Так, на основе фиксации внешних следов обработки были изучены каменные доспехи, найденные неподалеку от ям с терракотовыми фигурами. Сланцевые пластины, составлявшие панцири и шлемы, скреплялись медно-бронзовой проволокой. Установлено, что для обработки пластин использовали точильные станки (типа токарных), механические приспособления для сверления и шлифовки; а для изготовления проволочных скреп — приспособление типа фильеры для волочения (возможно, горячего). Это доказывает существование частично механизированного и стандартизованного производства в период правления Цинь.

Таким образом, привлечение новых подходов и методов существенно расширяет извлекаемость сведений из такого уникального источника, которым является мавзолей Цинь Шихуанди.

Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ Советского Союза и России в учебниках истории КНР в 2000-е гг.¹

Проблемы исторического образования в средней и высшей школе азиатских стран привлекают в последнее время все больше внимания исследователей, причем не только специалистов по истории образования и сравнительной педагогике. И причина этого в том, что они маркируют изменчивую внешнеполитическую реальность Азиатско-Тихоокеанского региона — проблемы взаимоотношений между странами данного региона и их видение собственной позиции как в регионе, так и в мире в целом.

Настоящий доклад нацелен на выявление специфики презентации образа России в современных исторических учебниках КНР для старшей средней школы в 2000-х гг. Освещение советской и российской истории в основном касается четырех главных тем — реформы второй половины XIX в. и отмена крепостного права, Октябрьская революция 1917 года, опыт строительства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17–21–49001а(м) («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

социалистической политической и экономической системы, противостояние с США периода холодной войны.

По сути обзор истории России исчерпывается изложением советского пути социалистического строительства. Этот материал призван продемонстрировать имевшуюся в мировом опыте попытку свершения социалистической революции и дальнейшего развития социально-экономической модели социализма. Однако основная цель этого изложения — выявить те исторические уроки, которые могут быть восприняты другими странами, сохраняющими приверженность социалистическому пути. Современная текущая история России представляет уже гораздо меньший интерес. В разделе, посвященном обзору современной международной ситуации, Россия лишь упомянута как преемница Советского Союза и один из центров многополярного мира. Вместе с тем в экономическом блоке и разделах, посвященных экономической интеграции и глобализации однозначно указывается, что вектор развития истории направлен на усиление мировой интеграции и глобализацию. И в этом отношении события XX столетия — холодная война и противостояние капиталистической и социалистической моделей — значительным образом затормозили интеграционные процессы. Крушение биполярного мира, обращение большинства государств к рыночным реформам, напротив, существенно способствовало тенденциям экономической глобализации, созданию новых экономических и торговых связей.

И в такой оценке политических и экономических процессов — политического опыта СССР и мировой экономической интеграции — проявляется определенная двойственность, свойственная китайской историографии в силу политико-идеологических условий ее развития. Историки КНР, придерживаясь концепции глобальной истории, определяют мировую интеграцию и повсеместное установление капиталистической мировой системы в качестве магистрали исторического развития. И вместе с тем, по их мнению, капиталистическая система не справится с внутренними противоречиями и неизбежно уступит место социалистической. Эта же двойственность обнаруживается и в оценках событий последнего столетия. Так, необходимо изучать ошибки советского опыта, и крушение СССР не означает отказа от попыток социалистического строительства. Однако само сосуществование двух систем стало препятствием для реализации вектора мировой истории — утверждения мировой капиталистической системы.

Содержание учебников КНР отражает сложные и разнонаправленные тенденции как в академической, так и в политической жизни страны. В последние десятилетия образ западных стран формируется прежде всего под воздействием политического и экономического курса на международную открытость Китая, его интеграцию в мировые экономические и политические структуры. И в этом отношении Россия оказывается весьма неудобным объектом для интерпре-

тации, выявляющим некоторую противоречивость нынешнего курса Китая. Требования идеологической политики вынуждают признавать конечную победу социализма, тогда как реальный внешнеэкономический и политический курс направлен на интеграцию в систему глобального капитализма.

Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Наследие КВЖД как фактор исторической памяти¹

Источниками формирования и развития исторической памяти являются многочисленные факторы, в том числе монументальная традиция, памятники архитектуры, строительные объекты и инженерные сооружения, особенно если они бережно сохраняются для потомков.

Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) сыграла важную роль в развитии двух соседних стран — Китая и России. Она не только оказала влияние на экономическое и политическое развитие Дальнего Востока, но и способствовала развитию процессов социокультурного характера. История ее строительства и эксплуатации, появление новых городов и железнодорожных станций, жизнь русской общины в Харбине и полосе отчуждения КВЖД — все это оставило заметный след как в истории российско-китайских отношений, так и в истории Китая.

В течение последних десятилетий в нашей стране появилось большое количество публикаций мемуарного и научного характера, посвященных истории КВЖД и российскому присутствию в Китае в первой половине XX века. Жизнь русских эмигрантов на линии КВЖД и в Харбине привлекает российских исследователей как часть истории русской эмиграции и как важный аспект формирования послереволюционного «русского мира».

В то же время в Китае политика царской России в этом регионе долгое время рассматривалась как империалистическая и колонизаторская, а КВЖД и Харбин как «продукты колониализма». Такие оценки вплоть до начала XXI века были характерны как для научных изданий, так и для школьных учебников и комментариев к музейным экспозициям.

Однако в последнее время в КНР в целом меняется отношение к иностранному наследию, к деятельности западных миссионеров. В особенности это относится к оценкам значимости для Китая тех достижений науки, техники и культуры, которые в свое время принесли с собой иностранцы. В последние годы в КНР можно заметить проявление бережного отношения к архитектурным сооружениям культового и светского характера, построенным в Китае иностранцами.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17–21–49001а(м) («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

Это в полной мере относится и к тому, что сохранилось от русских построек в Харбине и вдоль линии КВЖД. В китайской печати, в частности в газете «Хэйлунцзян жибао», появлялись статьи, посвященные «историческому наследию КВЖД». Началось активное выявление построек, относящихся к периоду КВЖД с целью их регистрации, сохранения и последующей реставрации (выявлено примерно 800 объектов). Архитектурно-строительное наследие КВЖД становится предметом всестороннего изучения.

В 2015 г. в Китае был опубликован официальный список тридцати исторических и культурных улиц-памятников страны. Из большого числа улиц Северо-Восточного Китая была выбрана и включена в этот перечень Русская улица (罗西亚大街) в городке Аньанси (昂昂溪, ныне пригород Цицикара) как часть исторического наследия бывшей Китайско-Восточной железной дороги. На этой улице длиной в полтора километра расположено более 100 памятников русской архитектуры, включая железнодорожный вокзал, построенный в 1903 г.

Таким образом, население Северо-Восточного Китая все более воспринимает историческое и, прежде всего, архитектурно-строительное наследие КВЖД как неотъемлемую часть общего социокультурного наследия данного региона, что также способствует росту интереса и к культуре современной России. Кроме того, следует вспомнить о том влиянии, которое русское присутствие в районе КВЖД оказало на повседневную жизнь и бытовую культуру жителей Северо-Восточного Китая, на развитие промышленности и сельского хозяйства.

Сегодня культурное наследие КВЖД постепенно становится фактором исторической памяти. В России — это результат воздействия многочисленных публикаций о Харбине, КВЖД и русской эмиграции в Китае. В КНР — результат активной работы по восстановлению архитектурно-строительного наследия Китайско-Восточной железной дороги.

Учитывая огромный интерес к истории КВЖД и ее наследию в Китае и России, очень важным представляется изучение и публикация документов и материалов по истории КВЖД, хранящихся в российских архивах, прежде всего — в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

СЕКЦИЯ XVI.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ
HISTORIOGRAPHY OF JAPAN

Бабенко Е. (Новосибирский ГУ, Новосибирск)
**Японский медицинский трактат Исимпо
как этнологический источник**

«Трактат о методах исцелении души» (医心方 *Исимпо*;) — старейший из японских медицинских трактатов. Он был написан в 984 г. придворным врачом и акупунктуристом Тамба-но Ясуёри 丹波康頼 (912–995), который считается единственным автором трактата¹.

Памятник состоит из 30 свитков, каждый из которых посвящен определенной группе заболеваний. Как и все письменные источники того времени, «Трактат о методах исцеления души» написан на китайском языке. Датировка памятника неоднородна: 27 свитков созданы в эпоху Хэйан 平安時代 (794–1185), один был переписан в эпоху Муромати 室町時代 (1336–1573), два свитка и одна книга — в эпоху Эдо 江戸時代 (1603–1868)². За основу классификации болезней была взята классификация из китайского «Трактата об источниках разных болезней» (諸病源候論 *Чжу бин юань хоу лунь*, 610 г.) эпохи Суй (581–618)³.

Поскольку *Исимпо*: является древнейшим из сохранившихся японских медицинских трактатов, его ценность для изучения истории традиционной японской медицины сложно переоценить. Памятник также представляет большую ценность как источник для исследования культуры и этнографии Японии и всего региона.

¹ *Котоси Хироси*. Кампо идзин рецуден «Тамба Ясуёри» [漢方医人列伝 「丹波康頼」 Биографии врачей, практикующих Кампо: Тамба Ясуёри. URL: <http://medical.radionikkei.jp/tsumura/final/pdf/090225.pdf> (дата обращения 23.11.2016).

² *Иваи Куними*. Тю:гоку дэнрай-но ирэ: ... Исимпо: то соно сю:эн [中国伝来の医療・・・医心方とその周辺] Наследие китайской медицины: об «Исимпо:» и его содержании. URL: <http://www.kuniomi.gr.jp/geki/iwai/isinpou.pdf> (дата обращения: 20.11.2016).

³ Там же.

Особый интерес представляют свитки, в которых приводится информация о беременности, дородовом и послеродовом уходе. Например, в 23-м свитке «Акушерство и ритуалы» (産科治療 *санка тирё*; 儀礼 *гурэй*) содержится информация о различных запретах во время и после беременности, выходящих за рамки обычных медицинских предписаний. Так, там описываются ритуалы и магия, связанные с деторождением, даются рекомендации при сложных родах и мертворождении. Свиток основан на «Трактате об акушерстве» (産経 *яп. санкё*; *кит. чанцзин*). Оригинал данного текста был утерян, единственная возможность исследовать его — изучать по цитатам из «Исимпо»:¹. Например, уникальным доказательством наличия изображений в этом источнике являются изображения беременных женщин, носящих прическу и маски, которые были популярны в эпоху Суй (581–618), когда скорее всего и был написан этот памятник².

«Трактат о методах исцеления души» также содержит подробную информацию об одном из важнейших обрядов в жизненном цикле человека — рождении. Текст рассказывает об особом отношении к месту рождения и его сакральной чистоте. Например, считалось, что 12 богов (十二神 *дзю:ни син*) и Восемь Генералов (八將軍 *хассё:гун*) защищают место рождения и оберегают его от проникновения нечистоты³. Поскольку эти божества пришли в Японию из Китая, мы можем судить о глубине китайских заимствований на японском архипелаге.

На протяжении многих веков памятник *Исимпо*: изучался как медицинский трактат и использовался в традиционной японской медицине. Однако информация, представленная в нем, может быть использована также и для изучения других аспектов жизни японского этноса. Так, например, данные трактата могут быть полезны при изучении всех важных жизненных циклов человека в средневековой Японии (включая рождение и последующий уход за ребенком). Таким образом, «Трактат об исцелении души» является важным источником по исследованию истории, этнографии и культуры Японии.

Бабкова М. В. (ИБ РАН, Москва)

«Беседа о постижении Пути» — отдельный памятник или Введение к «Вместилищу сути истинного Закона»?

«Вместилище сути истинного Закона» (正法眼藏, «Сё:бо:гэндзо») — собрание трактатов буддийского проповедника эпохи Камакура Эйхэй Догэна (永平道元, 1200–1253), которое ныне считается главным текстом школы Сото, счита-

¹ *Triplett Katja*, For mothers and sisters: care of the reproductive female body in the medico-ritual world of early and medieval Japan // *Dynamis* 34 (2). Granada, 2014. P. 337–356.

² Там же.

³ Там же.

ющей Догэна как патриарха-основателя. Трактаты «Вместилища» Догэн писал и редактировал в течение всей жизни, и этот памятник был собран воедино уже посмертно. Несмотря на всю разноплановость входящих во «Вместилище» текстов, во всем корпусе прослеживается довольно четкая позиция Догэна, что позволяет считать его создателем собственной системы в рамках буддийской философии. Сейчас во «Вместилище» входит 95 текстов, первый из которых — «Беседа о постижении Пути» (辨道話, «Бэндо:ва»).

Трактат, открывающий современные издания «Вместилища», весьма примечателен. Это одна из самых ранних работ Догэна (1231 г.), написанная на японском языке и рассчитанная на широкую аудиторию. Ни при жизни Догэна, ни при жизни Эдзё, его ученика и главного редактора его работ, трактат не входил в текст «Вместилища»; в эпохи Камакура и Муромати если он и был известен, то в очень узком кругу. Однако с конца XVII в. текст прочно утвердился на первом месте в собрании, и сейчас воспринимать его отдельно уже крайне сложно. Исследователи пишут о том, что в «Беседе о постижении Пути» в кратком виде собраны ключевые идеи «Вместилища». Это позволяет считать текст законно присоединенным к основному собранию в качестве введения, подготавливающего читателя к восприятию содержания остальных трактатов.

С одной стороны, очень многое в трактате говорит в пользу этой точки зрения. Уже в первой части (из двух, на которые композиционно делится трактат) Догэн утверждает безусловный приоритет над другими видами практик именно и только сидячей медитации, сосредоточения сидя как единственно верного способа обрести просветление, несовместимого с другими буддийскими практиками. С другой стороны, ряд особенностей текста «Беседы о постижении Пути» выделяет его среди других трактатов «Вместилища» и заставляет рассматривать этот трактат как отдельное произведение Догэна, выражающее его ранние взгляды, не тождественные воззрениям, к которым он пришел, например, ко времени постройки своего главного храма — Эйхэйдзи (осн. 1245). В докладе обе точки зрения рассматриваются подробно, с анализом текстовых фрагментов, позволяющим прийти к выводу о соотношении «Беседы» и текста «Вместилища» в целом.

Для нужд современной школы Сото текст «Беседы о постижении Пути» крайне полезен именно в качестве введения к «Вместилищу». Если большинство трактатов сами по себе более конкретны, направлены на обсуждении того или иного частного вопроса (или практического — организации обряда или необходимости того или иного вида подвижничества, или теоретического — толкования какого-либо положения учения, расхожей фразы или коана), то в «Беседе о постижении Пути» действительно вкратце перечислены все основные положения учения Догэна. Текст написан более простым языком, почти не содержит коанов и идеально подходит для объяснения плюсов от принятия веры. С другой стороны, если говорить об исследовательском под-

ходе, то есть о попытке реконструировать взгляды самого Догэна как одного из наставников созерцания XIII в., текст «Беседы о постижении Пути» необходимо рассматривать отдельно, как самостоятельное произведение. Сравнивая стиль и содержание этого трактата с текстами, вошедшими во «Вместилище сути истинного Закона», уместно говорить об эволюции взглядов Догэна.

Булацев С. Х. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Трактаты «Сюсинрон» и «Тайёрон» — средневековые источники по истории этикета японских воинских домов

Искусство соблюдения норм этикета, *рэйхо*, рассматривается в Японии как одно из главных воинских искусств начиная по крайней мере с конца XII века. Одной из известнейших школ воинских искусств является Огасавара-рю:, школа рода Огасавара. Она специализируется на верховой езде, стрельбе из лука и этикете. Начиная с XIV века в качестве обозначения этих направлений как триединого воинского искусства дома Огасавара закрепился термин кю:хо: («сплетенные, объединенные искусства»).

Начало существования школы Огасавара относится к 1187 году, когда первый патриарх этого рода, Огасавара Нагакиё (1162–1242), становится наставником в воинских искусствах у Минамото-но Ёритомо, основателя сёгуната Камакура.

Специфической особенностью жизни сообществ («школ», «домов») японских традиционных искусств, как воинских, так и гражданских, является наличие дэнсё, «книг преданий». Дэнсё служат концентрированным изложением учения школы и символом передачи традиции из рода в род. Обычно они предназначены для изучения и передачи только внутри данного сообщества.

В области искусства этикета главными дэнсё школы Огасавара являются два трактата, «Сю:синрон» (далее — «Сюсинрон») и «Тайё:рон» (далее — «Тайёрон»), созданные в первой половине XIV века. Вплоть до наших дней они играют роль первоисточников, в которых излагаются фундаментальные основы этого искусства. Полные тексты трактатов существуют только в рукописном виде.

Авторы этих сочинений — патриархи седьмого поколения двух разных ветвей рода Огасавара, Акадзава Цунэоки (1301–1378), и Огасавара Садамунэ (1292–1347). Известно, что первый из трактатов, «Сюсинрон» («О (нравственном) совершенствовании»), был составлен и преподнесен ими императору Годайго в годы Кэмму (1334—1336) по приказу первого сёгуна династии Асикага, Такаудзи. К тому же времени относится и создание второго сочинения, «Тайёрон» — «О применении принципов» (букв. «О теле и (его) применении»).

В 2011–2013 годах в японском журнале «Будо» («Воинские искусства») была опубликована серия статей под общим названием «Огасавара-рю:-но дэнсё-о ёму (Прочтение семейных трактатов школы Огасавара)», в которых частично

приводится текст трактатов и дается комментарий к приводимым фрагментам. Автор статей — Огасавара Киётада, 31-ый патриарх одной из ветвей рода Огасавара, нынешний глава школы. В апреле 2015 года издательством Ниппон Будокан эти статьи в переработанном виде были изданы отдельной книгой под тем же названием.

Насколько можно судить по опубликованным фрагментам и комментариям, трактаты различаются между собой аспектами, в которых рассматривается искусство этикета.

Для «Сюсинрон» важен педагогический, методический аспект. В этом сочинении авторы исходили из презумпции недуальности смысла («сердца», кокуро) и формы (катати). Совершенствование в формах поведения и культивирование в себе соответствующего этим формам отношения к другим людям рассматриваются как две стороны единого процесса освоения этикета как искусства. Для описания различных этапов освоения мастерства используется термин «син-гё:-со:», в традиционных искусствах указывающий на разные уровни владения мастерством: базовый, промежуточный и виртуозный. В «Сюсинрон» им обозначаются разные уровни «одушевленности» (осмысленности) следования нормам этикета.

В «Тайёрон» рассматривается технический, «материальный» аспект рэйхо: различные положения тела, типы движений, такие их характеристики, как дыхание, ритм, жесткость и мягкость, направление взгляда; обращение с различными предметами, в частности — с оружием. Базовая презумпция в «Тайёрон» — нераздельность принципов (тай — «тела, субстанции, сущности») и их реализации (ё: — «применения, функции, (про) явления»).

Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва)

Англоязычная литература по истории внешней политики Японии первой половины XX в.

История внешней политики и международных отношений Японии изучается во всех англоязычных странах и, в первую очередь, в США.

По сути до начала XX в. в США не существовало своей школы востоковедения. Исследованиями занимались лишь отдельные ученые, которые нередко не задумывались о необходимости преемственности традиций и не оставляли после себя учеников. В первые годы XX в. Рокфеллер начал финансирование исследований на Ближнем Востоке в основном в области археологии. Но постепенно это направление пришло в упадок, и новый импульс получил развитие после окончания первой мировой войны.

Развитие зарубежного востоковедения в первой половине XX в. характеризовалось увеличением числа специализированных научно-исследовательских

учреждений, занимавшихся изучением Востока, а также учебных заведений, готовящих специалистов по Востоку. Число периодических востоковедных научных изданий и число научных работников, занимающихся востоковедением, возросло. Это было связано с международной ситуацией, сложившейся еще в конце XIX в., когда многие страны пошли по пути империализма, стали проводить активную колониальную политику в странах Востока, и, соответственно, востоковедение стало одним из главнейших направлений внешней политики Великих держав.

В 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, и с этого момента международная ситуация резко изменилась. Япония и Китай предстали в новом свете, и объем финансирования на востоковедные исследования резко возрос. Основными центрами изучения Востока стали Стэнфорд, Калифорнийский Государственный и Вашингтонский Университеты.

Дулина А. М. (ИСАА, МГУ, Москва)

Концепции пространства и времени в учениях о богах: на примере сочинения «Наставление глупым детям о Хатиман» (начало XIV в.)

В данном докладе на материале письменного источника «Хатиман гудо:кин» («Наставление глупым детям о Хатиман», начало XIV в.), священной истории культа божества Хатиман, рассматривается трансформация концепций пространства и времени в Японии, которая произошла после нападений монголов на архипелаг в 1274 и 1281 гг.

В процессе активного заимствования буддийского вероучения в Японии буддийская модель мира постепенно вытеснила другие представления о мироздании. Согласно космологии буддизма, «маленькая страна» Япония, в отличие от «больших стран» Индии и Китая, была удалена от центра распространения учения Будды. Однако после чужеземных вторжений и угрозы завоевания страны в конце XIII в. произошли изменения в мировосприятии и самоидентификации японцев, вновь стала актуальной и получила новое смысловое наполнение древняя концепция «страны богов» (*синкоку*).

В японских средневековых источниках излагается идея о том, что синтоистские божества не только оберегают обитателей Японии — своих потомков — от чужеземных врагов, но и объясняют им учение Будды, чтобы спасти в век «конца Дхармы» и избавиться от страданий в период упадка династии «ста государей». Согласно «Наставлению глупым детям о Хатиман», Япония превосходит «большие страны» Индию и Китай, где истинная Дхарма уже утрачена. Главная роль охранителя Японии, проповедника и защитника учения Будды отводится в «Наставлении» божеству-бодхисаттве Хатиман.

Данный текст также отражает процесс конструирования идеального сакрального пространства — «исконной страны Будды Великое Солнце» (*дайнити-но хонкоку*) — на территории Японии — «Великой Присолнечной страны» (*дайнихонкоку*).

Таким образом, сочинение «Наставление глупым детям о Хатиман» наряду с другими письменными историями святилищ и учениями о почитаемых божествах является ценным источником для изучения пространственно-временных представлений японцев в XIII–XIV вв.

Климов А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Описание медвежьего праздника японским исследователем Мацуда Дэндзюро

Мацуда Дэндзюро:¹ 松田伝十郎 (1769–?) был направлен в «земли варваров» (эдзоти, 蝦夷地) по распоряжению военного правительства (бакуфу, 幕府) в 1799 г. (по японскому календарю — 11-й год эры Канъэй, 寛永十一年) после того, как эти земли, формально находившиеся под управлением клана Мацумаэ (Мацумаэ-хан, 松前藩), перешли под прямое управление центрального правительства. Мацуда нес там службу до 1822 г. (5-й год эры Бунсэй, 文政五年), то есть до того времени, когда военное правительство вернуло эти территории клану Мацумаэ. За время службы он написал «Рассказы о северных варварах» (Хокуидан, 北夷談) в семи тетрадах, в которых зафиксировал в форме дневниковых записях все события за 24 года службы, достойные внимания.

В первой тетради, в частности, он описывает медвежий праздник, на котором он присутствовал. Мацуда для лучшего понимания этого праздника приложил к тексту сделанные им зарисовки. Вероятно, он был, если не первым, то одним из первых его исследователей. Мацуда отмечает, что все айну на «землях варваров» (эдзоти) проводят этот праздник, уделяя ему большое значение. Ранней весной, по описанию Дэндзюро:, у медведицы рождается медвежонок. Его отлавливают и отдают айнке, которая вскармливает медвежонка своим молоком и растит его. В мае — июне его держат в семье как собачонка. Потом же помещают его специально изготовленную клетку, зарисовку которой приводит в рукописи. Кормят его вяленой рыбой и прочими продуктами. В октябре — ноябре месяце собираются родственники хозяина, держащего молодого медведя, а также знакомые и, конечно же, старейшина деревни. В назначенный день все они надевают нарядные одежды и каждый, взяв лук и стрелы, выстраиваются в ожидании, когда появится медведь. Туда же, где все айны собрались, выгоняют из клетки выращенного молодого медведя, связы-

¹ Двоеточием обозначаю долготу звуков в японских словах.

вают его веревками (опять же в рукописи прилагается рисунок), прикрепляют его к столбу, заранее установленному в месте сбора. Первым пускает стрелу в медведя хозяин, его взрастивший, а затем по очереди, начиная с родственников, стреляют в медведя. В конце ослабевшего медведя душат бревном (опять же в рукописи прилагается рисунок). Место предстоящей трапезы украшают красивой посудой, утварью, которую называют «сокровищами варваров» (ихо:, 夷宝), бумажными полосками, именуемыми *инаво* イナヲ и напоминающими, по мнению Мацуда, в Японии *хэйхаку* 幣帛. То есть, он сравнивает их с бумажными полосками на входе синтоистских святилищ, которыми олицетворяли подношения синтоистским божествам. В Японии еще их называют *гохэй* 御幣, *митэгура* み幣, *никитэ* (или же *никита*) 和幣, *нуса* 幣. Айны отправляют службу, поклоняются божествам, напевая слова молитвы. После этого вкушают сырое, свежее мясо убитого медведя. Каждый из присутствующих на этом обряде загодя, к назначенному сроку варят сакэ, не очищают его (нигоридзакэ, 濁り酒), приносят к месту обряда и пьют его во время трапезы. Мацуда отмечает, что женщина, вскормившая медвежонка своим молоком (кормилицу на языке айну называют メノコ, *мэноко*; произношение передано исследователем на японском языке), плакала навзрыд, когда вскормленного ею зверя убивали стрелами и душили деревом. И, тем не менее, она, пребывая в глубокой печали, тоже участвует в трапезе. Не самые приятные чувства у Мацуда вызвали слезы и печаль женщины, вскормившей своим молоком медвежонка.

Описание медвежьего праздника передано близко к тексту рукописи, которая опубликована в 4-м томе «Собрания исторических материалов по жизни простого народа Японии» (Нихон сёмин сэйкацу сирё: сю:сэй, 日本庶民生活史料集成).

Безусловно, в настоящее время написано немало исследований по медвежьему празднику, проводимому айнами, но важно в данном случае подчеркнуть, что вышеприведенное описание сделано японским исследователем Мацуда Дэндзю:ро: в 20-х годах XIX столетия.

Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Конторские книги начала XIX в. по торговле японцев с айнами¹

Две конторские книги, хранящиеся в рукописном отделе ИВР РАН в Санкт-Петербурге соответственно под шифром А–47 «Книга приходов и расходов» [大福帳] и А–48 «Книга долговых записей» [簾貸帳] представляют важный исторический источник. Рукописи и киелографы японской коллекции

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ № 15–01–001168.

были описаны в основном двумя научными сотрудниками О. П. Петровой и В. Н. Гореглядом. В подготовленном ими описании отмечается, что в «Книге приходов и расходов» (А–47) «среди покупателей 183 человека из 24 мест», а в «Книге долговых записей» (А–48) значатся «имена должников (всего 24 человека)» и что «имена должников..., по-видимому, айнские», также отмечается, что записи заканчиваются 1805 г. и что книги учета прихода и расхода от торговли японцев с айнами «велись на юге острова Хоккайдо».

Все имена и топонимы, упоминаемые в книгах, айнские. Все топонимы, упоминаемые в книгах, относятся к южной части Сахалина, а не Хоккайдо, как об этом сообщается в описании рукописей и ксилографов. В мире, на настоящий момент, эти две конторские книги японо-айнской торговли являются самыми старыми в мире. Даже в Японии не сохранилось подобных книг, датируемых началом XIX в. Надо принять во внимание, что хозяйственные записи, не относившиеся к важным распоряжениям даймё или центральных властей, а также не обладавшие сакральностью священных текстов буддийских школ, по истечению установленного срока за ненадобностью утилизировались.

Сейчас же это бесценный исторический источник, по которому можно предметно судить о номенклатуре товаров (японцы продавали айну в основном: рис, сакэ, табак, лаковые изделия, мечи, котелки и т. п., а покупали рыбу, циновки, плетеные из местной травы, орлиное оперенье и т. п.), форме торговли (японцы давали в долг свои изделия, рис, айну же гасили долг в основном рыбой). Торговля носила неравноценный обмен и осуществлялась под жестким контролем японских властей (местных и центральных). Двумя основными опорными пунктами у японцев были Кусюн-котан и Сирануси. Торговый обмен осуществлялся вдоль береговой линии в южной части острова Сахалин, концентрируясь в основном в заливе Анива. Единицы измерения товаров (пучки табака, размер проданного риса) имеют те же названия, что и на собственно основной территории Японии, но с меньшим наполнением. К примеру, один мешок риса на острове Хонсю был ощутимо увесистее, чем на Сахалине. И это составляет особую тему разговора. Во всяком случае, с достаточно определенной степенью вероятности можно, вероятно, посчитать норму прибыли от этой торговли у японских купцов.

Обе книги происходят из коллекции Мария Ивановича (Мари-Фелисите) Броссе (1802–1880) и поступили в Азиатский музей в 1864 г. Он прибыл в Санкт-Петербург по приглашению Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), министра народного просвещения и президента Академии наук для устранения недочетов восточной филологии. На самом деле Броссе обработал и занес в реестр конторские книги в 1864 г. Попали же они в Петербург гораздо раньше в составе коллекции японских предметов, захваченных во время экспедиции Хвостова и Давыдова у японцев. Если мы сравним с датой

их пребывания на Сахалине в Кусюн-котан, (хронологическая таблица представлена в докторской диссертации О. В. Климовой, защищенной в университете Хандай) с датой последней записи в книги бухгалтерских записей, то обнаружим совпадение. 6 октября 1806 г. по юлианскому календарю Хвостов вошел в залив Анива, а с 10 по 19 октября находился в Кусюн-котан (русское название — Любопытство). В конторских книгах мы не обнаружим ни одной записи позже тех чисел, когда корабль «Юнон» стоял у берега указанного населенного пункта.

В архиве РГА ВМФ хранится «Ведомость с ввезенным фрегата Юноны японским вещам», в котором значится: «комод с морскими картами и книгами». Среди этих книг как раз и находились рассматриваемые конторские книги, которые позже были переданы в Азиатский музей.

Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Участие Японии и Индии в политической кампании за расширение состава Совета Безопасности ООН

На рубеже XX–XXI вв. необходимость реформирования структуры Организации Объединенных Наций становится все более очевидной. Это связано, прежде всего, с распадом биполярной системы международных отношений в начале 1990-х гг. и, следовательно, с выдвиганием новых политически и экономически влиятельных государств и выстраиванием новой глобальной структуры мирового порядка, в основе которой лежит принцип мультиполярности. В данных обстоятельствах крайне важным является решение вопроса о расширении состава Совета Безопасности ООН (СБ ООН), что подразумевает обретение большим количеством стран постоянного членства в СБ ООН.

В связи с тем, что Азия с начала XXI века является наиболее динамично развивающимся регионом в мире, вполне обоснованными представляются претензии Японии и Индии на место постоянных членов СБ ООН. Очевидно, что на протяжении нескольких десятилетий эти два государства, хоть и имеют разную историю своей деятельности в ООН, но являются наиболее видными представителями азиатских стран в этой международной организации.

Индия, являясь одной из участниц Учредительной конференции ООН, еще в 1945 году заявила о своих претензиях на место в Совете Безопасности. Однако на тот момент ее претензии были отклонены. В середине 1950-х гг. снова был поднят вопрос о принятии Индии и Китайской Народной Республики в качестве постоянных членов Совета Безопасности. В результате только КНР получила место постоянного члена. Однако в соответствии с поправкой к Хартии ООН в 1963 году произошло расширение состава СБ за счет непостоянных членов,

в числе которых оказалась и Индия¹. На протяжении следующих 50-ти лет Индия, занимая ведущую позицию среди развивающихся стран Азии и являясь региональным лидером «Движения неприсоединения», принимала активное участие в миротворческих операциях ООН в странах Азии и Африки. Достигнув за это время весьма высокого уровня экономического развития, Индия стала играть значительную роль в мировой политике, поэтому с середины 1990-х гг. и по настоящее время она настойчиво и неоднократно повторяет свои претензии на постоянное членство в СБ ООН. Свою позицию официальные представители Индии объясняют тем, что, несмотря на глубинные перемены в мировом порядке, произошедшие со дня формирования ООН, представительство развивающихся стран в СБ ООН остается крайне неудовлетворительным.

Япония, в отличие от Индии, только в 1956 году с подписанием Советско-японской декларации смогла вступить в ООН. Одновременно одной из первоочередных внешнеполитических задач Японии стало осуществление так называемой «политики ООН-центризма», которая выражалась в виде значительных финансовых вложений в организацию. В дальнейшем Япония смогла расширить свое участие за счет проведения операций по поддержанию мира, а также оказания гуманитарной и экономической помощи развивающимся странам². Однако свою заинтересованность в получении постоянного места в Совете Безопасности официальные представители Японии впервые выразили в 1994 году.

С образованием группы четырех стран-претендентов на постоянное членство в СБ ООН — Индии, Японии, Германии и Бразилии, — начался новый этап решения вопроса по расширению СБ, исходя из принципов географически равноправного распределения мест и суверенным равенством государств³. Однако, будучи на современном этапе одними из ведущих сил в Азии, Япония и Индия объединяют также свои усилия в разрешении данного вопроса на уровне двустороннего глобального и стратегического партнерства, имеющего своей целью поддержание мира и стабильности в Азиатском регионе в условиях увеличения числа внутренних конфликтов, а также межтерриториальных диспутов. В данных обстоятельствах КНР уже не может оставаться единственным постоянным представителем от Азии в СБ ООН, тем более, что Китай руководствуется в основном своими национальными интересами. Более того, фактор экономического влияния Японии в Восточной Азии и политического влияния Индии в Южной Азии поможет образовать каналы связи со значительным количеством стран региона, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на их социально-экономическое развитие.

¹ Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. История Индии XX века. М.: ИВ РАН, 2010. С. 583–584.

² India — Japan relations: Partnership for Peace and Security in Asia / Ed. by Sisodia N. S., Naidu G. V. C. New Delhi: Institute for Defence Studies and Analyses, 2006. P. 55–56.

³ Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. Там же. С. 589.

Таким образом, обретение Индией и Японией статуса постоянных членов СБ ООН может способствовать усилению их влияния в международной политике, что, в свою очередь, приведет к более конструктивному разрешению различных региональных конфликтов и проблем.

Маранджян К. Г. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Два неизвестных иллюстрированных свитка «эмакимоно» из коллекции ИВР РАН

Коллекция японских рукописей и килографов ИВР насчитывает свыше трех тысяч единиц хранения и является одной из крупнейших в Европе. В ней представлены письменные источники по самым разным областям знания, однако до последнего времени считалось, что в ней нет иллюстрированных свитков «эмакимоно».

Однако в 2015 г. в книжном хранилище библиотеки ИВР РАН был обнаружен свиток с иллюстрациями, сохранившийся в прекрасном состоянии. Его длина составляет около 16 м. Несмотря на отсутствие названия, по иллюстрациям было установлено, что это история про демона с горы Ибуки, который похищал и пожирал молодых девушек из столицы. Литературным прототипом свитка стала история из жанра «отоги-дзоси», которая и озаглавлена «Сютэн – додзи» (酒呑童子) по имени демона.

Не вызывает сомнения, что это только одна часть сочинения, которое насчитывало от 4 до 6 частей (маки), потому что в нашем свитке представлен только ключевой момент истории, когда демона опаивают и убивают японские воины. Фактически, ни завязки, ни финала истории в нашем свитке нет.

На самом свитке был указан инвентарный номер, по которому удалось установить, что он был приобретен в 1928 г. у некоего А. А. Максимова. К сожалению, попытки установить его личность не привели к успеху, поэтому источник поступления свитка в коллекцию остается открытым вопросом. В целом, в российских музеях и хранилищах японских письменных памятников японские иллюстрированные свитки встречаются крайне редко. Они есть только в Москве (Музей изобразительных искусств им. Пушкина, где находится коллекция Китаева) и Петербурге (Эрмитаж, Кунсткамера и ИВР РАН).

Наш свиток «Сютэн-додзи» датируется XVII в. и принадлежит живописной школе Кано. Свитки на этот сюжет были довольно широко распространены в эпоху Эдо, что позволило сравнить наш свиток с имеющимися в японских музеях и выяснить, что он наиболее близок к свитку из музея Сантори. Свиток из коллекции ИВР РАН, без всякого сомнения, обладает высокой художественной ценностью.

Второй свиток, хранящийся в нашем собрании, представляет собой два его фрагмента длиной по 1 м каждый. Он вошел в каталог японской коллекции ИВР, где фигурировал как «два фрагмента художественного описания природы и культуры Японии». Эти два фрагмента записаны на прекрасной японской бумаге с растительным орнаментом скорописью. На изнаночной стороне красной краской крупно написаны китайские лозунги, прославляющие коммунистическую партию Китая и Мао Цзэдуна, По-видимому, движимые глубоким чувством любви к японской культуре, японские свитки использовали для изготовления пропагандистских материалов. Источник поступления этих фрагментов неизвестен, скорее всего его привез кто-то из китаистов, вернувшись из изучаемой страны.

Более внимательное изучение свитка позволило установить, что это фрагменты комментария к поэтической поэме китайского поэта Бо Цзюйи (白居易, 772–846) «Песнь о бесконечной тоске». Как установил профессор университета Кэйо, специалист по иллюстрированным книгам Исикава Тору, и текст, и каллиграфия принадлежат японскому монаху и литератору Асаи Рёи (XVII в.). О существовании этого свитка было известно, но сам он в Японии не сохранился. На сегодняшний день, эти два фрагмента являются уникальными и имеют огромную историческую ценность.

Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А. (КФУ, Казань)

«Идеальный мир» Нобуя Хамада — забытый источник по утопической мысли Дальнего Востока

Рассматриваемый текст увидел свет в Берлине в 1922 г. на английском языке под заглавием “*An Ideal World*”¹. Личность его автора остается загадкой: даже такой знаток утопической литературы, как Л. Сарджент, не смог найти о нем никаких сведений². В 144-страничной книжке нет прямых автобиографических пассажей, сам проект слишком глобален, чтобы оставить пространство для личного. За текстом Нобуя Хамада опознается классический китайский язык, точнее, его японский вариант — *камбун* (漢文), который и в начале XX в. оставался образцом высокого стиля.

Трактат разделен на три части. Авторская концепция излагается в предисловии: мир должен рассматриваться как целое, а достижению реальной целостности препятствуют войны и насилие, множественность языков, затрудняющая свободное передвижение и торговлю, и вызывающая межнациональные

¹ *An Ideal World* by Nobuya Hamada, M. C. Berlin: Carl Heymanns Verlag, 1922. 144 p.

² *Sargent L. T. British and American utopian literature, 1516–1985: an annotated, chronological bibliography.* N. Y.: Garland, 1988. P. 170, 459.

и расовые конфликты. В первой части рассматриваются недостатки существующего мира, а далее предлагаются рецепты их исправления; все это служит раскрытию понятия идеального мира и истинного предназначения человека.

Согласно Нобуя Хамада, главное предназначение человека — переживание счастья. Соответственно, идеальный мир — это такая политическая, социальная и экономическая система, которая позволяет всему человечеству и каждому отдельному человеку наслаждаться наибольшим количеством счастья. В материальном измерении счастье есть удовлетворение бесчисленных страстей и желаний, большинство из которых связано с собственностью. Однако в третьей части трактата счастье и человеческий прогресс связывались им с моральной необходимостью, а важнейшей разновидностью счастья называлась реализация предназначения человека — это счастье творить¹.

Нобуя Хамада разделял существовавшее в его время разделение на высшие и низшие расы, связывая их со степенью цивилизованности. Вершиной цивилизационного развития признается Западная Европа. Среди методов цивилизации выделяется то, что он именовал «инвестированием», но использовал этот термин в специфическом значении. Это добровольные вложения развитых наций в развитие материальной инфраструктуры отсталых стран и областей, не предполагающее прибыли.

Это создает предпосылки для устранения причин войны — ограничение суверенных прав наций, отмена понятия гражданства, принятие принципов открытых дверей и свободной торговли и отмена расовых предрассудков. Это парадоксально сочеталось с неприятием смешанных браков, но по биологическим причинам — для сохранения многообразия человечества. Здесь характерна эмоциональная позиция при описании мер для охраны флоры и фауны: исчезновение многих видов животных и птиц лишает удовольствия человека, то есть сокращает доступные ему виды счастья.

Трактат интересен в первую очередь множеством параллелей или даже прямой перекличкой с «Книгой о Великом единении» (大同書) Кан Ю-вэя (康有为, 1858–1927). Оба проекта основаны на антропологии Мэн-цзы, в рамках которой человеческая природа признается благой. Исходя из этого, главной и единственной целью существования общества и государства является принесение радости каждому отдельному человеку и всему человечеству в целом. Конкретные методы достижения всеобщего счастья чрезвычайно различны. Кан Ю-вэй действовал как утилитарист, исходя из тезиса, что человек в первую очередь стремится удовлетворить биологические потребности и инстинкты, которые подвергаются коррекции с течением общественной эволюции, которая совпадает с эволюцией биологической. Нобуя Хамада настроен несравненно более идеалистически, в его понимании счастье — это реализация творческой потребности, поскольку такая деятельность реализует истинную природу человека.

¹ An Ideal World... P. 131–132.

Михайлова С. А. (МГЛУ, Москва)

Японские дипломаты в Петрограде в 1917 году: разные судьбы

В 2017 году исполняется 100 лет со дня Октябрьского переворота. Имеет смысл узнать, кто из японцев был в это время в Петрограде и что делал потому, что обладание этой информацией автоматически дает ключи к пониманию эволюции отношений СССР и Японии в 1930-е и 1940-е годы. Поскольку историю творят люди, а действующие лица с японской стороны практически не меняются.

Основными источниками для моего доклада стали: адресная книга «Весь Петроград за 1917 год», фотографии из фонда японского посольства ЦГАКФФД Петербурга, сборник «СССР и Япония» (Москва: «Наука», 1987) и материалы российского и японского интернета, включая полный текст интервью военного агента в Петрограде Одагири Масадзуми, которое он дал газете «Майнити» 19 марта 1917 года.

В 1916 году русско-японские отношения достигли своего апогея. По конвенции 20 июня / 3 июля по защите Китая от господства третьей державы Япония проставляла России оружие и пушки, японские военные в Главном Штабе обучали русских дзюдо, на фронт и в царскую ставку постоянно, одна за другой ездили японские военные делегации. Россия на Осакском монетном дворе даже начала чеканить монеты 10-, 15- и 20-монетного достоинства, снимались совместные фильмы, на японскую музыку ставились балеты (первая в мире симфоническая обработка японской музыки композитора Ямада Косаку была сделана русским композитором Асафьевым в конце 1916 года), царские дочери ходили в японских кимоно, проводились выставки японских гравюр, японцы учили нас в Сочи выращивать зеленый чай и т. д. и т. п.

К 1916 году количество японцев, проживающих в Петербурге, резко увеличилось. В Петербурге функционировали японское посольство, японское торгово-справочное бюро, японский госпиталь, общество русско-японской дружбы с курсами японского языка, представительство японской компании «Мицуи» комиссия по военным поставкам. В Петербургском Университете продолжал преподавать бессменный Иосибуми Куроно. В командировке находились также агенты от министерства финансов и пр. и агенты отдельных фирм, таких как компания то тяжелому машиностроению «Исикавадзима — Харима».

В 1917 году японское посольство находилось по адресу: Французская набережная, дом 14. Канцелярия была открыта с 11:00 до 13:00. Телефон канцелярии был 4985. Согласно адресному справочнику «Весь Петроград» от 1917 года, список сотрудников японского посольства был следующим:

- посол виконт Мотоно Ичиро (30 января прибыл новый посол — Утида Косай);

- советник 2-й Марумо Наотоси;
- секретарь 2-й Мацусима Хадзимэ;
- 3-й секретарь Уэда Сэнтаро, Ханаока Сиро, Яно Масао;
- атташе Ашида Хитоши;
- военный агент Одагири Масадзуми;
- помощник Капитана Хашимото Тораноске;
- морской агент Капитан Судзуки Отоме;
- чиновник канцелярии Хирацуки Харутоси.

Начиная с посла Утида Косай, который пять раз исполнял должность Министра иностранных дел при трех эпохах- Мэйдзи, Тайсё и Сёва, и заканчивая атташе Асида Хитоси, который в 1947–1948 годах являлся одновременно и Премьер-министром и Министром иностранных дел Японии, все вышеперечисленные лица внесли свой вклад в развитие русско-японских и советско-японских отношений. В данном докладе будет подробно рассказано о трех из них: Уэда Сэнтаро, Одагири Масадзуми и Хасимото Тораносукэ.

После переворота 25 октября все посольство практически в полном составе находилось в городе, следило за событиями и писало рапорты. В начале 1918 года часть японцев поехали в Токио, часть в Москву, часть во Владивосток, а посол Утида вместе с советником Марумо Наотоси, атташе Асида Хитоси и преподавателем петербургского университета Куроно Ёсибуми (по дороге скончался) отправился в Вологду, куда с конца февраля до начала апреля 1918 года переехали несколько посольств и миссий стран Антанты, включая Японию. После недолгого пребывания в Вологде они через Швецию вернулись в Японию. Начиная с декабря 1917 года до восстановления официальных отношений в 1925 году в Москве Японию представлял Уэда Сэнтаро, который, в общей сложности прожил в России 25 лет, за исключением периода русско-японской войны.

Уэда Сэнтаро, который в Японии считается зеркалом некадрового дипломата, родился 2 января 1867 года. Скончался 23 марта 1940 года. После обучения в школе немецкого языка он в 1896 году отправился на стажировку в Санкт-Петербург. После курса домашнего обучения в 1900 году он поступил в Санкт-Петербургский Университет, где, как ошибочно пишут японские источники, подружился со своим одноклассником Лениным. В действительности, он познакомился с Лениным во время работы под началом известного военного агента Акаси Мотодзиро.

Одагири Масадзуми (12.02.1866–7.06.1940) был военным агентом с 1914 по март 1917 года. Во время интервенции в Сибири с 1918 по 1921 года возглавлял 15 бригаду 2-й дивизии в Благовещенске. Отдал приказ о казни Лазо и его товарищей.

Помощник военного агента Хасимото Тораносукэ в 1922–1923 году жил в СССР, в 1934–1935 году был зам. воен. министра. Умер в 1952 году в лагере в Хабаровске, где и похоронен.

Мотрохов А. И. (Харьков)

Любовь и жизнь как страдание в поэтическом творчестве Яманоэ Окура

Начало литературной деятельности Яманоэ Окура и Отомо Табито при главном наместничестве области Сайкайдо (округа Дадзайфу), вероятно, было положено смертью жены Табито, наступившей вскоре после отбытия Табито из столицы и, как следствие, сочинением «Песни, сложенная Отомо, главным наместником округа Дадзайфу, в ответ на дурную весть» (大宰帥大伴卿、凶問に報ふる歌 *Дадзай-соти Отомо кё:*, *кё:мон-ни котатуру ута*) (т. 5, № 793). В предисловии к этой песне он говорит следующее [5, с. 209]:

«Несчастье за несчастьем обрушились на меня. Непрерывно поступают ко мне дурные вести. Вечно будет скорбеть мое разбитое сердце. В одиночестве лью терзающие мою душу слезы».

Далее он приводит саму песню:

世の中は	<i>ёнонака-ва</i>	<i>Когда</i>	<i>я понял,</i>
空しきものと	<i>мунасики моно-то</i>		<i>Что мир</i>
知る時し	<i>сирu токиси</i>		<i>Тщетен,</i>
いよよますます	<i>ийё масумасу</i>		<i>Мною все больше и больше</i>
悲しかりけり	<i>канасикарикэри</i>		<i>Овладевает печаль.</i>

Страдая, он льет терзающие его душу слезы из-за следующих одно за другим несчастий и утраты жизненных сил. Он в своей песне излагает мысль о бренности бытия.

Выражение 禍故重疊り、凶問累に集る *кувакоти касанари, кё:мон сикири-ни ацумару* «Несчастье за несчастьем обрушились на меня. Непрерывно поступают ко мне дурные вести», вероятно, означает, что его постигло не одно несчастье, а множество их. Они, как правило, понимаются как проявление тщеты этого мира, и в качестве наибольшего несчастья им рассматривалась смерть его любимой жены. Когда он познает мир через опыт смерти своей жены, он еще больше преодолевает бренность бытия. Понимание Табито бренности этого мира лежит в русле буддийской концепции бренности бытия. В жизнеописании «Дзё:гу: Сё:току хо:о: тэйсэцу» (上宮聖徳法王帝説 *«Проповеди о Царе Закона Сётоку из Верхнего дворца»*, кон. VII — нач. VIII вв.) сказано, что «мир пуст и условен» (世間虚假 *сэкэн кокэ*) [4, URL], поэтому понимание Табито бренности этого мира можно охарактеризовать этими же словами [3, с. 54–55]. Таким образом, причиной признания Табито буддийской концепции «мир пуст и условен» (世間虚假 *сэкэн кокэ*) послужила кончина его супруги. Табито устранился от политики, чтобы овладеть даосскими идеями Лао-цзы и Чжуан-цзы. Если допустить, что Табито пребывал в иллюзорном мире своих переживаний, то

Окура был тем поэтом, который реалистически воспринимал окружающий мир и людей. Хотя Окура тоже воспринял эту буддийскую концепцию по причине смерти супруги Табито, он все же рассматривал страдания людей от рождения, старения, болезни и смерти с точки зрения любви к людям.

Смерть жены — это окончание любви между супругами. Окура в своей «трилогии, сложенной в уезде Кама» (嘉摩三部作 *Кама самбу саку*) свидетельствует о следующем:

1. Существуют такие люди, которые стараясь стать достигшими просветления святыми, забывают о почитании воспитавших их родителей, жену и детей сбрасывают с себя, как башмаки (предисловие к песням № 800–801).

2. Даже будда Шакия большей любовью считает любовь к детям и, как не парадоксально, среди людей этого мира (*самтва*) нет таких, которые не любили бы детей (предисловие к песням №№ 802–803).

3. Радости молодых людей — моментные; человек уже состарился и молодые люди уже питают отвращение к нему; любовь — это страдание и у людей этого мира она воспринимается как бренность бытия (предисловие к песням № 804–805).

Такое понимание любви Окура воспринял из буддизма и конфуцианства, но все аспекты такой любви, по мнению Окура, всегда заключают в себе страдания. Следовательно, можно предположить, что понимание Окура смерти жены Табито сводится к буддийскому «страданию разлуки с любимым человеком» (愛別離苦 *айбэцу рикю*) как одного из «восьми страданий бытия» (八苦 *хакку*)¹. В упомянутом выше предисловии в виде «Стихотворения и прозы, выражающих скорбь по покойной жене Табито» (悼亡詩文 *то: бо дзибун*) к песне № 794 (т. 5) Окура пишет следующее [5, с. 209–210]:

«[Здоровая] *розовоцекая* [женщина] уходит в вечность вместе с „троякой покорностью“². [Женщина, имеющая] склонности к чему-либо, тоже отправляется в вечность вместе с „четырьмя качествами“³. Почему? Не считая нужным стареть вместе со мной, она полетела одна, сказав: „Вторую половину жизни тебе следует прожить одному“. В спальне бессмысленно разворачивать ширму, душераздирающая скорбь все больше и больше охватывает меня, у изголовья чистое зеркало напрасно приставлено, слезы, пачкающие бамбук, все больше и больше роняю. Как только дверь в Страну Желтого Источника⁴ закрывается, теряется возможность увидеться вновь. О горе!».

¹ Рождение; старость; болезнь; смерть; разлука с любимым человеком; встреча с ненавистным человеком.

² В юности — отцу, в замужестве — мужу, в старости — сыну.

³ Добродетель, искусство речи, прекрасная наружность и трудолюбие.

⁴ Название подземного царства мертвых.

Здесь Окура описал любовь, тонущую в море страданий.

Несмотря на то, что любовь к детям носит принципиальный характер, смерть, разрывающая связь с любимым ребенком, еще больше усилит страдание от любви. Кроме «*Песен, сложенных в думах о детях*» (子等を思ふ歌 *кора-о омоу ута*) (т. 5, №№ 802–803), являющихся хвalebными песнями о любви к детям, Окура оставил после себя «*Песни, сложенные в любви к сыну по имени Фурухи*» (男子名は古日に戀ふる歌 *онокона-ва Фурухи коуру ута*) (т. 5, № 904–906). Одна из них (т. 5, № 904) содержит горькое повествование о том, как его сын Фурухи — более драгоценный и любимый, чем «семь сокровищ»¹, о которых молятся люди, желающие иметь их, утром играл с родителями в постели, вечером попросил их взять его к себе в постель спать, а они радовались взрослению сына, но он от внезапной болезни [5, с. 237–238]:

世の人の 貴み願ふ	ё-но хито-но то:томинэгау	Человек этого мира Молится о том, чем он желает дорожить:
七種の 寶も我は 何せむに わが間の 生れ出でたる 白玉の わが子古日は 明星の 明くる朝は	нанакуса-но такара мо варэ-ва нанисэмуни вага нака-но умарэидэтару сиратама-но вага ко Фурухи-ва акабоси-но акуру аса-ва	Семью видами Сокровищ, Зачем они мне? Родившийся У меня дома Мой сын Фурухи, Подобный белой жемчужине, Наступающим утром С Венерой в восточной части небосклона
しきたへの 床の邊去らず 立てれども をれども ともに戯れ 夕星の 夕になれば	сикитаэ-но токо-но хэ сарадзу татэрэдомо орэдомо томо-ни тавабурэ ю:цудзүцү-но ю:бэ-ни нарэба	Не покидает пределы постели Из полотна с мелкими складками, И когда он сидел, И когда он стоял, Все равно мы вместе играли, А когда наступал вечер С Венерой в западной части небосклона,
いざ寢よと 手を携はり 父母も うへは勿さがり	идза нэёто тэ-о тадзусавари тити-хаха мо үэ-ва насагари	Взял мою руку в свою, сказав: «Идемте спать!» «Папа и мама, Не отходите от меня!»
		[...]

¹ В буддизме, золото, серебро, лазурит, раковина тридакны, агат, коралл, жемчуг.

ややややに	яяяя-ни	Постепенно
容つくほり	катати цукуори	Черты лица истончаются.
朝な朝な	асанасана	Каждый раз, когда наступает утро,
言ふことやみ	цу котоями	Слабеет речь,
たまきはる	тамакихару	Блеснувшая жемчугом
命絶えぬれ	иноти таэнурэ	Жизнь ушла.
立ちをどり	татиодори	[От испуга] я вскочил,
足すりさけび	асидзури сакэби	Топча ногами, зарыдал,
伏し仰ぎ	фусиаоги	Сев на корточки, смотрю на небеса,
胸打ち嘆き	мунэ ути нагэки	Ударив себя в грудь, скорблю,
手に持てる	тэ-ни мотэру	Но все же из рук
吾が兒飛ばしつ	ага ко тобасицу	Выпустил свое дитя.
世間の道	ё-но нака-но мити	Это ли и есть истинный путь этого мира [в котором живет человек]?

Сын Фурухи заболел и родители стали молиться небесным богам, но Фурухи с каждым днем все больше терял дар речи. Реализм Окура показан в том, как он тщательно изобразил наступление смерти Фурухи. Несмотря на то, что Окура сохраняет спокойствие духа в описании любви родителей, радующихся взрослению их сына, чувств родителей, молящихся о том, чтобы их сын рос здоровым, и, таким образом, любви к сыну, у Окура его смерть все же вызвала глубокие страдания. Любовь Окура — это не что иное как любовь в мире страданий.

Здесь понятно, что Окура выбрал темой своих произведений любовь и страдания. В предисловии к «Песне, в которой выражена печаль по поводу тяжелой жизни в этом мире» (世間の住り難きを哀しめる歌 ёнонака-но тодомаригатаки-о канасимэру ута) (т. 5, № 804) брэнность человеческого бытия он называет «восемью великими страданиями» (八大の辛苦 хатидай-но синку) [5, с. 212], а это соответствует «восьми страданиям» (八相 хассо:), иначе, «четырем страданиям¹ и восьми страданиям²» (四苦八苦 сику-хакку), упоминающимся в махаянской сутре «Нэхан-гё:» (涅槃經 «Сутра о нирване») [6, URL]. В произведениях Окура уже отмечается много упоминаний о буддийской литературе, и благодаря усвоению всех видов страданий он создавал новые песни.

В другом случае, в «Песне-диалоге о бедности» (貧窮問答の歌 хинкю: мондо:-но ута) (т. 5, №№ 892–893) Окура показал страдание от жизни. В ней принята форма диалога между двумя бедняками. Тем не менее, обратим внимание на ту часть песни № 892, в которой содержится вопрос [5, с. 228]:

¹Рождение, старость, болезнь и смерть.

²Рождение; старость; болезнь; смерть; разлука с любимым человеком; встреча с ненавистным человеком; невозможность достижения цели.

風まじり	<i>кадзэ мадзири</i>	<i>Ночи, когда идет дождь</i>
雨降る夜の	<i>амэ фуру ё-но</i>	<i>Вперемешку с ветром,</i>
雨まじり	<i>амэ мадзири</i>	<i>Ночи, когда идет снег</i>
雪降る夜は	<i>юки фуру ё-но</i>	<i>Вперемешку с дождем,</i>
術もなく	<i>субэ мо наку</i>	<i>Невыносимо</i>
寒くしあれば	<i>самукуси арэба</i>	<i>Холодные.</i>
堅鹽を	<i>катасио-о</i>	<i>Грубую соль</i>
取りつづしろひ	<i>торицудзусирои</i>	<i>Понемножку грызу</i>
糟湯酒	<i>касуюдзакэ</i>	<i>И разведенную в горячей воде барду</i>
うちすすろひて	<i>утисусуроитэ</i>	<i>Потягиваю,</i>
しはぶかひ	<i>сивабукаи</i>	<i>Кашляю,</i>
鼻びしびしに	<i>хана бисибиси-ни</i>	<i>Течет из носа.</i>
しかとあらぬ	<i>сикато арану</i>	<i>Не очень пробавишюся</i>
ひげかきなでて	<i>хигэ какинадэтэ</i>	<i>Щетину поглаживаю,</i>
吾を除きて	<i>арэ-о окитэ</i>	<i>«Нет парня</i>
人は在らじと	<i>хито-ва арадзи то</i>	<i>Достойнее меня», —</i>
誇ろへど	<i>хокорэдо</i>	<i>С гордостью думаю я.</i>

Такие, как тот мужчина, который не беспокоится о своей бедности и гордится тем, что кроме него самого в этом мире нет достойных похвалы людей, являются отрешенными от всего мирского людьми, которых в Китае называли «бедными учеными» (貧士 *пиньши*). Этот вопрошающий указал на ситуацию, подобную ситуации с «бедными учеными», которым посвящены семь стихотворений древнекитайского поэта Тао Юань-мина (365–427 гг.) «Юн пиньши цышоу» (詠貧士七首 «Воспеваю бедных ученых») [7, URL]. Несмотря на то, что автор песни возносит самому себе похвалу, он все же пишет следующее [5, с. 228]:

寒き夜すらを	<i>самуки ё сура-о</i>	<i>В такую холодную ночь</i>
吾よりも	<i>варэ-ёrimо</i>	<i>Мои отец и мать —</i>
貧しき人の	<i>мадзусики хито-но</i>	<i>Более бедные люди,</i>
父母は	<i>тити хаха-ва</i>	<i>Чем я,</i>
飢ゑ寒ゆらむ	<i>уэ коюраму</i>	<i>Конечно, страдают от голода</i>
		<i>и холода.</i>
妻子どもは	<i>мэ кодомо-ва</i>	<i>Жена и дети,</i>
乞ひて泣くらむ	<i>коитэ накураму</i>	<i>Вероятно, плачут от голода.</i>

и в заключении задает следующий вопрос [5, с. 228]:

この時は	<i>коно токи-ва</i>	<i>В такое время</i>
いかにしつつか	<i>ика-ни сицуцу ка</i>	<i>Как</i>
汝が世は渡る	<i>на-га ё-ва ватару</i>	<i>Вы живете в этом мире?</i>

С другой стороны, ответ звучит следующим образом [5, с. 228]:

天地は	<i>амэцүти-ва</i>	<i>Вне зависимости от того, что широки</i>
廣しといへど	<i>хирочи то издо</i>	<i>Небо и земля,</i>
吾が爲は	<i>а-га тамэ-ва</i>	<i>Для меня</i>
狭くやなりぬる	<i>саку я наринуру</i>	<i>Сузились они.</i>
日月は	<i>хицуки-ва</i>	<i>Вне зависимости от того, что ярки</i>
明しといへど	<i>акаси то издо</i>	<i>Солнце и луна,</i>
吾が爲は	<i>а-га тамэ-ва</i>	<i>Для меня</i>
照りや給はぬ	<i>тэриятамавану</i>	<i>Перестали светить.</i>
人皆か	<i>хитомина ка</i>	<i>А для всех других как?</i>
吾のみや照る	<i>а номия тэру</i>	<i>[Или] только для меня так?</i>
わくらばに	<i>вакураба-ни</i>	<i>Если б для счастливой судьбы</i>
人とはあるを	<i>хито това ару-о</i>	<i>Я появился на свет как человек!</i>
人並に	<i>хитонами-ни</i>	<i>Как все люди,</i>
吾れも作るを	<i>арэ мо цукуру-о</i>	<i>Я бы работал.</i>

Случайное появление на свет в качестве человека и жизнь человека, по мнению Кэйтю, лежит в основе понимания буддийского принципа *сансара*¹ [1, URL]. В своем ответе действующее лицо песни указывает на то, что рождение в качестве человека происходит в зависимости от *кармы*². В буддизме рождение в качестве человека считается наивысшим счастьем, позволяющим понять истину Будды. Так почему же оно приводит к крайней бедности? Причина этого кроется в слове *やさし* *ясаши* «постыдный», которое встречается в выражении, представленном в ответной песне *каэси-ута* (т. 5, № 893): *世間を憂しとやさし ёнонака-о уси то ясаши* «этот мир настолько постыден, что хуждею». Оно также является словом, выражающим стыд по поводу того, что в предыдущей жизни действующее лицо песни не делало пожертвований, т. е. было скупым, а по этой причине в этой жизни оно родилось бедняком [2, с. 56]. Известно, что «Песня-диалог о бедности» Окура представляет собой диалог между задающим вопрос, который является отшельником, отказавшимся от мирских взглядов, и отвечающим на него, который вынужден был обеднеть из-за *ниданы*³. Исходя из этого, упоминающаяся здесь бедность не обрисована как образ действительности. Известно, что в Китае с давних пор бедность является философской темой, а в буддизме страдания бедняков в этом мире считается неизбежной *кармой*, и бедность отражает взгляд на жизнь, которым обусловлен диалог между тем, кто считает бедность предметом гордости (благородной бедностью), и тем, кто

¹ Цикл последовательных рождений, смертей и перерождений.

² Совокупность совершенных человеком поступков и их последствий, определяющая судьбу и характер его нового рождения, перевоплощения.

³ В буддизме, звено причинно-следственной зависимости в цепи перерождений.

взвалил на себя бремя судьбы бедняка из-за *кармы* предыдущей жизни. Таким образом, Яманоэ Окура имел дело с проблемами людей, испытывающими в своей жизни страданиями, и создал новую литературу эр Дзинги и Тэмплё.

Литература

1. 契沖 (Кэйтю:). 万葉代匠記. [Электронный ресурс]. Режим доступа: base1.nijl.ac.jp.
2. 中西進 (Наканиси Сусуму). 山上憶良. 東京: 河出書房新社, 1973. 593ページ.
3. 高木 市之助 (Такаги Итиноскэ). 大伴旅人・山上憶良. 東京: 筑摩書房, 1972. 201ページ.

Источники

На японском языке:

4. 上宮聖徳法王帝説. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www004.upp.so-net.ne.jp/dassai1/taisetsu/frame/taisetsu_frame.htm.
5. 新訓万葉集. 全2巻. 第1巻. 東京: 岩波書店, 1999. 355 p.

На китайском языке

6. 大般涅槃経原文_大般涅槃経全文- 弘善佛敎网. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.liaotuo.org/fojing/niepanjing/dbnpjyw.html>
7. 陶淵明 詠貧士 七首(其一)南朝宋 武帝永初二年(420年). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://blog.udn.com/julian2021/35680517>.

Овчинникова Л. В. (ИСАА МГУ, Москва)

Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корее в конце 10-х — 20-е гг. XX в. По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства

Тема колониальной истории Японии и Кореи продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Одним из важных источников изучения данного периода можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства.

В год столетия революционных событий в России хотелось бы вновь обратиться к ситуации на корейском полуострове в конце 10–20-х гг. XX в. и посмотреть, как оценивают ее японские издания, прослеживают ли они связь между активизацией антияпонской борьбы и революцией в России. Сведения, содержащиеся в изданиях, представляют ценный фактический материал; оценки и выводы, вытекающие из общего контекста материалов, способны помочь исследованию данной проблематики. Это касается

внешних и внутренних факторов, как стимулировавших, так и ограничивающих эту борьбу. В первое десятилетие японского господства в стране сложилась взрывоопасная ситуация, острого накала достиг протест против национального гнета и социального бесправия. Источники указывают на воздействие революционных событий на ситуацию в Корее, в то же время позволяя сделать вывод и о наличии отрицательных черт большевистского опыта. Под ними имеются в виду жесткая бескомпромиссность, приверженность к радикальным действиям, перенесение в Корею, перед которой стояли национально-освободительные требования, непосредственно социалистических задач.

Вместе с тем источники пишут и о воздействии на Корею и США, в частности «14 пунктов Вильсона». Для значительной части корейского населения, особенно интеллигенции, была характерна ориентация на США. Источники позволяют сделать вывод о тесном переплетении в корейской освободительной борьбе двух внешнеполитических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали события 1919 г. Они же подтвердили и наличие внутренних условий для ведения национально-освободительной борьбы. Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Одновременно они показали многоплановость системы мер, предпринятых Японией, маневренность и гибкость ее политики.

Это время реформ было названо периодом «культурного управления». При некоторой либерализации режима наблюдалась активизация антияпонской борьбы; аппарат подавления японской администрацией еще более был укреплен. Основное внимание он сосредоточил не на легальной деятельности патриотов, а на подпольных леворадикальных организациях, большинство которых назывались «коммунистическим». В японских изданиях их деятельность рассматривается исключительно как продукт экспорта Москвы, непосредственно, через Китай и Японию при отсутствии для нее внутренней почвы в стране. В источниках содержится тезис, что в период 1920–1925 гг. леворадикальное или «коммунистическое» движение, как его именуют японские авторы, «преобладало над националистическим», подавляя его. Тезис этот требует корректировки.

Во время реформ несколько расширились возможности для легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния идей Октября многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные группы. Думается, источники завышают степень влияния леворадикальных сил в массах. В данный период националистические организации блокировались с левыми, в частности во время июньских событий 1926 г. Материалы говорят о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи во время событий 1926 г. Активную роль играло религиозное общество Чхондогё.

Несмотря на массовые аресты борьба прогрессивных сил за единство действий, за сотрудничество патриотических организаций продолжалась, на

что указывает, в частности, и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г. Источники называют его организацией «бескомпромиссной», прослеживая в его деятельности «руку Москвы». В это время можно говорить лишь о зачатках единого корейского антияпонского фронта. Удар по нему был нанесен решениями VI конгресса Коминтерна, в котором содержались левацкие, сектантские установки.

Дальнейшее развитие антияпонского сопротивления проходило в Корее в условиях мирового экономического кризиса, нарастающей милитаризации Японии. В конце 20-х гг. произошел ряд крупных выступлений рабочих, крестьян, интеллигенции. Возникнув на базе ухудшающегося положения масс, усиливающейся дискриминации корейцев, они вместе с тем — в той или иной степени — явились результатом деятельности патриотических сил.

Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Специфика идеологического воспитания и особенности подготовки к прохождению военной службы японских школьников периода Мэйдзи (1868–1912)

Проводники новой государственной идеологии прекрасно понимали, что выдвигаемые ими идеи и принципы только в том случае будут приняты обществом как абсолютно естественные, не имеющие альтернатив доминанты, если их пропаганда и внедрение в общественное сознание начнется как можно раньше. Поэтому естественно, что основные усилия идеологов были сконцентрированы на воспитании школьников — будущих активных членов японского общества.

Исходя из этого, учитель была не просто профессия, а предназначение, освященное волей самого императора. Также как и устами военных, устами учителей вещала верховная власть в лице императора, которой подданные должны были беспрекословно следовать и подчиняться. Поэтому далеко не случайно, что в период Мэйдзи учителей называли «военными в штатском» — «сэбиро но гундзин» 背広の軍人, что как нельзя лучше отражало суть сложившегося положения.

С точки зрения морально-патриотического воспитания школьников исследуемый период условно можно разделить на три этапа. Первый из них (1868–1879), совпавший с периодом вестернизации, характеризуется приоритетом практических знаний над морально-этическим воспитанием. В это время основной задачей образования считалось возрождение величия империи через развитие личных качеств подданных. Естественно, такой подход сложился всецело под влиянием западной идеологии и был воплощен в формуле «состоявшаяся личность — отлаженное дело» — «*риссин тисан*» 立身治産, популярной в 1870-е гг. Второй (1880–1895) — связан с изменением

парадигмы общественно-государственного развития и приоритетом морального воспитания над реальными знаниями. Заключительный третий этап (1895–1912) — время усиления националистической пропаганды и концентрации внимания на физическом воспитании — т. е. на подготовке учеников к будущей военной службе. Групповые дисциплинирующие военизированные упражнения стали рассматриваться прекрасным воспитательным средством, с помощью которого можно сделать идеальных подданных. В этот период произошло окончательное сближение школы и армии. Действующие офицеры, полковники и даже генералы императорской армии становятся директорами школ и педагогических училищ.

Значительная заслуга в деле превращения школы в подготовительную к военной службе структуру принадлежала занимавшему в 1885–89 гг. пост министра образования Мори Аринори, который издал серию указов, направленных на подготовку образовательных кадров в нужном государству русле. Упор делался на такие конфуцианские принципы, как почитание и следование строгой иерархии человеческих отношений, служение государству, упорство в учении и соблюдение норм морали. Физическое воспитание стало важной частью учебного процесса. Образование народа было взято под тотальный государственный контроль, в системе образования значительно увеличилась роль и место императора, а подготовка педагогических кадров стала организовываться по принципу организации вооруженных сил.

Таким образом, посредством школы в сознании нации не только закреплялась идея наличие военного духа у всего народа как идейного и материального источника силы армии, но и тезис о том, что каждый индивид должен сознавать себя частью большой единой семьи, вносящим посильный вклад в создание ее достойных вооруженных сил. При этом само понятие индивидуальности было довольно размыто и рассматривалось неотрывно от общества.

В системе образования закрепились характерные для военной среды приемы и методы, отчего она стала рассматриваться как «гражданская армия». Школа стала важным, а во многом — основным этапом воспитания в нужном государству русле молодого поколения, которому на всю оставшуюся жизнь вбивались основные идеологические постулаты, объединявшие государство в лице императора, общество в виде его подданных и армию в качестве гаранта незыблемости этих отношений.

Полхова Е. В. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Советская историография о Федерации экономических организаций, по материалам ежегодника «Япония»

Федерация экономических организаций, более известная как Кэйданрэн, с 1946 г. вот уже более семидесяти лет комплексно занимается проблемами

внутренней и внешней экономической политики Японии. Сегодня актуальность ее изучения возрастает. В контексте активизации российско-японских отношений, где Кэйданрэн принимает непосредственное участие, формируется закономерная потребность в анализе истоков ее возникновения, особенностей подхода к диалогу с Москвой. Пролить свет на эти вопросы помогают наработки советского японоведения, которое изучало самые различные аспекты деятельности и организационную структуру Федерации. Основной круг проблем, обсуждаемых в отечественной историографии, можно обнаружить на страницах ежегодника «Япония», выпускаемого при содействии Института востоковедения с 1972 г.

Советскими учеными проводилось множество исследований по экономике, истории и политике Японии, и случай Кэйданрэн был органично вплетен в эти контексты. Справедливости ради стоит заметить, что Федерация не оставалась без внимания и в монографиях. Достаточно вспомнить некоторые фундаментальные труды как «СССР и Япония», под редакцией И. А. Латышева¹, или Л. Н. Кутакова². Однако в данном случае акцент сделан на сквозном анализе материалов ежегодника. Прежде всего, стоит отметить статьи В. А. Власова, В. И. Нестьева, С. И. Вербицкого, Д. В. Петрова, А. А. Макарова, Я. А. Певзнера, В. Г. Швыдко, Н. В. Голунской. Авторы, исходя из своих научных интересов детально проанализировали несколько сторон деятельности Кэйданрэн. Что касается внутриполитического измерения, то неплохо отражена суть того, как работают «дзайкай» (деловые круги) в Японии, и какое место в этом процессе занимает Федерация³. Всестороннее внимание уделялось сотрудничеству японских экономических гигантов и Либерально-демократической партии. В частности, довольно подробно была изучена система политических пожертвований и механизмы ее работы, в том числе через Кокумин кёкай⁴. А это помогает понять, на чем зиждется политика Токио, и что на самом деле сокрыто за процессом принятия решений. Не меньшее внимание было приковано и к внешнеполитической деятельности Кэйданрэн, рассматриваемой в ракурсе японской экономической дипломатии, а также роли ее президента⁵. Вполне закономерно, что отечественных ученых интересовала природа

¹ СССР и Япония. М.: Наука, Глав. ред. восточной литературы, 1987. 427 с.

² Кутаков Л. Н. Москва — Токио: очерки дипломатических отношений, 1956–1986. М.: Международные отношения, 1988. 272 с.

³ Власов В. А. Ведущие предпринимательские организации Японии // Япония 1972. Ежегодник. М.: Глав. ред. Восточной литературы. 1972. С. 130–139.

⁴ Нестьев В. И. Либерально-демократическая партия — партия монополий // Ежегодник 1975. М.: Глав. ред. Восточной литературы. 1976. С. 82–93; Дмитриев Ю. Д. Внутриполитическое положение Японии в 1975 г. // Ежегодник 1976. М.: Глав. ред. Восточной литературы. 1977. С. 27–46.

⁵ Голунская Н. В. Механизм формирования экономической дипломатии Японии // Япония 1981. Ежегодник. М.: Глав. ред. Восточной литературы. 1982. С. 117–128.

японского интереса к СССР и процесс формирования институтов, отвечающих за развитие двусторонних отношений.

Хотя при написании статей использовалась марксистско-ленинская парадигма, которая после распада Советского Союза была отвергнута, это не влияет на изложенную в них фактическую информацию о внутривнутриполитических и экономических изменениях, произошедших в Японии в послевоенный период, а также внешнеполитическом курса в отношении СССР. К тому же труды советских ученых ценны с точки зрения критического осмысления сложившейся в Японии традиции тесного сотрудничества представителей деловых кругов и политиков. Поэтому изучение Кэйданрэн, произведенное представителями советского японоведения, достойно широкого внимания и представляет собой ценный материал, без которого невозможно понимание сущности взаимодействия бизнес-кругов, политиков и бюрократов, а также природы интересов Токио в сотрудничестве с Россией.

Речкалова А. А. (НГУ, Новосибирск)

Генеалогические списки 武鑑 *букан*

Генеалогические списки 武鑑 *букан* содержат информацию о родословных крупных военных феодалов даймё, непосредственных вассалов сёгуна 旗本 *хатамото*, чиновников военного правительства Токугава бакуфу, деятелей искусства и пр. категорий населения, непосредственно связанных с сёгуном и его администрацией. Генеалогические списки печатались частными издательствами на протяжении 225 лет — с 1643 по 1867 гг.

Списки *букан* пользовались огромным спросом среди самых широких слоев населения эпохи Эдо 江戸時代 (1603–1868), этим отчасти объясняется невероятное разнообразие видов генеалогических справочников. Наиболее значимыми среди них оказались следующие виды: «Большой генеалогический список» (大武鑑 *Дайбукан*), «Сокращенный генеалогический список» (略武鑑 *Рякубукан*), «Выдержки из генеалогических списков» (摺物武鑑 *Суримоно букан*).

Информативность списков *букан* зависела от цели их составления. Наиболее детальную информацию содержит «Большой генеалогический список». В соответствии со своим названием он представляет собой объемное многотомное издание, которое включает в себя два тома информации о военных феодалах (大名付 *даймё-дзукэ*) и два тома сведений о чиновничьем аппарате Токугава бакуфу (役人付 *якунин-дзукэ*). Данные излагаются в строго определенном порядке: место рождения, генеалогия, герб (официальные и неофициальные гербы), местоположение особняка в призамковом г. Эдо, расстояние от особняка до главных замковых ворот, имя главы клана, место в очереди на аудиенцию к сёгуну; родовые земли и наследство, ранг и дата пожалования, происхождение

жены; список подношений во время прибытия на службу к сёгуну в замок Эдо (参勤交代 *санкин ко:тай*); список пожалований, полученных от сёгуна; сроки прибытия на службу к сёгуну в замок Эдо; отличительные черты посланника от бакуфу к даймё во время *санкин ко:тай*; отличительные предметы процессии даймё во время прибытия в Эдо — копьё 槍 *яри*, рисунки на зонтах 長柄傘 *нагаэ-гаса*; описание паланкинов, утвари, лакированных сундуков (вплоть до описания сменной одежды); описание узоров на накидках надзирателей за низшими чинами, сопровождающими даймё в путешествиях; описание узоров на одежде слуг, несущих паланкин с даймё; список сезонных подношений с указанием времени, вымпел пожарного отряда даймё, описание узоров на форме пожарного отряда; описание маркировки корабля; описание маркировки на корабельных парусах, описание символов на ширмах, место захоронения предков, принадлежность к сектам, доходы (в коку риса); список земель, с которых поступают доходы; расстояние от Эдо до земель, с которых даймё получает доходы; маршрут от феода до замка Эдо во время *санкин ко:тай*, имя исторического владельца земель, с которых даймё получает доходы и пр. Структура *Дай-букан* многие годы служила образцом для составления последующих списков.

Богатство и разнообразие сведений, заключенных в генеалогических списках, довольно рано привлекли внимание ученых различных областей. Уже во второй половине эпохи Эдо появились труды, где списки *букан* выступали либо в качестве источника, либо в качестве самостоятельного объекта исследования. Историки использовали данный вид генеалогических справочников в качестве источника для написания очерков о военном сословии и его развитии, учены школы 考証学 *ко:сё:гаку* исследовали списки *букан* как самостоятельный жанр исторической литературы, библиографы анализировали структуру и форму подачи информации, поскольку они существенно отличались от классических генеалогических справочников предшествующих эпох.

Помимо очевидной ценности генеалогических списков в качестве исторического источника, нельзя забывать и о других аспектах применения этих памятников. Списки *букан* содержат сведения, которые с равным успехом могут быть использованы в культурологических, этнологических, историографических исследованиях, а также в трудах по истории развития геральдики в Японии.

Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА, МГУ, Москва)

Мандала как источник по истории японских пространственных представлений

Известный исследователь В. И. Топоров называл мандалу «моделью вселенной», «картой космоса», объектом моделирования в которой «становятся некие идеализированные параметры вселенной, соотнесенные с системой высших

сакральных ценностей (особенно явно это в буддизме); как правило, лишь внутри центрального круга появляются антропоморфные объекты с более конкретной семантикой»¹. Мандалы принято рассматривать как источник по истории религий, реже — космологических представлений. Однако в мировом японоведении наметилось направление изучения пейзажных и паломнических мандал как источников по истории пространственных представлений и картографии. Наше исследование можно рассматривать в рамках этого формирующегося направления.

В японском изобразительном каноне мандалы обнаруживается ряд особенностей, вероятно, связанных с островным пространственным мышлением, а также со сложным многосоставным японским религиозным комплексом, который практически изначально представлял собой соединение различных ритуальных концепций, как автохтонных (анимизм, тотемизм, шаманизм), так и материковых (Инь-Ян, даосизм, конфуцианство, буддизм).

В японской религиозной традиции существуют разные тип мандал: «пейзаж сакрального места» (*рэйити кэйкан*), «портрет почитаемого божества» (*хондзон дзо*), «паломническая мандала» (*санкэй мандала*) и др.

Наше исследование посвящено анализу мандалы типа *мондоко хондзондзо* («изображение исконно-почитаемых для чтений и диспутов») XIV века «Кобо дайси и два божества Ниу и Коя». Рассматриваемый свиток — редкое изображение, соединившее два типа мандал, пейзажную и портретную. Две пейзажные мандалы, расположенные в верхней и нижней частях свитка, представляют собой планы-карты буддийского храма Коя Оку-но ин и синтоистского святилища Ама-но ся. В центре свитка представлена почитаемая триада — Кобо дайси (Кукай) и два божества горы Коя.

Размещение буддийского храма наверху, а синтоистского святилища внизу свитка означает не только расположение на пространственной шкале сакральности, но и фактическое расположение религиозных объектов на местности. Подобная привязка мифических и легендарных событий, явлений и объектов к реальной топографии архипелага была характерна для пространственных представлений японцев в древности и в средневековье. Знаменательно, что для изображения выбран не главный буддийский храм школы Сингон Конгобудзи, а внутренний храм Оку-но ин, в котором, как полагают адепты школы, и сегодня пребывает Кукай в состоянии *самадхи*. В синтоистском святилище почитаются изображенные на свитке божества горы Коя — Ниуцухимэ-но-микото и Кариба-но микото.

Со времени появления буддизма на японских островах одним из наиболее распространенных видов изображения будд и бодхисаттв была форма триады. Форма сохраняется и в последующие периоды, но содержание триады меня-

¹ *Топоров В. И.* Мандала // Мифы народов мира. М.: Советская Энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 100–102.

ется по мере развития, усложнения религиозного комплекса. На рассматриваемом свитке отражен следующий этап формирования религиозного комплекса: возникновение учения *рёбу синто*, создание которого связано с именем Кобо дайси. Согласно учению о «пути богов двусторонней [мандалы]», синтоистские божества являлись манифестацией Будды Махавайрочаны. Богиня Ниуцухимэ-но микото считалась воплощением женского (Инь) «мира чрева», а бог Кариба-мёдзин — мужского (Ян) «мира алмаза».

Таким образом, предлагаемая попытка анализа изображения на свитке «Кобо дайси и два божества Ниу и Коя» позволяет наметить направления исследования пространственных представлений, формирования сакрального пространства синтоистских святилищ и буддийских храмов, а также изучения истории японского религиозного комплекса.

Синицын А. Ю. (МЭ РАН, Санкт-Петербург)

Японский доспех из частного собрания галереи «Касугаи», принадлежавший семье Вакэбэ, как исторический и этнографический памятник второй половины периода Эдо

Традиционные японские доспехи широко представлены в многочисленных музейных и частных собраниях. Однако за пределами Японии большую редкость представляют те доспехи, чьи изначальные владельцы документально идентифицированы и которые имеют подтвержденную связь с конкретными историческими персонажами и событиями.

Согласно имевшейся у японских владельцев доспеха информации, этот комплект был изготовлен для одного из владетельных князей семьи Вакэбэ 分部 (1756–1808), даймё небольшого домена Омидзо-хан 大溝藩 в провинции Оми (современная префектура Сига). Доспех хранился в семье Вакэбэ до 9 марта 41-го года Сёва (1966 г.), когда Вакэбэ Яёи 分部弥生, последний из представителей семьи, в составе небольшой коллекции его «уступил в обмен на конверт с деньгами» частной галереи, о чем сохранился документ купчей.

Род Вакэбэ считается ответвлением аристократической семьи Фудзивара и восходит к Фудзивара Токинобу (1102–1149). В период Адзути — Момояма (1568–1600) дом Вакабэ принадлежал к числу вассалов князя Ода Нобунага (1534–1582), а после его гибели в 1582 г. служил Тоётоми Хидэёси (1536–1598). В событиях 1600 г. дом Вакэбэ принял сторону Токугава Иэясу. В 1619 г. Вакэбэ Мицунобу получил от Токугава бакуфу во владение небольшой домен Омидзо, куда входили уезды Такасима и Ясу в провинции Оми, и дававший годовой доход в 20 тыс. коку риса. Доменом Омидзо владели 12 поколений даймё Вакабэ, начиная с Мицунобу, первого князя Омидзо, и заканчивая Мицу-

нори, лишившимся княжеского статуса в период реформ Мэйдзи и скончавшимся в возрасте 83 лет в 1944 г.

Князя Вакэбэ пользовались уважением со стороны Токугава бакуфу, хотя относился к числу т.н. «внешних князей» (тодзама даймё), и участвовали в различных значимых событиях в жизни страны.

Так, 11-й князь Вакэбэ, Мицусада, известный также как Вакэбэ Вакаса-ноками, в 1853 г. участвовал в весьма знаменательном историческом событии, а именно во встрече американского коммодора Мэтью Перри (1794–1858), в связи с чем получил в подарок от сёгуна накидку дзимбаори. Правда, сохранилась не сама накидка, а только приложенной к данному доспеху бумажный пакет для ее хранения с красной печатью и двусторонней памятной надписью:

嘉永六癸丑六月垂墨利加
来舶事已急将及軍旅
恩賜
御陣羽織

«Когда в 6-м лунном месяце 6-го года эры Каэй (год младшего брата воды — быка, 1853) прибыли американские корабли, полководец и его солдаты спешно выступили в поход. Получили в дар от сёгуна накидку дзимбаори» (перевод Ф. В. Кубасова).

По данным последних владельцев, данный доспех изначально был изготовлен для 8-го князя Вакэбэ — Мицудзанэ 分部光実 (1756–1808), возможно — для обряда гэмпуку, посвящения в совершеннолетие. Подобные обряды в период Эдо в самурайских семьях проводились, как правило, по достижении мальчиком возраста 13–15 лет. Если будущий 8-й князь Вакэбэ был посвящен в самураи в этом возрасте, то изготовленные для него доспехи можно датировать 1770-ми годами. Состояние сохранности доспеха и специфика используемых материалов также позволяют датировать данный комплект концом XVIII — началом XIX века. Данный доспех был предназначен для практического применения на поле боя, его отличает функциональность, сочетающаяся с относительно скромным декоративным оформлением. Тем не менее, он является достойным образцом японского защитного оружейного искусства. Все его детали выполнены очень качественно, с использованием весьма ценных и дорогостоящих материалов и трудоемких технологий. Принадлежность к князьям Вакэбэ подтверждается также многочисленным использованием в качестве декоративных элементов гербов камон этого дома «девять звезд» (九曜 куё:мон) и «три полосы в круге» (丸に三つ引 мару-ни мицу-хики).

Таким образом, данный комплект доспехов, в настоящее время находящийся в собственности арт-галереи «Касугаи», является историческим раритетом драматичной эпохи периода Бакумацу, ставшей поворотным пунктом в истории Японии.

Струве Даниил (Centre de Recherches sur les Civilisations d'Asie Orientale, Université Paris-Diderot)

«Повесть о жизни Ванкю»: опыт прочтения

Среди множества переводов японской классической литературы насчитывается немало переводов новелл Ихара Сайкаку (1642–1693). Но несмотря на труды переводчиков, японский романист XVII века не пользуется в России той же известностью, что и остальные великие представители японской классической словесности. Возможно, причиной этого является ярко выраженный смеховой и пародийный характер японской литературы эпохи Эдо, требующей от читателя знакомства с текстами японской классики. Ключевое место в культуре XVII века занимает комическая поэзия жанра *хайкай*, приниженный вариант классических форм *вака* и *рэнга*, которая пользовалась среди горожан XVII века огромным успехом и на которой воспитывались многие писатели того времени, также как и их читатели.

Представить поэтику повествовательной прозы Сайкаку можно на примере «Повести о жизни Ванкю», опубликованной в 1685 г. Это сравнительно мало известное, но блестящее по форме произведение Сайкаку стоит у истоков одного из самых популярных мотивов японского театра — трагической истории купца Ванкю из города Осака, растратившего огромное состояние и погибшего из-за любви к прекрасной Мацуяма. Повесть близка по времени и по тематике к известнейшим новеллам сборника «Пять женщин, предавшихся любви» (1686), также являющегося одной из вершин творчества Сайкаку и затрагивающего тему разрушительной силы любовной страсти.

В докладе мы предполагаем охарактеризовать поэтику «Повести о жизни Ванкю» Ихара Сайкаку как основанную на надосказанности и эллиптичности. Построение «Повести о жизни Ванкю» наглядно показывает связь жанра *уки-ё-зоси* («повести о бренном мире») со старинной формой *мити-юки* («повествование о путешествии героя»), унаследованной от средневекового эпоса через театр *дзёрури* и *кабуки*, и оказавшую влияние на развитие японской повествовательной прозы. На примере «Повести о жизни Ванкю» можно показать, как в Японии эпохи Эдо обновляются старинные литературные формы и на их основе зарождается городская литература Нового времени.

Торопыгина М. В. (ИБ РАН; ИВКА РГГУ, Москва)

Минамото-но Тосиёри (1055–1129) о разнообразии форм стихотворений *вака* (по тексту «Тосиёри дзуйно»)

Минамото-но Тосиёри (Сюнрай) был одним из лучших поэтов своего времени, участником и судьей многих поэтических турниров, составителем

императорской антологии «Киньёсю», поэтического сборника «Самбокуки-касю», 207 его песен помещены в императорских поэтических антологиях. Как и другие средневековые поэты, он был не только практиком, но и теоретиком поэзии. Написанный Тосиёри приблизительно в 1114 году поэтологический трактат «Тосиёри дзуйно» охватывает широкий круг тем, связанных с поэзией. Тосиёри пишет о происхождении поэзии, болезнях стиха, о темах стихотворений, о поэтическом творчестве, приводит примеры блестящих сочинений, много пишет о сезонных словах и другой поэтической лексике, приводит целый ряд историй и легенд, связанных с поэтами и поэзией.

Вопрос разнообразия поэтических форм — один из первых, обсуждаемых Тосиёри. Тосиёри выделяет следующие формы стихотворений: *ханка* 反歌 (современный литературоведческий анализ текста показывает, что Тосиёри имеет здесь в виду стихотворения *танка*, т.е. любые стихотворения из пяти строк в 31 слог, а не только те стихотворения-*танка*, которые сопутствуют длинным стихотворениям), *сэдока* 旋頭歌, *компонка* 混本歌, *орику* 折句, *куцукабури* 沓冠, *кайбун* 回文, *танка* 短歌 (анализ текста показывает, что речь идет о стихотворениях *тёка* 長歌), *хайкайка* 俳諧歌, *рэнга* 連歌, *моно-но на* 物名. Для каждой из этих форм Тосиёри дает определение и примеры, или в ряде случаев сразу примеры, когда определить термин ему не удастся. Для ряда терминов Тосиёри приводит синонимы. Так, термин *моно-но на* определен как синонимичный термину *какусидай* 隱題. Относительно некоторых терминов Тосиёри указывает, что их смысл неясен (о термине *хайкайка*, например, сказано, что никто хорошо не знает, что это). Неясность некоторых терминов не была преодолена и в последующие века (примером может служить термин *компонка*, о неопределенности которого пишут и современные справочные издания). Часть терминов определена Тосиёри очень точно, к ним относятся, например, термины, обозначающие «игровые» или «комбинаторные» (в современном понимании) формы стихотворений: песни-шарады (*моно-но на*), акrostих (*орику*), акротелестих (*куцукабури*), палиндром (*кайбун*).

Определения, данные Тосиёри формам поэтических произведений, показывают процесс формирования японской поэтологической терминологии. В некоторых случаях Тосиёри является первым автором, сделавшим попытку дать определение, какая именно стихотворная форма стоит за тем или иным термином.

Понимание разнообразия поэтических форм находит отражение в структуре императорских поэтических антологий. Так, три императорских антологии выделяют в отдельную рубрику стихотворения «Моно-но на», это первая императорская антология «Кокинсю», третья — «Сюисю» и шестнадцатая «Сёку-госюисю». Часто различные формы песен представлены в подрубриках раздела «Разное» (сама эта рубрика может выглядеть как «Разное», «Разные песни» или «Разные формы песен»).

«Тосиёри дзуйно» — не единственный средневековый текст, в котором обсуждаются различные формы песен, трактат «Синсэн вака дзуйно» (автор этого текста неизвестен и памятник точно не датирован, возможно, он создан раньше текста Тосиёри) выделяет шесть форм песен (в соответствии с понятием *рикуги*), шесть форм выделяет и Фудзивара-но Киёсукэ (1104–1177) в «Огисё».

Федянина В. А. (ИИЯ МГПУ, Москва)

Представление о Японии как «земле богов» в начале XIII в. в работах монаха Дзиэн

Концепция *синкоку* («земля богов»), появившаяся в Японии в древности и существовавшая до конца второй мировой войны, постоянно меняла свое содержание. В средние века эта концепция развивалась благодаря буддийским представлениям о периферийном положении Японии. Анализ работ тэндайского монаха Дзиэн (1155–1225) позволяет проследить, как разрабатывалась концепция *синкоку* внутри буддийской теоретической мысли.

Источниками данного исследования являются историософский труд и поэтические произведения Дзиэна. Это «Гукансё» (ок. 1221 г.), история Японии со времен первого легендарного государя Дзимму до правления 85-го государя Тюкё в 1221 г., а также поздние циклы стихотворений Дзиэна (ок. 1213–1220 гг.). В последний период творчества Дзиэн создал восемь циклов *хораку хякусю* («Сто строф *хораку*»), или *хонно хякусю* («Сто строф для подношения»). Это циклы японских стихотворений *вака* из примерно ста строф для поднесения в храмы и святилища. Они стали способом выражения оригинальной системы ценностей автора, средством передачи его религиозно-философских и политических взглядов. Помимо собственных текстологических исследований мы опираемся на работы Н. Н. Трубниковой, Фабио Рамбелли, Марка Блюма, Робера Жан-Нозля, Исида Итиро, Исикава Хадзимэ, Сато Хироо.

Изучение текстов Дзиэна показывает, что развитие концепции *синкоку* тесно связано с буддийским представлением о пространстве и времени и сопряжено с другой концепцией, *сангоку-маппо*, «три страны (Индия, Китай, Япония) в эпоху Конца Закона». Дзиэн описывает Японию как маленькую, окраинную страну у Южного континента (Джамбудвипа). Ее история разворачивается в ухудшающейся половине малой кальпы в большой кальпе пребывания. В этом промежутке времени Япония живет по законам своих божеств-*ками*, и, прежде всего, покровительницы государева рода Амагэрасу. Дзиэн относит деятельность божеств-предков к конструктивным, созидательным Принципам мироздания, которые вызывают улучшения в общем упадке кальпы. Представление об удаленности Японии от буддийского центра мира (горы Сумеру), осознание ее малой территории компенсируются описанием

особого состояния страны: ей покровительствуют божества-ками. По мнению Дзиэна, две самые значимых рода в стране — государев род и род регентов Фудзивара. Их главенство обусловлено волей Аматаэрасу, которая заключила договор с другими божествами-предками для поддержания должного порядка в стране, для установления определенных форм правления в различные периоды ухудшения кальпы и обещала хранить государев род до сотого правления. Это так называемое *хякуо сисо*, представление о ста правлениях, также распространенное в средние века в Японии.

Слово *синкоку* не встречается в Гукансё, однако этот исторический труд описывает Японию как вотчину Аматаэрасу. В циклах стихотворений Дзиэн неоднократно используется термин *синкоку* и синонимичный ему в то время *Аматаэрасу-но кун*, «земля Аматаэрасу». Например, в послесловии цикла *Сикидай хякусю* («Сто строф о временах года») для святилища в Исэ (1220 г.) Дзиэн пишет: «Наша страна Ямато — земля богини Аматаэрасу, поэтому [в стране] полной мере смогли осуществиться Принципы, которые следует почитать».

В своих произведениях Дзиэн прямо указывал на огромное значение японского языка и японской поэзии. Он считал, что японский язык, в частности, японская поэзия *вака*, обладают силой и возможностью выразить обе истины — мирскую (俗諦) и абсолютную, неизменную (真諦). (Теория о двух истинах — важнейший методологический ориентир школы Тэндай.) Дзиэн рассматривал японский язык и японскую поэзию как средство передачи буддийского опыта и как объект религиозного познания.

Таким образом, в проникнутых буддийской философией работах Дзиэна мы видим неизменный набор тем, характерный для учения о Японии как «земле богов» (*синкоку сисо*): непрерывность императорской династии, покровительство местных божеств и поэзия *вака* как путь к просветлению.

Филиппов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Япония от революции Мэйдзи до века информационных технологий: изменения в языковой культуре (попытка периодизации)

Поскольку в 2018 году отмечается 150-летие буржуазной революции Мэйдзи — попытка взглянуть на японскую историю под таким углом зрения представляет немалый интерес. Япония сегодня воспринимается как страна с необычайно сильными устоями традиций. В то же самое время принято относить ее и к числу наиболее передовых и современных. Причем и то, и другое вполне увязываемо как с *политико-экономической сферой*, так и с *социально-культурной*. Все это в значительной мере оказывается связано с процессом интернационализации, глобализации, интеграции в мировое

сообщество. Попробуем взглянуть, в какой степени последние полтора столетия повлияли не только на культуру социума, но и на сам японский язык. Для этого следует обратить внимание на основные вехи японской истории с буржуазной¹ революции Мэйдзи 1867–1868 гг.

Буржуазная революция вывела Японию в большой мир, оказавшись рубежом, отделяющим «строго традиционную Японию» от Японии современной. Не будем подвергать сомнению силу ее традиций. Обратимся к пристальному рассмотрению того, как изменения в социально-экономическом строе и политике влияли на различные аспекты культуры. До сер. XIX в. Япония принадлежала исключительно к дальневосточному культурному ареалу. В XVII–XIX вв. географическую, островную изолированность усугубляла еще и «политика национальной самоизоляции». Столь длительный отрыв от внешнего мира способствовал накоплению внутренних этнопсихологических резервов, которые помогли избежать порабощения державами и колониальной зависимости. С «выходом в большой мир» избежать опасности закабаления помогли уже и такие методы как возвращение шовинизма, национализма, активная подготовка к внешней экспансии. При этом использовалось обращение к «уникальным японским традициям», которые активно насаждались в национальном самосознании (принципы конфуцианства, религии синто и проч.).

Канун буржуазной революции Мэйдзи, строго говоря, предшествующие полстолетия (перв. пол. XIX в.) — как этап угасания феодального строя — сопровождался постепенным развитием рыночных отношений в национальном масштабе. Все очевиднее становилось проявление товарной специализации регионов, укрепление товарных связей между ними. Сопутствовали тому и серьезные социальные изменения. Существование системы «четырёх сословий» (военные—земледельцы—ремесленники—торговцы) оказывается под угрозой распада. Крестьяне не могли прокормить семью и обратились к отходническим промыслам в городах, а в деревне продолжало сокращаться производство основного общественного продукта — риса, падали налоговые поступления в казну, усугубляя ситуацию. Насильственное возвращение крестьян «в родную деревню» — не спасало от проблем. Относительная централизация страны при сёгунах, согласно системе *бакухан* — предполагала определенный паритет

¹ В нижеследующем тексте автор сознательно опирается на терминологию, сложившуюся в советской исторической науке, которая часто незаслуженно игнорируется и передается забвению в последние десятилетия. По мнению автора, поддержание терминологических стандартов способствует четкости в выявлении логических связей при изложении истории наряду с возможностью отдать должное заслугам ученых, сделавших весомый вклад в отечественную науку на протяжении XX в. Имеются в виду не только исторические термины, но и такие редко упоминаемые ныне сокращения как ГМК, НТР, ЭВМ, ЧПУ, СМИ и проч.

власти центрального правительства и глав отдельных феодальных княжеств. В таких условиях отсутствие миграции в стране — мешало процессам развития действительно общенациональной, единой культуры и единого языка. Так что, во-первых, для этого этапа существование *множества сильно отличающихся диалектов* было вполне закономерным. А жесткие рамки сословной системы, опору которой обеспечивали и патриархальные принципы конфуцианства обусловило и наличие других специфических черт японского языка того времени. Тогда, во-вторых, это наличие *множества языковых категорий, связанных с проявлением уважения к собеседнику* (формы вежливости, направленности действия, различия в лексике и т. д.). И, в-третьих, сильнейшие *различия в мужской и женской речи*. Хотя сегодня все эти моменты и присутствуют в японском языке — но их проявления слабее не просто многократно, а, видимо, в десятки раз. Наконец, в-четвертых, *ограниченное распространение письменности*. Владение ею предполагало принадлежность к определенной элите (пусть даже к таковой придется относить и горожан — в отличие от крестьян). Это **основные характеристики информационной среды и языковой ситуации** в середине XIX века, накануне Мэйдзи. Еще не было условий для повсеместной доступности рукописных либо печатных текстов. Появление первых печатных листков, сопоставимых со своего рода газетными изданиями — не означало распространения их в региональном, и тем более, национальном масштабе. Таковой Япония вышла к буржуазной революции, принесшей бурное развитие страны во многих отношениях.

По японской системе периодизации **новая история киндай** 近代 охватывает период с революции Мэйдзи до окончания Второй мировой войны (сер. XIX — сер. XX в.). С американской оккупации страны в 1945 начинается **новейшая история гэндай** 現代, вполне отражая реалии эволюции японского общества. Однако, эти базовые исторические периоды вполне логично представить и более подробно, учитывая кардинальные изменения в жизни страны. В рассматриваемом контексте представляется вполне уместным выделить в рамках новой и новейшей истории нижеследующие 6 этапов:

- втор. пол. XIX в. (начало буржуазной «модернизации» и прохождение доминирующей стадии развития);
- перв. пол. XX в. (развитие «модернизации» и период экспансии до поражения в 1945);
- 1945–1952 («шок» американской оккупации и всеобщей разрухи);
- 1955–1970 — «экономическое чудо» (период высоких темпов экономического роста и эффективного развития ГМК — государственно-монополистического капитализма);
- 80–90-е годы XX в. (период средних темпов развития, экономики «мыльного пузыря» и усиления политической роли в мировом сообществе, очередного витка в развитии НТР — научно-технической революции);

- современность (затянувшаяся стагнация с краткими этапами экономического оживления, стимулирование «интернационализации» во всех сферах, рост компьютеризации и удельного веса Ай-Ти — информационных технологий и систем электронной коммуникации).

Рассмотрение японской истории в таком преломлении органично вписывается в представления об этапах развития средств производства в истории человечества. До революции Мэйдзи страна находилась на *ремесленно-мануфактурной стадии*; при сохранении ремесленного производства наблюдалось и заметное развитие мануфактуры — как частной (крупных феодалов и оптовиков), так и казенной (государственной)¹. «Модернизация» втор. пол. XIX в. связана с *бурным развитием фабрично-заводского производства*. Ускоренные темпы быстро вывели Японию на высокий уровень монополистического развития, обеспечившего возможность конкурировать с ведущими державами и войти в их число. Продолжение модернизации в перв. пол. XX в. предполагало *развитие отраслей промышленности*, призванных помочь в борьбе за сферы влияния, в экспансии, получении новых рынков сбыта. Шла дальнейшая интеграция Японии в мировое сообщество по пути грядущей глобализации — своего рода «интернационализация» в форме экспансии. Развивалась военное производство, внедрялись передовые технологии в тяжелой индустрии, производстве средств производства. Ориентир на военные отрасли обусловило стремление к завоеваниям, новым рынкам сырья и сбыта. Впрочем, даже получив богатые нефтью территории в годы Второй мировой войны, японцы не смогли наладить добычу по вполне понятной причине — нехватка квалифицированных кадров на местах. Вплоть до оккупации Японии ориентиры развития отраслей производства преимущественно были направлены на **группу А** в производственной сфере (тяжелая и добывающая промышленность). «Экономическое чудо» вывело Японию на новый этап. Эпоха НТР способствовала широкому распространению ЭВМ, станков с ЧПУ (с числовым программным управлением), что подготовило вступление Японии (и остального мира) в эпоху Ай-Ти. Ориентиры на экспорт во времена «экономического чуда» сместили приоритеты к **группе Б** производственной сферы (производство предметов потребления)». Впрочем, непромышленная сфера (сфера услуг, либо «третичный» сектор по японской классификации 第三次産業) был весьма важен и для Японии 1960–1970-х годов — в нем было занято до 40–50% работающих, а ныне — свыше 70%. Таким образом, приход эпохи информационных технологий в 90-е годы сместил экономические приоритеты в сторону непромышленной сферы — «третичного» сектора. Важность информаци-

¹ См., напр.: Зенина Л. В. Японская мануфактура XVIII — перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 3, № 14. Л., 1979. С. 38–43; Зенина Л. В. Японские историки о развитии мануфактуры в Японии XVIII — перв. пол. XIX в. / Вестн. Ленингр. ун-та. Вып. 1, № 2. Л., 1975. С. 48–64.

онных технологий для производства и бизнеса — делает сферу коммуникаций родственной «третичному сектору», даже позволяет, пусть условно, поднять вопрос о «четвертичном секторе» экономики, связанном с коммуникациями, интернетом и компьютерами.

Теперь рассмотрим названные шесть этапов подробнее.

1. **Втор. пол. XIX — нач. XX века** стали для Японии периодом небывалых темпов развития во всех сферах, получив вполне заслуженно определение «модернизации-киндайка 近代化». С учетом следующего очевидного рубежа («шока» американской оккупации и, вместе с тем, нового витка в восприятии западной и американской культуры) — уместно согласиться, что период продлился до 1945 г., когда в «модернизации» наступила новая фаза «американизации». Поэтому сер. XIX — сер. XX в. в японской историографии именуется «новой историей» *киндай*, когда стремительно развивавшаяся страна сумела и войти в число сильных держав, и добиться неоспоримых успехов в капиталистическом развитии. Впрочем, это не означало отсутствия следов отсталости и полуфеодальных пережитков в отдельных сферах. Ситуация с распространением в стране элементов материальной культуры «Запада» всемерно отражена в монографиях Л. Д. Гришелёвой и Н. И. Чегодарь¹. С точки зрения эволюции всего комплекса культуры, изменений в стандартах и нюансах поведения, «причесывания Японии под Запад» — неоценимый вклад в науку внесен рядом монографий А. Н. Мещерякова². Именно в это время сформировались японская нация, которую мы сейчас знаем. Государство всячески поощряло эту тенденцию, способствуя оформлению жесткого режима, способного противостоять внешней угрозе. Япония смогла создать достойную базу для реального отпора державам (включая акты внешней экспансии еще и до войн с Китаем и Россией). Крестьянскую Японию времен сёгунов сменило единое буржуазное государство, применявшее часто даже якобы «традицию» в целях лучшего осознания подданными своей «уникальности и избранности». Феодалные устои и внешние культурные заимствования эффективно использовались в новых условиях, уже во имя укрепления агрессивного буржуазного национализма. Со втор. пол. XIX в. шли серьезнейшие изменения и в куль-

¹ Имеются в виду три монографии, хронологически освещающие изменения в японской культуре на основных этапах истории страны: 1) Гришелёва Л. Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX вв.). М.: Наука: ГРВЛ, 1986. С. 286. 2) Гришелёва Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. М.: «Вост. лит.» РАН, 1998. С. 249. 3) Гришелёва Л. Д., Чегодарь Н. И. Культура послевоенной Японии. М.: Наука, 1981. С. 215.

² См., напр.: Мещеряков А. Н. Книга японских символов. М.: Наталис, 2004; Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи его Япония. М.: Наталис, 2009; Мещеряков А. Н. Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010; Мещеряков А. Н. Статья японцем. М.: Эксмо, 2012.

турной сфере. Ускоренными темпами шло формирование национальной общности, появились *тенденции отхода от региональных диалектов и началу складывания единого языка*.

2. Первая половина XX в. продолжала названные тенденции в условиях развития политики национализма и внешней экспансии. Тоталитарный режим японской государственной машины способствовал слаженному функционированию всех ее механизмов, а диктаторские методы вынуждали каждого японца к повинению. Идеологический диктат и силовые методы воспитания стимулировали проявление единообразия в поведении граждан. Существование цензуры, запрет политпартий, изменения в формах, методах и содержании школьных программ, развитие пропаганды фашизма и социальной демагогии в 30-х годах — способствовали весьма длительному поддержанию жизнеспособности режима вплоть до 1945 г. Сегодня принято считать японцев пунктуальными, однако, как отмечал А. Н. Мещеряков — навыки эти прививали им в сочетании с иными жестокими методами тоталитарного режима¹. К этому же времени относится и формирование привычки к деловому костюму и военной униформе, соответствующих причесок и проч., о чем много говорилось в работах Е. М. Османова². Сочетание методов фашистского режима с «традицией»³ оставило свои следы в национальных стереотипах поведения. Объединение японцами «восьми углов света под одной крышей» *хакко-итиу* 八紘一宇, созыв совещаний Великой Восточноазиатской сферы процветания 大東亜共栄圏 (*Дай Тоа кэйикэн*) для правительств покоренных стран, подобие единой политической партии в форме Ассоциации помощи трону 大政翼賛會 (*Тайсэй ёкусанкай*), создание «соседских объединений» *тонари-гуми* 隣組 (базовой обязанностью их членов была слежка за благонадежностью соседей да своевременность доносов в надлежющие инстанции) — это лишь некоторые из примеров совмещения на практике новой идеологии со старыми традициями в годы Второй мировой войны. Все это способствовало появлению законопослушного японца как по духу, так и по форме (до ее мельчайших деталей). Народ Японии, где основным видом производственной деятельности было заливное рисосеяние — отличается стойким «*групповым*

¹ Подробнее см.: Мещеряков А. Н. Быть японцем: История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Эксмо, 2012. С. 137.

² См., напр.: Османов Е. М. История становления японской императорской армии и флота: 1868–1894: диссертация на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. СПб, 2005. С. 306.

³ Факты эффективного использования традиционных ценностей фашистским режимом и отражение этого в японоведных исследованиях тех лет — и поныне порою для некоторых ученых обращается в повод настороженно относиться к классике. Например, даже к уникальному труду о конфуцианстве: Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1947. С. 451.

сознанием». Нередко для обозначения такого «чувства группы» у японцев (да и иных народов Дальнего Востока) применяют странное для русского восприятия слово «группизм», хотя оно и отражает японское понятие *дантай-сюги* 団體主義. Основное отличие японской культуры от «западной» связывают именно с групповым поведением в отличие от присущего европейцам и американцам индивидуализма, желания выделиться, отличаться от других¹. Для самих японцев проявления индивидуализма, напротив, не свойственны, являясь чем-то постыдным. Склонность к защите своей группы, отстаивание ее интересов, готовность до конца быть «винтиком и колесиком» в машине тоталитарного государства — эти и так привычные японцам понятия (близкие к феодальным, ремесленно-цеховым) были закреплены еще надежнее, став неотъемлемой частью массового сознания. В этих условиях, национальное радиовещание и СМИ существенно способствовали официальному оформлению и окончательному закреплению единого для страны стандартного японского языка *хэйдзюн-го* 標準語, оставляя столь значимым до революции Мэйдзи диалектам второстепенную роль.

3. 1945 год стал для Японии рубежом, означавшим по японским критериям наступление для страны «новой истории» *гэндай*. Важность этой вехи связана с поражением Японии в войне, постепенной репатриацией служивших долгие годы на завоеванных территориях, американской оккупацией и чередой противоречивых преобразований, происходивших до начала 50-х годов согласно диктату американского Штаба оккупационных войск. В целом, втор. пол. XX в. для Японии — это путь от ужасающей нищеты времен оккупации, через поразительное японское экономическое чудо — к стабильной благоустроенности жизни «второй экономической державы мира». Американская оккупация явилась для Японии «шоком», став и очередным шагом для нового воздействия культуры Запада и США. Время американской оккупации Японии (1945–1951, или 1945–1952 гг.) делится на 2 этапа. Для начального этапа (до 1948–1949 гг., кануна появления на Дальнем Востоке нового государства — КНР) были характерны устремления по созданию «новой, свободной Японии» наряду с желанием США навсегда вывести из числа сильных держав поверженного японского врага. Лозунг первых лет — 3-D — предполагал проведение в Японии демилитаризации, демократизации и декартелизации (уничтожения концернов, как экономической силы, развязавшей Тихоокеанскую войну с США). Этап «обратного курса» наступил в 1948–1949 гг., когда США потребовался на Дальнем Востоке новый партнер (в меру экономически сильный, как минимум, твердо стоящий на ногах) вместо принесшего полное разочарование Китая. Впрочем, отдельные проведенные

¹ См., напр.: *Yamazaki Masakazu. Individualism and the Japanese: An Alternative Approach to Cultural Comparison/ Transl. by Sugihara Barbara. Tokyo: Japan Echo Inc., 1994.*

преобразования отыграть назад уже не получилось — поэтому в Японии и поныне действует чрезвычайно «миролюбивая» Конституция 1947 г. Попытка «поставить Японию на ноги» потребовала немалых сил, включая и усилия по преодолению пассивного саботажа первых лет оккупации, и разработки комплекса мер по оживлению и стабилизации экономики (оставшихся в истории связанными с «линией Доджа» и «миссией Шоупа»). Вехой, завершившей период американской оккупации стало заключение Сан-Францисского мирного договора 1951 г. (годом позже вступившего в силу) в отечественной традиции именовавшегося сепаратным. СССР не был склонен следовать диктату США и послушно подписывать документ, должным образом не согласованный со страной Советов. Попутным следствием этого для нас оказалось отсутствие и поныне мирного договора с Японией.

Комплекс послевоенных преобразований в Японии имел очень сильный привкус «американизации» культуры в целом, став очередным периодом иноземных заимствований, к которым Япония неоднократно обращалась на протяжении истории. В чреде реформ послевоенных лет нашлось место попыткам кардинальных реформ письменности. В условиях оккупации обсуждался и возникавший уже ранее вопрос об отказе от иероглифики с переходом на латиницу. К счастью, идея не была воплощена в жизнь — ибо в японском языке много слов транскрибируется одинаково (без иероглифа смысл либо выхолащивается, либо неопределим). В итоге, реформа была проведена в ином ключе в ноябре 1946 был определен переход к списку «общеупотребительных иероглифов» *тоё-кандзи* 当用漢字, составившего лишь 1850 иероглифов плюс еще 92 для записи имен. На уточнение деталей потребовалось еще несколько лет, ряд таблиц-списков появился лишь в 1948–1949 гг. Спустя несколько десятилетий, в 1981 г. создали, как принято считать, более адекватный список из 2136 иероглифов для «повседневного употребления» *дзёё-кандзи* 常用漢字. С одной стороны, это положило конец спорам о возможном отказе от иероглифики вообще. С другой стороны, привело к появлению «иероглифического минимума» при отказе от полного написания ряда знаков в пользу их сокращений. Таким образом, реформа иероглифики стала неким «культурным рубежом», за порогом остался весь исторический пласт «старых иероглифов», знание которых перестало быть обязательным. Подобные реформы имели место и в других странах Дальнего Востока. И всегда предполагали некую культурную деградацию по сравнению с традицией. Для оценки «объема потерь» достаточно упоминания о полном словаре японской иероглифики под редакцией Морохаси Тэцудзи в 13 томах, который содержит 48 902 иероглифических знака¹.

¹ Дайканва дзитэн = Большой толковый японский иероглифический словарь: В 13 т. / Сост. МОРОХАСИ Тэцудзи. Токио: Дайсюкан сётэн, 1971. 大漢和辞典。諸橋轍次著。全13巻。東京：大修館書店、昭和46年。

4. В 1950–1970-е гг. (1955–1970 гг. — период высоких темпов роста¹) Япония прославилась благодаря «экономическому чуду» — за счет активизации процессов НТР, переориентации на производство товаров потребления, экспорта и эволюции сферы услуг («третичного» сектора). Причины роста экономики связаны и с низкими затратами (несопоставимая с Западом заработная плата), и с традиционным бытом (способствующим аккуратности), со скупкой лицензий и проч. Можно увидеть проявление «интернационализации» не только в привлечении иноземных разработок, но и в экспортно-ориентированной модели производства Японии в те годы. По воле обстоятельств именно в 60-х годах Япония и США, наконец, смогли наладить обоюдовыгодный диалог благодаря пребыванию на посту посла в Японии известнейшего японоведа Э. Рэйшауэра.

На первый взгляд, этот этап не принес кардинальных изменений в языковую культуру. Но именно тогда происходили процессы, в дальнейшем оказавшие на нее важное влияние. Выделим два таких момента.

Первый — связан с тем, что при проникновении на зарубежные рынки с «товарами потребления» учитывался международный маркетинг и конкурентоспособность японской продукции. Японцы крайне внимательно относились к наименованию товаров, поставляемых за пределы страны. Так, порой не готовы были выпускать товар на внешний рынок, полагая слово неблагозвучным для иностранцев. 1. Например, в названии напоминающего жидкий йогурт напиток Calpis = Кальпис японцам чудилось сходство с cow-piss. В итоге, когда в начале 1970-х гг. все же были начаты поставки в Северную Америку, напиток был переименован в Calpico = Кальпико (как более созвучное Coca-Cola). 2. Появились и новые, ранее не существовавшие англоязычные наименования товаров. Так, в 1979 г. первый портативный кассетный плеер корпорации Сони назвали Walkman = Человек на прогулке (специально придумав слово), создав новый бренд. И подобных случаев, когда искусственно созданная лексика входила в широкое употребление чрезвычайно много.

Второй момент — связан с развитием телевидения, ставшего и новым инструментом в объединении нации, и предвестником следующей, компьютерно-мобильной, эпохи. Попробуем остановиться на истории его распространения чуть подробнее. Разработки технологии теле вещания компанией NHK начались еще в 1931 г., а уже в марте-мае 1939 г. система теле вещания прошла тестовые испытания. В 1953 г. на всю Японию было менее тысячи телевизоров, да и то преимущественно в точках общепита и банных заведениях столицы.

¹ Подробнее см.: Филиппов А. В. Экономика, политика и социум Японии (втор. пол. XX — нач. XXI в.) — попытка периодизации // Японоведение сегодня (общество, культура, язык): Мат-лы рос. и яп. иссл., представленные в рамках мероприятий, посвященных 120-летию со дня рождения Н. А. Невского (Issues of Japanology = Вопросы японоведения № 4). Коллективная монография: Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2012. С. 364–395.

Цена «диковинного» аппарата в 250 тыс. йен (на сегодня — ок. \$2200) была непомерна для среднего служащего с зарплатой в 30 тыс. йен в месяц. Люди дивились ему как на радио, в котором можно что-то увидеть, и на то, как туда попали люди. Регулярное телевидение, начавшееся в феврале 1953 г. шло лишь 4 часа в сутки. Первым толчком к массовому распространению телевидения стал «бум вокруг Митико». Невеста наследного принца «из просто-народья» (дочь президента крупной компании, но не аристократка) вызывала бурный восторг простых японцев, мечтавших увидеть свадьбу по телевизору. И ко дню бракосочетания в апреле 1959 г. обладателями телевизоров в Японии оказалось уже 2 млн чел., сделав телевидение массовым увлечением. Практически тогда же, в 1953–1954 гг. были обеспечены возможности цветного телевидения, стартовавшего с 1960 г. К проводившейся же впервые в Азии Токийской олимпиаде 1964 г. — японцы бросились покупать цветные телевизоры, желая увидеть Олимпиаду в красках. Телевидение как предшественник компьютеров объединило нацию и фактически навязало единую языковую культуру. Именно тогда во всеобщем распространении стандартного языка *хёдзюно* 標準語 (наддиалектного) видную роль стали играть уже не только газеты-журналы и радиовещание (как в довоенное время), но и телевидение.

5. 1980–1990-е гг. принесли Японии, наконец-то, успехи уже и во внешней политике. Благодаря премьеру Накасонэ Ясухиро — более значимая роль в рядах «большой семерки», усилия по присоединению к НАТО, новый для Японии, почти панибратский имидж, диалог «почти равных» в общении с президентом США Рональдом Рейганом (взаимное обращение «Рон-Ясу» — ранее неприемлемое в изыскано-вежливой японской культуре). Именно признания политической роли в мире Японии и не хватало, несмотря на экономическую мощь. После конъюнктурного всплеска экономики «мыльного пузыря» 1986–1991 гг. пришло замедление темпов ее роста¹. На фоне постепенного перехода к новому этапу НТР, связанному с компьютерами и информационными технологиями — в семьях простых японцев набирало силу повальное увлечение электронной техникой.

Если еще в начале 1960-х гг. появилось понятие *тэрэбикко* (ребенок, безотрывно привязанный к телевизору), то 1980–1990-е гг. принесли новый формат детских развлечений — *фамикон* (family computer, если номинально — семейный компьютер). В реальности так называли игровые приставки к телевизору, крайне притягательные для детей. Как увлечение телевидением, так и распространение компьютерных игр оказали серьезное воздействие на общее падение уровня образования и самого интереса к учебе. Несколько позже таковую же роль начали играть личные компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, смартфоны и проч. Существенный технологический прорыв, связанный

¹ Там же, с. 369.

с компьютерами — оказал разнонаправленное влияние на японский язык, особенно — на отношение к письменности. Так, стало фактически ненужным умение написать иероглиф — при использовании компьютера достаточно выбрать вариант из предложенных. В целом, падение уровня образования — логичное следствие роста технической оснащенности, которая лишь усилилась на рубеже веков.

Остановимся особо на некоторых деталях распространения компьютерных технологий в Японии. С компьютерами связаны предпосылки современной ситуации — особенности японского языка как средства письменного общения и «выхода в мир». Предшественником персональных компьютеров в Японии были «текстовые процессоры» *ва-пуро* (англ. word-processor стало сокращением). Первый из них JW-10, адекватно работавший с японским языком, выпустила компания Тосиба в 1978. Его цена впечатляла — 6,3 млн. йен (на сегодня ок. \$55 тыс., при тогдашнем курсе ок. \$20 тыс.); о цветном дисплее тогда и не мечтали. Производство *ва-пуро* в Японии прекратили в 2001 г. ввиду падения продаж на фоне популярности компьютеров (в США в 2009 г. две компании еще производили эту технику). Развитие компьютеризации в Японии сер. 1990-х представляло конкуренцию трех компьютерных систем. *Во-первых*, чисто японские компьютеры, известные как «серия PC-98» (PC-9800 シリーズ) производства компании NEC и выпускавшиеся в 1982–1999 (2000) гг. *Во-вторых*, компьютеры Mac/Apple, также имевшие свою нишу (несерийный Apple I создан в 1976, а серийный и популярный — первый персональный компьютер мира Apple II вышел в 1977 г.). И, наконец, *в-третьих*, IBM-совместимые модели (IBM 対応), некогда известные как IBM PC, появление которых относится к 1981, а затем их модификации XT/AT (с 1983 и 1984 г. соответственно). Поначалу успехи Ай-Би-Эм моделей обеспечила первая версия графического интерфейса Windows в 1985, а популярность пришла с версиями Windows 3.0 и 3.1 (в 1990 и 1992 г.). Развитие интерфейса Windows и компьютеров стало и толчком для дальнейшей интернационализации в общении со всем миром.

Ранние версии поддерживали лишь два языка, не более. Английский в основе операционной системы — плюс второй character-set для «локализации» под страну применения. Совмещение трех языков было практически невозможно. Пример из тех лет связан с последними монографиями В. Н. Горегляда, набранными шрифтом, где на месте английских символов стояли русские буквы (изд-во Петербургское Востоковедение хорошо помнит какие проблемы это вызывало в 1990-е годы). Для Японии и стран Дальнего Востока необходимость иероглифики в основе операционной системы — делала задачу на порядок сложнее. Если управление компьютером определяла установка операционной системы DOS, то для Японии он был непригоден из-за отсутствия иероглифики — вместо нее применялась японская DOS/V (произносившая как «досу буй»), программы для IBM-совместимой техники

называли и «досу буй тайо DOS/V対応», а не только IBM対応. Собственно, впоследствии стали говорить о Windows-совместимых компьютерах и программах. Проблемы локальных языковых версий систем с иероглификой связаны с тем, что недостаточно стандартной кодовой таблицы символов (для алфавитов европейских — 256 знаков, 128 на англ. знаки, еще 128 для локального, местного языка, напр., русского); стандарт — это однобайтовая, или 8-битная, кодировка. Для иероглифики применяют таблицы символов с двухбайтовой (2 バイトコード), 16-битной (16ビット) кодировкой, где знакомест уже 65 636, т. е. вполне достаточно для размещения тысяч и десятков тысяч иероглифов.

Прорывом в проблеме «двуязычных» компьютеров стало появление в 1995 г. многозадачной системы Windows-95; где можно рассчитывать на три и более языков в тексте. Поддержке многоязычности помогло появление с 1991 г. кодировки Юникод, а затем такого Юникод-формата как UTF-8. Ранее использование русских букв в японской языковой среде (японские Windows) означало буквы из японского шрифта. Они как иероглифы по очертаниям стремились к квадрату — были чрезмерно широки. Буквы же в европейских языках имеют «половинную» ширину, визуальнo более «стройны». По-японски говорят о символах «полноширинных, в полную ширину» *дзэннаку* 全角 (двухбайтовых) для иероглифов и узких «полуширинных, в половину ширины» *ханнаку* 半角 для стандартных алфавитов. Издания 1990-х годов с русским и японским языками отличала странность в излишней ширине русских букв.

Но подлинно «многоязычную гармонию» принесла система Windows-7 (версии Ultimate=Максимальная), вышедшая в 2009. Новые возможности применения ряда языков позволили почти «на лету» менять локальный язык меню и даже системных шрифтов, лежащих в основе системы. Это дало шансы лучшей совместимости с локальными, местными версиями программ даже в среде японских Windows. Хотя для японцев предпочтительнее, чтобы устанавливаемая под японскими Windows дополнительная программа имела и английский интерфейс (а не только русский, немецкий, французский). Ибо английский лежит в основе операционной системы и не войдет в противоречие с японской средой (японским окружением). Позднейшие Windows 8 и 10 — лишь дальнейшее развитие принципа многоязычности и интернациональности, в т. ч. с опорой на Юникод-кодировки.

Но применение компьютеров, по сути, поддержало сокращение используемых иероглифов. Буквенный ввод иероглифики с клавиатуры с последующим выбором иероглифа из ряда одинаково читаемых предлагает лишь ограниченный их набор, наиболее частотный. Пользователя не отягощают большим выбором, предлагая лишь иероглифику из так наз. «первого ряда» 第一水準. Учитывая, что возникает и необходимость в редких иероглифах — был сформирован «второй ряд-уровень» 第二水準, активно применявшийся даже до Windows-95. Ввод иероглифов 2-го ряда предполагает знание кода конкретного

знака (по кодировке JIS, Shift-JIS либо 区点), либо рукописного ввода мышью. Хотя 1 и 2 ряд не покрывали всех потребностей — однако, возможность прописать шрифты для 3 и 4 ряда (第三・第四水準) была реализована лишь в 2000 г. (впрочем, набор уточнялся в 2004 и 2012 г.). Если 1-ый ряд включает 2965 знаков, 2-ой — 3390, 3-ий — 1259, а 4-ый — 2436, плюс неиероглифические знаки — 1183; то всего таким образом, на сегодня 11 233 знака. Это несравнимо меньше, чем в словаре Морохаси из 48 902 иероглифов; так что далеко не любое издание на сегодняшний день может быть выполнено на компьютере. Для поиска кода иероглифа, отнесенного ко 2, 3, 4 ряду наиболее удобны словари, именуемые «*Ва-пуро дзитэн*»¹, напоминая о машинах — текстовых процессорах *ва-пуро*. Названный JIS-код используем и в электронных словарях типа Ex-Word, и даже справочно приводится в современных серьезных иероглифических словарях, изданных на бумаге.

6. Пропаганда интернационализации-*кокусайка* 国際化 в Японии с 1990-х гг. шла параллельно с ослаблением системы традиционного менеджмента (за изучение и внедрение коего как раз тогда взялись страны Запада), усугубились и процессы разложения традиционных японских культурных ценностей. Этап с **90-х годов XX в. до второго десятилетия XXI в.** поставил две новые проблемы. Первая — непреходящая «дурная конъюнктура» и отсутствие подъема в экономике, сдерживание потребностей и отказ от привычной благоустроенности. Вторая — очередной прорыв в сфере информационных технологий дал толчок новым тенденциям в культуре и языке.

Но издержки «компьютеризации» жизни привели и к осложнениям — как физиологическим, так и социальным. Воздействие информационных технологий в бытовой сфере, культуре и языке затронуло даже здравоохранение. С 1990-х годов в Японии возникла проблема деформации больших пальцев рук у любителей текстовых СМС-сообщений на мобильных телефонах. Растет число заболеваний шеи и позвоночника, локтей и кистей рук у лиц, связанных с компьютерами. Подмена живого общения компьютерным привела к небывалому росту числа затворников *хики-комори* 引き籠り, месяцами и годами не покидающими домов. Нечего и говорить, что японский язык у таких лиц также обретает специфику, как и культурная среда, окружающая их значительно отлична от среды обычных людей.

Последний рывок в развитии систем коммуникации обеспечил развитие компьютерных социальных сетей, а затем распространение их в сфере мобильных устройств (ноутбуков, планшетов, смартфонов и проч.). Для понимания значительности этого прорыва — стоит иметь в виду, что еще в первой

¹ См., напр.: Консайдзу ва-пуро кандзи дзитэн = Компактный ‘ва-пуро’ словарь иероглифов. Токио: Сансэйдо, 1994. С. 851. コンサイス ワープロ 漢字辞典. 東京: 三省堂、1994年。

половине 1990-х для Японии из мобильных устройств распространенными были лишь *покэ-бэру* (pocket-bell). Чуть позже в России их знали как пейджеры. Звонивший на пейджер диктовал оператору устное сообщение абоненту. На раннем этапе предполагалось по получению абонентом оповещения – позвонить оператору; впоследствии сообщения уже поступали на экран пейджера в виде текста. На день сегодняшний, развитие информационных технологий, коммуникационных систем и социальных сетей, возможностей веерных рассылок по электронной почте — обусловили появление новых лексических пластов и новой языковой стилистики в письмах, блогах, при общении в соцсетях. Если ранее изучение сленга требовало длительного отбора данных, то ныне стал доступным огромный пласт таких текстов и рассылок. Все это несет видимые изменения в языке, его лексике, стиле, дает начало новым речевым и письменным жанрам, многократно увеличивает обращение к языковым заимствованиям. Нередко приводит к «чрезмерной интернационализации», идущей в ущерб японской культурной и языковой уникальности.

Витки истории экономики весьма четко соответствуют этапам трансформации культуры Японии и ее «интернационализации» за последние полтора столетия. Можно предложить несколько таких примеров-иллюстраций, показывающих объективные **причины для внешних культурных заимствований**:

- 1) эмиграция японцев со времен революции Мэйдзи (в надежде на заработки за пределами страны);
- 2) агрессия на Дальнем Востоке с одновременным неким приспособлением к культуре этого региона;
- 3) попытки возвращения потомков японцев-эмигрантов *никкэйдзин* 日系人 во втор. пол. XX в. выявили невозможность вписаться в рамки жизни на родине, но оказали «внешнее» воздействие на национальную японскую культуру;
- 4) ОПР (Официальная помощь развитию; ODA = Official Development Assistance) — часто программа для регионов, пострадавших от японской агрессии во Вторую мировую войну — не только проводник японской культуры в мире, но и путь для проникновения в Японию иноземной культуры через вовлеченных в ОПР сотрудников-японцев,
- 5) взаимодействию с мировой культурой помогла и предпринятая с 1970-х гг. диверсификация сырьевых рынков (начиная с нефтяных кризисов), и поиск новых рынков сбыта.

Даже за последние 50–60 лет (уж не говоря о полутора столетиях) Япония прошла длинный путь — от нищеты и разрухи, через период «экономического чуда» и пришедшего процветания до очередного застоя. **Исторические события непосредственно влияют на культуру, язык, речевые формы и даже**

на антропологию. Для своевременной реакции на изменения в культуре и языке Японии — необходимо постоянно держать руку на пульсе перемен, происходящих в экономике и истории страны. **Пример развития информационных технологий очень рельефно иллюстрирует происходящие в Японии перемены. Опасность разучиться писать иероглифы не за горами.** Япония все более интегрируется в мировую культуру, но при том неизбежно теряет очень многое в самобытности. Размывание же устоев национальной японской культуры, столь интересной для Запада и России — заставляет тем внимательнее заниматься ее изучением сегодня, поскольку завтра японская культура и язык вновь могут стать иными, потеряв еще одну грань своей уникальности.

Напомним, что целью создания данного опуса было отнюдь не детализированное изучение отдельных аспектов языковой культуры. Обозначенная в заголовке попытка выявить наиболее важные вехи, знаковые переломные моменты в их четкой соотнесенности с развитием экономики, истории и условий существования японского этноса — позволяет лучше осознать общую перспективу и дальнейшие тенденции в эволюции.

Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург)

Традиционная игра *ута-гарута* в зеркале японской культуры

Игры являются неотъемлемой частью мировой культуры. В докладе делается разносторонний анализ японской игры Ута-гарута (歌がるた — «поэтические карты»), воплощающей в себе традиционные элементы культуры Японии. Ута-гарута — очень любимая японцами игра, в которую обычно в кругу семьи играют в новогоднюю ночь. Кроме того, в Японии существует также и спортивный вариант этой игры Кё:ги карута (競技かるた — «спортивные карты»), который появился в начале XX в. На сегодняшний Кё:ги карута являются очень популярным явлением в современной жизни Японии. Это настоящий спорт с регламентированными правилами, турнирами, квалификациями игроков и профессиональными спортсменами. После выхода популярной манги «Тихаяфуру» Суэцугу Юки и снятому по ее мотивам аниме и фильму в Японии наблюдается настоящий бум этой игры. Так, в японской ассоциации Кё:ги карута зарегистрировано 1 млн чел.

В докладе будет рассмотрен историко-культурный и социальный аспект возникновения и развития игры. Также будет разносторонне рассмотрена значимость этой игры для современного японского общества. Будет также показано, что структура и правила игры полностью соответствуют японскому этикету и эстетическим представлениям японцев, и игра способствует развитию интереса к классической культуре в японском обществе.

Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Коллекция японских ксилографов И. А. Гошкевича в собрании ИВР РАН¹

Собрание японских рукописей и ксилографов ИВР РАН состоит из множества частных коллекций, поступавших с конца XVIII до середины XX вв. Ранние поступления были во многом случайными, хотя и отражали интересы их собирателей или бывших владельцев. Так, например, коллекция И. Штюцера, поступившая в 1795 г., содержала в основном карты японских городов, а также иллюстрированные альбомы (японских рыб, монет, костюмов). Коллекция П. Л. Шиллинга, приобретенная им у Ю. Клапрота, а изначально собранная И. Титсингом в годы его работы главой голландской фактории в Нагасаки в 1785–1786 гг., включает в себя большей частью те же карты японских городов, а также нумизматические альбомы. Однако ограниченные возможности в передвижении и строгий контроль над голландской факторией со стороны японских властей в целом делал сбор рукописей, книг и карт в период Токугава (1603–1867) сложным. Пожалуй, первым, кто получил возможность заниматься целенаправленным сбором японских книг, и чья коллекция впоследствии попала в Азиатский музей, стал И. А. Гошкевич (1814–1875), первый консул Российской империи в Японии.

И. А. Гошкевич находился в Японии в 1853–1855 гг. в составе посольства Е. В. Путятина (1803–1883), установившего дипломатические и торговые отношения между Россией и Японией, а позже, в 1858–1865 гг., состоял в должности первого консула Российской империи в Хакодате, регулярно бывая при этом в столице Эдо и других городах Японии. Вероятнее всего, сбором японских книг Гошкевич занимался уже в бытность консулом — посольство Путятина было еще весьма ограничено в своих передвижениях по территории Японии. Собранная им коллекция японских книг поступила в Азиатский музей в 1910 г. В феврале того года сын первого консула И. И. Гошкевич предложил директору Азиатского музея К. Г. Залеману приобрести библиотеку отца, включавшую 100 названий сочинений в 941 тт., 166 тт. «с неизвестными названиями» и 47 листов «японских географических карт с неизвестными названиями».

В настоящий момент в японской коллекции ИВР РАН насчитывается 123 единицы хранения в 1054 томах и 24 листа карт. Около половины единиц хранения (58) — ксилографы, изданные в годы пребывания Гошкевича на службе в Хакодате, что позволяет предположить постоянную работу дипломата по отслеживанию и покупке новых изданий. Остальные единицы хранения — ксилографы XVIII — первой половины XIX вв., однако имеются и издания XVII в., одни из самых старых в коллекции ИВР РАН. К ним относятся,

¹ Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, проект №15–00–00168 «Японская коллекция ИВР РАН как текст: частные собрания и государственные интересы».

в частности, «Готайхэйки» 1695 г. (25 тт.), энциклопедический словарь «Вамё руйдзюсё» 1667 г. (5 т.), «Сандай дзицуроку» 1673 г. (20 т.) и «Сёку нихонги» 1657 г. (18 т.).

Тематика коллекции И. А. Гошкевича говорит о целенаправленном и планомерном поиске и сборе книг по тем отраслям знаний, которые дипломат считал важнейшими для изучения Японии. Так, сочинения по истории Японии (всего 20 наименований) включают древнейший мифологическо-летописный свод «Кодзики», шесть официальных историй, средневековые исторические повести, а также работы токугавских ученых, таких как Рай Санъё и Токугава Мицукуни. Среди литературных сочинений (всего 17 наименований) обнаруживаются основные императорские поэтические антологии, «Гэндзи моногатари», «Гэмпэй сэйсуйки» и «Тайхэйки». Словарей, грамматик и руководств по японскому языку — 30 наименований. Кроме того, есть также геральдические, биографические справочники, хронологические таблицы, работы по синтоизму, буддизму и конфуцианству, тексты договоров Японии с иностранными державами и т. д.

СЕКЦИЯ XVII.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ
HISTORIOGRAPHY OF KOREA

Guryeva Anastasia (FAAS, St Petersburg State University)

**Development of Korean Literature Studies in Korea
(in Reference to the Traditional View of Literature)¹**

The Study of Korean Literature in Korea is usually considered as a rather recent phenomenon emerged at the break of the 19th and 20th CC. Literature-related commentaries left by educated men of previous ages are mostly regarded as early literary criticism². Such attempts to consider literary texts as an object of study demonstrated a research approach; however, they did not form any special academic school or trend. In the course of the 20th C., the philology school involved in the study of literature was formed in Korea with several generations of scholars differentiated according to the specifics of their activities carried out in certain historical circumstances. Nowadays the study of Korean Literature is a rapidly developing academic field, with many scholarly groups and a great variety of approaches. Nevertheless, some main trends and general characteristics of this field of study can be traced. First of all, it is a concentration on facts and the historical background of literary works, as well as a special attention to the written word that had been recorded.

The paper aims at tracing stages of development of the Korean literature studies in Korea, with a detailed analysis of its different aspects. With regard to this goal, the paper provides (1) an overview of the prehistory of the study of literature and the evolution of approaches to the literary texts by various 20th C. philological schools in Korea. The analysis of the main characteristics of the above views will be done

¹ The work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

² *Kim Hyunggyu*. Understanding Korean Literature. M. E. Sharpe. 1997. P. 158–175.

in relation to the traditional Korean understanding of literature (2), followed by some general conclusions (3).

1. Stages in the study of the text. Examples of perceiving text as an object: *sihwa* “discussions on the poetry” (Chinese *shihua*, borrowed from China during the *Goryeo* period), including instances of correspondence with Chinese scholars; some literature-related notes in personal writings of scholars, literary collections, poetical anthologies, especially those of the Late *Joseon* period, that contain some elements of the “classification” approach¹. Some anthologies indicate an attempt to review and sum up the existing literary tradition represented in the texts collected², thus showing a gradual transmission from traditional to modern view of literature in Korea³. The *first* “new generation” of scholars participated in first literary associations, journals, collections, appeared mostly during the Japanese colonial rule, under circumstances of the tight control and restriction. The *second* generation already had a free access to literary materials, which influenced their main fields of activity. Discovering new literary works and related records still remains an important field of activity for the next generations of Korean scholars, despite all variety of their literary views and approaches. Recently, a new tendency to combine the western theory-based approach to literature and the Korean traditional one resulted in appearing slogans of “getting back to the text”.

2. Traditional perception of literature is common for all Far Eastern cultures, and the Korean classification of the texts differs from the Western one. The term *mun* (Chinese – *wen*) initially derived from the basic meaning of this character: “pattern, drawing”, acquired later the meaning of “decorated writing/ text”, to become finally associated with education and, further on, with culture in general⁴. The notion of *mun* includes “serious” texts, mostly historical ones (including political, administrative, etc.), but does not cover many types of texts belonging to the literature in the Western tradition. As a result, the representatives of a new generation of scholars of the late 19th C., such as Yu Gil-jun and Yi Gwang-su, the first who familiarized with the Western literature, started searching for a new concept of literature. As I shall try to show in the present paper, despite of existence of more or less stable terminology

¹ Nikitina M. I. Korean poetry of *sijo* genre in 16-19 CC. St Petersburg, 1994. 312 с. (Никитина М. И. Корейская поэзия XVI – XIX вв. в жанре *сичжо*).

² Ibid.

³ Guryeva A. A. Anthology of Traditional Korean Poetry “*Namhun taepyeong-ga*” (“Songs of the Great Peace under the South Wind”) (based on the block-print in the keeping of IOM RAS, St Petersburg). PhD dissertation. St Petersburg, 2012. 312 p. (Гурьева А. А. Антология традиционной корейской поэзии «*Намхун тхэпхён-га*» («Песни великого спокойствия при южном ветре»)) (по ксилографу из коллекции ИВР РАН). Дисс. на соискание уч. степени к.филол.н.).

⁴ Menshikov L. N., Kobzev A. I. Wen// Chinese philosophy. Encyclopedia Dictionary. Moscow.1994. P. 58-59. (Меньшиков Л. Н., Кобзев А. И. Вэнь// Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994).

in the study of literature in contemporary Republic of Korea, there are still many examples of a strong influence of the traditional Korean views in this field. This resulted in discussions on the principle concepts of literature and genres classification that are still going on in the South Korean academia.

3. The main conclusions of the paper are as follows:

a. Until the late 19th C., there was no special attention to “literature” in Korea, and no basis for forming any school of the study of literature. This phenomenon can be explained by the fact that *literature in the Korean tradition was not viewed as a special category of texts*. The ‘*mun*’ concept supposed a general, non-specified approach, not distinguishing literature texts (in the Western view) as a category separate from historical and other “high” texts. Therefore the study of literature did not form as a separate filed, the historiography played the main role instead.

b. As a result, some of contemporary approaches to the study of literature in Korea are still derived from the above-mentioned Korean tradition of working with historical texts. Thus, methods based on the “commentary tradition” are being applied to the study of Korean literature in the contemporary scholarship in South Korea.

c. The Western tradition of the study of literature, including its research methods and terminology, has been gradually adopted in Korea in the 20th C., and now it is being used actively. However, this approach is mostly applied to the study of the literary texts belonged to a foreign, predominantly Western tradition.

Акуленко В. С. (ВИ-ШРМИ, ДВФУ, Владивосток)

Образ русских и России в Корее в XVII–XVIII вв. по материалам корейской летописи «Анналы правящего дома Чосон»¹

Летопись «Анналы правящего дома Чосон» (*Чосон ванчжю силок*; 朝鮮王朝實錄) является выдающимся письменным памятником и важным источником информации об истории Кореи и окружающих ее государств, охватывающим период более, чем 500 лет (XIV–XIX вв.). Памятник проливает свет не только на деяния правителей династии, но и на важнейшие события, касающиеся государства Чосон или происходившие у его границ. В этой связи появление первых русских путешественников в Восточной Азии, а также продвижение России на Дальний Восток, не могли быть не отражены на ее страницах. Анализу запечатленного в анналах образа России и русских и посвящена данная работа.

¹ This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003)

Целью работы является анализ сведений о России и русских, содержащихся в летописи «Анналы правящего дома Чосон». В соответствии с заявленной целью были выделены следующие задачи: провести поиск записей о России и русских в летописи; систематизировать полученные сведения; проанализировать сообщения о России и русских, изложенные в летописи.

Для написания работы были использованы материалы, собранные в Институте корееведения Ключжангак Сеульского государственного университета (서울대학교 규장각한국학연구원). Поиск осуществлялся при помощи электронного каталога, размещенного на сайте Национального института корейской истории¹.

Одной из главных сложностей, с которой автор работы столкнулся во время проведения исследования, оказалось отсутствие одного универсального термина для обозначения России и русских в летописи. Дело в том, что она не является типичным памятником, составленным одним автором или их группой по заранее намеченному плану. Данное произведение охватывает период в более, чем 500 лет и содержит сведения о правлении 28 монархов². Таким образом, для обозначения России и русских в нем использовано несколько различных терминов, бывших в ходу в различные периоды истории.

Переходя к основной части работы следует дать краткую характеристику памятнику, анализу которого она посвящена. Летопись «Анналы правящего дома Чосон» состоит из 28 частей, каждая из которых относится к правлению одного из правителей династии Ли. Она охватывает 472 г. истории государства Чосон, что соответствует правлению 25 монархов династии — начиная с Тхэчжо (太祖) и заканчивая Чхольчжо (哲宗)). Хроники правления еще двух представителей династии — Кочжона (高宗) и Сунчжона (純宗) — не включены в летопись, так как составлялись уже после потери Кореей независимости и под контролем японцев с 1927 по 1932 гг.

Еще одна особенность летописи заключается в том, что не все ее части называются одинаково. Большая часть из них именуется «силлок» (實錄; анналы), однако кроме них существуют еще и «ильги» (日記; дневники), повествующие о правителях, которые не были удостоены титула «тэван» (大王) — это Енсангун (燕山君) и Кванхэгун (光海君). Впрочем, дневники составлены тем же самым образом, что и анналы.

Анналы и дневники правителей правящего дома Чосон составлялись на протяжении их жизни, а затем могли неоднократно перерабатываться прежде чем финальная версия включалась в летопись. До наших дней сохранилось и несколько не включенных в летопись редакций анналов, которые служат

¹ The Annals of Joseon Dynasty. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

² Veritable Records Of The Joseon Dynasty. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/intro/english.do> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

важным источником дополнительной информации для современных исследователей.

Большая часть летописи отпечатана на бумаге при помощи деревянного наборного шрифта. Впрочем, летописи ранних правителей династии, а также Кванхэгуна были написаны от руки. В данный момент в Южной Корее есть несколько копий летописи, содержащихся в различных библиотеках и архивах. В Институте корееведения Кючжангак Сеульского национального университета содержится 1707 томов (*квон*; 卷), связанных в 1 187 книг (*чхэк*; 冊) из архива на горе Чончжок (정족산본), 27 книг из архива на горе Одэ (오대산본), а также ряд разрозненных страниц. В то же время, в Хранилище исторических документов Государственного архива РК в г. Пусан (국가기록원 부산기록정보센터) хранится 1707 томов (848 книг) из архива на горе Тхэбэксан (태백산본). Оба этих собрания сочинений охраняются в качестве национального сокровища №151, а в 1997 г. они были включены в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО¹.

Каждый из томов летописи обычно охватывает период в один год. Однако есть и такие, которые рассказывают о периоде в 6 и менее месяцев. Обычно анналы правителя начинается с общих сведений о нем — его фамилии, личном имени, именах его родителей, дате рождения, детстве, образовании и присвоении звания наследного принца. В случае, если будущий правитель был усыновлен, то присутствуют сведения о его родителях и процессе усыновления. В главной части текста содержатся описание событий и пояснения летописца. Они находятся в хронологическом порядке.

Сама организационная схема текста в летописи очень проста. В начале каждого тома помещалась пометка «летопись государя ○○ том № ○○» (○○大
王實錄 卷之○○), после чего указывалась дата записи, а далее располагался текст. Сам текст записывался крупными символами без разбивки. Пространство в один символ оставлялось после упоминания имени правителя. Кроме того, после упоминания действий, совершенных самим монархом, новая запись начиналась с нового столбца.

Содержание основного текста весьма разнообразно и включает в себя биографии монархов и некоторых государственных чиновников, сведения о дипломатических отношениях и военных конфликтах, процессе обсуждения государственных дел и проведения церемоний, данные об астрономических явлениях и стихийных бедствиях, сведения о законах и указах, статистические данные о налогообложении и исполнении трудовой повинности, информацию о территории государства и народных движениях, а также петиции государю

¹ Republic of Korea — Annals of the Choson Dynasty (Choson Wangjo Shillok). [Электронный ресурс] URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/republic_of_korea_annals_choson_dynasty.pdf (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

и прочие материалы. В тексте встречаются ссылки на китайские императорские декреты и указы, касающиеся Кореи.

Тексты анналов формировались уже после смерти монарха, поэтому в самом конце помещалось приложение, где содержались записи, восхваляющие жизнь почившего государя и выражающие скорбь по поводу его смерти: список деяний (行狀), запись о процедуре выбора его храмового имени (諡狀), скорбный стихотворный текст (哀冊文) и эпитафия (陵誌文)¹.

Таким образом, летопись «Анналы правящего дома Чосон» является выдающимся письменным памятником, а информация, содержащаяся в нем, достаточно объективно передает сведения о периоде, о котором повествует, так как составители каждой из его частей были современниками описываемых ими событий.

Впервые Россия упоминается в летописи под именем «Расон» (羅禪) в связи с военными компаниями маньчжуров против русских казаков, которые известны в России, как Албазинские войны (1649–1689 гг.). Россия под этим именем упоминается 4 раза в период правления государя Хечжона (孝宗) (1649–1659 гг.): 3 раза в 5-й год его правления (1654 г.) и один раз в 9-й год (1658 г.). Данное название перекликается с расхожим именованим казаков, которое было принято в это время среди тунгусских племен и маньчжуров — «лочха» (羅剎)², о котором корейские воины должны были знать, так как непосредственно принимали участие во втором и пятом походе маньчжуров против русских казаков в 1654 и 1658 гг.³

Все сообщения, в которых Россия встречается под этим именем, так или иначе связаны с военными походами маньчжуров, в этой связи и русские упоминаются исключительно как противники. К примеру, в 1654 г. упоминается о разгроме русских и возвращении китайско-корейских войск в Нигуту (寧古塔):

Северный уху Пен Гып вместе с цинскими войсками разгромил Россию и во главе [корейских] солдат вернулся в Нигуту⁴.

¹ Veritable Records Of The Joseon Dynasty. [Электронный ресурс] URL: <http://sillok.history.go.kr/intro/english.do> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

² Hyeok Hweon Kang. Big Heads and Buddhist Demons: The Korean Musketry Revolution and the Northern Expeditions of 1654 and 1658 // Journal of Chinese Military History. 2013. № 2 (2013). P. 127–189.

³ Пак Б. Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.

⁴ Анналы Хечжона (Хечжон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Квон 13, 5-й год, 7-й месяц, 2-й день, статья 5. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=kqa_10507002_005 (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

А в 1658 г. в записи, посвященной встрече государя Хечжона с вернувшимся из Китая посланником с требованием от китайского императора о предоставлении войск и провианта для похода на Россию, последняя прямо называется врагом:

Государь спросил: Каково состояние врага?

Ильсон ответил: Силы врага не превышают тысячи человек¹.

Содержатся в записях и сведения о примерном географическом положении России. Она помещается неподалеку от одного из важнейших центров Манчжурии в цинскую эпоху — Нингуты (寧古塔), располагавшегося на месте современного уезда Нинань (宁安) (городской округ Муданьцзян, пров. Хэйлунцзян, КНР):

Государь спросил: Что за страна Россия?

Ковон ответил: Около Нингуты есть особое племя, это и есть Россия².

Стоит отметить, что эти сведения были наверняка почерпнуты из китайских источников, так как и в самом Китае в то время считали русских племенем, проживающим в нескольких днях сухопутного пути за верховьями Амура³.

После 1658 г. «Расон» исчезает со страниц летописи и ему на смену приходит наименование «большеносые татары» (*тэбитальчжа*; 大鼻獐子). Под таким именем русские упоминаются 7 раз. Все упоминания, кроме одного, приходятся на время правления государя Сукчона (肅宗) (1674–1720 гг.): 1 раз в 8-й год его правления (1682 г.), 1 раз в 9-й год (1683 г.), 3 раза в 11-й год (1685 г.) и по 1 разу в 12-й (1686 г.) и 13-й (1687 г.) годы правления.

Русские характеризуются как умелые воины, обладающие крутым нравом:

Привычны к использованию огнестрельного оружия и копья. Прошлой осенью послали к ним министра и умиротворили [их], но императорский

¹ *Анналы Хечжона (Хечжон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Квон 20, 9-й год, 3-й месяц, 3-й день, статья 2. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=kqa_10903003_002 (дата обращения: 22 марта 2017 г.).*

² *Анналы Хечжона (Хечжон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Квон 12, 5-й год, 2-й месяц, 2-й день, статья 1. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=kqa_10502002_001 (дата обращения: 22 марта 2017 г.).*

³ *Пак Б. Д. Россия и Корея. Издание второе, дополненное. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. 519 с.*

указ [они] не приняли и ответили злыми словами, поэтому теперь собираются войска [против них]¹.

Появляются в анналах и краткие сведения о стране «большеносых татар», об их быте:

В землях, где живут большеносые татары, высокие горы и много болот. [Они] не сажают пять злаков, только едят домашний скот².

Повествует летопись и о причинах конфликта между русскими и маньчжурами. Из нее становится понятно, что и те, и другие претендовали на пушнину, поставляемую в виде дани нанайцами:

Слышал, что рыбкокожие татары³ находятся среди большеносых татар. Дань [в виде] пушнины вся поступает от них. Большеносые татары угрозами закрыли путь, и дань больше не поступает. Цинский правитель разгневался на это, обязательно хочет полностью их уничтожить⁴.

Единственной записью, сделанной в XVIII в., является ответ пуса (副使) Чон Вонси (鄭元始), вернувшегося из Китая, на вопрос государя Чончжо (正祖) (1752–1800 гг.) о внешности большеносых татар. Сама запись датирована 1780 г. Вельможа отвечает государю следующее:

Глаза [посажены] глубоко, брови большие, нос курносый, лица ослиные, [они] похожи на демонов и на зверей. [От них настолько] дурно пахнет, [что] человек не может приблизиться. Превосходят других в смелости и силе, настроение переменчивое. Хоу⁵ также очень боятся их. Когда их посадили в Джигуан⁶, [их] охраняли латники. Каждый раз, когда

¹Анналы Сукчона (Сукчон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Кwon 14, 9-й год, 3-й месяц, 7-й день, статья 1. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=ksa_10903007_001 (дата обращения: 22 марта 2017 г.)

²Там же.

³Рыбкокожими татарами (魚皮獐子) корейцы называли нанайцев и другие полукочевые народы нижнего течения реки Амур, активно занимавшиеся рыбным промыслом.

⁴Анналы Сукчона (Сукчон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Кwon 16, 11-й год, 4-й месяц, 2-й день, статья 2. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=ksa_11104002_002 (дата обращения: 22 марта 2017 г.)

⁵Хоу (胡) — северные инородцы, северные варвары.

⁶Джигуан (質館) — подворье для содержания заложников из чужеземных владений.

выходили наружу, латники сопровождали их с оружием. [Несмотря на это] часто [происходили] случаи оскорбления и убийства людей¹.

Важно отметить, что в летописях наименование «большеносые татары» не связывается напрямую с Россией. К такому выводу приводит упоминание России под именем «Араса» (鵝羅斯) в одном сообщении с «большеносыми татарами», которое датировано 1686 г. В нем чвайычжон (左議政) Нам Гуман (南九萬) передает сведения о географическом положении России и ее взаимоотношениях с «большеносыми татарами»:

Россия — большая страна, соприкасающаяся с Северным морем. Земли большеносых [расположены] поблизости. Большеносые подчиняются [России] из страха².

Таким образом, образ России и русских в «Анналах правящего дома Чосон», относящихся к XVII и XVIII вв., складывается весьма противоречивый. С одной стороны, русские описываются как неистовые и храбрые воины, при этом неблагоразумные и внешне весьма отталкивающие. Они ведут варварский, с точки зрения корейцев, образ жизни — не возделывают землю, время от времени грабят и убивают. Одновременно с этим, русские, действующие в бассейне р. Амур, представляются корейцам вассалами крупной державы, расположенной с ними по соседству — России. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что при дворе корейского правителя не догадывались о постепенной экспансии России на Дальний Восток и об ее приближении к границам Кореи.

Сама Россия предстает в летописях, как крупное и сильное государство, расположенное где-то на севере.

Следует особенно отметить вклад Китая в формирование такого образа России и русских в Корею, так как большая часть сведений, за исключением, возможно, относящихся ко времени совместных китайско-корейских походов против русских казаков в 1654 и 1658 гг., была получена корейцами в пересказах от китайцев во время дипломатических миссий ко двору китайского императора.

Сложно утверждать, каким образом описанный на основе летописи образ России и русских повлиял на становление отношений между Россией и Кореей. До нас дошли достаточно отрывочные сведения о контактах между представителями двух стран в XVII и XVIII вв. Однако вполне можно предположить

¹ Анналы Чончжо (Чончжо силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Квон 10, 4-й год, 11-й месяц, 27-й день, статья 1. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=kva_10411027_001 (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

² Анналы Сукчона (Сукчон силлок) // Анналы правящего дома Чосон (Чосон ванчжо силлок). Квон 17, 12-й год, 10-й месяц, 13-й день, статья 1. [Электронный ресурс] URL: http://sillok.history.go.kr/popup/viewer.do?id=ksa_11210013_001 (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

негативное его влияние на отношение корейского двора, по крайней мере, к тем русским казакам и переселенцам, которые прибывали в наиболее близкие к Корею российские владения в бассейне р. Амур.

Воронина Л. А. (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург)

Методические термины корейского языка как источник для понимания современной идеологии при обучении иностранным языкам в Республике Корея

Термин, как название определенного понятия, является основой любой научной области, в том числе и методической. Имеется в виду теория и практика обучения иностранным языкам. Категориальный аппарат методики как науки насчитывает более сотни соответствующих терминов, которые собираются в соответствующие словари¹ или словники². Однако при сравнении с иноязычными аналогами они имеют некоторые различия как по количеству, так и по содержанию понятий³.

Благодаря расширению профессиональных контактов со специалистами из Республики Корея через распространение учебных пособий, обмен педагогическим опытом или просто советами, естественным образом усилилось взаимодействие двуязычных терминологических систем. Это повлекло за собой возникновение путаницы в трактовке единиц каждой из них, хотя за каждой системой стоят свои история, традиции, специфические условия обучения и, безусловно, что самое важное — конечная цель обучения, сильно различающиеся в двух странах.

Методические концепции, вскрываемые терминами контактирующих языков, с одной стороны, подчеркивают различие традиций в педагогических системах рассматриваемых стран, но, с другой стороны, могут способствовать взаимному обогащению идеями. Так, например, русскоязычные преподаватели корейского языка после знакомства с методическим опытом корейских коллег могут расширить типы и виды упражнений, и, наоборот, поделиться разнообразием типов и видов занятий.

Представляется целесообразным создание корейско-русского терминологического справочника по методике обучения корейскому языку, что позволит русскоязычным преподавателям эффективно использовать и корейские учебные пособия, критически анализируя зарубежные материалы и сопоставляя две методические школы. Однако создание такого труда возможно только в виде

¹ Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Словарь методических терминов. СПб.: Златоуст, 1999.

² Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996.

³ 한글학교교사 연수용 교재. 서울: 재외동포재단, 2016.

т. н. 'концептуального глоссария': он должен обязательно содержать расширенное толкование корейских терминов на русском языке, уточнять их содержание, указывать на различия в трактовке терминов и быть проиллюстрированным примерами, т. к. несовпадение объема значений терминов в двух языках приводит к значительным неточностям при переводе.

Гутарёва Ю. И. (Художественная галерея
Фонда исторической фотографии, Санкт-Петербург)

Образ сосны в традиционной корейской живописи: наследие и современность

Одно из центральных мест в символических образах корейской культуры принадлежит вечнозеленому и особо жизнестойкому дереву — сосне. С начала зарождения живописи и до наших дней изображение сосны неизменно присутствует в корейском изобразительном искусстве.

Устойчивость данного художественного образа во многом связана с традиционным жанром «четырёх благородных» *са кунчжа*, изначально возникшим в китайской живописи *вэньжэньхуа* или «живописи интеллектуалов» и далее прочно утвердившимся в творчестве корейских «художников-ученых» *мунинхва*, передающих «через привычный мир природных форм более тонкие оттенки чувств»¹. Тема изображения этих четырех «совершенных растений»: цветущей сливы, орхидеи, бамбука и хризантемы является классическим воплощением в традиционной дальневосточной живописи символической трактовки нравственных качеств благородного человека и тесно переплетается с образом сосны. Символизируя даосские идеалы и конфуцианские идеи сдержанности и непоколебимости, образ сосны приобретает особое значение в Корее. В государстве с полной потрясениями историей именно сосна, растущая в суровых природных условиях, становится символом негибаемой воли и мужественности духа корейской нации.

Автором предпринимается попытка раскрыть содержание одного из главных художественных образов в корейской традиционной живописи на примере отдельных памятников творчества корейских мастеров. Задача доклада не ограничивается искусствоведческим анализом конкретных примеров из корейской пейзажной практики разных эпох от древности до современности. Специфика осуществляемого анализа заключается в рассмотрении образа сосны в корейской традиционной живописи в контексте исторической ситуации, философско-эстетических концепций и мировоззрений создателей при

¹ Виноградова Н. А. Китай. Корея. Япония: образ мира в искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 213.

выявлении особенностей художественного языка, используемых для его визуализации. В данном подходе художественная форма, выступающая в качестве изображения сосны, рассматривается не как самоценная категория произведения, а как структура, создаваемая художником в соответствии с задуманным образом в рамках традиционного живописного канона, приобретающая особую, национально окрашенную характеристику.

Художественный образ сосны, как наследие традиционной корейской живописи, органично преломляется в творчестве современных живописцев Республики Корея и КНДР, обогащаясь гранями его нового понимания, созвучными как личным идеям авторов художественных творений, так и социальным проблемам нового времени, присущим каждому из государств. На фоне утрачивания в обществе традиционных ценностей под влиянием мощных процессов модернизации и глобализации в Республике Корея каноничный образ сосны приобретает новое значение как важный элемент в визуальной системе, необходимой для сохранения культурной традиции и национального характера. В современном искусстве КНДР традиционная живопись *чосонхва* призвана выполнять одну из важных задач государственной политики по сохранению этнической идентичности корейского народа. Для мастеров национальной школы письма остается актуальным обращение к образу сосны, который, следуя строгим политическим установкам государственного режима, рассматривается как сохранение национальной формы и выражение патриотического содержания.

В докладе делается вывод о том, что прочтение образа сосны является сложным и многослойным явлением в корейской традиционной живописи. Его понимание тесно связано как с исторической ситуацией и философско-эстетическими воззрениями, так и личной идеей мастера произведения. В традиционном корейском пейзаже сосна выступает определенным образным символом в контексте корейской культуры, проецирующим личность художника и его доминирующие состояния души, представляя собой один из культурных кодов национальной самобытности, в котором сохраняются художественно-эстетические традиции прошлого и воплощаются элементы нового концептуального восприятия.

Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Категория исторического факта в новейшей истории Кореи¹

Всякая история, идет ли речь о событиях многовековой давности, или о событиях последних лет, месяцев или дней, оперирует понятием «факта».

¹Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

Точное понимание факта позволяет осуществлять оценку информации о событиях, являющихся предметами исследования.

Доклад рассматривает определение понятия «исторического факта», его категории: полный и неполный факт, сложный и простой факт, виды фактов, представление о «минимальной достаточности фактов», необходимой для оценки (анализа) исторического события.

Вполне очевидно, что достоверность факта зависит от точности описания событий. Однако с другой стороны, сами по себе категории факта, вне зависимости от степени точности записи, исходя из их видов, по определению, являются более точными или менее точными.

Умение различать категории фактов позволяет пользоваться «Методом спектрального анализа исторического текста», применительно как к авторским сочинениям по истории, так и к документам и прочим историческим записям. При этом предметом анализа может стать любой исторический текст, составленный как в древности, так и «современный» (из недавнего прошлого).

Для иллюстрации использования «Метода спектрального анализа исторического текста», для выяснения степени точности исторического нарратива (факта) в качестве примера взят раздел из южнокорейского учебника истории для средней школы (2007 г.), рассматривающий вопрос освобождения Кореи от японского колониального господства и вопрос «оккупации» Кореи советскими и американскими войсками в 1945 году.

Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва)

«Политика памяти» и взаимоотношения между РК и Японией: попытки урегулирования и «новые» противоречия

Прежде всего, доклад рассматривает вопрос определения понятия «политика памяти». «Политика памяти представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик»¹.

Характерными чертами, определяющими специфику «политики памяти» в странах Восточной Азии, в нашем случае — в КНДР и Республике Корея, являются, с одной стороны, политизация интерпретаций исторического

¹ *Аникин Д. А.* Стратегии политики памяти на постимперском пространстве // Известия Саратовского университета, 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 34–38.

прошлого в упомянутых странах, причем история оборачивается «политикой, опрокинутой в прошлое», с другой — связаны с заметной ролью национализма, представляющего собой стержень официальных идеологий в странах региона. При этом сохраняется и сугубо инструментальное значение школьного курса истории (который, впрочем, является основным и важнейшим источником, формирующим историческое сознание рядового гражданина КНДР и РК) как элемента воспитания будущих граждан страны. Именно поэтому одним из ключевых событий 2015–2016 гг. в Республике Корея стали приготовления к введению единого учебника истории для южнокорейских школ. Предполагалось, что итоговая версия данного школьного учебника будет содержать официальные трактовки ряда спорных вопросов истории Кореи, включая комплекс проблем, связанных с ролью японской колонизации в общественном развитии Кореи.

Вместе с тем, упомянутые проблемы оказывают свое влияние и на формирование внешнеполитического курса Республики Корея в отношении некоторых государств. В одних случаях это выражено более ярко, например, в ситуации с развитием политического среза двусторонних отношений между РК и Японией в последние годы, в других — не особенно афишируется, не выносятся так активно на политическую повестку дня. («Северо-Восточный Проект») и вопросы истории Когурё, Бохая-Пархэ и т. д.).

Конечно, в силу ряда особенностей исторического развития Кореи, наибольшее влияние проблемы политизации трактовок исторических событий оказывают на политический аспект двусторонних отношений между Сеулом и Токио. Подводя политические итоги президентства РК г-жи Пак Кынхе, в том числе и на японском направлении, следует заметить, что «красной нитью» во внешнеполитической программе Пак Кынхе проходила идея «правильного понимания истории двусторонних отношений», обращенная к японскому руководству. В итоге, «исторические споры», которые существенно осложняли двусторонние отношения между Сеулом и Токио уже на этапе нахождения у власти президента Ли Сынмана (1948–1960), несмотря на стремление последнего максимально избежать всяческих трений на этой почве, получили окончательную «прописку» во внешнеполитической повестке дня именно при Пак Кынхе. Отсюда вызванные, главным образом, имиджевыми причинами (первая женщина-президент) спекуляции на теме «женщин для утешения» (кор. *вианбу*; 위안부), приведшие к выводу этой темы на внешнеполитическую повестку дня, чего доселе не было. И, несмотря на то, что в конце декабря 2015 г. между РК и Японией на уровне министров иностранных дел было заключено соглашение об извинениях Японии и компенсациях *винабу*, проблема «женщин для утешения» получила новое развитие в вопросе о т. н. «статуях мира», представляющих собой скульптурное изображение девушки-*вианбу*, сидящей на стуле (кор. *평화의 소녀상*). Дело в том, что одним из негласных условий японской стороны изначально был демонтаж

подобного рода скульптур, в том числе, установленного напротив здания посольства Японии в Сеуле. Эта тема неоднократно поднималась в течение 2016 г. японской стороной, апофеозом же стала ситуация с аналогичным памятником в Пусане, установленном в годовщину подписания соглашения о вианбу 2015 г., вызвавшая, по меньшей мере, непонимание в Токио.

Представляется, что, несмотря на определенные шаги в деле урегулирования ситуации с «женщинами для утешения», данная проблема будет вновь и вновь будоражить общественное мнение в РК и, как следствие, оказывать влияние на состояние японо-южнокорейских отношений. Кое-что, конечно, в данном случае будет зависеть и от будущего президента РК, которому достанется непростое внутри- и внешнеполитическое наследие его предшественников.

Москаленко Ю. В. (ДВФУ, Владивосток)

Образ «неба» в лирике Чхон Санбёна

Проблема соотношения жизни и смерти постоянно приковывала к себе внимание современного корейского поэта Чхон Санбёна (1930–1993), однако на рубеже 60–70-х гг. XX в. она заняла исключительное место, как в его поэтическом, так и обыденном сознании, рождая сложный комплекс чувств: восторг, горечь, потребность в душевном равновесии перед лицом вечной загадки.

Конец 1960-х гг. стал для Чхон Санбёна периодом глубокого духовного кризиса, никто не мог понять чувства невиновного человека, пережившего тюремные пытки, потерявшего друзей. В 1967 г. агенты Центрального разведывательного управления Кореи стали подозревать поэта в шпионаже, после того как группа молодых корейских интеллектуалов, полная идей юношеского идеализма, тайно посетила северокорейское посольство, и это незаконное действие было раскрыто. Его имя было обнаружено в записной книжке одного из участников инцидента Тонбэнним, после чего в течение шести месяцев Чхон Санбёна подвергали всевозможным духовным и физическим пыткам (пытали водой, подводили электрический ток к гениталиям и т. д.). За неимением прямых доказательств причастия к инциденту, Чхон Санбёна освободили и для него начался мучительный период: его здоровье ухудшилось, у него развилась алиментарная дистрофия, он стал хромать при ходьбе.

После тюремного заточения Чхон Санбён ищет утешение в поэзии. В его стихотворчестве появляется ряд поэтических произведений, связанных с представлениями о жизни после земной смерти, в которых все четче прописывается образ «неба»: стихотворения «Дым» («Ёнги»), «Возвращение на небо» («Квичхон»), «Небо» («Ханыль») и др., в которых четко демонстрируется стремление и воля вернуться в лоно природы. В связи с тем, что в произведениях Чхон Санбёна смерть имеет смысл зарождения, а не вечного,

неизменного уничтожения, можно отметить, что поэту была близка даосская идея, поскольку «древние даоссы стали считать смерть возвращением: человек лишь на мгновение возник из небытия и будет поглощен океаном бездонного хаоса. Поэтому жизнь и смерть — почти одно и то же. Нет никакого смысла радоваться жизни и печалиться о смерти. Все — едино...»

Идея вечного возвращения, которая появляется в стихотворениях данного периода, снимает остроту проблемы смерти для Чхон Санбёна. Мысли лирического героя о смерти позволяют избавиться от заблуждений суетного бытия, та неизменная свобода, о которой грезит герой, и есть сама природа, в которой нет ни эгоизма, ни тревог, ни волнений. В это время «небо» взаимосвязано с заветным желанием поэтического «Я» — вырваться из пессимистичного плена, освободиться от нигилистического мировосприятия, чувства отчуждения, безнадежности и опустошенности, скитаний и уныния.

В поздней лирике поэта Чхон Санбёна, познавшего жизнь в страданиях и жаждущего освобождения от ограничений частного бытия, «небо» — идеальное пространство, где возможно наслаждение вечной жизнью, спокойствием и благополучием. В это время он — неутомимый искатель той духовной радости, которую дает общение с природой. В его поэтическом творчестве образ «неба» — символ свободы от негативной действительности, позволяющий поэтическому «Я» навсегда сбросить оковы земной жизни, освободиться от скованности частного бытия в этой жизни. Образ «Неба», тесно связанный со смертью и представленный главным образом в поэтическом сборнике «Птица» («Сэ», 1971), символизирует райский мир, противостоящий земному миру.

Новожилова Е. А. (БАН, Санкт-Петербург)

О применимости современных лингвистических подходов к изучению синтаксиса корейского языка

Развитию лингвистической науки всегда сопутствовало появление новых подходов к изучению языка. До середины XX века методологическая база изучения языковых структур носила сугубо лингвистический характер, однако постепенно ученые пришли к осознанию необходимости выхода на более широкий междисциплинарный уровень.

На протяжении XX столетия и вплоть до настоящего момента возникло значительное количество лингвистических теорий, в том числе тех, которые выходили за пределы языкознания в его традиционном понимании. К сожалению, большинство из них развивались преимущественно в русле индоевропеистики, что значительно затрудняет использование подобных теоретических построений при исследовании языков, принадлежащих к иным группам.

Последние 70 лет в российском корееведении для описания синтаксиса корейского языка в основном используется дескриптивный подход¹. В свое время он дал огромный толчок для развития лингвистики, в том числе ее корейистического направления. Однако сейчас этот подход уже не может считаться современным.

На данном этапе западные и корейские исследователи рассматривают корейский язык с позиций трансформационно-порождающей грамматики Н. Хомского². Что касается отечественного корееведения, то в нем, увы, существует лишь одна диссертация, написанная в соответствии с данным подходом³. Теория Н. Хомского стала абсолютно новым этапом в развитии лингвистики, однако доказанная современными лингвистами несостоятельность ряда положений хомскианства ставит под сомнение ее применимость в отношении корейского языка.

В последние десятилетия в мировой лингвистике появилось множество новых подходов, причем они, как и в любой другой науке, практически всегда вырастали из критической переоценки старых. Между тем, для того, чтобы избавиться от формализма, требуется подход, не связанный с предшествующими ему. Как нам представляется, на эту роль лучше всего подходят метод, заимствованный из другой науки, в данном случае — логики. Речь идет о методе естественного вывода, ограниченного маркированной алгеброй и дисциплиной метабоксов, которые являются частью натуральной дедукции. Данный металогиический подход, разработанный Довом Гэббэем⁴, уже применялся некоторыми корееведами-лингвистами для объяснения ряда реалий корейского языка.

Целью доклада стало сравнение трех подходов: дескриптивизма, трансформационно-порождающего подхода в чистом виде и натуральной дедукции с точки зрения возможности их использования в отношении корейского языка на примере широко распространенной в корейском конструкции непрямой косвенной речи.

В связи с тем, что метод натуральной дедукции практически не применялся на материале корейского языка, а также имеет весьма узкую специализацию, поскольку, прежде всего, нацелен на формализацию языка для введения его в компьютерные технологии, следует отметить, что его рассмотрение в рамках доклада во многом является экспериментальным.

¹ Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику (перевод Кубряковой Е. С. и Мурат В. П.). М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

² Хомский Н. Синтаксические структуры (перевод Бабицкого К. И.) // Оборина М. А. (ред), журнал Новое в лингвистике вып. II. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

³ Рудницкая Е. Л. Базовые синтаксические структуры корейского языка и его типологическое своеобразие. М., 2014.

⁴ Gabbay, Dov M. Labelled Deductive Systems. Oxford-London: Oxford University Press, 2002.

Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Роман-эпопея Пак Кённи (1926–2008) «Земля»
как источник описания исторических событий в Корее
конца XIX — первой половины XX века¹**

Пак Кённи (1926–2008) считается известнейшим корейским литературным деятелем. Она родилась 28 октября 1926 г. в городе Тхонён в провинции Южная Кёнсан. Свою первую повесть «Расчет» Пак Кённи опубликовала в 1955 г. по рекомендации писателя Ким Тонни. Известность в литературных кругах пришла к ней после публикации нескольких романов, для которых была характерна яркая критика корейского общества и его реалий, такие, как «Дрейфующий остров» (1959), «Дочери аптекаря Кима» (1962), «Рыбный рынок на море» (1964), «Рынок и война» (1965) и т. д. Эти произведения вызвали огромный резонанс в обществе.

С сентября 1969 г. Пак Кённи начала публиковать многотомный роман «Земля» в одном из литературных журналов. С 2003 г. писательница начала писать роман «Бабочка! Полетели в зеленые горы!» в литературном журнале «Современная литература», но, к сожалению, по причине болезни она не смогла завершить роман. Кроме романов перу Пак Кённи принадлежат сборники эссе и поэтические сборники.

Пак Кённи стала лауреатом Литературного журнала *Хёндэ мунхак* («Современная литература») в номинации «Новый писатель», получила награду «Корейские писательницы», литературную премию «Вольтан», премию «Инчхон», художественную премию «Хоам». Писательница получила литературную медаль имени Габриэлы Мистраль от правительства Чили. Пак Кённи скончалась 5 мая 2008 года. После ее смерти правительство Республики Корея вручило автору Орден за заслуги в области культуры «Золотая корона».

Сама писательница пережила все самые значительные события новой и новейшей истории Кореи. Самым известным произведением Пак Кённи является многотомный роман-эпопея «Земля» («*Тхочжи*»), который создавался в течение 26 лет. Это масштабное историческое повествование, состоящее из пяти частей (всего 20 томов), описывает непростые картины жизни корейского народа, начиная от крестьянского восстания *Тонхак* (1894–1895), периода японского колониального господства (1910–1945) и до освобождения Кореи (1945). Исторические события ярко отображены на примере жизни чиновника из рода Чхве — богатого землевладельца села Пхёнсари; здесь описываются все взлеты и падения его семейной жизни. История начинается с 1897 г. и заканчивается

¹Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии Корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

периодом освобождения Кореи в 1945 году. Роман раскрывает множество бытовых особенностей корейской жизни и истории, которые ранее могли быть не столь известны читательской аудитории за рубежом. Таким образом, появление на свет романа «Земля» стало важной вехой в истории корейской литературы.

Первая часть романа (1897–1908) посвящена описанию начала упадка семьи из рода Чхве, рассказывает о захвате имущества дальним родственником Чо Чжунгу. Также в этой части описывается детство Сохи — дочери главы рода Чхве. Она вынуждена уехать в Чжендао (провинция Цзилинь, Китай) с теми жителями деревни, которые ненавидели Чо Чжунгу.

Вторая часть (1911–1917) рассказывает о жизни Сохи и о ее пребывании в Чжендао. Перед возвращением домой она выходит замуж за Кильсана — бывшего слугу семьи Чхве. Читателя знакомят с историей корейского движения за независимость, а также с тяготами и конфликтами, которые переживают корейские беженцы.

В третьей части (1919–1929) Сохи успешно выдворяет Чо Чжунгу с земель ее семьи. В то же самое время повествование посвящено проблемам и сложностям, с которыми столкнулась корейская интеллигенция в период японского колониального господства.

В четвертой части (1930–1939) автор описывает взросление сыновей Сохи: Хвангука и Юнгука и одновременно знакомит читателя с корейской историей, культурой, искусством. Пак Кённи на страницах этой части романа рассуждает о том, как японское господство, которое привело к росту беспорядков в корейском обществе, повлияло на самосознание корейцев.

Пятая часть (1940–1945) основывается на истории жизни тех корейцев, которые стремились к независимости Кореи от Японии. Кульминацией повествования является момент объявления о капитуляции Японии: главная героиня романа Сохи воспринимает капитуляцию как упавший с ее плеч тяжелый груз.

В романе задействовано около 700 персонажей, которые описываются как независимые личности, проживающие каждый свою судьбу. Автор прибегает к открытому построению рассказа, разворачивающемуся в диалогах, не вставляя героев по принципу случайности или неестественного возникновения таковых. Пак Кённи сосредотачивается не на одном определенном характере, а уделяет внимание каждому из встречающихся в произведении персонажей.

Роман «Земля» транслировался в качестве телесериала в трех различных вариантах экранизации, также был снят фильм по мотивам произведения и поставлен исторический мюзикл, роман издавался и в формате комиксов.

Название романа — *Тхочжи* — известно не только в Корее, но и в Германии, Великобритании, Франции, Японии, Китае и др. странах. Примечательно, что перевод на русский язык первого тома романа «Земля» вышел в конце 2016 г., и в настоящий момент идет работа над переводом второго тома.

Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск)

Проблемы реконструкции ритуала *мэхан* (埋香) и его роли в жизни средневекового корейского общества

Среди ритуалов различного типа, сформировавшихся в русле конфуцианской культуры Дальневосточного региона, особняком стоит ритуал *мэхан*, дословно: «хоронить аромат» (кит. *Майсян*; 埋香).

Мэхан (埋香) — ритуал закапывания в землю благовонной древесины или ее воскурения с целью умиловить духов неба или земли был распространен на Корейском полуострове в период с VIII по XV вв.

Согласно классификации, выработанной Э. Дюркгеймом и изложенной в его работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912 г.), *мэхан* можно отнести к положительным религиозным (по типу) и коммеморативным или кризисным ритуалам (по функции). Целью данного ритуала являлось приблизить человека к миру священного и путем воспроизведения прошедшего выразить почтение и преданность Будде.

На месте захоронения древесины обычно устанавливали камень-стелу *мэханби* (кит. *майсянбэй*, 埋香碑) с надписью, содержащей информацию о времени, цели и субъекте совершения ритуала. Надпись также могла быть нанесена на участок скалы или горы, расположенной неподалеку от места проведения ритуала.

На сегодняшний день наиболее древним памятником типа *мэхан*, информация об установке которого подтверждается данными из «Истинных записей правящего дома Чосон» (*Чосон ванчжю силлок*, *Annals of the Joseon Dynasty*, 朝鮮王朝實錄) считается памятник, установленный в уезде Синан на острове Пальгымдо в 1002 г. в период правления государя Мокчона (998–1009).

Анализ исследований, созданных в русле южнокорейской археологической и исторической науки за последние 20 лет, позволяет сделать вывод о том, что ритуал проводился группами адептов буддизма. На церемонии обязательно присутствовал руководитель (даритель, жертвователь), распорядитель ритуала, буддийские монахи, чиновники низших рангов, а также представители простого населения деревни.

Кроме того, с опорой на имеющиеся к настоящему времени данные, представляется возможным определить следующую типологию стел.

А. Географическое расположение памятников: находятся, главным образом, в юго-восточной и южной части Корейского полуострова в уездах близ небольших городов, имеющих выход к морю. Наиболее подходящим местом для установки памятника считалась территория, на которой горная река впадала в более крупный водоем.

Б. Датировка памятников: большинство памятников относится к концу эпохи Корё (918–1392) — началу эпохи Чосон (1392–1897).

С. Внешний вид и форма памятников: памятники представляют собой бесформенные куски горной породы с нанесенными на необработанную поверхность иероглифами.

Южнокорейские исследователи выделяют два типа памятников — отдельно стоящие камни с надписями *писок* (비석) и надписи, выгравированные на скалах *амсок* (암석).

Д. Характеристика текстов, нанесенных на поверхность памятников: тексты, нанесенные на поверхность памятников, содержат информацию о дате установки памятника, именах и регалиях покровителей и дарителей, упоминания о присутствующих при отправлении ритуала.

Наиболее сильные позиции ритуал *мэхан* демонстрирует в эпоху Корё (918–1392), что, вероятнее всего, связано с особым положением буддизма в этот период. В частности, в кризисные моменты правления династии Ван, такие как нашествие лясцев 1010–1011 гг. и 1018–1019 гг., пхеньянские события 1135–1136 гг. и др. ритуал *мэхан* выступал в качестве одного из инструментов поддержания порядка и системы ценностей населения Кореи.

Реконструкция ритуала *мэхан* позволит получить принципиально новые данные по истории развития и функционирования субкультуры буддийских общин в эпоху Корё и Чосон.

СЕКЦИЯ XVIII.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

Arienne M. Dwyer (University of Kansas, USA)

When Turks tell Gesar: Cultural contact and the repurposing of the Gesar epic

The well-known epic of King Gesar is in origin a fifteen-part saga, set in the Amdo and Kham areas of northern Tibet and told from Ladakh to Mongolia. Originally linked with the spread of Tibetan Buddhism, the transmission of the epic has found its way into other, perhaps surprising non-Tibetan oral traditions within the Tibetan cultural sphere. This paper presents samples of oral Gesar narratives told by the Muslim Turkic Salar of Amdo Tibet, as told by Salar speakers to this author. These Gesar versions localize the epic in a specific (not particularly Tibetan) locale, with themes and morals adapted towards the teller's cultural sphere — so that even Allah helps the protagonists in a Gesar tale. The religious and narrative syncretism reflects other cultural accommodations in the region.

Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу об идентификации «золотых» фрагментов монгольского Ганджура из джунгарского монастыря

Самой ранней из дошедших до нас редакций монгольского Ганджура (многотомного сборника текстов, авторство которых приписывается Будде) является рукописное издание, выполненное в 1628–1629 годах, в правление Лигдэн-хана Чахарского.

Среди немногочисленных сохранившихся его списков особое место занимают разрозненные листы и фрагменты листов Ганджура, написанные

золотом на синей бумаге. Считается, что они являются первыми рукописными фрагментами на монгольском языке, попавшими в российские и европейские собрания в первой трети XVIII века из одного из заброшенных джунгарских монастырей. На данный момент вопрос о точном месте их хранения на джунгарской территории остается дискуссионным. Наиболее вероятными источниками их обретения могли быть монастыри Аблай-хит или Дархан-цорджи. Первый был построен на левом берегу реки Иртыш хошутским Аблай-тайджи в середине XVII века и освящен ойратским Зая-пандитой в 1657 году. Монастырь был заброшен после поражения Аблая в сражении с торгутским Аюка-ханом в 1671 году. Второй монастырь, более известный под своим русским названием «Семь палат», был построен на правом берегу Иртыша к 1654 году.

К настоящему времени «золотые» листы из джунгарского монастыря обнаружены в рукописном собрании Института восточных рукописей РАН, библиотеках герцога Августа в саксонском городе Вольфенбюттель, Университета города Касселя, Фонда Франке в городе Галле, в Городской библиотеке города Линчепинг, в Берлинской государственной и Британской библиотеках.

Кодикологический и палеографический анализ «золотых» джунгарских фрагментов позволяют заключить, что они принадлежат к одному и тому же списку монгольского Ганджура. Этот список выказывает удивительное сходство с Золотым Ганджуром, двадцать полных и неполных томов которого хранится в библиотеке Академии общественных наук Внутренней Монголии в городе Хух-Хото. Это позволяет предположить, что обе рукописи были написаны одновременно, в рамках «одного проекта». Судя по совокупности косвенных данных, хух-хотский Золотой Ганджур может являться списком, выполненным непосредственно по окончании работ по переводу и редакции Ганджура при Лигдэн-хане в 1629 году. Таким образом, джунгарские «золотые» фрагменты можно также предположительно датировать 1629 годом.

Идентификация джунгарских «золотых» фрагментов проводилась в два этапа. На первом этапе с помощью оцифрованного тибетского Ганджура устанавливался текст, к которому принадлежит тот или иной фрагмент. На втором этапе проводилось текстологическое сличение текста «золотого» фрагмента с соответствующим ему текстом в полном списке Ганджура, хранящемся в Восточном отделе Научной библиотеки СПбГУ.

Результаты работы позволяют сделать следующие выводы:

1. Джунгарские «золотые» листы содержат фрагменты текстов из разделов *Dandir-a*, *Yum*, *Olangki*, *Erdeni dabqurliq*, *Eldeb sudur* и *Vinai*. Интересно отметить, что до нас дошли фрагменты текстов только из первых томов этих разделов.

2. Реконструированная по «золотым» фрагментам структура списка Ганджура совпадает со структурой редакции Лигдэн-хана.

3. Кроме двух, все «золотые» фрагменты содержат тексты, имеющие минимальные разночтения с текстами петербургского списка.

4. Два «золотых» фрагмента, хранящиеся в Берлинской государственной библиотеке и Городской библиотеке Линчэпинга, содержат текст ранее неизвестного монгольского перевода Бхадракалпика-сутры. Поскольку в остальные списки Ганджура Лигдэн-хана включен перевод Дайцин-тайджи (конец XVI — начало XVII веков), можно сделать вывод о том, что существовало как минимум две версии Ганджура редакции Лигдэн-хана.

Бадмацыренова Н. Б. (БГУ, Улан-Удэ)

Способы перевода фразеологизмов в монгольской хронике XVII века «Алтан тобчи» Лувсанданзана

«Алтан Тобчи» под авторством монаха Лувсанданзана представляет собой крупную историческую хронику и литературный памятник средневековья. По своему содержанию «Алтан Тобчи» является пересказом «Сокровенного сказания», из 282 параграфов которого пересказано 233. Считается, что Лувсанданзан был знаком с текстом «Сокровенного сказания» в фонетической записи китайскими иероглифами, а также имел в своем распоряжении и другие древнемонгольские источники, относящиеся к XII–XIII векам.

Несмотря на то, что «Алтан Тобчи» во многом переключается с «Сокровенным сказанием...», оно отличается как по оригинальности содержания, так и по манере изложения. В качестве первоисточников нами были использованы следующие издания «Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin: Text und Index», опубликованное Хансом-Петером Витце и Генденом Лубсаном в Токио в 1992 году и «Лувсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»)» перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Серия «Памятники письменности Востока». М., 1973 г.

Фразеологический фонд произведения насчитывает 45 фразеологизмов, разных по структуре, семантике и содержанию. Время создания «Алтан Тобчи» — XVII в. — приходится на период утверждения буддизма в виде ламаизма на территории Монголии. Этот факт не мог не отразиться на языке произведения. Многие фразеологические единицы носят религиозно-буддийский характер.

Основной задачей нашей работы является рассмотрение проблем адекватной передачи ФЕ монгольской летописи XVII в. на язык перевода.

подавляющее большинство фразеологических единиц в переводе автора передано посредством нефразеологического перевода. Считается, что его обычно используют только после того, как переводчик убедился, что ни один из методов фразеологического перевода не подходит, поскольку происходит потеря образности, экспрессивности, афористичности и т. п. Как правило, к нему прибегают крайне редко. Однако при работе с древними текстами данный вид перевода является наиболее адекватным.

Первый — это строго лексический перевод. Он используется тогда, когда используемое понятие является фразеологизмом в одном языке и словом в другом.

Tede Yisükei bayatur Tatar-un Tümüjin Qori buq-a terigüten Tatar-I tayuliju (dobtolju) irebesü tede Ögelen üjin köl kündü bölüge¹

«Когда Йисугэй-багатур прибыл после нападения на татар, во главе которых были татарские Томучин и Хорибуга, то Огэлэн-уджин была **беременна**»²

Фразеологизм *köl kündü* досл. «нога тяжелая» имеющий значение «быть в положении» был передан автором перевода единственно стилистически верным в контексте предложения словом.

2. Калькирование. Оно используется в тех случаях, когда мы не можем передать фразеологизм, сохраняя его эмоционально-экспрессивный характер, национальную, культурную специфику, используя другие методы. Этот способ позволяет сохранить образный строй оригинала, что особенно важно в художественном переводе.

...yar yajar-a köl köser-e amurlıyulju Cakravarti qayan metü aldarsibai³

«... умиротворил их, — **руки на землю, ноги на почву**, — и прославился как Чакраварти-хан»⁴

3. Описательный перевод, по сути, означает толкование фразеологизма, ввиду отсутствия полного эквивалента в языке перевода. Он может использовать либо объяснение, либо описание, или даже пословицы и поговорки — любые средства, передающие наиболее лаконично и ярко содержание фразеологизма. В своем переводе Н. П. Шастина часто прибегает к дублированию кальки такими пояснениями, т. е. к двойному или параллельному переводу, наиболее часто употребляемому при переводе текстов культурно-исторической тематики. В тексте перевода «Алтан тобчи» чаще всего этого требуют ФЕ, связанные с ритуальной компонентой жизни монголов.

¹ Altan tobči. Eine mongolische Chronik des XVII Jahrhunderts von Blo bzan bstan jin: Text und Index by Blo-bzañ-bstan-'dzin; Hans Peter Vietze; Gendeng Lubsang. Tokyo: Daiwa Printing Co., Ltd., 1992. 506 p. P. 9.

² Лувсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») перевод с монгольского, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. Серия «Памятники письменности Востока». М., 1973 г. 440 с. С. 65.

³ Altan tobči. P. 9–10.

⁴ Лувсан Данзан. Алтан Тобчи. С. 67.

(1) *Edüge boyoljur ider-e iredkün kemen edür boljaju uriju iregüljü tende bariy-a kemeldebe*¹

«Теперь назначим день и пригласим их прийти, скажем: «Приходите, чтобы **поесть боголдзура**». И тут-то его и захватим»

(2) *Edüge boyoljur ider-e iredkün kemen cimayi uriba*²

«Ныне же пригласил тебя, говоря: «Приходите поесть **боголдзура на сговорном пиру**»

В представленной паре примеров мы видим кальку в первом случае (*boyoljur ide-* досл. поесть боголдзур, т.е. шейный позвонок, «сговорный пир по случаю сватовства»), во втором же примере автор перевода поясняет, что же все-таки обозначает лексема *boyoljur*.

Таким образом, специфика языка письменных памятников накладывает определенный отпечаток на перевод подобных текстов в целом и на перевод ФЕ в частности. ФЕ, будучи колоритным кладезем самобытной культуры эпохи, требуют адекватного перевода, который передает не только образно-эмоциональную структуру оригинала, но и национально опосредованную специфичность смысла. Именно поэтому формальная эквивалентность чаще всего не оправдывается в переводах текстов подобного рода.

Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О тибетских традиционных музыкально-теоретических сочинениях XI–XIX вв.³

Тибетские музыкально-теоретические сочинения XI–XIX вв. — ценные письменные исторические источники, в которых содержится описание элементов традиционной музыкальной культуры Тибета. В них можно найти теоретические обобщения в области музыкальной эстетики и философии, композиции и исполнительской практики, преподавания и обучения, символического значения музыки и ее функциональной специфики. Их появление свидетельствует о том, что тибетская музыкальная культура рассматриваемого периода уже достигла определенного этапа в своем развитии и отличалась

¹ Altan tobči. P. 43.

² Лувсан Данзан. Алтан Тобчи. С. 43.

³ Доклад подготовлен в рамках поддержанного РГНФ (Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ) научного проекта №15–04–00428 «Комментированный перевод и комплексное исследование «Трактата о музыке» Сакья-пандиты Кунга Гьелцэна».

сложной жанровой структурой, устойчивой системой законов построения музыкального материала и правил исполнения, функциональным и содержательным разнообразием музыкальных произведений.

Написанные учеными ламами различных школ тибетского буддизма и последователями религии *бон*, эти сочинения по большей части отразили основные аспекты бытования тибетской религиозной музыки: в трактатах содержались теоретические идеи и философское осмысление музыкального искусства, а также практические указания по исполнению буддийских песнопений, игре на барабанах, кимвалах и других инструментах монастырского ансамбля. В силу того, что основными центрами образования и учености были монастыри, теоретический и практический аспекты светского музыкального искусства Тибета не нашли отражения в рассматриваемых музыкально-теоретических сочинениях и до XX века существовали и передавались из поколения в поколение только благодаря устной традиции.

Поскольку рассматриваемые тибетские сочинения были написаны на основе различных музыкальных традиций, между ними существуют значительные расхождения в области музыкальной терминологии, символического толкования, практических указаний. Кроме того, историческое изменение и постепенное преобразование музыкальной практики и соответствующей терминологической системы привели к увеличению несоответствий между более ранней формой существования определенной музыкальной традиции, зафиксированной в сочинениях, и ее последующим состоянием.

Известные современным исследователям сочинения на тибетском языке, посвященные рассмотрению музыкальной теории, очень малочисленны. Каждый из этих текстов обладает своими уникальными особенностями и характерными чертами, поэтому выработать систему классификации данных сочинений достаточно сложно. Мы предлагаем распределить данные тексты на три группы в соответствии с их жанровой принадлежностью:

- 1) трактаты¹;
- 2) комментарии²;
- 3) разделы энциклопедических трудов.

Тексты последнего из выделенных типов нельзя назвать музыкально-теоретическими сочинениями, так как они представляют собой разделы энциклопедий. Включение их в настоящую классификацию обусловлено тем, что они чрезвычайно информативны в плане теории и истории музыки.

Каждый тибетский текст, посвященный рассмотрению музыкальной теории, требует отдельного изучения. Для того чтобы составить представление о тибетской музыкальной теории во всем ее многообразии, необходимо не только провести анализ тибетских музыкально-теоретических сочинений, перевести

¹ Тиб. *bstan bcos*.

² Тиб. *nam bshad*.

их на другие языки, прокомментировать описанные в них концепции и явления, но и сравнить содержащуюся в них информацию со свидетельствами нотных рукописей соответствующего периода, а также с современной музыкальной практикой соответствующей традиции. В настоящее время теоретическая составляющая тибетской музыкальной культуры еще недостаточно изучена. Многие тексты остаются «молчаливыми свидетелями» истории развития и становления тибетской традиционной музыки. Чтобы сохранить эту часть культурного наследия Тибета, современным исследователям стоит приложить усилия для перевода и изучения тибетских музыкально-теоретических сочинений.

*Гроховский П. Л. (ВФ СПбГУ), Добров А. В. (СПбГУ),
Доброва А. Е. (АИРЕ), Захаров В. П. (СПбГУ),
Михайлова М. О. (Эмоушенспот), Смирнова М. О. (СПбГУ),
Сомс Н. Л. (АИРЕ), Санкт-Петербург*

Средства автоматической обработки текстов на тибетском языке¹

Автоматическая обработка текста (АОТ) на естественных языках (Natural Language Processing) — одно из активно развивающихся направлений современной лингвистики. Языки народов стран Азии и Африки пока представлены в этой области недостаточно, не является исключением и тибетский язык. До сих пор в мировом языкознании не разработаны компьютерные инструменты, обеспечивающие автоматическую обработку текстов на тибетском языке: отсутствуют надежные средства оптического распознавания текстов, сегментации связного текста на словоформы, лемматизации, приписывания словоформам частеречных тегов, построения синтаксических деревьев как для словоформ, так и для предложений, автоматического семантического анализа текста; количество размеченных корпусов тибетских текстов ограничивается единицами, и разметка в существующих корпусах сводится к разбиению на словоформы (часто спорному) и указанию частеречных помет.

Восполнить данный пробел призваны совместные проекты коллектива, состоящего из сотрудников, студентов, аспирантов и выпускников ряда кафедр СПбГУ (в основном — Кафедры монголоведения и тибетологии и Кафедры математической лингвистики). В ходе исследований, продолжающихся уже не один год, с одной стороны, ведется разработка основанных как на правилах, так и на данных статистики средств автоматического анализа морфологических

¹ Исследование выполнено в рамках научно-исследовательских проектов РФФИ № 16–06–00578 А «Морфосинтаксический анализатор текстов на тибетском языке» и РГНФ (Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ) № 16–04–12016 «Программные средства автоматической обработки текста на современном тибетском языке (морфологический уровень)».

единиц языка (морфов и словоформ), рассматриваемых как дискретные единицы, с другой — выполняется моделирование иерархических древовидных структур зависимостей и непосредственных составляющих, образующих синтаксический каркас текста и, в том числе, структур тибетского морфосинтаксиса, что позволило создать морфосинтаксический анализатор тибетских текстов.

Разрабатываемые средства АОТ постоянно верифицируются на материале корпусов текстов, а разметка этих корпусов выполняется автоматически этими же средствами, что позволяет обнаруживать недостатки лингвистического обеспечения непосредственно в процессе его разработки и строить компьютерную модель языка в условиях ее постоянной верификации. Этот подход позволил не только впервые создать компьютерную модель тибетского морфосинтаксиса, подтвержденную корпусными данными, но и выявить и устранить ряд неточностей в самих корпусах текстов и привести их в строгое соответствие с оригиналами.

На данный момент реализован этап, отражающий морфосинтаксические структуры в границах традиционно выделяемых в тибетском языкознании словоформ. Особо следует отметить, что в связи с неоднозначностью различных подходов к членению тибетских текстов на словоформы принято решение выбрать в качестве базовых единиц синтаксического анализа не словоформы, а морфы. Другой принципиальной особенностью избранной методологии является установка на множественность версий синтаксического анализа (в отличие от одновариантных синтаксических парсеров), что с неизбежностью приводит к столкновению с проблемой синтаксической неоднозначности.

В рамках проекта избыточные версии анализа неоднократно устранялись путем полной переработки модели, что позволило выбрать оптимальные решения некоторых нерешенных вопросов формализации тибетской грамматики, однако полноценное решение данной проблемы требует учета не только синтаксических, но и семантических ограничений. Для этого на следующем этапе проекта планируется задействовать разрабатываемую семантическую (онтологическую) подсистему, отражающую тибетскую языковую картину мира, и модель тибетской синтаксической семантики.

Программные средства, разрабатываемые в рамках проектов, размещаются на Корпусном портале СПбГУ *corpora.spbu.ru*.

Жабон Ю. Ж. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

«Бхайшаджья-васту» — медицинская основа буддийской монашеской дисциплины

Виная индийской буддийской школы Муласарвастивада, линии преемственности которой придерживается монашеская традиция тибетского буддизма, является самой крупной из шести сохранившихся коллекций Винаи. Большое

литературное наследие, оставленное данной школой, было переведено с санскрита на тибетский язык в IX веке.

Как известно, раздел Виная из восьми текстов, касающихся монашеского поведения и монастырской жизни, занимает, например, в дергеском Кангьюре тринадцать томов, и расположены эти тексты согласно системе, известной как «Дулва-лунде-ши» — «Четыре класса писаний Винаи». Первым из восьми текстов идет «Винаявасту» или «Основы монашеского поведения» — компендиум из четырех больших томов, состоящих в целом из ста девяти разделов. Текст «Винаявасту» был переведен с санскрита на тибетский язык кашмирскими учеными Сарваджняевой и Дхармакарой, индийским наставником Видьякарапрабхой и тибетским переводчиком Бенде Пелкьи Лхунпо. Позже текст был повторно выверен и отредактирован Видьякарапрабхой и Бенде Пелцеком.

«Винаявасту» в основном состоит из сотен дидактических повествований раннего буддийского монашества, его социальной и культурной жизни, и содержит семнадцать видов наставлений, данных лично Буддой Шакьямуни по основам монашеской дисциплины. Сюда входят одно наставление для принятия монашеских обетов, которые еще не получены, девять наставлений для соблюдения уже полученных обетов, семь наставлений для очищения нарушенных обетов, однако по предмету повествования каждая из этих семнадцати дисциплинарных основ образует отдельную тематическую главу.

Из них шестая глава или «Бхайшаджья-васту» — «Медицинская основа» занимает значительный объем «Винаявасту», где обсуждаются правила, касающиеся пищевых продуктов и лекарственных средств, разрешенных монахам. В частности, сведения о правилах приема лекарств приводятся в самом начале «Бхайшаджья-васту», и вкратце предварены следующим четверостишием:

«Относительно лекарств: разрешенные [лекарства],
 [Прием] жира, лекарство от сыпи, глазных болезней,
 Ментального расстройства, [лекарства для] Пилинды и
 Реваты, кислая похлебка».

Здесь ограничимся лишь рассмотрением того, что подразумевается под «разрешенными [лекарствами]» (*тиб.* rjes su gñang ba, *санскр.* anujñāta).

В повествовании говорится, что, когда Будда находился в саду «Джетавана» Анатхапиндады в Шравасте, то заметил, что из-за осенних заболеваний монахи бледны и ослаблены. Тогда Будда через Ананду разрешил монахам индивидуально принимать четыре вида лекарств: лекарства для приема до полудня, в любое время в течение дня, в течение семи дней и в течение всей жизни.

В число тех лекарств, которые разрешается принимать до полудня (*тиб.* dus su gñang ba, *санскр.* uṣṇa-kālika), согласно «Бхайшаджья-васту», входят такие продукты, как паста или сироп, вареный рис, теплая пища или каша, мясо, жареные лепешки. В тибетской традиции здесь дополнительно называются

ячмень, зерновые культуры, фрукты, йогурт, молоко, пахта и т. д. Все эти продукты считаются базовой пищей для монахов, и их относят к лекарствам, которые устраняют голод.

В группе «однодневных» лекарств (*тиб.* thun tshod du rung ba, *санскр.* yāva-kālika) «Бхайшаджья-васту» представлены восемь видов плодов и фруктов (яблоки, банан, виноград и т. д.). Поскольку монахам запрещается принимать твердую пищу после полудня, им разрешено пить фруктовый сок в любое время в течение дня. Такой сок или напиток должен быть приготовлен из тщательно измельченных фруктов и плодов, без какой-либо мякоти или грубых частичек. Их нельзя хранить более одного дня, иначе это может привести к небольшой ферментации, а забродившие продукты категорически запрещены монахам.

В тибетских текстах к продуктам этой категории, наряду с другими, относят все ингредиенты остальных «трех видов лекарств», но в жидкой консистенции. Например, из лекарств, «разрешенных до полудня», сюда входит жидкая кашлица из *цампы*, из «семидневных лекарств» — жидкая патока, а из «пожизненных лекарств» — сок «трех плодов». Подчеркивается, что все напитки этого периода должны обладать пятью характеристиками, т. е. они должны быть разбавлены водой, процежены, очень жидкие и т. д. И, согласно традиции, продукты этой категории представляют собой основное лекарство, утоляющее жажду.

В состав третьей группы лекарств, «разрешенных для приема в течение семи дней» (*тиб.* zhag bdun pa, *санскр.* saptaka-kālika) входят сливочное масло, кунжутное масло, черная патока, мед и сахар. Эту пищу монахи должны употреблять не более семи дней. К продуктам этой категории тибетцы относят сливочное масло, растительное масло, топленое масло, патоку, жиры пяти животных, в том числе рыбий, свиной и т. д. Эта группа пищевых продуктов считается лекарством, которое преимущественно исцеляет от болезней Ветра, смешанных болезней Ветра, Слизи и Желчи, а также от голода. Но основная эффективность этих продуктов, очевидно, не в их лекарственной ценности в общепринятом смысле, а в их питательных веществах, способствующих поддержанию и укреплению здоровья монахов.

В качестве лекарств четвертой группы, которые следует принимать в течение всей жизни (*тиб.* 'tsho ba'i bar du bcang ba, *санскр.* yāvaj-jīvika), дается перечень из 42 наименований, включающие лекарственные корни, древесину, листья, цветы, плоды, смолы, зольные лекарства, соли и лекарства с вяжущим свойством. Вместе с тем некоторые наименования, как например, азадирахта индийская входит как в состав лекарств из плодов и листьев, так и в состав лекарств с вяжущим свойством. Точно так же и перец длинный, указывающийся в числе как лекарственных плодов, так и смол. И данная группа представляет собой собственно лекарства в обычном понимании. Современные западные лекарства входят в эту же категорию, и, следовательно, их можно принимать в любое время по мере необходимости.

Как известно, Будда не одновременно установил весь этот свод медицинских правил Виная. Так, «Бхайшаджья-васту» изобилует различными легендами и историями, где Будда от случая к случаю — в ответ на конкретные заболевания некоторых монахов, — такие как лихорадка, желудочно-кишечные расстройства, укусы змеи, отравления, глазные заболевания — формулирует правила приема пищи и лекарств, дарует необходимые средства защиты, соответствующие методы благословения лекарств и освящения пищи, налагает определенные запреты и т. д., говорит о том, какая пища может быть принята в качестве милостыни, какое приглашение от мирян должно рассматриваться, как готовить продукты, полученные в качестве милостыни, как следует использовать складское помещение для хранения излишков милостыни, устанавливает некоторые послабления, исключения из правил для больных монахов, предписывает монахам самим лечить, ухаживать за больными собратьями и т. д. Более того, уже где-то с середины III в. до н. э. монахи и монастыри оказывали медицинскую помощь всем желающим мирянам, и буддийская монашеская община стала практически главным проводником в сохранении, развитии и передаче медицинских знаний в Индии. В этом контексте сведения Винаи о правилах приема лекарств представляют собой самую раннюю кодификацию этих знаний.

В заключение следует отметить, что тибетская монашеская община, очевидно, успешно адаптировала индийские продукты и лекарства Виная, но в то же время, исходя из своих географических и суровых климатических условий проживания, заменила некоторые из них на традиционные тибетские продукты питания.

Иванова Е. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Новый взгляд на историю буддизма в России

Петербургский буддолог А. Терентьев опубликовал книгу «Буддизм в России — царской и советской (старые фотографии). Музей Гулага». (Издание А. Терентьева. Санкт-Петербург, 2014. 484 с.). Эта книга занимает особое место среди трудов отечественных ученых, посвященных различным аспектам истории буддизма на российской земле.

Она посвящена «Дост. Жимбе-Жамсо Цыбенову, выжившему в кошмаре сталинских лагерей, и тысячам бурятских, калмыцких и тувинских лам, которые там не выжили». Написание и издание этой книги — это акт покаяния автора за все то зло, которое испытали в период сталинских репрессий буддисты России.

Это серьезное исследование написано на основании полевого материала, собранного автором в 1978–1990 гг. в Бурятии, Туве и Калмыкии. Но главным источником необходимой информации и творческого вдохновения при

написании книги был для А. А. Терентьева Жимба-Жамсо Цыбенов (1904–1995), которого автор называет «последним из плеяды замечательных бурятских учителей, успевших получить основы буддийского образования в двадцатые годы и сохранявших подлинные традиции Дхармы в нашей стране», и считает, что «с его уходом завершилась целая историческая эпоха в истории бурятского, да и российского в целом буддизма» (с. 171).

В книге впервые наряду с письменными документами в качестве исторического источника в беспрецедентном масштабе привлечена информация, содержащаяся в изобразительном материале — в объединенных усилиями автора в единый фонд ранее разбросанных по разным местам 800 фотографий и рисунках, относящихся к теме книги и хронологически завершающихся 1989 годом.

В это собрание вошли фотографии, сделанные самим автором, подаренные ламами, а также переснятые со старых открыток и со снимков из архивов ленинградских буддологов, калмыцких историков, из коллекции хозяина магазина «Старый альбом», с опубликованных другими авторами, а также переснятые в музеях и фото-архивах — в Национальном музее Республики Бурятия в Улан-Удэ, в Забайкальском краевом краеведческом музее имени А. К. Кузнецова в Чите; в Агинском краеведческом музее; в Тувинском краеведческом музее в Кызыле; в ГМИР, РЭМ, РГО, МАЭ РАН, в Центральном государственном архиве кино-фото-документов Санкт-Петербурга.

Многие фотографии, оказавшиеся в распоряжении автора, были впервые по просьбе автора аннотированы Ж.-Ж. Цыбенковым, свидетелем многих событий. запечатленных на фотографиях, знавшим большую часть участвовавших в них лам. Благодаря комментариям этого просвещенного ламы автору удалось «увидеть» собственными глазами общение бурятских буддистов, принадлежащих к школе гелуг, с ламами школ Сакья, Кагью и Ньингма из монастырей соседних стран, установить наличие связей бурятских буддистов с тибетскими и монгольскими просветленными ламами, найти подтверждение устной передачи тибетского буддийского канона (чтение ламами из Лаврана Ганджура в Агинске), а также импорта из Тибета, Китая и Монголии сокровенной литературы и церковной утвари и живых традиций тибетского буддизма.

Все это дало автору право усомниться в правомерности предлагаемой некоторыми бурятскими теоретиками концепции полной самобытности бурятского буддизма и, напротив, сравнивать процесс получения тантры в Бурятии с хождением в древности самих тибетцев за тантрой в Индию.

В свою очередь заснятые моменты проповеди монгольским ламой Ламрима в Агинском дацане перед громадным числом верующих и передачи ученым бурятским ламой цикла Дамчана в Монголии говорят о налаженных связях бурятских и монгольских буддистов. Осмысленные таким образом фрагменты реальной жизни, запечатленные на фотоснимках, позволили ученому глубже проникнуть в историю тибето-монгольского буддизма у народов России.

Москалева Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Тибетский вопрос» на страницах газеты «Зеркало Тибета» (1949–1963)¹

Восстание в Лхасе в марте 1959 г. и последовавшие за этим события в Тибете не только привели к эмиграции части тибетского населения за пределы Китая и учреждению в Индии тибетского правительства в изгнании, но также, что не менее существенно, разделению историков Тибета на два противоборствующих лагеря, которые уже более 50 лет ведут споры о «тибетском вопросе», или проблеме интерпретации исторических фактов, имеющих первостепенное значение для определения легитимного права на управление Тибетским плато. Прокитайски настроенные историки считают эту проблему искусственным изобретением сепаратистски настроенной тибетской диаспоры и враждебных Китаю сил, в то время как для протибетских исследователей «тибетский вопрос» — это возможность привлечь внимание к искаженному, с их точки зрения, толкованию политического статуса Тибета в его историческом развитии.

Если изложить проблему кратко, то, согласно протибетской версии истории Тибета, до заключения Соглашения из 17 пунктов в 1951 г. Тибет представлял собой независимое государство, жившее на буддийских ценностях, а в основе тибетской культуры лежали автохтонные тибетские мифы и символы, вследствие чего она существенно отличалась от китайской. По мнению прокитайских историков, Китай представляет собой многонациональное государство и, хотя 92% населения КНР составляют ханьцы, 55 других национальных меньшинств являются неотъемлемой частью Китая и проживают совместно с хань с давних времен. Ряд китайских исследователей утверждает, что еще начиная с VII века тибетцы попали в культурную орбиту влияния Китая, а со времени установления формального сюзеренитета Китая в XIII веке при династии Юань Тибет находился под управлением центрального китайского правительства.

Вопрос о политическом статусе Тибета и его роли на международной арене непрерывно актуализировался со времени падения династии Цин и особенно активно после масштабного тибетского восстания в Лхасе в 1959 г. На настоящий момент данной проблеме посвящено довольно большое количество научных трудов и публицистических материалов, авторы которых выступают в поддержку как протибетской, так и прокитайской точек зрения. Представляется интересным проанализировать, как вопрос политического статуса Тибета освещался в газете «Зеркало Тибета», которая выходила с 1925 по 1963 гг.

¹При проведении исследования были использованы материалы, полученные с помощью информационной системы, разрабатываемой в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ) № 16–04–12016 «Программные средства автоматической обработки текста на современном тибетском языке (морфологический уровень)». Материалы были также использованы для дальнейшей разработки данной информационной системы.

и, соответственно, являлась непосредственным участником формирования раннего протибетского исторического дискурса.

«Зеркало Тибета» — одно из немногих ранних периодических изданий на тибетском языке и, вероятно, первая газета, начало которой было положено издателем тибетского происхождения. Несмотря на то, что газету издавали за пределами географического Тибета — в Индии в г. Калимпонг, на протяжении более 30 лет «Зеркало Тибета» сохраняло статус единственного относительно регулярного периодического издания на тибетском языке. Более того, расположение редакции газеты в г. Калимпонг, который в первой половине XX в. являлся крупным центром на главном индийско-тибетском торговом пути, а в 1950-е гг. стал транзитным пунктом на пути тибетских эмигрантов из Китая, имело свои преимущества и способствовало получению тибетских новостей из первых уст.

Издатель «Зеркала Тибета» Дордже Тарчин, будучи гражданином Индии и весьма неординарной личностью среди его тибетских современников, придерживался жестких антикоммунистических взглядов, которые, безусловно, находили отражение в материалах «Зеркала Тибета». В своих публикациях Тарчин с большим энтузиазмом развивал тему независимости Тибета и нередко публиковал материалы, посвященные истории Тибета и, в частности, вопросу политического статуса Тибета. Помимо собственных размышлений и текстов официальных договоров, заключенных, например, между Тибетом и Великобританией или Тибетом и Китаем, Тарчин также размещал в «Зеркале Тибета» публикации по истории Тибета других авторов, в частности, британского дипломата Х. Ричардсона или греко-британского писателя Марко Паллиса.

Исследование выполнено на основании подборки газетных материалов о Тибете за 1949–1963 гг. и представляет собой дискурсивный анализ содержания публикаций «Зеркала Тибета» о политическом статусе Тибета.

Музраева Д. Н. (КалМНЦ РАН, Элиста)

Письменное наследие ойратских и калмыцких священнослужителей как источник по истории буддизма в Калмыкии

Изучение письменного наследия ойратских и калмыцких буддийских священнослужителей дает современному ойратоведению и шире — монголоведению ценные сведения о фактах истории распространения буддизма среди ойратов, западных монголов и поволжских калмыков, в особенности в XVIII–XX вв., о персоналиях, книжных центрах.

В изучении этой проблематики мы можем выделить два аспекта исследования. *Первое*, что требует внимания, — это тот круг сочинений, большей частью на тибетском и монгольском языках, которыми располагали первые проповед-

ники и учителя, а в последующем и новообращенные священнослужители из ойратской и калмыцкой среды. *Второе* — это то, что является результатом литературной деятельности ойратских и калмыцких лам позднейшего времени (Д. Сетенов, З. Бурульдинов, Тугмюд-гавджи и др.).

При установлении первого из указанных направлений логичным, на наш взгляд, был бы сбор сведений о буддийских книгах, когда-либо привезенных к ойратам Джунгарии и в калмыцкие степи. Здесь можно назвать дары Далай-ламы V, Далай-ламы XIII, книги, привезенные первыми буддийскими проповедниками (Нейджи-гойн, Зая-пандита Намкай Джамцо), а позже — проповедниками и учителями, прибывавшими в степи из буддийских центров (А. Доржиев), преподававшими в высших конфессиональных школах Цанид Чёёря (Шагджа Джалцан, Хаян-ирбэ, Д. Буянтуев и др.), равно как и новообращенными буддийскими монахами-калмыками, получавшими религиозное образование в Тибете (Шакур-лама, Анджатан-лама, Л. Ш. Тепкин, Б. Боваев), священнослужителями, совершавшими паломничества (Джиджитен, Б. Менкеджуев, П. Джунгруев, Д. Ульянов), посещавшими Тибет и Монголию в составе делегаций (Намха-гелюнг, М. Борманжинов, Д. Сетенов), а также светскими лицами (О. Норзунов и др.). Решение этой части поставленного вопроса требует сбора, аккумуляции и анализа всех имеющихся сведений из различных источников (описаний путешествий, экспедиционных отчетов и отчетов о практиках, путевых и этнографических заметок, воспоминаний, мемуаров и т.п.), в которых есть упоминания о буддийских храмах ойратов и калмыков, о религиозных текстах, использовавшихся в храмовой службе, об индивидуальной практике буддийских священнослужителей, о частной религиозной жизни отдельных представителей этноса и т. д. Немаловажным в этой связи представляется изучение системы монастырского образования в тибетских, монгольских, бурятских и калмыцких конфессиональных буддийских школах.

Ценные сведения представлены в трудах европейских и российских ученых, путешественников, миссионеров (Н. К. Витсен (Витзен), Г. Байер, Г. Ф. Миллер, В. М. Бакунин, И. П. Фальк, И. Георги, Г. А. Цвик, И. Иериг, П. С. Паллас, В. Бергман, Н. Я. Бичурин (Иакинф), Я. И. Шмидт, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, П. И. Небольсин, Н. В. Львовский (о Мефодий), Ф. А. Бюлер, А. А. Бобровников, К. Ф. Голстунский, М. Г. Новолетов, Г. С. Лыткин, Г. Н. Потанин, Х. Каарсберг, И. А. Житецкий, А. М. Позднеев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, П. К. Козлов, Н. Н. Пальмов, В. Л. Котвич, Г. Рамстедт, Н. В. Кюнер, А. Д. Руднев, А. И. Степанов (архимандрит Гурий), А. В. Бурдуков, Э. Хара-Даван, Н. О. Очиров).

Второе направление обозначенной проблемы требует анализа состава буддийских книжных собраний, установления круга сочинений, имеющих отношение к истории буддийского учения у ойратов и калмыков. Среди этих текстов

сочинения на тибетском, ойратском и калмыцком языках, имевших хождение в среде верующих и священнослужителей Калмыкии вплоть до наших дней.

В решении поставленных вопросов могут быть полезными материалы, собранные автором во время экспедиций в Калмыкии, а также в Убсунурском и Кобдоском аймаках Монголии в 2013–2016 гг.

Настоящее исследование имеет большое значение для изучения истории книжности, письменной культуры и шире — духовной культуры ойратов, калмыков и других народов Центральной Азии.

Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Буддийская тематика в монгольских романах XXI века

Буддизм в его ламаистской форме начал активно распространяться в Монголии с конца XVI века. Зародившись в Индии в VI в. до н. э., буддизм в VII в. н. э. пришел в Тибет и вскоре получил там широкое внедрение. Из Тибета ламаизм проник в Монголию еще в XIII в. Хубилай-хан (1215–1294) усиленно покровительствовал буддизму в Тибете и, объявив его государственной религией, пытался создать ему условия для распространения в Монгольской империи. Однако тогда ламаизм не затронул умы простых кочевников, их верой вплоть до XVI века оставалось тенгрианство.

«В соответствии с основными догматами буддизма ламаизм учит, что жизнь есть страдание, что она состоит из смены одной формы существования живых существ другой, что в этой смене форм есть преемственность. Поэтому человек в его настоящей жизни несет ответственность (карму) за образ жизни в своих предыдущих перерождениях».¹

Сначала ламаизм был принят в качестве официальной идеологии степной аристократией, а затем всем народом. «Буддизм, в той форме, в какой он существует в Тибете и Монголии, до сих пор остается живой верой многих миллионов людей, до сих пор чарует ум и сердце человека Центральной Азии, выдвигает разных выдающихся деятелей. Он не сказал еще своего последнего слова. Изучение этой формы буддизма чрезвычайно важно для познания души и жизни Центральной Азии», — писал в 1919 г. академик Б. Я. Владимирцов².

В XX веке ламаистская церковь в Монголии подверглась жестоким гонениям со стороны властей и лишь в 90-х годах начала свое возрождение.

Влияние буддизма на развитие литературы в Монголии огромно. Академик Б. Цэрэнсодном в своей монографии «Буддийская литература в Монголии»³ дал комплексный анализ буддийской поэзии и прозы с XIII до начала XX века.

¹ История Монгольской Народной Республики. М., 1983. С. 188

² Владимирцов Б. Я. Буддизм в Тибете и Монголии. Буддийский взгляд на мир. СПб., 1994. С. 450.

³ Цэрэнсодном Б. Монголын бурхан шашны уран зохиол. УБ., 1997–2007.

Гонения на церковь и лам, запрет на сочинение, распространение и чтение буддийских текстов, господство метода социалистического реализма в художественной литературе привели к тому, что в XX века было создано очень небольшое количество произведений на религиозные темы. Среди них новеллы Б. Ринчена «Рука богини», «Летатель Буниа», «Кончина богдо»¹, историко-биографический роман «Дзанабазар» («Занабазар»)² С. Эрдэнэ, «Храм без крыши» («Оройгүй сүм»)³ Л. Тудэва, сборник стихов поэта О. Дашбалбара «Очи Будды» («Бурхны мэлмий»)⁴.

С началом возрождения ламаизма в Монголии в конце XX века интерес писателей и читателей к религиозной тематике возрастает. В современной художественной литературе появляются образы лам и просветителей, в модернистских рассказах действуют персонажи буддийского пантеона, в постмодернистских романах в качестве симулякра используются религиозные сочинения прошлых веков. Буддийские мотивы находят свое отражение в романной прозе начала XXI века.

Роман Г. Мэнд-Ооёо (род. 1952) «Светлейший» («Гэгээнтэн»)⁵ можно назвать первым прозаическим произведением, где нашел художественное воплощение образ великого гобийского Ноён-хутухты, поэта и просветителя XIX века Д. Равжи (1803–1856). Написан этот роман в жанре *намтар* — биографии, который был очень распространен в монгольской средневековой литературе. За свое литературное творчество, в том числе создание «Светлейшего» Г. Мэнд-Ооёо в 2015 году был удостоен высшей государственной награды Монголии ордена Чингис хана.

В 2012 г. выходит в свет роман одного из самых интеллектуальных современных авторов Г. Аюурзаны (род. 1970) «Шүгдэн»⁶. Действие его разворачивается в нескольких провинциях современного Китая и районах Автономного района КНР Внутренняя Монголия. Время действия — наши дни. На этот раз Г. Аюурзана выбирает для своего романа жанр детектива.

Авантюрно-приключенческий роман Б. Батрэгзэдмы (род. 1972) «Властелин ваджры» («Очирын эрхшээгч»)⁷ в основе своей сюжетной линии имеет буддийскую концепцию перерождений. В столице Великобритании Лондоне в наши дни встречаются англичанин и монгольский лама, которые в прошлой жизни были учеником и учителем в Монголии. На страницах своего романа

¹ Ринчен Б. Принцесса и другие новеллы. Перевод с монгольского Бурдуковой Т. А. и Ярославцева Г. И. М., 1972.

² Эрдэнэ С. Занабазар. УБ., 1989.

³ Тудэв Л. Оройгүй сүм. УБ., 1998.

⁴ Дашбалбар О. Бурхны мэлмий. УБ., 1991.

⁵ Мэнд-Ооёо Г. Гэгээнтэн. УБ., 2012.

⁶ Аюурзана Г. Шүгдэн. УБ., 2012.

⁷ Батрэгзэдмаа Б. Очир эрхшээгч. УБ., 2015

Б. Батрэгзэда не только наглядно и доходчиво представляет одну из буддийских концепций, но и рисует мир современного Запада глазами Востока.

На примере трех романов «Светлейший», «Шугдэн» и «Властелин ваджры» мы можем проследить развитие буддийской тематики в новейшей прозе Монголии.

Попов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Термин «аёу» в монгольских официальных документах XIX в.

Среди инноваций, принесенных в Монголию административным и политическим влиянием Империи Цин (1644–1911), одно из главных мест принадлежит фискальной системе. Роль ее центрального звена играли военно-административные учреждения (пограничные караулы, почтовые станции, государственные пашни и стада казенного скота), служившие для поддержания жизнеспособности военной организации монгольских кочевых объединений и для их закрепления в сфере имперской власти.

Согласно порядку, введенному цинской администрацией в Северной Монголии начиная с середины XVIII в., обязанности по кадровому и материальному обеспечению государственных служб были возложены на самое многочисленное сословие податного населения, именовавшееся «сомонные люди» (монг.: *suman-и agad*). Это сословие делилось на сомоны, созданные по образцу и подобию нюру (подразделений маньчжурских Восьмизнаменных войск) и сведенные в хошуны или знамена. С 1773 г. распределение казенных повинностей между халхаскими аймаками и хошунами производилось соответственно численности сомонного населения в каждом из них. При этом имперские власти, исходя из потребностей размещенных в Северной Монголии военно-административных учреждений, составляли разнарядку численности податных, которых следовало отрядить для несения государственных служб. Подобная разнарядка в качестве обязательной к неукоснительному исполнению директивы доводилась до сведения сеймовых старшин, возглавлявших администрацию четырех северомонгольских аймаков.

Служебная переписка между различными подразделениями цинского госаппарата, действовавшими в Северной Монголии в XIX в., содержит многочисленные сведения о различных ухищрениях, к которым чиновники аймачных и хошунных канцелярий прибегали, чтобы свести к минимуму участие подведомственного им сомонного населения в несении государственных служб. Одни из более или менее легальных способов, способствовавших достижению таких целей, состоял в том, что в состав контингентов податного населения, направляемого для несения повинностей, включались нанятые за

плату люди, заменявшие реестровых податных, которых по букве закона следовало набрать среди сомонных монголов. Особенно широкое распространение такого рода практика получила в фискальных учреждениях, отвечавших за обработку государственных пашен и за пастьбу казенного скота. Подобные вольности в действиях местной монгольской администрации объяснялась тем, что имперские власти пристально следили за поддержанием стопроцентной комплектности контингента податных, привлеченных к исполнению государственной службы. Контролю же за строгим соблюдением правил их отбора центральные и региональные правительственные инстанции уделяли значительно меньшее внимание.

Для обозначения платы исполнителям, принявшим на себя обязанности по несению государственных служб, в монгольской официальной документации XIX в. применялся термин «ацоу». В цинском законодательстве отсутствовали четкие правила регулирования стоимости услуг работников, нанятых аймаками и хошунами для исполнения повинностей взамен реестровых податных. Вместе с тем из монгольских источников явствует, что определенные механизмы образования цен на такого рода услуги все же существовали. Цены в данном случае были ниже, чем уровень затрат, которые нанимавшей на стороне рабочую силу аймачной или хошунной канцелярии пришлось бы понести в случае, если государственную службу исполняли подведомственные ей податные, а не привлеченные возможностью заработка чужаки. Что касается последних, то в их качестве по большей части выступали те же податные монголы, которые, отбыв казенные повинности, по тем или иным причинам (в основном по бедности и отсутствию скота для ведения собственного хозяйства) не вернулись в родные края и «обретались без дела» в окрестностях казенных пастбищ или пашен. Большой частью это были бедняки, которые могли стать лишь обузой для своих хошунов. В источниках и литературе содержится немало подтверждений тому, что довольно многочисленные контингенты такого маргинального населения сформировались вокруг фискальных учреждений цинского госаппарата во второй половине XVIII в. вскоре после их основания.

Селюнина Д. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

«Великий улус» в монгольских источниках XVII века

Политическая культура любого народа представляет собой сложный комплекс идей, институтов и традиций, которые проникают во все сферы жизни социума. Памятники литературы и письменности изучаемого этноса, в том числе и памятники исторической литературы, содержат в себе многочисленные примеры, на основе которых становится возможна реконструкция некоторых элементов политической культуры.

Часть этих элементов представляет собой устойчивые понятия, которые мы условно обозначили словом «термины» или «концепты». Операции с такими понятиями во многом составляют основу духовной культуры изучаемого общества¹. Анализ контекста употребления данных терминов и попытка конкретизировать их значение, а также сравнение употребления этих терминов в текстах разных эпох, могут способствовать дальнейшему изучению и пониманию представлений об окружающей действительности и событиях прошлого представителей определенного этноса. Источниками, на которых основывается представленный доклад, являются два памятника монгольской историографии XVII в.: летописи «Шара туджи» и жизнеописании Алтан-хана и его потомков под названием «Эрдэни тунумал нэрэту судур».

Одним из определяющих элементов системы представлений о власти того или иного народа является идея о той общности людей, на которую распространяется эта власть. В монгольских источниках эта общность, как правило, обозначается термином *ulus*, который на русский язык переводится как «народ» или «государство»². В значительной степени этот термин встречается в исследуемых текстах в словосочетании *yeke ulus* (Великий улус), анализу которого будет посвящен доклад.

Анализируемые источники относятся к разным жанрам и были написаны в разных регионах монгольской степи. Это отражается и в использовании понятия *yeke ulus*. Летопись «Шара туджи» построена по генеалогическому принципу на основе родословной потомков Чингис-хана. Большая ее часть посвящена деятельности этого выдающегося правителя, потомки которого, с точки зрения составителя хроники, имеют исключительное право на управление монгольскими племенами. В этом источнике *yeke ulus* означает политическое объединение, созданное завоеваниями Чингис-хана, который придает ему структурированную и иерархическую форму. Термин *yeke ulus* употребляется в этом источнике только в значении всех монгольских племен, подчиненных Великому хану.

«Эрдэни тунумал» представляет собой описание жизни и деятельности Алтан-хана и его потомков, написанное в стихотворной форме и подвергнутое сильному влиянию буддийской литературной традиции. Оно является в некотором смысле апологией власти Алтан-хана, вышедшей за пределы унаследованных им территорий. Концепт *yeke ulus* в данном тексте используется в нескольких значениях. Одно из них совпадает с вышеописанным и обозначает все монгольские племена, подвластные Великому хану. Помимо этого, *yeke ulus* используется для обозначения какой-либо части кочевых племен — пра-

¹ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 6 с.

² Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь, составленный Осипом Ковалевским. Казань. Т. I. 1844. 402 с.

вого и левого крыла («два великих улуса», монг. *qoyar yeke ulus*) или племени тумэтов, управление которыми наследовал Алтан-хан («двенадцать великих тумэтских улусов», монг. *arban qoyar tumed yeke ulus*).

Таким образом, концепт *yeke ulus*, как и другие средневековые понятия, имеет свойство полисемантическойности. Различия между использованием этого концепта в указанных источниках отражают различия в характере политической культуры внутри регионов — Северной и Южной Монголии. Первая сохраняла традиции передачи власти по примогенитурному принципу в старшем роду потомков Чингис-хана. В то же время, усилившийся в этот период тумэтский лидер Алтан-хан пытался найти новые пути легитимации своей власти, что делало политическую обстановку и культуру этого региона более гибкой и восприимчивой к новым идеям.

Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Титулатура элиты властно-управленческой структуры Монголии XIX в. (иерархия статусов)

Для реконструкции представлений монголов о власти в XIX вв. необходим сравнительно-семантический анализ значений, выявленных для XIX вв. концептов: изменение их значений, отмечаемых прежде, появление новых политических идей и социальных практик, выразивших и воплощавших власть, связанных с влиянием буддизма, а также политическими обстоятельствами — включением монгольских территорий в состав Цинской империи. Это позволит показать эволюцию политической культуры монголов. К числу важных маркеров властных отношений можно причислить и обозначения статусов лиц, осуществлявших властно-управленческие функции. До сих пор остается недостаточно разработанной терминология лидерства различных социальных групп элиты монгольской властно-управленческой структуры: определение статуса и производные от статуса права и обязанности социальных групп, обозначаемых различными титулами. Это касается и попыток реконструкции модели иерархии социальных статусов правящей элиты монгольского общества: выявление того, насколько лидерство той или иной группы, обозначаемой определенным титулом, было институционализировано.

Эту социальную страту — элиту — объединяет совместная деятельность в социально-политической сфере по стабилизации жизни общества, с одной стороны. С другой стороны, права и обязанности отдельных социальных групп дифференцированы, что закрепляется фиксацией за каждой из них статусных символов, важнейшим из которых становится титул. Закрепление титулов способствует адекватному выполнению представителями групп своих функций и, соответственно, достижению требуемого консенсуса в их совместной

деятельности. В этом контексте большой интерес представляет собой ответ на вопрос, можно ли с уверенностью говорить о том, что в монгольской традиционной политической культуре лица, рассматриваемые сообществом как обладающие наивысшей компетенцией в социально-политической сфере и обозначаемые определенными титулами, обладают и соответствующими паттернами поведения? Анализ статуса и функций лиц, обозначенных подобными титулами, представляет большой интерес для системного исследования властных отношений в монгольском обществе.

Сложность понимания исторического контекста заключается в том, что зачастую исследователи при переводе, который, безусловно, представляет собой и интерпретацию, монгольских текстов разных периодов используют практически современные значения терминов социальной структуры и политической организации, оформившиеся в результате их эволюции, что затрудняет реконструкцию реального уровня развития монгольской общности в конкретные исторические периоды. Первоначальное значение монгольских терминов, выражающих разные аспекты властных полномочий, выраженных в обозначении социальных статусов, заметно отличаются от тех, что приносятся современными исследователями в переводы на европейские языки. Задачей данного исследования является определение основных групп, осуществлявших властно-управленческие функции (аристократии и чиновничества), выявление иерархии их статусов, проведение сравнительно-исторического анализа титулатуры с целью выявления изменения значений терминов, если таковые происходили.

Туранская А. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Фрагменты Аватамсака-сутры из сериндийской коллекции ИВР РАН

Аватамсака-сутра (санскр. Avatamsaka sūtra, кит. trad. 華嚴經) — большое собрание сутр, созданных в Индии в первые века н. э. и оказавшее существенное влияние на развитие буддизма в Центральной Азии. Согласно дошедшим до нас китайским переводам, это собрание сутр существует в трех редакциях, крайне различающихся по объему. Первый перевод собрания был осуществлен известным переводчиком буддийских сочинений Буддхабхадрой (кит. 佛馱跋陀羅, V в.) в 418–420 гг. и состоял из 60 цзюаней. Второй перевод из восьмидесяти цзюаней сделал Шикшананда (кит. 實叉難陀, VII в.) в 659–699 гг. Третий перевод принадлежит танскому переводчику Праджне (кит. 般若, VIII в.) и состоит из 40 цзюаней. Позднее вторая и третья китайские редакции Аватамсака-сутры были переведены на уйгурский язык.

В ходе инвентаризации коллекции Н. Н. Кроткова сериндийского фонда Отдела рукописей и документов ИВР РАН было обнаружено несколько фраг-

ментов уйгурского перевода Аватамсака-сутры. В ходе текстологического исследования удалось установить, что текст, содержащийся на рукописных фрагментах, является переводом Аватамсака-сутры из 40 цзюаней.

*Энхбат Мунхцэцэг (Институт языка и литературы АН Монголии,
Улан-Батор)*

Преимственность в составлении словарей, «созданных по высочайшему повелению» (XVIII–XIX вв.)

С момента начала правления маньчжурской династии Цин в Китае (1644) маньчжурский стал государственным языком империи, что вызвало необходимость составления многочисленных словарей для упорядочивания терминологии в бумагах и обучения многонациональных подданных.

Среди словарей, изданных в указанный период, особое место занимают словари, в названии которых указывается, что они были созданы по указу императора. В течение ста лет, точнее с середины периода правления императора Канси до конца правления императора Цяньлуна, «словари, изданные по высочайшему повелению», публиковались «серийно», с постепенным добавлением языков: первым был толковый одноязычный маньчжурский словарь, а последним — переводной пятиязычный. Всего таких словарей было семь.

Словари «созданные по высочайшему повелению», над составлением которых трудились специально созданные группы переводчиков, имевших высокий уровень лингвистических знаний. Они жили в разное время и работали над составлением новых словарей, опираясь на уже созданные. В первую очередь, добавлялись новые языки, но также добавлялись новые разделы и пересматривалась лексика. Поэтому эти словари были востребованы не только в период их создания, но и позже для составления современных переводных и толковых маньчжурских и монгольских словарей. Они до сих пор являются ценными источниками и справочниками для современных исследователей.

Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

О выражении *debisker-e bayulyabai* в монгольских колофонах

В ряде колофонов ксилографического издания канонического собрания буддийских текстов Ганджур на монгольском языке, выполненного в Пекине в 1720 г., встречается выражение *debisker-e bayulyabai* (варианты — *debisker-tür bayulyabai*, *debisker-tür orosiγulbai*). Это монгольское словосочетание служит

для передачи тибетского выражения *gtan la phab* — клише, используемого в колофонах переведенных с санскрита сочинений для обозначения завершения процесса работы переводчика или редактора с текстом. Существуют разные версии интерпретации этого тибетского выражения, например: «утвердил(и) [окончательный вариант перевода]», «завершил(и) [перевод]», «отредактировал(и)». Как правило, в монгольских переводах тибетских колофонов выражению *gtan la phab* соответствуют другие устойчивые сочетания, такие как *mayad bayulyabai*, *batuda bayulyabai*, *nutalan bayulyabai*. Эти три варианта перевода буквально передают тибетские слова в словосочетании: монгольские *mayad* («точно, наверняка»), *batuda* («накрепко») и *nutalan* («накрепко, навсегда») соответствуют тибетскому *gtan* («полностью, окончательно, навсегда»), в то время как глагол *bayulyabai* (форма прошедшего времени от *bayulyaqu* — букв. «опускать») соответствует тибетскому *phab* (форма прошедшего времени от *'bebs* — букв. «опускать»).

Монгольский вариант *debisker-e bayulyabai* стоит особняком: в нем употреблено слово *debisker* («подстилка, подушка, сиденье») в форме дательного падежа, и буквально словосочетание можно перевести как «поставил(и) на подстилку». То же самое значение словосочетание приобретает и в варианте *debisker-tür orosiyulbai*, где использован глагол *orosiyulqu* (букв. «помещать») — традиционная для монгольских колофонов калька с тибетского глагола *bzhugs*, который буквально означает «находиться, пребывать», но в контексте колофонов может быть интерпретирован как «записывать», или «помещаться [в книге]».

Допустимо рассуждать о возможных интерпретациях слов в составе монгольского выражения: например, глаголы *bayulyaqu* и *orosiyulqu* приобрели значение «записывать» (это произошло, вероятно, именно благодаря их употреблению в переводах тибетских колофонов). Однако это необычное монгольское словосочетание вероятнее всего объясняется простой ошибкой, произошедшей из-за сходства тибетских слов *gtan* («полностью, окончательно») и *gdan* («подстилка, подушка, сиденье»). Тибетские графемы ཅ (ta) и ཅ (da) имеют сходное написание, что нередко делает их практически неотличимыми в рукописных и ксилографических текстах.

Сам по себе факт путаницы в переводе не представляет большого интереса, однако использование выражения *debisker-e bayulyabai* отражает определенную тенденцию в методе и практике монгольских переводчиков XVII–XVIII вв. — движение в сторону буквального перевода. Так, например, в колофонах рукописного издания Ганджура на монгольском языке (на материале 113-томной рукописи, хранящейся в библиотеке Восточного факультета СПбГУ) это словосочетание не встречается ни разу, а в ксилографическом Ганджуре — 9 раз. Кроме того, имеет место факт редакторской правки: колофон Стхирадхьяшяпариварта-сутры (монг. *ülemji čing sedkil-ün büliig*) в мон-

гольском переводе Ананда-гуши Вчир-мерген убаши в составе рукописного Ганджура содержит термин *orosiṅyulbai* (см. З. К. Касьяненко «Каталог Петербургского рукописного "Ганджура"», Москва, 1993, № 743), который в печатном издании 1720 года был заменен на *debisker-tür orosiṅyulbai* (см.: *Ligeti L. Catalogue du Kanjur Mongol Imprimé. Budapest, 1942–1944. № 981*). Вероятно, редактор начала XVIII в. счел, что выражение *debisker-tür orosiṅyulbai* более точно передает тибетское *gtan la phab*, имея в виду буквальное соответствие словоформ, но упустив из виду смысловую несообразность. Этот и другие примеры дают основания полагать, что именно методологическая тенденция буквально и пословно передавать тибетский текст позволила переводческой ошибке закрепиться в лексиконе. При этом факт использования в том же издании других, более точных вариантов перевода рассматриваемого выражения (*mayad bayulyabai*, *batuda bayulyabai* и пр.) указывает на отсутствие единообразия в работе редакционной коллегии 1720 г.

Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Списки поэтических выражений в тибетско-монгольских лексикографических источниках

Поэтические выражения (их также называют эпитетами, синонимами) служат для именованья персонажа, предмета или явления (референта) в тексте с помощью особого имени, содержащего отсылку к его каким-то примечательным характеристикам. Употребление такого приема восходит к санскритской литературной традиции и широко использовалось еще в эпической литературе. На санскрите создавались специальные словари (самый знаменитый — словарь «Амаракоша» Амарасимхи (далее — АК), составленный не позже VIII в.), в которых в стихотворной форме представлены списки поэтических выражений для самых разных референтов.

Традиция была заимствована тибетской литературой: существует несколько переводов АК на тибетский; следуя образцу АК, были написаны собственные словари, из которых самым известным и объемным является «Украшение ушей мудрецов» (*Mkhas pa'i rna rgyan*) (далее — УУМ) Нгаван Жигдена, XVI в. Структура словаря повторяет порядок расположения референтов и их набор в АК, однако его существенным отличием является большее количества буддийских персонажей (в АК были только будда и Будда Шакьямуни). Были добавлены Калачакра, Майтрея, Маньджушри, Авалокитешвара, а также бодхисаттва, пратьека-будда, шравака и некоторые тантристские персонажи: Самвара, Херука и др.

В Монголию эта традиция пришла из Тибета. Активная деятельность по переводу буддийской литературы на монгольский сопровождалась

составлением тибетско-монгольских словарей. Отдельные поэтические выражения в разном количестве включались в состав алфавитных словарей, но в них они не могли быть представлены списком. В то же время такие списки присутствуют в словарях, построенных по тематическому принципу или состоящих из разных разделов.

Словарь «Источник мудрецов» (тиб. *Mkhas-pa'i 'byung gnas*, монг. *Merged yarqu-yin oron*), второго джанджа-хутухты Ролби Дордже, 1742 г., состоит из 11 глав, каждая из которых посвящена определенной области знания. Глава, в которой присутствуют списки поэтических выражений, девятая (глава *Ta*), содержит перечень слов по прикладным наукам (тиб. *Bzo rig*, монг. *Uralyaqui uqayun*). Значительную часть в ней занимают космология, астрономия, астрология и календарная система, изложенные в соответствии с Калачакра-тантрой. Поэтические выражения приводятся для очень ограниченного числа слов-референтов, хотя для многих из них они существуют. Кроме собственно Калачакры, довольно обширные списки есть у референтов, обозначающих временные периоды (год, месяц, день, ночь), а также у каждого из годов 60-летнего цикла, небесные тела (Солнце, Луна, планеты, в число которых включены Раху и Кету), а также некоторые числительные (от 1 до 16, 18, 24, 25, 32).

Словарь «Тогбар Лаба» (тиб. *Rtogs par sla ba*, монг. *Kilbar-iyar surqu*) гуна Гомбоджаба, 1737 г., состоит из нескольких разделов, один из которых — список поэтических выражений для различных референтов, общее количество которых — 104. В конце списка сказано, что приведен только краткий список, а тот, кто интересуется более подробным, может обратиться к словарю АК. Тематика представленных референтов очень широка: буддийские и индуистские божества, явления природы, животные, драгоценности, числительные. В целом это очень небольшая подборка референтов из словарей АК и УУМ с минимальным списком выражений.

Рукописный словарь «Поток нектара» (тиб. *Bdud rtsi'i tshu rgyun*, монг. *Rasiyan-ugusyal*) Сумати Гармы, 1743 г., имеет маленький раздел, в котором есть списки выражений для 14 референтов, выбранных из самого начала словаря УУМ. В основном это будда и другие буддийские божества, но также и индуистские: Брахма, Вишну и Сарасвати.

Таких словарей немного, они разные по содержанию, набор референтов и списки поэтических выражений в них отличаются и по номенклатуре, и по количеству. Различия между списками связано с целями, которые преследовали авторы, приводя их в составе своих словарей.

СЕКЦИЯ XIX.

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ: «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ»

AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

Herman Bell (University of Exeter, UK)

The Intangible Heritage of the Nubian Nile with a Tribute to the Late Dr. Abdelhalim Sabbar (MBChB)

When the Soviet Union provided finance and technical aid for the High Dam near Aswan, a young man in Nubia wrote a letter of protest to Chairman Nikita Khrushchev. The Nubian homeland was about to be flooded. The protest received a reply typed in red letters from the Kremlin. The young man was offered a scholarship to continue his studies in the Soviet Union. He is Dr. Eltijani Mursi, who is now Financial Secretary of the Sudanese Nubian Association — UK¹.

Egyptian and Sudanese Nubia were destined to be flooded. In 1960 UNESCO issued an appeal to save the ancient monuments. The response was positive. The great temples of Abu Simbel were moved to a nearby hill above the area to be flooded. Many other features of the tangible heritage were saved.

However, the intangible heritage of Nubia has suffered severely. Residents were resettled far away from their ancestral homes by the river Nile. Links with religious sites, familiar toponymy and the historic environment were broken. Nubian songs, poems and oral traditions were usually expressed in the Nubian languages. Not taught in the state-sponsored educational system, the Nubian languages were not only threatened, but seriously endangered.

In order to face this serious challenge a particular type of scholar is ideal. He/she is not only the brilliant scholar who has mastered the techniques of research in Western universities. He/she should also be a living encyclopaedia of the local languages and their culture.

¹ The Sudanese Nubian Association — UK: OpenCharities (opencharities.org/charities/1115984).

On the 1st of May 2017 the world lost such a scholar. It was Dr. Abdelhalim Sabbar who died in Lowton near Manchester of a heart attack with complications from diabetes.

Possibly no one else had such a breadth of knowledge of the Nobiin Nubian language and culture. This was enriched by an understanding of the mediaeval Nubian language and a precise knowledge of the traditional environment of the river Nile. A qualified medical doctor, he produced thought-provoking articles for the United Nations Group of Experts on Geographical Names (Workshop on Exonyms)¹. He was devoted to teaching the Nubian language and to its revitalization.

Those of us who knew him well should have done much more to support him as a team to achieve his ambitious goals. In the words of Cicero,

*'Nos, Nos, Dico Aperte, Consules Desumus.'*²

The present study will present the case for traditional scholars with insights into their own intangible culture. They should be fully supported in conducting major field research, in analysing results and in implementing plans of action. This is particularly important when the goal is not simply documentation, but the revitalization of a language.

Mathew Buyu (US International University — Africa, Nairobi, Kenya)

Liberator or Chronicler? A Re-Examination of the Role of Poets in Pre- and Postcolonial Africa

This presentation seeks to examine a dimension of Sub-Saharan African poetry that has not received sufficient critical attention the African poet as a liberator.

First the paper recognizes the need to widen the scope of definition to include poetry that traverses tremendous cultural and historical span. The popular assumption long held by Europe, that Africans did not have a literary culture prior to the advent of colonialism is a fallacy that thrives on ignorance. It is both the unwitting ignorance of not knowing and the self-induced ignorance of ignoring. Africa had a vibrant tradition of creativity but imperial design was intolerant of contending authorities and aesthetics that might upstage western civilization. It was univocal, blind and deaf. An eminent scholar of African traditional poetry, Isidore Okpewho, has amassed an impressive, though by no means exhaustive, collection of precolonial folkloric poetry from sub-Saharan Africa. This paper offer a definition of the concept 'liberation', and will examine the role of various

¹ Halim Sabbar. Numbers as geographical names in Nubia: Endonyms or exonyms? // Paul Woodman (ed.). *The Great Toponymic Divide. Reflections on the definitions and usage of endonyms and exonyms.* Warsaw/Warszawa: Head Office of Geodesy and Cartography, 2012. P. 105–110. (https://knsng.gugik.gov.pl/pliki/the_great_toponymic_divide.pdf).

² 'We, I say it openly, we the consuls have been deficient.' *Oratio in L. Catilinam Prima.*

categories of traditional poetry with a view to determine the extent to which the poet played a liberating role. These categories comprise Court poets, Ritual Poets and Freelance Poets.

The second interest focuses on the emergence of a new generation of African poets during the colonial and postcolonial era. They comprise three classificatory categories; The colonial home grown poets, the diaspora poets in Europe and Postcolonial poets residing in Africa.

This paper views these categories as representatives of varying degrees of radicalism, but notes a striking disjunction between their reputation and their achievements in mobilizing the people of Africa in the liberation struggles.

In reading pre- and postcolonial poetry from sub-Saharan Africa, critics have tended to assert that the 'progressive' poets wrote from a point of view of the oppressed and that their revolutionary, often Socialist, consciousness informs their view of the oppressed and enhances the potentialities of the masses. However, the position advanced in this paper is that although these poets may be radical opponents of injustices, they did not anticipate nor have the capacity to confront the injustices, largely because they could not forge alliances with the masses. The colonists barred the colonial-era poets access into the intellectual, political and aesthetic space, thanks to cultural emasculation and a highly restrictive education system. The postcolonial era poets continue to depict the agonies of the underprivileged, disenfranchised masses, but they do not inspire radical consciousness on a large scale. Ideologically inspired poetry that jibes or even rails at the establishment without engaging the masses may be described as isolated, surreptitious gestures of protest. In this respect it can be argued with plausible evidence that the African 'protest poet' has been a chronicler of liberation efforts rather than an instigator of it.

The paper concludes by reflecting on new directions and possibilities offered by emerging technology. Does this highly accessible space create launch pads for revolutionary movements or will it only provide a democratic platform for competing ideas?

Olga A. Ivanova (Department of Linguistics, UCLA, Los Angeles)

Linguistic encoding of agency in naturally occurring Swahili-English discourse on social gender

While the performative dimension of agency in language has long been of central importance for linguistic anthropologists¹, research on grammatical

¹*Ahearn L. M.* Language and agency. *Annual Review of Anthropology*, 30 (2001). P. 109–137; *Duranti A.* From grammar to politics: Linguistic anthropology in a Western Samoan village. Berkeley: University of California Press, 1994.

encoding of agency “takes place in empirical vacuum” of constructed examples rather than on actual language use.¹ There is little research on the encoding of agency in multilingual naturally occurring interactions, especially involving non-European languages. This talk addresses the question of linguistic encoding of agency in Swahili-English discourse in urban Kenya, where both languages enjoy the status of official languages. The data comes from a popular televised opinion program called *Matatu Show* where participants are ordinary Kenyans discussing current affairs and socially relevant issues. Three 15-minute long episodes from 2011, 2012, and 2015 on the topic of family planning were selected as a productive site for studying linguistic means for indexing gender and expressing agentive power amid code-switching. Whereas previous research focused on the role of transitivity in preforming agency in Swahili,² this study finds that the encoding of gender and agency entails certain lexical choices, as well as the use of certain grammatical structures and code-switching.

In the analyzed data, while male and female participants equally engage in the discussion, they use different linguistic strategies for talking about their experiences and expressing opinions. Male speakers regularly use predicative expressions and code-switching referencing development discourse, in addition to taking the semantic role of agent. In contrast, female agency is indexed as personal and idiosyncratic through lexical means and by taking the semantic role of patient or undergoer. In doing so, female speakers limit the potential for generalizing their experiences beyond the personal and into the public domain of shared knowledge.

The analysis reveals that the linguistic encoding of agency employed by the speakers index unequal gender roles.³ While men are assigned the discursive agency around decision-making in family planning, women are in effect expected to take agentive actions discretely.

This study contributes to the theoretical research on agency in multilingual interactions, as well as provides empirical insights on agency in developmental discourse, including public health campaigns.

¹ *Duranti A.* Performance and encoding of agency in historical-natural languages. *The Texas Linguistic Forum*, 44, 266–287 (n.d.).

² *Whiteley W. H.* Some problems of transitivity in Swahili. London: School of Oriental and African Studies, 1968; *Zhelto A. Y.* Nenominativnost v Niger-Congo [Non-nominative features in Niger-Congo languages]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*, 1 (2010). P. 70–82.

³ *Ochs E.* Indexing gender // *A. Duranti & C. Goodwin* (Eds.). *Rethinking context: Language as an interactive phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 335–358.

Kithaka Wa Mberia (University of Nairobi, Kenya)

On the Evolution of Swahili Poetry

In the 1970s there arose a debate on the question of form in Swahili poetry. The debate pitted two groups against each other. The two groups were the traditionalists and the modernists. In the traditionalists' camp were, among others, K. A. Abedi, S. Chiraghdin, J. M. Mayoka, S. A. Kandoro, S. Robert, A. Abdalla, A. Nabhany, A. Barua, R. K. Ruo, A. Gibbe and D. Massamba. In the modernists group were F. Topan, E. Kezilahabi, K. K. Kahigi, M. M. Mulokozi and E. Hussein. In this presentation, I argue that the traditionalists' stand was grossly misconceived and that their arguments in the defense of the rigid rhyme and metre in Swahili poetry were fallacious. I show why their position emerging victorious. I broaden the discussion by showing that what was happening and is still happening in Swahili poetry was is universal phenomenon: all arts in all places at different times involve in form, thematic concerns and sometimes, ideological preference. Having laid that conceptual background, I will discuss how and why Swahili poetry has evolved from its Pre-Islamic secular, "free verse" form to the Islamic thematic concerns that begin with the creation of Hamziya, through the partly secular poetry of poets such as Ali Koti and Muyaka bin Haji in the eighteenth and nineteenth centuries and poets such as Akilimali Snow-white, Mohamed Abedi, Mathias Mnyapala and Shaaban Robert in the century, and finally the secular poetry of poets such as E. Kezilahabi, M. M. Mulokozi, E. Hussein and D. masamba. Granted, in his seminal book titled *Four Centuries of Swahili verse*, Jan Knappert (1979) has documented the changes that Swahili poetry went through from the Pre-Islamic period to the modern poets that he discusses namely S. Robert, M. Mnyampala, A. Abedi and A. Nassir. One challenge with Jan Knappert's book is that, sometimes, the author does not distinguish myth from fact. The fact that members of the Swahili community claim that Fumo Liyongo was a poet does not necessarily mean he was one. And yet in Knappert's book Fumo Liyongo is discussed as a pot. At any rate, Swahili poetry has many more modern poets than those that appear in Knappert's book. These modernist poets have brought some of the most profound changes in Swahili poetry by way of new poetic forms, thematic concerns and ideological shift. My presentation will discuss the relevant changes and argue that changing times necessitate not only new themes but also new forms and at times new ideological leanings.

Karina Simonson (Lithuanian Culture Research Institute, Vilnius)

German colonialism in Africa through a Jewish lens:

László Moholy-Nagy and Leon Levson

In the present paper I would like to present my multidisciplinary research on how German colonialism has been reflected in the works of two Jewish photographers — László Moholy-Nagy (1895–1946) and Leon Levson (1883–1968).

Their life geographies were very different: Moholy-Nagy was born in Hungary, lived in Germany and died in USA, while Levson was born in Lithuania, lived in South Africa and died in Malta. However, their artistic circles were quite similar (for example, both were friends of Man Ray) as well as their creative interests intersected in exploring the legacy of German colonialism in Namibia (what was then German South West Africa). As the case study, that I am particularly interested in, I will be presenting Moholy-Nagy's series of photomontages „Militarism” from 1924–1926 and Levson's series of photographs of Herero people from 1947.

German South West Africa was a colony of the German Empire from 1884 until 1915. After the WWI its administration was taken over by the Union of South Africa and the territory was administered under a League of Nations mandate. It became independent as Republic of Namibia in 1990. The Herero-Nama war of 1904 was the most devastating one for the local population. It led to the first genocide of the 20th century, it cost the lives of an estimated 80,000 to 100,000 people, or 80 percent of the Herero population. Some survivors managed to run to Botswana (Bechuanaland then) and were given sanctuary. The memory of genocide remains relevant to ethnic identity in independent Namibia and to relations with Germany. The German government formally apologized for the Namibian genocide in 2004 but has refused to pay any compensation to the Namibian people for the atrocities.

Within the last two decades there has been a growing interest to re-evaluate and expand scholarship devoted to Germany's colonial history and its aftermath. While the loss of these properties impacted national and international politics, the more telling arena in which Weimar postcolonial discourses prevailed was in the realm of popular, visual culture, particularly associated with the illustrated press and artistic avant-garde, through means such as film, news photography, posters, picture postcards, and International Exhibitions.

It was at that time that member of Bauhaus school László Moholy-Nagy, who in 1920–1933 was living in Berlin, offered a critical deconstruction of Germany's imperialistic ambitions and „colonial idea“. For the comparative perspective I will use the example of completely different visual rhetoric — the works by Leon Levson, who presented highly idealistic and rather ethnographic images of Herero people.

The questions that I asked myself after analysing the images, was why it feels like chronologically Levson's works were done before Moholy-Nagy's? Why does it feel that Moholy-Nagy's images is far more progressive and powerful, though he had never been to Africa, comparing with the examples of completely different visual rhetoric — the works by Leon Levson, who presented highly idealistic and rather ethnographic images of Herero people. In order to answer those questions I will point out the similarities between two artists that are beyond just sharing a Jewish background, and differences which are shaped by far more important things than just geographical location of the artist.

Аксёшин А. С. (ГЭ, Санкт-Петербург)

Социальные границы христианского гетто: случай Сабон Гари, Нигерия

Сабон Гари — район мегаполиса Кано. С началом экономического освоения Северной Нигерии в крупные города в поисках работы устремились тысячи людей из других частей недавно созданной Колонии и протектората Нигерия.

Правила расселения прибывавших и селившихся на Севере людей оформились в целую систему, опиравшуюся на предписания колониальной администрации. И уже к концу первой четверти XX века район Сабон Гари отличался от территории старого Кано по ряду характерных признаков, в том числе и по архитектуре.

Хотя на протяжении столетий в городе были районы, в той или иной степени связанные с представителями разных этнических групп, пожалуй, ни один из них не мог сравниться с Сабон Гари по степени его выделяемости из городского пространства и числу относящихся к нему регламентаций.

Сабон Гари отличали от старого Кано несколько важных моментов. Они во многом сохранились до сих пор, претерпев некоторые изменения. В результате миграции в Кано, чья повседневность столь прочно регламентирована нормами ислама, появился район, который с оговорками мог быть назван христианским. Несмотря на то, что внутри района располагались мечети, строительство церкви де-факто за пределами Сабон Гари было невозможно, и миссионерская деятельность была ограничена колониальной администрацией границами Сабон Гари.

Жителям Кано было запрещено селиться в пределах Сабон Гари, равно как и приезжим жить в старом городе. Примеры, нарушающие эти предписания, известны, но они вряд ли ставят под сомнение серьезность подобных правил. Они стали следствием взаимных уступок между колониальными властями и эмиром. Как и прежде вопрос происхождения тесно и порой неотторжимо связан, во-первых, с религией (понятие «хауса» и «мусульманин» часто по умолчанию выступают как синонимы), а во-вторых, с дихотомией *Север/Юг*, в свою очередь имеющей отношение к легенде о происхождении хауса — народа, который принято считать на данной территории автохтонным.

Принятие с началом Четвертой республики шариата в штатах Северной Нигерии и последующие за этим меры (например, запрет распространения алкоголя) еще раз напомнили об искусственно созданной территории. Для резидентов выкристаллизовалась ее роль как территории относительной безопасности, территории «свободной от ислама», которая при этом не перестала быть неудавшимся «сообществом за воротами» и зоной запущенности и оставленности властями города.

Для жителей Сабон Гари жалобы на отсутствие достойных условий жизни стали частью их повседневности. Основной объяснительной моделью здесь

является происхождение резидентов Сабон Гари, формальное воплощение которого — статус «non-indigenous», категория, родившаяся в 70-х годах XX века, призванная защитить права местного [штата] населения от трудовых мигрантов из других штатов.

Одновременно с этим для одних мусульман Кано она явилась «территорией порока», а для других, — если и готовых принять введение шариата, то лишь с оговорками — островком свободы, местом, где можно провести вечер за кружкой пива без страха быть пойманными шариатской полицией — *хиэбой*.

Статус «non-indigenous» хорошо усвоен и не является просто формальным. Как и в случае «хауса» и «мусульманин», данное понятие нередко выступает здесь синонимом слова «христианин».

«Религиозное возрождение» в Нигерии, начавшееся после гражданской войны, затронуло и Сабон Гари. Для христианства оно прежде всего связано с развитием пост-денаминационных и харизматических церквей, множество которых расположено в Сабон Гари. Район — неперемнное место в расписании гастролей христианских проповедников. Он же дает убежище мусульманам Кано, обратившимся в христианство. Но проникаемость границ района заставляет этих людей, гонимых страхом смерти, искать более надежного укрытия в других штатах. Принявшие же христианство «язычники», т. н. *tagazawa*, в отличие от обращенных в христианство мусульман, без опасений находятся в Сабон Гари.

На фоне этого тот факт, что *tagazawa* называют себя «истинными хауса» ставит синонимичность понятий «хауса» и «мусульманин» под сомнение, равно как и поднимает вопрос об «исконном» населении Кано и его религии.

Обозначенные факторы вместе с бытующими стереотипами по отношению к «другому» одновременно влияют на представления жителей Сабон Гари о городском пространстве, которые, в свою очередь, обуславливают стратегии и маршруты внутригородской миграции и ежедневных перемещений.

Аплонова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Краткий обзор системы ТАМ языка гоо

В языке гоо (Нигер-Конго > манде > южные манде) видо-временные значения выражаются формами субъектных местоимений или местоименных предикативных показателей (МПП), а также при помощи суффиксов и мены тонов на глагольной основе.

В гоо представлены пять серий субъектных местоимений. Экзистенциальная серия используется для образования глагольных конструкций утвердительного хабитуалиса, прогрессива, пунктива, результатива, будущего, таксиса следования и континуатива. Иммедиатная серия представляет собой экзистенциальные местоимения со сниженным на один уровень тоном, служит для образования

иммедиатного прошлого и будущего. С помощью императивной серии образуется императив. Конъюнктивная серия используется в зависимых клаузах и опативных контекстах. Условная серия используется при образовании кондиционалиса. В гоо выделяется 4 серии МПП. Перфектные МПП участвуют в образовании перфекта. Проспективные — проспектива. С помощью экзистенциальных отрицательных МПП выражаются отрицательный хабитуалис, прогрессив, результатив и континуатив. Остальные отрицательные конструкции образуются с помощью отрицательных МПП. В табл. 1 и 2 представлены субъектные местоимения и МПП.

Табл. 1. Субъектные местоимения

Серия	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Экзистенциальная, exi	ǎ	ĩ	ẹ̀	kǎ	kǎ	wǎ
Иммедиатная, IMM	á	í	ẹ̀	ká	ká	wǎ
Императивная, imp	–	∅	–	kǎ	kǎ	–
Конъюнктивная, conj	ǎ	ĩ	ẹ̀	kǎ	kǎ	wǎ
Условная, COND	á	í	yà	ká	ká	wǎ

Табл. 2. МПП

Название	Ед. ч.			Мн. ч.		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
Перфектные, PRF	bhǎn	bhǎ	yà	kwǎ	kǎ	wà
Проспективные, pros	bhàán	bhùì	ẹ̀ẹ̀	kǎǎ	kǎǎ	wǎǎ
Экзистенциальные отрицательные, exi.neg	bhǎǎn	bhǎǎ	yàá	kwǎǎ	kǎǎ	wǎǎ
Отрицательные, neg	ń	í	ẹ̀	ká	ká	wǎ

МПП отличаются от субъектных местоимений тем, что при наличии подлежащего, выраженного полноценной ИГ, их присутствие в позиции после такого подлежащего обязательно.

- (1) Kǎǎ lǎn-lǎn wǎá dǎn yǐ kǎǎ-ǎ.
 1PL. POSS ребенок-PL 3PL.EXI.NEG знать вода делать-INF2
 ‘Наши дети не умеют плавать’.

В (1) за непрономинализованным подлежащим обязательно следует МПП 3 л. мн. ч., тогда как в конструкциях с субъектными местоимениями такого дублирования не происходит (2).

- (2) *Yúfē kǔ bhìnlìn gǐ-wó.*
 Юре СОР рис расчищать\HL
 'Юре расчищает рисовое поле'.

В табл. 3 и 4 представлен список глагольных конструкций и схема их образования.

Табл. 3. Утвердительные конструкции

Форма	Модель образования
Хабитуалис	EXI — (O) — V\hl
Прогрессив	EXI — (O) — V\R-là
Иммедиатное прошлое	IMM — gǒ — (O) — V\r-SUP
Пунктив	EXI — (O) — V\hl-INF1
Перфект	PRF — (O) — V
Результатив	EXI — V\r-GER — kǎ
Будущее	EXI — (O) — V\R-INF2
Проспектив	PROS — (O) — V
Иммедиатное будущее	IMM — lǒ — (O) — V\r-SUP
Конъюнктив	CONJ — (O) — V
Императив	IMP — (O) — V
Кондиционалис	COND — (O) — V\cond-á
Таксис следования	EXI <i>gún/gúán</i> — (O) — V\R-INF2
Континуатив	EXI <i>túàn</i> — (O) — V\R-INF2

Примеч. kǎ — послелог с комитативно-инструментальным значением. Конструкция таксиса следования имеет два равноценных варианта. Обозначает действие, которое должно совершиться после некоего другого действия.

Табл. 4. Отрицательные конструкции

Форма	Модель образования
Отр. хабиуталис	EXI.NEG — (O) — V
Отр. прогрессив	EXI.NEG — (O) — V\R-là
Отр. иммедиатное прошлое	NEG — kǎ — gǒ — (O) — V\hl-SUP
Отр. перфектив	NEG — kǎ — (O) — V
Отр. результатив	EXI.NEG — (O) — V\r — GER — kǎ
Отр. будущее	EXI.NEG — (O) — V\R-INF2

Форма	Модель образования
Отр. имедиатное будущее	NEG — <i>kǎ</i> — <i>lǝ</i> — (O) — V\hl-SUP
Отр. оптатив	NEG — <i>gó</i> — (O) — V
Прохибитив	NEG — <i>gǝ</i> — (O) — V\INF2
Отр. кондионалис	NEG — <i>kǎ</i> — (O) — V\cond-á
Отр. контрафактив	NEG — <i>kǎ</i> — (O) — V — <i>lún</i>
Отр. континуатив	EXI. NEG <i>tǎn</i> — (O) — V\INF2 — <i>kiú</i>

Примеч. Отрицательный контрафактив передает значение несовершенного, но предполагаемого действия. континуатив выражает отрицание продолжения действия в будущем; *kiú* наречие ‘больше не’.

Система ТАМ языка гоо в значительной степени близка к таковой в языках тура и дан, однако такие конструкции, как имедиатное прошлое и отрицательный оптатив, в тура и дан не зафиксированы. Кроме того, можно отметить, что некоторые глагольные конструкции в гоо менее грамматикализованы, чем аналогичные конструкции в близкородственных языках. Так пунктив в тура образуется путем повышения тона на глаголе, тогда как в гоо сохраняется высокотоновый суффикс *á*, маркирующий форму инфинитива 1.

Балезин А. С (ЦАИ ИВИ РАН, Москва)

45 лет источниковедению африканской истории в Центре африканских исследований ИВИ РАН: итоги и перспективы

С момента создания 1 декабря 1971 года в Институте всеобщей истории АН СССР сектора истории Африки (ныне — Центр африканских исследований) одним из главных направлений его деятельности было источниковедение африканской истории нового и новейшего времени.

В 1977 г. появилась коллективная работа «Источниковедение африканской истории»¹. В ней проводился анализ доступных на тот момент для отечественных африканистов типов и видов источников, с особым вниманием к источникам на важнейших африканских языках, издавна имеющих письменность — суахили, хауса и амхарском. Книга открывается статьей патриарха нашей африканистики Д. А. Ольдерогге, чье имя носят наши Чтения, об африканских языках как особом историческом источнике.

Что касается архивных документов отечественных фондов, они были лишь ограниченно доступны африканистам. Из наших сотрудников добиваться права

¹ Источниковедение африканской истории. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.

работать в архивах и даже получать там кое-какие поистине уникальные документы удавалось только А. Б. Давидсону и Р. Р. Вяткиной. При этом, как правило, ссылаться на найденные документы категорически запрещалось. Из архивов бывших стран-метрополий для нас относительно доступным был только германский, документы которого находились в Центральном государственном архиве ГДР. Автор этих строк был одним из немногих советских африканистов, работавших с африканскими фондами этого архива неоднократно, начиная с 1977 г.

Изменения в жизни нашего Отечества в конце 80-х годов прошлого века открыли для нас новые возможности поисков источников по истории Африки и их анализа, в том числе источниковедческого.

В России произошло открытие отечественных архивов, чем активно воспользовались сотрудники Центра. Много документов они изучили в РГАСПИ (РЦХИДНИ), Архивах МИД России — дореволюционном и послереволюционном, бывшем архиве ЦК КПСС и других. Результатом работы в отечественных и африканских архивах стало двухтомное издание «Россия и Африка. Документы и материалы»¹, в котором приводятся редкие документы по истории российско-африканских связей начиная с петровских времен и до 1960 года.

Сотрудники Центра использовали и открывшиеся возможности работы в зарубежных архивах, в первую очередь — в африканских. Так, Г. В. Цыпкин работал в эфиопских архивах, а автор этих строк первым из отечественных историков познакомился с архивами Намибии еще в 1991 году и вернулся к ним в 2001 г. Мне удалось также поработать в Танзанийском национальном архиве и ознакомиться с Кенийским. Кроме того, я исследовал африканские фонды нескольких европейских хранилищ документов, как Заморский архив Франции и Архив Берлинского миссионерского общества.

Важным источниковедческим итогом работы сотрудников Центра как в отечественных, так и в зарубежных архивах стали книги «Коминтерн и Африка»², изданная на русском языке в России и двухтомный фундаментальный сборник документов «Коминтерн и Южная Африка»³, вышедший на английском языке в Великобритании.

Другим итогом многолетней работы Центра африканских исследований по обнаружению и исследованию новых источников по истории Африки стало издание трехтомной «Истории Африки в документах»⁴. Эта фундаментальная

¹ Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. // Т. 1–2. М.: ИВИ РАН, 1999.

² Коминтерн и Африка. Документы // Сост. В. Городнов. Ред. А. Давидсон. СПб., 2003.

³ Davidson A., Filatova I., Gorodnov V., Johns S. South Africa and the Communist International: a Documentary History. V. I–II. London, 2003.

⁴ История Африки в документах (1870–2000 гг.) // Под ред. А. Б. Давидсона. Т. 1 (1870–1919 гг.). Ред. Г. В. Цыпкин. Т. 2 (1919–1960 гг.). Ред. С. В. Мазов. Т. 3 (1961–2000). Ред. В. П. Городнов. М.: Наука, 2005–2007.

публикация материалов, в том числе архивных документов, в частности, из африканских архивов и в переводах с африканских языков, охватывает узловые моменты истории Африки с 1870 по 2000 год и дает источниковую базу для не одного поколения будущих историков-африканистов.

Работа Центра африканских исследований по поиску и анализу новых источников по истории Африки продолжается.

Блинова Е. (ЯрГУ, Ярославль)

Этапы и механизмы формирования африканского Лондона

Первые сведения об африканцах на Британских островах относятся к периоду существования Римской империи. Дальнейшая информация об африканцах на Туманном Альбионе походит на мифы и легенды, но не на исторические факты.

В ноябре 1507 г. в роле лондонского казначейства был зафиксирован первый платеж Дж. Блейку — черному трубачу. Музыкант прибыл в Лондон в составе свиты Екатерины Арагонской (1484–1536).

Активизация интереса Англии к Африке в XVI в. повлекла ввоз с континента различных «диковинок». В их числе красное дерево, слоновая кость, разнообразные специи и чернокожие «дикари». В январе 1601 г. Елизавета I (1558–1603) издала «Акт о предоставлении Касперу ван Сендену прав на депортацию негров» в Африку. Власти допускали, что работорговля неминуемо приведет к появлению рабов. В 1672 г. была создана «Королевская африканская компания».

Африканцев в Лондоне в XVI в. насчитывалось около 300 человек. Сведения об их численности не фиксировались английскими властями. В начале XVII в. число африканцев в Британской столице было невелико — приблизительно около ста имен упоминается в записях церковных приходов. Депортация и ассимиляционные процессы повлекли за собой сокращение их численности. Однако, в 1772 г., буквально в течение одного столетия, в Англии насчитывалось уже более 20 000 чернокожих. Большинство из них жили в Лондоне.

Ввозу рабов способствовал растущий спрос на них. Наличие чернокожего раба повышало статус владельца. Растущее промышленное производство требовало дешевой рабочей силы, африканцев использовали для постройки мостов, дорог, для разработки угольных шахт. С конца XVII в. начался массовый ввоз африканцев в Англию. Их везли с Золотого Берега, с территории народов Атлантического побережья (фанти, га, эве); из Дагомы и Гонжи; из государств «Львиной Горы» и Дельты. С XVIII в. — из державы Ойо (Лагос и Порт-Ново); на торговых судах «Королевской африканской компании» и на кораблях купцов, промышленавших работорговлей, в порты Ливерпуля,

Манчестера. Оттуда их транспортировали в наиболее крупные города: Лондон, Глазго, Бристоль, Бирмингем.

Со второй половины XVIII в. в Лондоне появились новые категории африканцев. Это представители родовой африканской знати, служащие на кораблях матросы и коки, сумевшие освободиться из рабства и личные слуги белых джентльменов. Так попали в Англию И. Санчо (1729–1780), О. Эквиано (1745–1797), О. Кугуано (1757 — ок. 1803) др.

С принятием «Акта о запрете торговли рабами» (1807), «Акта об отмене рабовладения» (1833) ситуация изменилась. Новый этап миграции африканцев, африканцев карибского происхождения, афроамериканцев повлек за собой активизацию ассимиляционных и интеграционных процессов в Лондоне. Социальный статус и цели прибывающих существенно различались. Представители традиционной элиты ехали «за знаниями», свободные афроамериканцы «бежали» от дискриминации, потомки рабов — за свободой. Существовали целевые программы — «Компания Сьерра-Леоне» (1790) образованная в Лондоне группой британских аболиционистов, работала на континенте. С. А. Кроутер (1809–1891), Дж. Мэй (1845–1902), У. Аллен (1820-?), Дж. Уоткинс (1821-?), Дж. Хортон Африканский (1835–1883) как и многие другие предполагали в Лондоне обрести свободу и по возможности реализовать себя.

На рубеже XIX–XX вв. численный рост чернокожих в Лондоне продолжался за счет метисационных процессов и вследствие притока извне. Количество жителей Большого Лондона в начале XX в. достигло 6 млн. человек. Согласно переписям, производимым в Британии каждые 10 лет, приток населения из колоний с середины XIX в. постоянно возрастал. Установить более точное число по данным переписей не возможно: в них не учитывалась ни этническая принадлежность, ни регион происхождения. Преимущественно африканцы селились в Лондоне, хотя центрами их проживания оставались и другие города Британии.

В начале XX в. произошло становление африканского Лондона. Этот процесс занял 400-летний период в истории Британской столицы.

Видакас Ю. Ю. (Посольство России в ОАЭ, МИД РФ)

Эволюция деятельности «Африканской архитектуры мира и безопасности» и ее роль в предупреждении и урегулировании конфликтов в Африке

Сегодня Африканский Союз (АС) напрямую вовлечен в процесс обеспечения коллективной безопасности на африканском континенте посредством механизма под названием «Африканская архитектура мира и безопасности»

(ААМБ). В рамках этой структуры Советом мира и безопасности (СМБ) АС на постоянной основе ведется мониторинг обстановки в целях предупреждения и предотвращения разногласий и конфликтов. Миротворчество за последние годы получило дополнительное развитие: АС не только активно расширяет африканское участие в операциях по поддержанию мира под эгидой ООН, но и инициирует развертывание новых миротворческих миссий.

Отмечено углубление взаимодействия между АС и другими международными организациями (прежде всего, ООН, ЕС, а также африканскими региональными организациями), совершенствование институциональной и законодательной базы в рамках упомянутого механизма.

Вместе с тем полномасштабная реализация ААМБ сопряжена с такими трудностями, как прежде всего отсутствие должной координации с международными и региональными акторами, недостаточное техническое обеспечение, низкий уровень боевой подготовки направляемых воинских контингентов, а также недофинансирование.

В целом анализ деятельности ААМБ при всех недостатках данной структуры свидетельствует о возрастании роли африканских государств в разрешении споров и конфликтов на африканском континенте.

Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сочинения Наны Асма'у как источник по истории Западной Африки в Новое время

XIX век — важная веха в истории народов Западной Африки. Кроме того, это время формирования арабографической письменной традиции на языке хауса. Одним из интереснейших авторов этого времени была Нана Асма'у, дочь организатора джихада фульбе Усмана дан Фодио.

В докладе анализируются труды Наны Асма'у, практически полностью опубликованные в книге Дж. Бойд и Б. Мак. Женщина-суфий, пожалуй, во многом опередившая свое время, оказала существенное влияние на развитие движения «за чистоту веры». Ее перу принадлежит несколько десятков работ на трех языках: арабском, фула и хауса. Помимо собственных работ, Нана Асма'у занималась переводами сочинений шейха Усмана дан Фодио. Сочинения, равно как и переводы Наны Асма'у, могут представлять интерес для широкого круга исследователей — африканистов и арабистов, занимающихся историей, литературоведением и языкознанием.

Автор доклада задается вопросом о роли личности в истории, о субъективизме, а также проблемах восприятия одного и того же события разными исследователями.

Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, Москва)

Правовые традиции и обычаи африканцев в правовой системе британских колоний Южной Африки (вторая половина XIX в.)

После 1850 г. в состав британских владений в Южной Африке вошли территории с многочисленным африканским населением. Перед колониальными властями остро встала проблема выработка оптимальной системы управления новыми подданными, которая позволила бы, с одной стороны, обеспечить их интеграцию в колониальную систему, с другой — сохранить внутреннюю стабильность и минимизировать возможность открытых вооруженных конфликтов и восстаний. Оптимальной моделью для решения подобных задач являлась система косвенного управления, которая подразумевала сохранение местных властных и правовых институтов и включение их в административную систему колоний. Британским чиновникам приходилось решать двоякую задачу: осуществлять «цивилизаторскую миссию» по отношению к африканцам и одновременно исходить в своей практической деятельности, насколько это было возможно, из существовавших среди африканцев правовых традиций и практик.

Так, согласно принятым в 1864 г. законодательным актам за африканским населением Британской Кафрарии сохранялось право жить согласно своим законам и обычаям. Имущественные и другие спорные вопросы должны были решаться британскими магистратами согласно нормам обычного права. При этом была распространена практика, когда европейские чиновники выносили свои решения исходя из тех рекомендаций, которые они получали от своих советников из числа старейшин и *амакоси* (вождей). В 1875 г. в Натале был принят «Закон о туземном управлении». В соответствии с ним лейтенант-губернатор Натала мог назначать европейских администраторов «туземного права», которые должны были отправлять правосудие во всех гражданских делах согласно существовавшей среди африканцев правовой практики. В 1878 г. был введен в действие кодекс обычного права, содержащий наиболее общие принципы и рекомендации для британских чиновников.

В 1879 г. к Капской колонии были присоединены области Транскея с многочисленным африканским населением. На вновь присоединенных территориях были введены особые правила отправления правосудия. Наряду с такими положениями, как защита законом имущества и личности каждого индивида, и введением новой системы штрафов и наказаний, установлением уголовной ответственности за колдовство и необоснованные обвинения человека в ведовстве, признавалась возможность рассмотрения судебных разбирательств между африканцами согласно обычному праву. Не признавались законными также полигамные браки и дела, связанные с выплатой брачного выкупа. Решение тяжб, возникавших в связи с этими обычаями, оставлялось на усмотрение

британских резидентов, сами они не получали никакой официальной санкции на разрешение подобных споров.

В качестве дополнения к данным правилам, Комиссией по туземным законам и обычаям 1883 г. был выработан уголовный кодекс, вступивший в действие в 1887 г., который вводил европейские нормы наказания за совершение преступлений против личности и покушение на частную собственность. За африканцами признавалось право жить по собственным обычаям и законам, но они были частично изменены и приведены в соответствие с европейским пониманием справедливости.

При кодификации обычного права африканцев было допущено немало грубейших ошибок. Фактически созданные заново своды законов являлись адаптацией обычного права к нуждам колониальной администрации. Например, власть верховного вождя, то есть губернатора, объявлялась абсолютной. Он мог по своему усмотрению изменить любой закон и принять новый. Это являлось полным противоречием традициям африканцев, для которых были свойственны совещательность и коллегиальность при принятии решений. Сам факт кодификации обычного права превращал его из достаточно гибкой системы традиционных правовых норм и обычаев, которые могли изменяться в соответствии с условиями жизни, в инструмент консервации африканского общества, тормозящий его развитие.

*Волкова Е. В. (Ecole pratique des hautes études;
Institut des mondes africains, Paris)*

О чем шутят джола и мандинка: тематика ритуального подшучивания

Традиция шуточного родства встречается у многих народов Африки, в частности, Западной. Отношения шуточного родства могут быть подразделены на несколько категорий и могут устанавливаться между кланами, между этническими группами, деревнями, историческими областями, кварталами одной деревни, а также между некоторыми родственниками (например, кросс-кузенами или ребенком сестры и братом матери), и т. д.¹ В повседневной жизни такие отношения проявляются в обязательном ритуальном подшучивании, которое сопровождается поведением, выходящим за рамки общепринятых норм и допустимо только в ситуации шуточного родства.

Понимать шутки, юмор, характерные для определенного общества, группы, субкультуры — значит быть его частью. Одной из функций юмора является

¹ Fouéré M.-A. Les métamorphoses des 'relations à plaisanteries' // *Cahiers d'études africaines*, № 178, 2005.

как раз установление границ между группами. С одной стороны, он позволяет объединить общество, снять напряженность, с другой стороны, он очерчивает границы данной группы в противовес другим¹. Для этнографа, изучение юмора в рамках полевого исследования может оказаться крайне сложным: зачастую, шутки спонтанны и привязаны к контексту, их сложно записать, зафиксировать². С этой точки зрения, зная механизмы ритуального подшучивания, его можно «спровоцировать».

Изучая шуточное родство, наблюдая за его проявлением в повседневной жизни (в нашем случае — в Сенегале, у народов джоола и мандинка), становится очевидным, что «шутки», которые адресуют друг другу партнеры по шуточному родству, выбираются собеседниками не случайно. Существует некий достаточно четко ограниченный репертуар тем, пригодных для ритуального подшучивания³. Необходимость придерживаться этого репертуара позволяет, во-первых, соблюдать рамки приличия, не затрагивать предметы, считающиеся недопустимыми, непристойными в данном обществе, и во-вторых, позволяет в большинстве случаев четко определить в разговоре, что речь идет именно о шуточном родстве, а не о какой-либо обычной шутке.

В ходе доклада мы попытаемся разобраться, какие варианты подшучивания более характерны для определенной категории шуточного родства, а какие являются более универсальными; какие заключают в себе характеристики группы, а какие — относятся только к партнеру по шуточному родству.

Выдрин В. Ф. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург; LLACAN; INALCO, Paris)

Обозначение тонов в практических орфографиях южных языков манде

Все языки южной группы манде, распространенные в основном в Кот д'Ивуаре, полифонические: половина из них (мано, уан, муан, гуру, нген, бен) имеет по 3 уровневых тона, половина (западный дан, кла-дан, гоо, тура, яурэ, гбан) — по 4; восточный дан имеет 5 уровневых тонов, при этом гуру, бен, западный и восточный дан, гбан имеют также модулированные тоны. Во всех этих языках тоны имеют большую функциональную нагрузку и служат

¹ *Посохова С. Т.* Роль комического в современной информационно-коммуникативной среде // *Знак, человек, смысл: пространства междисциплинарной рефлексии: научно-методические материалы*, СПб.: Книжный дом, 2008. С. 170–184.

² *Daphy E., Rey-Hulman D. (dir.) Paroles à rire*, « Colloques langues'O », Paris, INALCO, 1998.

³ *Canut C., Smith E.* Pactes, alliances et plaisanteries. Pratiques locales, discours global // *Cahiers d'études africaines*. № 184, 2006.

не только для лексического контраста, но и для выражения многочисленных грамматических значений.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. в Кот д'Ивуаре, по инициативе Летнего лингвистического института (SIL), были приняты основы орфографии для национальных языков. Тоны предписывается обозначать при помощи знаков пунктуации, помещаемых перед словом: знак высокого тона — апостроф, сверхвысокого — двойной апостроф, низкого — дефис, ультранизкого — знак равенства. Для модулированных тонов предлагается помещать соответствующий знак и в постпозиции, например, восточный дан: *'gaben- /gbɛ̃/* 'собака'.

Орфографии, основанные на этих принципах, были разработаны для восточного и западного дан, уан, муан, гуру, юрэ, гбан. На обоих языках дан, на муан и на гбан издается литература, в т.ч. опубликованы переводы Нового Завета, работают курсы ликвидации неграмотности.

В ходе работы ежегодной российской лингвистической экспедиции стало очевидно, что «пунктуационная» тональная орфография не является оптимальной:

- она не позволяет обозначать неначальные тоны в неодностопных словах (ср. в восточном дан: *bũ̀l̃̀bũ̀l̃̀* 'длинный и просторный' и *bũ̀l̃̀bũ̀l̃̀* форма плюрального интенсива того же прилагательного; обе формы записываются в орфографии одинаково: *'buëngbuëng*);
- по-видимому, обозначение тона перед словом затрудняет его ассоциацию со слогом и препятствует быстрому чтению;
- использование знаков пунктуации для обозначения тонов затрудняет их использование «по назначению», что может стать препятствием для освоения литературными языками всех полагающихся им функций.

Еще в 2007–2008 гг. была разработана орфография гуру, в которой тоны обозначаются не пунктуационными знаками, а диакритиками.¹ Это предложение не встретило сопротивления, поскольку «пунктуационная» орфография гуру была создана лишь незадолго до того, она не получила большого распространения и, к тому же, основывалась на неверной интерпретации тональной системы этого языка.

В 2013–2014 гг. Е. В. Перехвальская провела реформу орфографии муан, заменив «пунктуационную» систему на «диакритическую».

С 2014 г. идет дискуссия о изменении орфографии восточного дан. Здесь реформа натолкнулась на серьезные препятствия:

- «пунктуационная» орфография впервые была разработана именно для дан, и ее создатели (Маргрит Болли, Эва Флик) выступают против орфографической реформы;
- из-за того, что надстрочные диакритики (умляуты) употребляются в дан для обозначения высокочастотных задних неогубленных гласных, введение

¹Kuznetsova N., Kuznetsova O., Vydrine V. Propositions pour une réforme de l'orthographe du gouro. *Mandenkan 44*, 2008. P. 43–52.

тональных диакритик требует и замены соответствующих гласных букв, т. е. изменения оказываются более радикальными, чем в случаях гуру и муан;

- работа по изданию литературы и ликвидации неграмотности на дан велась значительно интенсивнее, чем на других языках группы, и смена орфографии воспринимается здесь весьма болезненно;
- радикальное изменение орфографии восточного дан ставит вопрос и об аналогичной реформе для близкородственного ему западного дан, однако у западных дан преобладают значительно более консервативные настроения.

В настоящее время в г. Ман проводится эксперимент, который должен показать, действительно ли предлагаемая орфография облегчает освоение чтения и письма носителями восточного дан. От результатов эксперимента зависит дальнейший ход орфографической реформы.

Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль)

Африканские селебрити: от космополитизма к афрополитизму¹

Эпоха постмодерна, начало которой связывают с периодом после окончания второй мировой войны, способствовала актуализации исследовательского интереса к проблеме Другого — другой расы и этноса, другого пространства и времени, другого человека. В центре внимания оказались вопросы аутентичности и идентичности. Их изучение велось на междисциплинарном уровне, в рамках философии и филологии, истории и психологии.

Освобождение Африки и последующие события, связанные с ее модернизацией и интеграцией в глобальный мир, повлекли за собой триумфальное развитие литературы и искусства. Свидетельством тому служит нигерийская, а в настоящее время и кенийская, проза, поэзия, публицистика (non-fiction), улизм, рожденный в среде художников-игбо и ангажированный далеко за пределами континента, различные направления современной — транвангардной — живописи и скульптуры. Нолливуд превратился в одну из трех крупнейших киноиндустрий мира, наряду с Голливудом и Болливудом.

На рубеже XX–XXI веков интервенция африканских литературно-художественных традиций стала очевидна в Европе и Америке. Африканские писатели, художники, историки, культурологи, публицисты обрели мировое признание, пополнив круг селебрити. В их числе писатели — Воле Шойинка, Бен Окри, Чимаманда Нгози Адичи, Крис Абани, Адаоби Тришиа Нваубаниджуна,

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–31–00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

Биньяванга Вайнайна; художники — Уче Океке, Йинка Шонибаре; скульптор Эль Анацуи и многие другие.

Нигерийская литература по праву занимает лидирующее место в Африке. Можно выделить, по крайней мере, три поколения ныне живущих писателей, которые на протяжении более чем полувека последовательно заявляли о себе. К старшему поколению принадлежит В. Шойинка, блистательный драматург, прозаик, поэт, публицист, по мироощущению — типичный гражданин мира, первым из африканцев получивший Нобелевскую премию в области литературы в 1986 году. Среднее поколение — «дети войны» (имеется в виду гражданская война в Нигерии (1967–1970 гг.)) — в силу обстоятельств (геноцид игбо, правление диктатора Сани Абачи, запрет на профессии, невозможность самореализации в условиях дефицита рабочих мест) в большинстве своем проживает за пределами континента, демонстрируя приверженность традициям космополитизма. Б. Окри постоянно живет и работает в Великобритании; Олу Огуйбе и К. Абани — в США. Молодое поколение (рожденные в последней трети XX в.), весьма многочисленное и наиболее диверсифицированное (мужчины и женщины, живущие в Африке, Европе и Америке, пишущие на разных языках), ощущает себя совершенно иначе. Именно в молодежной среде получили распространение идеи афрополитизма: его сторонники сознавали себя гражданами Африки, независимо от того, где жили: на континенте или за его пределами.

Термин «афрополитизм» впервые ввела в оборот молодая писательница нигерийско-ганаянского происхождения Тайи Селаси (родилась в 1979 году) в статье «Bye-Bye Babar», опубликованной в журнале «The LIP Magazine» в 2005 году, обозначив таким образом свою (и не только свою) новую идентичность, характерную для «множества молодых африканцев, живущих и работающих в крупных городах по всему миру — <...> в юридических фирмах, химических лабораториях, джазовых клубах»¹.

Идея оказалась востребована и вызвала обсуждение. В дискуссиях приняли участие известные писатели (Чимаманда Нгози Адичи, Адаоби Тришиа Нваубаниджуна, Биньяванга Вайнайна) и ученые (Кваме Энтони Аппиа, Тойин Фалола), инициировав совершенно новое прочтение панафриканизма и афроцентризма. Дебаты велись на страницах средств массовой информации, в университетской среде, на научных конференциях. Афрополитизм рассматривался как трансформация космополитизма («космополитизм с африканскими корнями») и его альтернатива, как исследовательская парадигма и теория, пришедшая на смену панафриканизму и негритуду, как новая эстетика, идентичность, мораль.

Ангажированность афрополитизма в кругу интеллектуалов можно рассматривать как результат самоопределения весьма значительной по численности и, безусловно, самой успешной категории эмигрантов из Африки, как правило, зарабатывающих на жизнь своим африканством в рамках преподавательской

¹ Selasi T. Bye-Bye Babar. URL: <http://thelip.robertsharp.co.uk/?p=76>.

и исследовательской деятельности, в границах African Studies — направления, представленного во многих, в том числе самых авторитетных, университетах мира. Для представителей творческих профессий афрополитизм представляет собой некий бренд, дающий возможность апеллировать к миру от лица всех африканцев без учета этно-расовой, языковой и конфессиональной принадлежности. В США, Камеруне и Либерии развивается афрополитическая мода и дизайн; в Кении и ЮАР имеются специализированные магазины, где продают товары, произведенные по всей Африке; в ЮАР издается журнал «Afropolitan Magazine». Так приверженцы идеи пытаются доказать, что современная Африка имеет свое лицо — свою историю и культуру.

*Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург),
Талха ат-Тайиб (Судан)*

Племенные лидеры и племенная история: Восток Судана — Эритрея

Основными племенными группами, населяющим побережье Красного моря на востоке и юго-востоке Судана, являются беджа. Наиболее значительными из них являются бану амир, хадендоа, бишарин, амарар.

Сообщения о побережье Красного моря, городах — портах и населении, большинство из которого составляют беджа, содержатся в трудах арабских географов и историков с периода раннего средневековья, и они считаются автохтонными обитателями прибрежных степей и пустынь.

Упоминания о беджа, их связях с суфийскими наставниками, о высоких человеческих качествах отдельных праведников — выходцев из их среды, содержатся в произведении Ибн Дайфаллаха «Табакат». В поле зрения автора произведения попали выходцы из племени бишарин (Ибн Дайфаллах, с. 127).

После захвата турками прибрежной зоны Красного моря, включавшей такие крупные по тем временам морские торговые гавани, как Суакин и Массауа, в начале XVI в., главы племен, взаимодействовавшие с представителями турецких властей, стали именоваться «*кунтибай*»¹.

Племенные вожди воспринимались в качестве ответственных за выплаты определенных налогов, безопасность торговых путей и транспортировку товаров вглубь территорий Судана и Эритреи. Важной функцией глав племен являлось поддержание стабильных связей с соседними племенами и турецкой администрацией в лице наместника и осуществление контроля за налогами. Восхождение на вершину племенной иерархии сопровождалось особыми местными обрядами с привлечением местных праведников. Неотъемлемой частью символов обладания властью у племен суданско-эритрейской зоны был барабан.

¹ Кунтибай — слово из эфиопской политической лексики.

В период XIX–XX в. видное место в политической жизни наряду с другими кланами, племенами и племенными группами беджа стало принадлежать хабаб и хамасин. Эти племенные группы являются результатом слияния групп арабских переселенцев и местных этнических групп беджа. Как и правители султаната в Сеннаре, (нач. XVI в. — 1821 г.) представители местной суданско-эритрейской племенной элиты возводили свои генеалогии к общим предкам — аристократам из семейства Омейядов.

Часть арабских переселенцев на протяжении ряда веков селилась в степной зоне вдоль побережья Красного моря, сливаясь с местными беджа, тогда как другая сместилась к югу и объединилась с местными эритрейскими племенами, в том числе с бани амир. В повседневном общении они стали активно пользоваться языком тигринья. Имеются свидетельства контактов с правителями Эфиопии и, вероятно, в меньшей степени с султаном фундж.

Во второй половине XIX в. (1869 г.) в район традиционного расселения беджа мигрировали значительные по численности группы крупного племени рашайда из района (Забид) с Аравийского полуострова. Конфликтные ситуации с беджа заставили часть рашайда переселиться вглубь суданской территории.

Племенные союзы беджа в основном поддержали махдистское восстание, выдвинув на позиции эмира, выполнявшего функции полководца и наместника Махди в юго-восточных районах Судана, Османа Али Дикну. В глазах колонизаторов и местных суданцев Осман Али Дикна считался признанным героем и борцом с захватчиками-иностранцами.

В период Второй мировой войны отдельные отряды беджа выступали против присутствия в регионе итальянских оккупационных войск, другие в той или иной форме сотрудничали с итальянцами.

Племена хабаб и хамасин, являющиеся частью союза беджа, играли и продолжают играть значительную роль в политической и хозяйственной жизни региона. Биографии их лидеров становятся объектом изучения представителями суданской исторической науки и исследователями, занимающимися сведением воедино разрозненных сообщений о их жизни, непосредственно изучая семейные записи и племенные предания.

*Гриб А. С. (Веб-портал по мусульманской каллиграфии,
Санкт-Петербург)*

Благодатные чернила и магический орнамент: алло Северной Нигерии из коллекции ван Краена, Брюссель

Доски из коллекции галереи Франка ван Краена (Galerie Frank van Craen) представляют собой тип магических *алло*, которые используются в целебных и охранительных практиках, и называются *рубутун алло* или *цуббу*.

Семантически они восходят к кораническим доскам, однако их не используют для обучения письму в коранических школах, а заказывают у малама по особому случаю.

Такие доски изготавливают из махагона и, благодаря прекрасному качеству дерева и полировке, они не требуют мелования. Их украшают специально для церемонии выпивания чернил *рубутун-ша* — в медицинских целях, чтобы получить благословение или избавиться от дурного глаза и неудачи. В зависимости от жалоб пациента, во время церемонии *малам* наносит на поверхность доски различные надписи: определенные «целительные» или «охранительные» суры Корана, некоторые из девяносто девяти прекрасных имен Аллаха — *Асма аль-Хусна*, отдельные буквы или слова, числа, молитвы, магические *хатм*, изображения животных и фигур с антропоморфными чертами и т. п. В конце церемонии чернила смываются и полученный раствор вручается пациенту в качестве лекарства с предписанием, как его пить или использовать в качестве ритуального омовения. Согласно верованию, содержание надписи переходит в раствор, свойства которого становятся целительными. Сакральный текст и орнамент передают пациенту *бараку*, благодать, наделяя особым сакральным статусом и доску и чернила. Выпив текст, пациент становится сопричастником благодатного содержания, благодаря которому он очищается от нечистот и возвращается к состоянию духовного и телесного здоровья. Изображения всевозможных гадов придает пациенту их силу и действует на сглаз, яд и болезнь как противоядие.

Традиция *рубутун ша* («выпивания слова») восходит к иудейской кабалистической и исламской магии, так называемой «профетической медицине». Схожий каллиграфический и изобразительный канон наблюдается в различных памятниках материальной культуры Корана не только Нигерии, но и других исламизированных регионов Африки. Как правило, магические изделия делаются из бумаги, дерева, кожи, также встречаются металлические амулеты.

В коллекции ван Краена есть доски с магическим квадратом *хатумер*. Это популярный символ протекции и удачи. Он представляет собой модификацию арабского геометрического орнамента *хатм* — каллиграфической молитвенной формулы, вписанной в квадрат или прямоугольник, с нумерологической основой. Этот орнамент — геометрическая модель Космоса — используется в различных целях, в том числе, при проектировании зданий, и особенно популярен в знахарстве. *Хатумеры* подразделяются на типы, один из которых — «три на три» — под названием «мечеть», оставляется пустым, без декора, поскольку символизирует место обитания Аллаха. Другой важный орнаментальный элемент — круг, солярный символ, — служит композиционным центром, вокруг которого выстраивается рисунок. Среди зооморфных изображений встречаются ящур, скорпионы, змеи, птицы и т.п. Кроме того, в собрании есть козья шкура, на которую нанесен магический орнамент в виде космогонических фигур и изображения доски *алло*.

В ходе работы над каталогом выставки было проанализировано 22 доски. Локализируются они Северной Нигерией. Все доски современные, выполнены не ранее XX века и представляют собой переходный период от народного ритуала к декоративно-прикладному искусству. *Алло* орнаментированы с двух сторон. Прямоугольная форма демонстрирует тот же классический тип хаусанских досок, которые используются в коранических школах. Для таких *алло* характерны антропоморфные характеристики — наличие ножек, шеи и головы — рукоятки фаллической формы, которые, по обыкновению, обматывались кожей. Только у двух досок утрачены рукоятки. Для текста используются темно-коричневые чернила, основные цвета орнамента — красный, желтый, зеленый. Декоративные панно в большинстве образцов симметричны.

Несмотря на то, что иконографически доски представляют *рубутун алло*, не исключена коммерческая цель использования тех *алло*, дерево которых не потемнело. Тот факт, что *алло* аккуратно изготовлены, оформлены детальным красочным орнаментом, но отсутствуют следы смывания чернил, может указывать на то, что подобного смывания и не требовалось. Наиболее качественные *алло* из коллекции ван Краена могли предназначаться для продажи в качестве оберега. Однако вопрос коммерческого использования *алло* опровергается традиционными маламами и практикующими *рубутун ша*.

Михаил Громов (US International University-Africa, Nairobi, Kenya)

Фольклорные мотивы в «новом» кенийском романе на языке суахили

Использование многочисленных мотивов и персонажей, восходящих к местной устной литературе, стало одной из основных черт так называемого «нового» романа на суахили со времени его появления — начала 90-х годов XX века. В отличие от традиционно реалистически ориентированного романа на суахили 1960–1980-х годов, «новый» роман активно использует, с одной стороны, более современные литературные методы, от «магического реализма» до пост-модернистских приемов, с другой — не менее активно пользуется элементами фольклора. В произведениях, считающихся основополагающими тестами «нового» романа — романах танзанийского писателя Эфраса Кезилахаби «Нагона» (1989) и «Лабиринт» (1990) — автор использует многочисленные аллюзии на фольклор его родного народа кереве, что, по утверждению Кезилахаби, делает его романы «понятными и крестьянам, и высокообразованной интеллигенции».

Кенийские авторы, развивающие в своем творчестве принципы «нового» романа, демонстрируют выраженную ориентацию на «высокообразованную интеллигенцию» (о чем можно судить, в частности, по наличию в их

произведениях большого числа аллюзий на различные аспекты не только африканской, но и мировой культуры и истории). Тем не менее, изображая в аллегорической форме современные африканские реалии, кенийские адепты «нового» романа активно используют фольклорные мотивы, которые, согласно авторам, помогают их читателям лучше воспринимать сущность создаваемых ими аллегорических образов, и, кроме того, напоминает читателю, в значительной степени вестернизированному, о его «корнях», о традициях устной литературы восточноафриканского региона. Писатели используют в своих романах ряд повторяющихся мотивов, составляющих своего рода «фольклорный фонд» суахилиязычного «нового» романа — это, прежде всего, мотивы поиска, сна, фигуры великана, магических помощников, и т.п. Фольклорные мотивы и образы используются авторами в самых разнообразных комбинациях, смыслах и модификациях. Трансформация фольклорных мотивов в кенийском «новом» романе прослеживается в сообщении на материале произведений трех современных кенийских авторов — Чало Вади Вамитилы, Тома Олали и Клары Моманьи.

Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва)

О способах выражения родового признака в языках банту

По мнению Р. Лакофф, в языке преобладает мужское доминирование, язык андроцентричен и отражает мужскую картину мира, женщина игнорируется языком. Во всех языках банту слово *человек* равно слову *мужчина*, существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно для любого пола. Для анализа способов языковых механизмов манифестирования людей разного пола были привлечены языки зулу (S.42), курия (E.43), лингала / нгала (C.36), луганда / ганда (J.15), макуа (P.31), ндонде (P.20), ньямвези (F.22), руанда (J.61), суахили (G.42), ндонга / вамбо (R.22), умбунду (R.11), т.е. языки восточных и южных регионов Африки.

Одной из морфологических особенностей языков банту является отсутствие грамматической категории рода. Тем не менее, существует ряд разноуровневых способов выражения родового признака.

1. Лексический / семантический способ. Биологический детерминизм, т. е. принадлежность к мужскому или женскому полу (*мужчина* — *женщина*) выражается лексически. Такая семантическая бинарная оппозиция представлена во всех банту, например, в языке макуа: *mwatuna* — *mwaŋa*, в языке луганда: *ba* — *muŋa*. Часто значение *мужчина* — *женщина* совмещается со значением *муж* — *жена*: в языке лингала (*mobali* — *mwaŋsi*), в курия (*umugabo* — *umugogere*), в языке умбунду (*ulume* — *ukayi*). В терминологии родства пара *муж* — *жена* может иметь самостоятельные однозначные лексемы

(суахили: *mume* — *mke*, дабида: *mumi* — *muka*, ндонга: *omulumentu* — *omuki-intu*). Термины *отец* — *мать* во всех банту представлены при полном совпадении семантического компонента различными фонетическими вариантами, восходящими к общебантуским моделям по версии М. Гасри. Наименования большинства родственников нисходящего поколения не имеют различий по признаку пола.

2. Морфологический / синтетический способ. Биологический пол может выражаться с помощью аффиксов: в языке зулу для обозначения женского пола людей и животных используется суффикс *-kazi / -azi* (*inkosi вождь, король* — *inkosikazi жена вождя, королева*; *inkomo* видовое понятие *корова/бык* — *inkomazi корова*); в языке ндонга — суффикс *-kadhi* (*omkulu старик* — *omkulukadhi старуха, жена*). В языке ганда в этом же значении используются префиксы *sse-/ssaa-* для лиц и животных мужского пола и *nna-* / *nnaa-* для лиц и животных женского пола (*ssemwandu вдовец* — *nnamwandu вдова*; *ssegwangwa петух* — *nnaagwangwa курица*), использование префиксов характерно и для языка умбунду: для лиц мужского пола — префикс *sa-*, для лиц женского пола — префикс *na-* (*salandula спутник* — *nalandula спутница*).

3. Синтаксический / аналитический способ. Для обозначения женского пола/рода людей и животных используются специальные слова, как правило, это варианты слов *женщина/самка*. В языке лингала существительное *mwasi* *женщина, жена* присоединяется способом примыкания к соответствующему исходному слову (*mosali работник* — *mosali mwasi работница*; *nsoso петух* — *nsoso mwasi курица*). В языках зулу и суахили используются посесивные конструкции (*umuntu человек* — *umuntu wezifazane лицо женского пола*, *ikati lensikazi кошка*; *mtumishi wa kike служанка*, *mtumwa wa kike рабыня*). В языке ндонга для обозначения пола используются согласуемые отыменные атрибутивы: для лиц мужского пола — *lumentu*, для лиц женского пола — *kiintu*.

Таким образом, структурирование и выявление средств выражения биологического пола / рода существительных позволяют сделать вывод о возможности языков банту к преодолению стереотипов асимметрии или дискриминации женского пола, что является «показателем общекультурного развития и включенности в цивилизованный мир».

Гусарова Е. В. (ИВР РАН; ОР РНБ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург)

Такла Хайманот II (1769–1777) и кризис царской историографии в эпоху политической раздробленности Эфиопии

Царствование Такла Хайманота II Адмас Сагада (1769–1777) выпало на эпоху политической раздробленности, которая по своей продолжительности

(с 1769 по 1855 гг.) и масштабам не имела аналогов в истории Эфиопии. Главной причиной наступления смутного времени стало падение престижа Гондарской монархии и, как следствие, рост амбиций крупных феодалов. С правления этого царя начинается наиболее тяжелая фаза раздробленности и кризиса, как политического, так и духовного. Отправной точкой для этой эпохи в достаточной степени условно принято считать 7 мая 1769 г., когда царь Эфиопии Иоас I был задушен по наущению всесильного временщика Михаила Сэхуля («Хитроумного»).

Такла Хайманот II был поставлен на престол Эфиопии в 1769 г. по воле раса Михаила Сэхуля и не являлся самостоятельной политической фигурой. Он, как и многие другие монархи этого периода, был марионеточным царем, полностью находящимся в руках влиятельного Михаила Сэхуля.

Подобная ситуация не укладывалась в традиции летописания, которыми руководствовались придворные историографы, что привело к кризису самого жанра царской историографии. Если прежде власть монарха в глазах эфиопов была незыблема, то в нынешней ситуации, когда царь являлся фигурой номинальной, а власть была сконцентрирована в руках «третьего лица», утрачивался сакральный статус царя. Официальные хроники в этот период начинают посвящать не царю, а тому или иному крупному феодалу, вокруг которого вращались основные политические события в стране. Подобным образом царская хроника Такла Хайманота II была посвящена крупному землевладельцу и влиятельному политическому деятелю Михаилу Сэхулю, фактическому правителю Эфиопии, прикрывавшемуся номинальной фигурой царя Иоаса I (1755–1769), Иоанна II (10.05–15.10.1769), а затем и Такла Хайманота II. Таким образом, летописания не являлись в полной мере царскими хрониками и, следовательно, отличаются от последних как по форме, так и по содержанию. Рассмотрение этих отличительных особенностей и способа передачи информации о событиях государственного значения без опоры летописца на фигуру монарха, помазанника Божьего, а учитывая интересы влиятельного временщика, помогает раскрыть ход исторического процесса в Эфиопии того времени. Кроме того, текст хроники наглядно иллюстрирует кризис царской историографии этого христианского государства во второй половине XVIII в.

Такла Хайманот II пробыл на троне столь продолжительный для периода политической раздробленности срок (ок. 8 лет) только благодаря стараниям своего покровителя. К 1772 г. Михаил Сэхуль утратил былое влияние и был уже не в состоянии влиять на судьбы Эфиопии. Такла Хайманот II под натиском таких влиятельных деятелей того времени, как Хайлу Эшате и рас Хайлу Йоседек, которые, воспользовавшись ситуацией, подступили со своими войсками к столице государства Гондару, сдался и отрекся от престола, уединившись в одном из монастырей Вальдеббы.

Давидсон А. Б. (НИУ ВШЭ; РАН, Москва)

Первые ленинградские историки Южной Африки

К сожалению, отечественные африканисты намного меньше изучают свою историю, чем востоковеды.

Это выступление должно стать вкладом, пусть и весьма скромным, в изучение общего прошлого отечественной африканистики.

Ленинградские историки впервые стали заниматься Южной Африкой на рубеже 1930–1940-х и в 1940-х. Всего несколько человек. Не по указанию «сверху», не по разработанной программе исследований, а по своей инициативе.

Вплоть до 1949 года были подготовлены уже три кандидатских диссертации, Темы были избраны, несомненно, заслуживающие внимания. Исследования проводились добросовестно.

Диссертации, которые были тогда написаны: «Россия и англо-бурская война», «Восстания в африканских колониях Германии в 1904–1908 годах», «Набег Джемсона (из истории возникновения англо-бурской войны 1899–1902 гг.)».

Все эти темы, несомненно, важны. И новы — не только в отечественной, а и во всемирной африканистике.

Авторы: Михаил Борисович Рабинович (1907–1997), Вениамин Яковлевич Голант (1912–1971), Александр Лазаревич Витухновский (1917–1986).

Однако ни одна из этих диссертаций так и не была опубликована. И судьбы авторов сложились не лучшим образом, даже трагично.

Все это напоминает забытые или полузабытые имена. Помогает лучше понять и историю отечественной африканистики, и то место, которое она занимала тогда в научно-общественной жизни нашей страны.

Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Говор гбээка (манден) деревни Гбэсоба

Группа говоров манден, объединяемая самоназванием гбээка, занимает всю супрефектуру Гбэсоба (префектура Бейла, Гвинея) и пограничную часть республики Кот д'Ивуар. Западные говоры гбээка (примерная граница их распространения совпадает с границей супрефектур Гбэсоба и Синко) близки к соседним говорам конья и составляют с ними единый континуум. Примерное количество говорящих на гбээка — 30 тыс. человек. Распространено двуязычие (манинка, французский).

Помимо общих черт, свойственных южным говорам манден (инвертированные тоны, падение интервокальных велярных и сонантов), гбээка отличается рядом особенностей. В фонетике: замена части согласных апроксимантами, варьирование качества гласных в зависимости от позиции в стопе, появление двух новых гласных (их фонемный статус нуждается в подтверждении).

В грамматике: замена транзитивной имперфективной глагольной конструкции на именную с примыкающим к ней инфинитивом (модель S + PM + N + PP + INF + V).

Добронравин Н. А. (ФМО, СПбГУ)

Революционная деколонизация и одностороннее провозглашение независимости в Субсахарской Африке

Первым опытом африканской революционной деколонизации (по итогам референдума, но без соглашения с метрополией) стало провозглашение независимости Гвинейской Республики в 1958 г.¹ Революция в бывшей Французской Гвинее привела к резкому ухудшению отношений с бывшей метрополией и способствовала балканизации владений Франции в Африке.

1960 г. вошел в историю как «Год Африки». Независимость получили 17 стран Африки, в большинстве из них передача власти прошла без конфликтов с бывшими метрополиями. 30 июня 1960 г. была провозглашена независимость бывшего Бельгийского Конго. Церемония передачи власти включала подписание совместной декларации о предоставлении независимости. Текст этой декларации огласил в своем выступлении король бельгийцев Бодуэн I. Затем от имени конголезской нации независимость провозгласил президент новой республики Жозеф Касавубу. Однако наибольшее значение, и не только для Конго, имело выступление премьер-министра Патриса Лумумбы, фактически ставшее третьей декларацией независимости. Лумумбе нередко приписывается высказывание «мы больше не ваши обезьяны», якобы обращенное к бельгийскому королю. Король и другие официальные представители Бельгии были возмущены крайне недипломатичным выступлением Лумумбы, но, скорее всего, речь идет не о словах конголезского премьер-министра, а об их интерпретации слушателями. Выступая, Лумумба внес изменения в уже подготовленный машинописный текст речи, однако они были в основном стилистическими. Текст речи с рукописными поправками был впервые опубликован полностью лишь в 2015 г.² Сразу после провозглашения независимости Конго оказалось на грани распада. 11 июля 1960 г. об отделении Катанги, богатейшей провинции страны,

¹ Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Документ S/4122. Письмо посла Гвинейской Республики от 3 декабря 1958 г. на имя Генерального Секретаря относительно принятия Гвинее в члены Организации Объединенных Наций. [3 декабря 1958 года]. Приложение I http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/83198/S_4122-RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y

² *De Witte L., Manchia N. Exclusif: Le discours de Lumumba, texte-fondateur // Le Vif. 27 juin 2015.* <http://www.levif.be/actualite/international/exclusif-le-discours-de-lumumba-texte-fondateur/article-normal-402789.html>.

объявил по радио ее президент Моиз Чомбе. Катанга соглашалась рассматривать Конго как конфедерацию государств, но отказывалась признавать власть центрального правительства. Попытки отделения предпринимались и в других провинциях. В обстановке хаоса и гражданской войны Лумумба был арестован и вскоре убит. Однако ни одна страна не выступила официально в поддержку раздела Конго и не признала независимость Катанги как суверенного государства. В декабре 1962 — январе 1963 гг. силы ООН заняли всю территорию Катанги и воссоединили ее с Конго. В дальнейшем в этой провинции постоянно существовало скрытое недовольство центральными властями. Формально речь не шла о сепаратизме; например, в 1977–1978 гг. мятежники именовали себя Фронтом национального освобождения Конго. В первые годы XXI в. движение за самоопределение Катанги вновь оживилось. 12 июля 2013 г. по радио была вновь провозглашена независимость провинции. Несмотря на активность сторонников автономии или независимости, в целом Катанга остается под контролем центрального правительства Демократической Республики Конго.

После длительной антиколониальной войны 24 сентября 1973 г. на границе с Гвинейской Республикой была провозглашена независимость Гвинея–Бисау (бывшей Португальской Гвинеи)¹. Церемония провозглашения независимости началась с речи, которую произнес Генеральный секретарь Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) Аристидес Перейра (он сменил на этом посту Амилкара Кабрала, убитого 20 января 1973 г.). Затем был зачитан проект декларации о провозглашении Республики Гвинея–Бисау, принята конституция республики, избраны Государственный совет (законодательный орган в период между сессиями Национального народного собрания) и Совет государственных комиссаров (правительство)². Республика Гвинея–Бисау была признана как суверенное государство большинством стран Африки и «социалистического лагеря», включая Советский Союз. 2 ноября 1973 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой упоминалось «усиление борьбы на островах Зеленого Мыса, составной и неотъемлемой части национальной территории народа Гвинеи–Бисау и островов Зеленого Мыса»³. Если судить по этой резолюции, предполагалось, что в состав нового государства может еще одно португальское владение — острова Зеленого мыса (Кабо Верде), где также действовала ПАИГК. 20 ноября того же года Гвинея–Бисау стала членом Организации Африканского Единства. С точки

¹ Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Документ S/11022. 12 октября 1973 г. Приложение I. С. 1–4, <http://hdl.handle.net/11176/73009>.

² *Игнатьев О.* Республика Гвинея–Бисау // Огонек. 6 октября 1973 г.

³ Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Двадцать восьмая сессия. 2 ноября 1973 г. Документ A/RES/3061. Незаконная оккупация вооруженными силами Португалии некоторых районов Республики Гвинея–Бисау и акты агрессии, совершаемые ими против населения Республики.

зрения Португалии, Декларация независимости Гвинеи-Бисау была не более чем актом пропаганды: «...эта фиктивная независимость лишена какого-либо юридического или морального основания и не соответствует условиям, которые преобладают в этой португальской провинции [...] ПАИГК не контролирует никакого участка территории этой провинции [...]. ПАИГК не имеет физической возможности установить столицу или правительственные органы внутри границ этой провинции. Это продемонстрировано тем фактом, что эта так называемая декларация независимости была опубликована в столице иностранного государства и организацией, которую составляют элементы, чужие по отношению к провинции»¹. После Апрельской революции 1974 г. в Португалии новое правительство страны начало переговоры с ПАИГК, а 10 сентября 1974 г. официально признало независимость Гвинеи-Бисау.

В 1975 г. получили независимость и все остальные колонии Португалии в Африке. 5 июля 1975 г. Декларацию независимости Кабо-Верде публично огласил Абилио Дуарте (Абилиу Дуарти), председатель Национального народного собрания Кабо-Верде. Парадоксальность ситуации состояла в том, что Гвинея-Бисау и Кабо-Верде находились под единым руководством Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК), одним из ее основателей был Абилио Дуарте. В программе партии речь шла о «национальном единстве» обеих колоний. В то же время в отношении Кабо-Верде предусматривалось, что «каждый остров или группа схожих и близлежащих островов сможет получить определенное право на административную автономию в рамках национального единства и солидарности»². На практике объединения не произошло. После переворота 1980 г. в Гвинее-Бисау руководство Кабо-Верде создало собственную партию ПАИКВ. Разрыв связей с Гвинеей-Бисау был символически закреплен принятием нового флага, герба и гимна Кабо-Верде.

На Коморских островах в 1974 г. был проведен референдум по вопросу о будущем статусе этого французского владения. Большинство коморцев проголосовали за независимость, но две трети жителей острова Майотта предпочли остаться в составе Франции. 3 июля 1975 г. французский Сенат одобрил закон, предполагавший раздельное голосование по проекту конституции Комор на каждом из островов. В свою очередь, коморская Палата депутатов 6 июля 1975 г. в одностороннем порядке провозгласила независимость всего архипелага (за немедленную независимость 33 голоса; 6 отсутствовали)³. В декабре того же

¹ A independência da Guiné proclamada pelo P. A. I. G.C. “um acto de propaganda” // *Diário de Lisboa*. 28 de Setembro de 1973.

² Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961–1973). М.: Наука, 1975. С. 269.

³ Déclaration de l'Indépendance des Comores du 6 juillet 1975. <http://comoresdroit.centerblog.net/657-Declaration-de-Independance-des-Comores-du-6-juillet-1975>.

года бывшая метрополия признала законность сецессии островов Анжуан (Нзвани), Гранд-Комор (Нгазиджа) и Мохели (Мвали). На Майотте в 1976 г. был проведен еще один референдум, 99,4% избирателей проголосовали за то, чтобы остров остался частью Франции. Суверенитет нового государства долгое время фактически ограничивался «столичным» островом Гранд-Комор (Нгазиджа). На соседних с Майоттой островах Анжуан и Мохели доминировали политические силы, выступавшие за независимость или за присоединение к Франции. В 1997 г. Анжуан и Мохели попытались вернуться в состав бывшей метрополии, но не получили поддержки от Франции. Тогда оба острова провозгласили независимость. Анжуан оставался независимым до 2008 г., когда его ликвидировали объединенные силы Африканского союза. Коморы продолжают претендовать на Майотту; большинство стран мира признают этот остров частью коморской территории.

Все попытки революционной деколонизации и одностороннего провозглашения независимости в Субсахарской Африке приводили не только к временному разрыву отношений с бывшей метрополией, но и к затяжному кризису в стране, решившейся на такой шаг. В некоторых странах последствия таких попыток сказываются до сих пор.

В наши дни одностороннее провозглашение независимости продолжает применяться как инструмент в борьбе за расширение прав конкретного региона или этнической группы. Число таких деклараций заметно возросло в последние годы благодаря развитию Интернета. Попытки создания новых африканских государств интерпретируются в подобных документах как продолжение или завершение процесса деколонизации.

Выступление Патриса Лумумбы на церемонии провозглашения независимости Конго¹

*«[Ваше Величество, Ваши Превосходительства, Дамы, Господа]²
Конголезцы и конголезки,*

Борцы за независимость, добившиеся сегодня победы!

Я приветствую вас от имени конголезского правительства.

Я прошу всех вас, моих друзей, неустанно боровшихся в наших рядах³, запомнить 30 июня 1960 г. как выдающуюся дату, которая никогда не сотрется в вашей памяти, дату, о значении которой вы с гордостью

¹Первый русский перевод см.: Патрис Лумумба: Правда о чудовищном преступлении колонизаторов. М.: Союз журналистов СССР, 1961. С. 42–45. Уточненный перевод дан курсивом.

²Добавлено от руки к машинописному тексту, который распространяли в ходе церемонии провозглашения независимости. Эти слова не были произнесены в ходе выступления Лумумбы.

³В исправленном тексте речи: «рядом со мной».

расскажете вашим детям, чтобы они, в свою очередь, поведали *своим детям и внукам* о славной истории нашей борьбы за свободу.

Ибо, хотя эта независимость Конго и провозглашена сегодня по договоренности с Бельгией — дружеской страной, с которой мы обращаемся как равный с равным, ни один конголезец, достойный этого имени, никогда не забудет, что независимость завоевана нами в борьбе, в борьбе повседневной, в борьбе горячей и идеалистической, в борьбе, где мы не щадили сил, [не замечали] ни лишений, ни страданий, ни нашей крови.

Этой борьбой, в слезах, огне, и крови, мы гордимся до самой глубины души, так как это была справедливая и благородная борьба, необходимая для избавления от унижительного рабства, навязанного нам силой.

Такой была наша судьба на протяжении восьмидесяти лет колониального господства, и наши раны еще слишком свежи и болезненны, чтобы мы могли забыть о них.

Ибо мы познали¹ изнурительный труд, в обмен за который нам платили деньги, не позволявшие нам ни утолить голод, ни одеваться, ни занимать достойное жилище, ни растить наших детей так, как этого заслуживают родные существа.

Мы познали насмешки, оскорбления, удары, которые нам приходилось терпеть утром, днем и вечером, потому что мы были «неграми». Кто забудет, что черному говорили «ты», конечно, не как другу, а потому что вежливое «вы» было сохранено только для белых?

Мы видели², как захватывались наши земли именем якобы справедливых законов, которые признавали лишь право сильного.

Мы помним³, что закон никогда не был одинаков для белых и черных, он был снисходителен к одним, жесток и бесчеловечен к другим.

Мы познали тяжкие страдания, перенесенные высланными за политические или религиозные убеждения: для изгнанников в собственной стране их участь была хуже смерти.

Мы помним⁴, что в городах были великолепные дома для белых и развалившиеся хижины для черных, что черного не пускали ни в кино-театры, ни в рестораны, ни в магазины, которые именовались «европейскими»; *черный путешествовал в баржевом трюме, под ногами у белого в его роскошной каюте.*

Наконец, кто забудет расстрелы, когда погибло столько наших братьев, или застенки, куда безжалостно бросали тех, кто больше

¹ Здесь и в следующих абзацах выражение *qui oubliera* «кто забудет» в машинописном тексте зачеркнуто и заменено на *pous avons connu*, буквально «мы познали».

² Nous avons connu.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

*не хотел подчиняться режиму несправедливости, угнетения и эксплуатации*¹.

Мои братья, *все это никогда мы не забудем.*

Но мы, избранные вашими представителями, представителями народа, чтобы руководить нашей родиной, мы, так страдавшие *нашим* телом и духом от колониального гнета, говорим вам, что со всем этим огненные покончено².

Республика Конго провозглашена, и теперь судьба нашей дорогой родины в руках *ее собственных детей.*

Вместе, мои братья, мы начнем борьбу, борьбу прекрасную, которая приведет нашу страну к миру, процветанию и величю.

Все вместе мы создадим социальную справедливость и сделаем так, чтобы каждый был справедливо вознагражден за свой труд.

Мы покажем миру, что может сделать черный человек, когда он трудится в свободной стране, и мы превратим Конго *в настоящий центр для всей Африки.*

Мы позаботимся о том, чтобы земли нашей родины по-настоящему служили ее детям.

Мы пересмотрим все ранее принятые законы и переделаем их так, чтобы они были справедливыми и благородными.

Мы положим конец гонениям на свободную мысль и сделаем так, чтобы все граждане в полной мере пользовались основными свободами, предусмотренными Декларацией прав человека.

Мы вырвем с корнем любую дискриминацию, какова бы ни была ее природа, и обеспечим каждому человеку справедливое место под солнцем, которого заслуживает его человеческое достоинство, его труд и преданность *стране.*

Мы сделаем так, чтобы в стране воцарился мир, основанный не на винтовках и штыках, а на сердечном согласии и доброй воле.

И во всем этом, мои дорогие соотечественники, *будьте уверены, что мы сможем рассчитывать не только на наши огромные силы и громадные богатства, но и на помощь многочисленных иностранных государств, сотрудничество которых мы примем в том случае, если оно будет дружественным и не будет направлено на то, чтобы навязать нам какую бы то ни было политику.*

¹ В машинописном тексте: *«Наконец, кто забудет казни через повешение или расстрелы, когда погибло столько наших братьев, или застенки, куда безжалостно бросали тех, кто избежал пуль солдат, которых колониалисты сделали орудием своего господства».*

² В машинописном тексте: *«я, избранный вашими представителями..., я, Лумумба, так страдавший телом и духом..., я говорю вам»; местоимения «я» и «мой»* везде заменены на «мы» и «наш».

В этом плане сама Бельгия, которая, наконец поняв смысл истории, больше не пыталась выступить против нашей независимости, готова предоставить нам свою помощь и проявить дружбу; в этих целях между двумя нашими равноправными и независимыми странами только что было подписано соглашение. Я уверен в том, что это сотрудничество будет плодотворным для обеих стран. С нашей стороны, оставаясь бдительными, мы сумеем соблюсти все свободно принятые обязательства.

Таким образом, как в области внутренней, так и внешней новое Конго, создаваемое руководимым мною правительством будет богатой, свободной и процветающей страной. Но для того, чтобы в скорейший срок достичь этой цели, *всех вас, законодателей и граждан Конго, я прошу мне помочь всеми силами.*

Я прошу всех вас забыть межплеменные раздоры, которые *нас изуряют и могут вызвать презрение к нам за границей.*

Я прошу парламентское меньшинство помочь моему правительству посредством конструктивной оппозиции и оставаться строго в рамках законности и демократии¹.

[Я прошу всех вас не требовать со дня на день необоснованных надбавок к зарплате, пока я не найду время для разработки всеобъемлющего плана, с помощью которого я обеспечу процветание нации]².

Я прошу вас всех не останавливаться ни перед какими жертвами ради успеха нашего грандиозного начинания³.

Наконец, я прошу вас безоговорочно уважать *жизнь* и имущество сограждан и иностранцев, поселившихся и нашей стране⁴; если поведение этих иностранцев оставит желать лучшего, наше правосудие не замедлит выслать их с территории республики; если, напротив, их отношение будет добропорядочным, нужно дать возможность жить им спокойно, ибо они в такой же степени трудятся ради достижения благосостояния нашей родины.

Независимость Конго является решающим шагом на пути к освобождению всего африканского континента⁵.

Вот, Ваше Величество, Ваши Превосходительства, Дамы, Господа, мои дорогие соотечественники...то, о чем я хотел вам сказать от

¹ Весь абзац не был переведен на русский язык в 1960 г.

² Этот абзац был зачеркнут и не произнесен.

³ Местоимение «вас» добавлено от руки вместо зачеркнутого «конголезцев».

⁴ Слово «страна» вставлено от руки вместо зачеркнутого в машинописном тексте слова «территория».

⁵ Весь абзац добавлен от руки к машинописному тексту; первый, зачеркнутый вариант: «...к полному и абсолютному освобождению всей Африки».

*имени правительства в этот великолепный день нашей полной и суверенной Независимости*¹.

*Наше правительство*², единое, национальное и народное, будет спасением для этого народа.

Я предлагаю всем конголезским гражданам, мужчинам, женщинам и детям, решительно взяться за работу *в целях создания процветающей национальной экономики, которая позволит обеспечить нашу экономическую независимость*³.

Вечная слава⁴ Борцам за Национальную Свободу!

Да здравствует независимость и Африканское Единство!⁵

Да здравствует Независимое и Суверенное Конго!»

Емельянов А. Л. (МГИМО (У) МИД России)

Имитационная демократия в России и Африке: общее и особенное

Демократия — не набор институтов и политических приемов, которые могут существовать независимо друг от друга, а цельная сложносочиненная и сложноподчиненная система, в которой каждый элемент переплетен с другим. В слаженно работающих моделях еврохристианского общества, его основные составляющие — политика, экономика, наука, культура, образование, медицина — отлажены таким образом, что реагируют с помощью инноваций на возникающие проблемы и одновременно создают новые возможности для развития. Воспроизвести нечто подобное пока нигде не удалось. В России и Африке большие человеческие коллективы под демократией часто понимают смягченную форму авторитаризма. Россия и Африка по сравнению с еврохристианской цивилизацией имеют много общих черт, другие совпадают частично, есть и особенности.

В классической демократии вначале народ высказывает свое мнение, затем формируются политические структуры. В имитационной — вначале элиты

¹ Весь абзац не был переведен на русский язык в 1960 г.; в машинописном тексте: *«Вот, мои дорогие соотечественники, мои братья по расе, мои братья по борьбе, то, о чем я хотел вам сказать в этот великолепный день нашей полной и суверенной Независимости»*.

² В машинописном тексте: *«Правительство Лумумбы...»*

³ Весь абзац добавлен от руки к машинописному тексту.

⁴ Буквально: *«Дань памяти Борцам...»*

⁵ Вся фраза добавлена от руки к машинописному тексту.

⁶ В это понятие автор включает весь ареал доминирования белого человека, исповедующего католицизм или различные формы протестантизма.

договариваются о разделе власти, затем они оформляются демократическим путем.

Благодаря имитационному характеру народовластия возникли неконституционные структуры политического руководства. Некоторые из них (канцелярия или администрация президента, группы его советников или консультантов и т. д.) играют в процессе принятия политических решений более важную роль, чем законные органы власти. Выдвижение на министерские посты обусловлено различными неформальными связями, а также соображениями клановой, этнической или религиозной принадлежности.

Современные элиты возникли не в результате процесса естественной эволюции, а как одно из последствий создания колониального общества/революционных потрясений. Они не являются олицетворением и носителем национальной культуры, а следуют стандартам еврохристианской или исламской цивилизации. Элиты создали государство для себя. Оно не адекватно реальному обществу. Элиты умеют хорошо распределять деньги, и очень плохо — зарабатывать их для государства и общества.

Господствующим типом межличностных отношений остается патронатно-клиентельный. Пирамида общества пронизана вертикальными связями. Именно они определяют ценность отдельных людей и человеческих коллективов и контролируют их политический, экономический и социальный статус, их поведение и образ жизни. Демократические процедуры служат фасадом. Государственный аппарат был и остается самой большой клиентелой руководителя. За лояльность патрону ему обеспечивается политическая поддержка экономических интересов. Чиновник вынужден выплачивать определенную «арендную плату» за занимаемую должность, чаще всего не деньгами, а услугами и созданием атмосферы поклонения руководителю, во многих случаях вполне искренним.

Самоценность человека ниже самооценности группы, к которой он принадлежит. Вес и влияние личности определяет, прежде всего, коллектив, положение в сети социальных связей — число и статус индивидов, с которыми этот человек связан узами родства и свойства.

Смена поколений политиков происходит очень часто через чистки или физическое уничтожение. Новая задача требует новой структуры власти, а она невозможно при старой команде. Еврохристианские механизмы естественной смены элит практически не работают.

Основная задача политических партий — структурирование клиентелы президента и обеспечение, в случае необходимости для лидера, вертикальной мобильности.

Частичное совпадение, например, — отсутствие бюрократии в классическом веберовском варианте. Для чиновничества характерна пожизненная административная карьера, закрытость, порождающая корпоративность, предрасположенную к коррупции и круговой поруке. Оно стремится занять

ведущее место в обществе, ограничить влияние других сил. В Африке существуют параллельные политические властные структуры — клановые лидеры, традиционные вожди, старые и новые религиозные группы, криминальные, этнические, расовые и региональные объединения.

Вера в то, что политические, экономические, социальные и т. д. институты и структуры еврохристианской цивилизации способны изменить мир к лучшему, соперничает по своей распространенности с основными мировыми религиями. Многие уверовали в универсальность демократических процедур, как африканцы в колдовство и магию. При этом мало кто обращает внимание, что имитационная демократия господствует в мире. Она является формой приспособления еврохристианских ценностей к реальным конкретным условиям каждой страны и человеческого коллектива.

Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Еще раз о типологии именной классификации: специфика языков нигер-конго, и есть ли языки без «рода»

1. Семантическая типология именной классификации и языки нигер-конго.

По данным лингвистической базы данных WALS более 3 родов/классов при незначимости пола представлены исключительно в языках нигер-конго и одном койсанском языке. Таким образом, «нигеро-конголезский» тип классификации ориентируется на различия в «неличном» классе: «класс людей», «класс животных», «класс растений» и т. д. Согласовательная модель при этом формально очень похожа на развернутые системы рода в индоевропейских:

Суахили: *Ki-tabu ki-le ki-zuri ki-moja cha (< ki+a) m-tu m-zuri ki-me-anguka.*

‘Книга та хорошая одна хорошего человека упала’.

2. Семантическая типология систем именных классов.

На основании анализа семантики именной классификации можно предложить определенную типологическую матрицу именных классификаций с особым местом в ней языков нигер-конго:

1. Языки без именной классификации.
2. Языки с первичной классификацией личность/не-личность.
3. Языки с противопоставлением мужской/женский в системе именной классификации:
 - а) семантизированная классификация (английский);
 - б) метафорическая классификация (дирбал);
 - в) десемантизированная классификация (индоевропейские).

4. Языки без противопоставления мужской/женский в системе именной классификации (нигеро-конголезский тип классификации).

3. Есть ли языки без именной классификации?

Наличие некоторых классификационных морфем только в существительном обычно признается недостаточным (и необязательным) критерием для признания классификации грамматической, а наличие согласования по роду (классу) хотя бы в одном из элементов развернутой именной группы или в глаголе — таким критерием является. Таким образом, если в языке есть согласование по роду в демонстративах (достаточно распространенный случай для языков нигер-конго), то это — язык с грамматической классификацией. В то же время, наличие различий по роду только в анафорических местоимениях (английский язык) часто признается недостаточным для подобного вывода, так как здесь нет согласования. Подобный подход представляется не вполне убедительным: демонстративы и анафорические личные местоимения во многих языках представляют собой одну парадигму — именно указательные местоимения выступают в роли анафорических (латынь). По сути, анафорические местоимения тоже демонстрируют согласование с именем, но не внутри именной группы, а в более широком контексте, выходящем за рамки клаузы.

Рассмотрим теперь соотношение в этой связи анафорических и вопросительных местоимений. Если в языке нет деления на мужской и женский роды, но есть различные анафорические местоимения для людей и не-людей (достаточно частый случай), будет ли их классификаторский статус отличаться от статуса вопросительных местоимений «кто?» и «что?», которые присутствуют во всех (?) языках? Частое использование вопросительных местоимений в качестве союза дополнительных, где их функция практически совпадает с анафорической («он рассказал мне, кто пришел», «он рассказал мне, что принесли» делает жесткость и этой границы проблематичной. Анафорические местоимения согласуются с референтом в ретроспективном контексте, а вопросительные — в проспективном, однако их классификаторская функция выглядит очень похожей. Гипотетически можно предложить определенную формальную типологию классификационных систем:

1. Языки с классификацией только в вопросительных местоимениях.

2. Языки с классификацией в вопросительных и анафорических местоимениях.

3. Языки с согласованием по классу (роду) в определенном(-ых) элементе(-ах) именной группы.

4. Языки с согласованием одного актанта по классу в предикате.

5. Языки с согласованием двух (нескольких) актантов по классу в предикате.

Граница между типами представляется скорее градуальной, чем дискретной, что позволяет избежать резкой и необъяснимой границы между языками без классификации и языками с развернутыми классификационными согласовательными моделями.

Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Клятва охотников и охотничьи легенды манден

Охотничья традиция народов манден (Западная Африка) играет важную роль для африканцев. Это традиционный институт, не утративший значение и после распространения ислама. Раньше охотниками становились только мужчины, по происхождению принадлежавшие к сословию воинов, или «хранителей колчана» (*tóntigi*). исторически союз охотников — это надэтническая организация, не соотносящаяся и с делениями на кланы-джаму (*jàmu*). В Манден, как и в других регионах Западной Африки, охотничий союз — это влиятельная организация. сами ценности манден частью сформировались на основе охотничьей традиции.

После победы Сундьяты в момент принятия Хартии, которая стала основой империи Мали, была дана Клятва охотников в Курукан Фуга. Основные положения клятвы охотников: поддержание норм и правил социума, обеспечение пропитанием населения, запрет рабства, пыток и унижения других, поддержание баланса с природой, защита саванны. Данные положения клятвы берут свое начало и обоснование в мифе о первых охотниках, основателях и покровителях союза охотников Кондолон и Саане. Сегодня известны более 20 версий данного мифа.

Все версии мифа о Саане и Кондолоне в той или иной степени объясняют происхождение союза охотников, имен его основателей, и основных норм поведения. Клятва охотников, как и легенды об основателях охотничьего союза, представляют основные нормы и ценности, которые являются общими для манден.

Захарова Н. А. (Истфак, ЯрГУ, Ярославль)

Традиция женского политического участия в обществе йоруба и проблема власти¹

Одним из важнейших вопросов в теории гендерных отношений является вопрос о власти. В классическом понимании феномен власти отождествлялся с властью политической. В современной академической среде сформировалась особая точка зрения на структуру властных отношений.

С точки зрения М. Фуко власть не представляет собой некий определенный социальный институт или структуру, но скорее является названием для стратегической ситуации, сложившейся в данном обществе. Таким образом,

¹Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–31–00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

отношениями власти становятся не только отношения личности и государства, но и отношения мужчины и женщины, человека, обладающего знанием и незнающего и т. д. Власть, с точки зрения М. Фуко, носит распыленный, «капиллярный» характер и реализуется на уровне «микропрактик» повседневной жизни, с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения. Данная концепция также подразумевает возможность осуществления власти не только с помощью подавления, но и с помощью иных средств: экономических рычагов, авторитета, знания и т. д.¹

Социолог Р. Коннел выдвинула идею о том, что власть, выражающаяся как в прямой силовой структуре, так и с помощью организационного контроля, в большей степени находится в распоряжении мужчин. Но при этом власть мужчин не распространяется равномерным покровом по всем участкам социальной жизни. При некоторых обстоятельствах женщины обладают властью, при других власть мужчин рассеивается, ослабляется или оспаривается. Некоторые социальные институты традиционно контролировались женщинами: образование для девочек, дружеские социальные сети и др. Применительно к мужчинам Р. Коннел также идентифицирует комплекс социальных институтов, которые им подвластны. Эти институты, как правило, являются «ядром» социальной структуры, в противовес паттернам власти, находящимся на периферии и контролируемым женщинами².

В обществе йоруба женщины традиционно были активными участницами социальной, духовной, экономической и политической жизни общества. Согласно описанию С. Джонсона³ традиционные политические институты йорубских городских центров второй половины XIX в. подразумевали женское участие на самых разных уровнях. Исследователь Н. Мба утверждала, что сохранились сведения, в соответствии с которыми некоторые политические центры, такие как, например, Ойо, Ондо, Иле-Ифе и др., называли в качестве основателей этих центров женщин, а в их устной истории остались сведения о существовании в прошлом самостоятельных женщин-правителей, которые не были регентами, а правили от своего имени⁴.

Рассматривая систему властных отношений в обществе йоруба, ряд исследователей включили в политическую систему ийалоде. Дословно понятие ийалоде можно перевести как «мать в сфере общественных дел» (iya — мать,

¹ *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 36–37.

² *Коннел Р.* Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 50.

³ *Jonhson S.* History of Yorubas: from the earliest times to the beginning of the British Protectorate. N. Y.: Cambridge University Press, 2010. P.63.

⁴ *Mba N.* Nigerian Women Mobilized: Women's Political Activity in Southern Nigeria, 1900–1965. Berkeley: University of California Institute of International Studies, 1982. P. 2–3.

ode — общественные отношения). Вопрос о том, каковы были функции женщины, которая получала этот титул, и чьи интересы она отстаивала, является спорным. Б. Аве¹ рассматривала ийалоде, в главной степени, как представительницу, голос, женщин города, которая могла иметь доступ к правящей верхушке. Источником такого обширного влияния ийалоде становились ее успехи в экономической, а именно в торговой, деятельности. О. Ойевуми² выступила с критикой позиции Б. Аве по поводу тезиса о том, что ийалоде представляла в первую очередь интересы женщин рынка и города в целом. Исследователь называет такое представление об ийалоде концептуальным наслоением, которое сложилось в результате воздействия европейского гендерного дискурса на реальную практику.

Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Устойчивость и изменчивость архаических структур традиционной африканской культуры в пространстве современности

Африка — это музей человечества.

Д. А. Ольдерогге

Воображением познают.

Я. Э. Голосовкер

В данном сообщении осуществляется попытка выявить истоки, определить закономерности и границы взаимодействия (наблюдателя и объекта) в рамках пространства африканской культуры. За основу взяты такие фундаментальные понятия, как устойчивость и изменчивость архаических структур пространства культуры, взаимодействие традиционного общества в границах триады: хаос/равновесие/космос.

Попробуем обозначить круг стоящих перед нами проблем. Мифологизация прошлого и настоящего, структурирование образно-ритмических картин реальности, проявление архаики в повседневности, протяженность и осязаемость текущего момента времени, формирование в сознании объекта «горизонта событий» в прошлом и будущем.

¹ *Awe B.* The Institution of the Iyalode Within the Traditional Yoruba Political System // Alice Schlegel (ed.), *Sexual Satisfaction: A Cross-Cultural View*. N. Y.: Columbia University Press, 1977. P. 160.

² *Oyewumi O.* The Invention of Women: Making an African Sense of Western Gender Discourses. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. P. 109.

Трудно однозначно охарактеризовать последствия многовековой истории взаимодействия системно отличающихся друг от друга картин восприятия окружающей действительности, происходившего на континенте. Однако дихотомия Восток-Запад, как инструмент перехода на новый уровень погружения в проблематику выживаемости традиционных обществ в эпоху глобализма/анти-глобализма, не выдерживает критики.

Закономерности развития стран третьего мира, к которым, в силу целого ряда причин, относится подавляющее большинство африканских государств, определяются результатами четвертой технологической революции. Отсутствие возможности воспроизводства материальной культуры в упомянутой части ойкумены, определяет совершенно новые задачи как для самих обществ, так и для исследователей, занимающихся вопросами взаимодействия самого разного рода.

Роль исследователя в процессе формирования культурного пространства африканского континента и даже изменения последнего, до сих пор не ясна. Результат аналитической обработки и экстраполяции полученных знаний на все множество существующих подходов к предмету и объекту исследования, а также обобщение результатов полевой работы, оставляет не так уж много вариантов сценария заполнения информационного вакуума. Исходя из того, что информации никогда не бывает в избытке, предполагается, что достаточно большой объем замещается в итоге интерпретацией. Попытка слиться с объектом (использование метода включенного наблюдения), безусловно, дает наиболее информативный, осязаемый результат. Однако не стоит забывать о том, что в среде исследователей-обществоведов (культурологов) существует гипотеза, определяющая ситуативный характер ограничений, возникающий в ходе получения знаний об объекте, как таковых. Формулируется она следующим образом: при появлении наблюдателя разрушается целостность/равновесность системы — в рассматриваемом нами конкретном случае, система — объект/окружающий мир. Необратимо меняются все ее компоненты. При этом в случае, если избран исключенный метод наблюдения, информация интерпретируется, если же речь идет о включенном наблюдении — легитимизируется полученный объем данных. Таким образом, теряется качество искомого — достоверность полученных данных.

На базовом исследовательском уровне сосредоточимся на попытке проследить насколько же устойчивы и одновременно изменчивы архаические структуры традиционной африканской культуры в пространстве современности.

Основой архаического восприятия мира, является чувственное восприятие — сфера ощущений. Человек становится существом воспринимающим, проводником энергии, поступающей из окружающего мира, транслятором этой энергии в рамках социума. Коллективное мышление становится гарантией

стабильного существования системы. Единый взгляд на вещи нивелирует возможность возникновения противоречий, сводит к минимуму возможность конфликта.

Гармонизация сознания становится следствием ритмически организованной реальности, включенности человека в естественный ход вещей (смена дня и ночи, смена сезонов, рождение и смерть). Принцип достаточности становится залогом разумного распределения ролей в социуме, ограничивает усилия индивида, плавно встраивая результат индивидуальных действий в парадигму общих интересов. Так обеспечивается устойчивость архаических структур.

Отдельно поговорим о системе выстраивания отношений с предками. В рамках традиционного общества каждое действие в настоящий момент времени неизбежно ставится под сомнение, осуществляет поиск некоего оправдания/подтверждения правильности каждого шага. Поиск прецедента — прерогатива самых старших по возрасту представителей социума — старейшин. Именно они становятся проводниками между миром зримым, осязаемым, и миром предков. Таким образом, замыкается связь времен, происходит совмещение точек пространства времени, значительно удаленных друг от друга.

Постараемся в рамках данного повествования определить оптимальные подходы к проблеме, выявить закономерности и подчеркнуть значимость исследуемых вопросов.

Иванова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Система ТАМ языка дан-бло

Система ТАМ языка — это та часть грамматики, которая отвечает за значения времени (tense), вида (aspect) и залога (mood). Употребление данной аббревиатуры удобно, так как во многих языках все три значения тесно связаны, а иногда и просто неотделимы друг от друга.

Так, в языке дан-бло (центральный диалект западноивуарийского диалектного ареала языка дан, который относится к южной группе семьи манде, относящейся к макро-семье нигер-конго) значения вида, времени, модальности и полярности выражаются в рамках единой системы конструкций. Для выражения системы ТАМ в дан-бло используются следующие средства: 1) серия МПП; 2) глагольные суффиксы; 3) тон на глагольном сказуемом; 4) вспомогательные глаголы.

Объектом исследования являются глагольные конструкции в простых и некоторых типах сложных предложений. Отдельные элементы ТАМ дан-

бло уже были освещены в работах А. В. Эрман (Эрман 2002¹, 2005², 2008³, 2012⁴).

Материалы, используемые в докладе, были собраны в ходе полевой работы с носителем идиома дан-бло Ло Жафэ следующими методами: сбор типологических анкет посредством элицитации, разбор текстов из газеты — *Phamebhamé*, а также запись спонтанной речи с ее последующей обработкой.

На основе имеющихся данных удалось выявить ряд конструкций, который можно представить в виде следующей таблицы:

Единица ТАМ	Конструкция ее выражающая
Нейтральный вид	(S –) PPM{EXI} — (DO) — V(yH)
Перфект	(S –) PPM{PRF} — (DO) — V(LEX)
Прогрессив	1) (S –) PPM{EXI} — (DO) — V — <i>nã</i> 2) (S –) PPM{EXI} — (DO) — V + <i>dîà</i> 3) (S –) PPM{EXI} — V + <i>sù</i> — <i>gú</i>
Интенционалис	(S –) PPM{VOL} — (DO) — V(LEX)
Императив	PPM{IMP} — (DO) — V(LEX)
Будущее время	(S –) PPM{EXI} — <i>dÿ</i> — (DO) — V(INF)
Проспектив	(S –) PPM{EXI} — <i>dÿ'á/dô'á</i> — (DO) — V
Проспективно-прогрессивная конструкция	(S –) PPM{EXI} — <i>dÿ'á/dô'á</i> — (DO) — V — <i>nã</i>
Ретроспектив	(S –) PPM{EXI} — <i>kã</i> — (DO) — V(INF)
Имперфект	1) (S –) PPM{EXI} — <i>kã</i> — (DO) — V + <i>dîà</i> 2) (S –) PPM{EXI} — <i>kã</i> — (DO) — V + <i>sù</i> — <i>gú</i>
Сопряженная конструкция	(S –) PPM{JNT} — (DO) — V(JNT)
Отрицательный имперфектив	(S –) PPM{NEG. IPFV} — (DO) — V(LEX)

¹ Эрман А. В. Субъектные местоимения в дан-блово и модально-аспектно-темпоральные значения // Южные манде. Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот-д'Ивуар. К 50-летию Константина Позднякова. / Под редакцией В. Ф. Выдрины и А. Ю. Желтова. СПб: Европейский дом, 2002. С. 154–182.

² Эрман А. В. Повелительное наклонение в языке дан-бло // Четвертая Типологическая Школа. Ереван, 21–28 сентября 2005 / Отв. редактор В. И. Подлесская. М.: РГГУ, 2005. С. 364–368.

³ Эрман А. В. Тональная система языка дан-бло // Африканский сборник 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 345–354.

⁴ Эрман А. В. Прогрессив в дан-бло // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VIII. Ч. 2. Отв. редактор В. А. Плунгян. СПб.: Наука, 2012. 648–661.

Единица ТАМ	Конструкция ее выражающая
Отрицательный перфектив	(S –) PPM{NEG. PFV} — (DO) — V(LEX)
Отрицательное будущее-1	(S –) PPM{NEG. FUT} — (DO) — V
Отрицательное будущее-2	(S –) PPM{NEG. PFV} — <i>dʻ</i> — (DO) — V
Прохибитив	<i>kṽ</i> — <i>kṽ</i> — PPM{JNT} — (DO) — V(JNT)

Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва)

Традиция власти и власть традиции в современном Сомали

Современная ситуация в Сомали свидетельствует о провале различных способов решения конфликтов, предпринятых как изнутри страны, при иностранном вмешательстве, а также участии членов сомалийской диаспоры. В докладе предлагается анализ зависимости происхождения конфликта и предпринимаемых методов его решения (например, участие Эфиопии в миротворческом процессе в Сомали, местные попытки апелляции к прошлому Великого Сомали и возрождение национальной идеи, использование клановых интересов и др.)

В докладе рассматриваются традиционные способы решения конфликтов в сомалийском обществе и степень их состоятельности для решения современных проблем: авторитет клановых и мусульманских лидеров, эффективность иностранной помощи (как западной, так и внутриафриканской), внутренние попытки наведения порядка в стране путем усиления религиозного контроля.

Анализируется эффективность уже реализованных способов решения конфликтов, а также причины несостоятельности неэффективных подходов к решению сомалийских проблем.

Карпов Г. А. (ИНАФР РАН, Москва)

Получение образования как фактор африканской миграции в Великобританию колониальной эпохи

В результате миграционных процессов второй половины XX — начала XXI вв. в Великобритании сформировались крупные афро-азиатские сообщества. По данным переписи 2011 г. доля этнических и религиозных меньшинств составляет около 15% от общего состава населения страны (63 млн человек).

В современной Великобритании проживает не менее 1 млн мигрантов и их потомков из стран южнее Сахары.

Одним из основных путей проникновения в страну, помимо приезда через получение статуса беженцев, трудоустройство, воссоединение семьи была и остается миграция с целью образования.

Число иностранных студентов, приезжающих в Великобританию на обучение, увеличилось с 117 тыс. в 1998–1999 гг., до 230 тыс. в 2007–2008 гг., до 415 тыс. в 2009 г.

Образовательные услуги служат важным источником пополнения бюджета страны. По разным оценкам 236 тыс. студенческих виз в 2008–2009 гг. принесли Великобритании от 8 до 13 млрд долларов.

Однако надо отметить, что получение иностранцами образования, как фактор миграции в страну, не стало новшеством постколониального периода. Обучение местных кадров для их дальнейшего использования в интересах метрополии было одним из столпов колониальной политики англичан вплоть до середины XX в.

Важнейшую роль в этом процессе играли миссионерские организации — «Лондонское миссионерское общество», основанное в 1795 г., и «Церковное миссионерское общество», созданное в 1799 г.

К 1794 г. относятся сведения о присутствии в Ливерпуле от 50 до 70 африканских детей. В Клэпхэме, в 1799 г. была основана «Африканская академия», куда из Сьерра-Леоне впервые для обучения прибыла группа африканских детей (20 мальчиков и 4 девочки). В 1801 г. там же, при содействии англиканской религиозной группы «Святые Клэпхэма», было создано «Общество по образованию африканцев».

За время работы «Африканского института», специализированного религиозно-образовательного учреждения в городе Колвин, с 1889 г. по 1912 г. через его стены прошло около 100 африканцев из Камеруна, Нигерии, Либерии и других африканских стран.

Британские власти использовали в образовательных целях не только миссионерское движение, но и светские структуры. С 1875 г. и до конца XIX в. практиковалась отправка на несколько месяцев в Великобританию полицейских из числа местного населения западноафриканских колоний для обучения на специальных курсах при военных учебных заведениях.

Инициативу в вопросе образования проявляли и местные элиты. Король народа темне, Наимбана II, отправил двух сыновей на обучение в Европу, одного в 1785 г. — во Францию, второго в 1791 г. — в Англию. Самуел Морока, сын правителя тсвана, получал образование в Кентерберри. Сыновья короля лози, Леваника I, в начале XX в. обучались в частной школе «Бетани скул» графства Кент.

С начала XX в. до 1940 г. численность ежегодно прибывающих на обучение африканских студентов уже составляла около 100 человек, тогда же наметилась

тенденция к увеличению их доли в общем потоке студентов колониального происхождения, с 10–15% в 1939 г., до 43% к 1950 г.

В 1960–1970-е гг. наличие образования значительно увеличивало шансы африканских мигрантов в первом поколении на получение британского гражданства, высокооплачиваемой работы и, как следствие, более высокого социального статуса.

Конечно, далеко не всем африканцам после обучения в Великобритании колониального периода удавалось остаться в метрополии. Многие из них даже не ставили перед собой такую цель, а британцы не рассматривали иностранных студентов, как источник пополнения бюджета, да и масштаб этого миграционного потока был совершенно незначительным по сравнению со второй половиной XX в. Численность постоянно проживающих в Великобритании африканцев в 1951 г. не превышала несколько тысяч человек.

Такой путь миграции до сих воспринимается британскими властями, как относительно приемлемый, и для самих мигрантов (не только африканцев), особенно, молодых, остается одним из самых доступных.

Коваль А. И. (ИЯ РАН, Москва)

Генерические имена в опытах африканских лингвистов

Возможно, африканское языкознание вступает в новую полосу, когда описание фактов языков Африки становится делом не только «внешних» исследователей, но также и авторов-африканцев, сочетающих приобретенную ими общую научную подготовку с естественным знанием их родных языков. К настоящему обследованию были привлечены опыты гвинейских лингвистов, исконных носителей языка пулар. Фокус внимания в данном случае был сосредоточен на весьма специфичной проблеме — на категории, получившей развитие именно в гвинейском диалекте пулар, а именно на категории генерических имен (= «чистых» основ, не обеспеченных классификативной именной морфологией). Сличение и критический разбор работ африканских авторов, уделивших внимание данной проблеме, позволяет достичь полезных дескриптивных уточнений, особенно в том, что касается функциональных границ генерических имен.

Колесникова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Турция в Африке: зарубежная историография

Важная составная часть активизировавшейся в эпоху глобализации международной стратегии Турецкой Республики, в основу которой положены идеи

мирного развития и многополярности — «возвращение» Турции в Африку. Возросший за последние 15 лет интерес Турции к странам континента, с одной стороны, опровергает распространяемую на Западе идею международной маргинализации Африки, тем более что и другие «emerging powers» также стремятся укрепить позиции в данном регионе. С другой стороны, такой интерес является частью турецкой стратегии борьбы за лидерство на региональном уровне.

Сотрудничество Турции со странами Африки характеризуется изменением внешнеполитических приоритетов Анкары. Определяющим моментом двусторонних отношений стала экономическая заинтересованность Турции в Африке, в первую очередь, в ее минерально-сырьевых ресурсах. В политическом смысле для Анкары важна поддержка африканских государств на международной арене, которая позволит закрепить за Турцией статус лидера и выразителя интересов развивающихся стран.

Тема присутствия Турции в Африке, к сожалению, не стала пока в полной мере объектом пристального научного внимания отечественных исследователей, однако она находит все большее отражение в различных зарубежных источниках — в первую очередь, турецко-, англо- и франкоязычных.

Турецкие источники условно можно разделить на проправительственные (основной тезис — все успехи турецкой политики в Африке достижимы благодаря мудрой стратегии правящей Партии справедливости и развития и лично усилиям президента Р. Т. Эрдогана) и оппозиционные (педалируемая идея — главные игроки на африканском поле — турецкие НПО, а не правительственные круги). В турецкой литературе подчеркивается, что на Африку приходится львиная доля турецких кредитов развивающимся странам. Хотя ее финансовая помощь ограничена по объемам, политически она менее обусловлена, чем у западных стран. В немалой степени популярности турецкой гуманитарной помощи способствует ее соответствие нуждам стран континента: в числе реализуемых проектов — объекты инфраструктуры, промышленные предприятия, школы, больницы, общественные здания и др.

Основная отличительная черта англоязычных источников — оценка турецкой активности на Африканском континенте в контексте меняющейся глобальной мирополитической конфигурации (ближневосточный фактор, динамика российско-турецких отношений, связи Турция-ЕС, Турция-НАТО). Так английские исследователи отмечают, что турецкие инвесторы при государственной поддержке действуют в политически нестабильных регионах Африки, в которые не рискуют идти западные предприниматели. При этом в своей деятельности на Африканском континенте Турции приходится выдерживать достаточно жесткую конкуренцию со странами Запада и новыми, набирающими силу игроками, а также сталкиваться с рядом иных вызовов.

Что касается франкоязычных источников, то тема турецкого присутствия в Африке освещается не столь широко, однако, необходимо отметить возрастание интереса к данному сюжету за последние 2–3 года.

В целом, исследовательские центры Великобритании, США, Италии, Германии, Франции, Дании, Венгрии, Испании, понимая важность изучения стратегии новых партнеров стран Африки, уделяют большое внимание исследованию опыта Турции на данном направлении, поскольку эта тема тесно связана с процессами создания новой архитектуры международных отношений и международного содействия развитию в условиях формирования полицентричного мира.

Коношенко М. Б. (РГГУ; Московский ПГУ, Москва)

Грамматические тоны в языках Западной Африки¹

Как писал У. Уэльмерс, почти во всех тональных языках африканского континента тон может быть как лексической характеристикой определенной морфемы, так и появляться в определенном грамматическом контексте². Например, в языке муан (южные манде), глаголы могут нести лексический низкий, средний или высокий тон, но в форме имперфектива все они получают средний тон:

(1) **муан** (южные манде)³:

Лексическая форма	Имперфектив
/Н/ <i>kú</i> 'хватать'	/М/ <i>kí</i>
/М/ <i>gɔ́</i> 'продавать'	/М/ <i>gɔ̀</i>
/Л/ <i>gbí</i> 'ловить'	/М/ <i>gbí</i>

Хотя в описаниях конкретных языков грамматическим тонам обычно уделяется значительное внимание, сравнительных исследований грамматических тонов в языках Африки на сегодняшний день практически не существует. В настоящем докладе рассматриваются тональные морфемы в языках семей манде, ква и кру (Западная Африка).

1. Грамматические и лексические тоны

В большинстве рассматриваемых языков тон выражает как лексические, так и грамматические противопоставления. Однако в некоторых языках,

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ 15–34–01237 «Морфосинтаксис языков ква в ареальном освещении».

² *Welmers W. E. African Language Structures. Berkeley / Los Angeles: University of California Press, 1973.*

³ *Перехвальская Е. В. Глагольная морфология языка муан // Труды Института лингвистических исследований. Т. 2. Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 296–322. С. 305.*

например фон (гбе < ква) и какабе (манден < манде), есть только лексические тоны. Языков с грамматическими, но не лексическими тонами в выборке не обнаружено.

Во всех языках, имеющих грамматический тон, грамматические тоны обычно имеют формально более простую структуру, чем лексические. Например, в бен, как и во многих языках манде, лексические тоны на знаменательных частях речи могут быть и уровневными, и контурными, но грамматический тон в бен только уровневый.

(2) **бен** (южные манде)¹:

Лексическая форма	Низкотоновая форма
/Н/ <i>tá</i> 'пойти'	/L/ <i>tà</i>
/М/ <i>mĩ</i> 'пить'	/L/ <i>mì</i>
/ЛН/ <i>dǎ</i> 'прыгнуть'	/L/ <i>dà</i>
/МН/ <i>zrö</i> 'мыть'	/L/ <i>zrò</i>
/ЛНЛ/ <i>jâtê</i> 'уважать'	/L/ <i>jàtè</i>

2. Формальные типы грамматических тонов

По формальному признаку в рассматриваемых языках можно выделить т.н. аддитивные и заместительные тоны. Аддитивные тоны присоединяются к лексическому тону знаменательного слова, слева (префиксально) или справа (суффиксально). Например, в бамана (манден < манде) референциальный статус имени маркируется низкотоновым суффиксом: ср. *dén* 'любой) ребенок' vs. *dén* 'известный) ребенок'². Заместительные тоны вытесняют лексический тон. В примерах (1) из муан и (2) из бен наблюдается полное замещение. Однако возможно и частичное замещение, например, в муан в форме императива у двуморных глаголов тон второй морфы меняется на средний: *fáá* 'красть' — *fáā* 'укради'; *wlèè* 'поднимать' — *wlèē* 'подними'³.

3. Соотношение формы и значения

По этому признаку вслед за Паланкаром⁴ мы делим грамматические тоны на морфосинтаксические и морфологические. У морфосинтаксических тона можно однозначно определить семантику. Так, морфосинтаксический заме-

¹ *Паперно Д. А.* Грамматический очерк языка бен // Труды института лингвистических исследований. Т. 7, Ч. 2. СПб.: Наука, 2011. С. 14–117. С. 27.

² *Выдрин В. Ф.* Язык бамана: Учебное пособие. СПб.: Наука, 2008. С. 19.

³ *Перехвальская Е. В.* Глагольная морфология языка муан // Труды Института лингвистических исследований. Т. 2, Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 296–322.

⁴ *Palancar E. L.* A typology of tone and inflection: A view from the Oto-Manguan languages of Mexico. In: Enrique L. Palancar, Jean Léo Léonard (eds.). Tone and inflection. New facts and perspectives. Berlin: De Gruyter, 2016. P. 109–139.

ститительный средний тон в муан (1) появляется только в форме имперфектива и, следовательно, маркирует имперфективное значение. Морфологический заместительный низкий тон в бен (2) маркирует семантически гетерогенный набор словоформ, и ему трудно приписать семантический инвариант. Другой подтип морфологических тонов наблюдается в аттие (ньо < ква), где одна и та же семантическая форма может маркироваться разными тонами. Глаголы с лексическим уровневым тоном в утвердительном перфективе маркируются низким тоном, глаголы с лексическим контурным тоном получают заместительный средний тон¹.

(3) **аттие** (<ква)²:

Лексическая форма	Утвердительный перфектив
/Н/ dzé 'давать'	/Л/ dzè
/М/ hē 'ранить'	/Л/ hè
/Л/ bǎ 'приходить'	/Л/ bǎ̀
/МЛ/ dzò 'мыть'	/М/ dzò̀
/НЛ/ dʒò 'шить'	/М/ dʒò̀

Косогорова М. А. (ИСАА МГУ; ИЯз РАН, Москва)

Особенности сериальных конструкций в пулар фута-джаллона

Существует несколько вариантов определения сериальной конструкции, которые, в большинстве своем, сводятся к трем основным постулатам:

- во-первых, предикаты в сериальной глагольной конструкции должны иметь одно подлежащее;
- во-вторых, такие предикаты не должны быть разделены показателями сочинения или подчинения;
- и в-третьих, большинство исследователей сходится в том, что предикаты должны иметь одинаковое грамматическое оформление.

В докладе предлагаются результаты исследования, проведенного на материале языка пулар (фула), диалект фута-джаллон (Гвинея). С помощью материала корпуса текстов, а также примеров из современной литературы типологические обобщения глагольных сериальных конструкций были применены для пулар фута-джаллона, а также выведены отличительные особенности таких конструкций для диалекта.

¹ N'Guessan J. K. Description systematique de l'attie de Memni. Thèse de doctorat. Vol. 1. Grenoble: Univ. de Grenoble III, 1996.

² Ibid. P. 488.

В качестве основных результатов можно выделить две основные особенности глагольных серий. Первой является конфликт второго постулата и характерного для всего диалектного континуума языка фула явления местоименной анафоры. Оно заключается в требовании анафорического повторения субъектного местоимения при каждом из однородных предикатов и категорическом запрете на повторение субъекта в случае, если субъект при первом из однородных предикатов выражен именем (см. пример 1a и 1b).

(1a) Именное воплощение субъекта

<i>debb-</i>	<i>o</i>	<i>on</i>	<i>yeh-</i>	<i>i</i>	<i>dabb-</i>	<i>oy-</i>	<i>i</i>	<i>karsiini-</i>	∅
женщина-	sgO	Def.sgO	идти-	Act.Pfv.w	искать-	Dist-	Act.Pfv.w	бензин-	sgO
<i>ar-</i>	<i>i</i>		<i>hibb-</i>	<i>i</i>					
приходить-	Act.Pfv.w		выливать-	Act.Pfv.w					

Женщина пошла, [она] нашла керосин, [она] пришла, [она] вылила...

(1b) Местоименное воплощение субъекта

<i>o</i>	<i>ukk-</i>	<i>i</i>	<i>yiite</i>	<i>o</i>	<i>yalt-</i>	<i>i</i>
3.sgO	впускать-	Act.Pfv.w	огонь.sgNGE	3.sgO	выходить-	Act.Pfv.w

Она закинула огня, она вышла.

Таким образом, отсутствие однородности предикатов в пулар приходится определять, не обращая внимание на наличие/ отсутствие общего подлежащего, поскольку оно может диктоваться требованиями местоименной анафоры. Впрочем, косвенные признаки, такие, как референциальный статус анафорического местоимения, помогают с достаточной степенью уверенности постулировать однородность, но не помогают определить наличие серии.

Второй из основных особенностей сериальных глагольных конструкций является формальное несоответствие глагольных форм предикатов внутри серии в некоторых формах и наклонениях. Так, например, при использовании форм оптатива (пример 2) или зависимой инфинитивной группы (пример 3) лишь форма первого предиката серии отвечает требованиям окружения, остальные же принимают форму слабого потенциалиса, которая может в данном контексте называться «сериальной».

(2)

<i>o</i>	<i>inn-</i>	<i>i</i>	<i>yo</i>	<i>neene</i>	<i>jood-</i>	<i>u</i>	<i>nyaat-</i>	<i>a</i>
3.sgO	говорить-	Act.Pfv.w	Part*	мать.sgO	сесть-	Act{*Opt}	есть-	Act.Pot.w

Он сказал, пусть мать сядет [и] поест.

(3)

be fudɔ- i fi- u- de am- a yim- a
 3.pfVE начинать- Act.Pfv.w играть- Act- Inf танцевать- Act.Pot.w петь- Act.Pot.w
 Они начали играть, танцевать и петь.

Помимо двух перечисленных особенностей, идущих несколько вразрез с типологически обоснованными постулатами определения сериальных глагольных конструкций, в пулар фута-джаллона можно также отметить сериальные глагольные конструкции с полной и частичной грамматикализацией левого глагола. Также можно постулировать отсутствие аналогичных конструкций для правого глагола.

Кудрявцев Д. В. (Филологический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург)

Э. Роблес и алжирская война

8 мая 1945 года Европа празднует окончание 2-ой Мировой войны. На востоке Алжира в городе Сэтиф проходит демонстрация мусульман страны. Полицейский убивает 26 летнего алжирца с национальным флагом в руках. Демонстрация перерастает в беспорядки, в ходе которых погибло 102 европейца и еврея. Реакция Франции не заставляет себя ждать. Репрессии длятся несколько месяцев, уничтожено, по разным данным, от 10 до 45 тыс. мусульман. Эти события получили название «Алжирское восстание 1945 года».

Известный французский писатель Эмманюэль Роблес, который родился в Алжире и провел там более 40 лет, который прекрасно знал условия, в которых жили, а скорее, выживали местные жители, главным героем своего романа «На городских холмах» (1948) делает араба Смайла. Его действия очень похожи на спонтанные выступления мусульман в Сэтифе в 1945 году.

1 ноября 1954 года — день создания ФНО (Фронт Национального Освобождения) и день первых вооруженных нападений на французские объекты в Алжире. Алжирская война длится до 1962 года.

Еще в конце 1930-х годов в Алжире образовалась группа писателей — франко- и арабоязычных, — которая выступала за слияние на территории Алжира мусульманской и Европейской культур, так как обе они входили в состав единой средиземноморской культуры. Роблес был в числе участников этой группы. Позднее парижские критики назовут ее «Алжирской школой писателей». С началом войны многие представители алжирской интеллигенции выступали против зверств и жестокости, творимых против гражданского населения. В их числе был и Э. Роблес.

В 1955 году многочисленные группы либералов из Орана и Алжира решили объединиться в Федерацию либералов. По предложению А. Камю, который

к тому времени жил в Париже и консультировал французское правительство по поводу Алжира, было решено провести в январе 1956 г. собрание в защиту «Гражданского перемирия». Председателем этого собрания был избран Э. Роблес. Незадолго до него Роблес опубликовал в парижском еженедельнике «Завтра» статью под названием «Трудные пути». Ее основная тема была следующей: «Существование общей Родины для всех алжирцев еще возможно. Но должно быть абсолютное равенство прав и обязанностей для всех».

В Манифесте «О гражданском перемирии», который подготовил и зачитал А. Камю, говорилось о необходимости прекращения убийств гражданских лиц как со стороны ФНО, так и со стороны французских сил. Охрану участников собрания обеспечивали представители ФНО и арабские и еврейские студенты. С угрозами в адрес участников собрания выступали французские «ультрас». Когда А. Камю собственными глазами увидел обстановку в Алжире, он сказал Э. Роблесу фразу, которая станет пророческой: «Вскоре все это превратится в ужасную гражданскую войну, в настоящую этническую войну. Кончится тем, что европейцы станут убивать друг друга».

Созданная французскими националистами в 1961 году ОАС (Секретная вооруженная организация) подготовила 10 покушений на генерала де Голля и уничтожила в Алжире 239 европейцев и 1383 араба.

Позиция либералов Алжира, принятие ими «Манифеста о гражданском перемирии» не повлияли на развитие событий в стране. В последующие месяцы участились акты зверств и террора против мирных жителей Алжира.

Сам Роблес в 1958 году покинул Алжир и перебрался жить во Францию, но это не было связано напрямую с войной. Незадолго до отъезда его сын трагически погиб, когда чистил револьвер отца. Можно сказать, что мальчик оказался одной из жертв алжирской войны.

Куликова Е. Ю. (Институт филологии СО РАН, Новосибирск)

О соединении истории, прозы и поэзии в «Африканском дневнике» Николая Гумилева

«Африканский дневник» (1913 г.) Н. Гумилева представляет собой ряд путевых заметок «странствующего поэта»: четыре его главы — точно «введение» к основной части, внезапно оборванное перед собственно самим африканским путешествием. «Африканский дневник», в первую очередь, фактологичен (все описанное в нем — результат личных наблюдений автора), он состоит из ряда очерков, воссоздающих впечатления Гумилева на определенном отрезке пути, и предыстории поездки. Рассматривать «Африканский дневник» как исключительно исторический документ очеркового характера или же как неоконченный художественный травелог (продолжающий ряд «Писем

русского путешественника» Н. М. Карамзина или «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина) — вопрос, который так или иначе возникал у исследователей творчества Гумилева.

Документальность и историчность дневника подтверждает его «вторая часть», частично опубликованная в журнале «Наше наследие» В. В. Бронгулеевым и позже целиком выставленная в электронном журнале «Academic Electronic Journal in Slavic Studies» Е. Степановым, который получил фотокопии от А. Б. Давидсона¹. Гумилев планировал напечатать «Африканский дневник» по приезде в Петербург из Африки, а его «продолжение», безусловно, предназначалось для других целей: «Первоначально Гумилев действительно хотел писать свои путевые заметки сразу в литературной форме, годной для публикации... Однако дальше все стало меняться. Гумилев перешел на обычный способ фиксации только самых главных происшествий, основных пунктов маршрутов и продолжительности дневных переходов... Записи приняли... характер типично полевого дневника»², — пишет, комментируя «вторую часть» африканских впечатлений Гумилева, В. Бронгулеев.

Историческая значимость дневника и «реальность» происшествий, происходящих с героями, — первый и основной критерий для определения его жанровой сущности — документального очерка. Безусловно, в «Африканском дневнике» есть и черты художественности, проявляющиеся в многочисленных поэтических описаниях, и черты документальные, поэтому текст Гумилева интересен и филологам, и историкам. Взаимодействие поэзии, прозы и «факта» в творчестве Гумилева — вот сочетание, которое делает его «путевые заметки» одновременно литературным произведением и историческим очерком.

География Гумилева-путешественника подчинена литературным принципам: пространство «собирается» из цитат, которые выдаются за «впечатления», но в то же время остаются цитатами, отчего стихи обретают «картинность», становятся «артистическими стихами», не позволяющими забыть об условности того яркого мира, который создает поэт. Гумилев «сочиняет» африканский мир, исследуя его как путешественник и как поэт. А дневник в этом смысле оказывается своего рода материальным фоном, как бы «фабулой» лирического сюжета стихов Гумилева. Литературность географии содержит в себе динамический потенциал: она расширяет границы лирического «я», наделяя его множеством условных ролей, которые ставятся вровень с биографической судьбой.

¹ Подробнее об истории нахождения так называемого продолжения дневника см.: Степанов Е. Неакадемические комментарии — 3 // Academic Electronic Journal in Slavic Studies. University of Toronto. № 20. Spring 2007. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://gumilev.ru/biography/54/> (дата обращения 30.10.2016).

² Бронгулеев В. В. Африканский дневник Н. Гумилева // Наше наследие. 1988. № 1. С. 84.

Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва)

Образ России в современной литературе ЮАР

На протяжении многих десятилетий, пока в Южной Африке господствовал режим апартхеида, большая часть российской и советской литературы была запрещена на территории ЮАР. Национальная партия и южноафриканская цензура расценивали ее как часть коммунистической пропаганды. С 1956 г. и вплоть до 1992 г. официальных дипломатических связей между странами не существовало. Представления о советской жизни и культуре могли складываться лишь у отдельных членов Коммунистической партии Южной Африки, проходивших обучение в СССР, а также у ряда южноафриканских культурных и политических деятелей, бывавших с визитами в Советском Союзе. Некоторые из них оставили описания своих советских путешествий, часто представлявших собой отрывочные сведения и субъективную картину советской реальности.

С концом холодной войны и очевидно приближавшимся демонтажем апартхеида, интерес к России возрос в ЮАР в разы. В 1989 г. в ЮАР прибыла первая за 60 лет советская делегация, возглавляемая А. Б. Давидсоном и И. И. Филатовой. Это был пик взаимного интереса двух стран. Тогда же появилась возможность знакомства с огромным количеством русской и советской литературы. В конце 1980-х в Южной Африке особенно чувствовалась неопределенность будущего страны, предчувствие революции, разлом в обществе и нарастающая тревога. Именно поэтому южноафриканцы обращались к Тургеневу, Достоевскому, Белинскому, Чернышевскому, в работах которых они искали ответ на исторические и политические вызовы. Они сопоставляли (не всегда верно интерпретируя) русское террористическое движение, анархистов, нигилистов с вооруженным движением против апартхеида («Черное самосознание» Стива Бико, деятельность боевого крыла АНК «Умконто ве сизве» и др.).

С начала 1990-х особой популярностью среди южноафриканских читателей пользовался Чехов. В 1994–1997 гг. появились сразу несколько пьес, представлявших южноафриканский «ответ» на произведения Чехова. Это «Свободное государство» Дженет Сузман (южноафриканская интерпретация «Вишневого сада») и «Три сестры две» Резы де Вет (интерпретация «Трех сестер»). В обоих случаях пьесы Чехова служили для авторов основой для размышлений о «новом порядке, сметающим все старое», о новом мире, где для белых южноафриканцев реальность менялось кардинально, а грядущее было неопределенным и даже внушавшим страх.

Интерес к Чехову не угас и в настоящее время. В 2010 г. южноафриканская писательница Анна Кемп написала рассказ на африкаанс, который называется

«Письмо к Чехову. Любовная история». Трогательная история об односторонней переписке африканерской школьницы, которая верила, что Чехов ей ближе, нежели репрессивный кальвинистский мир Южной Африки, окружавший ее. Пьесы Чехова ставятся на сценах ЮАР ежегодно, в том числе в рамках Чеховских фестивалей, организующихся более 10 лет.

Образ России появляется в работах и других современных южноафриканских писателей. Огромный интерес к России прослеживается в творчестве Нобелевского лауреата Дж.М. Куцие. Он не только сделал Достоевского главным героем своего романа «Осень в Петербурге», но и создал ряд эссе о творчестве и биографии Бродского, Набокова, Солженицына, Мандельштама, Тургенева, Толстого и др. Другой известный южноафриканский писатель Иван Владиславич также обращался к параллелям между постсоветской Россией и Южной Африкой после апартеида в своем рассказе «Пропаганда с помощью монументов».

Южноафриканские писатели и драматурги по-прежнему с интересом следят за культурой и литературой России. Часто их интерпретации и сопоставления бывают не вполне объективными, в иных случаях они показывают интересные связи и параллели между историей и культурой двух стран. К сожалению, в России с конца 1980-х интерес к южноафриканской культуре и литературе стал заметно угасать, и в современном российском обществе он практически сошел на нет.

Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва)

Искусство и архитектура догонов как исторический источник

Традиционное изобразительное искусство и архитектура догонов — важный, но до сих пор явно недооцененный исторический источник. В предлагаемом докладе автор, избегая сложных теоретических построений, на конкретных примерах попытается показать некоторые его возможности.

К сожалению, использование традиционного искусства и архитектуры догонов в качестве исторического источника затруднено несколькими обстоятельствами. Во-первых, большинство публикаций об искусстве и архитектуре догонов относится к деревням, расположенных на скальном уступе Нагорья Бандиагара и в непосредственной близости от него на самом Нагорье или в долине Сено, лежащей к югу от скального уступа. Эта территория вошла в 1989 г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Но и она изучена крайне неравномерно: большая часть исследований проводилась в Санга и окрестных деревнях, а их реалии переносились, подчас безосновательно, на все группы

догонов. Между тем разные культурно-исторические области Страны догонов заметно отличаются друг от друга. Так, знаменитые маски неизвестны на севере; архитектура севера Нагорья Бандиагара отличается от южной настолько сильно, насколько это возможно при одинаковой технике строительства из сырцового кирпича и камня; скульптура подразделяется на несколько региональных стилей, множество деревенских подстилей и вовсе уж необозримое количество стилей индивидуальных. Нередко все они мало похожи на «классические» образцы скульптуры из Санга.

Во-вторых, многие атрибуции произведений традиционного искусства не точны: так, фигуры с поднятыми руками, которые представлены во всех субэтнических стилях догонов, называются изображениями Номмо, хотя, по крайней мере, в районе г. Банкасс и на севере Страны догонов, в Бондум, это совершенно не соответствует действительности. Следует отметить, что в плане уточнения атрибуции некоторых произведений традиционного искусства догонов не могут помочь даже фонды Национального музея в Бамако, куда автор был допущен с любезного разрешения Министерства культуры Республики Мали и Генерального директора Музея, д. Самюэля Сидибэ (Sidibé Samuel): в каталоге Музея отсутствуют сведения о точном месте приобретения скульптур, не говоря уж об их авторстве. Указано только, что данная скульптура и маска — работа догонов. Исключение составляли лишь несколько вещей, приобретенные Музеем уже в 2000-е гг.

Дверные засовы — очень интересны жанр декоративно-прикладного искусства догонов¹ (на языке тен-кан *logokuni*, но в ходу также слово *datugulan* (бамана). Эти вещи до сих пор остаются вполне аутентичными: догоны широко используют их в быту наряду со навесными замками китайского производства. Стилистические особенности засовов в разных историко-культурных областях Страны догонов иной раз способны дать дополнительную информацию об истории миграций на Нагорье Бандиагара.

Для дверок зернохранилищ используются малые засовы (не более 30 см в высоту), для дверей домов — большие (иной раз их высота превышает 50 см). Первые, как правило, представляют собой схематичные антропоморфные изображения — вытянутые по вертикали фигуры с ромбовидным навершием (голова), причем засовы такого типа можно встретить по всей Стране догонов и за ее пределами в Регионе Мопти. Сюжеты засовов дверей домов более разнообразны, но чаще всего встречаются засовы в виде маски антилопы Валу. Они, подобно засовам первого типа, относятся к числу изделий «массового» производства местных кузнецов, и также встречаются и на севере, и на юге Нагорья. Однако есть засовы, характерные только для отдельных деревень и/

¹ Куценков П. А., Семенова В. Н. Дверные засовы догонов в реальном и музейном контексте // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб: МАЭ РАН, 2016. С. 162–169.

или групп деревень; именно они представляют особую источниковедческую ценность.

Из тех групп, что составляют современных догонов, первыми на западе Плато появились люди из народа сонинке, которых в нескольких деревнях на севере Страны догонов до сих пор именуют «дженненке» («люди Дженне», т. е. выходцы с территории, контролируемой Дженне)¹. Начиная с XV в., они начали продвигаться на северо-восток, вероятно, под давлением пришельцев из «Страны манде» и осели в областях Нижнее Геу и Бондум, расположенной чуть восточнее Геу. Следует отметить, что сходство между терракотовой скульптурой Внутренней дельты Нигера IX–XIII вв. и деревянной скульптурой догонов еще в 1988 г. убедительно продемонстрировал Бернар де Грюнн в статье, посвященной этому вопросу², подтвердив в общем данные устной традиции. Анализ стиля дверных засовов позволяет уточнить эту информацию: и в деревне Тинтан (Тинтам) культурно-исторической области Бондум, и в г. Дженне бытуют дверные засовы одного и того же типа, весьма отличного и от антропоморфных засовов, и от маскоидов (Валу). Это вертикальные прямоугольные деревянные бруски, покрытые орнаментом, полностью лишённые каких-либо зооморфных и/или антропоморфных черт. Вместе с тем, в Бондум нередко встречаются засовы и первых двух, и других типов, характерные для всех групп догонов. Можно предположить, что они служат этнодифференцирующим признаком, наряду с тогуна, антропоморфных изображений с поднятыми руками и культом Ама (Амма), чьи алтари можно видеть в деревнях всех групп догонов. Этот факт заставляет вспомнить слова выдающегося советского этнолога и историка Л. Е. Куббеля о «сознательной переделке идеологической традиции», характерной для ранних африканских государств³.

Связь с городами Внутренней дельты Нигера (по преимуществу Дженне) хорошо заметна и в архитектуре: фасады домов в деревне Буну (Нижнее Геу) обнаруживают поразительное сходство с фасадами в Марокканском стиле из Дженне, а в Тинтан (Тинтам) и Семари (Самари) планировка домов идентична планировке домов в Дженне: они имеют два этажа, внутренний дворик и вестибюль, встречающийся на юге только в домах вождей (помещение для охраны), да и то крайне редко. В сущности, разница в планировке домов из Дженне и из деревни Тинтан (Тинтам) сводится к тому, что в Тинтан на втором этаже расположены не жилые помещения, а зернохранилища. Наконец, характерные

¹ *Blom H.* Dogon. Images & Tradition. Brussels: Momentum Publication/Guy Van Rijn, 2010. P. 64.

² *Grunne B. de.* Ancient Sculpture of the Inland Niger Delta and Its Influence on Dogon Art // African Arts. Vol. 21. No. 4 (Aug. 1988). P. 50–55, 92.

³ *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, ГРВЛ, 1988. С. 84.

для домов на севере мощные пилястры находят прямую аналогию в архитектуре мечети в Дженне, и особенно в руинах первой мечети, запечатленной на фотографии конца XIX в.

На юге, заселенном выходцами из «Страны манде», влияние Дженне совершенно незаметно. Напротив, в архитектурных традициях и старых (теперь покинутых) деревень, и новых: Кани-Бонзон, Кани Комболе, Тели, Энде и др., — ощущается связь с культурой предшественников догонов, теллем. Согласно устной традиции, после прихода догонов все теллем ушли на восток, на территорию современной Буркина-Фасо. Но это явно не соответствует действительности, поскольку связь между теллем и догонами прослеживается и в изобразительном искусстве (одинаковые типы скульптуры и подголовников), и в архитектуре, что проявляется в схожей или даже идентичной технике строительства. Так, и теллем, и догоны использовали в строительстве кирпичи характерной овальной формы с заостренными вершинами. Но имеются и существенные отличия: у догонов и дома, и зернохранилища в плане прямоугольные и квадратные, а у теллем — круглые или овальные.

Следует также отметить, что один случай этой самой «перелетки идеологической традиции» автором был зафиксирован автором в д. Семари в культурно-исторической области Бондум: по словам вождя деревни, Буреима Гандеба, ее жители «происходят из древней деревни Генде (возможно, современная деревня Кенде к югу от Семари), отсюда и их имя «Гендеба». Сама же деревня Генде была основана жителями Гудуба (?), которые пришли из Манден-Каба»¹. «Манден-Каба» — Кангаба или Кааба, город в Мали в 50 км от границы с Гвинеей, колыбель средневековой империи Мали, создателем которой был Сунджата Кейта. Если учесть, что деревня, согласно устной традиции, была основана в 1269 г. н.э. (эту дату назвал вождь деревни), а путь Гендеба к месту их теперешнего обитания был извилистым и явно небыстрым, то «исход» из Манден-Каба должен был состояться еще до рождения Сунджаты (1190 г.). Таким образом, в данном случае мы, возможно, имеем дело с приспособлением исторического предания Семари к общедогогонской традиции.

В заключение мы можем (со всей, впрочем, осторожностью) сделать вывод, что изобразительное искусство и архитектура догонов могут быть использованы в качестве источника по истории этногенеза догонов — несмотря на то, что атрибуции их неполны и неточны. В ряде случаев стилистический анализ произведений традиционного искусства подтверждает устную традицию догонов.

¹ Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буреима Гандеба / Пер. и комментарий П. А. Куценков // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов / Отв. ред. Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: Филигрань, 2016. С. 99–110. С. 107.

Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва)

«Зрелищная и музыкальная культура народов Африки южнее Сахары», М., 2016 (презентация книги)

Д. А. Ольдерогге известен широтой научных интересов (изучение языков, истории, культурологии, антропологии). Предлагаемая книга написана в русле одного из направлений, определенных его исследованиями. Она посвящена традиционной культуре народов Тропической и Южной Африки. Значительная и важная часть ее — зрелища, музыка, пение, танец. Несмотря на многообразие народов, и, следовательно, их многовариантность, можно вычлени общие черты и предложить некоторую типологизацию.

Книга состоит из двух частей. В первой выделены основные типы зрелищной культуры и представлены их основные черты. Так, рассматриваются конфессиональные (христианские, мусульманские, традиционные) праздники; календарная обрядность; ритуалы социализации; праздники «власти»; первые «светские» зрелища (в том числе народные виды спорта, нередко ритуализированные), ставшие основой для создания профессионального театра.

Во второй части два раздела. Первый показывает место и роль музыки, песни, танца в жизни африканцев. Во втором представлены группы музыкальных инструментов (идефоны, ударные, струнные, духовые).

Книга снабжена фото и списком литературы. Она написана на основе изучения местных хроник, записок и исследований арабских и европейских специалистов, личных наблюдений автора в Эфиопии, Танзании, Камеруне, Кот д'Ивуар, Сенегале) и рассчитана как на африканистов, для которых может стать отправной точкой для более глубоких исследований, так и для всех интересующихся историей и культурой Африки.

Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Развитие представлений о художественном творчестве в северонигерийской литературе

Современная северонигерийская литература представлена двумя направлениями, различающимися в первую очередь по языковому принципу — это литература на хауса и сравнительно недавно появившаяся литература на английском языке. Словесная традиция на языке хауса является сравнительно хорошо изученной (М. Хискетт, С. Пилашевич, Г. Фернисс, Б. Ларкин, Ю. К. Щеглов, Н. А. Добронравин, Ю. М. Адаму, И. Шеме, И. Малумфаши, А. У. Адаму и др.).

Настоящее исследование обращается к малоизученной теме — формированию и развитию у северонигерийских писателей представлений о художе-

ственном творчестве. Основным источником выступили материалы интервью с писателями. Интервью с писателями довольно часто встречаются в современных СМИ и содержат ценные сведения о том, что формирует содержание авторского творчества, какие задачи для писателей являются первостепенными, как они оценивают свое творчество и состояние современной северонигерийской литературы. В докладе представлены творческие концепции различных северонигерийских авторов: драматургов (Шу'аibu Макарфи, Алхаджи Юсуфу Ладан), поэтов (Ибрахим Бала Гарба, Юсуф Адаму), прозаиков (Хафсату Ахмад Абдулвахид, Билкису Фунтува, Бина Салма Мохаммед, Рахма А. Маджид).

Литература выступает в качестве важного социального фактора на территории современной Северной Нигерии, поскольку это одна из сфер, где происходит активное обсуждение актуальных социальных вопросов. По этой причине в глазах общества фигура писателя (*marubuci*) имеет большую значимость. Подобная «функциональность» писателя и авторского творчества привела к тому, что содержание произведений во многом определяется необходимостью получить одобрение социальной среды. В подобных условиях формирование и развитие представлений о художественном творчестве, творческая самореализация писателей сопряжены с трудностями, столкновение с которыми заставляло большую часть авторов оставаться в рамках консервативных взглядов на творчество. Ряд писателей, тем не менее, придерживается прогрессивных взглядов и предпринимает попытки создать свое собственное видение художественного творчества, привнести новые идеи, литературные формы, художественные средства.

Ляховская Н. Д. (ИМЛИ РАН, Москва)

Матапар — «грудные дети» (лингала) Африки в переходную эпоху

В переходную эпоху (90–е годы XX в. — нулевые XXI в.) в африканских франкоязычных литературах появляется новый герой, «чужой» и среди «своих», т.е. соотечественников, и среди «других», т.е. европейцев. Этот персонаж (студент, преподаватель, рабочий), не сумевший каким-либо образом соединить традиционные ценности с европейскими, с очень слабыми, поверхностными связями с традиционной Африкой, как бы с разломанным, бифуркационным сознанием, сознанием, уже не родо-племенным, коллективистским, но еще и не вполне индивидуалистическим.

Впервые образ африканца с индивидуалистическим сознанием возник в романе «В поисках Африк» (1990) конголезца Анри Лопеса. Название обманывает читателя, потому что его герой, молодой лицейский преподаватель в Нанте

Андре Окана, не ищет никакой Африки. Африка для него — виртуальная реальность, существующая в воспоминаниях о детстве, а материально — лишь как обереги — амулеты в кармане и в комнате. Его реальность — это поиски белого отца-врача, когда-то бросившего их с матерью. Он пребывает в постоянно раздраженном, подавленно-агрессивном состоянии духа, в самоизоляции (его не интересует ни профессия, ни общение с соотечественниками) и рефлексии о самом себе. Для этого нового типа африканцев свойственны отсутствие социализации, сосредоточенность на собственных эгоистических чувствах, эмоциях, на рефлексии о самом себе. Так роман, задуманный как роман-история, приобретает черты литературы самопознания.

Африканцы этого типа критически относятся к современной африканской действительности, к авторитарным режимам на родине как «зоне несправедливости» и коррупции, но не принимают активного участия в политической и общественной жизни. Они уходят в мечты, в рефлексию, в хобби. Так Мишель-Матапари — герой романа конголезца Э. Донгалы «Звездные мальчики» (1998), начав жизнь как традиционалист, становится изгоем (родное племя изгнало его вместе с женой из другого племени). Сапиентация (учеба на машиниста паровоза, увлечение астрономией) в современном африканском городе не приводит к реализации всех его способностей. Он остается особенным и одиноким в самопознании.

Драматическая судьба «трудных детей» на рубеже веков показана на примере героя романа конголезца Д. Бияулы «Тупик» (1996). Жозеф Гагатика, рабочий на заводе «Мишлен» в Париже, — «чужой» и в африканском доме, в семье, и в среде соотечественников в Париже, и среди французов. Он, как и Андре Окана, постоянно находится в раздраженном состоянии духа. Презируя соотечественников за подражание французам, подозревая всех французов в скрытом расизме, возмущаясь культом личности президента на родине, безработицей, проституцией малолетних, ленью чиновников, он замыкается в самом себе и, пережив нервный срыв, оказывается в психиатрической больнице, где, выздоровев, остается работать санитаром.

В таком же духовном тупике оказывается герой постмодернистского романа ивуарийца Коффи Кваюле «Господин Ки. Парижская рапсодия чтобы улыбаться лелеять время» (2013). Безымянный парижский студент записывает на магнитофон свои воспоминания о родной деревне, сборище дураков и сумасшедших, по его мнению. Задыхающийся в съемной мансарде буквально (от астмы) и метафорически (в отсутствии социальных связей), презирующий земляков, он испытывает маниакально-депрессивный психоз, преследуемый в воображении сакральной маской предка-киноцефала. Возмнивший стать Спасителем для своих невежественных и безумных соотечественников, стать маской киноцефала, измученный «диалогами» с фантомом, он кончает жизнь самоубийством, бросившись в метро под поезд.

В определенном смысле эти образы — тип африканца как бифуркационного человека, утратившего глубинную духовную связь с традиционными ценностями и не принимающего европейских, свидетельствует о крахе политики мультикультурализма в Европе, во Франции в частности.

Макеева Н. В. (ИЯ РАН, Москва)

Коррелятивные союзы в языке кла-дан (< южные манде < манде < нигер-конго)

В сложноподчиненных предложениях языка кла-дан, зависимая часть которых находится в препозиции к главной части, последняя может вводиться одним из трех коррелятивных союзов: *yèlɛ́, kú, tó*. Союзы различаются по своему распределению между различными семантическими типами полипредикативных конструкций: условными, уступительными, таксисными. Кроме того, союзы различаются набором видовременных конструкций, употребления которых они требуют, и правилами, определяющими их выбор.

Союз *yèlɛ́* употребляется только в таксисных конструкциях и требует употребления одной из двух сопряженных конструкций — нейтральновидовой или имперфективной — в зависимости от характера протекания ситуации, описываемой в главной части. Союз *yèlɛ́* склонен употребляться при описании событий, относящихся к прошлому.

Союз *kú* употребляется в главной части условных, уступительных и таксисных конструкций. Выбор видовременной конструкции в главной части условного или уступительного предложения при союзе *kú* зависит только от временного плана описываемого в ней события. Для плана прошлого используется перфектная конструкция, для плана настоящего — имперфективная, для плана будущего — конструкция будущего времени. Тип условного или уступительного значения оказывается формально выражен только в зависимой части.

В главной части таксисных конструкций союз *kú* в сочетании с перфектной конструкцией маркирует предшествование, а с имперфективной — одновременность. Имперфективная конструкция при союзах *kú* и *yèlɛ́* употребляется анафорически, т. е. интерпретируется не относительно момента речи, как это происходит при ее независимом употреблении, а относительно временного дейктического центра, который совпадает с точкой отсчета, заданной в первой, зависимой, части конструкции. В главной части таксисных конструкций при союзе *kú* перфектная конструкция также может иметь относительную временную интерпретацию, преимущественно в специализированной конструкции следования и неполной одновременности с союзом *sábaa* 'когда; прежде чем'.

Союз *tó* употребляется в главной части уступительных и таксисных конструкций и требует употребления перфектной конструкции, вне зависимости от времени и характера протекания описываемой в главной клаузе ситуации. Таким образом, в таксисных конструкциях характер таксисных отношений между ситуациями, описываемыми в зависимой и главной частях, а также временной план оказывается выражен только в зависимой части. Аналогичным образом в уступительных конструкциях при наличии союза *tó* в главной части семантический тип уступительного значения оказывается формально выражен только в зависимой части. В главной части все противопоставления нейтрализованы.

Мильто А. В. (ЯрГУ, Ярославль)

Сомалийские беженцы в Европе¹

Сомалийская диаспора входит в число самых многочисленных в мире. Регион Африканского Рога поставляет массу беженцев, перемещенных лиц и переселенцев, которые бегут из дома из-за политических и межэтнических проблем в поисках безопасности, пищи и воды. К концу 2016 г. в изгнании проживало около 1 млн сомалийских беженцев, число внутренних перемещенных лиц составило 1,1 млн человек². Большинство беженцев оседает в приграничных лагерях, в самом большом из которых — кенийском Дадаабе³ — сомалийцев больше всех — 126 тысяч⁴. Те, у кого есть деньги, не задерживаются там надолго: Кения считается перевалочным пунктом в Европу.

Нелегальная иммиграция из Африки в Европу за последнее десятилетие приобрела массовый характер. Наибольшей популярностью среди беженцев из Сомали пользуются бывшие страны — метрополии: Великобритания и Италия.

Сомалийская община в Великобритании сформировалась в конце 1880-х гг. Она была чисто мужской и первоначально насчитывала 50–60 моряков. Сомалийцы составляли часть низкооплачиваемых этнических групп, подвергавшихся унижительным условиям труда, репатриации по окончании контракта, а их род занятий должен был ограничиваться «мореходной» отраслью. Селились они в основном в портовых городах: Кардиффе, Ливерпуле, Лондоне.

¹ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–31–00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

² Somalia situation. Supplementary appeal. July–December 2016. UNHCR. 31 p.

³ Лагерь Дадааб (основан в 1991 г.) — самый большой лагерь беженцев в мире. В настоящее время, только по официальным данным, в нем проживают 440 тыс. беженцев. В действительности их число превышает 600 тыс. человек.

⁴ *Kagwanja P. M. Le Bon Samaritain à l'Épreuve de la «Tradition Africaine» dans les Camps de Réfugiés au Kenya // Politique Africaine. 2002. № 85. P. 45–55.*

Многие сомалийцы служили на британском флоте в годы Первой и Второй мировых войн. Несмотря на их заслуги (некоторые получили медали за службу), их статус оставался незавидным (в силу бедности, необразованности, нецивилизованности).

Значительная часть сомалийцев обрела второй дом в Италии. В отличие от Великобритании в Италии существенную часть иммигрантов всегда составляли молодые женщины, которых итальянцы охотно берут на должности нянь, кухарок, сиделок. Мужчины-сомалийцы, не имеющие возможности легально устроиться на работу в Италии, нередко занимались перевозкой наркотика чат из Африки, перевозкой нелегалов, продажей поддельных документов. За ними прочно утвердилась репутация лжецов, нечистых на руку.

Резкое увеличение числа беженцев в Великобритании и Италии связано с вооруженным конфликтом, разгоревшимся в Сомали после падения диктаторского режима М. С. Барре¹ в 1991 г. Далеко не всем мигрантам удалось интегрироваться в европейское общество. Сомалийцы отличаются закрытым образом жизни, нежеланием контактировать с местным населением. «Европа осталась для них загадкой...»²

У большинства беженцев нет надежды на лучшую жизнь за границей. Они не ждут ничего от будущего и с ностальгией вспоминают прошлое. Между тем, несмотря на некоторую стабилизацию обстановки в Сомали, многие сомалийцы боятся возвращаться на родину. Они обеспокоены тем, что репатриация не будет сопровождаться достаточной поддержкой со стороны правительства, и озабочены тем, что с ними случится, когда они окажутся в Сомали.

Мингазова Н. Г. (КФУ, Казань)

Этап обособления категории числа в языках суахили и лингала

Возникновение и становление категории количества неразрывно связано со становлением и формированием мышления человека в процессе его трудовой деятельности, с постепенным переходом мышления от чувственно-конкретного к абстрактному. На начальном этапе становления данная категория была неразрывно связана с категорией качества.

¹ Барре, Мухаммед Сиад — генерал, президент Сомалийской республики (1969–1991 гг.) Пришел к власти в результате военного переворота 21 октября 1969 г. М. С. Барре разогнал парламент, политические партии, установил диктаторский режим, взял курс на строительство социализма. В 1991 г. был смещен с поста и изгнан из страны. Умер в изгнании в 1995 г.

² *Farah N. Yesterday, Tomorrow. Voices from the Somali Diaspora. L. & N.-Y.: Cassell, 2000. 198 p.*

Языки банту находятся на начальном этапе процесса обособления категории числа в самостоятельную категорию в результате уменьшения количества плюральных классов и унификации выражения числа. Язык суахили, как и лингала входит в группу языков банту, которые характеризуются наличием системы именных классов с префиксальными показателями, выполняющими несколько функций. В языке суахили насчитывается пятнадцать основных именных классов: первые одиннадцать — предметные и предметно-грамматические — имеют корреляцию по числу: шесть сингулярных и пять плюральных. Остальные классы являются чисто грамматическими. Категория числа представлена словоформообразовательным элементом — префиксом¹.

Различие между сериями именных классов объясняется наличием имен групп *singularia* и *pluralia tantum*, различными историческими напластованиями и «затемнением» семантических основ, и тенденцией к обособлению числа в самостоятельную категорию, так как раньше категория числа была неотделима от категории класса.

Категория числа в языке суахили не является единообразной категорией. Каждому существительному 1, 3, 5, 7, 9 классов единственного числа соответствует 2, 4, 6, 8 либо 10 класс множественного числа. 11 класс в отношении категории числа не представляет собой единство: часть лексического состава имеет абстрактное значение и объединяется в группу *singularia tantum*, часть лексики образует множественное число либо по нормам 10, либо 6 классов. Например, слова 1 класса образуют множественное число с помощью префиксов 2 класса: *mkulima* — *wakulima* ‘крестьяне’. Слова 3 класса (деревья) коррелируют по числу с 4 классом: *mti* — *miti* ‘деревья’².

Н. В. Громова и Н. В. Охотина подчеркивают, что «префикс *ta-* в современном языке суахили становится маркером множественного числа как грамматической категории имени существительного независимо от согласовательной модели. Четыре класса (1, 5, 9 и 11) могут получать во множественном числе префикс *ta-* как обозначение множественности, дискретной в плане синхронии. Однако выбор именно этого класса объясняется его имманентной семантикой, включающей в себя значение *pluralia tantum*, с одной стороны, и значение аугментативности, с другой»³.

В суахили можно обнаружить арабизмы, которые не изменяются по числу: *matini* ‘текст, тексты’, *hadithi* ‘рассказ, рассказы’. Как правило, арабские

¹ Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка Суахили. М.: Наследие, 1995. 319 с. С. 133–134.

² Мингазова Н. Г., Субич В. Г., Фаттахова А. Р. Морфологическая дистрибуция категории числа в субстантивной парадигме разноструктурных языков // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 79–84.

³ Громова Н. В., Охотина Н. В. Теоретическая грамматика языка Суахили. М.: Наследие, 1995. 319 с. С. 133–134.

слова, заимствовались в единственном числе, а форму множественного числа приобретали за счет маркеров множественного числа языка-реципиента: *rafiki* — *marafiki* ‘друг’, *shaka* — *mashaka* ‘сомнение’¹

В языке лингала имена существительные четко классифицируются: выделяют восемь классов имен. Согласно И. Н. Топоровой, в лингала каждому показателю имен единственного числа соответствует определенный показатель множественного числа, обычно префиксы единственного и множественного чисел образуют пару. Однако, иногда образование множественного числа происходит при помощи показателя не того класса, к которому относится существительное, либо в нескольких именных классах показателям единственного числа соответствует один показатель множественного числа: префикс *ba-* является показателем множественного числа для 1 и 8 классов; *ma-* — для 3 и 4 классов; один префикс *n(m)* может служить для выражения как единственного, так и множественного чисел. Например, *mokonzi* — *bakonzi* ‘вождь’, *libela* — *mabela* ‘колодец’².

Таким образом, основной способ образования множественного числа в этих языках — агглютинация-префиксация. Выбор префикса *ma-* как показателя множественного числа для языков банту представляет собой универсальное явление, что указывает на тенденцию к унификации выражения числа.

Морозенская Е. В. (ИНАФР РАН, Москва)

Экономическое благосостояние населения как важнейший показатель реализации «Целей устойчивого развития» в Африке

Цели устойчивого развития (ЦУР) на 2016–2030 гг., принятые ООН 26 сентября 2015 г., включают 17 главных социальных, экономических и экологических проблем современного развития большинства стран мира. Прежде всего, это преодоление бедности и голода, достижение достойного уровня здравоохранения и образования, постоянное обеспечение населения питьевой водой, санитарией, электроэнергией, новыми рабочими местами. Важно также создание новых и повышение эффективности, подотчетности и инклюзивности действующих институтов — политических, экономических и социальных. Эти цели актуальны для Африки, испытывающей огромные трудности во всех перечисленных сферах жизнедеятельности.

¹ *Фаттахова А. Р.* Лексика арабского происхождения в татарском языке и суахили: морфологическое освоение // Вестник чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 238–244.

² *Топорова И. Н.* Язык Лингала. М.: Наука, 1973. 100 с.

Программы реализации заявленных целей, текущий контроль над их корректированием и выполнением применительно к условиям отдельных стран и регионов Африки невозможны без использования соответствующего научного инструментария, прежде всего конкретных показателей и методов их расчета. Представляется, что в качестве основного комплексного индикатора может быть использован показатель «экономическое благосостояние человека» ('Human economic well-being'), позволяющий оценить уровень социально-экономических и других связанных с ними факторов.

В качестве базы для проведения оценки экономического благосостояния используются, как правило, характеристики финансового обеспечения населения, такие как «валовой внутренний продукт (ВВП) в расчете на душу населения», «Индекс человеческого развития» (учитывает, помимо душевного ВВП, также уровень грамотности и среднюю продолжительность жизни) и ряд других.

Между тем, при использовании традиционных экономико-статистических методов расчета, например, методологии регрессионного анализа экономического роста в сочетании с показателем среднего темпа роста ВВП на душу населения в качестве зависимой переменной, в ряде стран Африки был выявлен необъяснимо медленный экономический рост либо оказалось невозможным определить параметры «типичной страны» Африканского континента. Попытки сделать однозначные выводы из межстрановых сравнений на основании сопоставления лишь душевых показателей роста ВВП осложняются и нередкими для национальной статистики стран Африки расхождениями между данными, полученными из разных источников.

Главное, данные индексы не учитывают всю полноту действия социальных, в том числе традиционных, факторов, касающихся качества жизни, включая не только доступность образования, здравоохранения, питьевой воды и санитарии, состояние окружающей среды, но и возможности трудовой занятости (в том числе в неформальном секторе экономики), а также особенности местного самоуправления и качества деятельности органов власти.

Для измерения фактического уровня экономического благосостояния населения в отдельной африканской стране, регионе и на континенте в целом необходимо сочетание статистических (официальных и расчетных) данных и оценочных показателей социально-экономического положения населения (обеспеченность жильем, физическое состояние жителей, наличие доступа к мобильной телефонии и Интернету и т. д.), полученных на основе регулярных опросов местного населения и отчетов местных органов управления. Все это может сочетаться в показателе «экономическое благосостояние человека», позволяющем оценить состояние и потенциал социально-экономических и других связанных с ними факторов.

Муравьев Н. А. (ИЯз РАН, Москва)

Конструкции с анафорическим выражением участников при номинализации в языке акебу¹

Язык акебу относится к группе кебу-анимере левобережной ветви семьи ква (нигеро-конголезские) и насчитывает около 50 тысяч носителей на территории государства Того в префектурах Акебу и Вава. В акебу имеется форма номинализации, образуемая от глагольной основы присоединением префиксально-суффиксального показателя именного класса GƏ. Участники номинализованной клаузы могут быть выражены эксплицитно, и тогда используется именной генитивный маркер *IV* в позиции между зависимым и вершиной, как в (1).

- (1) *no'-wũj`* [*ko'fi* *la'* *ə-pə-kə*]
 1.PFV-думать Кофи POSS GƏ-приходить-GƏ
 'Я думал, что Кофи пришел'.

Данный паттерн кодирования участников соответствует выделяемой в типологической литературе двойной посессивной стратегии², при которой все зависимые отождествляются с зависимыми в именной группе и получают генитивное оформление.

В отсутствие же эксплицитного выражения какого-либо из участников зависимой клаузы, помимо того же маркера *IV*, может также использоваться посессивное местоимение третьего лица *nV* в анафорической функции. Оба варианта допустимы при прономинализации субъекта непереходного глагола, как *pə* 'приходить' в (2).

- (2) *no'-wũj`* [*nə* / *la'* *ə-pə-kə*]
 1.PFV-думать 3SG.POSS / POSS GƏ-приходить-GƏ
 'Я думал, что он пришел'.

В то же время, при прономинализации прямого объекта переходного глагола *sə* 'ударять' в (3–5) в зависимой клаузе данные конструкции обнаруживают нетривиальное распределение: конструкция с *IV* возможна в любых контекстах, тогда как интерпретация конструкции с *nV* определяется лицом обоих субъектов и их кореферентностью. Так, если субъект матричного предиката не является локутором, как в (3), конструкция с *nV* имеет как кореферентное, так и некорреферентное прочтение.

¹ Материал собран автором в ходе полевой работы. Работа поддержана грантом РГНФ № 15–34–01237

² *Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. London and New York: Routledge, 1993.*

- (3) *nō-wūŋ* (yàò) [*nā* / *lá à-cā-kê*]
 ПУ.З.ПФV-думать Яо 3SG.POSS / POSS ГƏ-ударять-ГƏ
 ‘Он думал, что я ударю Яо’.
 ‘Он думал, что кто-то ударит Яо’.

Если же субъект матричного предиката является одним из локуторов, как в (4), конструкция с *nV* допустима только в кореферентном прочтении. Для сравнения, конструкция с *IV* в (5) имеет оба прочтения.

- (4) *nó-wūŋ* (yàò) [*nā* *à-cā-kê*]
 1.ПФV-думать Яо 3SG.POSS ГƏ-ударять-ГƏ
 ‘Я думал, что я ударю Яо.’
 *‘Я думал, что кто-то ударит Яо.’

- (5) *nó-wūŋ* (yàò) [*lá* *à-cā-kê*]
 1.ПФV-думать Яо POSS ГƏ-ударять-ГƏ
 ‘Я думал, что я ударю Яо.’
 ‘Я думал, что кто-то ударит Яо.’

Соответствующий опущенный участник третьего лица, как видно по примерам выше, может при этом быть выражен в главной клаузе в качестве внутреннего аргумента матричного предиката в позиции прямого объекта (букв. *я думал Яо*).

Таким образом, показатель *IV* в анафорической конструкции является нейтральным средством референции к внешнему участнику, тогда как *nV* выполняет сходную функцию, но невозможен при прономинализации прямого объекта в контекстах с матричным субъектом-локутором и некорреферентным зависимым субъектом. В данном синтаксическом контексте *nV*, тем самым, выполняет роль своеобразного маркера переключения референции, указывая в специфических условиях на тождество субъектов в противоположность референциально нейтральному *IV*. Некоторой параллелью подобного использования сторонних средств для маркирования переключения референции являются тувинские конструкции с семантикой цели, в которых некорреферентность субъектов выражается императивно-оптативной формой наклонения, а кореферентность — нейтральными индикативными формами¹. Такие случаи, по-видимому, редки в языках мира и представляют несомненный интерес для типологического изучения.

Сокращения

ПФV — перфектив, POSS — посессивность, SG — единственное число, ПУ, ГƏ — класс, 1, 2, 3 — лицо.

¹ Bergelson M., Kibrik A. The system of switch-reference in Tuva: Converbial and masdar-case forms. In: Haspelmath M, König E (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995: P. 373–414.

Огородникова Д. (University of Hamburg)

Аннотации на языке сонинке в арабских рукописях Западной Африки: чьих рук это дело?

Некоторые тексты арабских авторов имели особую популярность среди традиционных ученых Западной Африки: эти тексты являются содержанием многих рукописей, найденных как в европейских библиотеках, так и в частных коллекциях местных эрудитов. Тематикой подобных текстов является исламское право, теология, религиозная поэзия, толкование Корана.

Чаще всего в подобных рукописях, помимо основного текста на арабском, содержится материал на одном или более языках Манде, записанный в арабской графике (аджами). В частности, это — аннотации на языке сонинке, которые имеют различные функции: перевод, пояснение, интерпретация основного текста. С первого взгляда, аннотации вызывают большое количество вопросов: Кто написал их? С какой целью? Копировались ли аннотации вместе с основным текстом, либо существует устный компонент, который находит отражение в письменном виде на полях и между строк рукописей?

При ближайшем рассмотрении и анализе аннотаций, становится возможным проследить систему «маркировки», которая дает информацию с точки зрения языковой принадлежности, типа аннотации, а также ссылок на источник, на учителей и ученых — пользователей рукописей. Таким образом, представляется возможным частично восстановить контекст создания и использования подобных рукописей.

Панцеров К. А. (ФМО СПбГУ, Россия)

Африканцы в сети: качественная характеристика африканского информационного пространства

Доклад посвящен проблеме равноправной интеграции стран Африки, расположенных южнее Сахары, в глобальное информационно-коммуникационное пространство. Сегодня подавляющее большинство африканских государств придает повышенное внимание развитию на своей территории информационных технологий. Однако создание информационно-коммуникационной инфраструктуры само по себе и предоставление технической возможности для доступа к современным информационным технологиям не является достаточным условием, свидетельствующим о создании в стране информационного общества. Другим немаловажным аспектом является компьютерная грамотность населения и то, насколько часто простые люди используют информационные технологии в своей повседневной жизни.

К сожалению, приходится констатировать, что уровень компьютерной грамотности населения в Африке продолжает оставаться достаточно низким,

а многие африканцы просто не видят необходимости в повседневном использовании такого ресурса как Интернет. Данное обстоятельство дает нам возможность задать вопрос: что собой представляет постиндустриальное информационное общество для африканцев — роскошь или необходимость?

Помочь ответить на поставленный вопрос может мониторинг африканского информационно-коммуникационного пространства. На сегодняшний день в Интернете существует большое количество специализированных Интернет-сайтов, посвященных изучению различных африканских языков, свои Интернет-страницы имеют многие африканские газеты и журналы, органы государственной власти. Однако для того, чтобы обеспечить равноправную интеграцию стран Африки в глобальное информационно-коммуникационное пространство требуется, прежде всего, создание местного цифрового контента, направленного на популяризацию африканской культуры в целом и отдельных африканских стран и народностей, в частности. Реализация данной задачи представляется необходимым условием выживания государства в эпоху информационной глобализации, создав известные гарантии сохранения культурной самобытности проживающих на его территории народов.

Это многомерная задача, на реализацию которой должна быть направлена государственная информационная политика, направленная на широкое внедрение информационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, включая бизнес, правительство, средства массовой информации и частную жизнь простых африканцев. В этой связи необходимо подчеркнуть, что государству надлежит создать благоприятные условия для того, чтобы стимулировать использование информационных технологий своими гражданами в их повседневной жизни, в том числе и путем создания разветвленной сети общественных Интернет-центров не только в больших городах, но и в сельской местности. Одновременно государству надлежит проводить планомерную политику, направленную на повышение компьютерной грамотности населения путем активного внедрения обучения базовым навыкам работы на компьютере в программы высших, средних и даже начальных учебных заведений, и популяризацию среди населения, особенно проживающего в отдаленной сельской местности, преимуществ повседневного использования информационных технологий.

Только в этом случае станет возможным появление нового поколения африканцев, готового к жизни и работе в наступающем информационном веке, отличительная черта которого — способность и готовность к обучению в течении всей жизни. В конечном итоге, в африканских странах должны появиться люди, обладающие достаточной квалификацией для того, чтобы выйти на просторы Интернета и принять участие в создании бесконечного глобального гипертекста, в котором нашла бы отражение африканская культура и культурно-цивилизационные особенности отдельных африканских обществ.

В противном случае, африканская культура и национальная идентичность растворится в принципиально иной западной цивилизации, что обеспечит прочное закрепление африканских стран на периферии мирового информационно-коммуникационного пространства.

Перехвальская Е. В. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Аспектуальная система южного сан в диахронической перспективе

В южном сан (сан-макаа) глагольная лексема представлена тремя морфологическими формами, выражающими аспектуальные значения: нейтральной формой, формой перфектива и имперфектива: 'приходить' нейтр. *dāā*; перф. *dāà*; имперф. *dīē*. Нейтральная форма употребляется во всех не-индикативных конструкциях, а также в конструкции отрицательного перфектива. Нейтральная форма используется как «словарная» (Page 1999, Platiel 1974, Mandé 2000).

Перфективная и имперфективная формы восходят к нефинитным формам глагола, вследствие этого эти формы не могут самостоятельно играть роль предиката, а требуют наличия предикативного показателя. Перфективная и имперфективная формы прошли следующий путь развития: V + послелог → V + суффикс → морфологически неразложимая форма V.

По всей видимости, перфективные формы были образованы прибавлением элемента, несущего низкий тон; в образовании имперфективных форм принимал участие элемент -e /-ε, которые вызывал изменение основы глагола. Эти выводы подтверждаются материалом родственных языков (сан-мачаа и сан-майаа), где указанные процессы не завершены и соответствующие глагольные формы морфологически «прозрачны»..

Петров В. В. (СПБГИК, Санкт-Петербург)

Отражение медицинской проблематики Мозамбика в творчестве Миа Коуту

С медицинской точки зрения Африка сегодня напоминает теплицу с рассадой всевозможных заболеваний. Проблематика медицинского обеспечения и борьба с недугами занимают далеко не последнее место в жизни развивающихся стран Третьего мира, в числе которых — Мозамбик, государство в юго-восточной Африке, население которого в массовом порядке страдает от таких хворей как малярия, лепра, шистоматоз, СПИД, венерические и другие

инфекции. Где мы можем увидеть картину борьбы медицины со страшными заболеваниями в современном Мозамбике? Какие трудности и предрассудки стоят на пути преодоления опасных инфекций? Литературное искусство Мозамбика дает нам ответ в творчестве писателя Миа Коуту, литератора, не просто воспроизводящего сцены жизни, но и самого наделенного опытом исследований в области биологии и медицинской практики в Мозамбике.

Используя в качестве объекта исследования роман Миа Коуту «Божьи яды и чертовы снадобья», сопоставим медицинскую тему произведения с данными отечественных и зарубежных исследователей в области здравоохранения Мозамбика, осуществим анализ того, отражена ли истинная картина в романе Миа Коуту, способствует ли она восприятию реального положения на данной территории Черного континента, какие вопросы озвучены автором за строками вышеназванного произведения литературы в контексте медицинской проблематики в Мозамбике.

Поздняков К. И. (INALCO, Paris)

Реконструкция Нигер-Конго: современное состояние и некоторые новые перспективы

В истории реконструкции праязыка нигер-конго можно выделить 2 этапа. Первый этап, в результате которого компаративистика нигер-конго была декларирована как важнейшая область компаративистики, связан с именем Гринберга, хотя очень похожие гипотезы о родстве большинства языков Африки высказывались за несколько десятилетий до него (Весстерман и другие исследователи). Работы Гринберга позволили сформировать в области африканистики поколение компаративистов 60–80-х гг. XX века, которые при минимуме данных умудрялись получать максимум результатов, сохраняющих актуальность по сей день.

С начала 90-х годов XX века наступила эпоха лавинообразного приращеня наших знаний в области африканских языков. Появились сотни новых описаний языков, и несколько десятков специалистов в области компаративистики Нигер-Конго просто не были в состоянии переварить обрушившуюся на них лавину новой информации. Главная проблема 1960-х гг. состояла в том, что мы знали *слишком мало*. Начиная с 1990-х гг. и до сегодняшнего дня мы сталкиваемся с противоположной проблемой — мы знаем *слишком много*», и у специалистов не хватает времени не только осмыслить новые результаты, но иногда и ознакомиться с ними.

Главный «бонус», который сегодня получили африканисты и которого не было еще 10 лет назад, это профессионально разработанные и невиданные по объему электронные базы данных. Прежде всего, необходимо отметить

уникальную базу данных по лексике африканских языков, созданную под руководством Гийома Сежерера в рамках большого международного проекта в лабораториях LLACAN и DDL (CNRS)¹. Эта база включает сегодня более 1 млн слов с непосредственным выходом от каждого слова на PDF соответствующей страницы источника. В этой базе содержится самая разнообразная информация, и она предлагает максимальный комфорт для компаративистов, которые в ней работают — для установления регулярных фонетических соответствий, для реконструкций и для упорядочивания рефлексов, для самой разнообразной статистической обработки данных.

В своем докладе я предполагаю продемонстрировать некоторые уникальные возможности этой базы для реконструкции лексики Нигер-Конго. База открывает для исследователей-компаративистов принципиально новые перспективы. Главное, на мой взгляд, состоит в следующем.

Еще несколько лет назад, как и в XX веке, многочисленные реконструкции или, по принятой сегодня терминологии, «псевдореконструкции»², неизбежно выводились по следующему алгоритму: среди нигеро-конголезских языков, искались сходные формы с близким значением, и, в том случае, если таковые обнаруживались в нескольких различных семьях Нигер-Конго, установленная серия возводилась к нигеро-конголезскому уровню. Другая возможность просто отсутствовала. Многочисленные псевдореконструкции этого типа можно найти, и у Гринберга, и в Вильямсон (Kay Williamson, одна из ведущих специалистов в области реконструкции Нигер-Конго конца XX века) и в серии известных электронных публикаций Роджера Бленча. Учитывая, что возможности «ручного» перебора форм в макросемье, насчитывающей 1500 языков, принципиально ограничены, специалисты (а это как правило специалисты по одной или максимум двум нигеро-конголезским семьям) могут оценить качество предлагаемого материала в меру своей компетенции, но не имеют возможности увидеть общий нигеро-конголезский контекст, остающийся «за кадром». В частности, знакомясь с очередной гипотезой, специалисты не в состоянии проверить, действительно ли предлагаемое этимологическое сближение представляет наиболее характерную основу для языков Нигер-Конго или существуют потенциальные сближения со сходной семантикой, которые являются более перспективными. Во-вторых, как правило, очень трудно проверить, все ли потенциальные сближения включены автором в серию, или же существуют другие вероятные рефлексы, на которые автор просто не обратил внимания.

¹ *Segeyer G., Flavier S.*, 2011–2016 RefLex: Reference Lexicon of Africa, Version 1.1. Paris, Lyon. <http://reflex.cnrs.fr/>.

² По предложению Кэй Вильямсон, «псевдореконструкции», основанные на внешнем сходстве сопоставляемых форм, сопровождаются знаком диеза /#/ , в отличие от «настоящих» реконструкций, основанных на регулярных фонетических соответствиях и сопровождаемых традиционной пометой /*/.

Работа с базами, которые по своему объему приближаются к исчерпывающим, дает принципиально новую возможность: мы можем учитывать не только *наличие* интересующих нас форм, но и их *отсутствие* в той или иной семье.

На январь 2017 года в моей сравнительно-этимологической базе по нигеро-конголезским языкам, организованной в среде RefLex, имеется приблизительно 500 потенциальных нигеро-конголезских изоглосс. Наиболее стабильные и интересные из них будут продемонстрированы в докладе.

Представляя этот доклад на Чтения, посвященные памяти Д. А. Ольдерогге, хочу в заключение отметить, что именно вопросы сравнительно-исторического изучения языков Нигер-Конго особенно занимали Д. А. Ольдерогге в последние годы его жизни, что с очевидностью проявляется в последней монографии Д. А. Ольдерогге, которую мне удалось издать по его черновикам¹.

Попов В. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург)

К этноботанике Западной Африки: орех кола

Орех кола — один из знаковых элементов традиционной культуры ашантийцев, эве, фон, йоруба, бини, игбо, мандязычных и многих других народов лесного пояса Западной Африки. Значимость этих орехов для них имеет много общего с функциями бетеля и ему подобных легких жевательных стимулянтов/релаксантов.

Дерево кола произрастает в тропических дождевых лесах, относится к семейству мальвовых и приходится дальним родственником какао. В Африке южнее Сахары существует 125 видов деревьев кола (родиной кола считается побережье Гвинейского залива от Сьерра-Леоне до Камеруна). Орехи кола обычно содержат до 2,5–3% кофеина и до 0,05% теобромина, сочетание которых и определяет возбуждающее действие ореха кола как натурального транквилизатора. Теобромин в сочетании с коланином способствует сжиганию жиров и сохранению в организме фосфора. Самыми ценными считаются орехи вида *Cola nitida* (кола блестящая), причем белого цвета — самые нежные на вкус и содержащие больше кофеина.

Орехи кола широко применялись и применяются народами Западной Африки в медицинских и ритуальных целях: при гадании, кормлении духов предков, для противодействия колдовству, привлечения удачи и т. д. В современных ритуалах западноафриканских народов орехи кола находят применение практически везде: на свадьбах, помолвках, рождении ребенка и наречении его именем, разрешении различных конфликтов и примирениях и т. п. Йоруба говорят: «Тот, кто приносит орехи кола, приносит жизнь». Орехи кола употребляют в пищу как свежими, так и сушеными. Их можно жевать, предварительно

¹ Д. А. Ольдерогге. История изучения африканских языков. (Отв. ред. К. И. Поздняков). М.: Наука, 1990.

измельчив (это традиционный способ употребления); вначале их вкус кажется горьким, затем становится сладковатым.

Кола рассматривается в качестве лучшего подарка и является необходимой частью жертвоприношений, без орехов кола ни одна церемония не считается полноценной. У хаусанцев количеством орехов кола в распоряжении человека измерялась степень состоятельности. Сватаясь, жених должен был подарить кола семье невесты — чем больше орехов, тем престижнее. У йоруба перед принесением клятвы орехи кола разбивают, кладут на железо — символ бога Огуна — и съедают. У мандеязычных народов Кот-д'Ивуара, Гвинеи и Сенегала юноша, сватаясь к девушке, посылает ее родителям орехи кола. Если ответ положительный — ему возвращают ответный знак: белые орехи кола, если отрицательный — красные.

Кола — знак гостеприимства. Предложение в подарок орехов кола — это знак дружбы и уважения. У йоруба принято предлагать кола гостю, когда тот уходил. Число даримых орехов имело конкретное значение: нечетное означает, что гость нежелателен и что хозяин не хочет продолжения знакомства, четное же, напротив, выражает желание хозяина поддерживать отношения. У игбо зафиксировано табуирование орехов кола для женщин, которые не могли участвовать в культивации этих орехов, а также раскалывать орех в присутствии мужчины.

Торговля орехами кола с мусульманами Центрального и Восточного Судана, и прежде всего с хаусанскими городами-государствами, составляла важную сторону деятельности доколониальных политических образований лесного пояса Западной Африки (Конфедерация Ашанти, Империя Ойо, Великий Бенин и др.), мусульмане ценили орех кола как заменитель алкоголя и табака и считали, что кола — «орех пророка Мохаммада».

Поручиков С. И. (ТГУ, Тамбов)

Учебная миграция африканской молодежи в Россию (на примере города Тамбова)

На сегодняшний день Российская Федерация входит в число приоритетных направлений международной учебной миграции африканской молодежи. В нашей стране зарубежных абитуриентов привлекают высокое качество образования при умеренной стоимости обучения, а также возможность самостоятельного выбора места учебы как в столице, так и в регионах, что характерным образом подчеркивает структурную разветвленность российской образовательной системы¹.

Согласно прогнозам РАН, общее количество иностранных и, в особенности, африканских граждан, обучающихся в различных субъектах РФ, в дальней-

¹ *Бершвили Н.* Иностранцев студентов в России за год стало на 8% больше [Электронный ресурс] // «Известия». Август, 2016 [вебсайт]. URL: <http://izvestia.ru/news/625055>.

шем будет неуклонно расти, что подтверждает необходимость пристального внимания к проблемам организации приема, профессиональной подготовки и социальной интеграции африканцев в России со стороны государственных и общественных структур¹.

Настоящий доклад включает в себя результаты прикладного социологического исследования, проведенного автором в 2016 году на базе Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина (ТГУ), с целью выявления ключевых составляющих учебной миграции молодых африканцев в город Тамбов. При сборе и анализе информации были использованы методы анкетирования и глубинного интервью.

В первом случае объектом исследования выступали африканские студенты очной формы обучения в количестве 100 чел. в возрасте от 17 до 32 лет.

Во втором случае автором были проведены беседы с руководителями структурных подразделений ТГУ, ответственными за работу с иностранными студентами, а также с рядом африканских выпускников, продолжающих обучение в магистратуре.

В процессе исследования были получены следующие результаты:

- Основными причинами, заставляющими африканцев отправляться на учебу в Россию, являются: желание получить востребованную специальность (42,2%), стремление к финансовой независимости (20,3%) и низкий уровень развития систем образования и науки на родине (12,5%).
- Выбор африканцами Тамбовского государственного университета обуславливается приемлемой стоимостью обучения (52%), рекомендациями родственников и друзей (17,6%), хорошей научно-исследовательской базой (8,1%) и исключительными карьерными перспективами (4,7%). В числе иных причин выделяется интерес к российской культуре и традициям, а также удобное географическое положение г. Тамбова.
- Национальная принадлежность африканских студентов в ТГУ весьма разнообразна. Так, 19% опрошенных являются выходцами из Намибии, 15% — из Ганы, 13% — из Нигерии, 12% — из Республики Конго, 11% — из Замбии, 5% — из Танзании, по 4% — из Ботсваны и Малави, 3% — из Зимбабве, по 2% — из Кении и ЮАР. По 1% приходится на Анголу, Бенин, Кот-д'Ивуар, Эфиопию, Габон, Гвинею, Камерун, Южный Судан и Свазиленд.
- Наибольшим спросом у 77% африканцев пользуется медицинское направление подготовки, у 10% — экономическое, у 6% — международно-

¹ Шереги Ф. Э., Арефьев А. Л. и др. Численность обучающихся, педагогического и профессорско-преподавательского персонала, число образовательных организаций Российской Федерации. (Прогноз до 2020 года и оценка тенденций до 2030 года). М.: Институт социологии РАН, Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 270 с.

политическое, у 5% — юридическое и у 2% — инженерно-техническое.

- В число препятствий, затрагивающих африканских студентов в период обучения, входят: недостаточное владение русским языком (41%), трудности в освоении образовательной программы (20,7%), проблемы социокультурной адаптации (15,7%), сложности при оформлении документов (14,7%), а также бытовые вопросы (5,5%). При этом руководство и сотрудники вуза стараются своевременно оказывать африканцам оперативную помощь в решении данных вопросов¹.

В целом, за последние годы Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина стал широко востребованным вузом в области подготовки квалифицированных специалистов для зарубежных государств. Это подтверждается тем, что, в конечном итоге, более 70% африканских выпускников довольны качеством полученного образования, указывая на высокий потенциал налаживания представителями регионального центра важных партнерских связей с государствами Африки в рамках общероссийской международной политики в совокупности с формированием на континенте значительной прослойки нового поколения дружественных интеллектуальных элит, способных качественно повлиять на развитие российско-африканских отношений в будущем.

Порхомовский В. Я. (ИЯ РАН, Москва)

Чадские и берберские термины родства в типологической перспективе

Настоящая работа является продолжением серии опубликованных исследований, которые велись в течение ряда лет в рамках совместного с Д. Ибришимовым (Байройтский университет) проекта по изучению систем и терминов родства в семито-хамитских (афразийских) языках — ААКТС [Afro-Asiatic kinship terms and systems]. Общий обзор проекта представлен в приведенных в сноске публикациях².

¹ Результаты анкетирования африканских студентов, проходящих обучение в Тамбовском государственном университете имени Г. Р. Державина. Тамбов, 2016 // Архив автора.

² *Ибришимов Д., Порхомовский В. Я.* Термины родства в семито-хамитских (афразийских языках): современное состояние и перспективы проекта ААКТС — Afro-Asiatic kinship terms and systems // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. Ред. В. А. Виноградов. М.: Academia. 2008. С. 138–167.

Ibrizimow D., Porkhomovsky V. Etudes ethnolinguistiques en chamito-sémitique: termes et systèmes de parenté // Lonnet, Antoine & Amina Mettouchi (éds.). Les langues chamito-sémitiques (afro-asiatiques), vol. I. *Faits de langues*, n° 26. Paris: Ophrys. 2005. P. 269–290.

Существенное внимание в проекте уделено типологическому аспекту. Наш анализ строится на общепринятой в социальной антропологии модели, базирующейся на двух независимых друг от друга критериях: а) разграничение прямой и коллатеральной линий родства; б) разграничение отцовской и материнской линий родства. Сочетание этих двух независимых параметров позволяет выделить четыре основных типа. Имеются различные терминологические варианты для обозначения этих типов. Мы используем следующую терминологию:

I. Бифуркативно-коллатеральный тип — разграничение прямой и коллатеральной, а также отцовской и материнской линий;

II. Бифуркативно-сливающий тип — разграничение только отцовской и материнской линий;

III. Генерационный тип — отсутствие разграничений по обеим этим линиям;

IV. Линейный тип - разграничение только прямой и коллатеральной линий.

Результаты наших исследований на материале языков, включенных в базу данных проекта ААКТС, позволяют сделать следующий вывод: для систем терминов родства в семитских, кушитских, чадских и северных берберских языках характерна основная линия эволюции от бифуркативно-коллатерального к линейному типу. Во всех этих языках различаются прямые и коллатеральные линии родства. Что касается противопоставления отцовской и материнской линий, то здесь в различных языках представлены три последовательных этапа эволюции противопоставления отцовской и материнской линий родства:

1) у родственников как мужского, так и женского пола;

2) только у родственников мужского пола;

3) оппозиция отцовской и материнской линий отсутствует.

Однако среди семито-хамитских языков следует выделить особый ареал, включающий туарегские и некоторые чадские языки, для которых характерна принципиально иная линия эволюции систем терминов родства. В туарегских диалектах отсутствует разграничение прямой и коллатеральной линий. Что касается оппозиции отцовской и материнской линий, то во всех туарегских диалектах за исключением диалекта кель эвей она зафиксирована только для родственников мужского пола. В диалекте кель эвей отсутствуют как оппозиция прямой и коллатеральной линий, так и отцовской и материнской линий¹. Это означает, что мы можем предположить эволюцию от бифуркатив-

Ibrizimow D., Porkhomovsky V. Towards a Typology of Kinship Terms and Systems in Afro-Asiatic (Hamito-Semitic) // *Studi Afroasiatici*. XI Incontro Italiano di Linguistica Camitosemitica. A cura di A. Mengozzi. Milano: FrancoAngeli. 2005. P. 15–28.

¹*Nicolaisen J., Nicolaisen I.* The Pastoral Tuareg. Ecology, Culture, and Society. London: Thames and Hudson, Copenhagen: Rhodos International. 1997. 2 vols. P. 878.

но-сливающего типа в большинстве туарегских диалектов к генерационному, представленному в диалекте кель эвей.

Наши дальнейшие исследования показали, что системы терминов родства чадских языков нгас (ангас) и бидия также относятся к бифуркативно-сливающему типу. Наличие бифуркативно-сливающего типа систем терминов родства среди семито-хамитских языков только в туарегских диалектах может объясняться особенностями социальных структур у кочевых народов. Подобные эффекты наблюдаются у этнических групп, ведущих изолированный образ жизни, например, на труднодоступных островах. Однако данные чадских языков коренным образом меняют общую панораму. Возможны различные гипотезы для объяснения этого типологического феномена, например, ареальное взаимодействие или общий субстрат. Здесь требуются специальные полевые исследования терминов родства в максимально большом количестве чадских языков.

Ринканья Алина (Университет Найроби, Кения)

Конфликт традиций и современности в рассказах кенийских писательниц нового поколения

Одной из причин выбора темы для данного сообщения послужила известная работа германо-американской исследовательницы Мари Крюгер «Женская литература в Кении и Уганде: затруднения с современностью» (2011), в которой автор утверждает, что современный образ жизни далеко не всегда является панацеей для разрешения проблем, описываемых в романах кенийских и угандийских писательниц последних десятилетий. Признавая справедливость выводов автора для рассмотренных ею произведений (работа написана на материале нескольких романов и повестей, опубликованных преимущественно в 90-е годы XX века), автор данного сообщения считает возможным осветить и альтернативную точку зрения на «современность», прослеживающуюся, в частности, в произведениях кенийских писательниц, вступивших в литературу в первые десятилетия нынешнего века, и работающих в основном в жанре короткого рассказа. В первую очередь это участницы литературных проектов Kwani и Storymoja, основанных в середине 2000-х годов как литературная трибуна для молодых авторов.

На материале нескольких десятков рассказов, опубликованных в антологиях Kwani и на интернет-сайте проекта Storymoja, автор сообщения приходит в выводу о том, что большинство этих авторов считает как раз современные веяния — женское образование, эмансипацию, феминистские ориентации — действенными и нередко единственными средствами противостояния таким, по их мнению, негативным тенденциям в жизни кениек, как насильственные браки и обрезание, запреты на образование, трайбализм,

эксплуатация труда несовершеннолетних и т. п. В рассказах выводится новый тип кенийки — молодой, образованной и энергичной женщины, способной самостоятельно устраивать свою жизнь и тем самым являющейся примером и «ролевой моделью» для читательской — в основном женской — аудитории.

Саватеев А. Д. (ИНАФР РАН, Москва)

Прошлое и настоящее российской африканистики: люди, методологии, перспективы

Каждая наука обретает полное сознание своей роли и значимости в профессиональном исследовательском сообществе только тогда, когда она обладает собственной историей — успехов и отступлений, взлетов и заблуждений, преодолеваемых в ходе поисков. Российская африканистика, оформившаяся в XX в., родилась в недрах востоковедения еще до принятия официальных решений государственных органов ЦК КПСС о создании сначала сектора Африки в рамках Института этнографии АН СССР (1956), а затем и в виде самостоятельного Института Африки АН СССР в 1959 г.

Предшествующий возникновению этих институциональных органов период многим современным африканистам представляется *terra incognita*, временем, когда Африка якобы была вне поля зрения отечественных ученых. Между тем, как свидетельствуют забытые имена отечественных первопроходцев 1920–1940-х годов, открываемые Центром африканских исследований ИВИ РАН, контакты России и российских подданных с африканцами имели место задолго до Петра I, а уже в конце XVIII в. стали поступать разрозненные сведения о континенте. Увы, историю африканских исследований в СССР/России пишет только этот Центр. А между тем становление науки в России XVIII в. уже открывает страницы с именами российских и иностранных ученых на службе российской короны, впервые прикоснувшихся к исследованию континента.

Сущностная часть африканистики — это сами ученые, их открытия и судьбы, порой весьма трагические. Пережив увлеченность марксистской материалистической теорией, идеями классовой борьбы как движущей силы исторического процесса, советские/российские африканисты в 1980-х гг. пришли к пониманию необходимости обновления методологии исследовательского поиска. Нужен был иной концептуальный подход, поиски которого были ускорены в первую очередь результатами потрясений в восточном мире, в частности исламской революции в Иране 1979 г., а позднее — ставшими доступными новыми идеями, продуцированными западной наукой.

Конец 1980–1990-х годов, ознаменовавшийся практически повсеместным отказом от формационной теории как методологической основы исследований, стал периодом раскола в рядах востоковедов и африканистов в концептуальных

вопросах. Историки, культурологи, политологи в значительной мере утратили единую базу научных оценок, толкования одних и тех же событий, зато резко усилилось влияние собственной идентичности, воздействовавшей на выводы исследователей. Появились, с одной стороны, приверженцы прозападной точки зрения, с другой, — сторонники использования механизмов африканских социальных институтов. Обострились и противоречия по поводу понимания того, что такое африканистика, какие научные дисциплины она включает и какие не могут входить в состав науки об Африке.

Подобные противоречия в профессиональной среде в настоящий период, когда наука утратила свое значение в планах политического руководства страны и соответственно значительно сократилось финансирование исследовательских программ, только способствуют снижению авторитета экспертного сообщества. Тем самым создавая правящей верхушке предлоги для уничижительного отношения к науке, в том числе к африканской тематике.

В такой момент необходимо найти такую общую основу, методологию, которая могла бы эффективнее раскрывать тайны возникновения, функционирования африканских обществ и определять контуры их возможного будущего. Такой методологической основой для понимания особенностей жизни африканских народов служит цивилизационный подход, который фокусирует внимание на самостоятельной деятельности каждого человека и общества в целом, руководствующихся принципами религиозных представлений и освященных ими норм социально-культурного, политического устройства общества. Под цивилизацией в данном случае понимается наиболее широкая, протяженная во времени и пространстве социокультурная общность, обладающая единой оригинальной социальной, духовной и знаково-коммуникационной структурой отношений, возникающей на базе высшей религиозной идеи¹. Соответственно, понимание развития общества в таком случае должно строиться на основе анализа внутренних высших принципов, великих идей, духовно-религиозных ценностей, объединяющих народы и общества и снимающих противоречия культурного, социального и политического порядка. Принятие цивилизационного подхода способствует резкому расширению творческого потенциала исследователя.

Савельева Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эфиопская поэзия *кэне*: особенности и трудности перевода

Значительную часть эфиопской книжной культуры составляет искусство стихосложения *кэне*. Это стихотворные произведения, которые слагаются на

¹ *Следзевский И. В.* Введение // Цивилизационные альтернативы Африки. Т. 1. Ч. 1. М.: Институт Африки РАН, 2016. С. 11; *Саватеев А. Д.* Исламская цивилизация в Тропической Африке / Отв. ред. И. В. Следзевский. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 7–9.

языке геэз, литургическом языке Эфиопской Церкви. Родоначальником эфиопской поэтической традиции принято считать св. Иареда, жившего в VI в.¹, но утверждение монорифмического принципа принято связывать с именем Иоанна Габлави, творившем в XV в.

Основное условие для сочинения *кэне* — импровизация, которая совершается во время богослужений в эфиопских церквях. Выбор разновидности *кэне* зависит от того, в какой день недели или по случаю какого церковного праздника проходит импровизация. *Кэне* исполняется только один раз и его повторение не допускается². Существует множество классификаций *кэне*³, в которых произведения различаются по количеству строк, длине, числу слогов в полустихии и по другим признакам, однако точное их количество неизвестно. В произведениях этого жанра все строки обязательно заканчиваются на одну рифму. Но в *кэне* не выявлены стихотворные размеры. Остается загадкой, относятся ли *кэне* к рифмованной (ритмизованной) прозе или поэзии.

Также интерес представляет содержательная часть *кэне*. В *кэне* есть два смысла: «восковой» (явный и маловажный) и «золотой» (скрытый и более существенный). Такая техника, присущая произведениям этого жанра, называется принцип «воска и золота»⁴. Главная проблема в изучении *кэне* — грамотный перевод, при котором читатель сможет увидеть в произведении и поверхностный, и глубокий смыслы. Эта задача практически невыполнима потому, что «*кэне* невозможно перевести на другой язык без коренной ломки или изменения их качества, но в таком случае — это уже не *кэне*»⁵.

Эти произведения пользуются большой любовью и широкой популярностью среди населения Эфиопии. Их пересказывают и помнят даже те из них, которые были составлены многие столетия назад. Таким образом, эти произведения существуют, как правило, в устной форме. Отсутствие текстов затрудняет сбор произведений и их изучение.

Наряду с *кэне* на религиозные темы, широкое распространение получили и стихотворения на светские темы. Особо популярны были *кэне* в честь побед и достижений царя Эфиопии, его военачальников, а также произведения в память об умерших знатных родичах. Для того, чтобы уразуметь потаенный

¹ Франгузов С. А. Иаред // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, XX. М., 2009. С. 590–591.

² *Habtemichael Kidane*. *Qəne* // Uhlig S., Bausi A. (eds.). *Encyclopedia Aethiopia*. Vol. 4. Wiesbaden, 2010. P. 283–285.

³ *Alatayyahu Mogas*. *Sawasewa geez*. Addis Ababa, 1950. P. 133–150.

⁴ Чернецов С. Б. Из фольклора эфиопских книжников (одно неопубликованное двустишие Гондарского периода) // Палестинский сб. Вып. 27(90): История и филология. Л., 1981. С. 106–107.

⁵ *Alatayyahu Mogas*. *Geez and Amahric Study Without Qene is Incomplete*. Addis Ababa, 1966. P. 99.

смысл, необходимо хорошо знать Писание, исторические факты, уметь догадываться о библейских аллюзиях, а нередко и быть посвященным в жизненные обстоятельства стихотворца или его героев.

Сапожникова М. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Тональная система языка джого

Язык джого относится к западной семье манде и распространен в Кот-д'Ивуаре и Гане. В данном исследовании изучается идиом деревни Соко Кот-д'Ивуара. Один из результатов исследования — описание тональной системы идиома.

В джого выделяется три лексических тона — низкий, средний и высокий, обозначающиеся соответственно грависом, макроном и акутом:

mògò 'человек' — *dògò* 'младший сиблинг' — *jògò* 'джого'.

Для джого характерны многочисленные контекстные изменения тонов. В частности, запрещены последовательности из двух низкотоновых стоп которые устраняются тональной диссимиляцией второго элемента, который приобретает высокий тон:

mògò 'человек' *bàà* 'падать.IPFV' → *mògò báá* 'человек падает'.

Другим контекстным изменением можно считать понижение тона на одну степень на элементе, следующем за элементом с высоким тоном:

dùnbágá 'муравей' *kpè* 'белый' → *dùnbágá kpè* 'белый муравей'

Средний тон распространяется на последующие элементы с лексическим низким тоном в рамках одной именной группы. Низкий тон распространяется на последующий элемент с лексическим средним тоном.

Саркисова-Куаме В. Ю. (Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan, Côte d'Ivoire)

Феномен колдовства в Кот-д'Ивуаре и дело Беанзэна

Невозможно жить в Африке и ни разу не столкнуться с рассказами о колдовстве. Оно занимает значительное место в политической, культурной и социальной жизни черного континента.

О полной включенности понятия «колдовство» в социо-культурную жизнь Кот-д'Ивуара можно судить хотя бы по гражданским и уголовным искам с обвинениями в колдовстве. Это требует от современных африканских судебных

инстанций как-то решать возникшую проблему, вводя соответствующие статьи в гражданские и уголовно-процессуальные кодексы стран.

Говоря о колдовстве и судопроизводстве в Кот-д'Ивуаре, нельзя обойти молчанием так называемое «дело Беанзэна». В 2007 году страну потрясли откровения человека, бывшего вудуистским жрецом и называвшего себя именем последнего царя Дагомеи (нынешний Бенин) «Беанзэн» (Béhanzin).

Беанзэн обвинил многих пасторов, священников евангелисткой и католической церкви, а также ивуарских депутатов, министров, генералов ивуарской армии, известных ивуарских артистов, музыкантов и спортсменов (в частности, футболиста Дидье Дрогба) в участии в колдовских и вудуистских ритуалах.

Семенова В. Н. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Образы ангелов в эфиопской христианской иконографии

Изображения ангелов в эфиопской иконографии следуют общепринятой иконографической традиции: в виде лика и крыльев. Такой тип изображения можно встретить в книжных миниатюрах и иллюстрациях, на иконах и картинах.

Имеются, конечно, и другие иконографические типы. Ангелы могут быть представлены в виде юношей с крыльями и ореолом сияния вокруг головы — нимбом. Одеты в длинные туники, в руках держат диски (ранние изображения) либо кресты, которые напоминают кресты эфиопского духовенства. С середины XV в. этот атрибут был постепенно заменен на меч.

С начала XVII в. изображения ангелов поясные либо уменьшены до образов херувимов: лики в окружении длинных изогнутых крыльев, сложенных крестообразно.

Образы ангелов являются почти всегда непременным атрибутом мариологических сюжетов. Образ Богородицы с младенцем: обычно с двух сторон стоят архангелы — Михаил и Гавриил, держащие кресты, позднее — мечи, иногда — цветы. В иконописи II гондарского стиля (XVIII в.) они держат завесу, покров позади Марии.

В отдельные иконографические сюжеты можно выделить образы Св. Михаила и св. Гавриила как защитников и ангелов-хранителей с соответствующими атрибутами (вынутые из ножен мечи).

О почитании ангелов до XV в. мало известно. Однако в современной Эфиопии, да и в другие периоды истории страны, о которых сохранилось достаточно письменных источников, как, например, период Менелика II (1889–1913) или эпоха Зара Якоба (1434–1468), почитание ангелов шагнуло далеко за пределы официальной церковной догмы, прочно войдя в повседневную жизнь эфиопов.

Ангелы, особенно Михаил, приобрели поистине народную любовь, выступая как защитники и посредники между Богом и людьми. Неисчислимое количество молитв, гимнов, фольклорных рассказов о чудесах, творимых небесными посланниками, переходят из уст в уста, из книги в книгу.

Отдельно стоит отметить, что в системе традиционных для эфиопских христиан обществ взаимопомощи махберат /mahbërat/ — махбер архангела Михаила является одним из самых популярных в стране. Любовь к этому архангелу можно сравнить с почитанием святого Георгия.

Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Морские пути и трансокеанские перемещения в истории, повседневности и ритуальных практиках острова Занзибар

Специфика истории, культуры и политической жизни Занзибара — полуавтономии в составе Объединенной Республики Танзания — во многом определяется ее островным положением. Республика Занзибар располагается на архипелаге, включающем помимо собственно острова Занзибар (Унгуджа) меньшие по размеру острова Пемба и Тумбату и ряд совсем небольших островов. Изолированное положение Занзибара, с одной стороны, и его постоянное сообщение с окружающим миром посредством морских путей, с другой стороны, всегда сказывалось на самосознании занзибарцев — выражалось в ощущении особой идентичности, стремлении к самостоятельности вплоть до сепаратистских тенденций в большой политике. Почти все группы населения островов (суахили, арабы, индийцы, африканцы и даже европейцы) в разное время пришли из-за океана либо через Занзибарский пролив с материка и обосновались здесь. Совершенно очевидна роль передвижений по воде в становлении суахилийской цивилизации, возникшей благодаря морской торговле (название «суахили» происходит от арабского слова *сахиль* «берег» либо от его множественного числа *савахиль* в смысле «прибрежные поселения»). Такими же важными были они и для арабских мореходов, силами которых осуществлялась экономическая и политическая экспансия Оманского султаната, и для индийцев, считающих Индийский Океан как бы внутренним морем субконтинента Индостан. Речь идет о значимости океана в жизни и мировоззрении населения именно с точки зрения антропологии мобильности и лиминальной антропологии: морские дороги одновременно соединяют и разделяют людей, океан одновременно оказывается связующим звеном и преградой. С пребыванием в море и перемещением в нем связан огромный пласт представлений, распространяющихся не только на людей, но и на духов — *джинни* и *шейтани* — в магических практиках.

Сим Г. Е. (ИЯз РАН, Москва)

Тоны в экойдном языке: данные внутреннего и внешнего сравнения

В докладе предполагается рассмотреть тональные характеристики лексем праэкойдного языка — общего предка экойдной языковой группы (< южные бантоидные), а также сопоставить их с реконструкциями близких к экойдной ветвей, имеющими тоновую нотацию — прабанту (BLR¹), праграссфилдским (реконструкция Л. Хаймана²).

Согласно имеющимся данным, современные экойдные языки на поверхностном уровне различают от 4–5 тонов: 2, реже — 3 уровневых и контурные. Однако в работах, описывающих тональные системы отдельных языков — эджагам³ и нкем⁴ — авторы показывают, что все поверхностное многообразие при помощи правил может быть сведено к двум глубинным уровневым тонам и даунстепу (операции над высоким тоном). Носителями тона являются все гласные и слоговой сонорный префикса. Тон, как правило, служит для различения именных лексем и глагольных словоформ. У глаголов выделяется два лексических просодических шаблона, у существительных — порядка 4–5.

Большинство исследователей для таксонов различного уровня, включающих банту, предполагают систему из двух тонов. Аналогичная картина, вероятно, была и в праэкойдном. Однако при детальном сопоставлении возникает ряд частных вопросов.

Так, для прабанту все классные показатели реконструируются с низким тоном. Предполагается, что схожая система изначально была свойственна и праэкойдному языку. В ходе дальнейшего развития часть именных лексем приобрела высокий тон на префиксе, причем в разных диалектных кластерах этот признак приобрели разные лексемы. Также нельзя считать тон свойством классного показателя, в противном случае пришлось бы постулировать удвоенную систему показателей с одинаковым сегментным составом. В своей

¹ Bastin Y., Coupez A., Mumba E., T. C. Schadeberg (eds.). 2002. Bantu lexical reconstructions 3. URL: <http://www.africamuseum.be/collections/browsecollections/humanosciences/blr>.

² Hyman L. M. 2007. Index of Proto-Grassfields Bantu Roots. Ms. University of California, Berkeley. URL: <http://comparalex.org/index.php?page=stdlist&id=18>.

³ Edmondson., T., Bendor-Samuel J. T. Tone patterns of Etung. // Journal of African Languages, 1966. P. 5: 1–6; Watters, John R. A phonology and morphology of Ejagham, with notes on dialect variation [PhD. thesis]. University of California at Los Angeles, 1981; Watters J. R. Some phonological characteristics of Ejagham (Etung), an Ekoid Bantu language of Cameroon and Nigeria. // Grammatische Analysen Afrikanischer Sprachen № 17, Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2001. P. 55–78.

⁴ Sibomana L. The Tonal System of Nkem. // Afrika und Übersee, 1989. P. 72, 255–272.

работе¹ Джон Уоттерс высказал гипотезу о возникновении высокого тона на префиксах в одной из экоидных ветвей — в языке эджагам. По его мнению, на этапе пре-эджагам имела место редупликация корня, при которой происходило копирование тона и распространение его на префикс. Затем в разных ветвях эджагам развитие шло разными путями: в западном (ЗЭ) редуплицированные сегменты выпали, но сохранился высокий тон, в то время как восточный диалект (ВЭ) сохраняет исходное состояние. Подобный сценарий представляется не очень убедительным. Во-первых, маловероятно *полное* исчезновение следов редупликации в ЗЭ, во-вторых, далеко не во всех случаях на деле имеются пары вида «высокий тон на префиксе в ЗЭ — редупликация в ВЭ». Предположительно, тоновая ассимиляция связана с изначальным фонологическим весом гласных в слове: две моры высокого тона легче ассимилировали предшествующий гласный.

Стеблин-Каменский Н. И. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург)

Новые и старые формы мобильности в Эфиопии: исторический контекст трудовой миграции из Волло

Трудовая миграция из Эфиопии является предметом внимания многих исследователей, но часто ее описывают в отрыве от того исторического и этнографического контекста, в котором она возникла. Действительно, многие черты современной трудовой миграции из Эфиопии в страны Персидского Залива заставляют смотреть на нее как на особый феномен: отходничество, тем более женское, никогда не было настолько массовым в Эфиопии, как в последние два десятка лет. Трудовая миграция происходит в новых демографических, экономических и социальных условиях, поэтому обособленный взгляд на нее является оправданным. Тем не менее, взгляд в прошлое региона и внимание к его культурным особенностям может сильно обогатить наше понимание миграции и по-новому осветить некоторые ее черты.

История провинции Волло богата эпизодами, связанными с мобильностью. Историк Хуссейн Ахмед выделяет следующие пять волн формирования этого региона 1) возникновение ранних христианских центров, появившиеся здесь в XIII веке; 2) завоевание Волло мусульманскими войсками во главе с Ахмедом Гранем (1543 г.); 3) миграция и освоение Волло представителями нескольких кланов оромо; 4) возникновение консолидированной власти в лице мусульманских правителей; 5) вторжение христианских правителей и их борьба, подрывающая интеграцию мусульманских обществ². Приграничное расположение

¹ *Watters J. R.* Reduplication and the origin of high tone on noun prefixes in Ejagham. // *Journal of West African Languages*, 1990, 20(1). P. 105–117.

² *Hussein A.* Islam in nineteenth-century Wallo, Ethiopia. Leiden: Brill, 2001. 268 p. P. 3.

Волло (восточная граница Эфиопского нагорья и восточная окраина империи) способствовало тому, что культура этой провинции была текучей: менялось основное вероисповедания, приходили новые этнические группы и ассимилировались, также через провинцию проходили важные торговые пути. Тримингэм называет Волло — культурным плавильным котлом¹. До сих пор исследователи называют гибкость и прагматичность определяющими чертами воллийцев².

История XX века отразилась на мобильности населения Волло самым драматическим образом: провинция несколько раз оказывалась подвержена жесточайшей засухе, когда крестьяне были вынуждены оставить свои деревни и искать спасения в городах или лагерях для голодающих. Также в Эфиопии проводились программы по переселению людей из густонаселенных горных районов в западные части страны. Этот эксперимент, призванный улучшить благосостояние людей, оказался для воллийцев настоящим бедствием: многие оказались лишены земли, погибли в дороге или потеряли часть своей семьи³.

Таким образом, трудовую миграцию из Волло следует рассматривать в свете того, что житель Волло: 1) видит мобильность как основную стратегию выживания; 2) не полагается на сельское хозяйство как на основной источник дохода из-за климатической нестабильности; 3) считает бедность неотделимой характеристикой своей местности; 4) не испытывает доверия к государству. Знание этого контекста позволяет понять, почему именно миграция из Волло достигла таких больших масштабов и почему воллийцы часто говорят о ней не как о возможной стратегии, но как о необходимом решении.

Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва)

Путевые дневники Генриха Барта как источник сведений о торговле города Кано (Северная Нигерия)⁴

Немецкий ученый и путешественник Генрих Барт в составе британской экспедиции Д. Ричардсона, посетил Западную Африку в 1850–1855 гг. Экспедиция отправилась из Триполи и пересекла пустыню Сахара по маршруту Триполи — Музрук — Гат. В Гате экспедиция разделилась. Д. Ричардсон отправился в Зиндер где скончался в начале 1851 г. Другой участник экспедиции —

¹ *Trimingham J. S. Islam in Ethiopia*. UK: Oxford University Press, 1952. 299 p. P. 106.

² *Kalklachew Ali. Religion, rituals and mutual tolerance in Wollo: the case of kabe south west Wollo*. Addis-Ababa University, Master thesis, 1997; *Hassen R. An Ethnography of Communication of the Amharic Speaking Muslim Community of South Wollo*. Addis-Ababa University, PhD thesis, 2012.

³ *A. de Waal. Evil Days: Thirty Years of War and Famine in Ethiopia*. NY: Human Rights Watch, 1991. 420 p.

⁴ *Barth H. Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika*. Vol. 2, Gotha, 1856.

А. Овервег направился в город Кукава, где должен был позднее встретиться с Г. Бартом. Сам же Г. Барт продолжил путешествие через земли, населенные народом хауса, где посетил крупнейшие города этой страны Кано и Кацину. Город Кано — один из семи городов-государств народа хауса — он посетил дважды: сначала перед тем, как отправиться в столицу Борну город Кукава, а затем в Тимбукту, и второй раз, перед возвращением в Англию.

В путевых дневниках Г. Барт предстает перед нами как серьезный и добросовестный ученый и как любознательный человек, с большой симпатией относившийся к африканцам, их обычаям и культуре. Во многом этому способствовал тот факт, что Г. Барт свободно говорил на арабском языке, а также на языках хауса и канури.

Г. Барт писал, что его мечтой было посетить Кано, о котором ему много рассказывал в Тунисе хаусанец, учивший Г. Барта своему языку. Интерес, который ученый испытывал к этому городу, отразился и в его дневниках. Это и подробное, очень яркое, описание повседневной жизни горожан, резиденции галадимы — визиря Кано и самого визиря, приема у правителя Кано — сарки, описание городской стены и ворот, через которые путники попадали в город и т.п. В дневниках содержится искусно выполненный рисунок «Вид города Кано с холма Дала», сделанный автором дневников. Большое внимание Г. Барт уделял экономической жизни Кано и прилегающих земель и в частности — торговле Кано.

К середине 19 в. Кано превратился в крупный торговый центр, через который проходили основные пути транссахарской торговли. Г. Барт перечисляет виды товаров, которые производились в самом Кано и вывозились в другие города и страны, отмечает качество этих товаров и указывает количество вывозимой продукции, а также ее стоимость. Одной из главных статей экспорта Кано являлись хлопчатобумажные ткани. Говоря о высоком качестве этих тканей, Г. Барт указывает, что хотя европейцам уже были знакомы хлопчатобумажные ткани, произведенные в Тимбукту, сами зажиточные жители этого города предпочитали ткани, привезенные из Кано, Г. Барт считал, что преимуществом Кано в торговле тканями являлся тот факт, что ткани изготавливались в Кано или в близлежащих деревнях из местного хлопка и там же окрашивались.

Г. Барт называет восемь видов тканей, составляющих основу экспорта называя их хаусанским словом *zane*. Это *farin zane* ‘белая ткань’, наиболее дешевый вид ткани, *zanen defoa* — светлоголубая ткань, окрашенная индиго, *fesa gida* — хлопчатобумажная ткань с широкой шелковой каймой, *hammkuku* — ткань с более узкой шелковой каймой, обычно продаваемая за 3000 каури (раковины каури были местными деньгами), *mai lemu* — ткань желтого цвета (отсюда ее название: *lemu* ‘лимон’ на хауса). Этот вид ткани стоил более дешево — 2500 каури. Ткань *zelluami* (Г. Барт пишет, что название происходит от арабского *silham*) имела широкую шелковую кайму. Наподобие ей

была и ткань *jumada*. Большим спросом у жителей Кано пользовалась ткань под названием '*dankatanga*, которая шла в основном на женские наряды, поэтому жители этого города дали ей второе название '*dan kasuwa* 'сын рынка'. Эта ткань также была изготовлена из хлопка, но в нее были вплетены шелковые нити черного, красного и белого цветов. *Albasar kaura* представляла собой белую ткань с тремя разноцветными полосами. Всего Г. Барт дает описание 12 видам тканей, которые вывозились из Кано в другие районы Западной Африки. Эти ткани шли на изготовление трех видов одежды: мужской верхней рубашки с длинными рукавами, доходящей до середины икры — *riga, turke'di* — кусок ткани, которую набрасывали на плечи и *rawani* 'тюрбан', который Г. Барт описывает как кусок материи черного цвета, которым закрывали голову и лицо.

Особо нарядная трехцветная ткань — желтая, красная и синяя — называлась *bi ni da gani* 'следи за мной взглядом'. В настоящее время это название используется для особого вида женской одежды. Количество доставляемых только в Тимбукту тканей из Кано составляло поклажу 300 верблюдов, а их стоимость по ценам в Кано того времени достигала 60 млн. каури. Для сравнения Г. Барт указывает, что зажиточная семья этого города тратила на питание, одежду и другие нужды около 60 тыс. каури в год.

В самом Кано большим спросом пользовалась мужская верхняя одежда, привозимая из Нупе и получившая название '*yar Nufe* 'дочь Нупе'. Такая одежда изготавливалась как из хлопка, так и из шелка и представляла собой более короткую *giga* черного цвета, украшенную рисунками из белых и синих квадратов. Судя по стоимости такой одежды — 20 тыс. каури — позволить ее себе могли только богатые люди. В дневниках Г. Барта мы можем найти рисунок такой одежды, сделанный рукой автора.

Помимо тканей, из Кано вывозились сандалии, дорожные сумки со множеством отделений, украшенные вышивкой и другие изделия из кожи. О том, что кожевенная отрасль была развита в Кано, говорит тот факт, что один из кварталов города носит название *Unguwar dukawa* 'квартал кожевников'. Производством изделий из местных кож занимались в основном арабы, проживавшие в Кано. Изделия из кожи в большом количестве вывозили в города, расположенные на средиземноморском побережье, например, в Триполи. Г. Барт оценивал этот экспорт в 5 млн каури.

Другим важным товаром, представленном на рынке Кано, были орехи кола, доставляемые из южных районов современной Нигерии. Количество доставляемых в Кано орехов Г. Барт оценивал в поклажу 500 ослов, а каждая поклажа стоила не менее 200 тыс. каури. Причиной такой популярности орехов кола является то, что ни один праздник у хауса не обходится без этих орехов. По традиции в число свадебных подарков входят орехи кола, их раздают гостям на церемонии наречения ребенка. Человеку, принесшему хорошую весть, в знак благодарности вручался орех кола. Этот обычай существует до сих пор.

В Кано также велась торговля рабами и слоновой костью, но в небольших количествах. Важную роль в экономике города играла торговля солью. Соль доставлялась из Аира в больших количествах и составляла поклажу 1000 верблюдов. Часть этой соли оставалась в Кано, но большая часть направлялась в другие районы.

На рынке Кано велась торговля и товарами европейского происхождения. Среди них нужно назвать белый и набивной ситец из Манчестера, французские шелковые нитки, использовавшиеся для украшения одежды, обуви и головных уборов, хотя в последнее время их популярность снизилась и большая часть этого товара направлялась из Кано в земли народа йоруба, красные головные платки из Ливорно, стеклянные бусы из Венеции, зеркала, иголки для шитья из Нюрнберга, клинки для мечей из Золингена и бритвы из Штирии.

Также велась торговля арабской одеждой, доставляемой из Северной Африки: бурнусами, кафтанами, жилетами, фесками и платками. В руках арабских торговцев находилась и торговля пряностями, а также розовой водой. Но последняя была настолько дорога, что продавалась только придворным из рук в руки или же подносилась в виде подарка правителям.

Данные по торговой деятельности Кано, приведенные Г. Бартом подтверждает один из кирари¹ этого города: *Kano tumbin giwa. Ko da me ka zo, an fi ka.* 'Кано желудок слона. С чем бы ты не приехал, есть лучше (т. е. товары), чем у тебя'.

Сулейманян А. Г. (МГППУ, Москва)

Мифы пигмеев как источник для решения проблемы происхождения религии

В психологии до сих пор нет удовлетворительного объяснения происхождения религии и «корней» религиозного создания. Одним из принципов доминирующей с эпохи «Просвещения» парадигмы является аксиома о всеисилии человеческого разума как «орудия» исследования природы и человека, что подразумевает, что в итоге будут разгаданы все тайны: например, происхождения жизни, победа над смертью, управляемый термоядерный синтез (то есть искусственное солнце) и т. п.² В этой парадигме религиозное созна-

¹Кирари (kirari) — развернутый эпитет. Такие кирари могут иметь люди и животные, предметы домашнего обихода, реки, озера, горы, города. Так, название ткани *bi ni da gan* также является кирари.

²Отдельные сомневающиеся, например, выдающийся французский физиолог и философ с формулой «не знаем и никогда не узнаем» границы науки, не определяют «курс» умов «капитанов» науки.

ние — результат отсутствия естественнонаучной картины мира (Ж. Пиаже). И научное мировоззрение несовместимо с религиозным сознанием¹.

К.-Г. Юнг в противоположность этой концепции утверждал, что повсеместность религии свидетельствует о ее глубоких и неискоренимых психологических основаниях, которые он назвал, на наш взгляд косноязычно, «архетипами коллективного бессознательного». Но это в целом обоснованное опытом объяснение уязвимо с точки зрения логики: одно неизвестное — происхождение религии — объясняется через другое — «архетипы».

Мы предполагаем, что один их «ключей» к решению проблемы — качественный психологический анализ мифов пигмеев. Нами использованы два источника: Х. Матей, «Пигмеи», Бухарест, 1966г. и R. P. Trilles, *Les Pygmees*, Paris, 1931².

Почему мы выбрали именно этот материал, имеющий, по нашему мнению, универсальное значение? Во-первых, изоляция в сочетании с исключительным физическим строением и узко специализированным образом жизни в «сердце» экваториальных лесов позволяет предположить минимальное влияние других культур на формирование религиозного сознания пигмеев. Во-вторых, отмечаемое всеми исследователями пигмеев великолепное знание ими окружающего мира и его законов, как ни парадоксально, не позволяет сделать вывод об отсутствии у них естественнонаучной картины мира и страхе перед силами природы — причинах происхождения религии в позитивистской парадигме.

Исследования мифов о Гору — огромном белом слоне, являющемся пигмеям во снах, и Кхвуме — главе богов позволяют предположить следующее.

1. В центре пантеона Кхвум, к которому обращаются за помощью: например, чтобы он указал место, где они могут найти богатую добычу. На наш взгляд, это подтверждает концепцию венской «культурно-исторической школы» в этнографии о монотеизме как первоначальной форме религиозного сознания.

2. Религиозное сознание изначально содержит в себе идею Апокалипсиса. В мифе о Гору говорится, что он родился вместе с первым человеком и будет убит только последним человеком, который поймает его в огромную яму. В ту же минуту всем людям придет конец. Идея «конца Света» в данном случае не может быть ни результатом неверно истолкованных эмпирических наблюдений и тем более отсутствием естественнонаучной картины мира. Каковы же психологические причины ее возникновения и где источник этой идеи?

3. Верховное божество Кхвум у пигмеев не жестокий властелин, каким его представляют большинство племен банту, а справедливый и беспристрастный владыка, помогающий в беде, но карающий за зло. Следовательно не «страх создал богов».

¹ Вывод спорный хотя бы потому, что среди великих ученых есть, несомненно верующие люди: например, И. Ньютон, М. В. Ломоносов и даже Ч. Дарвин.

² Автор благодарит Н. Григорьеву за перевод книги R. P. Trilles, *Les Pygmees*.

Мы предполагаем, что религиозное сознание появилось вместе с первым человеком, имеет внутренние корни: уверенность в существовании трансцендентного мира и возможности человека войти с ним в общение и получить помощь, и принципиально неискоренимо, хотя и имеет различные патологии и трансформации.¹

Сумбатова Н. Р. (РГУ, Москва)

Тональные противопоставления в ландума: предварительные результаты

Язык ландума (Гвинея) принадлежит к семье мель макросемьи нигер-конго. В немногочисленных работах по ландума нет или почти нет сведений о наличии в нем тонов. Однако по крайней мере некоторые языки семьи мель (темне, киси) являются тональными, как и языки других семей, контактирующие с ландума (сусу и др.). Поэтому, рассуждая априори, наличие тонов в ландума весьма вероятно. До сих пор, однако, лексические тоны в ландума обнаружить не удавалось. Тем не менее выясняется, что есть по крайней мере две области языка, для которых тональная характеристика существенна.

Во-первых, в ландума представлены лексические единицы, которые имеют особый (высокий) тон — это некоторые квантификаторы и отрицательные местоимения, такие как *súk* ‘все’, *ɲɛɲɛ* ‘ничего’, *bádá* ‘никогда’, *sóbé* ‘сильно, много’, *déɲ* ‘много’, *yáti-yáti* ‘очень’ и т. п. Высокий тон на них реализуется независимо от их линейной позиции в предложении. По-видимому, в ландума имеет смысл приписывать лексический тон не всем словам, а лишь говорить об особом тоне для слов указанной группы, который выделяется на фоне нейтрального тона прочих лексических единиц.

Интересно, что в бамана (манде) квантификаторы также характеризуются высоким (лексическим) тоном, однако это язык, где тональные противопоставления характеризуют всю лексику, в то время как в ландума тонально нестандартные слова противопоставлены всем прочим, «тонально нейтральным». Экспрессивный фактор в теории мог играть определенную роль в возникновении этой ситуации, однако синхронно, судя по всему, повышение тона определяется лексическими, а не дискурсивными факторами.

Вторая сфера действия тональных противопоставлений — некоторые грамматические категории. По-видимому, в этой области грамматики, как и в случае с лексическим тоном, имеется противопоставление типа «отсутствие маркированности по тону (нейтральная тональная характеристика) vs. высокий тон».

¹ Красноречивый пример — спонтанная «фетишизация» статуй на станции метро «Площадь революции» в Москве.

На данный момент нам известны две граммемы, которые выражаются при помощи высокого тона: граммема потенциалиса и граммема отрицания в настоящем времени.

Форма потенциалиса для большинства глаголов на сегментном уровне совпадает с формой фактатива. Обе эти формы включают: (1) префикс согласования по лицу/числу/одушевленности/классу, (2) показатель вида/времени — префикс {N} (реализуется как *m/n/η* в зависимости от места образования начальной согласной основы), (3) основы глагола и (4) показателя утвердительности *le*:

<i>yə-n-cətl</i>	<i>le</i>	vs.	<i>yə-n-cətl</i>	<i>le</i>
1SG-FACT-остановиться	ASR		1SG-POT-остановиться	ASR
‘я остановился’			‘я остановлюсь’.	

Фактатив сегментно отличается от потенциалиса только тем, что префикс {N} перед сонорными согласными, как правило, имеет нулевую реализацию (*wə-way le* ‘он купил’ vs *wə-m-wáy le* ‘он купит’). Однако в отличие от фактатива потенциалис имеет особую тональную характеристику: подъем тона на первом слоге глагольной основы.

Сходная ситуация наблюдается в отрицательных формах настоящего времени: в этих формах сразу за показателем согласования идет отрицательный префикс *l-*, который характеризуется повышением тона. В большинстве случаев утвердительные и отрицательные формы различаются как тоном, так и сегментно (выбором показателя вида-времени-отрицания), ср:

<i>Mamadu wə-də-dəkə</i>	<i>le</i>	vs.	<i>Mamadu w-l-dəkə</i>
Мамаду 3SG-PRG-работать	ASR		Мамаду 3SG-NEG.PRS-работать
‘Мамаду работает’.			‘Мамаду не работает’.

Интересно, что отрицательный префикс *l-* реализуется как нулевой, если предшествующий ему показатель согласования содержит гласную *a*: *a + l- > a*. Эта гласная представлена только в двух согласовательных морфемах: в показателе 3 лица множественного числа *ηa-* и в показателе безличных форм *a-*: в этих двух случаях отрицательные формы на сегментном уровне совпадают с утвердительными, однако различаются тональной характеристикой первого слога словоформы¹.

<i>ηa-səŋ</i>	<i>Fatu pəsam</i>	vs.	<i>ηá-səŋ</i>	<i>Fatu pəsam</i>
3PL-давать деньги	Фату		3PL.NEG-давать деньги	Фату
‘Они дали Фату денег’.			‘Они не дают Фату денег’.	

¹ В отрицательных формах не может присутствовать утвердительная частица *le*, однако в утвердительных формах она также присутствует не всегда и, строго говоря, не может считаться показателем утвердительной полярности.

Весьма вероятно, что приведенный здесь список тональных противопоставлений в ландума не является исчерпывающим, однако имеющихся данных уже достаточно, чтобы утверждать, что некоторые тональные противопоставления лексического и грамматического характера в ландума представлены, и в то же время — что они не характеризуют все лексемы или все грамматические формы в данном языке.

Татаровская И. Г. (ИНАФР РАН, Москва)

Дендроцентрическая картина мира в африканской мифологии и культуре

Древние люди не умели мыслить абстрактно, они наделяли сверхъестественный мир, мифический мир образами, которые помогали им идентифицировать себя в этом мире, помогали им находить ответы на разные вопросы бытия. Мифологическое сознание представляло Вселенную в виде конкретного образа, который складывался на основе мифологических представлений отдельного народа. В зависимости от облика Вселенной в мифологии народов мира насчитывают пять моделей мира. Одна из этих моделей — это дендроцентрическая модель, которая предстает в облике Мирового дерева. В космогонических мифах некоторых африканских народов Мировое дерево — это не только уменьшенная копия мироздания (микрокосм), но и стержень, опора, столб без которого мир «рухнет». Например, в мифологии догонов Космическое дерево отождествляется со столбом, который поддерживает семь миров. Вертикальное членение Мирового дерева на крону, ствол и корни соответствует трем уровням Вселенной, где крона символизирует небо, ствол землю, а корни потусторонний мир.

В африканской мифологии и культуре Мировое дерево — это живое существо. Во многих африканских сказках и мифах дерево предстает как одушевленный персонаж. Оно видит, слышит, разговаривает, иногда ходит. Дерево как и любое живое существо способно производить на свет другие существа. Мировое дерево в мифологии некоторых народов Тропической Африки выступает в качестве первопредка. Например, мифы фали, гереро рассказывают, что первые людей вышли из расщепившегося гигантского Дерева, которое произрастало в центре мироздания. Отсюда ведет свое происхождение Родовое дерево, т. е. генеалогии. В эпической поэзии часто встречается описание рода через Родовое дерево, где предок, родоначальник рода символизирует корень дерева, а его потомки — ветви.

При изучении соматической части словарей многих африканских языков обращает на себя внимание значительная изоморфность образа человеческого тела и образа дерева. В первую очередь имеет место лексическое тождество, которое основано на общности употребления одних и тех же слов как для тела

человека, так и для «тела» дерева. Наиболее часто используются два типа лексических тождеств — это антропоморфная и дендроцентрическая мотивация. Изоморфность образа тела человека и образ дерева берет свое происхождение в мифологии.

В мифах народов Тропической Африки встречается упоминание о «Древе жизни и смерти». Это Древо хранит в себе жизненную силу, бессмертие, но оно так же является местом, где прячется смерть. Идея зарождения жизни как некоего начала начал присутствует в образе Древа жизни. В африканской мифологии Древо жизни встречается имплицитно в ряде вариантов мотива «первородного дерева». Согласно одному из космогонических мифов догон, одним из первых сотворенных объектов было Древо. Оно стало образцом и схемой дальнейших рождений предметов через сочетание разных комбинаций элементов мира. Это «Первородное Древо» в мифологии догон и бамбара превращается в божество. В космогонических мифах бамбара божество Пемба предстает в образе гигантского дерева «balanza» (белая акация). Бамбара считают, что Пемба принял форму Древа, чтобы установит свою власть над всеми земными существами. Он создал землю, научил людей разным искусствам, а люди взамен приносили ему жертвоприношения, в том числе и людскую кровь. Таким образом, Пемба предстает в мифологии бамбара в образе «Древа жизни». Но в то же время Пемба является носителем смерти. Он посылает смерть. Однажды мужчина залез на верхушку Древа и сорвал с него все фрукты. Эти фрукты содержали в себе кровь людей, которую они принесли в жертву Древу. После этого Пемба отказался защищать людей от смерти. «Запретный плод» был сорван. Мужчина, сделавший это, пытался бежать, но упал замертво. Первородный грех этого мужчины перешел на весь людской род. Идея божественного Древа породила веру в «священную рощу», «священный лес».

Фаттахова А. Р. (ИМОИиВ, КФУ, Казань)

Арабские глаголы в языках агглютинативного типа (на примере суахили и татарского языка)

Сравнительно-сопоставительное изучение неродственных языков в последнее время получило особую актуальность. Исследования подобного рода имеют большое значение для понимания языковой картины мира конкретной языковой общности и в то же время обусловлены практической значимостью при обучении иностранным языкам.

Два неродственных агглютинативных языка — татарский, представитель тюркских языков и суахили, относящийся к языковой группе банту, — обогатили свой словарный состав благодаря многочисленным заимствованиям из арабского языка.

Арабские лексические единицы, проникая в татарский язык и суахили, не только несли свои морфологические формы, но и подвергались воздействию фонетических и грамматических законов принимающих языков, что нередко приводило к изменению частеречной принадлежности слов и появлению новых морфологических показателей. В большинстве случаев форма заимствованного языками-реципиентами слова, распознаваема специалистами арабского языка. В то же время проблема проникновения арабских глаголов в язык суахили до сих пор остается неразрешенной.

В языке суахили в заимствованных глаголах выявлено ярко выраженное приспособление их к фонетической системе языка-реципиента в ущерб фонетически точному воспроизведению языка-источника. Сравните: *араб.* khadama — *суах.* hudumu «служить», *араб.* jaraḥa — *суах.* jeruhi «ранить». Вольное отношение к точной передаче звучания арабского слова, приводили к существенной трансформации фонетического облика иноязычного слова, в результате чего утрачивалась привязка заимствованного слова к исходной форме, в частности, глагольной породе; исчезали показатели, служащие для выражения различных изменений в первичном значении арабского корня (каузативность, направительность). Например: I порода — *араб.* 'abara — *суах.* -abigí «переправляться»; II порода — *араб.* 'abbara — *суах.* -abigí «толковать»; III порода — *араб.* — jama'a — *суах.* jamii «собираться». Можно выдвинуть предположение, что арабские глаголы I, II и III породы заимствовались языком суахили по фиксированной модели, состоящей из трех согласных со второй гласной *i*, редко *u* вне зависимости от формы оригинала и ярко выраженной отнесенности к той или иной глагольной породе.

В суахили обнаруживаются случаи, когда арабский глагол заимствовался с сохранением морфологических показателей лица, числа и рода: wakatabahu «написавший это (письмо)» от *араб.* wakatabahu «и он написал это [письмо]» — старая форма завершения письма, после которой следуют инициалы автора.

2. В отличие от суахили, в татарском языке арабский глагол не употребляется в исходной форме. Его значение передают глаголы производные, образованные суффиксальным способом, либо составные, образованные путем присоединения вспомогательных глаголов татарского языка. При этом в основе образования глаголов лежат арабские существительные, масдары (отглагольные существительные), причастия и прилагательные. При суффиксальном способе образования глаголов чаще всего участвуют аффиксы *-ла*, *-лә*, примыкающие к основной форме татарского глагола — форме единственного числа, второго лица повелительного наклонения (хөрмәтлә «оказывай уважение» (от *араб.* ḥurma «уважение»). Составные глаголы образуются при помощи татарских вспомогательных глаголов *итү*, *бирү*, *кылу*, и др.¹ Например, рөхсәт бирү (итү) «разрешать» (от *араб.* ruḥṣa «разрешение»).

¹ Fattakhova A., Mingazova N. Arabic Loanwords in Tatar and Swahili: Morphological Assimilation. Journal of Sustainable Development, Vol. 8, No. 4, June 2015, Special Issue: 302–308.

Таким образом, арабский глагол в суахили используется в исходной (глагольной) форме, а в татарском языке его значение передают производные и составные глаголы, состоящие из иноязычного элемента в сочетании с аффиксом или вспомогательным глаголом татарского языка, образуя цельную семантическую единицу. В то же время использование составных глаголов с первым иноязычным элементом, например, арабским масдаром, не чуждо и африканскому языку: *суах.* *habari -toa (-pasha)* «сообщать новости, информировать» (от *араб.* *ḥabar* «известие, весть»); *татар.* *хэбэр иту* «сообщать, извещать».

Французов С. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Правление Лалибалы: титулатура, хронология, внешние связи

Царь Лалибала из династии Загве считается одним из самых известных монархов в истории Эфиопии, прежде всего, благодаря приписываемому ему возведению в области Ластва уникального комплекса из 11 монолитных скальных церквей. Так что в отличие от остальных канонизированных загвейских царей его причисление к лику святых удивления не вызывает. Однако перед исследователем встает непростая задача провести четкое разделение между св. Лалибалой, чье житие было составлено в конце XIV — начале XV вв., и реальным правителем, царствование которого пришлось на конец XII — начало XIII вв.

От Лалибалы дошли три подлинных документа — больше, чем от любого другого загвейского царя. Речь идет о дарственных, составленных от его имени на полях рукописных Евангелий. От одной из них, передававшей земельные наделы Собору Спасителя мира, входящему в упомянутый выше комплекс, из-за сильных повреждений удалось прочитать только 17 последних строк, представляющих собой охранительную формулу. В ней приведено тронное имя этого монарха — Габра Маскал¹.

Две других дарственных представляют собой аналогичные акты в пользу церкви Животворящего Креста, Пресвятой Богородицы и св. Матты, или Ливания, одного из Девяти преподобных (монахов византийского происхождения, внесших решающий вклад в христианизацию Эфиопии в конце V — начале VI вв.), сохранились в т.н. «Золотом» Евангелии из монастыря Дабра Либанос, расположенного в Шимезане, на юге современной провинции Акэле-Гу-

¹ *Derat M.-L.* Les donations du roi Lâlibalâ. Éléments pour une géographie du royaume chrétien d'Éthiopie au tournant du XIIe et du XIIIe siècle // *Annales d'Éthiopie*. 25. 2010. P. 19–24.

диционалисты — придерживаются классических форм старосуахилийской поэзии. Следуя духу и букве суахилийского канона стихосложения, традиционалисты продолжают творить в рамках двух основных жанров старосуахилийской словесности — тенди (поэмы) и машаири (небольшие по объему лирические и философские стихи). Стоит заметить, что в настоящее время приверженцы классических жанров все реже обращаются к тенди, крупным эпическим произведениям, отдавая предпочтение малым формам — упомянутому жанру машаири, поэтическому диалогу нгонджера, а также смешанным формам (как это делает современный кенийский поэт Бенджамин Магава в сборнике «Инша и машаири» соединяет два). Можно предположить, что в условиях стремительного социокультурного и политического развития африканского континента в последнюю треть XX — начало XXI вв., в условиях небывалого скачка, совершенного в восточноафриканской литературе, в которой после длительного засилья традиционных форм, однообразия сюжетных линий и клишированности персонажей возникают такие, к примеру, романские формы, как роман-притча, постмодернистский роман, появляется новая суахилиязычная поэзия, малая форма оказывается наиболее адаптированной к бурным изменениям, происходящим не только в восточноафриканских государствах, но и в сознании нового поколения африканцев. Кроме того, малая форма позволяет автору лучше выразить собственное отношение к описываемому предмету, личное настроение, для демонстрации которого крупная (эпическая) форма не всегда подходит.

В суахилиязычной поэзии скачок, о котором говорилось выше, был ознаменован появлением новой или т.н. модернистской (назовем ее также обновленной) поэзии, *второго направления* суахилиязычной поэзии. Начиная с середины 1970-х годов, в жанре обновленной поэзии успешно творят пионер «суахилийского модернизма» танзанийский автор Эфрас Кезилахаби и кениец Китака ва Мбериа.

Наконец, на фоне продолжающей свое существование традиционной, канонической, поэзии и бросившей ей вызов обновленной поэзии, в восточноафриканской суахилийской словесности существует т.н. гибридная поэтическая форма, приверженцы которой совмещают элементы канона и модерна (и даже постмодерна!). Авторы поэзии этого переходного, гибридного типа порою предстают большими экспериментаторами, нежели приверженцы обновленной, модернистской поэзии, сознательно «играя» с формой, по-настоящему наслаждаясь этой игрой, как подобает истинным мастерам художественного слова, прежде всего, классику суахилийской литературы Саиду Ахмеду Мохамеду. Это *третье направление* суахилиязычной поэзии не менее, а иногда даже более, интересно как с точки зрения формы, так и тематического наполнения.

В чем отличие основных направлений современной суахилиязычной поэзии, существует ли преемственность традиционных и новых жанров, какие задачи

ставят перед собой авторы-модернисты и приверженцы гибридной поэзии, и какие тенденции в развитии суахильской словесности можно проследить в творчестве современных поэтов — эти вопросы освещаются в данном докладе.

Ханёнова Т. О. (ИСАА, МГУ, Москва)

Социолингвистическая ситуация в современной Нигерии

Федеративная республика Нигерия находится в западной части Африканского континента, на берегу Гвинейского залива, на севере и северо-западе граничит с Нигером, на северо-востоке — с Чадом, на востоке — с Камеруном и на западе с Бенином. Численность населения данной страны, вероятно, не представляется возможным определить с абсолютной точностью, однако, по последним данным, она составляет 189,754,698¹ человек, что дает право назвать Нигерию страной с самой большой численностью населения в Африке. Нигерия также отличается большим этническим разнообразием: в ней насчитывается более 250 этнических групп², из которых наиболее крупными и, соответственно, наиболее влиятельными являются хауса и фулани (29%)², йоруба (21%)², игбо (18%)², иджо (10%)², канури (4%)², ибибио (3,5%)², тив (2,5%)². Хауса расселены на северо-западе, фулани — на северо-западе и в восточном штате Адамауа, йоруба — на юго-западе, игбо, иджо, ибибио — на юге, канури — на северо-востоке, тив — в центральной полосе на востоке.

Зоны расселения этносов соответствуют зонам распространения языков. По данным сайта *ethnologue.com*, в Нигерии насчитывается 527 языков, из которых 520 живых и 7 мертвых³. В стране представлены три из четырех больших семей языков Африки, по классификации Дж. Гринберга: афразийская, нигеро-кордофанская и нилосахарская. Наиболее крупными по количеству говорящих и носителей являются языки хауса (18,500,000 человек)⁴, йоруба (18 900 000 человек)⁴ и игбо (18 000 000 человек)⁴, преобладающими в зонах

¹ Worldometers [Электронный ресурс]: Population/World/Africa/Western Africa/Nigeria. URL: <http://www.worldometers.info/world-population/nigeria-population>, данные на 28.01.2017 (дата обращения: 28.01.2017).

² Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]: Home/Library/Publications/Resources/The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ni.html> (дата обращения: 28.01.2017).

³ Ethnologue. Languages of the World [Электронный ресурс]: Nigeria. URL: <https://www.ethnologue.com/country/NG> (дата обращения: 23.01.2017).

⁴ Ethnologue. Languages of the World [Электронный ресурс]: Nigeria. URL: <https://www.ethnologue.com/country/NG/status> (дата обращения: 23.01.2017).

расселения соответствующих этносов. Однако государственным языком признан английский (как второй язык он используется 60 000 000 человек)⁴, что повышает степень сложности языковой ситуации в стране. Помимо английского, другими неавтохтонными языками, играющими большую роль, являются пиджин-инглиш и классический арабский¹.

Этнолингвистическая ситуация в Нигерии являет собой пример последствий складывания исторических общностей, их экономического, политического и культурного развития и впоследствии взаимовлияния, проникновения ислама и культуры арабского Востока, а также колонизации и контакта с евро-христианской цивилизацией, что не могло не отразиться на статусах языков тех или иных этносов.

В докладе приведенные статистические данные будут рассмотрены с точки зрения социолингвистики, и будут приведены случаи разграничения узуса в различных ситуациях.

Хохолькова Н. Е. (Истфак, Ярославский ГУ)

«Магическая сила слова»: концепт номмо в философии афроцентризма²

Афроцентризм как социокультурная парадигма, противопоставленная евроцентризму, появился в 1980 г. Автором самой известной теории афроцентризма стал африкано-американец, профессор Темплского университета (Филадельфия) Молефи Кете Асанте (Артур Ли Смит Младший; род. в 1942 г.).

Афроцентризм М. К. Асанте представляет собой трансконтинентальную метатеорию, философию, мировоззренческую систему, призванную преобразовывать и регламентировать каждую из сфер жизни чернокожего населения мира в целом, и США в частности, в соответствии с идеей о центральном положении Африки и африканцев в мировой истории и культуре. Подобно «ризоме»³, афроцентристский «modus operandi» существует на разных уровнях (на теоретическом и практическом, на академическом и потребительском), проникает в различные области творческой деятельности, образует новые системы и подсистемы.

¹ Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. М., 1984. С. 81.

² Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–31–00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. С. 6–45.

В качестве одной из систем, развивающихся внутри глобальной теории афроцентризма, следует назвать афроцентричную риторику. Словесная форма, в которой заключен тот или иной компонент афроцентричного дискурса имела для М. К. Асанте, как для специалиста в сфере коммуникаций, принципиальное значение. Афроцентричная риторика стала для него понятием не менее важным, чем афроцентричный дискурс. Афроцентризм он также определял как «метатеорию африканских коммуникаций»¹. По мнению теоретика афроцентризма, «риторическая ситуация — это естественный контекст личностей, событий, объектов, отношений»² крайне важный для африкано-американцев, как для людей устной культуры. Условия, в которых африкано-американцы чувствовали себя ущемленными, создавались, в том числе, и благодаря риторике, языковой ситуации, примером тому могут служить такие категории, как «негр», «цветной» и т. д. Следовательно, необходимо изменить «риторические условия»³, используя афроцентричную риторику, связанную с традициями африканских предков и африкано-американским диалектом английского языка, отражающую интересы и устремления африкано-американцев.

Ключевым элементом афроцентричной риторики и одной из самых важных составляющих философии афроцентризма стал концепт номмо. Понятие «номмо», определяемое афроцентристами как «сила произнесенного слова <...>, сила, которая дает жизнь всему существу»⁴, было заимствовано из мифологии догонов, народа, проживающего на территории Республики Мали. В традиции догонов, Номмо — имя двуединого духа предков, божества воды, близнецов, полулюдей-полузмей, которое происходит от слова, обозначающего на языке догонов «выпить воды, делать глоток». Они изображаются в виде амфибий с восемью верхними и нижними конечностями. Цифра восемь, ставшая их символическим обозначением, также является символом слова и указывает на то, что именно Номмо принесли людям речь⁵.

М. К. Асанте полагает, что определенные элементы африканской культуры не только выжили, но и получили развитие на американском континенте⁶. Одним из них, по его мнению, стала устная традиция, идея номмо, воплотившаяся в оригинальном ораторском мастерстве и музыкальном искусстве африкано-американцев.

¹ *Asante M. K. Afrocentric Idea. Philadelphia: Temple University Press, 1987. P. 17.*

² *Ibid. P. 23.*

³ *Ibid. P. 32.*

⁴ *Encyclopedia of Black Studies / Ed. by M. K. Asante, A. Mazama. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2004. P. 379.*

⁵ *Шарова А. С. Догоны. Этнокультурная история. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013. С. 40.*

⁶ *Asante M. K. Afrocentric Idea. P. 9.*

Цветков Э. Г. (ЯрГУ, Ярославль)

К 60-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года: роль регионов в подготовке к Фестивалю и новые сведения о делегатах из Африки

Летом 1957 года Москва две недели жила VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов, собравшим под лозунгом «За мир и дружбу» тысячи участников со всего мира. Мир середины 1950-х гг. изобилует проблемами, источником которых было противостояние Востока и Запада. Полным ходом шла деколонизация, акцент которой в 1950-е гг. сместился в сторону Африки. 6 марта 1957 г. стала независимой Гана, делегаты которой уже были в статусе представителей первого независимого государства Тропической Африки.

Деколонизация Африки совпала с переориентацией внешнеполитического курса СССР. Заявка на мировое лидерство и необходимость расширения связей с мировым сообществом заставили СССР меняться. Закрытая страна приподняла «железный занавес». Несомненно, что VI Всемирный Фестиваль был внешнеполитической инициативой по формированию положительного образа СССР в мире и в первую очередь среди участников стремительно растущего после 1955 г. Движения Неприсоединения. Осознавая политические перспективы, советское руководство включило Африку в число приоритетных направлений своего нового внешнеполитического курса¹.

Периодическая печать² и фонды молодежных организаций РГАСПИ³ содержат ценные сведения о колоссальной подготовительной работе к Фестивалю⁴. Накануне главного события с сентября 1956 по май 1957 г. по всей стране шел Всесоюзный фестиваль советской молодежи, в рамках которого проходили трудовые, творческие и спортивные соревнования. Победители, т. е. лучшая провинциальная молодежь, получили возможность участвовать в «празднике дружбы» в столице. По распоряжению из Москвы каждый регион вручал заранее подготовленные подарки закрепленной за ним иностранной делегации. Для Ярославской области «подшефной» стала делегация из Марокко. Однако посещение Москвы в дни Фестиваля не было простым делом. Устанавливались квоты для каждого региона. Ярославцам было выделено 600 путевок, разделенных на 4 смены⁵.

Особый интерес к делегатам от Африки. Свидетельства советских кураторов африканских делегаций из фондов РГАСПИ позволяют глубже понять разнообразие происходящего с африканцами в дни Фестиваля, их интересы

¹ Мазов С. В. Политика СССР в Западной Африке, 1956–1964: неизвестные страницы истории холодной войны. М.: Наука, 2008. 339 с.

² Газеты «Фестиваль», «Правда», «Комсомольская правда», журналы «Огонек», «Крокодил» и т. д.

³ РГАСПИ — Российский Государственный Архив социально-политической истории.

⁴ РГАСПИ Ф. 3, Оп. 15, Д. 1. Л. 1–3; РГАСПИ Ф. 3, Оп. 15, Д. 3. Л. 90.

⁵ РГАСПИ Ф. 3, Оп. 15, Д. 3. Л. 86–109.

и отношение к происходящим событиям, поведение в конкретных ситуациях, те сложности и проблемы, с которыми пришлось сталкиваться в Москве. Кроме того у многих делегатов было настороженное отношение к СССР, что особенно чувствовалось в первые дни Фестиваля, и они ехали в Москву, чтобы подтвердить или опровергнуть свои предположения.

Большинство африканцев прибыли на Фестиваль не из Африки, а из Европы! Многие были членами востребованных в то время молодежных организаций как ВФДМ¹, МСС² или ФЕАНФ³. Из всей делегации от Западной Африки в 143 человека непосредственно с континента прибыли 40 человек, и те в основном от профсоюзных организаций. Среди участников встречались и представители нелегальных национально-освободительных движений⁴.

За дни фестиваля африканцы провели десятки встреч с молодежью и представителями общественных организаций. Главное что интересовало делегатов — жизнь в СССР. Делегаты удивлялись бесплатному образованию и медицине, государственным детским садам, низкой квартплате, положению женщин и т. д.⁵ Фестиваль, безусловно, способствовал тесному знакомству. Это было действительно первое в истории массовое и открытое общение советских людей с африканцами, первые попытки преодоления взаимного незнания и временем неподдельного интереса друг к другу.

Размышления над тем, чем стал Фестиваль 1957 г. в Москве для его участников, для государств и мировой политики могут быть разными, а в подтверждении любой точки зрения найдутся документальные свидетельства и воспоминания. Однако нельзя отрицать того, что событие оказалось настолько масштабным и значимым, что за прошедшие 60 лет не только не потеряло актуальности, но и в связи с предстоящим XIX Всемирным фестивалем в Сочи снова заставляет обратить на себя внимание.

Шарова А. С. (ЯрГУ, Ярославль)

Ислам среди догонов (Республика Мали)⁶

Республика Мали считается «светским мусульманским государством». На плато Бандиагара, расположенном на юге Республики Мали, в регионе Мопти, проживают догоны. Большинство из них мусульмане.

¹ ВФДМ — Всемирная Федерация Демократической Молодежи.

² МСС — Международный Союз Студентов.

³ ФЕАНФ — Федерация студентов Черной Африки обучающихся во Франции.

⁴ РГАСПИ Ф. 3, Оп. 15, Д. 203. Л. 125–157.

⁵ Там же.

⁶ Доклад подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16–31–00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

Согласно устной традиции Мали и сочинениям арабских ученых, мандингский правитель принял ислам около 1050 года. Причиной обращения вождя-язычника к мусульманству стала засуха, обрушившаяся на страну Манде. В поисках спасения он обратился к исламским проповедникам, пообещавшим избавление от напасти в обмен на исламизацию¹.

Начиная с мансы Уле, все правители Мали исповедовали ислам, но отличались веротерпимостью. Распространение мусульманства происходило достаточно мирно при пособничестве правителей государства, военной верхушки и служителей культа (марабутов и факихов). Догоны же смогли сохранить свои религиозные верования и культуру в противовес влиянию ислама достаточно долго.

Наиболее сильному влиянию ислама общество плато Бандиагара начало подвергаться в XIX веке, когда фульбе подчинили себе догонов. Королевство Масина представляло собой сильное теократическое государство, пример военной деспотии.

С 1860 г. на королевство Масина и на догонов в том числе начали нападать тукулеры.

Их правитель Эль Хадж Омар активно проводил политику исламизации. В первой половине XX века в некоторой степени французы содействовали процессу распространения ислама среди догонов.

Ислам общества плато Бандиагара отличается большим своеобразием, поскольку находится в тесном контакте с традиционными религиозными верованиями. Один из сопровождавших супругов Клемм фульбе в 1960-е годы, показывая им Сангу, сказал: «Ислам считают здесь не больше, чем налетом на веру предков. Если Христос, как мы знаем от Карло Леви, дошел лишь до Эболи, то Мухаммед дошел только до Бандиагары»².

Сейчас у догонов есть целые деревни, населенные мусульманами, которые молятся Аллаху. Но даже в них присутствуют элементы традиционной культуры. Так, в деревне Энде хранится древняя статуэтка, которая раньше использовалась в ритуальных церемониях. Отвечая на вопрос, зачем она им нужна, догоны говорят: «Она ценная».

Один из представителей общества плато Бандиагара, мусульманин по вероисповеданию, работает резчиком по дереву и изготавливает фетиши. Он говорит, что сейчас деревянных фетишей стало меньше, т.к. большинство догонов приняло ислам. Эти фигурки резчик делает для анимистов, ведь мусульманам они не нужны. Ислам запрещает изображения человека. Тем не менее, мусульманин занимается созданием человекообразных фигурок, и находятся догоны, которые их покупают, и даже которые им поклоняются, несмотря на утверждение одного

¹ *Cuoq J. M. Recueil des sources arabes concernant l'Afrique Occidentale du VIII au XVI siecle (Bilad al-Sudan). Traduction et notes par Joseph M. Cuoq. Paris: Ed. du C. N. R. S., 1975. 490 p.*

² *Клемм Х. Внуки королей. Путевые очерки о Мали. М.: Наука, 1966. 248 с.*

из них: «Если что-то нужно, сейчас молятся Аллаху или пророку Магомеду, а раньше молились статуям, чтобы решить свои проблемы»¹.

В мечетях, построенных в селениях догонов, совершаются мусульманские молитвы. Возле них же проходят ритуальные танцы масок. Некоторые догоны не едят свинину в соответствии с нормами ислама, хотя большинство игнорирует данное ограничение. Но если догонов спросят, являются ли они правверными мусульманами, они скорее всего ответят «да».

Шпилов А. Ю. (МГИМО, Москва)

Национальный патриотический фронт Либерии в региональных патрон-клиентских сетях в 1985–2003 гг.

Гражданская война в Либерии 1989–2003 гг. была вызвана внутренними этно-конфессиональными и социально-экономическими проблемами, а также внутривнутриполитической борьбой после окончания 133-летнего господства американо-либерийцев. Однако она оказалась возможной во многом благодаря внешнему вмешательству и встраиванию непосредственных сторон конфликта на территории «Большой Либерии» (включающей часть территории Сьерра-Леоне, Гвинеи и Кот д'Ивуара), в более широкие подсистемы региональных и международных отношений. Национальный патриотический фронт Либерии (НПФЛ), возглавляемый Чарльзом Тейлором, на этапе своего зарождения и в ходе конфликта был связан с несколькими иностранными государствами, что в значительной мере предопределило как судьбу самой организации, так и общий ход конфликта. К отношениям НПФЛ с внешними силами наиболее применима теория патрон-клиентских отношений Александра Вендта. На раннем этапе НПФЛ, как наиболее серьезная оппозиционная организация, выступавшая против режима Сэмюэля Доу, получала поддержку спецслужб США, поскольку им все меньше удавалось контролировать своих традиционных либерийских сателлитов, а для прямого вмешательства во внутренние дела Либерии для защиты американских интересов не хватало выделенных ресурсов. Однако необходимость логистической поддержки движения извне, экспорта природных ресурсов с подконтрольной движению территории и поставок оружия в обход международных санкций НПФЛ потребовалась поддержка соседних с Либерией франкоязычных государств, Буркина-Фасо и Кот д'Ивуара, что привело к встраиванию организации в патрон-клиентскую сеть Франции, охватывающую ее бывшие колонии в Западной Африке. В условиях окончания холодной войны и исчезновения общей для Франции и США советской

¹ ВВС: Тайное искусство Западной Африки / Hidden Treasures of West Africa art. [Видеозапись]; [Электронный ресурс] / реж. Griff Rhys Jones // YouTube. Дата загрузки: 2 авг. 2015 г. Стандартная лицензия YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=k-mzQOM2kVe8> (дата обращения: 17.09.2015).

угрозы это привело к разрыву руководства НПФЛ с США и внутреннему расколу организации. Тейлор также смог получить поддержку Ливии, в тот период активно сотрудничавшей в Западной Африке с Францией. В дальнейшем организация Ч. Тейлора, контролировавшая большую часть территории страны, столкнулась с противодействием региональной коалиции англоязычных государств во главе с Нигерией, а также с США, пытавшимися отстаивать свои экономические интересы без прямого силового вмешательства через поддержку номинально нейтральных региональных миротворцев. После распространения конфликта в конце 1990-х гг. на соседние Гвинею и Сьерра-Леоне НПФЛ также столкнулся с противодействием Великобритании, напрямую вмешавшейся для завершения войны в своей бывшей колонии. Страны Запада (за исключением Франции) и их региональные союзники и партнеры смогли выстроить свою патрон-клиентскую сеть, охватившую, в том числе, и «Большую Либерию», и организации Тейлора пришлось активно конкурировать с этой сетью. Кроме того, под давлением США и англоязычных стран региона франкоязычные страны Западной Африки были вынуждены присоединиться к миссии ЭКОВАС, ограничивающей контроль НПФЛ над страной, либо отказаться от поддержки Тейлора. После 1993 г. Кот д'Ивуар начал постепенную переориентацию экономических связей с Франции на США, поэтому его помощь Тейлору в данном конфликте прекратилась. Ливия к концу 1990-х гг. из-за введенных ООН экономических санкций более не могла позволить себе широкой поддержки африканских союзников и ставленников. Франция также потерпела в 1990-е гг. ряд неудач на африканском континенте, в частности, в Руанде, где французских миротворцев обвинили в косвенном соучастии в геноциде. В результате Франция более не могла открыто поддерживать скомпрометировавшего себя в ходе гражданской войны Тейлора, несмотря на экономические выгоды от сотрудничества с НПФЛ. Поэтому единственным надежным союзником либерийского президента и лояльных ему сил в условиях международных санкций остался режим Буркина-Фасо, поставлявший Тейлору вооружения в обход эмбарго, что в значительной мере способствовало свержению Тейлора в 2003 г. Таким образом, успехи и провалы НПФЛ связаны с жизнеспособностью тех региональных патрон-клиентских сетей, в которых участвовала организация.

Шлуинский А. Б. (ИЯз РАН, Москва)

К сопоставлению предположно-последовательных конструкций в языках ква¹

Языки ква характеризуются нетривиальным с типологической точки зрения сосуществованием сразу двух позиционных типов адлогов — предлогов и послелогов. Эти конструкции могут быть проиллюстрированы примером

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 15–34–01237.

на его основе предлога, но в разных языках в разной степени представлены и предлоги, для которых синхронно не существует производящего глагола. Во-вторых, хотя естественно провести границу между глаголом и предлогом в зависимости от наличия или отсутствия глагольного словоизменения, представлены промежуточные случаи «почти» предлогов, сохраняющих остаточную глагольную морфологию.

2. Степень формальной грамматикализации послелогов и сохранность производящих именных лексем. Аналогично, регулярно сосуществование в языке существительного и производного от нее послелога, но возможна и утрата существительного. Лексема, употребляющаяся в функции послелога, может как оставаться существительным, сохраняя все характерные для этой части речи формальные признаки, так и терять их.

3. Степень употребительности предложно-послеложных конструкций в сравнении с простыми предложными и послеложными. В некоторых языках ква предложно-послеложные конструкции относительно маргинальны в сравнении с конструкциями с одиночными адлогами, но в других крайне продуктивны.

4. Наличие у предложно-послеложных конструкций нелокативных употреблений. Исходные употребления таких конструкций связаны, как было сказано, с локативными значениями (и организованы в системы, в которых общее значение композиционально выводится из значений послелога и предлога). В ряде языков представлены контексты, в которых определенная комбинация предлога и послелога становится некомпозициональной и используется в других контекстах, как в (1).

Ясно, что принципиально перечисленные параметры связаны друг с другом: употребительность предложно-послеложных конструкций связана со степенью грамматикализации входящих в них адлогов, а также служит основой для распространения их на нелокативные контексты. Целью сообщения является анализ конкретноречевых данных, иллюстрирующих эту функциональную связь, и выявление межъязыкового варьирования внутри языковой семьи.

Ягья В. С. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург)

Д. А. Ольдерогге и ленинградская школа африканистов

Одно время в советские годы Д. А. Ольдерогге считали основоположником отечественной африканистики. Затем к нему добавили И. И. Потехина, назначенного в 1959 г. директором созданного тогда Института Африки АН СССР. Д. А. Ольдерогге величали также начинателем широкомасштабного и многодисциплинарного исследования Африки, приобретшего мировой уровень благодаря высоким его личным научным результатам и успехам

учеников Дмитрия Алексеевича. Под научным руководством Д. А. Ольдерогге сложилась ленинградская школа африканистов. Многие представители ее, перейдя на работу в Москву, перенесли немало творческих замыслов, оценок и исследовательских подходов своего учителя.

Точнее, наиболее выразительно и адекватно принадлежащему Д. А. Ольдерогге месту в мировой африканистике его назвал А. Б. Давидсон: патриархом. Надо признать, что «в список славы золотой» по изучению Африки входят также, помимо И. И. Потехина, В. Г. Солодовников, А. А. Громько, А. М. Васильев, А. Б. Давидсон и многие другие отечественные африканисты, создавшие фундаментальные труды по истории, лингвистике, экономике, географии, литературе, этнографии, религиоведению и другим наукам об Африке.

Д. А. Ольдерогге уже посмертно посвящено несколько весьма весомых работ. В них отличаются наряду с научными достижениями и заслугами, профессионализмом и широтой творческих задумок, организаторскими способностями и глубиной знаний об Африке, его высоко гуманистические черты и взгляды, лишенные принятой в те десятилетия идеологической трескотни. Он выносил на суд читателей, ученых, основательно выверенные результаты своих исследований, убедительно доказанные и содержащие, как правило, идеи, служащие основой дальнейшей разработки его учениками. В атмосфере общения с коллегами, учениками и студентами складывались у него не только деловые отношения, но зарождались дружеские, доверительные и, конечно, творческие.

Немало внимания уделял он образовательному процессу, заведая по существу организованной им кафедрой африканистики в Ленинградском (ныне — Санкт-Петербургском) государственном университете. Широкий круг специальных предметов в учебных программах на африканистике предназначался для формирования высокоинтеллектуальных специалистов-африканистов, притом не только из числа граждан Советского Союза, но и зарубежных стран (ГДР, Чехословакии, Польши, США и др.), отменно разбирающихся в хитросплетениях сложнейших проблем этой области науки, обладающих высоким трудолюбием, самозабвенно преданных идеям честного, без идеологических догм, познания африканского языкознания, истории и других дисциплин.

По его инициативе, наряду с филологическим профилем обучения, открыто было и отделение истории Африки, но, к сожалению, не по его вине оно просуществовало всего лишь пять лет. Однако те, кто заканчивал филологическое отделения (языки Западной Африки, языки Южной Африки и Эфиопии), получали в ходе учебы как отменную языковую и литературоведческую, так историко-этнографическую подготовку. Это позволило им впоследствии специализироваться в различных областях знания, в том числе по мировой политике, экологии, социальной географии и религиоведению. Он придавал

большое значение практике студентов, которые направлялись с этой целью кто в крупнейшие национальные библиотеки Ленинграда, в ленинградские филиалы академических институтов востоковедения и этнографии, на радио Москвы, вещавшее на разных языках Африки.

В ряду выпускников его кафедры больших успехов достигли проф. А. А. Жуков (к сожалению, ушедший в мир иной), проф. Н. В. Охотина, Н. В. Горелова, доц. В. М. Мисюгин, доц. А. А. Алимов, проф. А. Н. Желтов, М. А. Осницкая, проф. Н. А. Добронравин, Г. А. Папышева, доктор ист. наук А. А. Саватеев, автор этих тезисов, и многие другие. Почти у каждого из них есть свои ученики, которые перенимали от наставников обретенные ими от Д. А. Ольдерогге на его лекциях, в беседах с ним, на конференциях, круглых столах или на дому у него, исследовательские принципы и знания об Африке, а также, как теперь говорят, об Евроафроазиатском мегаконтиненте. Те, кто перенял от Д. А. Ольдерогге все лучшее, что было в его научной деятельности, педагогической практике и в воспитании подрастающего поколения, несуетливо, эффективно и плодотворно восприняли и разрабатывают продуктивные теории, включая этноконфессиональные, культурно-исторические, лингвистические, лингвополитические, мирополитические аспекты современной и прошлой действительности Африки.

В 2017 г. возродились Чтения памяти Д. А. Ольдерогге, на которых рассматривались актуальные вопросы творческого наследия этого выдающегося ученого, тематика настоящих и перспективных исследований в контексте заложенных им идей.

Высоко образованные молодые люди с идеями, воспринятыми ими и зародившимися у них в постсоветское время, опираясь на научное наследие Д. А. Ольдерогге, профессионально исследуют африканскую тематику. Их работы обогащают отечественную африканистику.

XX. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СТРАНАХ ВОСТОКА»
ROUND TABLE DISCUSSION:
“PROBLEMS OF GENDER STUDIES IN THE EAST”

Donika Kristina (FAAS, St Petersburg State University)

“Pinjra Tod”: breaking the hostel rules in India

*Girls are weighed down by restrictions, boys
with demands — two equally harmful disciplines.*

Simone de Beauvoir

“Pinjra Tod”¹ is one of many feminist movements in India. It is relatively new (September 2015) but very well known in South Asia, especially in New Delhi — its epicenter, due to the high activity of its participants in the Social Media and contradictory public actions on the streets of major cities and inside of the universities. Comparing to other feminist organizations and movements in India, “Pinjra Tod” has the clear-cut set of goals and aims, which are constructed around the gender discriminative rules and regulations in the student hostels. Such discrimination was perceived as normal and was not widely discussed before September 2015, when a small group of girls naming themselves “Break the cage” started to raise the awareness in the Public Media, revolving against curfews, clothing bans, moral policing, extra fees and break closings, which exist in hostels all around India predominantly for the female students, but not for the male.

The main questions of the research are:

- Why and how did the movement start? How and where did it spread?
- What are the core demands of the participants? How is “Pinjra Tod” interconnected with other organizations and movements?
- How do they claim their rights? How does “Pinjra Tod” use protest art on the streets of the city and in the social media?
- What are the problems and perspectives of the movement?

Even though, at the first sight, it might look like a small movement confined with middle-class female students who live in hostels, careful analysis of posts in their pages in Social Media (Facebook and Twitter) and the street art and actions show, that “Pinjra Tod” is interconnected with other protest groups, not only those of feminist nature (“Take back the night”, “Gils at Dhabas”, “Why Loiter”), but also different social and political ones (they support *dalits* and movements for the freedom of Kashmir). At the same time, the movement is involving lower cast and class people, male students, and even university workers. Moreover, even though it was started in one of the Delhi universities (Jamia Milia Islamia) by three girls, who were not let in the hostel by guards 5 minutes after the curfew, it took over universities in Delhi, Kolkata, Mumbai, Chennai and in Kerala state. After taking off with actions against curfews, these girls started to collect data and stories of other people, proving discrimination towards female students in all the spheres of their lives. As a result, they led off by fighting against all sorts of discrimination in universities, organizing marches, hearings, official reports to different committees, creating a wave in the Social Media and showing that they are not afraid of the consequences. They find empowerment and inspiration in previous global and today’s local feminist movements and in strong famous characters and personalities. Analyzing their activities helps to understand that having clear set-up goals doesn’t make it a small-scale feminist movement, as the main battle is defined with the accepted way of protecting women by infantilising them.

The research proves that such small and local “revolutions” have considerable weight in the social struggle. Being not so numerous in quantity of participants, “Pinjra Tod” confronts not only administration of universities, but, basically, traditional values of the Indian society, and it gains hearing along with visible results. These girls imperil not only their place in hostels and universities but their own reputation, which is still considered as one of the pillars of stability and prosperity of traditional Indian society. Today their actions might seem irrelevant for some people, but in the course of time the situation may change, as the movement has a huge room to grow.

Ахматшина Э. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Женское ток-шоу на арабском спутниковом телевидении: медийная глокализация и ее влияние на публичную сферу

Начиная с 90-х годов XX века арабское телевидение успешно адаптирует зарубежные телевизионные жанры. Согласно статистике Arab Media Outlook 2011–2015¹ одним из самых востребованных жанров вслед за новостными

¹ *Arab Media Outlook 2011–2015*. Arab Media: Exposure and Transition. Forecasts and Analysis of Traditional and Digital Media in the Arab World. 4-th Edition. Dubai Press Club, 2015. P. 141–173.

передачами в странах БВСА считается жанр ток-шоу. Применительно к жанру ток-шоу трансрегиональные СМИ используют стратегии глокализации¹, актуализируя арабские социальные нарративы в формате популярных западных жанров².

Женские ток-шоу, такие как «Калям Наваим», «Нидас Шоу», «Бадрийя», «Маакум Муна аш-Шатели» и другие пользуются широкой популярностью у целевой женской аудитории, оправдывая коммерческие ожидания авторов подобных проектов.

Визуализация социальных, религиозных, этических, общественно-политических табуированных вопросов создает ощущение причастности к дискуссии, порождает чувство женской консолидации в общепарабском медийном дискурсе. Трансляция шоу в прямом эфире арабского спутникового телевидения, охватывающего многомиллионную аудиторию, обеспечивает своеобразную гарантию безопасной публичности для героинь шоу. В то же время известны случаи, когда участие в ток-шоу оборачивалось трагедией для его участниц.

Тренды феминизации медийной публичной сферы представляют собой вызов общественно-политической культуре ближневосточного общества. В этой связи примечательна роль экспертов из ряда региональных правозащитных организаций, женских предпринимательских союзов, международных гуманитарных организаций в странах БВСА. Компетенция и авторитет таких лиц влияет на качество интерпретации аудиторией тех или иных проблем в обществе.

Тем не менее, по мнению ряда исследователей арабских массмедиа, каким бы открытым и свободным ни был или ни казался контент арабского ток-шоу, без институтов гражданского общества, которые могли бы артикулировать реформистские идеи, обсуждаемые на ток-шоу, дебаты будут оставаться лишь таковыми³.

Контент женских ток-шоу подвергается критике ввиду следующих факторов: фактор трансформации индивидуального опыта участников шоу на уровень национальной проблемы, персонификация шоу в лице ведущих, сенсационализм, эмоциональное воздействие.

С точки зрения жанровой типологии в условиях конкурентной борьбы за аудиторию наблюдается гибридизация жанра женского ток-шоу. Появляются

¹ *Ayish M.* Television reality shows in the Arab World. The case for a “glocalized media” ethics // *Explorations in Global Media Ethics. Journalism Studies: Theory and Practice.* Routledge, 2012. P. 60–61.

² *Hahn O.* Cultures of TV News Journalism and Prospects for a Transcultural Public Sphere. // *Arab Media and Political Renewal: Community, Legitimacy and Public Life.* Ed. by Naomi Sakr. London: I. B. Tauris, 2009. P. 14–15.

³ *Kraidy M. M.* Arab satellite television between regionalisation and globalisation. 2002. [URL:http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1192&context=asc_papers] (дата обращения: 10.12.2016). P. 32–46.

шоу морально-этического характера, духовно-просветительской направленности, где женщины-ведущие актуализируют проблемы социального характера в приемлемом для традиционного общества русле¹, избегая провокационных дебатов (например: ток-шоу «Дардаша Нисайя», «Калям Кабир»).

Принимая во внимание неоднозначную политику редакторов светских женских ток-шоу, заверяющих в намерении проведения аргументированного диалога, а также реакцию со стороны сторонников традиционализма, отмечается некоторая поляризация публичной сферы. Императивы медиамаркетинга и морально-этические доминанты отдаляют различные социальные группы от конструктивного диалога по гендерной проблематике в публичной сфере стран БВСА.

Казурова Н. В. (МАН РАН, Санкт-Петербург)

Женские персонажи в иранском кинематографе после Исламской революции

Ни одно явление иранской культурной и социальной жизни не связано с таким количеством мифов и стереотипов, как дифференциация мужских и женских социальных ролей. Поэтому естественно, что острая и обсуждаемая проблема гендерной социализации и психологии гендерных отношений — психологические и поведенческие особенности распределения гендерных ролей в современном Иране — находит отражение в национальном кинематографе.

Формирование феномена социального пола происходит под воздействием культуры и господствующего в стране политического курса. Тематика и используемая система средств художественной выразительности иранских фильмов демонстрируют состояние стратегии гендерной политики Ирана на уровне зрительного ряда — внешний вид и игра актеров — и смыслового содержания.

Большая часть определяемых цензурой правил современного иранского кинематографа касается именно внешнего вида и поведения актеров на экране. Режиссеры должны строго следовать предписаниям относительно женского костюма — *хиджаба*, а также следить за соблюдением правил приличия в сценах общения мужчин и женщин, которым показаны сдержанность во взглядах и движениях. Строгий запрет на окрашенные эротическим желанием взгляды, речи и прикосновения объясняются существующей системой традиционно дозволенных и недозволенных отношений между людьми (*махрам/намахрам*) и обязанностью актеров подавать молодежи пример нравственного поведения.

¹ *Rinnawi Kh.* When Global Meets Local // Arab Media: Globalization and Emerging Media Industries. Polity Press, 2011. P. 163–164.

В первые послереволюционные годы женщины были практически исключены из публичной сферы общества, их уделом стали дом и семья. Их присутствие в кинематографе в этот период было сведено к минимуму: они изредка появлялись лишь в качестве второстепенных персонажей. Однако к середине 1990-х годов женщины все чаще становятся главными героинями фильмов и исполняют полноценные драматические и характерные роли, а затем завоевывают позиции не только на киноэкранах, но и по другую сторону кинокамеры, работая кинорежиссерами.

В документальном и игровом кинематографе женщины-режиссеры снимают фильмы, центральными темами которых становятся проблемы самореализации женщин в обществе, решение противоречий между традиционными и новыми, исламскими и западными нормами жизни. Они не довольствуются сюжетами на отстраненные темы, а фокусируют свое внимание на таких проблемах, как ранние браки, развод, конформизм, социальная несамостоятельность женщин и существование препятствий в их социальной и физической мобильности. Режиссеры-мужчины если не специально, то невольно вынуждены касаться вопросов сегрегации, так как, выстраивая линию взаимоотношений между персонажами противоположных полов, они неизбежно затрагивают данный аспект жизни общества.

Работы иранских кинематографистов последовательно демонстрируют трансформацию статуса и роли женщин в обществе. Если некоторые явления культурного и политического характера режиссеры могут обойти стороной или вовсе игнорировать в своем творчестве, то вопрос гендерного распределения ролей в обществе выступает неотъемлемой частью процесса кинопроизводства. В национальном кинематографе, как и в реальной жизни, явления культурной, социальной и политической жизни социума наслаиваются друг на друга, создавая на экране единый образ послереволюционного Ирана. В первые годы существования Исламской республики в условиях ирано-иранской войны и жесткого контроля со стороны правительства кино, как и прочие сферы жизни общества, подчинялось диктату строгой модели сегрегации полов. Впоследствии в стране наметилась относительная «оттепель», результатом которой стало расширение прав женского населения Ирана, реализация им индивидуальных профессиональных навыков и высказывания своих взглядов в области искусства и общественной деятельности.

Кикнадзе Диана (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Проблемы выживания детей в японском обществе эпохи Хэйан (794–1185)

В средневековой Японии материнство носило специфический характер: обычно ребенок, ожидаемый в браке, был желанным, и о будущей матери

старались заботиться — оберегать ее от злых духов, не позволять много трудиться, баловать. Однако на такое чуткое отношение можно было надеяться лишь в среде образованных аристократов, состоящих на придворной службе, обладающих финансовой независимостью. Если дитя, рожденное в знатной семье, было желанно независимо от его пола, то простое население отличалось более грубыми и жестокими нравами. В крестьянской среде старались оставлять первых детей, от остальных же избавлялись в точности так, как своим примером это показали боги Идзанаги и Идзанами, отправив в лодочке по реке своего первенца — младенца, рожденного без костей, как пиявка¹.

Даже рассматривая мифологические тексты «Кодзики» («Записи о делах древности», 古事記) и «Нихон сёки» (иначе «Нихонги», «Анналы Японии» 日本記), невозможно пренебречь реалиями, отраженными в нем. Речь пойдет о явлении *сутэго* (яп.: 弃子) — оставлении детей их родителями как предшественника более позднего явления — инфантицида *мабики* — «прореживание сорной травы» (яп.: 間引き).

Основными причинами оставления детей в простом японском обществе были крайняя бедность и невозможность прокормить ребенка, особенно в многодетных семьях; физический недостаток новорожденного; нежелательная беременность, скрываемая женщиной от мужа и окружающих.

В среде придворных дам также практиковалось скрывание беременности для того, чтобы избежать публичной огласки и позора. Поводов избавиться от нежелательного дитя было несколько: беременность не от главного покровителя дамы; страх навлечь позор, вызвать огласку при дворе; лишиться милости знатного покровителя; увольнение с придворной службы в случае желания оставить ребенка на воспитание. Потеря службы в свите августейшей особы, как и неспособность удержать богатого покровителя, означала конец безбедного существования, возвращение в родной дом в провинции и, часто, нищету. В случае нежелательной беременности фрейлина пресекала ночные визиты мужчин, по возможности старалась покинуть столицу и вести уединенный образ жизни в провинции, а после родов оставляла новорожденного на произвол судьбы.

В сборнике назидательных историй жанра *сэцува* «Кондзяку моногатари-сю» («Стародавние повести», XII в.) можно обнаружить целый цикл историй о брошенных детях и сиротах, причинах их оставления. Это обедневшая одинокая женщина с двумя маленькими детьми, которая горько рыдает, так как вынуждена бросить самого младшего ребенка²; обедневшая аристократка мечтает о богатом покровителе или муже, но внезапно обнаруживает беременность,

¹ Иэнага Сабуру. История японской культуры. М.: Прогресс, 1972. С. 66–67.

² «История о том, как старуха взяла на воспитание ребенка, брошенного бедной женщиной» («Кондзяку моногатари-сю», свиток 19, рассказ 43).

пытается ее скрыть от окружающих, а ближе к родам отправляется в горы, чтобы родить и оставить ребенка там же¹; прохожий обнаруживает у городских ворот брошенного младенца, переживает за его жизнь, но спешит дальше по своим делам, а к вечеру обнаруживает, что младенца регулярно выкармливает собака, которая впоследствии утаскивает дитя в более укромное место².

Другой проблемой средневекового японского общества являлись беспризорные сироты. Удел таких детей был печален: никому не нужных, истощенных от голода и слабых, их задирали стаи голодных собак, что было привычным явлением для жителей столицы.

В качестве источников использованы японские письменные памятники VIII века «Нихонги», «Кодзики», крупнейший памятник дидактической прозы жанра *эцува* «Кондзяку моногатари-сю», XII в., а также некоторые исследования японских антропологов на эту тему.

Колодина А. К. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Институционализация проституции во Французском Магрибе

До колонизации Францией Северной Африки в 1830 г. главной особенностью проституции этого региона, входившего в состав Османской империи, являлась ее практическая невидимость: женщины торговали собой из арендуемых помещений или гостиниц, часто расположенных вблизи рынков, и как бы являлись неотъемлемой частью их быта. Их деятельность облагалась налогом, но они не получали элементарного медицинского обеспечения и не имели мест ограниченного доступа.

С момента прихода в Магриб французы сразу же в качестве одной из приоритетных задач определили процесс институционализации проституции³. Традиционные гаремы (частное домовладение до четырех жен, которые также были домом и для наложниц) французы приравнивали к борделям. Наложницы часто покупались на невольничьих рынках и помогали вести домашнее хозяйство. Обосновавшиеся в Алжире французы выкупали из такого рода хозяйств девочек в возрасте восьми-десяти лет для последующего их обучения искусствам, философии и даже религии. Затем, по достижении ими возраста физической зрелости, выкупленные девушки удовлетворяли сексуальные

¹ «История о том, как роженица отправилась на гору Ямасина, повстречалась с чертом и бежала оттуда» («Кондзяку моногатари-сю», свиток 27, рассказ 15).

² «История про то, как у ворот Татимон собака тайком выкармливала брошенное дитя» («Кондзяку моногатари-сю», свиток 19, рассказ 44).

³ *Hosford D., Wojtkowski C. J. French Orientalism: Culture, Politics, and the Imagined Other. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 76.*

потребности своих хозяев, зачастую совмещая это с ведением домашнего хозяйства своего господина.

С приходом французов в Магриб многие женщины получили свободу. Это породило совершенно иной, уже европейский вариант элитарной проституции, известный как куртизанство¹. Куртизанки жили независимо друг от друга, как правило, в городах и обладали весьма высоким статусом. Те из них, кто прошел обучение различным видам искусств, хорошо владел языками и редко появлялся на публике, именовались *almée*. Их связи с мужчинами ограничивались узким кругом фаворитов, что с лихвой окупалось щедрыми подарками и беззаботной жизнью. Менее удачливые из *almée* были вынуждены идти в танцовщицы, что автоматически понижало их статус, так как они имели репутацию «нечестных» женщин².

Французами были созданы и отдельные бордели для размещения проституток европейского происхождения. Позже французы создали даже отдельные районы, называемые *Quartiers réservés* (дословно «Заповедный район»), где вместе с женщинами могли также работать и жить их родные. Эти проститутки были зарегистрированы как во Франции, так и в колонии, и должны были обязательно проверять свое здоровье, за что взималась отдельная плата. Такие женщины были известны как *filles soumises* («подчиненные [подведомственные] проститутки»). Самый известный из всех заповедных кварталов был создан в 1920-х гг. в Касабланке в районе под названием Бусби (*Bousbir*) для obsługi гарнизона, а позднее, дабы удовлетворить потребности все возрастающего числа европейцев, разросся до размеров города в городе. В нем на постоянной основе находилось до 1 тыс. женщин, он включал в себя магазины, рестораны и даже кинотеатр, и со временем стал туристической достопримечательностью, известной далеко за пределами Африки.

Французская институционализация проституции оказалась исторически важна по ряду причин. Во-первых, она ни одна колониальная держава не имела ранее подобного опыта. Это был новаторский экспериментальный проект, который оказался настолько успешным, что впоследствии был воспроизведен англичанами в Египте. Во-вторых, проституция и проститутка из объекта превратилась в субъект стремительно вестернизируемого общества исламского Магриба. Другое дело, что с уходом французов в 1962 г. этот институт оказался не востребован, как и сама вестернизация. В-третьих, удачный опыт институционализации проституции во французском Магрибе стал модельным прообразом всей будущей глобальной индустрии постколониального секс-туризма на Кубе, в Сиаме (Таиланде) и даже в Голландии.

¹ *Walonen M. K. Writing tangier in the postcolonial transition: space and power in expatriate and North African literature. New York: Routledge, 2016. P. 49.*

² *Самыловская Е. А. «Belly dance» как феномен современной трансформирующейся российской культуры // Россия в глобальном мире, № 4 (27). 2014. С. 468.*

Мисанова А. Б. (Кубанский Государственный Университет,
Краснодар)

Гендерные различия японского языка в массовой культуре (На примере аниме *Kamisama Hajimemasita* и *Psycho-Pass*)

Гендерные исследования включают междисциплинарный подход в гуманитарных науках. Как таковое понятие гендер было введено в 1963 г. в работах Р. Столера, чтобы отделить пол биологический, от пола «социального»¹. В японской традиционной культуре гендерная асимметрия выражается не только в нормах поведения и внешнего вида, но и в самом языке и проявлении языковых норм в речи. Для данного исследования был выбран язык массовой культуры, поскольку он, с одной стороны, наглядно отражает тенденции в современном обществе, а с другой — демонстрирует специфическое закрепление гендерных стереотипов.

Формы японского языка, которые используют женщины, неразрывно связаны с социальной идеологией, формировавшей стереотип японки — нежной и призванной создавать светлую и приятную атмосферу для окружающих, оставаясь в приватной сфере. В соответствии с этим стереотипом обществом издревле поощрялось использование японками таких речевых форм, которые делали бы их более женственными и привлекательными для окружающих. Думается, что именно по этой причине *дзёсэйго* (женский японский) часто интерпретируется как символ низкого социального статуса японской женщины² в патриархальном обществе.

Истоки гендерных различий в японском языке можно заметить еще в эпоху Хэйан (794–1185 гг.), причем выражались они не только в устной речи, но и в возникновении особой женской письменности. В эту эпоху женщины впервые получили возможность писать, создав азбуку *хирагана*, в то время называвшуюся «*оннадэ*», что дословно переводится как «женская рука». *Хирагана* представляла собой измененные прописные варианты иероглифов. Китайский язык как коммуникационный компонент выступал исключительно в роли мужского языка, по этой причине женщины в эпоху Хэйан не могли изучать его. Поэтому знание и использование большого количества иероглифов у дамы осуждалось окружающими. Так писательница Мурасаки Сикибу (978–1014 гг.) в своем дневнике пишет относительно творчества своей современницы Сэй Сёнагон следующее: «С умным видом уснащает она свои писания иероглифами, но если взглянуть повнимательнее, то окажется, что они весьма

¹ Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов.: пер. с англ. Д. Викторовой. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 336 с.

² *Junko Ueno*. Gender Differences in Japanese Conversation. URL: <http://web.uri.edu/iaics/files/08-Junko-Ueno.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).

далеки от совершенства»¹. Такими способом Мурасаки Сикибу иллюстрирует «самонадеянность» и высокомерие Сэй Сёнагон, а также дает представление об общем отношении к чрезмерно, по меркам общества, образованным женщинам в ту эпоху.

Хирагана продолжала оставаться женской вплоть до IX в. н. э. Но, несмотря на то, что в эту эпоху даже мужчины начинают писать на *хирагане* стихи и другие литературные произведения, лишь к эпохе Камакура (1185–1333 гг.) она окончательно становится общеупотребительной, и гендерная асимметрия в письменности исчезает.

Начиная с эпохи Камакура на долгие века в Японии утвердилась идеология, согласно которой женщина не должна говорить. Предположительно, это было связано с новым витком распространения буддизма. В соответствии с некоторыми положениями данной религии, женщина выступает препятствием для достижения просветления². По этой причине большинство речевых правил этой и последующих эпох имели в основном запретительный характер, и были направлены на то, чтобы снизить «пагубное» женское влияние. Лишь в эпоху Мэйдзи (1868–1912 гг.) в речевых нормах стали переходить от запретов к выработке определенных правил. Это было связано с распространением идеи «хорошая жена, хорошая мать», в соответствии с которой, для воспитания детей, пусть и лишь первоначального в случае с мальчиками, а также ведения хозяйства, что являлось основополагающими критериями хорошей жены и матери, женщине все же необходимо было уметь говорить. После Второй мировой войны, с началом юридического уравнивания мужчин и женщин в правах, возникали также идеи об уравнивании и речи, однако идеал «женственности» по-прежнему сохраняется. Стоит отметить, что к настоящему времени в письменном японском языке какое-либо гендерное разделение перестало существовать, и все тексты, за исключением художественной литературы, пишутся с использованием так называемого книжного стиля, сформированного на основе мужской речи³. При этом СМИ не позволяют гендерным различиям исчезнуть окончательно⁴, поддерживая «молчание» японок.

Рассматривая статьи о различиях в мужской и женской японской речи можно отметить, что вне зависимости от того, на каком языке они написаны, в них говорится, что основные различия обычно проявляются в синтаксисе и лексике. Чаще

¹ Мурасаки Сикибу. Дневник. URL: http://www.libros.am/book/read/id/51643/slug/dnevnik-2#ТОС_idp533840 (дата обращения: 15.01.2017)

² Арвон А. Буддизм.; пер. с фр. Е. Калантаровой. М.: Астрель: АСТ, 2005. 159 с.; Отношение к женщине в буддизме URL: <http://ponjatija.ru/node/1875> (дата обращения 13.03.2017).

³ Schonfeld A. Manifestations of Gender Distinction in the Japanese Language. URL: <http://www.postmeta.com/jpfm.htm> (дата обращения: 11.01.2017).

⁴ Алтатов В. М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

всего эти лингвистические различия делают женскую речь более мягкой, вежливой и менее агрессивной. Также указывается, что женщины чаще используют категории вежливости — *кэйго* — не только в официальной, но и в неформальной обстановке¹. Если же обратиться к учебникам по японскому языку, то во многих из них будут стоять пометки о том, какой пол обычно использует те или иные речевые обороты². А в некоторых и вовсе мужская и женская речь выделяются как отдельные стили. Например, в довольно распространенном учебнике *Tobira: Gateway to Advanced Japanese*, где часть второго урока посвящена именно этой тематике³.

Одним из наиболее типичных примеров лексических различий в женской и мужской разговорной речи является использование личных местоимений. Так в неформальной обстановке мужчинам свойственно использовать отличные от женских местоимения «я» (боку, орэ), «ты» (кими, омаэ) и т. д. Существует и полностью женское местоимение «я» — «атаси», используемое в неформальном общении и придающее детский оттенок звучанию речи, в силу проглатывания части звуков, как это часто происходит у детей. Однако наиболее распространенными женскими вариантами данных местоимений остаются «ватаси» или «ватакуси», что означает «я», и «аната» — «ты», которые также являются общеупотребляемыми вежливыми вариантами данных слов⁴.

Однако стоит отметить, что пол говорящего не всегда определяет категории вежливости. На их выбор влияют и другие факторы, такие как окружение или ситуация. Так женщина может использовать вежливые формы речи не для того, чтобы просто показать хорошее воспитание, а чтобы подчеркнуть социальный статус собеседника. Более того, с изменением положения женщины в современной Японии так же стали меняться и их речь. Согласно некоторым исследованиям японских ученых, многие девушки школьного возраста в современной Японии в повседневной речи стали чаще использовать «мужские» местоимения «боку» или «орэ» и стараются придерживаться нейтральных или мужских форм. Также женщины, занимающие высокие позиции в компаниях или же занимающиеся собственным бизнесом, имеют тенденцию говорить менее «женственно», чем те, кто работает в качестве простых офисных служащих⁵.

Другой лексической особенностью гендерного разделения японского являются слова и даже грамматические конструкции, свойственные тому или

¹ *Junko Ueno*. Gender Differences in Japanese Conversation. URL: <http://web.uri.edu/iaics/files/08-Junko-Ueno.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).

² *Minna no Nihongo*. Shokuyu II. Перевод и грамматический комментарий. Русскоязычное издание. Tokyo: 3A Corporation, 2003.

³ *Oka M.* TOBIRA: Gateway to Advanced Japanese. Tokyo: Kurosio Publishers, 2009. 420 p.

⁴ *Schonfeld A.* Manifestations of Gender Distinction in the Japanese Language. URL: <http://www.postmeta.com/jpfm.htm> (дата обращения: 11.01.2017).

⁵ *Junko Ueno*. Gender Differences in Japanese Conversation. URL: <http://web.uri.edu/iaics/files/08-Junko-Ueno.pdf> (дата обращения: 11.01.2017).

иному полу. Так существуют разговорные варианты слов «живот», «есть», слова, обозначающие членов семьи, которые и по сей день, произнесенные женщиной, будут восприниматься грубо и неуместно, а посему используются исключительно мужчинам¹. То же касается некоторых грамматических конструкций. Например, при выражении просьбы традиционно женщины используют более мягкие формы речи, в то время как мужчины, в особенности в неформальной обстановке, их практически не используют. Так различаются женская и мужская повелительные формы. В неформальной обстановке мужчина, подзывая кого-либо, скажет «кой», что означает «подойди», а женщина вместо этого будет использовать другую грамматическую конструкцию и скажет «кинасай». Эта фраза будет иметь аналогичное значение, но, если для женщин эта форма императива считается уместной в неформальной обстановке, то мужчины ее использует уже в нейтрально-вежливой речи, так как, с точки зрения категории вежливости японского языка, она стоит выше, чем первая. Иными словами, повелительные формы, используемые женщинами, всегда на одну ступень вежливее, чем те, что используют мужчины в одной и той же ситуации².

Следующее отличие мужской и женской речи — это частицы в конце предложения. Частицы в японском языке занимают очень важное положение и в купе с определенной интонацией могут модифицировать значение предложения. Частицы «ва» и «но» в конце предложений используются исключительно женщинами, причем наличие второй смягчает высказывание. Мужскими частицами являются «дзо» и «дзэ», которые, наоборот, заставляют предложение звучать грубее³. Помимо этого, мужской разговорной речи свойственна вопросительная частица «кай», а женской — «касира». При этом стоит отметить, что использование этих частиц в современной японской речи неуклонно сокращается. Это связано с тем, что японская молодежь намеренно отходит от старых традиций и старается использовать общий стиль. Однако существование этих частиц сохраняется в переводах на японский язык интервью для обозначения пола говорящего. Нередко их употребление и в художественной литературе, где специфичные для мужской и женской речи частицы используются не только для гендерной дифференциации, но и в качестве средства художественной выразительности⁴. В качестве иллюстрации к данному явлению мы приведем

¹ Половые различия в лексике, грамматике и произношении, существующие в японском языке. URL: <http://linguistics.hatenablog.jp/entry/2015/12/09/201524> (дата обращения: 13.01.2017).

² О женском японском языке. URL: <https://www.douban.com/group/topic/13011992/> (дата обращения: 13.01.2017).

³ Schonfeld A. Manifestations of Gender Distinction in the Japanese Language. URL: <http://www.postmeta.com/jpfm.htm> (дата обращения: 11.01.2017).

⁴ Аллатов В. М. Япония. Язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008. 208 с.

пример из современной масс культуры — аниме *Kamisama Hajimemasita* (Очень приятно, Бог) и *Psycho-Pass* (Психо-паспорт).

Причин, по которым мы выбрали данные произведения, несколько. Первая — это их сравнительная новизна. Оба выходили в течение последних пяти лет, так что являются свежим примером гендерной ситуации в языке массовой культуры. Кроме того, события, описываемые в данных аниме, происходят в настоящем или ближайшем будущем, так что в них по большей части используется лексика и грамматика, свойственная современному японскому языку. Третьей причиной является то, что данные произведения нацелены на разную аудиторию. Целевой аудиторией аниме *Kamisama Hajimemasita* являются девушки, в то время как *Psycho-Pass* в основном нацелен, наоборот, на мужскую аудиторию. Направленность произведений в Японии определяется изначально задаваемыми жанрами, среди которых, помимо привычных европейскому зрителю, имеются такие жанры как «для девочек» и «для мальчиков». И хотя это разделение не строго нормированное, личные наблюдения автора показали, что японская аудитория тщательно его придерживается. Это дает нам возможность не только посмотреть, каким образом проявляются гендерные различия японского языка в современной масс-культуре, но также сравнить, насколько сильно они выражены в зависимости от направленности произведения.

Для начала рассмотрим аниме *Kamisama Hajimemasita*. Согласно сюжету, главной героиней данного произведения является 16-ти летняя школьница, которая временно заняла место божества одного из синтоистских храмов. В силу того, что подавляющая часть персонажей является мифическими существами, часть из них иногда использует устаревшие формы японского языка. Однако в большей степени речь героев данного произведения достаточно современная. Можно отметить некоторые ее особенности.

Мы решили начать с женских персонажей. Так, рассматривая речь главной героини, мы замечаем, что степень вежливости зависит не от пола собеседника, а от скорее степени знакомства и социального положения героя. Так к незнакомым людям она обращается в нейтрально-вежливой форме, а к божествам, за редким исключением, используя *кейго*, однако с уже знакомыми людьми (в том числе с другими центральными персонажами), своими одноклассниками и друзьями она разговаривает простыми формами. В некоторые моменты она даже использует выражения, которые обычно относят к мужской речи. Чаще всего это происходит для придания эмоциональности — в моменты злости она может употребить грубый вариант слова «отец» или местоимения «он», а также «мужской» вариант повелительного наклонения. Однако и в обычной обстановке она часто использует мужской вариант частицы «не так ли» — «даро», хотя согласно большинству учебников, девушкам соответствует вариант «дэсё». При этом, за исключением речи, ее внешний облик полностью соответствует

всем основным маркерам феминной внешности — это и ношение соответствующей одежды и аксессуаров, прическа, а также интонация и тембр голоса. С другой стороны, в ее речи часто встречаются женские частицы «ва». Речь других женских персонажей, являющихся людьми, в общих чертах похожа на стиль общения главной героини, хотя некоторые из них более приближены к стереотипам о традиционной японской женственности. Так они почти не используют грубых выражений и, хотя общаются на разговорном языке, чаще употребляют женские частицы, а вместо личного местоимения «я», используют собственное имя, что обычно относят к детской и женской речи.

Особого внимания заслуживают появляющиеся в произведении женские божества, а именно то, что речь всех этих персонажей может стать примером так называемой «типичной женской речи». Вне зависимости от социального положения, пола и возраста собеседника, а также степени знакомства, все женские божества общаются, используя нейтрально-вежливую или вежливую формы речи, только женские варианты местоимений и других слов, женские частицы и так далее. Возможно, это является отображением манер женщин старшего поколения (от 50-ти лет), которым обычно подобная речь и свойственна. С другой стороны, в силу того, что данные персонажи изначально являются божествами, это можно расценивать как завуалированный пример речи идеальной женщины, то есть намеренное поддержание гендерных различий в мужской и женской речи.

В противоположность этому не менее примечательной является речь одной из «смертных» героинь. Это предок главной героини, наследница знатной семьи, живущая в Японии приблизительно XVII–XVIII веков. Внешне она представляется весьма красивой по меркам того времени девушкой с традиционно женскими целями в жизни — выйти замуж и создать собственную семью. Однако, как отражение ее характера и тяжелой юности, ее речи свойственны все те обороты, которые обычно приписывают мужчинам.

Что же касается мужских персонажей, то в речи большинства из них по-прежнему остаются ярко выраженными все элементы, свойственные мужскому языку. Такова, например, речь главного героя произведения — лиса-оборотня и слуги главной героини. Для него характерно и довольно частое употребление частицы «дзо», и использование мужских местоимений «орэ» (реже «боку») и «омаэ», а также грубых вариантов слов «она», «есть» и т. д. Даже после того, как главная героиня стала выше него по статусу, стиль его речи по отношению к ней мало изменился, хотя в нем и появились лексика и обороты, присущие *кэйго*. При этом мы уже не слышим, что используется частица «дзэ», которая чуть грубее варианта «дзо», а также нет и вопросительной частицы «кай». Это же касается и многих других мужских персонажей, как основных, так и второстепенных, вне зависимости от того, люди это или мифические существа, что представляется нам весьма интересной деталью.

На общем фоне по разным причинам ярко выделяются три персонажа-божества. В речи двух из них — бога, передавшего свое место главной героине и главы земных божеств, на протяжении всего произведения гендерные различия отсутствуют как таковые. Оба используют нейтрально-вежливое местоимение «ватаси» и обращаются ко всем в том же нейтрально-вежливом стиле. Их диаметральной противоположностью предстает третий персонаж — божество ветра. Он преподносится зрителям как *окама* — этим словом в Японии называют мужчину, ведущего себя как женщина. Причем обычно этот термин подразумевает именно поведение — как жесты и мимику, так и речь человека и не всегда означает использование макияжа или ношение женской одежды. По этой причине в речи данного персонажа отличительные черты женской речи намеренно подчеркнуты и еще более стереотипизированы, чем даже в речи женских божеств. Так лишь в его речи мы можем услышать использование вопросительной частицы «касира». Он также использует местоимение «атаси», которое часто в речи мужчин указывает на гомосексуальность.

Теперь рассмотрим аниме *Psycho-Pass*. Данное произведение является детективом-антиутопией, события которого разворачиваются в Японии начала XXII века. В данном случае мы решили, что будет уместнее рассматривать не речь сперва женских, а затем мужских персонажей, а сами элементы речи, а именно — степень вежливости, лексику (в частности, личные местоимения) и частицы в конце предложений.

Рассматривая категории вежливости в речи персонажей, мы пришли к выводу, что они уже практически не связаны с гендерными особенностями японского языка. Основными показателями, влияющими на выбор степени вежливости в речи персонажей *Psycho-Pass*, являются социальный статус собеседника, степень близости, а также ситуация, в которой находятся говорящие. Так, главная героиня при общении со старшими по званию использует нейтрально-вежливый и вежливый стиль речи, однако в разговоре с уже знакомыми ей подчиненными она оперирует нейтральными формами. С друзьями может использовать разговорный стиль, а, отчитываясь о положении дел на месте преступления, она, как и все прочие действующие лица, и вовсе будет использовать книжный стиль, которым обычно и составляются подобные отчеты.

То же самое касается и мужских персонажей. Более того, как женские, так и мужские персонажи в силу характера или же ситуации используют простые формы речи по отношению к выше- и нижестоящим, однако это не носит в себе какого-либо гендерного окраса.

Если же говорить о лексике, то тут можно увидеть более неоднозначную картину. С одной стороны, мы можем наблюдать очень яркое гендерное разделение личных местоимений. Так персонажи мужского пола в равной степени используют исключительно местоимения «орэ» или «боку», причем даже в вежливой речи, а женские — «ватаси». Некоторые центральные женские пер-

сонажи так же используют вариант «атаси», который в случае с одной героиней указывает на ее сравнительно юный возраст, а в случае с другой — на некоторую развязность, свойственную характеру данного персонажа. Причин подобного разделения может быть несколько, одна из них — использование относимых к тому или иному гендеру местоимений в качестве средства художественной выразительности. Однако, в то же время, используемый персонажами вариант местоимения «ты» уже диктуется статусом собеседников, а также характером персонажа. Так мужской персонаж, по статусу стоящий ниже главной героини, использует в качестве местоимения «ты» такой же нейтрально-вежливый вариант «аната», как и она. Между тем глава организации, к которой принадлежат действующие лица, обращается к кому-либо из своих подчиненных, используя «мужское» местоимение «кими». Такая ситуация часто встречается и в действительности, если мы имеем дело с манерой общения сотрудников внутри компании. С мужскими эквивалентами других слов мы в данном произведении практически не сталкиваемся.

Что же касается частиц, то по данному пункту гендерные различия в речи действующих лиц *Psycho-Pass* выражены наиболее ярко. Так, почти все центральные героини и многие второстепенные в конце фраз часто употребляют частицы «ва» и «но». Интересно также, что, несмотря на общепринятое представление об использовании женщинами гомосексуальной ориентации мужских лексем и грамматических конструкций, в данном произведении их речь наоборот представляется типично женским. Это и использование соответствующих местоимений «ватаси» и «атаси», и частое употребление частиц с «ва» и «но», и употребление ныне наименее распространенной женской частицы — «касира». Также интересен тот факт, что вне зависимости от ситуации, женские персонажи используют более вежливый вариант частицы «не так ли» — «дэсё». Однако мужские персонажи, наоборот, реже используют свойственные для их речи частицы, хотя в данном произведении встречаются все их варианты.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что в массовой культуре гендерные различия проявляются гораздо ярче, чем в реальной жизни. Это может быть связано с одной стороны с попыткой поддержания существующего разделения и старой идеологии. С другой стороны, эти различия, при условии, что будут сохраняться лишь в массовой культуре, в скором времени могут стать просто средством художественной выразительности, каковым во многом являются уже сейчас. Другим интересным выводом из приведенных выше наблюдений является тот факт, что в произведении, нацеленном на женскую аудиторию, гендерные особенности языка сильнее показаны у мужских персонажей, чем у женских. В произведении же, нацеленном на мужскую аудиторию — наоборот. Но это также может быть нацелено на закрепление стереотипов языкового поведения «идеальных» женщин и мужчин в сознании друг друга, путем представления их образов в массовой культуре.

В заключение автор хочет отметить, что, несмотря на угасание гендерной асимметрии в повседневном японском, в языке масс-культуры все еще ярко проявляются стереотипы различной речи в зависимости от пола. Подобное явление, с учетом влияния массовой культуры на население, способствует сохранению гендерных различий, что делает их одной из центральных проблем японского языка.

Моисеева А. В. (Москва)

Положение женщины в Йемене в творчестве кинорежиссера Хадиджи ас-Салами

Долгая и сложная история Йемена содержит имя лишь одной реальной женщины — королевы Арвы из династии Сулайхидов, которая правила в XII в. По сути политическая и общественная история Йемена — это история без женщин.

В силу местных традиций и трактовок положений ислама женский мир надежно спрятан от посторонних. Начиная с первых исследований Южной Аравии, у европейских ученых существовала проблема описания жизни йеменок. У мужчин-исследователей мы находим лишь самые ограниченные сведения, чуть больше их у женщин-исследовательниц. Однако в обоих случаях вся информация сводится к тому, что мир йеменки строится вокруг домашнего хозяйства.

Положение женщин временно изменилось в Южном Йемене, когда он был социалистическим. В Адене, к примеру, существовал Комитет женщин. Некоторые активистки носили европейскую одежду, открывающую руки и ноги, что для архаичного Йемена было более чем революционно. После объединения Южного и Северного Йемена эти революционные новшества достаточно быстро прекратились.

На данный момент гендерная проблематика Йемена, в частности ранние браки, является одной из самых «горячих новостей» из этой страны. Так, в 2008 г. громкий общественный резонанс вызвал бракоразводный процесс 10-летней Нуджуд Али.

Эта история так и осталась бы неизвестной, если бы в йеменском обществе к этому моменту не возникли некоторые изменения в положении женщин. В начале XXI в. йеменки все чаще стали включаться в общественную жизнь страны. Хотя данное явление и сейчас носит эпизодический характер, но тем не менее всю большую известность приобретают женщины-писательницы, фотографы, художницы, исследовательницы истории и традиций Йемена. Большинство из них имеют высшее образование и состоятельных родственников, в то время как подавляющее число йеменок не окончили даже школу.

В январе 2011 г. в Сане начались демонстрации с призывами демократических преобразований, в дальнейшем перешедшие к требованиям отставки

президента Али Абделлы Салеха. В ряде демонстраций принимали участие и женщины, организовавшие на митингах отдельные сектора, огороженные от мужчин. Новостные каналы, как правило, представляли это как проявление «единства йеменского народа в требованиях перемен». Однако у женских демонстраций помимо совместных с мужчинами лозунгов были и свои собственные: они требовали соблюдения прав женщин наравне с мужчинами. По закону в Йемене женщины имеют избирательное право, право работать и учиться, однако в реальности эти права реализуются весьма ограничено. В своих выступлениях женщины, ссылаясь на Коран, требовали уважения их мнения и допуска в политическую сферу страны.

В октябре 2011 г. Нобелевскую премию мира получила йеменка Тавакуль Карман, общественный деятель и борец за права женщин. В созданном в этот период переходном правительстве президента Абд-Раббу Мансура Хади пост министра культуры заняла Арва Абдо Усман, писательница, собирательница местного фольклора и общественный деятель. В отличие от Тавакуль Карман, Арва Усман редко носит платок и никогда — *хиджаб*.

Осенью 2016 г. в лонг-лист кинопремии Оскар попал художественный фильм «*I Am Nojoom, Age 10 and Divorced*». Его автор — йеменка Хадиджа ас-Салами. Фильм не был отобран в шорт-лист, но тем не менее это серьезный прорыв для йеменского кинематографа, который находится практически на стадии зарождения. В прошлом Хадиджа ас-Салами снимала документальные фильмы, посвященные жизни женщин в Йемене. Хадиджа, как и героиня ее фильма, была выдана насильно в детстве замуж, но благодаря своему упорству и трудолюбию она смогла получить образование и уехать из страны (некоторое время она работала в посольстве Йемена во Франции). Между тем все ее фильмы сделаны в Йемене.

Круг проблем, затрагиваемых в фильмах ас-Салами, не ограничивается проблемой ранних браков. В определенном смысле это борьба с закостенелым традиционализмом, часто нарушающим права женщин и детей. Ее фильмы — это не антирелигиозные призывы, а скорее попытка обозначить проблемы, не выходя за рамки мусульманского учения. Однако возникает естественный вопрос: готово ли традиционное общество Йемена принять ее призывы?

Мусаева Б. С. (Бакинский славянский университет, Баку)

Женская поэзия в азербайджанской драматургии XX века (на материале творчества Нигяр Рафибейли)

Споры о том, существует ли «женская» и «мужская» поэзия, какая из них является «настоящей», ведутся в литературоведческих исследованиях уже давно. Обращаясь к этому вопросу и поддерживая признание женской поэзии,

хотелось бы сказать, что гендерные отличия, безусловно, сказываются в поэзии, и женскую поэзию в большей мере отличает нежность, тепло души, мягкость, сентиментальность в первоначальном смысле этого слова, которые несколько не умаляют ее значения и достоинств. В азербайджанской литературе женские поэтические голоса зазвучали нежно и мощно уже с XII века, не уступая поэтам-мужчинам. Творения Мехсети Гянджеви, Натаван, Хейран ханум и продолжательниц их традиций Нигяр Рафибейли, Медины Гюльгюн и др. внесли свои яркие краски в многоцветную палитру азербайджанской поэзии. Поэтому в Азербайджане слово «Şairə» (поэтесса) всегда произносилось с глубоким уважением и любовью.

Заметное место в азербайджанской литературе XX века занимает творчество Нигяр Рафибейли (1913–1981), обогатившей национальную поэзию образцами нежной лирики. В стихах Нигяр ханум — человеческие судьбы во всем их разнообразии и неповторимости. Лирический герой поэзии Рафибейли — женщина, раскрывающаяся в своих чувствах. Жанровая и тематическая палитра поэзии Нигяр ханум многоцветна и разнообразна: здесь и классическая газель, и белые стихи, написанные в рваном ритме, далекие от традиционной поэтической формы, но исполненные своей внутренней музыкой, и произведения, представляющие собой законченные драматургические сценки с завязкой, кульминацией и развязкой.

В стихах Нигяр Рафибейли привлекает, прежде всего, неподдельная искренность и в то же время глубокая философичность. Несмотря на жестокие испытания, через которые прошла Нигяр ханум (расстрел отца, разлука с братьями, преследование как дочери врага народа, банальная людская зависть и пр.), она не ожесточилась, не потеряла веры в лучшие свойства души человека.

Основу всего творчества Нигяр ханум составляет одно большое, всепоглощающее чувство — любовь: любовь к родным, к родной земле, любовь в целом к людям. Под ее пером оживают горы, реки, море, долины, предметом поэтического изображения становится каждый цветочек, каждая травинка. Природа вдохновляет ее, придает ей живительную силу; она для нее дороже всех сокровищ мира («Подари мне...») Нежная лиричность поэзии Нигяр Рафибейли привлекла внимание итальянского композитора Франко Маннини, который включил ее стихи наряду со стихами Анны Ахматовой в кантату «Торжество любви», с успехом исполненную на Первом международном музыкальном фестивале в Москве (1981).

Особое место в творчестве Нигяр Рафибейли занимает тема семьи, тема материнства. Она могла опоэтизировать даже кухню, в которой как мать, как женщина проводила немало времени («Написанное на кухне»). Но в то же время она против того, чтобы женщина ограничивала свою жизнь только рамками кухни. Ее волновало все, что происходит в мире. Неравнодушное сердце поэтессы с болью откликнулось на казнь юной алжирки Джамилы Бухиред, борющейся

за свободу своего народа. По-женски, по-матерински оплакивает она девушку, не успевшую полюбить, не успевшую познать радость материнства. Материнская любовь для Нигяр ханум священна, божественна. «Разве найдется такая мать, чтоб улыбку ребенка променяла на слезы его, хоть полмира б за это ей было обещано» — пишет поэтесса в стихотворении «Голос матери»», и именно поэтому утверждает, что женщины должны активно включаться в жизнь, согревая суровый мир современности толикой своего тепла, света, надежды.

Попов В. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Гендерные исследования и антропология родства: актуальные проблемы и перспективы их решения

К середине XX в. сформировалась одна из основных субдисциплин современной этнографии (социальной / культурной антропологии) — антропология родства (или kinship studies в англоязычной традиции), объектами изучения которой стали системы родства (СР) и системы терминов родства (СТР), а также феномен родства в целом и его взаимоотношения с формами семьи и брака, счета социального родства и преемственности (филиации), нормами наследования (статуса и имущества), локальностью брачной резиденции, половозрастной стратификацией и социально-возрастными системами типа возрастных классов и т.д. Общим местом стало положение о том, что родство является структурообразующим принципом организации традиционных обществ, поэтому, не разобравшись со спецификой родственных отношений, невозможно понять механизмы их функционирования и развития.

Гендерные исследования как одно из тематических направлений практически всех гуманитарных наук, включая востоковедение и африканистику, прежде всего, ориентируются на выявление и осмысление специфики женской и мужской картин мира и их взаимодействий в различных сферах деятельности, в том числе в сфере родственных отношений.

Проблематика антропологии родства и гендерных исследований неизбежно перекрывается, поскольку гендер как социальный пол является одним из основных компонентов структуры большинства СР. Это такие проблемы, как происхождение феномена киральности (зеркальности в зависимости от филиации) в генерационно-скошенных системах типа кроу-омаха, когда СТР типа кроу обнаруживаются только в матрилинейных, а СТР типа омаха — только в патрилинейных обществах. Эта тематика, связанная со счетом родства и преемственности, занимает особое место. В 1960–1970-е гг. весьма актуальной представлялась проблема исторического соотношения (первичности / вторичности / однопорядковости) матрилинейности и патрилинейности, а камнем преткновения была австралийская контроверза, то к 1990-м годам произошло переосмысление (прежде всего в африканистике)

проблемы в связи с осознанием невозможности трансформации одной формы линейности в другую, так как менялась не форма, а принцип филиации, т. е. генеалогический (линейный) принцип пришел на смену групповому (латеральному). В итоге разработана принципиально иная — латерально-линейная — историческая типология счета родства, отражающая эволюцию от билатеральности к билинейности через стадии унилатеральности (в матри- и патрилатеральной формах) и унилинейности (в матри- и патрилинейной формах).

Предпринимаются также попытки систематизировать и более адекватно отразить в научных понятиях конкретные варианты брачного поселения (локальности брака), в частности удалось показать принципиальные различия между матрилокальностью / патрилокальностью и уксорилокальностью / вирилокальностью, а также исследовать гендерные аспекты функционирования основных моделей искусственного родства — побратимства / посестримства, аталычества (воспитательства), кумовства, подшучивания (шуточного родства) — и обычаев избегания родственников и свойственников, например, в системе отношений «джаму» у народов Западной Африки.

Среди гендерных факторов, влияющих на характерные особенности конкретных СТР, исследуются текнонимия (называние родителей по детям, чаще всего первенцам, — подраздел неотеронимии, т. е. названия альтеров по младшим родственникам), герайтеронимия (называние по старшим родственникам), порядковые имена (имена, даваемые по порядку рождения) и другие антропонимические феномены, представляющие собой некие имена родства.

Родионова Е. М. (Петербургский Институт Иудаики)

Представления о коллективной собственности на женщин, транслируемые в армянских общинах стран СНГ (по материалам русскоязычных социальных сетей)

В докладе описывается представление о символической коллективной собственности некой группы на женщин, включенных в эту группу. Это представление значительно влияет на гендерные аспекты конструирования этнической идентичности в виртуальной среде.

Материалом исследования избраны армянские группы в русскоязычных социальных сетях. Их контингент составляют, в большой степени, армяне, живущие в диаспоре в России, Украине и других странах СНГ. Взгляд из диаспоры на конструирование армянской идентичности, определенно, специфичен, а заинтересованность в укреплении этой идентичности гораздо выше, чем у армян, проживающих в Армении.

Гендерный аспект этнической идентичности в подобных группах, без преувеличения, остается одним из центральных вопросов, требующим немед-

ленного ответа. В описываемой системе взаимодействия гендерные роли жестко детерминированы. Мужчины выступают как эксперты по поведению, контролируют выполнение женщинами их гендерного контракта.

Женщины являются одновременно носительницами и хранительницами «семейной чести», некоего символического багажа всей этнической группы. Им настойчиво внушают, что их тела принадлежат не им лично, а всей группе, и что они нуждаются в контроле ради их же безопасности. Так формируется коллективная собственность на женщин — концепция наиболее полно описана в классической для феминизма работе Г. Рубин «Обмен женщинами: заметки о „политической экономии“ пола».

Нами исследованы группы в сети «ВКонтакте», посвященные истории, культуре Армении, русско-армянским отношениям. К сожалению, не представляется возможным полностью описать корпус литературы, использованной для подготовки доклада, несмотря на то, что для осмысления различных вопросов используются труды таких классиков, как А. Дворкин, К. Мак-Киннон, К. Миллет, Г. Рубин, Г. Спивак. Гендерные аспекты существования армянской диаспоры невозможно изучать без обращения к монографии современной исследовательницы Н. Шахназарян.

Изучение вышеупомянутых источников и литературы позволил нам сделать следующие выводы:

Женские ресурсы, на которые виртуальная группа заявляет свои права, это, прежде всего, репродуктивный и продуктивный труд и эмоциональная работа. Особую важность имеют такие сферы жизни, как материнство, сексуальное поведение (целомудрие до брака и верность в браке), скромность в поведении и манере одеваться, отказ от брака с инородцем, твердость в христианской вере и даже стремление готовить национальную пищу.

Право символической собственности армянских мужчин на женщин и их ресурсы выражается в таких вещах, как методы прямого давления: угрозы, пристыживание, виртуальная коллективная травля. В социальных сетях распространена такая специфическая форма виртуального давления, как создание групп, в которых публикуется личная информация о «недостойных» женщинах и гомосексуалах, демонстрирующих «немужественность».

В социологии подробно исследована связь виртуального символического гендерного насилия с реальным физическим. Достаточно вспомнить ставшее классическим исследование А. Дворкин о порнографии, или современное исследование А. Саркисян о взаимосвязи жестоких сюжетов компьютерных игр и гендерного насилия.

Методы косвенного давления:

- Доброжелательный сексизм, риторика контроля (переходя из одного статуса и социальной группы в другую, женщина как бы меняет покровителей и контролеров — отца и брата на мужа и сына).

- Объективирующие характеристики (сравнение с землей, водой, драгоценностями и прочими неживыми предметами).

Своеобразная форма косвенного давления — обращенная исключительно на женщин настойчивая пропаганда суицида в случае неотвратимой угрозы изнасилования. Будучи скромной и кроткой, «настоящая армянка» должна проявлять чрезвычайную твердость в деле защиты своего целомудрия, предпочитая смерть «позору» (изнасилованию). Таким образом, во-первых, создается характерный для всех патриархатных обществ *double bind* — система взаимоисключающих требований к женщинам, позволяющая закрепить их неравный статус, найти возможность обвинить жертву в насилии, совершенном против нее и т. д. Во-вторых, так утверждается право коллективной собственности мужчин на женщин, когда патриархатное общество в прямом смысле распорядится женским телом, указывая, что женщина должна уничтожить свое тело (как сосуд «семейной чести»), а не отомстить насильнику или пережить травму изнасилования каким-то иным способом.

Распространенность, интенсивность представлений о коллективной собственности на женщин, транслируемые в виртуальных русскоязычных армянских общинах, безусловно, являются одним из проявлений неоконсервативного поворота, характерного для многих стран региона.

Фурсова Е. Н. (Санкт-Петербург)

Развитие берберского вопроса в современной западной историографии и его гендерный аспект

В западной науке XXI века произошло переосмысление традиционных подходов к изучению вопроса берберских народов Северной Африки. Ведущие европейские социологи XX века — Пьер Бурдьё, Эрнест Геллнер и Клиффорд Гирц — предоставили богатый материал для дальнейших научных изысканий в области берберологии.

Французский этнолог, профессор социологии в Коллеж де Франс Пьер Бурдьё исследовал влияние колониализма на распад традиционного уклада жизни алжирских берберов-кабиллов. В 1964 году вышла его работа «Искоренение. Кризис традиционного сельского хозяйства в Алжире»¹, написанная вместе с алжирским коллегой Абдельмалеком Сайядом. Книга описывает разрушение сельского хозяйства и распад традиционного общества на фоне французской политики переселения местного населения.

Англичанин Эрнест Геллнер, профессор социальной антропологии Кембриджского университета, совершил в середине XX века несколько поездок

¹ Bourdieu P., Sayad A. *Le Déracinement, la crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie*. P.: Minuit, 1964. 227 p.

в Северную Африку для проведения антропологического исследования берберских групп, проживающих в Атласских горах. Социальная антропология мусульманского Магриба — тема нескольких его книг, в том числе монографии «Святые Атласа», впервые изданной в 1969 г.¹ и посвященной общественно-политической организации берберских племен. Американский антрополог Клиффорд Гирц дал сравнительный анализ роли ислама в истории таких контрастных цивилизаций, как индонезийская и марокканская, уделяя особое внимание социальной роли религии в этих неоднородных мусульманских обществах². Важные с точки зрения новизны научного подхода, труды этих авторов дали возможность другим исследователям, опираясь в частности на сочинения средневекового историка Ибн Халдуна, строить различные научные гипотезы по берберской проблематике.

Периоды колониализма, а затем постколониального государственного и национального строительства в странах Магриба заставили западных ученых пересмотреть вопрос о социально-культурной и исторической роли берберов, признавая за ними лишь сохранение «остаточных» племенных и фольклорных особенностей. Так или иначе, эта тенденция шла в унисон с политикой правящих элит Северной Африки, направленной на ассимиляцию и арабизацию бербероязычного населения.

В последние годы такой подход уступает место новому более глубокому и многостороннему исследовательскому подходу. Кроме того, появились западные публикации, признающие, что берберы Северной Африки, как и многие другие коренные народы, пережившие столетия подчинения, требуют сегодня языкового и культурного признания.

Исследователи открыто заговорили о том, что зародившееся в конце XX века берберское движение «ставит своей целью, ни много ни мало, изменить идентичность североафриканских государств, переписать их историю и внести фундаментальные изменения в основу коллективной жизни. При этом, оно бросает вызов существующим политическим и социокультурным институтам, например, Марокко и Алжира, выступая при этом противоречивым оппозиционному исламистскому крылу...»³.

Одно из первых исследований, где проанализировано возникновение современного этнокультурного движения берберов, — работа Брюса Мэдди-Уэйцмана «Движение за берберскую самоидентификацию как вызов государствам Северной Африки». Автор делает акцент на уявляемом сегодня возрождении берберского вопроса в Алжире и Марокко на фоне кризиса легитимности

¹ *Gellner E. Saints of the Atlas. London: Weidenfeld and Nicolson, 2010. 317 p.*

² *Geertz C. Islam Observed: Religious Development in Morocco and Indonesia: University of Chicago Press, 1971. 136 p.*

³ *Maddy-Weitzman B. The Berber Identity Movement and the Challenge to North African States: University of Texas Press, 2011. 304 p.*

режимов в этих странах. Исследование освещает многие вопросы, в том числе появление официальной идеологии, отводящей берберам роль второго плана в арабском и исламоцентрическом мире. Берберское движение как реакция на эту идеологию содействовало формированию самосознания берберов, что, по мнению автора, придает импульс борьбе национальных меньшинств и коренных народов за свои права и в других регионах мира.

Монография «Берберы и другие» Кэтрин Э. Хоффман и Сьюзан Г. Миллер¹ предлагает еще один «свежий взгляд» на новые формы социальной и политической активности в современном Магрибе. В последние годы берберское движение оказалось в центре внимания общественности как на севере Африки, так и на Западе, где проживают крупные берберские общины. Берберы, по мнению этих авторов, пока еще мирными способами борются за более широкие права в культурной и социально-политической жизни, претендуя на более достойное место в истории.

Гендерный аспект социально-политического и культурного движения берберов представляется сегодня перспективным направлением исследования берберского вопроса. Движение берберских женщин за свои права долгое время исключалось из феминистских дискурсов в странах Магриба. Один из ведущих исследователей в этой области — Фатима Садики, профессор лингвистики и гендерных исследований, основатель Центра исследований проблем женщин Университета Мохаммеда б. Абдаллаха в Фесе (Марокко). Она является автором книги «Женщины, пол и язык в Марокко»² и редактором таких сборников, как «Women and Knowledge in the Mediterranean» (2013 г.), «Women in the Middle East and North Africa: Agents of Change» (2013 г.) и «Women Writing Africa».

Одна из последних ее работ о правах женщин Марокко — «Исследование о женском равноправии в Марокко»³ — вышло в 2014 г. Автор отмечает, что тема женского равноправия в Северной Африке, где берберы составляют довольно значительную часть населения Алжира, Туниса и, особенно, Марокко, должна рассматриваться намного шире, чем в настоящее время. В этом контексте она подчеркивает особую важность такого события, как признание берберского языка в Марокко в качестве официального в 2011 г.

Берберский язык, по мнению Ф. Садики, исторически ассоциативно связан с женщинами. Поэтому «признание берберского языка, несомненно, будет способствовать продвижению берберской культуры в сфере власти и приведет к усилению интеллектуальной роли марокканского феминистского дискурса с включением в него, наконец, берберского фактора. . .», который ранее не учиты-

¹ Katherine E. Hoffman, Susan Gilson Miller, eds. *Berbers and Others: Beyond Tribe and Nation in the Maghrib*. Bloomington: Indiana University Press, 2010. 225 p.

² Sadiqi F. *Women, Gender, and Language in Morocco*. Brill, 2003. 336 p.

³ Sadiqi F. *Moroccan Feminist Discourse*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. 260 p.

вался, несмотря на то, что берберы, по некоторым оценкам, составляют до 60% населения этой страны. Сегодняшние рассуждения о правах женщин в Марокко связаны, в основном, с исламом, урбанизацией и постколониальной современностью. В ней, отмечает Ф. Садики, не остается места для живого символизма доисламских эпох, фольклора, искусства и ритуальной роли берберских женщин.

Цыпилова С. С. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)

Монгольская женщина: от прошлого к настоящему¹

Современное монгольское общество представляет собой синтез элементов традиционного кочевого общества с достижениями современной цивилизации. В монгольском обществе меняется характер социального взаимодействия и поведения, присущий женщинам и мужчинам. Изменения приводят к стремлению достижения гендерного равенства, как в публичной сфере, так и в частной жизни.

В условиях кочевого образа жизни женщина занимала важное место в различных сферах монгольского общества — хозяйственной, общественной, политической. Социальный статус женщины в кочевом монгольском обществе был значительно выше, чем в других традиционных обществах стран Азии. В семье женщина пользовалась немалым уважением. Глава семьи мог обратиться к ней за советом при принятии важных решений. В случае смерти мужа женщина становилась главой семьи, по крайней мере, до женитьбы старшего сына. Женщины из высших слоев монгольского общества часто становились правительницами после смерти мужей.

В монгольском традиционном обществе в большинстве случаев женщины не принимали прямое участие в процессе принятия политических решений, их роль чаще всего была ограничена только хозяйственными функциями. Однако в истории Монголии есть немало примеров, когда женщины оказывали существенное влияние на политические процессы в жизни государства (царицы Оэлуи, Бортэ, Есуй, Есуген, Доргоно, Сорхогтони-бэки).

В современном монгольском обществе положение женщины претерпело значительные изменения. Получение образования, профессии, карьера — все это стало столь же важным, как и семья, брак, дети. Однако в любой сфере деятельности, чем выше женщина восходит по ступени социальной лестницы, тем меньшее число женщин там представлено. Та ступень власти, которая в действительности определяет внутреннюю и внешнюю политику государства, остается трудно доступной для женщин.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

В начале 90-х гг. XX века вследствие глубокого экономического кризиса начали сворачиваться государственные программы социальной защиты населения. В условиях социальной напряженности и тяжелого материального положения наименее защищенными от разного рода проблем (например, проявление дискриминации, сокращение на работе, нищета и др.) оказались женщины, старики и дети. На первых этапах строительства демократического общества монгольская государственная политика в отношении женщин была направлена на улучшение их экономического положения, условий труда, качества медицинского обслуживания; проводились консультации по профориентации и выбору профессии, открывались курсы профессиональной переподготовки. В виду снижения представительства женщин на всех уровнях государственного управления и для обеспечения гендерного равенства Правительством Монголии было принято решение по квотированию женских мест в Парламенте страны (2011 г.). Женщины активно участвуют в работе женских неправительственных организаций, таких как Фонд монгольских женщин-либералов, движение «Женщины за социальный прогресс», Фонд монгольских женщин, Монгольская Ассоциация женщин-юристов и др. Также оказывают поддержку женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В Монголии в настоящее время проводятся широкие правовые реформы. В последние годы приняты законы, регулирующие конкретные социальные отношения — Закон о борьбе с насилием в семье (2004 г.), Закон о гендерном равенстве (2011 г.), внесены поправки в Закон о государственной службе от 2002 г., Закон о Труде, Закон о рекламе. Данные действия направлены на обеспечение правового равенства женщин и мужчин во всех видах их деятельности; на защиту имени, репутации, достоинства человека от клеветы; защиту и предотвращение случаев насилия в отношении женщины со стороны членов ее семьи.

СЕКЦИЯ XXI.

«ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА» — 2017

WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS
IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES — 2017

*Sayed Reza Ghaemi (Shahid Motahari University, Tehran);
Muhammad Allahdadi (Quran and Hadith Research Institute, Tehran)*

Interaction with Jewish Minority in Bārforush in the 19th Century

Bārforush is one of the oldest cities in the south bank of the Caspian Sea, recently called Babol. Because of its unique position, this city has always been the most important business center in the district of Tabaristan. It has been a place of residence for the people of different tribes and religions, including the Jews. At the beginning of the Safavid era, Jews migrated to Bārforush to do business. They started working mostly in the cloth business and doing jobs banned for Muslims, like selling alcohol beverages. The interaction between Muslims and Jews was generally good. They were peacefully trading, and Jews freely performed their religious rites. The only notable incident was a murder of a Muslim girl by a Jew that made the Muslims to attack the Jewish neighborhood killing 14 Jews, which produced fear among the members of this religious minority.

When Muhammad Hassan Bārforushi, usually known as *Sheikh-e-Kabir*, entered the city, he was informed about the relationship between the Muslims and the Jews. He started preaching among the city population talking them about the Jews. He explained that the Jews are monotheists and from the viewpoint of Islam they are the “People of the book” that must be respected. This improved the relationship between two communities, so that there were no conflicts thereafter. With the establishment of Israel in 1947, many Jews immigrated to that land, so there was almost no Jew left in the city, except some old ones.

Абдунабиев Суннат (ТашГУ, Ташкент)

Ибн Баттута — знаменитый арабский путешественник

Путешествия — обязательный элемент жизни человечества. Путешествия обеспечивают взаимодействие культур и способствуют перемещению людей по территории планеты. В этом смысле военные походы и завоевания являются частным случаем путешествий. Для мусульманского населения, проживающего в городах и занимающегося торговлей, с одной стороны, или ведущего кочевой образ жизни, с другой, путешествие стало одним из важнейших элементов существования. Мусульманский мир возник как единый халифат. Он унаследовал у своих предшественников, Византии и Сасанидского Ирана, обширную систему дорог и дорожных станций — кровеносных сосудов государства.

Нам известны имена таких путешественников, как Марко Поло и Ибн Баттута. Оба они напоминают нам, что весь мир можно объездить и без самолетов — и рассказать о нем без телевизионных программ.

Полное имя знаменитого арабского путешественника, известного всему миру как Ибн Баттута — Шамс ад-дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавати ат-Танжи. Он родился в марокканском городе Танжа (Танжер) в 703 г.х. (1303 г). Его предки на протяжении нескольких поколений выполняли обязанности *кади*. Он получил классическое мусульманское образование, в которое входит изучение Корана, хадисов, правовой литературы, основ каллиграфии. В возрасте 21 года Ибн Баттута решил совершить *хаджж*. Его главными целями было паломничество в Мекку, одно из основных обязанностей мусульманина, а также углубление образования и ознакомление с авторитетами в сфере духовных наук. В Дамаске, одном из главных культурных центров мусульманского Востока, он прослушал курс лекций в знаменитой мечети Омейядов и получил *иджазу* — сертификат, дающий ему право занимать духовные должности.

Он начал свое путешествие второго числа месяца *раджаба* 725 г. х. (13 июня 1325 г). Проехав через страны Магриба на восток, он остановился в Египте, где посетил не только Каир и Александрию, но и Верхний Египет. В Александрии он видел два чуда: Александрийскую колонну и знаменитый Александрийский маяк, построенный в III в. до. н. э. Он подробно описал маяк, зафиксировал размеры сооружения, его внутреннее устройство, описал полоску земли, соединяющую остров «Фарис» с материком. Во время его первого визита в Египет в 726 г.х. одна из стен здания обвалилась, а когда путешественник 13 лет спустя снова оказался в Египте, здание уже настолько разрушилось, что было невозможно проникнуть внутрь или подняться на него. Ибн Баттута везде старался знакомиться просвещенными людьми. Так, например, в египетском городе Фава он останавливался в келье благочестивого шейха Абу Абдаллаха Ал-Муршиди.

На протяжении своего 28-летнего путешествия он объехал такие страны как Испания, Турция, Иран, Средняя Азия, Восточная Европа, а также сотни городов и деревень Китая, Йемена, Ирака и Индии. Во время этих путешествий он побывал в Дамаске и в Багдаде. На корабле Ибн Баттута добрался до Йемена, обогнул Африку и Аравийский полуостров. В общей сложности Ибн Баттута посетил Мекку 5 раз. Последние путешествия в Мекку он совершил 732/1332 г. После завершения хаджа в средиземноморском сирийском порту Латакия он сел на корабль, идущий в «земли тюрок».

Ибн Баттута является не только путешественником, но известен и как философ, географ, этнограф и историк.

Алферов Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сирийский конфликт как предпосылка демонтажа многополярной геополитической структуры мира

На протяжении истории человечества земли Билад аш-Шам, региона, исторически охватывающего современную территорию Ливана, Сирии, Иордании, Палестины и частично Ирака, играли важную роль в экономическом и культурном развитии стран Ближнего Востока и Средиземноморья. Через земли современной Сирии проходили крупнейшие сухопутные торговые пути; в Пальмире когда-то располагалась столица государства, объединившего, хотя и ненадолго, Сирию, Палестину, Египет и Южную Армению; Дамаск — древнейшая из современных столиц, первые упоминания о которой относятся к 2500 г. до н. э.

После окончания Второй мировой войны и достижения независимости Сирия оказалась в эпицентре столкновения интересов стран Запада и СССР. Это связано с тем, что еще в начале 1940-х гг. был сформулирован новый взгляд на актуальные политические вопросы — концепция «Римленд». Согласно этой концепции, представленной Николасом Спикмэнном в своей работе «Geography of Pease» в 1940 г., безопасность «Хартленда» — европейской части СССР, в полной мере зависела от того, под чьим контролем находится «Римленд» — Западная Европа, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия. В рамках этой концепции Сирия становится ключевым государством в политической стратегии Советского Союза на Ближнем Востоке, чем и обусловлено активное налаживание межгосударственного сотрудничества в военной сфере в начале 1950-х гг. и последующий богатый культурный обмен.

С усилением противостояния в ходе Холодной войны США дополняет теорию «Римленда» и делает акцент на дестабилизации региона, создавая очаги напряженности вблизи границ СССР. Сегодня эту концепцию лучше всего описывает термин «Евразийская дуга нестабильности», объединяющий в себе почти все страны Ближнего Востока, начиная от Марокко и заканчивая Ираком.

Наглядным примером концепции дестабилизации может служить «Арабская весна», начавшаяся в 2010 г. — серия демонстраций и путчей, приведшая к переворотам в Тунисе, Египте, Йемене; протестам в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане, Ливане, Бахрейне и Кувейте. Однако наиболее значительным последствием стало разжигание гражданских войн в Ливии и Сирии. Первая закончилась свержением и убийством вождя ливийского народа Муаммара Каддафи, вторая продолжается до сих пор.

На сегодняшний день война в Сирии привела к обострению нескольких глобальных проблем, таких как «международный терроризм» и миграция. В связи с этим САР продолжает играть важную роль в мировой политике, и ситуация вокруг нее остается одной из ключевых тем, обсуждаемых на международном уровне.

Однако в XXI в. роль Сирии может оказаться более значительной, чем раньше. Сегодня САР стала местом противостояния двух полюсов: США и возглавляемая ими международная коалиция с одной стороны, Российская Федерация и ее союзники с другой. Принимая во внимание все вышесказанное, можно предположить, что Сирия окажется тем самым триггером, который запустит процесс демонтажа многополярной структуры мира и формированию новой.

Анферова Е. К. (ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Иранская торевтика XVI–XVII вв.: уточнение датировок изделий по растительным орнаментам

На сегодня проблема датирования предметов декоративно-прикладного искусства представляется весьма актуальной: разработанные методики датирования требуют учета максимально широкого спектра внешних признаков отдельных изделий. Для предметов мусульманского искусства одним из таких вспомогательных признаков является орнамент.

Орнамент — ключевой компонент мусульманского искусства, традиционно рассматривается исследователями в качестве художественного явления, соединившего в себе философию и геометрию¹. Тем не менее, ученые, специализирующиеся на конкретных эпохах², подчеркивают прикладную значимость орнаментальных построений как уточняющего фактора в процессе датирования изделий декоративно-прикладного искусства. По ряду причин, сейчас наиболее изученным является геометрический орнамент, представляющий интерес как для искусствоведов, так и для геометров, проектировщиков и инженеров. Тем не менее, нельзя отрицать

¹ *Wade D.* Pattern in Islamic Art / An album. London: Studio Vista, 1976. 144 pp. P. 30–31.

² *Буркхардт Т.* Искусство ислама. Язык и значение / Пер. с англ. Н. П. Локман Таганрог: Ирби, 2009. с. 228.

важность растительной орнаментальной программы, варьирующейся от эпохи к эпохе, и, тем самым, становящейся маркером своего времени.

Не так давно, в 2000-х гг. появились сравнительные таблицы архитектурного геометрического¹, и, не менее важно, растительного² орнамента, разработанные учеными из Малазии Я. Абдуллахи и М. Р. Эмби. Все же, их общую таблицу растительного архитектурного орнамента в мусульманском искусстве следует проверять и уточнять на каждом отдельно взятом династийном этапе, выделяемом самими исследователями в качестве основы для классификации.

Для того чтобы использовать орнамент при датировании изделий, требуется тщательное изучение предметов, в чью декоративную программу входят надписи, содержащие точные датировки мастеров. Так как для мусульманского искусства характерно каллиграфическое оформление изделий из любых материалов, а не только рукописных книг, следует сопоставлять датированные орнаменты в книжных миниатюрах, на керамике, металлических предметах и текстиле. Тем не менее, именно предметы торевтики датируются чаще и точнее остальных (текстиль и керамика датируются реже, а процесс иллюминирования рукописи может быть растянут не на один век), лучше всего сохраняются во времени, шире представлены в музейных коллекциях. Таким образом, именно анализ орнаментальных программ в декоре изделий торевтов может³ привести к уточнению датировок изделий как в металле, так и в других материалах.

Для подробного рассмотрения была взята торевтика, относящаяся к искусству династии Сефевидов (1501–1736 гг.). Выбранный период характеризует преемственность с предыдущей эпохой Тимуридов (XV в.), однако сменяется группа основных заказчиков, происходит выработка нового стиля, центры производства плавно перемещаются на запад из тимуридского Хорасана ближе к новой столице — городу Исфахану. Смена религиозного курса новой империи (установление ислама шиитского толка и широкое обращение к мусульманскому мистическому учению, суфизму) не могла не повлиять и на декоративную программу различных изделий⁴.

¹ *Abdullahi Y., Embi M.* Evolution of Islamic Geometric Patterns / *Frontiers of Architectural Research*. 2013 (vol. 2). P. 243–251 URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095263513000216>. Дата обращения: 29.10.2016.

² *Abdullahi Y., Embi M.* Evolution of Abstract Vegetal Ornaments in Islamic Architecture. *Archnet- International Journal of Architectural Research*. Vol. 9. Iss. 1. March 2015 (31–49). Regular Section. URL: http://archnet-ijar.net/index.php/IJAR/article/view/558/pdf_41. Дата обращения: 14.12.2015.

³ *Иванов А. А.* Медные и бронзовые (латунные) изделия Ирана второй половины XIV — середины XVIII века. Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. С. 240–288.

⁴ *Sardar M.* The Arts of Iran, 1600–1800. In *Heilbrunn Timeline of Art History*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/safa_2/hd_safa_2.htm (October 2003). Дата обращения: 13.04.2016.

В основу работы лег анализ и систематизация растительных орнаментов в датированных изделиях торевтов. Создан каталог, насчитывающий порядка 12 изделий XVI–XVII вв. В ходе работы для каталога были отобраны точно датированные металлические изделия, содержащие авторские датировки. Все изделия были описаны, основные орнаментальные композиции зарисованы. Также было произведено сопоставление растительных орнаментов в торевтике с аналогичными архитектурными орнаментами (декоративные элементы построек сефевидской столицы города Исфахана) и с орнаментами доступных датированных рукописей. Это позволило очертить круг отдельных орнаментальных компонентов, претендующих на то, чтобы рассматриваться в качестве маркеров для уточнения датировок изделий, до сегодняшнего дня датированных лишь примерно.

Барбанова Н. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Эволюция идеи джихада в *тафсире* Сайида Кутба «Под сенью Корана»

В связи с драматическими событиями на Ближнем Востоке и мусульманских общинах в целом, актуальной для исследования представляется деятельность социально-политических движений, выступающих под лозунгами и во имя ислама. Безусловно, борьба «за установление всемирного халифата» не проходит без мощной идеологической поддержки. Одним из самых популярных источников вдохновения для ведения вооруженной борьбы против немусульманских режимов является *тафсир* (толкование Корана) «Под сенью Корана», написанный Саййидом Кутбом, выдающимся идеологом организации «Братья-мусульмане» середины XX века, в период его пребывания в тюремном заключении.

В докладе рассматривается эволюция идеи джихада, изложенная в *тафсире* Кутба, с целью определить его возможное влияние на развитие вооруженной борьбы во имя ислама в будущем.

В работе проанализированы комментарии Сайида Кутба на аяты из сур мекканского и мединского периодов, содержащие призыв к «борьбе на пути Аллаха» и получившие живой отклик у наиболее активных представителей мусульманского общества. За основу исследования взят арабский оригинал *тафсира*, а также его английский перевод, состоящий из 30 томов.

По результатам проведенного анализа сделаны следующие выводы относительно интерпретации коранической идеи джихада Сеййидом Кутбом:

В течение мекканского периода ниспослания откровения пророку Мухаммаду рекомендовалось быть терпеливым и стойким. Тем не менее уже в самых ранних аятах лейтмотивом проходит идея большого джихада, то есть борьбы со своими внутренними пороками и слабостями, а также необходимости проти-

востояния «неверным» при помощи логики и убеждения, с целью завладеть их умами и сердцами. Уже в этих ранних коранических пассажах можно усмотреть надежду в дальнейшем использовать обратившихся в ислам «неверных» для ведения вооруженной борьбы против врагов *уммы*;

На протяжении второго и третьего мекканских периодов Саййид Кутб выделяет в Коране стихи, утверждающие необходимость «защитного джихада», который будет разрешено вести мусульманам, «когда пожелает того Аллах»;

В третий мекканский период четко прослеживается претензия ислама на мировое господство, постепенно переходящая (в мединский период) в идею ведения джихада против *всех* немусульманских режимов;

Если в ранний мединский период мусульманам еще не было дано позволение воевать с «неверными» (4:77), то в дальнейшем оно было получено (22:39–41), после чего им был дан приказ воевать с теми, кто воюет против них (2:190). В самых последних стихах откровения мусульмане получили приказ воевать со всеми идолопоклонниками («многобожниками») (9:29) и людьми Писания (9:36).

Таким образом, эволюция идей джихада очевидна: постепенно к необходимости «терпения» (первый мекканский период) присоединяются идеи ведения джихада при помощи проповеди Корана и «защитного джихада» (второй мекканский период), дополняемые идеей исламского общемирового господства и восхвалением тех, кто борется на «пути Аллаха» (третий мекканский период). В мединский период ниспослания откровения эволюция идей джихада больше похожа на революцию: от *позволения* воевать с теми, кто воюет против них (мусульман), до *приказа* воевать с идолопоклонниками и людьми писания.

Белкина Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Историки и источники об Аврааме Фирковиче

Фонд № 946, находящийся в Российской национальной библиотеке (РНБ) Санкт-Петербурга, представляет собой одно из крупнейших собраний еврейских рукописей в мире. Он состоит из двух коллекций крымского караима Авраама Самуиловича Фирковича, переданных в Императорскую публичную библиотеку в середине XIX в. Это был выдающийся путешественник и собиратель древних книг и документов по истории караимов и евреев, в первую очередь, Ближнего Востока. На данный момент в вышеуказанном фонде находится более 18 тысяч рукописных кодексов, которые привлекают специалистов по иудаике со всего мира.

Однако исследователи уличили А. С. Фирковича в фальсификации ряда важнейших памятников¹. В результате, между гебраистами в конце XIX в.

¹ *Вихнович В. Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 244–250.

разгорелись споры по поводу реальной значимости собранных им коллекций. В защиту А. С. Фирковича выступал Д. А. Хвольсон, известный петербургский семитолог, тогда как главным «обвинителем» был А. Я. Гаркави, заведующий отделом еврейской литературы в библиотеке, который во многих статьях¹ разоблачал деятельность Фирковича. Им было составлено большинство используемых до настоящего времени описей коллекции, а также «Каталог еврейских и самаритянских рукописей» в соавторстве с Г. Л. Штраком². Обе коллекции и по сей день находятся в фондах РНБ и представляют значительный научный интерес для гебраистов-медиевистов.

В данном исследовании мы бы хотели обратить внимание на личный архив А. С. Фирковича, который также хранится в РНБ. В него входят как переписка с учеными-гебраистами, личные документы, так и купчие на рукописные и другие материалы, составленные им в периоды его путешествий по Ближнему Востоку. Отметим, что при комплексном и подробном изучении настоящего архива можно будет понять, какие цели преследовал Фиркович, когда подделывал и «удревнял» письменные памятники, каков был его ответ на описываемую выше полемику между учеными и т. д.

На данный момент архив А. С. Фирковича полностью не опубликован; некоторые материалы можно найти в альбоме «Еврейские сокровища Петербурга»³, но они представлены выборочно и не позволяют установить взгляды коллекционера на сложившуюся ситуацию и другие актуальные вопросы.

Болонова С. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Картография в работах Тонгчая Виничакуна

Тонгчай Виничакун — современный тайландский историк, профессор Висконсинского университета в Мэдисоне (США). Самый известный его научный труд — «История Сиам по картам» («Siam Mapped») — широко цитируется за пределами Таиланда.

В научном творчестве Виничакуна затрагиваются три темы, проходящие красной нитью через его монографии и статьи: картография, границы и понятие *thainess*.

¹ Например, «Письма хазарского царя Иосефа к рабби Хисдаю ибн Шапруту» (СПб., 1877) и монография «Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей» (СПб., 1866).

² Catalog der hebraischen und samaritanischen Handschriften der kaiserlichen Offentlichen Bibliothek in St. Petersburg/ ed. A. Harkavy, H. L. Strack. St. Petersburg, 1875. 351 p.

³ *Якерсон С. М.* Еврейские сокровища Петербурга. Свитки, кодексы, документы. СПб.: Арка, 2009. 264 с.

Тайцы, согласно концепции Виничакуна, не осознавали себя как тайцы до XIX века, когда техническое развитие принесло возможность создавать карты по западному образцу. И только когда тайцы увидели первую карту Таиланда, они осознали, что существует Таиланд. Как только они увидели очертания своей страны, возникла проблема определения границ государства. До появления карт вопрос не стоял так остро, и при гегемонии Китая в Юго-Восточной Азии условная граница не имела принципиального значения. Однако в XIX веке Таиланд стал суверенным государством, поэтому возникла необходимость выяснить, какие территории ему принадлежат. Так, появление карт стало толчком и к появлению нового, современного Таиланда — тайцы осознали, что они суть есть тайцы, есть их страна, и у нее существуют границы.

Понятие «других». В то время как тайская национальность, тайский народ и монархия являются базой для различных интерпретаций тайского национализма, содержание понятия «другие» менялось с течением времени. В течение Холодной войны угрозой с «другой» стороны были коммунисты, большую же часть времени в истории Сиам и Таиланда это был Запад: европейские колониалисты, европейская культура, неоимпериализм и глобальный капитализм в наши дни.

Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Воля и мышление, или На чем сосредоточен *цзюнь-цзы*

Доклад посвящен анализу понятий *чжи* (志 воля) и *сы* (思 мышление) на материале раннеконфуцианских сочинений («Лунь юй», «Мэн-цзы», «Сюнь-цзы») и ряда неоконфуцианских философских текстов сунского периода.

Термин *чжи* в англоязычной литературе нередко переводится как intention (интенция), что ни в коем случае не должно приводить к смешению его с другим понятием и 意, переводимым точно также. *Чжи* обозначает стремление, которое не является отражением чувств или эмоций человека. Во всяком случае, это верно для философской литературы, где оно соотносится не с личностным, эгоистичным желанием, а со стремлением, направленным на высшие цели — следование Дао-пути, практику самосовершенствования, достижение гуманности. В докладе *чжи* рассматривается в контексте конфуцианских сочинений, где это понятие обозначает в первую очередь должную установку сознания служилого человека и благородного мужа на бескорыстно «общие» (公 гун) действия. В этом смысле связь *чжи* (идущая от фразы из «Шуцзина»: *ши янь чжи* — «стихи/песни говорят о воле») с поэтическими произведениями, вошедшими в состав «Канона песен» (詩經 Шицзин) вполне понятна. Песни, использовавшиеся в ходе ритуальных действий, даже будучи лирическими по содержанию, не выражали никаких личных желаний отдельных людей, но касались «общего дела» — упорядочивания государства и установления

всеобщей гармонии. Эта функция песен «Шицзина» схожа с основным назначением музыки, однако если музыка складывалась из гармонии подобранных звуков, то песни — из гармонии слов и их смыслов, что и отличает способы выражения их содержания, таким образом, *чжи* — это прерогатива словесного творчества, направленного на практическое благоустройство.

В словаре «Шо вэнь цзе цзы» иероглиф *сы* объясняется через слово *жун* 容 «содержание», «вмещать в себя», что вполне характеризовало его смысловое наполнение и позднее — детально размышлять о некотором предмете, рассматривая его с разных сторон. Если искренность, по Мэн-цзы, — это Дао-путь Неба, то мышление об искренности — это Дао-путь человека (VII, 12). То есть под *сы* понималось наполнение всего своего сознания предметом размышления. Отрефлексированность мысли-*сы*, как основа процесса обучения и самосовершенствования, рассматривается уже в «Лунь юе»: «Учиться и не размышлять — пустое [дело], размышлять и не учиться — опасное» (II, 15). Благородный муж должен подвергать тщательному анализу все аспекты своей деятельности: то, что он видит, то, что он слышит, выражение лица, внешний облик, слова, дела, сомнения, гнев и возможные обретения (得 得). Несколько десятилетий назад в местностях Мавандуй и Годянь был откопан манускрипт, получивший название «[Глава] о пяти видах действий» (五行篇 *У син пянь*). В трактате зафиксирована конфуцианская техника самосовершенствования III в. до н. э. и любопытно, что эти аспекты анализируются в нем с использованием этого же понятийного аппарата.

Борькина А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Типы юмора в сочинении «Тōкайдōтjū хидзакуругэ» Дзиппэнся Икку

Сочинение Дзиппэнся Икку (яп. 十返舎一九, 1765–1831) «Тōкайдōтjū хидзакуругэ» (яп. 東海道中膝栗毛, «На своих двоих по тракту Тōкайдō», далее — «Хидзакуругэ», 1802–1809), будучи одним из ярчайших представителей *коккэйбон* (яп. 滑稽本, «забавные книги»), жанра развлекательной литературы эпохи Токугава (1603–1867), представляет особый интерес для исследователей особенностей городского юмора того времени. Комическое в данном произведении выступает в качестве основного (едва ли не сюжето-образующего) средства художественной выразительности, а для достижения максимального эффекта писатель применяет различные техники, сообразно которым в «Хидзакуругэ» можно выделить несколько типов юмора.

Основной механизм создания комических ситуаций заложен в поведении двух главных героев, постоянно попадающих в неловкие ситуации из-за своего неумемного стремления найти женщину, вкусно и дешево поесть или обхи-

триль ближнего своего. Герои, однако, зачастую находят остроумное решение проблемы и даже в тех случаях, когда конфликт все-таки заканчивается для них плачевно, продолжают путешествие с шуткой на устах. Другой аспект комического в «Хидзакуригэ» связан с незнанием героями особенностей провинциальной жизни и вытекающими из этого трудностями¹. Типичным примером может служить сцена с «ванной Гоэмона»² или эпизод с поеданием коньяку в Кумодзу³. В подобных фрагментах четко прослеживается использование приема *угати* 穿ち («демонстрация недостатков»), характерного для развлекательных жанров японской литературы того времени.

В «Хидзакуригэ» представлен и иной тип юмора, а именно заимствованное из средневековых фарсов *кэгэн* 狂言 («бред сумасшедшего») комическое взаимодействие главных героев. При этом «Хидзакуригэ» часто заимствует целые сюжетные линии определенных *кэгэн*⁴. Такова, например, сцена из четвертой части «Хидзакуригэ», где один герой принимает другого за лисицу-оборотня, связывает спутника и пытается выбить из того признание⁵. Исследователи отмечают, что сюжет этой сцены был, скорее всего, напрямую взят из *кэгэн* «Кисунэдзука» (яп. 狐塚, «Лисий холм»), в котором аналогичная ситуация возникает между слугой и хозяином.

Третий тип юмора связан с манерой речи героев и основывается на игре слов. Такая техника заимствуется «Хидзакуригэ» из разговорных жанров, чрезвычайно популярных в эпоху Токугава. Комический эффект здесь достигается за счет омонимов, неправильное понимание которых ставит героев в неловкое положение и вызывает смех. Это наблюдается, например, в сцене встречи с процессией феодала-*даймё*⁶ 大名 или в ситуации со стихами в Кумодзу⁷.

Хотя Икку в своем произведении использует целый набор техник для создания комических ситуаций, в характере юмора «Хидзакуригэ» в целом прослеживается ряд общих тенденций. Это, прежде всего, его простота и грубоватость, сосредоточенность на достаточно приземленных темах. Учитывая, что произведение было невероятно популярно среди читателей, можно предположить, что Икку удалось ухватить суть тогдашнего городского

¹ Кин Д. Японская литература XVII–XIX столетий. М.: Глав. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1978. С. 290.

² *Дзитпэнся Икку* 十返舎一九, Тōкайдōтō хидзакуригэ 東海道中膝栗毛 (На своих двоих по тракту Тōкайдō). Серия «Японская классическая литература», том 62. Токио: Иванами сэтэн 岩波書店, 1958. С. 727–4.

³ Там же. С. 2622–72.

⁴ Shirane Haruo, ed. Early Modern Japanese Literature: an Anthology, 1600–1900. New York: Columbia University Press, 2002. P. 733.

⁵ *Дзитпэнся Икку*. Указ. соч. С. 1982–09.

⁶ Там же. С. 545–5.

⁷ Там же. С. 269.

юмора и искусно воплотить его в «Хидзакуригэ». При этом забавные сцены «Хидзакуригэ» легко прочитываемы и понимаемы и современным читателем, причем не только японским. Произведение Икку, по сути, настоящая «комедия ситуаций», бытовые сцены и герои которой и на сегодняшний день не потеряли своей актуальности.

Другой немаловажной особенностью юмора в произведении является его развлекательный характер. Однако здесь нужно сделать оговорку о том, что ряд сцен уже отходит от беззаботного, легкого юмора, обнаруживая в себе элементы сатиры. К таким фрагментам можно отнести, например, уже упомянутый выше эпизод, где герои в самом начале своего путешествия встречают процессию *даймэ*¹, и позволяют себе крайне непочтительное поведение по отношению к процессии, что весьма странно, учитывая особенности социального строя эпохи. Безусловно, принимая во внимание коммерческий характер сочинения, а также реалии общественного устройства того времени, о явной социальной критике в «Хидзакуригэ» говорить не приходится. Тем не менее игнорировать подобное выражение автором своей позиции по поводу тех или иных явлений также не представляется возможным.

Ванина М. В. (Ф-т психологии СПбГУ, Санкт-Петербург)

История становления печатной прессы в арабских странах (конец XVIII — вторая половина XIX вв.)

Вопрос становления арабской прессы до сих пор остается актуальным. Изучение «почвы», на которой зародилась арабская журналистика, а также рассмотрение причин появления прессы в данном регионе является необходимым аспектом в рассмотрении этой темы. Известно, что страной-прародителем арабской журналистики является Египет, однако первые египетские газеты были написаны не арабами и не на арабском языке. Первая печатная газета «*Courier de l'Égypte*» (фр. «Вестник Египта») появилась в Египте в 1798 году и издавалась каждые 5 дней. Ее главной задачей было уведомлять французов о текущих новостях оккупированного Египта, а также о новых указах Наполеона и генералов Клебера и Мену. Спустя три года, французы в Египте начали издавать и вторую газету «*Décade égyptienne*» (фр. «Египетская декада»). Что же касается собственно арабской прессы, то многие исследователи утверждают, что и здесь Египет занимал передовые позиции. Однако, судя по всему, первым арабоязычным изданием стала изданная в 1816 году в Багдаде иракская газета «*Journal Iraq*», которая опередила первую египетскую газету «Египетские вести» на 12 лет.

¹ *Дзипэнся Икку*. Указ соч. С. 545–5.

Одним из немногих полноценных трудов, посвященных истории арабской журналистики, является книга Ами Аялона «The Press in the Arab Middle East: A History»¹. По словам самого автора: «Эта работа — не комплексное исследование истории арабской прессы. Даже в нескольких томах не описать многогранную историю арабской прессы и арабской журналистики за весь период их существования, не упустив каких-то существенных деталей. Глубокая как океан история приглашает исследователей блуждать и изучать ее почти бесконечно».

Проведенные параллели между первыми газетами, появившимися на территории арабских стран, позволяют выявить общие тенденции развития печатной прессы в регионе. Таким образом, анализ полученных данных позволяет нарисовать картину зарождения прессы в арабских странах в конце XVIII и ее развития и распространения во второй половине XIX века.

Васильев Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Арабская письменность в историческом контексте: от древности до ислама

Сам факт наличия письменности у какого-либо народа уже позволяет исследователю делать выводы о данном обществе, как о высокоорганизованной системе с развитой материальной и духовной культурой. Автор доклада поставил своей целью проследить развитие арабской письменности с древних времен до оформления хорошо знакомой нам арабской письменной системы. В ходе работы автор стремился показать, что арабская письменность, как и культура, была вовсе не изолированной от внешнего мира, оказывавшего влияние как на быт и представления арабов, так и на их язык и письменность. Кроме того, автор попытался ответить на вопрос о наличии и широком распространении в древней Аравии письменной культуры как таковой.

Изучая заданную тему, исследователь неизбежно сталкивается с огромными сложностями при анализе источников, в первую очередь в связи с их весьма ограниченным количеством. Если в Южном Йемене находки археологов позволяют с уверенностью выделить собственную развитую письменную традицию, то в районах Центральной Аравии приходится ограничиваться весьма скудной эпиграфикой. Однако, по нашему мнению, целый ряд косвенных свидетельств дает основание говорить о существовании развитой письменной традиции и за пределами Южной Аравии. Анализ этих косвенных свидетельств, включающих данные эпиграфики, древние поэтические тексты, отдельные аяты Корана, составляет основную часть доклада.

¹ *Ayalon A.* The Press in the Arab Middle East: A History. New York: Oxford University Press, 1995. 320 p.

Васькин И. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Терроризм в Иране в 1997–2013-х гг.

Темой данного исследования является сопоставление характера терроризма при сравнительно либеральном режиме Мохаммада Хатами (1997–2005 гг.) и консервативном Махмуда Ахмадинежада (2005–2013 гг.). Источником данных по терактам послужила Global Terrorism Database¹. Данные были разбиты на два периода: 1997–2005 гг. и 2006–2013 гг., чтобы обозначить границу между политическими режимами и не использовать одни и те же данные для характеристики терроризма в разные периоды. Основные характеристики терактов, которые используются в данном исследовании: описательная статистика терактов, география, террористические организации, тип атаки, тип оружия.

Описательная статистика убитых и раненых во время терактов. Период Хатами был значительно более мирным по сравнению с периодом Ахмадинежада: количество терактов при Хатами: 4–1, при Ахмадинежаде: 8–7.

Таблица. Данные по убитым и раненым

	Количество терактов	Минимум	Максимум	Сумма	Среднее	Стандартное отклонение
1997–2005 гг.						
Убитые	36	0	8	32	0,89	1,652
Раненые	36	0	102	344	9,56	23,809
2006–2013 гг.						
Убитые	85	0	40	377	4,44	7,853
Раненые	82	0	301	840	10,24	40,867

Также следует отметить, что в целом в период Хатами количество убитых было в 12 раз меньше, чем при Ахмадинежаде, количество раненых — в 2 раза меньше. Среднее количество убитых за теракт в 1997–2005 гг. в 4,5 раза меньше, чем в 2006–2013 гг., а среднее количество раненых практически совпадает (см. табл.).

Таким образом, в 2006–2013 гг. масштаб терактов был значительно большим по сравнению с 1997–2015 гг.

География. В период президентства Мохаммада Хатами самой атакуемой провинцией был Тегеран — на него пришлось 23 теракта из 41 (56%). Второй

¹ National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). Global Terrorism Database [Data file]. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd> (accessed 10.01.2017).

самой атакуемой провинцией был Хузистан с 5 терактами (12,2%). Также по 3 теракта (по 7,3%) пришлось на Фарс и Илам.

В 2006–2013 гг. география терактов изменилась: 3–2 теракта из 87 (36,8%) пришлось на Систан и Белуджистан, Тегеран с 11 (12,6%) терактами переместился на второе место, 10 (11,5%) терактов произошло в Западном Азербайджане, по 9 (10,3%) в Хузистане и Курдистане.

Таким образом, при Хатами терроризм был нацелен на столицу, а при Ахмадинежаде теракты происходили в регионах, где доминируют этнические меньшинства.

Террористические организации. В 1997–2005 гг. 20 (48,8%) терактов совершила марксистская организация «Муджахедин-е Хальк», разные террористические организации с этническим окрасом — 2 (4,8%), еще 13 (31,7%) — неизвестные организации. В 2006–2013 гг. за 49 (56,3%) терактов никто не взял ответственность, 13 (14,9%) были совершены организацией «Джундалла», выступающей за права суннитов. 13 терактов (14,9%) были совершены курдскими организациями. Терроризм в Иране при Хатами был в основном идеологическим, а при Ахмадинежаде стал этнорелигиозным.

Тип атаки. В 1997–2005 гг. преобладали взрывы: 2–8 терактов (68,3%), также было совершено 4 убийства (9,8%), 3 вооруженных нападения и 3 атаки на инфраструктуру (по 7,3%). В 2006–2013 гг. взрывы составляли уже относительное большинство терактов: 3–3 (37,9%) из 87. Вторыми стали вооруженные нападения: 3–0 (34,5%). Также следует отметить увеличение количества захватов заложников до 9 случаев (10,3%). Таким образом, в 2006–2013 гг. взрывы и вооруженные нападения стали основным видом терактов.

Тип оружия. При Хатами доминирующим видом оружия была взрывчатка (28 терактов из 41, 68,3%), также большое значение имело огнестрельное оружие (7 терактов, 17,1%). При Ахмадинежаде основным стало огнестрельное оружие (36 из 87 терактов, 41,4%), а взрывчатка переместилась на второе место (35 терактов, 40,2%).

Таким образом 1997–2005 гг. значительно отличается от 2006–2013 гг. Если в первый период доминировал идеологический терроризм и взрывы в Тегеране, то во второй — этнорелигиозный терроризм с вооруженными нападениями и взрывами в пограничных провинциях.

Градковская Е. В. (УрФУ, Екатеринбург)

Положение девушек в «веселых кварталах»: Ёсивара

В период Токугава жизнь семейной порядочной японской девушки была регламентирована. Источник, изданный в 1716 году, под названием «Великое поучение женщине», сообщает, что социальная роль жены предполагала

широкий круг ограничений, в частности неверность замужней женщины была категорически запрещена, угрожая позором всему ее отцовскому роду.

Если в отношении к женщине неоконфуцианство выработало строгие стандарты, то к вольностям мужчин относились спокойнее. Не без поддержки со стороны сёгуната в морали того времени сформировался особый «двойной стандарт», исходя из которого мужчина был волен делать почти все, что вздумается, в отличие от женщины, которой даже думать о подобном должно было быть стыдно. Однако нельзя забывать о небольшой категории женщин, которым в рамках их профессиональной деятельности разрешалось распутничать. Правительство сёгуната Токугава, разумеется, не прошло мимо этой категории, поскольку нельзя было допустить бесконтрольную деятельность в этой важной социальной сфере.

Решение было найдено в создании специального квартала, проект которого предложил один из владельцев публичных домов Сёдзи Дзинъэммон. Правительство подходило к проституции с практицизмом. Оно признавало, что низшие чины нуждаются в выплеске энергии и потому намеренно создало специальные «заведения дурной славы», поглощавшие избыток энергии своевольных воинов. Это позволяло государству контролировать данную сферу жизни горожан. Квартал, где было предписано возвести публичные дома, назывался Ёсивара, что буквально означает «Тростниковое поле». Однако довольно скоро первоначальные иероглифы этого названия были заменены на точно так же звучавшее «Веселое поле».

В данном исследовании рассмотрены следующие вопросы: как девушки Ёсивары начинали свой профессиональный путь, на каких условиях подписывался контракт, какие обязанности возлагались на девушек, какими правилами и запретами ограничивалась жизнь жительниц «веселых кварталов», чем отличалась жизнь девушек разных ступеней иерархии в этих кварталах, к каким уловкам приходилось прибегать куртизанкам. «Веселые кварталы» были центром развлекательной культуры средневекового японского города, потому не случаен тот факт, что непростое положение обитательниц «веселых кварталов» отразилось во многих художественных произведениях того времени.

Грановский Г. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Развитие концепции и практики политического ислама в Королевстве Марокко в XX веке

В докладе речь пойдет о развитии идеи политического ислама в Королевстве Марокко на протяжении XX века, а также о резком ухудшении ситуации в связи с появлением нового псевдогосударственного образования — ИГИЛ. Этот политический игрок притягивает к себе последователей со всех континентов,

«расползаясь» и создавая ячейки по всему миру, однако самой благоприятной территорией для проникновения его идеологии, безусловно, является мусульманский Восток.

Колониальная политика европейских держав в XVIII–XIX веках охватила всю Африку, и алаутское Марокко не стало исключением. По итогам Фесского договора (1912 г.) султанат перешел под протекторат Франции, что вызвало массовое негодование¹. В течение 44 лет подчинения парижским властям в Марокко неоднократно вспыхивали бунты, однако всем им не хватало организованности и лидера. Единственным по-настоящему серьезным восстанием стала Рифская война (1921–1926 гг.), охватившая север Марокко. Тогда власть на этих территориях захватил берберский эмират Риф под предводительством Абд аль-Крима, который решил идти хорошо известным путем и в качестве объединительного элемента выбрал джихад².

После Второй мировой войны, за участие в которой марокканцам были обещаны различные льготы вплоть до снятия протектората, ситуация в стране не поменялась. Французы не собирались даровать землю «гуземцам» просто так. В конечном итоге постоянные массовые митинги, партизанские выступления, в ряде районов страны, перешедшие в повстанческое антифранцузское движение, и политический кризис, вызванный попытками сменить короля, вылились в революцию. В марте 1956 г. Франция признала независимость Марокко.

Последующие годы ознаменовали собой период жесткого отношения к сторонникам радикализма и исламизма. В последователях данных течений видели угрозу стабильности страны и королевской власти. В связи с этим, Мухаммад V (1927–1961) и, особенно, Хасан II (1961–1999) оставались приверженцами жесткого курса в отношении политического ислама.

Приход к власти Мухаммада VI в 1999 г. изменил ситуацию с политическим исламом в стране, вызвав либерализацию позиции властей в отношении его приверженцев. Последние два раза выборы в парламент (2011, 2016 гг.) выигрывала Партия справедливости и развития (ПСР), официально называемая исламистской, однако придерживающаяся умеренной ветви данного течения.

На политическом уровне марокканский режим — абсолютная монархия с конституцией и многопартийной политической системой. Это означает, что ИГИЛ и иные исламисты всегда вынуждены были конкурировать в Марокко с режимом и гарантом стабильности в лице короля. В конституции Королевства указано, что монархия обладает собственной религиозной легитимностью и, по сути, считается «священной». Ислам — официальная религия государства, а король — религиозный и политический лидер страны и, следовательно, продолжатель исламской традиции, восходящей к пророку Мухаммаду.

¹ A history of Islamic societies. Cambridge, 2002. P. 327–333.

² *Fabei S.* Storia del Marocco moderno dai protettorati all'indipendenza. Rende (CS): Irfan edizioni, 2014. P. 21–28.

Марокканское государство, сталкиваясь с проблемой развития исламизма и его политизации на протяжении всего XX века, в противовес ему предлагало свои собственные идеологические интерпретации исламской традиции.

В докладе освещаются последние годы независимого развития Марокко накануне установления французского протектората (начало XX в. — 1912 г.); сам период протектората (1912–1956 гг.); консервативные тенденции правления королей Мухаммада V и Хасана II (1956–1999 гг.) и известная либерализация режима при Мухаммаде VI (с 1999 г.). В частности, внимание уделяется методам, применявшимся правительством в борьбе против радикалов на всех уровнях общественной жизни, а также способам борьбы исламистских группировок с режимом. Рассматриваются также перспективы роста террористической угрозы в Королевстве Марокко в краткосрочный и среднесрочной перспективы, влияние внутренней обстановки в стране на ее внешнюю политику в XX и XXI вв.

Гурвич В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Европейская музыка как способ объединения японской нации

В военный период перед японским правительством встала важная задача объединения нации, для чего необходимо было, в частности, создание общего гимна и различных песен, которые бы мотивировали народ идти на войну, служить своей Родине.

Основная проблема в данном вопросе заключалась в том, что до этого времени в Японии не существовало единого национального музыкального стиля. Музыкальная традиция *бунраку* относилась исключительно к знати, приближенной к императору; различные произведения на *сякухати* и японской цитре *кото* было принято относить к уже несуществовавшему самурайскому сословию; музыка и произведения для театров *кабуки* и *дзёрури* были популярны среди городских жителей и торгового сословия; также существовали различные песенки, которые были популярны среди простых крестьян и чернорабочих.

Таким образом, было решено на базе европейской музыки создать свою собственную, национальную. Однако сама европейская музыка со временем стала запрещенной: пластинки с классической европейской музыкой исчезали с полок магазинов, оркестры и ансамбли, специализировавшиеся на исполнении европейской музыки, вынуждены были либо доказать, что они играют ту самую, новую, «национальную музыку», либо прекратить свое существование, а уже существовавшие музыкальные термины были в срочном порядке переименованы. Единственным местом, где все еще можно было послушать

исключительно итальянских и немецких классиков, была библиотека, где записи прослушивались в наушниках строго определенное количество часов.

Наиболее значимым европейским музыкальным жанром, который был взят за основу новой национальной музыки, был марш. Он как нельзя лучше подходил для новой линии политики государства. По заказу правительства в кратчайшие сроки были написаны несколько маршей, которые каждое утро прослушивались везде: в школах, университетах, детских садах и на рабочих местах.

Во всех школах были введены обязательные уроки музыки. Во время них школьников обучали пению в хоре, азам европейской нотной грамоты. Позднее подобные уроки приобрели стратегическую необходимость. Была создана специальная методика обучения японских школьников, которая вырабатывала идеальный слух. Приняв во внимание тот факт, что детский слух намного острее взрослого, при помощи специального музыкального курса школьники обучались распознавать звуки моторов различных моделей военных самолетов, определять их количество и расстояние, на котором они находились.

В военное время не было возможности выпускать новые музыкальные словари, заниматься подробным изучением европейской музыки. Однако во время войны все же существовал один музыкальный журнал *Онгаку бунка синьбун* (音楽文化新聞), где печатались научно-философские статьи о национальной музыке, рекламировались новые песенные сборники, печатались биографии современных композиторов, а также давалась подробнейшая информация о новейших достижениях в создании музыкальных инструментов и приборов звукозаписи.

Таким образом, заимствованная европейская музыка стала основой для создания национальной японской музыки, которая объединила все сословия и все поколения. Впоследствии это сыграло немаловажную роль в дальнейшем формировании японской нации.

Данилова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Образ бодхисаттвы Дзидзо (地藏) в японской фольклорно-мифлогической традиции и использование образа бодхисаттвы в художественной литературе

Дзидзо — буддийское божество, которое пришло в Японию в V–VI веках из Китая через Корею. Кшитигарбха — его имя на санскрите. Оно является «рукой помощи» всем нуждающимся без исключения, которая вытягивает их из негативного круга кармы. Истории о Дзидзо, какими бы невероятными они ни казались, имеют одну мораль: вера вознаграждается, и всегда есть надежда на спасение.

В Китае Дзидзо известен под именем Ди-цзан (кит. 地藏). После написания «Сутры десяти царей» Ди-цзана почитали как главу десяти царей ада¹.

Сейчас самое популярное воплощение Дзидзо — это Мидзуко Дзидзо. Вагата Дзидзо 和型地藏 — известный защитник путников и лошадей. Также есть большое количество легенд, связанных с Митибики Дзидзо 導き地藏 (проводник-Дзидзо в Кэсэннума Осима).

Благодаря популярности Бодхисаттвы, многие японские писатели использовали именно его образ в своих произведениях:

Оцу Ити, «Камнеглазка» (яп. Исиномэ) Бодхисаттва выступает в привычной для себя роли, роли защитника детей, но в необычной ситуации, поскольку спасает он не души умерших детей, а защищает живых.

Кавабата Ясунари, «Рассказы величиной с ладонь» (яп. Танагокоро-но сёсэцу). Писатель описывает, как устроен человек, «воспитанный» японской культурой, его ценности и идеалы. Дзидзо пожертвовал собой в угоду другим людям. Так же и Осин помогла многим своим соседям, хотя и очень необычным способом. Дзидзо воплощает то, что есть в Осин и в других женщинах, — бесконечное сострадание, любовь и чувство прекрасного.

Кавабата Ясунари, «Красота и печаль» (яп. Уцукусиса-то Канасими-то). Главная героиня романа теряет ребенка, и ее мать периодически водит ее в храм Адаино Нэмбуцу-дзи в Киото, которому, как считалось, покровительствует Дзидзо. То есть Дзидзо выступает в роли покровителя умерших детей.

Нацу Кирино, «Гротеск». Две женщины, ставшие проститутками по совершенно разным причинам, Юрико и Кадзуэ, ждали клиентов у одной и той же статуи — у статуи Дзидзо. В данном случае можно сказать, что автор пытался оправдать героинь, занимающихся подобным непристойным делом, введя образ Дзидзо как самого милосердного Бодхисаттву, прощающего все грехи.

Новелла «Третья ночь» из цикла «Десять ночей грёз» Нацумэ Сосэки (яп. Юмэ дзю-я). Здесь Дзидзо появляется в самой последней строчке. Дзидзо — символ детей, которые были убиты «за ненужностью»: так как времена были тяжелые, многие семьи не могли прокормить всех детей, и им приходилось прибегать к абортam. Осознав смысл происходящего, ощутив чувство вины, герой почувствовал, что мальчик стал тяжелым, как каменная статуя Дзидзо.

Таким образом, в художественной литературе писатели зачастую используют образ бодхисаттвы для более точного описания драматизма ситуации, для того, чтобы читатель обратил внимание на тот или иной факт, увидел в герое параллели с легендарным защитником детей. Все это говорит о том, что Дзидзо прочно укоренился в сознании японцев и стал неотделимой частью их жизни.

¹ Бодхисаттва ада. Сутра Основных Обетов Бодхисаттвы Кшитигарбхи / пер. с китайского Д. В. Поповцева. Санкт-Петербург: Евразия, 2002. С. 27.

В заключение стоит еще раз отметить тот факт, что Дзидзо, его образы, разновидности и функции достаточно разнообразны. Он гармонично вошел в японскую мифологическую систему и стал весьма популярен среди всего населения. Сейчас ни один японец не может представить себе жизнь без бодхисаттвы Дзидзо: к нему обращаются за помощью, в поисках успокоения, для того, чтобы показать свою благодарность и почтение. Все это делает Дзидзо неотъемлемой частью жизни всего японского общества.

Дородных Дарья (Европейский Университет в Санкт-Петербурге)

Ситуация и контекст: язык «джадидского» дискурса в воспоминаниях Габдуллы Буби (1871–1922)

Источником настоящей работы стали воспоминания Габдуллы Буби, написанные на литературном татарском языке начала XX в. Исследования направлено на выявление основных элементов джадидского нарратива и его функций в условиях интеллектуальной борьбы за право определять пути развития мусульманских обществ.

Г. Буби — это интеллектуал, активно вводивший «новый метод» обучения в медресе и проповедовавший «прогресс» и «просвещение». Я определяю язык Г. Буби как язык-идеологию¹, которая позже разовьется в особое умение «говорить по-джадидски» и сформирует образ джадидов как передовых людей, борцов с отсталостью и религиозными пережитками.

Ключевыми понятиями в рассказе становятся: народ (*миллэт*), передовые люди (*алга халык*), свобода (*хөррият*), образование (*мәғрифәт*), прогресс (*тәрәккыят*). Образование дает свободу и позволяет пойти по пути прогрессивных народов. Главным двигателем повествования является борьба с тем, что для Г. Буби представляется отсталостью и невежеством.

Объединяя все элементы нарратива (свобода, образование, прогресс, объединение, имплицитная колонизация), можно увидеть, что они вписываются в кластер «имперского» и таким образом, я рассматриваю эти воспоминания как саморепрезентацию и самописание имперского субъекта, то есть через аналитическую рамку новой истории империй².

Невежество общества в целом, по мнению Г. Буби, заставляет находиться в состоянии подчинения, поэтому для него мусульмане — это подчиненная группа, объект, который необходимо приводить в порядок. Инструментом борьбы выступает европейское знание, которое дает свободу и позволяет приблизиться к новым, современным жизненным стандартам.

¹ *Freedeen M. Liberal languages: ideological imaginations and twentieth-century progressive thought. Princeton University Press, 2009.*

² *Миллер А. И. Русский национализм в империи Романовых // Национализм в мировой истории/ под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. 2007.*

Задача Г. Буби — организовывать школы и «просвещать» людей, эта цель представляется ему центральной целью его жизни и религии. Г. Буби, подобно пророку, хочет давать знания, чтобы дать власть людям над собственной жизнью, и, объединив их, вывести из подчинения «русских». Под «русскими» понимается государство, бюрократический аппарат. В свою очередь, русский язык представляет для него важность в деле торговли и «просвещения», он повышает количество часов русского языка в своих школах. Освоение доминирующего языка в любой империи Нового времени давало много возможностей — карьера, образование, социальная мобильность. Для мусульманского сообщества Российской империи язык — это инструмент, позволяющий получить доступ, в том числе и к европейской мысли. Не только русский язык входит в школьную программу Буби, но также китайский и турецкий, и это позиция Г. Буби: он живет в «прогрессивном» Китае, читает турецкую и русскую литературу. Три языка и три империи, внутри которых существуют развернутые социальные, интеллектуальные связи в среде мусульман, живущих в условиях фронта, который имеет потенциал к продвижению¹, — такие условия позволяют Г. Буби проповедовать прогресс и бороться за просвещение «невежественных мусульман».

Территория, на которой идет борьба, не самоочевидна, она выбирается скорее ситуативно — Г. Буби переезжает из города в город и главным основанием для остановки в том или ином месте является возможность создавать, управлять, реформировать медресе, поэтому его Родина там, где есть возможность проповедовать «прогресс и просвещение отсталым народам».

Формула «привнесение европейской цивилизации и прогресса» «отсталым» среднеазиатским народам стала риторическим штампом по образцу легитимирующих колониальные завоевания европейских форм культуртрегерства. Когда Г. Буби говорит о печальной отсталости казахов или дунган, он воспроизводит эти штампы, меняя лишь акторов идеологии: культуртрегерами в его рассказе должны стать «просвещенные» тюрки, освоившие новую, европейскую образовательную систему.

Жевликова А. А. (Свято-Владимирская школа, Санкт-Петербург)

История появления шахмат в России

«Чатуранга» — древнейшая форма шахмат, зародившаяся в Индии в начале первого тысячелетия от Рождества Христова. Она сформировалась, в качестве прототипа на индийскую армию того времени. Игра оказалась настолько увле-

¹ Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи (1870–1871 гг.): Автопортрет российских военно-дипломатических элит Санкт-Петербурга и Туркестана // *Ab Imperio*. 2014. Т. 2014. № 2. С. 102–165.

кательной и доступной, что скоро распространилась по всей Северной Индии, а затем проникла и в соседние государства. В 1972 году на юге Узбекистана археологи нашли две индийские фигурки животных, относящиеся ко II в. н. э., которые сочли шахматными. Однако точно установить нельзя, являлись ли они элементами чатуранги.

Точно установить нельзя, когда персы преобразовали древнеиндийскую игру в «шатранг», но многие исследователи сходятся во мнении, что Иран познакомился с чатурангой примерно в VI веке н.э. в период правления династии Сасанидов (найденный в Афрасиабе «конь» относится к этому периоду). В Иране игра претерпела значительные изменения.

В середине VII в. с удивительной по глубине мысли игрой познакомились арабы, которые вторглись в ираноязычные области и распространили на завоеванных территориях ислам. С этого времени появилось два направления в изображении шахматных фигур: изобразительное и абстрактное, связанное с запретом ислама изображать живых существ. Археологические находки второй половины XX века в Самарканде при раскопках городища Афрасиаб включают в себя изобразительные шахматные фигуры в виде боевых коней и колесниц с воинами, слона в военных доспехах и правителя. Их датируют VII–VIII вв. н. э.¹

Взяв от игры ее структуру и основные правила, арабы полностью изменили облик пеших воинов, слонов и коней, правителя и колесницы. Теперь ту или иную фигуру можно было отличить лишь по небольшим отступлениям от цилиндрической формы. Наряду с математикой, астрономией и медициной шахматы распространились по всему расширяющемуся арабскому миру и заняли свое место при дворе халифов. Вскоре появились первые знаменитые игроки, а вместе с ними и шахматные книги, где впервые были изложены и систематизированы правила этой игры. Оказавшись при дворе, игра стала приобретать богатый и изысканный вид. Фигуры инкрустировались драгоценными камнями, вырезали из кости и украшались тонкой резьбой, отливались из золота. Так, шахматы из военной модели и логической игры стали превращаться в нечто большее — в искусство.

Многочисленные находки абстрактных шахматных фигур на территории современных Украины и Беларуси, а также близ Новгорода подтверждают тот факт, что шахматы попали на славянские земли уже в конце I тысячелетия нашей эры, вероятно, через Хазарский каганат. Во времена арабо-хазарских войн VIII в. видоизмененный мусульманами «шатрандж» начинает распространяться в северном направлении, в т. ч. на Русь.

Здесь шахматы, в целом сохраняя арабские силуэты фигур, начинают адаптироваться и широко воспроизводиться местными мастерами не только в слоновой кости, как это было распространено прежде, но и в дереве, камне.

¹ *Линдер И. М.* Мир шахматных фигур. М.: Х. Г. С., 1994. С. 58.

Колесница, упрощенная мусульманами до фигурки с двумя боковыми выступами и образованной ими выемкой по центру, наполняется новым смыслом и становится уже близкой нам ладьей. А сохраненное до наших дней название фигуры «слона» подтверждает восточную теорию появления шахмат на Руси — через Кавказ и Среднюю Азию, поскольку та же фигура в Европе именуется уже как «епископ», «шут», «скороход». Об этом свидетельствует и археологическая находка изобразительной (!) фигуры слона, относящейся к IX–X вв., при раскопках Саркела (Белая Вежа) под руководством проф. Михаила Артамонова в 1950–1951 гг.¹

Заблоцкая О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

О специфике северокавказских арабографических источников периода войны 1817–1864 гг.

Кавказская война 1817–1864 гг. — одна из важнейших точек бифуркации в отношениях России и мусульманских народов. Поэтому особый интерес для воссоздания картины происходившего представляют местные арабографические памятники, характеристику которых и затрагивает настоящий доклад. Война обогатила кавказскую письменную культуру материалами, проливающими свет как на общую ситуацию в регионе, так и на частные ее аспекты, к примеру, характер контактов горцев и русских, диспуты приверженцев газавата и их противников, особенности управления и устройства Имамата Шамиля и т.д. Здесь противоборствующие политические силы сходятся наиболее близко, и при объективной оценке ситуации нельзя ограничиться только русскими или только мусульманскими источниками — необходимы комплексный анализ и сопоставление всех имеющихся ресурсов.

Корпус источников обширен и неоднороден, систематизировать их можно по целому ряду критериев. Изучаемая тема также тесно связана с процессом развития письменности на Кавказе. Местные наречия вступают в сложное взаимодействие с арабским языком, что видно уже при первом взгляде на материалы, так что их можно разделить на два пласта, взяв за основу *языковой* критерий.

Первый пласт составляют *арабоязычные* произведения с характерными для арабской классической литературы приемами, притом очевидно имеющие местное происхождение. Это касается и иного рода документов — личной и деловой переписки, хроник. Очевидна *консолидирующая* функция арабского языка: в полиязычной кавказской среде он имел официальный статус для коммуникации и делопроизводства, что было особенно актуально в эпоху Шамиля.

¹ Там же. С. 68.

Выявляются в кавказско-арабской письменной культуре и принципиально новые элементы. Так, представляет собой уникальную модификацию система пояснительных значков к арабским текстам, расшифрованная лишь в первой половине XX в. Во второй половине XIX века кавказско-арабская литературная традиция переживает расцвет, а в отдельных районах она сохраняется вплоть до советского времени.

Второй пласт источников — записи на *местных* языках, выполненные при помощи *аджамы* (адаптированного к фонетике других языков арабского алфавита). Тогда как немалая часть научной литературы (в основном, советской) подчеркивает «бесписьменность» или «младописьменность» кавказских языков, образцы на *аджаме* являются тому серьезным контраргументом. Попытки усовершенствовать арабицу предпринимались еще до Шамиля, продолжались в Кавказскую войну и даже после начала арабографического книгоиздательства. Подобные образцы уступают по численности арабским, но выполняют не менее важную задачу — иллюстрируют ретроспективу развития кавказских языков, расширяя исследовательское поле и для арабистики, и для кавказоведения.

О российском интересе к этим источникам свидетельствуют переводы, публиковавшиеся в разное время в русских периодических изданиях. Военные события существенно расширили базу для востоковедческих исследований сразу в нескольких направлениях. Во-первых, связь кавказской литературы с арабской подтверждает тесные контакты горцев с арабским миром. Помимо того источники дают ценные сведения о состоянии *собственно кавказского ислама* — о контактах местных его приверженцев с единомышленниками из разных российских регионов, а также с другими мусульманскими государствами. Некоторые материалы создавались непосредственно в русскоязычной среде и, как следствие, отражают уже иной подход авторов к тем или иным обстоятельствам Кавказской войны.

В настоящий момент активно ведется работа по исследованию письменного наследия Северного Кавказа, и она еще далека от завершения. Возможно, в ближайшем будущем фонды пополнятся новыми источниками, которые внесут вклад в воссоздание образа исторических реалий и формирование нового взгляда на Кавказ как на один из сложнейших для понимания «форпостов» российского ислама.

Зайнуллина А. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Библиейские и коранические мотивы в новелле О. Атая «Человек в белом мантио»

Литературное переосмысление мифа является неотъемлемой частью художественного процесса. Одним из наиболее популярных мифов, прочно

укоренившихся в мировой литературе и фольклоре, является мифологизированная биография Иисуса Христа, а также сюжеты, включающие в себя его образ. Традиция мифологизации образа Христа представлена и в исламской культуре. Мусульмане почитают пророка *‘Ису*, который отождествляется с новозаветным Иисусом Христом. В Коране отрицается христианское представление о божественной природе Иисуса, подчеркивается, что Иса всего лишь раб Божий.

В этой связи значительный исследовательский интерес представляет анализ произведения, созданного на стыке европейской и мусульмано-восточной литератур. Здесь необходимо учесть архетипы, укоренившиеся в бессознательном автора, и стереотипы, сознательно заимствованные им из чужой культуры, а также и позицию исследователя, которому вольно или невольно приходится балансировать между библейской и коранической интерпретацией сюжета.

Примером такого произведения является новелла «Человек в белом мантио» (Beyaz Mantolu Adam, 1972) турецкого писателя О. Атая (1934–1977). Ее герой — нищий, просящий милостыню у стен мечети. Путь героя от мечети до моря соотносится с земным путем Христа. Интерпретация Атая предлагает читателю неканоническую версию новозаветной истории, в которой прослеживаются и коранические элементы истории пророка Исы. Сходство героя и с образом христианского Спасителя, и с пророком, чтимым мусульманами, ограничивается лишь его действиями. Герой Атая лишен не только способности говорить (т.е. нести слово Божие, как несли его Иисус и Иса), но и всех человеческих эмоций и даже характера. В противоположность ему окружающий мир, несмотря на равнодушие, жестокость, холодность, является «живой» материей. Символично, что сюжет берет свое начало во дворе мечети, где прошение милостыни превратилось в попрошайничество, а сакральное место — в торжище, где выставляются на продажу увечья или услуги. Именно на этом поприще герой оказывается неудачником. Автор «переворачивает» историю изгнания Христом торговцев из храма, здесь герой, наоборот, изгоняется более удачливыми соперниками.

Новелла насыщена эпизодами-«перевертышами», в основе которых лежат мифы о чудесах, сотворенных как Иисусом Христом, так и в коранической традиции — пророком Исой. Герой покупает себе длиннополое женское пальто белого цвета, что с одной стороны, отсылает к торжественному облачению служителей культа в аврамических религиях, с другой стороны, символизирует непорочность. О близости героя Христу говорит эпизод с «как-бы» распятием, когда лавочники, пытаясь сделать из него живой манекен, заставили его раскинуть руки и привязали их веревками к гвоздям в витрине. И здесь также просматривается авторская метафора, не герой воскрес на кресте, а «ожила» торговля в этой лавке. Наконец, в отличие от христианского Спасителя, герой Атая, пережив символические смерть-воскрешение, не идет по воде, а исчезает в море, оставив на поверхности воды только белое пальто (по мнению отдохав-

ших на пляже, он тонет). Единственная надежда для всего человечества — это молодой человек, который хотя бы делает попытку броситься на спасение героя. Но в исламе существует идея о том, что каждый человек будет судим по деяниям своим и не несет ответственности за других. А то, что именно юноша проявляет доброту и смелость, можно рассматривать как приветствие писателем всех тех молодых людей, которые участвовали в событиях 1970 г.

В этой новелле О. Атай как писатель выступает с резкой критикой современного общества потребления. Для этого он обращается к мифологизированным образам Иисуса Христа и пророка Исы, явно апеллируя к идее Судного дня и их роли в нем. Художественные приемы, которыми пользовался турецкий писатель, свидетельствуют о том, что в творческом поиске он занимает место между модернизмом и постмодернизмом.

Ибрагимов И. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Модели самоидентификации в Египте в межвоенный период (1919–1939 гг.)

В первой половине XX в. Египет, как одно из ведущих государств Арабского Востока и первое формально независимое из них, раньше прочих встал на путь модернизации, при этом сохранив традиционные институты и социальные ориентиры. Эти процессы требовали поиска новой идентичности — политической, социальной и национальной, и такие изменения обусловили развитие не только страны, но и всего региона, поскольку другие государства охотно перенимали египетский опыт.

На фоне борьбы за получение полной независимости от Великобритании Египет пытался быть региональным лидером, встать во главе арабского и общего азиатского национального движения. При этом руководство страны рассматривало различные политические концепции для построения стабильной внутренней и внешней политики, что не могло не повлечь за собой возникновение нескольких вариантов национальной идеи. По мере становления египетской государственности рождались и новые взгляды на судьбы страны и ее народа.

Одни идеологи видели египтян потомками и наследниками древней фараоновской культуры, другие связывали их судьбу с судьбой всех арабов, третьи усматривали возможность превращения страны в сильное государство на пути культурного и религиозного возрождения Египта как части мусульманского мира. Наконец, четвертые рассматривали Восток в качестве единого, противостоющего Западу, целого, а Египет — как потенциального лидера Востока. В межвоенный период Египет стал очагом арабского национализма в различных его формах, и опыт этой страны является основой многих процессов и проблем, затронувших весь Большой Ближний Восток. Новый тип национализма — не

прозападный или антиосманский, как ранее в Сирии, а в форме ориентации на собственные силы, на ресурсы, достижения и потенциал самого государства, обусловил развитие идей второй половины столетия.

Общей особенностью египетской национальной идеологии стал ее интегрированный характер, способность вбирать в себя все основные направления общественной мысли, будь они секулярными или религиозными. Эта многогранная идеология стала связующим звеном для египетских мыслителей, базой для однородного культурного пространства страны. Устранение духовенства от политических процессов в стране, передача ведущей роли европейски образованной элите определили толерантность этого пространства к идеям любого толка.

В конце концов в египетской национальной идее переплелись панарабизм, фараонизм (локальный национализм, основанный на легитимности исторической преемственности), панисламизм, панориентализм. Сохранялся и «империализм» — претензия на включение в состав Египта исторически принадлежавших ему регионов, в первую очередь, Судана и Хиджаза. Без изучения этих идей и их трансформации в исторической перспективе невозможно рассматривать такие феномены, как падение монархии, политика Насера, формирование Объединенной Арабской Республики, укрепление влияния «Братьев-мусульман» и других консервативных исламских сил. Каждое направление, каждое течение внесло свой вклад в общее развитие страны и региона.

Иванов Е. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Нормативное регулирование обрядов на российском Северном Кавказе: причины появления, возможные перспективы развития, конфликтный потенциал

Северный Кавказ на сегодня является территорией, где установился нормативно-правовой плюрализм. Другими словами, полиюридизм, выражающийся в одновременном сосуществовании нескольких систем нормативно-правового регулирования общественной жизни. При имперском руководстве в быту горцев преобладали адаптированные на Кавказе нормы шариата, тесно переплетенные с обычным правом — адатом.

Советская власть успешно реализовывала свою монополию на насилие, а также на установление и поддержание светской системы правоотношений. Традиционное право и нормы шариата продолжали действовать на неформальной основе, хотя запрос на апелляцию к этим источникам регулирования общественной деятельности значительно снижался, ввиду легитимации государственного правового аппарата. Тем не менее, обычаи гостеприимства, куначества, обряды проведения инициации, свадеб, похорон, а также кровная месть продолжали быть существенной частью горского быта.

С распадом СССР советское законодательство, во многом устаревшее, утратило силу. Новое сформировано не было. После долгого периода жесткого регулирования, многие сферы жизнедеятельности в одночасье оказались вне рамок законодательства и прямого контроля. Государственная монополия на насилие, и как следствие, на защиту государственной правовой системы была ослаблена. Особенно остро эта проблема ощущалась на территориях этнических периферий, в республиках российского Северного Кавказа, в частности. Возникло состояние нормативно-правового вакуума.

В социологии состояние распада нормативно-ценностных основ, вызванное социально-политическими кризисами, называется аномией¹. В этом состоянии индивид утрачивает систему координат. Вырастает неопределенность, а вместе с ней риски. В связи с этим в республиках Северного Кавказа быстро начали обретать силу проверенные тысячелетиями обычное право и шариат.

Советская власть препятствовала соблюдению религиозных обрядов, в связи с чем, исламские ритуалы в значительной мере трансформировались, будучи вытесненными из публичного поля. Закрытость породила множество местечковых вариаций исламских обрядов. Этому способствовала также гибкость трактовки различных положений ислама.

Что касается внерелигиозной сферы, то в аномической среде традиции и обычное право в республиках С. К. стали опорой для людей, выросших в советской среде, тогда как в Центральной России период аномии конца 1980–1990-х гг. имел более серьезные негативные последствия ввиду разрушения привычных социальных институтов и норм.

Однако, традиции, пережившие длительный период советского «правового карантина», так или иначе видоизменились. Более того, в условиях нехватки регуляторов общественного поведения и активной трансформации общества в 1990-е гг. традиционные институты и социальные практики также начали меняться, приспособляясь к запросам общества и среды. Начался процесс, описанный Э. Хоббсбаумом как «изобретение традиций».

«Изобретенные традиции» считаются традицией именно потому, что они возникают преимущественно естественным образом и органически вписываются в социальные структуры. Их основным посылом является обращение к прошлому, к «подлинной», аутентичной культуре.

Учитывая тот факт, что новый виток изобретения традиций на С. К. пришелся на 1990-е гг., можно сказать, что специфика того периода оставила свой след и на изобретенных элементах традиций. На сегодняшний день, когда государство вернуло себе монополию на легитимное насилие и выстраивает четкую правовую иерархию, а социальные условия изменились, многие из изобретенных

¹ *Durkheim É.* The Division of Labour in Society, translated from the French edition of 1893 by W. D. Halls with an introduction by Lewis Coser. 1984; *Мертон П. К.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 104–114.

элементов традиционных обрядов утратили свою актуальность. Поскольку за инновациями не стоит тысячелетняя история, то единожды измененные традиции снова становятся объектом регулирования со стороны местных сообществ.

Таким образом, на С. К. возникает во многом уникальная практика регулирования изобретенных традиций. При этом процесс регулирования осуществляется не только через неформальные институты, но также через легальные и квази-легальные механизмы. Таким образом, традиции вносятся в правовое поле, усугубляя полиюридизм в регионе, а следовательно и конфликт между различными социальными группами, имеющими различный баланс между тремя источниками норм.

Игнатъев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Особенности утверждения буддизма в Таиланде

Заявленная в данной работе тема многоаспектна. Мы будем рассматривать вопрос, важный для понимания тайского буддизма и, на наш взгляд, недостаточно изученный, а именно: почему именно в форме тхеравады буддизм был воспринят, в конечном счете, в Ланна, Сукхотаи, а затем в Аютии?

Многие отечественные востоковеды (О. О. Розенберг, Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин, Н. В. Абаев) указывали на такую важную причину преимущества махаяны над тхеравадой, как ее «доступность». Однако в Юго-Восточной Азии бóльшая по сравнению с тхеравадой «доступность» махаяны не стала весомым аргументом, во всяком случае, для таев, которые выбрали более трудный путь тхеравады. В качестве возможного объяснения мы рассматриваем причину социально-психологического характера.

Нужно иметь в виду, что в XI–XII вв. тайское общество было еще достаточно прочным, его устои не были расшатаны. Коллективистское нравственное сознание таев, заключавшее в себе, наряду с другими, и познавательную функцию, имело возможность сравнить свои устойчивые представления о добре и зле с нравственными проблемами, возникавшими перед освобождавшейся и все более и более раскрепощавшейся личностью. Мысль о повсеместном и незаслуженном страдании, вероятно, прочно угнездилась в умах людей в тех индianизированных государствах, на территориях которых таи расселялись.

У таев, по-видимому, личность еще не настолько выделилась из общности, чтобы осознать и прочувствовать всю мощь противостоявшего ей мирового зла, но она могла интуитивно ощутить исходившую от него угрозу. В такой ситуации развитой личности оставалось либо требовать ответ за содеянное зло у всевышнего творца, как это делал автор «Книги Иова»¹, либо высокомерно

¹ См. об этом: *Рижский М. И.* Книга Иова. Новосибирск: Наука, 1991. С. 24.

принимать свой горестный удел, как поступал мудрец Древней Стои¹. В тхераваде, как это удачно сформулировал А. В. Парибок, человек искал «спасения не личности, а от личности» в том смысле, что «стихия индивидуализации» понималась в значительной степени как «нечто отрицательное»².

Тхеравада предлагала практические рецепты обуздания эгоцентрической направленности личностного сознания, в конечном счете, его просветления и преображения, но отнюдь не уничтожения. В. Н. Топоров опровергает во вступлении к своему переводу «Дхаммапады» широко бытующий взгляд, согласно которому нирвана — противоположность существования и синоним уничтожения и пассивного покоя. На самом деле нирвана (в тхераваде) является состоянием покоя только в смысле отсутствия страстей; во всем же остальном она — проявление высшей деятельности и энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей.

Каменецкая А. Б. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Орли Кагель-Блюм на израильской литературной авансцене

Говоря о современных израильских писателях, литературоведы и литературные критики называют О. Кагель-Блюм одной из наиболее ярких и сложных авторов в современной израильской литературе. Так, литературовед М. Пери писал, что «первые рассказы молодой писательницы <...> возвестили о появлении новой прозы и другого языка», а писатель и литературный редактор Г. Мокед и вовсе назвал О. Кагель-Блюм «матерью определенного направления в израильском постмодернизме», выступая, однако, с резкой критикой ее творчества. Самый известный роман О. Кагель-Блюм «Долли сити», вышедший в свет в 1993 г., был включен в список репрезентативных работ ЮНЕСКО, а не так давно, в марте 2016 г., О. Кагель-Блюм стала лауреатом премии Сапира за опубликованную в 2015 г. книгу «Египетский роман».

О. Кагель-Блюм родилась в 1960 г. в Тель-Авиве, изучала кинематографию в Тель-Авивском университете, а писать начала в конце 1980-х гг. — за несколько дней до того, как ее отец умер от рака, надеясь таким образом справиться с утратой и вместе с тем, как она вспоминает в одном из интервью, довести этот факт до своего сознания. Так О. Кагель-Блюм написала первый рассказ, названный «Недалеко от центра города», открывающий одноименный сборник рассказов, который вышел в свет в 1987 г. Этот сборник

¹ См. об этом: *Гусейнов А. А., Иррилиц Г.* Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. С. 176.

² *Парибок А. В.* Религиозно-философские учения Индии // История Востока в шести томах. Т. I. М.: «Восточная литература» РАН, 1977. С. 600.

представляет собой 10 рассказов, 10 историй, которые О. Кастель-Блюм назвала «пристальным взглядом на израильскую буржуазию, живущую „недалеко от центра города“». Нужно отметить, что в интервью разных лет писательница не перестает повторять: ей казалось, что она написала совершенно обыкновенную книгу совершенно обыкновенным языком.

Однако литературные критики были совершенно иного мнения. Из многочисленных и противоречивых рецензий, в которых можно было, например, прочесть, что О. Кастель-Блюм «передает отчаяние поколения», а язык ее рассказов «тощий» и даже «мертвый», было ясно одно: О. Кастель-Блюм привнесла нечто новое в израильскую литературу. Публикация каждой ее книги сопровождалась и до сих пор сопровождается острой реакцией литературных критиков, заставляя и их обращаться к философии, политике и даже истории в попытках осмыслить прозу О. Кастель-Блюм.

Почти каждый, кто пишет о прозе О. Кастель-Блюм, так или иначе пытается найти ответы на три вопроса: какой художественный метод использует О. Кастель-Блюм, к какому литературному направлению следует относить ее произведения и как объяснить своеобразие ее художественного языка.

Ответы литературоведов на первый вопрос встречаются самые разные. Так, Н. Нааман утверждает, что произведения О. Кастель-Блюм колеблются от реализма до фантастики, а М. Глузман характеризует ее прозу как сюрреалистическую, постмодернистскую и близкую к стилю Ф. Кафки. По словам Т. Хасака-Лоуи, «ее тексты часто переворачивают с ног на голову окружающую действительность и заменяют ее репрезентацией этой действительности или даже проекцией альтернативной реальности, созданной абсурдным, безумным воображением».

Мнение литературоведов изменилось, когда в 2002 г. вышел в свет роман О. Кастель-Блюм, который дословно можно перевести «Человеческие части» («חלקים אנושיים» *Halaqim Enoshiim*)¹, написанный в разгар Второй интифады и отражающий жизнь Израиля тех дней. «Я рассчитывала, — рассказывает О. Кастель-Блюм, отвечая на вопрос Т. Хасака-Лоуи о своем внезапном переходе к реализму, — что в 40 лет напишу что-нибудь реалистическое. Но я не думала, что буду писать о реальности.». Действительно, критики видели в этом романе поворотный момент в творчестве О. Кастель-Блюм. Однако литературовед С. Шифман, возражая тем, кто называл роман О. Кастель-Блюм реалистическим, иронично заметила: «Когда литературные критики заявили, что проза Кастель-Блюм в ее последних двух романах [второй роман — «Текстиль» (2006)] стала «реалистичной», я скорее скажу, что реальность, в которой мы живем, стала более “Кастель-Блюмовской”».

¹ А. А. Крюков в монографии «Ивритская литература в XX веке» переводит это название как «Судьбы человеческие», отдавая предпочтение другому значению слова *חלק* *Heleg*.

Второй вопрос — о литературном направлении представляет еще больший интерес. Говоря об израильских писателях 1990-х гг. — О. Кастель-Блюм принадлежит к этому поколению — литературоведы в последние годы уверенно называют их прозу постмодернистской, хотя вопрос о существовании постмодернистской литературы в Израиле уже затрагивался многими литературоведами, и однозначного, исчерпывающего ответа на него до сих пор нет. Слово сочетание «израильская постмодернистская литература» звучит почти как оксюморон: трудно представить, как один из основных принципов постмодернизма — «отказ от мимесиса» — может воплотиться в творчестве израильских писателей, которых называют, цитируя Книгу пророка Иезекииля, «стражами дому Израилеву». С. Шифман разрешает это противоречие. Признавая за израильским постмодернизмом право на существование, она называет это явление амбивалентным, объясняя это так: «С одной стороны, не вызывает сомнений тенденция писателей-постмодернистов к деконструкции существующих моделей: сюжета, объекта, реальности и языка, — с другой стороны, эти писатели живут в Израиле, и кажется, что в обществе, настолько лишенном чувства защищенности, настолько неуверенном в вопросах национального и индивидуального самоопределения, постмодернистская неопределенность становится образом жизни». С другой стороны, некоторые литературоведы, например Т. Хазак-Лоуи, видят истоки израильского постмодернизма не в литературном, а в историческом процессе. Зарождение постмодернизма в Израиле связано, по их мнению, с развитием постсионизма как социо-культурного феномена. Некоторые черты постсионизма и израильского постмодернизма совпадают, среди них отказ от национального метанарратива и протест против гегемонии ашкеназской культуры.

Осталось сказать несколько слов о художественном языке О. Кастель-Блюм. Для него характерны широкое употребление просторечий, сленга, заимствований из английского и арабского языков, нарушение синтаксиса и будто бы нелогичное членение текста на синтаксические единицы. У наиболее консервативных критиков, например у М. Бена и И. Орена, такое вольное обращение с ивритом вызвало возмущение, иврит О. Кастель-Блюм был назван плоским, «тощим». Литературоведов новый язык привел в замешательство. Д. Гуревич определил язык О. Кастель-Блюм как «ненормальный, грустный и вращающийся в собственных стенах», Д. Мирон назвал его мертвым. Сама писательница рассказывает, что стремилась найти такой язык, который бы отражал реальность и был понятен всем, кто живет в Израиле (то есть и новым репатриантам, которым по большей части была недоступна литература 60-х и даже 70-х годов, где, как говорит О. Кастель-Блюм, в каждом описании по 17 синонимов). О. Кастель-Блюм вспоминает: «Я сказала себе, как хорошая учительница говорит ученику, который не может ответить на вопрос по истории: пиши своими словами». Так появился язык, который назвали «тощим», и впоследствии этот эпитет стал в Израиле полноправным литературоведческим термином.

Читая критические статьи разных лет о произведениях О. Кастель-Блюм, мы с удивлением наблюдаем, как с течением времени менялся взгляд литературоведов, критиков и читателей на то, какой должна быть израильская литература и какое место в израильском обществе должен занимать писатель. После публикации романа «Долли сити» О. Кастель-Блюм обвиняли в ненависти к Израилю и израильтянам, а некоторые даже считали ее сумасшедшей, однако сейчас нет ни одной статьи об О. Кастель-Блюм, которая бы не называла ее одним из наиболее выдающихся писателей в современной израильской литературе. Интерес литературоведов и литературных критиков к прозе О. Кастель-Блюм не угасает: количество критических и научных статей, посвященных ее произведениям, только растет и обнаруживает новые точки зрения, освещая ранее не замеченные проблемы. Наверное, пополнится и список книг самой О. Кастель-Блюм: на вопрос о планах на ближайшие десять лет, заданный ей в одном из недавних интервью, писательница дала такой ответ: «Мне кажется, это... это еще очень много книг».

Клусова Ю. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Женщины в современной литературе Судана

По сравнению с представительницами других арабских и африканских стран суданские женщины обладают большим количеством свобод: они относительно рано получили избирательные права, стали занимать высокие посты в государственных учреждениях и министерствах, работать инженерами и судьями в шариатской системе¹. При этом суданские женщины довольно слабо проявили себя в литературе, что было обусловлено целым рядом объективных причин.

Долгое время женщины не имели доступа к образованию, и до сих пор во многих семьях устоявшиеся стереотипы мышления и экономические факторы ограничивают доступ девочек к просвещению. Ситуация осложняется тем, что хотя современная система образования позволяет девочкам изменить свое традиционное мышление, однако после этого многие из них не могут в полной мере реализовать свой потенциал и заручиться одобрением окружающих. Поэтому даже литературным творчеством женщины зачастую занимаются только во время учебы. Многие представители суданской интеллигенции, как мужчины, так и женщины, считают сочинение стихов или рассказов «легкомысленным развлечением молодости»².

¹ Герасимов И. В. Женщина в Судане // Женщины в культуре Востока: политика, искусство, публицистика. СПб., 1997. С. 22–24.

² *Radwa Ashur, Ferial Jabouri Ghazoul, Hasna Reda-Mekdashy*. Arab Women Writers: A Critical Reference Guide, 1873–1999. New York: American University in Cairo Press, 2008. P.165.

Важную роль играет тот факт, что Судан длительное время находится в состоянии политической нестабильности. Колонизация, череда военных переворотов, гражданские войны — все это отрицательно сказывается на развитии культуры. Все правительства с момента обретения в 1956 году страной независимости в большей или меньшей степени пренебрегали культурной сферой, что не способствовало формированию среды, благоприятной для профессионального занятия творчеством.

Яркие представители интеллигенции зачастую посвящают свою жизнь политике и журналистике, работают в официальных органах власти или участвуют в политической борьбе, поскольку видят в этом реальную возможность помочь своей стране. Среди образованных женщин подобная практика особенно широко распространена: за счет взаимодействия с властью они надеются повысить свой социальный статус и расширить свои права.

Многие исследователи также отмечают, что суданская культура в основе своей является устной и в значительной степени опирается на речи и дискуссии, а не на письменные литературные жанры¹. В отношении женской литературы эту теорию подтверждает популярность так называемых «девичьих песен». Они сочиняются девушками индивидуально или коллективно, имя автора, как правило, теряется в процессе передачи. Исследователи часто причисляют их к фольклору, а представители суданской интеллигенции называют «деградировавшей формой искусства»².

Для большинства суданских женщин, работающих в журналистике, сфере образования или занимающихся общественной деятельностью, самыми популярными формами выражения мнения остаются статья и эссе. Авторы поэзии, новелл, рассказов и романов среди суданских женщин гораздо меньше.

Известными суданскими поэтессами являются Сафийа аш-Шейх аль-Амин, ар-Равда аль-Хадж Мухаммад Усман, Зейнаб Авад аль-Карим, Амина Ахмад Юнус, Асма' Бинт аш-Шамалия. В жанрах рассказа и новеллы в разное время работали такие суданские писательницы как Малакат ад-Дар Мухаммад Абдалла, Амина Ахмад Юнус, Зейнаб Абд ас-Салам аль-Махбуб, Сальма Ахмад аль-Башир, Бусайна Хидр Макки, Сальма аш-Шейх Салама. В жанре романа себя проявили Малакат ад-Дар Мухаммад Абдалла, Малакат аль-Фадиль Умар, Бусайна Хидр Макки, Зейнаб Балил, Лейла Абдалла.

¹ *Abusabib M. A. Art, politics and cultural identification in Sudan / Mohamed Abusabib. Uppsala : Uppsala univ., 2004. P.60.*

² *Radwa Ashur et al. Arab Women Writers. P.164.*

Кузнецова Т. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Неисследованная рукопись поэмы «Сэфер ха-Анак» Моисея Ибн Эзры из собрания ИВР РАН

Современная художественная литература на иврите и, в первую очередь, поэзия сформировались под непосредственным влиянием языка Писания. В удивительной силе поэтических образов и художественной выразительности библейского иврита был сокрыт тот мощный творческий потенциал, который впоследствии, спустя многие века, сделал возможным возрождение живого языка и создание на нем художественной литературы.

Однако в истории еврейской литературы, помимо библейского, был еще один уникальный период, так называемый «сефардский» Золотой век евреев в мусульманской Испании, пришедшийся на XI-XII вв., без литературных достижений которого также невозможно представить себе последующее развитие еврейской культуры. Именно в это время творила целая плеяда величайших еврейских поэтов, среди которых был и Моше Ибн Эзра (1055?-1135?), богатый жизненный опыт которого позволил ему создавать как глубокие работы по философии и поэтике, так и проникновенную религиозную и потрясающе разнообразную по жанровой принадлежности светскую поэзию.

Среди произведений светской лирики, созданных Моисеем Ибн Эзрой, наиболее примечательным является сборник «Сэфер ха-Анак» («Книга ожерелья»)/«Книга-великан»), известный также как «Таршиш» («Хризолит»). Вместе с этим сборником он ввел из арабской в еврейскую литературу традицию «поэмы омонимов», то есть коротких стихотворений, в каждом из которых рифма создается при помощи полных омонимов.

Свидетельством популярности «Сэфер ха-Анак» является большое количество сохранившихся средневековых копий книги. В Санкт-Петербурге хранится несколько фрагментов рукописей этой поэмы разной степени сохранности. Среди них особо выделяется одна почти не изученная рукопись XIV в., хранящаяся под шифром В 267 в собрании рукописного отдела Института восточных рукописей Российской академии наук.

Большим достоинством данной рукописи является то, что она представляет собой полный текст поэмы с комментарием к каждой строке стихотворений на иудео-арабском языке и цитатой из Писания, поясняющей использование омонима. Она также содержит интересные надписи на титульном листе и колофоны и отличается хорошей степенью сохранности.

В ходе данного исследования было выявлено, что именно в сборнике «Сэфер ха-Анак» ярче, чем в каком бы то ни было другом произведении еврейской литературы того времени, отразились различные аспекты светской поэтической традиции арабов. Тем не менее, несмотря на то, что некоторые исследователи считают поэзию Моше Ибн Эзры «наиболее подверженной арабскому

влианию», для нее характерны чистота еврейского языка, а также особая глубина и многозначность образов благодаря большому количеству библейских цитат.

Сборник оказал огромное влияние на всю последующую еврейскую литературу. Некоторые поэты подражали Моисею Ибн Эзре и произведения, создавали схожие по структуре с «Книгой ожерелья».

Данная рукопись имеет большой потенциал для исследования. Она не была учтена ни в одном из изданий поэмы (включая критические), несмотря на то, что содержит полный текст поэмы и не совпадает целиком ни с одной из уже изученных редакций сборника. Кроме того, рукопись является прекрасным образцом для выявления различных палеографических и кодикологических особенностей сефардской книжной традиции. Все это говорит о том, что она, несомненно, заслуживает изучения и ввода в научный оборот в рамках полномасштабного исследования еврейских письменных памятников средневековья.

Кузнецова Т. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Адаптация Махабхараты в кхмерской литературе

Махабхарата — древнеиндийский эпос, оказавший большое влияние на формирование культурной традиции Индии и стран Юго-Восточной Азии, в частности, Камбоджи. В Камбодже существует рецензия Махабхараты, которая существенно отличается от оригинала по структуре (17 частей в кхмерской версии и 18 частей в оригинале) и объему (кхмерская рецензия в десятки раз меньше оригинала). Содержание кхмерской версии также отличается от оригинала. Несмотря на всемирную известность индийской «Махабхараты» и высокую степень ее изученности, о кхмерском варианте этого эпоса известно очень мало. Древнеиндийский эпос формировался на протяжении тысячелетия. Около 600 г. состоялось публичное чтение Махабхараты в кхмерском храме.

Кхмерская культура — результат многовекового взаимодействия индийской и местной культур. Камбоджа была охвачена процессом «индианизации» в I тысячелетии н. э. В результате этого процесса, по теории французского востоковеда Кёдеса, Камбоджа превратилась в «индианизированное королевство». Страны, охваченные процессом индианизации, сохраняли основные элементы своей культуры, однако культура Индии оказала огромное влияние на многие сферы жизни населения этих стран. Воздействие литературы Индии на формирующуюся литературу кхмеров началось в области эпиграфики. Кхмерский вариант Рамаяны — Риемке, датируемый VI веком, стал центральным произведением в местной литературе. Существует и кхмерский вариант Махабхараты, однако информации о нем намного меньше, чем о Риемке.

Адаптация Махабхараты в кхмерской культуре не ограничена областью литературы, но распространяется на все виды искусства (скульптура, живопись, национальный балет). Кхмерские адаптированные версии Рамаяны и Махабхараты включают элементы, которых изначально не было в индийских оригиналах.

Сюжеты Махабхараты оказали существенное влияние на кхмерскую литературу IX–X вв. Знание древнеиндийского эпоса при кхмерском дворе было одним из показателей хорошего образования. Популярность этих эпосов в странах Юго-Восточной Азии можно объяснить тем, что в отличие от Вед, которые были предназначены только для брахманов, эпосы могли быть услышаны и прочитаны и женщинами, и детьми, и «неприкасаемыми». В связи с этим влияние эпосов было значительнее влияния Вед и Упанишад.

Первое современное печатное издание Махабхараты было выпущено Институтом Буддизма; перевод делался с тайского языка, как и в случае с Риемке. Институт издает литературный журнал «Солнце Камбоджи», на страницах которого и был представлен кхмерский вариант Махабхараты. В каталогах этого журнала содержится информация о годах издания Махабхараты: главы 1–7 — 1927 г.; главы 8–11 — 1930 г.; главы 12–15 — 1931 г.; главы 16–17 — 1932 г. Поскольку в Камбодже отсутствует теоретическая литературоведческая база, аналогичная европейской, стандартное кхмерское описание Махабхараты отличается от традиционных описаний, принятых в европейской науке.

Индийский и кхмерский варианты эпоса различаются и по количеству частей, и по объему, и по структуре. Это свидетельствует о том, что локальный вариант эпоса является не просто пересказом оригинала, но самобытным произведением.

Курникова О. М. (ФГБУН ИВ РАН, Москва)

Путевые заметки и дневники иностранных путешественников как источник по истории османского Крыма (XVI–XVIII вв.)

Среди источников особое место занимают путевые заметки и дневники иностранных путешественников, дипломатов и других людей, имевших возможность в той или иной мере ознакомиться с регионом, народами, их бытом и занятиями. В материалах путешественников можно найти немало важных сведений о тех или иных событиях истории. Чаще всего их авторы, очевидцы событий, ярко описывают увиденное, излагают в интересной форме живые впечатления и сообщают факты из различных областей жизни. В сочинениях иностранцев часто отображено то, что для них ново и необычно. Это, например, обычаи и традиции, жилища и одежда и т. д.

Крым во все времена привлекал к себе внимание путешественников, т. к. история полуострова всегда была насыщена событиями. В период османского правления (с конца XV в. по XVIII в.) в Крым приезжали западные и восточные путешественники, послы и дипломаты. Например, Мартин Броневский польский дворянин был послан королем Стефаном Баторием с дипломатической миссией. Он сумел составить подробное «Описание Крыма» — рассказ о том, очевидцем чего он стал. Итальянский миссионер из доминиканского ордена Эмиддио Дортелли д'Асколи находился в Крыму с 1624 г. и даже служил префектом в столице османских владений городе Кефе префектом 10 лет. За это время он неоднократно совершал плавание по Черному морю, во время которых занимался историческими исследованиями и описаниями местностей. В результате этого появилась его работа «Описание Черного моря и Татари». Знаменитый турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби побывал в Крыму несколько раз. Он проехал весь полуостров, описал главные его города, крепости и селения, оставил целый ряд необычайно ценных зарисовок этнографического, лингвистического и фольклорного характера, статистические данные об этническом и количественном составе населения, описал памятники архитектура и искусства и многое другое. Французский военный инженер и географ XVII в. Гильом Левассер-де-Боплан путешествовал по Южной России и занимался составлением подробных карт. В его работе можно встретить описание городов и селений Крымского полуострова. Он старался показать состояние населенных пунктов, количественный и этнический состав населения, постройки и храмовые сооружения.

С присоединением Крыма к России в XVIII в., в Крым устремились многочисленные иностранные путешественники, благодаря которым, осталось множество путевых заметок и дневников в описании Крымского полуострова конца XVIII — начала XIX вв. Например, в 1786 г. Крым посетили и английская путешественница Элиза Кравен и француз Жильбер Ромм и др. В дальнейшем посещение Крыма иностранцами становится делом обыденным, они приезжают сюда в одиночку или небольшими группами, по завершению путешествия очень часто в западных изданиях появлялись отзывы об этих путешествиях.

В Россию для изучения истории и древностей Крыма приглашали зарубежных ученых-естествоиспытателей, среди которых хочется выделить немецкого академика и профессора Петра Симона Палласа. Результатом его работы стал двухтомный труд на немецком языке «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг.».

Путевые заметки и дневники иностранных путешественников являются особым и специфическим источником по истории региона, помогают и позволяют воссоздать более полную и всеобъемлющую картину происходивших событий и особенностей жизни.

Курова О. Н. (ИВР РАН, Санкт-Петербург)

Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь

Барон Йозеф фон Хаммер-Пургшталь (1774–1856) — выдающийся ориенталист, дипломат, переводчик, пионер в области изучения истории и филологии Ближнего и Среднего Востока, ученый-энциклопедист. После окончания императорско-королевской Восточной Академии в Вене, он в 1799 году получил назначение на государственную службу в интернунциатуру (австрийскую миссию) и был направлен в Константинополь. За время своей дипломатической карьеры, в период с 1799 по 1817 годы, Хаммер-Пургшталь посетил Сирию, Египет, Англию, Молдавию и Францию.

Необходимо отметить, что дипломатическая карьера Хаммера-Пургштала явилась базой его научной деятельности. Помимо исполнения своих прямых обязанностей, Хаммер-Пургшталь, путешествуя по различным странам, посещал библиотеки, изучал географию и заводил знакомства с видными востоковедами той эпохи. Он понимал важность сбора и обработки исторических источников, и оставил последующим поколениям ученых не только свои труды, но и оригинальные рукописи, сбором и покупкой которых занимался на протяжении всей своей дипломатической службы.

Хаммер-Пургшталь является автором огромного числа работ по истории, литературе, географии и археологии. В 1804 году он подготовил свой первый научный труд под названием «Энциклопедический обзор наук Востока». С этого момента появляется его интерес к турецкой, арабской и персидской литературе, который не покидает Хаммера на протяжении всей его жизни. Воздавая должное восточной литературе, Хаммер-Пургшталь делал переводы ее образцов на немецкий язык. Результатом его исследований явились такие труды как: «История изящной словесности Персии» (1818), 4-томная «История османской поэзии» (1836–1838), 7-томная «История литературы арабов» (1850–1856).

Значительную часть своей жизни Хаммер-Пургшталь посвятил изучению истории Османской империи. В 1815 году вышли в свет два тома его труда под названием «Государственное управление и состояние Османской империи». Эти труды Хаммера, а также получивший премию Берлинской Академии труд «Об управлении территориями во времена Халифата» (1835), являются крупными самостоятельными работами, внесшими ценный вклад в историю культуры Ближнего Востока.

Написанная Хаммером-Пургшталем по многочисленным источникам десятитомная «История Османской империи» (1827–1835) считается первым современным историческим синтезом. Этот труд охватывает исторический период с момента основания Османской империи до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года. И по сей день ученые обращаются к находящимся в труде сведениям из европейских архивов и источников.

Говоря об исторических работах Хаммера, нельзя обойти вниманием такие, как: «История Ассасинов» (1818), «История золотой Орды в Кыпчакском ханстве, т. е. монголов в России» (1840), «История Ильханов, т.е. монголов в Персии» (1842–1843), «История Крымского ханства» (1856).

Колоссальный список его работ, посвященных таким областям науки как история, литература, языкознание, география и археология говорит о необычайном таланте и даровании автора. Ценность трудов Хаммера-Пургштала возрастает оттого, что в их основе лежат оригинальные материалы и источники, некоторые из которых известны сегодня как раз благодаря его находкам.

Курочкин Р. В. (К(П)ФУ, Казань)

Партийная деятельность Мустафы Бюлента Эджевита (70–90-е гг. XX в.): Обзор современной российской и турецкой научной литературы

Политическая эволюция Республики Турция в 70–90-е гг. XX в. была ознаменована переходом от Второй к Третьей Республике. Этот процесс включал в себя такие события, как усиление радикальных настроений, конфликты среди населения на религиозной и этнической почве, Кипрский кризис, обострение ситуации в некоторых регионах страны, ослабление экономики, военный переворот, запрет на деятельность политических партий, восстановление партийной системы и передача власти гражданскому правительству. Среди значимых личностей того периода следует выделить Мустафу Бюлента Эджевита. Он являлся одним из выдающихся политиков своего времени, внес неопределимый вклад в развитие страны, в частности, в политические и социальные процессы. Бюлент Эджевит, являясь лидером Народно-республиканской партии, а затем Демократической левой партии, способствовал дальнейшему развитию партийной системы в Турции как в период кризисов, так и во время подъемов.

Несмотря на всю значимость этой личности в истории Турции, обзор современной литературы показал, что проблема влияния Бюлента Эджевита на политическое развитие республики изучена недостаточно. В рамках доклада ставятся следующие задачи:

- общий обзор российской и турецкой литературы о партийной деятельности Бюлента Эджевита в период 70–90 гг. XX в.;
- сравнительный анализ работ различных авторов: мнения, оценки и другие аспекты, касающиеся данной проблематики.

Среди отечественных работ по данной теме стоит отметить труды Д. Е. Еремеева, Н. Г. Киреева, В. И. Данилова. Из турецкой литературы стоит обратить внимание на коллективную монографию «Генель Тюрк Тарихи» К. Боротава, а также труды самого Б. Эджевита.

Ланькова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**«Семейные наставления рода Янь»
(Яньши цзясюнь 颜氏家训, IV в.) как наиболее характерный
образец жанра семейных наставлений**

С древнейших времен и до настоящего момента семья остается сердцевиной китайского общества, ее важнейшим компонентом и составляющей. Регулятором внутрисемейных отношений императорского Китая выступали тексты особого жанра цзя сюнь 家训 (семейные наставления), предназначенные не только для соблюдения порядка в семье, но и для сохранения национальных моральных ценностей. Представляя собой нравственные ориентиры и домашние заповеди, регулирующие поведение и взаимоотношения членов семьи, сочинения такого рода базируются на традиционных для китайской культуры нормах конфуцианского поведения, главной задачей которых является поддержание должного порядка и гармонии в обществе. Изучение семейных наставлений находится на периферии отечественных исследований, поэтому представляется, что введение в научный оборот отечественного китаеведения текстов данного жанра существенно обогатит наши представления о механизмах управления патронимиями и особенностях семейного уклада в традиционном Китае.

Тексты жанра цзя сюнь являлись сборниками правил и рекомендаций, регулятивными нормами, предназначенными для воспитания личности в рамках патронимии и представляют собой чрезвычайно важное историко-культурное наследие Китая. По мнению современных китайских исследователей, конкретные положения этих текстов в повседневной жизни во многом были альтернативой установлениям правовых кодексов.

Данный доклад посвящен анализу памятника «Семейные наставления рода Янь» под авторством Янь Чжитуя (颜之推, 5315–91). Это сочинение по праву считается родоначальником жанра цзя сюнь. Текст данного произведения включает в себя 20 цзюаней, среди тематики которых можно выделить два основных направления — ведение домашнего хозяйства (чицзя 持家) и воспитание человека (чжижэнь 治人). Автор доклада предпримет попытку проанализировать структуру текста «Семейные наставления рода Янь» и выявить его стилистические особенности, а также раскрыть дидактическую и литературную ценность данного произведения.

Левченко И. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Монашеская община Тэндай в X в. в Японии

Взаимоотношения духовенства и аристократии в Японии в конце эпохи Хэйан (794–1185) представляют значительный интерес. Этот период предвзвешивает

появление и рост движений и школ популярного буддизма эпохи Камакура (1185–1333). Для школы Тэндай именно этот период является ключевым в том смысле, что именно в это время значительно возрастает число ее монахов и послушников. Знаменитые монахи приобретают могущественных покровителей. Все это способствует росту богатства и влияния школы.

Количественный рост школы сопровождался ее реорганизацией, введением новых уставов, строительством новых сооружений для отправления ритуалов, подготовкой ученых монахов для участия в прениях, основанием новых храмов.

Настоящий доклад посвящен некоторым вопросам, которые возникали перед школой Тэндай в ходе ее стремительного роста на протяжении X в., а также решениям, которые находили лидеры школы, например, ее 18-й патриарх Рёгэн (912–985).

Организационная активность Рёгэна заслужила ему почитание его последователей и не менее истовое осуждение со стороны его оппонентов из других школ. Об этом говорит посвященный ему праздник третьего дня первой луны в традиции Тэндай. К нему по сей день обращаются с молитвами и просьбами. Под его руководством были построены новые павильоны, дополнены существующие уставы, регулирующие жизнь монахов.

Деятельность школы Тэндай в этот период примечательна также дошедшей до нас полемикой и критикой со стороны других школ. Именно спорные вопросы и их освещение в переписке и сочинениях монахов позволяют увидеть те проблемы, которые занимали умы религиозных мыслителей того времени.

Лемешкина К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Традиционализм и Восток: Singh weds Kaur

Традиционно сикхская свадьба, как и любая другая индийская свадьба, подразумевает празднования, растянутые на несколько дней. Что говорить о количестве гостей, приглашенных на торжество, огромных запасов угощений, включающих и индийскую кухню, и европейскую, тонны гирлянд из цветов и других украшений, создающих ощущение королевского торжества, и, конечно же, пестрые наряды брачующихся! Необходимо подчеркнуть, что речь пойдет о свадьбе сикхов, проводимой именно в Индии, потому что свадьбы в сикхских общинах за рубежом представляют собой несколько более упрощенный вариант праздника.

Свадебная тематика — это огромная сфера для изучения: колорит и эстетику пенджабской свадьбы сложно оценить с точки зрения европейца. Мы, конечно же, привыкли к обилию красок и блесков во многих аспектах жизни

индийца, но сикхский стиль, образ, манера проведения свадьбы кажутся мне наиболее контрастирующими с другими церемониями. Она красочна и чрезвычайно шумна, но все же гармонично сочетается и с веяниями современной моды, и с традиционными канонами. То, как каждый ритуал влияет на выбор того или иного наряда, как западные детали быта укоренились даже в исконно индийской эстетике проведения торжества, четко указывает на синтез традиционного и современного подхода в организации пенджабской свадьбы.

Сикхская свадьба проводится в несколько этапов и занимает два дня, а то и более. Современные сикхи по-прежнему придерживаются традиции в выборе невесты: брак чаще всего устраивается по усмотрению родителей. Но теперь не считается признаком дурного тона, если девушка сама первая проявит инициативу и напрямую выдвинет предложение о замужестве своему избраннику. После того как невеста была одобрена, начинаются переговоры о приданом, хотя, согласно Конституции Индии, требование приданого считается незаконным. Для назначения дня свадьбы прибегают к услугам астролога. После приходит время приглашать гостей. Для них тщательно выбираются приглашения; открытки могут быть куплены готовыми, в специальных магазинах открыток, но также могут быть выполнены по особому заказу, с уникальным дизайнерским оформлением. На каждой открытке будут указаны имена приглашенных, дата проведения мероприятия и, естественно, имена брачующихся. В современном варианте на первой страничке выделяется надпись типа «*Daman weds Aman*» (Даман женится на Аман), такой же надписью будут украшены двери в банкетный зал.

Важно отметить грандиозный подход в отношении украшений. В традиционной эстетике наряда доминирует традиционный пенджабский костюм для жениха и невесты. Родственники и гости тоже избирательно подходят к выбору наряда, и, хотя это еще не сама свадьба, все женщины наденут цветные *шалвар камиз* или яркие традиционные платья. Мужчины имеют право прийти в европейском костюме, но без тюрбана сикх не может появиться на людях.

День самой свадьбы обозначен домашними обрядами, храмовой церемонией, ритуалом в самом конце дня, но, кроме этого, неотъемлемой частью будет банкет. Банкет — это, естественно, нововведение и веяние европейской моды, полюбившееся традиционному обществу. Здесь опять зал искусно украшен цветами, огнями, зеркалами. Столы ломятся от угощений, гости развлекаются, а новобрачные позируют для камер.

Таким образом, различные этапы сикхской свадьбы представляют собой гармоничное сочетание сугубо традиционного стиля и европейских нововведений, что связано с глобальным западным влиянием на все сферы жизни индийца, даже на традиционно устоявшиеся.

Матросов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Египетская и сирийская модели арабского национализма на заре государственности

Арабский национализм стал важнейшим фактором в жизни арабского мира накануне Версальской конференции. Османская империя разваливалась, и на ее осколках зародились два важнейших национальных ядра Арабского мира: Сирия и Египет. Однако при, казалось бы, общем этническом, культурном и историческом прошлом, элиты в этих регионах воспринимали «арабскую нацию» совершенно по-разному и обосновывали свое стремление к независимости далекими друг от друга способами.

Для анализа были взяты два кратких, но важных источника — брошюра «Право наций» члена Законодательной Ассамблеи Египта и одного из основателей небезызвестной партии «Вафд», крупнейшей политической силы межвоенного периода, Али Шамси, и речь одного из лидеров Арабского восточного эмира Фейсала, будущего короля Сирии. Эти источники объединяют целевая аудитория и стиль. Брошюра Али Шамси разошлась по всему Египту и, в отличие от больших трудов других арабских мыслителей этого периода, предназначалась для всего народа. Кроме того, ее тут же перевели и опубликовали на английском, чтобы ознакомить с ее содержанием иностранных деятелей. Речь эмира Фейсала, приуроченная к взятию Алеппо, стала первым его политическим выступлением и также была ориентирована на всех горожан, а не только на интеллигенцию. Она была сразу напечатана и распространена в Сирии.

И «Право наций», и речь Фейсала стали своеобразным катехизисом национализма — в них объяснялось, на каких основах будет базироваться национальное и государственное строительство. В определении этих принципов и проявились существенные разногласия между политическими силами Египта и Сирии.

Фейсал говорил о создании единого арабского государства, но под арабами он понимал арабоязычающих жителей Азии. Хиджаз, Сирия, Йемен и Ирак выделялись как четыре крупных субрегиона, при этом Египет в данном перечне отсутствовал. Того требовали политические обстоятельства (претензии Великобритании на контроль над Египтом и договоренности отца Фейсала — эмира Хуссейна с британскими властями по этому поводу). В качестве «оправдания» Фейсал делает упор на том, что арабы — это народ, который только что вышел из-под гнета Османской империи, в состав которой на последнем этапе ее существования Египет и Магриб фактически уже не входили.

Для Али Шамси и вафдистов нации существуют только в Европе, а для Востока актуально понятие «национальности», причем национальность в Египте — не «араб», а «египтянин», сохранивший древние отличительные

черты как в физическом, так и в психологическом плане. Али Шамси подчеркивает египетскую «физиогномику», корни которой восходят ко временам фараонов, особый статус Египта среди других восточных «национальностей». Из этого обособления следовало единство египетского народа. Его особые черты не только отличали его от других народов, но и скрепляли его единство.

Со своей стороны, Фейсал признает неоднородность будущего Арабского государства и предлагает подразделить его на субрегионы, в которых была бы своя правовая система, свои институты управления, близкие к традиционным. Фактически, эмир предложил федерализацию еще не созданной страны.

Модели Фейсала не было суждено претвориться в жизнь: в силу политических обстоятельств, Арабское государство сократилось до размеров Великой Сирии, хотя идея федерализации сработала и там. Уже к середине 1920-х гг. арабский национализм превратился в локальный национализм отдельных стран и регионов, и корни этих дезинтеграционных процессов следует искать у самых истоков государственности двух основных стран Арабского мира — Египта и Сирии.

Мачулина Д. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Этгар Керет: фантастическая реальность в израильском постмодернистском коротком рассказе

Постмодернизм сегодня — одно из популярных литературных направлений, так или иначе присутствующее в различных мировых литературах. Исключением не является и современная израильская литература на языке иврит, в которой постмодернизм как широкое литературное течение впервые оказался представлен в литературном периоде 1980–1990-х гг., получившем название «Новая волна» (ивр. שׁוּבַת גַּל). Одним из его ярких представителей является современный израильский писатель, автор пяти сборников коротких рассказов Этгар Керет (род. в 1967 г.), чье творчество широко переводится на многие языки мира, в т. ч. и на русский. Через большинство рассказов Э. Керета лейтмотивом проходит фантастический элемент (наличие нереального мира) — черта, характерная как для всего постмодернистского направления, так и для израильского варианта постмодернизма.

Данная работа посвящена определению роли, особенностей и характерных черт фантастической составляющей в израильском постмодернистском коротком рассказе. Анализ подобного рода ранее не производился и может служить основой для общей характеристики фантастического элемента в израильском постмодернизме. В качестве материала для анализа были выбраны три рассказа Э. Керета из сборников разных лет:

- «Трубы» (ивр. צנורות), одноименный сборник (1992);
- «Мысль в форме рассказа» (ивр. מחשבה בצורת סיפור), сборник «Азь есмь» (ивр. אֲנִי־הוּ, 2002);
- «Страна лжи» (ивр. לילג), сборник «Вдруг стучат в дверь» (ивр. פתאום דפיקה ב־2010, בדלת).

Исследование на примере выбранных рассказов строилось по следующей схеме:

- анализ названия произведения и его смысловое назначение;
- анализ причины выбора лица, от которого ведется повествование;
- особенности языка произведения;
- ключевые моменты сюжета произведения, его тема и идея, а также затрагиваемые автором проблемы.

Анализ названий показал, что все они, в более или менее очевидной форме, отсылают читателя к фантастическому элементу, присутствующему в рассказе. Анализ выбора лица повествователя показал, что в двух из трех рассказов повествование ведется от третьего лица, что объясняется необходимостью более широкого «угла обзора», так как в рассказах присутствует несколько основных персонажей. В третьем рассказе главный герой является также и рассказчиком. Если говорить о языке выбранных произведений, то в первую очередь стоит отметить, что здесь Э. Керет придерживается характерной для постмодернизма манеры, наряду с литературным ивритом активно пользуясь разговорными словами и выражениями.

В ходе дальнейшего анализа было выявлено, что нереальный мир у Э. Керета зачастую играет сюжетно- и смыслообразующую роль. В рассмотренных рассказах с его помощью автор подчеркивает основную идею произведения: «Трубы» — оплот надежды для героя; «Мысль в форме рассказа» — фантастичность изображает актуальный для настоящего мира конфликт индивидуального и общественного мышления; «Страна лжи» — возможность переосмысления и понимания того, к каким последствиям может привести неосторожно сказанное слово.

Нереальные миры Э. Керета обладают сходством с реальной действительностью. В них не происходит практически ничего, что не могло бы при определенных обстоятельствах случиться в реальности. Переход между реальностью и фантастикой сглаживается, фантастическая составляющая рассматривается как часть отношений героя с самим собой и его личностных отношений с другими.

Таким образом, фантастический элемент является не столько материальным, сколько психологическим. Подобное использование приема описания нереального мира позволяет по-новому отобразить в литературе проблемы современного израильского общества, подчеркнуть их важность и даже указать возможные пути их решения.

Маякова К. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Турецкая кухня как предмет нематериального культурного наследия

Гастрономические традиции каждого когда-либо существовавшего народа своими корнями уходят в далекое прошлое. Кулинарные традиции, свидетелями которых мы являемся на данном этапе существования человечества, формировались на протяжении долгих столетий и, в конце концов, приняли форму национальных кухонь народов мира. Многообразие кулинарных рецептов и оригинальность способов приготовления пищи являются визитной карточкой любой национальной культуры.

Турецкая кухня по праву считается национальным достоянием всего турецкого народа. История возникновения и процесс развития современной турецкой кухни напрямую связан с историей и жизненным укладом самих турок. Принято полагать, что турецкое искусство приготовления и употребления пищи восходит к обычаям и традициям тюркских племен. Благодаря своему кочевому образу жизни, тюркские кочевники познакомились с новыми продуктами питания, постоянно обогащали свой ежедневный рацион, познавали ранее им неизвестные способы обработки и приготовления еды, а также приобретали опыт в области подачи блюд и сервировки столов, тем самым внося значительный вклад в обогащение региональной кухни.

В кулинарных традициях турок время от времени происходили изменения вкусовых предпочтений. Например, подлинный расцвет турецкой кухни отмечается в период Османской империи, когда во дворце Топкапы — колыбели лучших мастеров кулинарного искусства — был создан грандиозный кухонный комплекс, вмещавший в себя около 10.000 поваров.

Современное искусство кулинарии турецкого народа бережно и старательно хранит богатое наследие прошлого. Более того, турецкая кухня уже давно признана мировой общественностью как одна из самых богатых и известных, а эксперты нередко присуждают Турции высокие позиции в рейтинге самых «вкусных» стран мира.

За свою уникальность некоторые используемые ингредиенты или блюда сами по себе были удостоены включения в список нематериальных объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Например, в 2011 г. первым в Список было включено церемониальное мясное блюдо, приготавливаемое с пшеницей или ячменем в качестве гарнира — *кешкек* (*keşkek*). Годом позже лечебная паста, приготавливаемая из смеси трав, специй, меда и патоки — *месир маджуну* (*mesir macunu*), а также ежегодно проводимый одноименный международный фестиваль были объявлены ЮНЕСКО культурным достоянием. В свою очередь, совсем недавно, в 2016 г., культура приготовления и преломления хлебной лепешки *юфки* (*yufka*) наряду с лавашом, катырмой, жупки (совместно

с Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Киргизией) была внесена в данный Список. Неоспоримым флагманом турецкой кухни можно считать философию приготовления *турецкого кофе* (*Türk kahvesi*). Несмотря на то, что в Турции не выращивают кофе, бренд «турецкий кофе» приобрел всемирно известную славу благодаря уникальной технике приготовления и культуре питания. В 2003 г. турецкий кофе вошел в формуляр нематериального наследия ЮНЕСКО как символ «гостеприимства, дружбы, вежливости и беседы».

Национальная кухня является результатом многовекового коллективного опыта народа и представляет собой одну из наименее изолированных частей национальной культуры. На формирование турецкой кухни большое значение оказывали кухни соседних народов: средиземноморская, иранская, арабская, индийская и кухни народов Кавказа. Равным образом турецкая кухня оказала воздействие на кулинарные обычаи стран Ближнего Востока, Балкан и Европы. Безусловно, уличная кухня различных *илей* и высокая, или «дворцовая кухня», османского периода внесли свой вклад в становление современной турецкой кухни. Исполнок веков секреты национальной кухни, будучи предметом особой гордости, бережно хранятся, порой даже наделяются сакральным смыслом.

Таким образом, изучение особенностей турецкой кухни в качестве наследия нации представляет собой важный этап в определении места и роли культурного наследия Турции в современном мире.

Миροнова Т. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Сборники рассказов Фэн Мэнлуна: «низкая» литература как отражение простонародного мировосприятия

Очевидной тенденцией в литературе конца династии Мин — начала Цин является ее корреляция с процессами, происходящими в социально-политической сфере жизни общества. Данный период характеризуется особой социальной напряженностью, которая была обусловлена кризисом правящей династии. В 1628–1644 гг. Китай был охвачен одним из самых мощных народных восстаний, низы упрекали чиновников в коррумпированности и лжи, усилилось социальное расслоение. В конечном итоге династия была свергнута, и на ее место пришли маньчжуры.

В это непростое для Китая время в литературе четко наметились две линии развития: высокая литература, написанная на *вэньяне*, которая включала в себя поэзия и прозу, и «низкая» литература, написанная на *байхуа*, так называемая «демократическая литература». Она включала в себя повести *хуабэнь*, *бицзи*, анекдоты и другие жанры простонародной литературы.

На период конца династии Мин — начала Цин приходится колоссальный всплеск в развитии простонародной литературы — появляются тысячи

произведений, новые имена. Одним из наиболее известных становится писатель Фэн Мэнлун (1574–1646). За свою жизнь он собрал множество старых и современных ему рассказов *хуабэнь*, а также написал немало своих собственных повестей.

Во времена правления императора Си Цзуна он отобрал 120 повестей, из которых составил три сборника: «Слово назидательное, мир наставляющее» (который также назывался «Повести о древнем и современном»), «Слово простое, мир предостерегающее» и «Слово бессмертное, мир пробуждающее». Среди повестей имеются как старые произведения, написанные во времена Сун и Юань, так и подражающие им произведения минского периода, а также рассказы, написанные самим Фэн Мэнлуном. Среди других не менее важных сборников можно назвать «Песни гор», «Историю чувств», «Сокровищницу смеха».

В отличие от высокой литературы, собранные в этих сборниках *хуабэнь* и *бици* не отличались сложными, замысловатыми метафорами, напротив, часто встречаются довольно примитивные сравнения с предметами повседневного быта, аллюзии эротического характера, шутки, основанные на омофонии некоторых слов и т.д. Простота языка обусловлена целевой аудиторией данных произведений, некоторые рассказы были адаптированы Фэн Мэнлуном для лучшего понимания. Персонажи этих повестей также были представителями низших слоев общества: проститутки, крестьяне, охотники, рыбаки и др.

Особый интерес представляет тематика и сюжет произведений, которые зачастую касаются табуированных тем и являются одновременно развлекательными и нравоучительными. Благодаря Фэн Мэнлуну, который собрал эти истории, мы сейчас имеем возможность ознакомиться с тем, что довольно сложно изучать без погружения в среду того исторического периода: с многогранностью простонародного мировосприятия, с жизненными стандартами, этикой и моралью низших слоев общества.

Монахова А. А. (ФЦИН, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Специфика арабской рекламы на примере печатных СМИ

Арабские СМИ играют колоссальную роль не только в арабском социуме, но и во всем мире. Среди арабоязычных стран, вещающих на арабском языке и оказывающих существенное влияние на регион, особо выделяются: Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Ливан, Иордания, Египет и Марокко. В среде новостных каналов на арабском языке лидируют Аль-Джазира (الجزيرة, «Полуостров»), Аль-Арабия (العربية, «Первый арабский»), Русийа аль-Йаум (روسيا اليوم, «Россия сегодня») и Аль-Манар (المنار, «Маяк» или «Минарет»). Наиболее крупные ежедневные газеты арабоязычных стран следующие: «Аль-Ахрам» (الأهرام, «Пирамиды», 1,2 млн экз.), «Аль-Хаят» (الحياة, «Жизнь», 200 тыс. экз.), «Ар-Рияд» (الرياض,

«Рияд», 150 тыс. экз.), «Аль-Иттихад» (الاتحاد, «Единение» или «Союз», 110 тыс. экз.), «Аль-Халидж» (الخليج, «Залив», 37 тыс. экз.), «Аль-Айям» (الأيام, «Дни», 37 тыс. экз.), «Ахбар аль-Халидж» (أخبار الخليج, «Новости Залива», 25 тыс.), «Галф дейли ньюс» («Ежедневные новости залива», 20 тыс.).

Среди каналов распространения рекламы одним из самых действенных является реклама в газете. Именно на ней мы и остановимся. Газеты – идеальное средство рекламирования для компании, которая хочет сформировать широкий круг клиентов. Газетное рекламное объявление позволяют сообщить клиентам конкретную информацию: характеристика товара, стоимость, скидки, ассортимент. Реклама в газете, по нашему мнению, обладает всеми необходимыми достоинствами. У читателя рекламы больше времени на осмысление содержания объявления, чем в случае рекламы по радио или телевидению. Подать рекламу в газету проще и дешевле, чем в другие СМИ. Более того, изготовив однажды оригинал-макет, можно пользоваться им многократно.

В крупнейшей государственной библиотеке, расположенной в Санкт-Петербурге, находится хорошо сохранившаяся коллекция подписок арабских газет («Аль-Ахрам», «Аль-Иттихад», «Аль-Биляд Ас-Саудийа», «Аль-Ахбар») за 60-е, 70-е и 80-е годы XX века. В библиотеку Российской Академии Наук они попали в качестве дипломатического подарка для СССР из Александрийской библиотеки. После распада Советского Союза арабские газеты в коллекцию не поступали по многим причинам, в числе которых сотрудники библиотеки упоминают, в частности, недостаток места для хранения и отсутствие квалифицированных специалистов для обработки и систематизации данных.

Наибольший интерес для нас представляют самые многочисленные в фонде хранения и неописанные ранее подписки газеты «Аль-Ахрам», основанной 5 августа 1875 года в Египте. А именно подписки за: 1955, 1956, 1957, 1958, 1959, 1960, 1962, 1963, 1964, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1973 годы. Выбор «Аль-Ахрам» обусловлен и тем, что она является одной из самых широко тиражируемых газет в мире. В выпусках «Аль-Ахрам» за 1969 год в газете впервые появляется цвет. С позиции художественного оформления и подачи цвета мы можем отнести этот год к переломному в истории данной газеты. Цветная печать позволила составить достойную конкуренцию телевидению, а с развитием новых технологий и появлением Интернета возникает новый вид подачи газеты — интернет-издание, или интернет-СМИ.

Грамотное исследование арабской прессы позволяет охарактеризовать многие процессы, происходящие в обществе. Материалом для исследования послужили рекламные объявления в различных газетах на арабском языке: «Аль-Халидж» и «Аль-Хаят» за 2013 год; «Аль-Ахбар», «Аль-Масаа», «Ас-Сабах» за 2016 год; последние черно-белые и первые цветные выпуски газеты «Аль-Ахрам» за 1969 год, а также электронный выпуск этой газеты за сентябрь 2015 и печатный выпуск за октябрь 2015 года. Самый свежий выпуск газеты

«Аль-Ахрам», имеющийся на руках — за 2015 год, анализируется параллельно с аналогичным выпуском того же года, но электронным. Актуальность темы не вызывает сомнения, поскольку ранее вопросам рекламы в арабских СМИ не уделялось должного внимания.

Мошкова Т. Д. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Иврит как фактор становления еврейской нации

Задолго до провозглашения Декларации независимости Государства Израиль представители европейского еврейства стали носителями идеи национального единства. «Отец» современного иврита Элиэзер Бен-Иехуда еще в конце XIX в. писал о своей идее еврейского национального движения, конечной целью которого должно было стать заселение Эрец-Исраэль. Однако он говорил о спасении еврейского народа не путем создания еврейского государства, а путем спасения литературы, написанной на иврите. Бен-Иехуда считал язык основной характеристикой нации, поэтому уже тогда не был согласен с теми, кто считал, что с началом периода рассеяния еврейский народ прекратил свое существование. Так началась история возрождения языка иврит, который до этого в течение шестнадцати веков не был живым разговорным языком.

После создания государства Израиль возрожденный иврит стал одним из факторов формирования новой, уже не просто еврейской, а израильской нации. Первым шагом должна была стать реализация идеи «плавильного котла»: евреи забывали культуру страны исхода и направляли свои усилия на создание принципиально новой культуры. Сегодня в Израиле уже выросло поколение, родившееся там. И для *сабров* — коренных жителей государства — иврит является первым языком. Сабры — новая формация евреев, которые имеют уникальные национальные черты. И эти черты не присущи людям еврейского происхождения, которые родились в диаспоре, даже если они совершили репатриацию в молодом возрасте.

Люди из поколения сабров гораздо более патриотичны, поскольку у них нет «первой» и «второй» родины. Служба в армии для них является не обязанностью, а необходимостью, они готовы защищать свою страну и пожертвовать жизнью ради нее. Именно поэтому сабры составляют костяк элитного подразделения «1-я пехотная бригада „Голани“». Перед сабрами стоит задача не сохранения культурного наследия страны исхода, а создания новой израильской культуры, которая включает в себя в том числе и литературу, написанную на иврите. Речь идет не только о сохраненной литературе, но и о современной. Писатели-сабры, которые начали публиковаться с 70–80-х гг. прошлого века, росли совершенно в ином культурном пространстве, нежели те, кто писал в диаспоре на идише, поэтому и их психология и мировоззрение отличаются. И в первую очередь

это связано с тем, что иврит был для них родным языком, а весь их жизненный опыт связан с Эрец-Исраэль. Таким образом, существует прямая взаимосвязь между языком иврит и еврейским национальным самосознанием.

Никифоров С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Взаимные отношения и развитие внешнеэкономических связей Турецкой республики и Королевства Саудовская Аравия в XX–XXI вв.

Ситуация на Ближнем Востоке сегодня оказывает непосредственное влияние на политические и экономические процессы не только на региональном, но и на глобальном уровне. Главные игроки в этом регионе имеют возможности и пытаются вести самостоятельную политику, которая способствовала бы реализации их собственных интересов.

Турция и Саудовская Аравия находятся в центре протекающих на Ближнем Востоке процессов. Обладая значительными финансовыми и административными ресурсами, эти государства пытаются вести самостоятельную политику как на региональном, так и на глобальном уровне. Ряд исследователей отмечают, что в ближайшем будущем на Ближнем Востоке возможно создание трех региональных центров, которые будут опираться на разные течения ислама как идеологическую основу для объединения разных национальностей¹. Такими центрами могут стать Саудовская Аравия и Катар как представители суннитского ислама салафитского толка, Турция как представитель умеренного суннитского ислама и Иран как представитель ислама шиитского толка.

Помимо указанного возможного варианта развития событий, существуют также проекты «Арабского», или «Исламского» халифата с центром в Саудовской Аравии и проект, связанный с доктриной неосманизма, с центром в Турции.

Экономическое взаимодействие между двумя странами на сегодняшний день является важным аспектом для понимания и прогнозирования протекающих в регионе и в мире процессов. Функционирование каждого из указанных выше региональных проектов не может строиться исключительно на идеологической основе, поэтому проблема создания экономической базы для их реализации является важной темой для потенциального исследования. Вопрос развития и финансовой поддержки международного терроризма также относится к сфере «экономической активности» ряда стран Ближнего Востока.

Особое внимание в настоящей работе уделяется изучению каждой из стран с точки зрения влияния, которое они оказывают на формирование мировой

¹ *Аватаков В. А., Тюкаева В. И.* О халифате и геополитике в современном арабo-исламском регионе. 2014.

геополитики и геоэкономики. Нестабильность внешних связей и политических курсов обоих государств не позволяют дать точную оценку и спрогнозировать процессы, которые могут начаться в этом регионе и в дальнейшем оказать влияние на международную расстановку сил. Однако внешнеполитический курс этих государств зависит также и от действий их властей на внутренней арене, которые, в свою очередь, обусловлены, прежде всего, экономическими интересами разных слоев общества Саудовской Аравии и Турции. Изучение тенденций и основных направлений этих изменений позволит не только дать оценку, но и попытаться определить дальнейшее направление действий властей двух государств, как на внутренней, так и на внешней арене.

Научная новизна настоящего исследования определяется, в первую очередь, недостаточной степенью изученности затронутой в нем проблематики. Современные исследователи делают акцент на изучении взаимоотношений между тремя региональными лидерами: Саудовской Аравией, Турцией и Ираном, уделяя особое внимание противостоянию этих трех государств по исламской линии (суннитско-шиитское соперничество в регионе). В основе подобного рода работ лежит именно идеология, в то время как вопросу экономического взаимодействия отводится второстепенная роль. Однако, как говорилось выше, реализация любого крупного регионального проекта подразумевает под собой тесное сотрудничество его участников не только в идеологической, но и в политической, экономической и социальной сферах.

*Нуриева Кямаля (Национальный музей
азербайджанской литературы НАНА, Баку)*

О монографии «Арабская географическая литература» И. Ю. Крачковского

Творчество Игнатия Юлиановича Крачковского охватывает большой период русской и советской арабистики. Научное наследие И. Ю. Крачковского имеет большое значение и как наследие одного из создателей русской востоковедческой школы. Он изучал разные направления арабской литературы, как мусульманской, так и христианской, в том числе арабскую географическую литературу начиная с VI в. до XIX–XX вв. Он внес большой вклад, как в русское, так и в мировое востоковедение. Невозможно основательно изучить какой-нибудь период арабской литературы, не обращаясь к трудам И. Ю. Крачковского.

Географические произведения, написанные на арабском языке, всегда привлекали внимание русских востоковедов, географов и историков и И. Ю. Крачковский не исключение. В 1909 году, во время своей командировки на арабский восток, в Каирском университете он слушал лекции по истории арабской

астрономии знаменитого итальянского ученого, специалиста в области истории арабской астрономии и математической географии арабов К. А. Наллино (1862–1938). В дальнейшем, работая над монографией «Арабская географическая литература», он широко использовал труды этого ученого.

После возвращения в Санкт-Петербург в течение 1910–1917 гг. И. Ю. Крачковский читал лекции на тему «Обзор арабской географической литературы»¹ в Петербургском Университете. Одним из первых его трудов в области арабской географической литературы является статья «Арабские географы и путешественники»². Его монографию «Арабская географическая литература» можно считать результатом всех его трудов в данную тему и фундаментальным исследованием в этой области.

В своей монографии «Арабская географическая литература» И. Ю. Крачковский охватывает всю географическую литературу, начиная с зарождения первых географических представлений у арабов до XVIII в., а также прослеживает историю создания математической географии на основе достижений средневековой науки Ближнего Востока и исследует ее связь с индийской и греческой наукой. В своем труде он исследует зарождение у арабов различных отраслей географической науки, таких как географические описания, путешествия, морская география, общая и региональная география и т.д., отмечает научные центры и школы всех направлений. Одновременно он дает биографии основных представителей всех жанров и направлений географической литературы, подробно комментирует важнейшие произведения.

Данная монография И. Ю. Крачковского состоит из введения и 24 глав. Несмотря на то, что он исследовал столь широкий период и охватил огромный материал, включающий работы более 260 авторов, эта его работа является незаконченной, поскольку автор предполагал охватить период до XX века, но успел подготовить разделы только до начала XVIII в. Игнатий Юлианович не смог опубликовать свой труд при жизни, хотя подготовил для печати и написал предисловие к нему. Труд впервые был опубликован в «Избранных трудах»³ посмертно. При жизни были опубликованы отдельные части этой работы в виде статей⁴.

Автор доказывает важность арабской культуры и науки в истории человечества, показывает, что арабская географическая наука занимает одно из ключевых мест в истории мировой науки. Он так же доказывает, что в создании рабо-

¹ Крачковский И. Ю. Обзор арабской географической литературы с чтением избранных отрывков // Материалы к библиографии ученых СССР. М.; Л., 1946. С. 162.

² Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. Известия Государственного Географического общества, LXIX, № 5. Л., 1937. С. 738–765.

³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.; Л., 1957.

⁴ Напр: Монография «Географы и рабочие материалы к ней». Л., 1938; Статья о математической географии у арабов. Л., 1940; Морская география у арабов и турок в XV–XVI вв. Л., 1946.

мусульманской культуры, кроме самих арабов, принимали деятельное участие представители народов Средней Азии, Кавказа, Турции, Ирана и др. стран. До сегодняшнего дня в мировой арабистике не создано подобной монографии по данной тематике, охватывающей такой широкий круг источников и научной литературы, которую написал И. Ю. Крачковский в течении 40 лет своей научной деятельности.

Острянина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Формы рукописных книг Сиам

В Сиаме наибольшее распространение получили две формы рукописных книг: *потхи* (*нангсы бай лан*) и *гармоника* (*нангсы самут тхай*).

Книги-потхи восходят к индийской рукописной традиции¹. В качестве материала для их изготовления использовались листья пальмы вида *Corypha lecontei*². Листья резались на полоски шириной 4–8 см и длиной 50–75 см, вымачивались в воде, высушивались на солнце или в специальной печи, шлифовались и разлиновывались. Готовый лист закрепляли на специальной подкладке (*мон ронг лан*), к которой также прикреплялся оригинал копируемого текста. Символы процарапывали (*чан*) металлическим стилосом (*лек чан*) или наносили (*кхиан*) кистью (*пху кан*) по 4–9 (чаще всего — по 5) строк с обеих сторон листа. Нумерация осуществлялась буквами (*аксон бок анга*) алфавита пали в графике (тайской или кхмерской) основного текста рукописи, с левого края оборотной стороны листа. При этом согласные должны были использоваться вместе с каждым из двенадцати знаков гласных по порядку. Таким образом, 24 листа, обозначавшиеся двумя согласными, образовывали одну связку (*пхук*)³. В процарапанный текст втиралась черная паста из сажи и древесного сока. В листах проделывали два отверстия, но чаще всего проделывали шнурок (*сай санонг*) только через левые отверстия. Обложкой служили две дощечки (*май пракап*) из тика или сандала, защищавшие листы от механических повреждений и деформации. Дощечки украшались резьбой или позолотой, покрывались лаком, инкрустировались перламутром. В результате многократного переписывания книги-*потхи* редко отличались по содержанию, поэтому их различали по способу украшения, например: *кхампхи бай лан*

¹ Кудрявцева Е. Б., Тавастшерна С. С. Индийская рукописная книга // Рукописная и ксилографическая книга Востока: очерки кодикологии. СПб., 2015. С. 7–26.

² Один из видов зонтичной пальмы, произрастающий на территории Таиланда, Камбоджи и Вьетнама.

³ Саранукром тхай самрап йаувачон (Детская энциклопедия Таиланда). [Электронный ресурс]. URL: <http://kanchanapisek.or.th/kp6/sub/book/book.php?book=32&chap=3&page=chap3.htm> (дата обращения: 19.01.2017).

чабан тхонг тхып май пракап прадап мук — «книга на пальмовых листьях с золотым обрезом, дощечки инкрустированы перламутром»; *чабан лан дин май пракап тхаммада* — «простая книга в обычном окладе». Книгу заворачивали в шелковую или хлопчатобумажную ткань, к которой прикреплялась табличка с названием и кратким описанием произведения, выполненная из дерева, латуни или слоновой кости. Завернутые в ткань книги хранили в деревянных футлярах, сундуках или в особых шкафчиках. Для чтения книгу клали на раскладную подставку (*какайша*), сделанную из 8 длинных реек, скрепленных бечевкой. Книги на пальмовых листьях были, как правило, религиозного содержания и преподносились в дар монастырям.

Книги-гармоники в Сиаме были двух видов: белые (*нангсы самут тхай кхау*) и черные (*нангсы самут тхай дам*). В качестве материала для изготовления бумаги использовалась кора дерева *кхой* (*Streblus asper*)¹. Кору замачивали, отжимали, разделяли на волокна, пропаривали, заливали гашеной известью, промывали, снова отжимали и тщательно измельчали специальными колотушками. Затем однородную бумажную массу заливали в формы и высушивали. Полученные листы бумаги (ширина 55–98 см, длина 175–220 см) смазывали рисовым клейстером с добавлением гашеной извести для белых книг и сажи — для черных, а после шлифовали гладкими камнями и складывали. Лист книги-гармоники назывался *клит*, а страница — *фа*. По краям первой и последней страницы в 3–5 слоев наклеивались узкие полоски бумаги. На поверхности листа свинцовой палочкой проводили 3–4 линии и писали под ними пером (*накка*), кистью (*пху кан*) или стержнем из мергеля² (*динсо пхонг*). Помимо китайской туши также использовались чернила на основе древесной смолы с добавлением сажи (черные), толченых ракушек (белые), киновари (красные), гуммигута³ или реальгара⁴ (желтые). Иногда контуры букв наносились смолой, на которую приклеивались лепестки сусального золота. Книги-гармоники именовались в соответствии со своим назначением (учебники — *тамра*, трактаты — *кхампхи*, практические пособия — *кху мы*)⁵ или цветом (*самут дам сен кхау* — «черная книга с белым текстом»). В основном книги-гармоники были светского характера: в них содержались сведения по истории, астрологии и традиционной медицине.

¹ Дерево из семейства тутовых, распространенное в Юго-Восточной Азии.

² Мергель — осадочная горная порода, переходная от известняков и доломитов к глинистым породам.

³ Гуммигут — сгущенный млечный сок, получаемый при подсочке коры деревьев семейства гуммигутовых.

⁴ Реальгар — как и киноварь, минерал класса сульфидов.

⁵ Southeast Asia Library Group (SEALG). [Электронный ресурс]. URL: <https://southeastasianlibrarygroup.wordpress.com/2016/11/03/thai-local-knowledge-the-longhidden-wisdom-of-manuscripts> (дата обращения: 19.01.2017).

Патрикеева Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Место национальной науки «го сюэ» в современном Китае

В конце XX в. в Китае началась лихорадка «национальной науки». Что такое национальная наука, и какое место она занимает в современном Китае? «Национальная наука» в широком смысле — это вся китайская традиционная культура, в узком — это конфуцианство и история Китая.

Идея опоры на традиционное наследие появилась еще в конце XIX — начале XX вв. Культурная революция и критика Конфуция в определенной степени нанесли удар престижу национальной науки. Но в 1980-е гг. ее положение изменилось, и причиной тому послужила модернизация Китая. Модернизация была результатом переосмысления пути КНР: руководители страны решили поднять престиж национальной науки, сделать упор на возрождение традиционного китайского наследия.

Культурные реформы проводились в следующих направлениях. Во-первых, в середине 1980-х гг. началось возрождение культа Конфуция. В 1984 г. Центральный Комитет КПК постановил на основе государственного финансирования учредить фонд Конфуция. В 1987 г. состоялся симпозиум по вопросам конфуцианства в Цюйфу. В 1990-х гг. вышла серия книг «Сборник важнейших материалов по современному конфуцианству».

Второе направление культурных реформ — поощрение изучения традиционной культуры в школах. Так возникло движение за то, чтобы дети читали классику (儿童读经).

Третье направление — распространение «мягкой силы», то есть некая культурная “экспансия” китайских духовных ценностей за рубежом. В 2004 г. была основана глобальная сеть «институтов Конфуция», китайских культурно-образовательных центров, создаваемых Китайским государственным комитетом для распространения китайской культуры и китайского языка за рубежом.

Четвертое направление — академическое возрождение национальной науки, угасшей в первой половине XX в. В 1990-х гг. началось возрождение академического интереса к национальной науке, который вспыхнул с особой силой после 2005 г. Университеты, один за другим, воссоздали или основали свои исследовательские центры национальной науки.

Пятое направление — популяризация национальной науки в массовой культуре. Так, например, это заметно в популярной образовательной программе на канале CCTV Байцзя Цзянтань. Если раньше на программу приглашались западные ученые и знаменитости, а круг тем включал в себя не только историю и литературу, но и естественные науки, то после 2003 г. главное внимание стало уделяться именно «национальной науке».

Петряев А. С. (НИСИ, Киев)

Секуляризация в странах Ближнего Востока как источник противостояния светских режимов и исламского фундаментализма

Понятие секуляризма описывает разделение (отделение) общественной жизни и государственного строительства от религиозных учений и заповедей. Иначе говоря, речь идет о разделении религии и политики. Секуляризм в мусульманских странах часто противопоставляют исламу, а его сторонники стремятся поощрять светские политические и социальные ценности, в отличие от исламских. Поскольку эти светские ценности обычно «импортированы» с Запада и являются в значительной мере продуктом колониального периода и вестернизации (глобализации), в среде мусульманской интеллигенции постоянно вспыхивают дебаты по поводу природы секуляризма, в центре которых оказываются обычно вопросы влияния высшего духовенства на политико-правовую систему государства и применения шариата в государственной правовой системе.

Значительная часть исламской интеллигенции отвергает секуляризм именно как результат «западного влияния». С секуляризмом ведут бескомпромиссную борьбу такие экстремистские и террористические группировки как ISIS, Boko Haram, al-Qaeda, al-Nusra Front и др., которые превратили Коран в Манифест антизападничества.

Таким образом, вопрос о том, совместимы ли секуляризм и ислам и возможен ли «секулярный ислам» как процесс и результат некоего исторического компромисса, приобретает особую остроту не только для регионов расселения последователей ислама («уммы»), но и для всего мира — особенно учитывая тот факт, что последователей ислама становится все больше, а их отношения с последователями других религий и атеистами все более осложняются. Достаточно хотя бы привести пример указа, изданного 27 января 2017 года новоизбранным президентом США Дональдом Трампом, осложнившего на три месяца под предлогом борьбы с терроризмом въезд в США мусульманам из семи охваченных войнами и гражданскими конфликтами стран ислама, где проживает в общей сложности 218 млн человек (“Protecting the Nation From Terrorist Attacks by Foreign Nationals”)¹.

Исламский источник, определяя «Что такое секуляризм?», настаивает на материалистическом, потребительском характере взглядов последователей этого феномена, которые концентрируют свои усилия не на достижении потустороннего райского блаженства, а на сиюминутных мирских благах и утехах².

¹ Diamond J. Trump’s latest executive order: Banning people from 7 countries and more // CNN. January 29, 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edition.cnn.com/2017/01/27/politics/donald-trump-refugees-executive-order>.

² Islam Question and Answer. General Supervisor: Shaykh Muhammad Saalih al-Munajjid. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://islamqa.info/en/121550>.

В регионе Ближнего Востока (БВ) можно выделить несколько типов государств с различными идеолого-политическими системами. Главным критерием является степень влияния ислама на формирование внутренней и внешней политики, на социальные системы. В первую группу входят страны, в которых ислам доминирует в социально-политической сфере. Вторую группу составляют светские государства, где ислам является государственной религией. В третью группу входят страны полностью светские, но где большая часть населения исповедует ислам.

В свою очередь, среди стран, где ислам доминирует во всех сферах жизни, есть суннитские и шиитские государства. Суннитскими являются Королевство Саудовская Аравия, Эмират Катар и непризнанное Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). К шиитским, прежде всего, следует отнести Иран, который после Иранской революции 1979 года является к тому же теократическим государством.

Для БВ характерны межгосударственные конфликты двух направлений: между светскими государствами и между государствами с суннитскими и шиитскими политическими режимами. Но наиболее острые конфликты возникают на почве противостояния исламского фундаментализма со светскими политическими режимами. Именно к этому типу конфликтов относятся гражданская война в Сирии и Иракская война после вывода из этой страны основной части войск США (после 2011 года). Важно акцентировать внимание на конечных целях противоборствующих светских режимов БВ и движений исламского фундаментализма.

Что касается светских режимов БВ, то можно выделить следующие их типы: (1) власть принадлежит военным или политикам, вышедшим из военной среды; (2) у власти находятся политики из партий светского характера (с идеологией арабского национализма, но не исламизма); (3) монархии с парламентской системой. Задачей элит в этих государствах является удержание власти и поддержание стабильности. В этом смысле главной опасностью для светских режимов арабских стран является оппозиционное исламское духовенство и радикально настроенные исламисты, а не светская оппозиция. Среди других опасностей следует выделить и трайбализм, носителями которого являются различные группы племен и бедуинов, которые угрожают государствам БВ сепаратизмом.

Конфликт исламского фундаментализма и светских режимов в арабских странах в последние несколько десятков лет весьма обострился. В частности, мишенью фундаменталистов в Сирии является Партия арабского социалистического возрождения (Баас), возникшая в Дамаске в 1947 г.; ее иракский филиал возник позже. Эта светская партия с ее лозунгам «Единство, свобода, социализм!» и «Единая арабская нация с бессмертной миссией!» сочетала идеи антиимпериализма, освободительной борьбы, арабского национализма,

преодоления раздробленности арабского мира и создания единого мощного государства, защиты обездоленных классов и установления социальной справедливости. Это привлекло к баасистам интеллигенцию, молодежь, средние слои населения. Популярности партии способствовали также ее динамичный характер и строгая централизованная структура¹. Баас — партия тоталитарного типа, напоминающая правившую в СССР КПСС. В отличие от Ирана, в котором даже в условиях теократического режима формируется гражданское общество, существуют свобода дискуссий и относительный плюрализм мнений, в Сирии царило полное единомыслие при тоталитарной власти партии Баас и всеохватного полицейского аппарата. К тому же, после крушения диктатуры Баас в Ираке, баасистская Сирия оставалась единственной арабской страной, стойко и непримиримо противостоящей Израилю².

Конфликты между государствами со светскими режимами и государствами, в которых доминирует исламский фундаментализм, многосторонни и многогранны и их можно разделить на открытое вооруженное противостояние (война), революции и «гибридную» войну с использованием дипломатических и экономических методов. В частности, такие страны исламского фундаментализма как Саудовская Аравия и Катар в ходе подобной борьбы стремятся распространить свое влияние на другие мусульманские страны, прибегая к различного рода методам воздействия для разжигания революций и войн проксимального типа («чужими руками»).

Страны, которые «экспортируют» исламский фундаментализм (прежде всего, — Саудовская Аравия и Катар) ставят перед собой следующие цели:

1. Противостояние шиитскому Ирану как сильной региональной державе с иной религиозно-политической идеологией, способной создать зоны сопротивления в регионах БВ с шиитским населением (Ливан, Ирак, Сирия, Йемен и др.).

2. Противостояние светским авторитарным режимам в арабских и мусульманских странах, которые воспринимаются как носители альтернативной политической модели. Отсюда Арабская весна и последующие события в таких странах как Тунис, Ливия, Египет, Сирия, конечной целью которых был и остается развал государственных систем, сложившихся до Арабской Весны и построение на этих постреволюционных осколках зон собственного влияния или даже «неоисламского халифата XXI века»³.

Развитие исламского фундаментализма в конце XX — начале XXI века прошло определенную эволюцию. Начало было положено во время войны в Афганистане (1979–1989 гг.). Затем пришел черед построения государственного

¹ *Мирский Г.* Вторая жизнь партии Баас // Россия в глобальной политике. 2003. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_959.

² Там же.

³ *Сатановский Е. Я.* Котел с неприятностями. Ближний Восток для «чайников». Москва: Издательство «Э», 2016. 576 с.

образования на основе исламского фундаментализма, которым является непризнанное ИГИЛ, или Исламский Халифат.

Важным стимулом для создания ИГИЛ стала американская оккупация Ирака, во время которой (и в значительной мере благодаря которой) возникла организация-прародитель ИГИЛ — Исламское Государство Ирака. Вначале это «государство» воевало против американских войск, а также поддержавших их иракских шиитов. Новый этап его развития был обусловлен начавшейся в 2011 г. на волне арабской весны гражданской войной в Сирии, где сосредоточилось множество вооруженных формирований исламских фундаменталистов, или джихадистов, выбравших своей целью борьбу со светским режимом Башара Асада¹. Исламское Государство Ирака из вооруженной группы, участвующей в Иракской войне (2003–2011 гг.), сумело «переформатироваться» в государство с армией и органами власти, ставящее целью не только завоевание и удержание власти в регионе Леванта и Месопотамии, но и в других регионах, где проживают мусульмане (Магриб, Сахель, Аравия, Балканы, Северный Кавказ и Средняя Азия).²

Таким образом, падение светских режимов в регионе БВ и наступление исламского фундаментализма ведет не только к созданию «варварских государств», таких как ИГИЛ, анархии и перманентным войнам, но и является опасностью для светских западных государств, которые, руководствуясь определенными мотивами, на первоначальном этапе сами спонсировали и взращивали исламский фундаментализм, хотя и не смогли в дальнейшем его контролировать. В результате такой политики ряда западных государств ИГИЛ обрел способность к самостоятельному существованию и постановке собственных задач и планов.

Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва)

«Разнородные изложения» из «Книги для сожжения»: философские эссе Ли Чжи

Ли Чжи (李贄, 1527–1602) — один из наиболее оригинальных мыслителей периода поздней Мин, представитель «учения о сердце» (心學 *синь сюэ*), чьи философские взгляды характеризуются редкой провокационностью и свободомыслием даже на фоне идейного разнообразия данной эпохи. «Книга для сожжения» (焚書 Фэнь шу), один из главных трудов философа, представляет собой сборник философских эссе, писем и стихотворений в шести цзюанях. В данной

¹ Мьюир Д. «Исламское государство»: история с начала. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2016/03/160311_is_full_story.

² Львов П. Перелом в борьбе с вооруженным исламизмом в Ираке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/07/04/perelom-v-bor-be-s-vooruzhenny-m-islamizmom-v-irake-novosti-iraka>.

работе проанализирован цзюань №3, относящийся к разделу «Разнородное изложение» (雜述 Цза шу, цзюани 3–4), который состоит из философских эссе.

Идеи памятника, равно как и его структура, до настоящего времени были крайне мало (а в отечественной синологии и вовсе не были) описаны в научной литературе, что и послужило основным мотивом проведения настоящего исследования. Более того, ряд современных американских исследователей (Р. Хэндлер-Шпиц, П. Ли) и вовсе полагает, что в «Книге для сожжения» «не просматривается никакой логики в изложении материала», и он «представляет собой беспорядочную мешанину фактов, мнений и впечатлений». Я оспариваю данное утверждение и полагаю, что произведения цзюаня четко сгруппированы по следующим жанровым группам:

1. Рассуждения (論 лунь): эссе, содержащие философские суждения на определенную тему в свободной форме. Произведения 1–7, 37.

2. Разъяснения (說 шо): эссе, содержащие разъяснение какого-либо конкретного понятия, концепции либо точки зрения Ли Чжи по определенному вопросу. Произведения 8–12, 14.

3. Заметки (記 цзи): тексты, в которых Ли Чжи рассказывает о событиях и людях, связанных с ним. Произведения 13, 15, 16.

4. Предисловия и послесловия (序 сюй): тексты, составленные в качестве приложения к другим произведениям и документам. Произведения 17–25.

5. Поминальные тексты (告文 гао вэнь): некрологи и тексты поминальной направленности об определенных личностях, преимущественно хвалебного толка. Произведения 26–29.

6. Разное: тексты, не формирующие самостоятельную группу и не прилегающие к какой-либо другой (включает написанное за других (代作 дай цзо), характеристики (贊 цзань), памятки (手冊 шоу цэ) и тексты (文 вэнь)). Произведения 30–36.

Что касается собственно идей цзюаня, их можно сформулировать и упорядочить по частоте и интенсивности упоминания следующим образом:

1. Не существует единого и неизменного стандарта, существует лишь уместное в конкретной ситуации. Данный тезис встречается наиболее часто, а формы его проявления весьма разнообразны. Очень вероятно, что источником вдохновения для него стал «Канон перемен», которому Ли Чжи уделял особое внимание.

2. Современные конфуцианцы — недостойные лицемеры. Напрямую не связанный с какими-либо философскими убеждениями данный тезис, тем не менее, занимает важное место в идейных построениях Ли Чжи и, по моему мнению, является одним из главных посылов всего его творчества.

3. Искренние чувства и эмоции — ключевое условие истинного творчества. Ли Чжи был одним из первых конфуцианских мыслителей, оценивших чувства и эмоции в положительном ключе, — не как вредное искажение истинной, моральной

природы человека, а, напротив, как проявление естественности. Впоследствии этот тезис Ли Чжи получил отражение в творчестве представителей Гуньянской школы, Тан Сянь-цзу, Фэн Мэн-луна и других известных литераторов.

4. Плотские потребности — полноценный элемент Дао-пути человека. Развив предыдущий тезис, Ли Чжи пришел к мысли о том, что Дао-путь так же недалек от обыкновенных людских потребностей, как и от обыкновенных людей.

5. Потенциал достичь высшей ступени совершенства есть у каждого. Будучи представителем Тайчжоуской школы, Ли Чжи разделял представление о том, что стать совершенномудрым или буддой способен каждый, независимо от происхождения и статуса.

6. Все три учения ведут к одной цели. Эта идея часто встречается среди неоконфуцианских мыслителей и также свойственна Ли Чжи.

7. Конфуцианские каноны — ненадежный источник знаний. Обвинение канонических сочинений в ненадежности служило для Ли Чжи основанием для выдвижения собственных идей, порой идущих вразрез с каноническими.

8. «Учение о принципе» не соответствует действительности. Одной из наиболее ярких особенностей философских взглядов Ли Чжи является его оппозиционность: философ не только высказывает собственные мысли и не только реинтерпретирует канонические положения, но также и спорит с ортодоксальными философскими течениями, одобренными властями.

9. Саморегуляция — эффективный способ организации общества. В своей административной деятельности на посту главы округа Яоань Ли Чжи руководствовался принципом максимального невмешательства в жизненный уклад местного населения и проявлял уважение к сложившимся обычаям и традициям на подведомственной территории. С успехом такого подхода, вероятно, и связана данная мысль.

Рустамов Э. К. (Ташкент)

Некоторые особенности морфологического влияния арабского языка на турецкий язык

Арабский язык оказал огромное влияние на многие языки Ближнего и Среднего Востока, особенно в области лексики. В словарном составе таких языков, как турецкий, персидский, пушту и некоторых других до сих пор бытует большое количество арабских слов.

В качестве послелогов-имен из арабского языка в турецкий язык было заимствовано большое число существительных, причастий, наречий и предлогов. При употреблении их с турецкими личными, указательными и относительными местоимениями, они пишутся слитно, образуя новую морфему. Их использование, можно рассмотреть в нижеследующих примерах:

А) Имеющие формы исходного, дательного и местного падежей:

داخل — dâhil — *внутренний, входящий*;

memleketin **dâhilinde** — *внутри страны*.

Б) Принимающие форму местного падежа и отвечающие на вопросы: Когда? Как долго? Где?

طرف — zarf — *промежуток*;

bir ay **zarfında** — *в течении одного месяца*.

В) Для обозначения отношения или цели, при некотором изменении его первоначального смысла:

حق — hakk — *право*;

bunun **hakkında** — *относительно этого*.

Г) В значении послелогов употребляются отдельные слова и сочетания, типа:

له — leh — *для, в пользу, за*;

lehimde — *в мою пользу*.

На морфологическом уровне, влияние арабского языка проявилось в изменении либо заимствовании некоторых грамматических категорий, не свойственных тюркской языковой типологии, а также в их адаптировании применительно к турецкому языку; к ним можно отнести союзы, предлоги, арабские глагольные имена — масдары, причастия и др. В заимствованной лексике присутствовали формы грамматического рода арабских имен, не свойственные турецкой грамматике, а также средства для флективного образования арабского «ломаного» множественного числа.

Некоторые из этих преобразований, приводятся в нижеследующих примерах:

А) Основная масса арабских заимствований вошла в турецкий язык в форме единственного числа, сохранив при этом употребление множественного числа по правилам арабской грамматики. К ним можно прибавить как суффикс правильной формы множественного числа мужского рода **ون...**, так и суффикс правильной формы множественного числа женского рода **ات...**

مسلم — müslüman — *мусульманин*;

مسلمون — müslümin — *мусульмане*.

Б) Определенное количество арабских лексем образуется в турецком языке по форме «ломаного» множественного числа.

فكر — fikir — *мысль, идея, мнение*;

أفكار — efkâr — *мысли, идеи, мнения*;

В) Арабский суффикс множественного числа часто прибавляется к масдарам и арабским причастиям, обозначая конкретное значение, но во множественном числе.

تشكيل — teşkil — *образование (процесс)*;

تشكيلات — teşkilât — *организации (учреждения)*.

Г) Мы также можем отметить, что определенный пласт турецких слов включает в себя арабский суффикс множественного числа, но употребляется в турецком языке в форме единственного числа.

بیانات — beyanat — *заявление, декларация*;

آمنیة — emniyet — *безопасность*

Д) Особо можно выделить то, что форма двойственного числа, присущая только арабскому языку, оканчивающаяся на ان... иногда может использоваться и в турецком языке (в официальном языке).

طرفین — tarafeyn — *обе стороны*;

نوران — nurani — *светлый, сияющий; уважаемый, достопочтенный; два светоча (о дочерях пророка Мухаммеда)*.

Употребление правильной и «ломанной» формы множественного числа, а также использование модели двойственного числа арабского языка, практически не встречается в обиходной речи у турок. А современные жители Турции, за редким исключением, вообще не знают о таких формах.

Именно морфологическое преобразование арабских слов является обязательным и очень важным условием вхождения арабизмов в турецкий язык. Основную массу заимствований составляют имена существительные, которые в большинстве своем обозначают конкретные предметы и поэтому сравнительно легко заимствуются вместе с обозначаемыми ими реалиями. Заимствованные факторы воспринимаются как номинативные, корневые основы активно участвуют в словообразовании, принимая большинство деривационных морфем турецкого языка.

Рустамова С. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Общественно-политическая деятельность
дагестанского ученого и политика
Гаджимурада Амирова (Мурад-бей Мизанджи)**

Уже в средние века происходила эмиграция представителей дагестанских народов за рубеж. В поисках лучшей жизни и для удовлетворения духовных запросов некоторые дагестанцы покидали свою родину и отправлялись в далекие восточные страны, где обучались различным наукам у известных арабских «светил». Таким образом, получив должное образование, дагестанцы становились известными учеными, пользуясь уважением интеллектуальной элиты. Они жили в таких центрах исламской культуры и науки, как Мекка, Стамбул, Багдад, Дамаск и Каир. Сформированная годами духовно-культурная общность дагестанцев оставила заметный след в истории, культуре и науке разных ближневосточных стран.

Гаджимурад Амиров, выдающийся ученый и общественно-политический деятель, который внес большой вклад в историю Османской империи,

являлся по происхождению дагестанцем. В Турции Амиров, он же Мурат-бей Дагестанлы, работал учителем истории и одновременно занимался научной деятельностью. Ему принадлежат фундаментальные исследования: «Всемирная история в шести томах» и «История Османской империи» в одном томе. В 1893 г. Мурад-бей издал учебник по всеобщей истории, который считался в Турции лучшим и выдержал не менее трех изданий.

Мурад-бей также был талантливым литератором. В 1891 г. он написал роман, в котором была сделана попытка показать настроения молодой турецкой буржуазной интеллигенции того времени. Амиров сделал много и для того, чтобы познакомить турецкий народ с русской историей, занимался переводами произведений русских писателей.

Гаджимурад Амиров вел и журналистскую деятельность. Ему принадлежала еженедельная газета «*Мизан*» («Весы»), которая впоследствии станет главным печатным органом движения младотурок. Отсюда происходит одно из его имен — Мизанджи Мурад.

Довольно демократичный в своих взглядах публицист и общественно-политический деятель, Мурад-бей высказывался негативно об общественных порядках Турции, критиковал султана за его политику, из-за чего был вынужден эмигрировать в Каир, где продолжал издавать вышеупомянутую газету «*Мизан*». Из Каира Мизанджи-Мурад отправился в Париж и Женеву, там он вступил в общество «*Иттихад ве теракки*» и вскоре стал одним из наиболее влиятельных руководителей младотурецкого движения.

Гаджимурад Амиров, который большую часть своей жизни провел за рубежом, никогда не забывал, что он является дагестанцем и часто упоминал Родину в своих работах. Мурад-бей уделял большое внимание истории народов Кавказа. Ему принадлежит известный этнографический очерк «Среди горцев Северного Дагестана».

Рыженков А. С. (Uludağ Üniversitesi, Bursa, Turkey)

Сирийские мигранты в современной Турции: особенности сообщества и его социокультурной адаптации

Гражданская война в Сирии началась весной 2011 года и длится на данный момент уже более пяти лет. Вооруженные столкновения, происходящие на всей территории государства, стали причиной массового бегства населения из страны; объем миграционных потоков сравним с объемом переселения во время геноцида в Руанде¹. Основная волна миграции пришлась на Турцию.

¹ *McClelland M.* (2014) How to Build a Perfect Refugee Camp // Сайт The New York Times Magazine. URL: https://www.nytimes.com/2014/02/16/magazine/how-to-build-a-perfect-refugee-camp.html?_r=1 (дата обращения: 17.02.2017).

В ходе исследования была проведена серия из восьми глубинных интервью с сирийскими мигрантами в Турции; интервью проводились на турецком, английском и арабском языках.

В ходе исследования удалось в значительной мере получить представление о трудностях, с которыми сталкивается сирийская диаспора в Турции — пересечение границы, территориальное расселение и бюрократические вопросы, устройство на работу, проблемы с турецким языком.

Не менее важным представляется проблема восприятия сирийского сообщества турками. Что особенно интересно, если турки не считают себя культурно близкими сирийцам, то сирийцы же, по мнению абсолютно всех информантов, в культурном плане от турок практически не отличаются. Именно эта уверенность в почти полном совпадении их собственной культурной идентичности с турецкой играет злую шутку при попытках ассимиляции сирийцев, так как они не считают себя *другими*.

Турецкое правительство же, одновременно искусно управляя общественным мнением, не дает сирийцам полностью осесть на турецкой земле. Помимо этого, Турция весьма усердно вкладывает деньги в образование сирийской молодежи студенческого возраста: почти треть гранта «Türkiye bursları» для иностранцев, желающих обучаться в Турции, передается сирийцам — а это практически полторы тысячи мест¹. Таким образом, после окончания войны в Сирии могут вернуться почти три миллиона сирийцев, благодарных Турции, часть которых вдобавок будет иметь достаточно хорошее образование. Если же большинство беженцев возвращаться не захочет, государство имеет возможность активировать этническое недовольство и выселить сирийцев принудительно.

Саакян Н. Э. (ФИ, ЕУСПб, Санкт-Петербург)

Дискурс имамата среди дагестанских 'улемов во время Гражданской войны

Октябрьская революция в Российской империи и нестабильная ситуация в Османской империи стали толчком для актуализации дебатов, относящихся к верховной власти на Северном Кавказе, на периферии двух империй. Горская интеллигенция Северного Кавказа, стремясь использовать исторический шанс, предприняла конкретные шаги к созданию региональных государственных образований. Тем не менее, представления о пути такого государственного строительства среди горской политической элиты были «крайне разноречивы, если порой не полярны», так что возникновение противостоящих групп

¹ Burs başvuruları başladı (2016) // Сайт газеты Milli Gazete URL: http://www.milligazete.com.tr/burs_basvurulari_basladi/430712 (дата обращения: 17.02.2017).

предотвратить не удалось. Уже в мае 1917 г. была создана Социалистическая группа, идейными вдохновителями которой стали Д. Коркмасов, М. Дахадаев, А. Тахо-Годи и др. С другой стороны, активизировался так называемый Шаритатский блок, где важную роль играло мусульманское духовенство Северного Кавказа, в частности Наджмуддин ал-Хуци (Гоцинский) (1859–1925) и Узун Хаджи Салтинский (1848–1920).

Усилиями Узун Хаджи Н. Гоцинский дважды был избран имамом (первый раз во время Андийского съезда, второй раз в Темир-Хан-Шуре). В обоих случаях Узун Хаджи сделал все возможное, чтобы Гоцинский стал имамом. Однако сам Гоцинский хорошо знал, что если он объявит себя имамом, то этим шагом он может потерять поддержку многих исламских лидеров, так как согласно шариату, у мусульман может быть только один имам. Учитывая тот факт, что тогда еще правили османские султаны Мехмед V (1909–1918) и Мехмед VI (1918–1922), Гоцинский не мог стать имамом: суннитский ислам говорит, что если есть два имама, то тогда имамат одного из них — ложен.

Об этом хорошо знали и ‘улемы Северного Кавказа, поэтому, когда в январе 1918 г. состоялось заседание президиума дагестанского областного совета, был поднят и вопрос об имамате Гоцинского. Не только в протоколах заседаний, но и в исторических трудах ‘улемов Дагестана и в их газетных статьях встречаются объяснения и комментарии, связанные с вопросом имамата.

В моем докладе будут рассмотрены аргументы, которые были использованы конфликтующими сторонами, причины, заставившие Н. Гоцинского, будучи дважды избранным имамом, сразу же после избрания отказаться от этого титула, а также отражение этого вопроса в трудах дагестанских ‘улемов.

Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Альберто Фухимори и японо-перуанские отношения в 1990–2000-х гг.

В погоне за ресурсами, рынками сбыта продукции и политическими сторонниками Япония стремится к сотрудничеству с такими регионами как Африка, Ближний Восток и Южная Америка. Однако только в странах Латинской Америки одним из факторов, влияющих на межгосударственные отношения, является наличие в регионе японской диаспоры. В качестве примера подобного влияния можно рассматривать деятельность Альберто Кэнья Фухимори (Фудзимори), занимавшего с 1990 по 2000 гг. пост президента Перу.

На протяжении пяти лет (с 2000 по 2005 гг.) Фухимори, объявленный в международный розыск за ряд преступлений, совершенных в период своего президентства, скрывался в Японии, которая отказывалась выдавать его Перу, ссылаясь на отсутствие соглашения об экстрадиции. И даже баллотировался

в верхнюю палату японского парламента в надежде на получение иммунитета, но потерпел неудачу.

За десять лет своего президентства Фухимори нанес 13 официальных визитов в Японию, на что Токио ответил десятью дипломатическими миссиями в Лиму. Однако после предоставления политического убежища бывшему президенту Перу, были полностью прекращены как дипломатические отношения между двумя странами, так и выплаты Японией ОПР. Отношения были возобновлены лишь в 2006 г., уже после того, как Фухимори был арестован, а в большую политику Перу пришли его близкие родственники.

Несмотря на более чем столетнее присутствие Японии в Перу (более продолжительные отношения на континенте у Японии лишь с Мексикой) и вторую по величине диаспору (самая крупная японская диаспора проживает в Бразилии), Токио пожертвовал отношениями с Лимой, чтобы скрыть беглеца, осуждаемого мировой общественностью и объявленного в международный розыск, объясняя это его этнической принадлежностью.

Слепухина О. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Йеменская поэзия как источник по истории отношений населения Южной Аравии и аджаниб в новое и новейшее время

Как писала А. А. Долинина, легенда о том, что первые стихи на арабском произнес еще Адам, оплакивая своего сына Авеля, подтверждает особое положение поэтического слова в арабском мире. В Йемене же это прослеживается особенно ярко. Поэт в Йемене — «больше, чем поэт». Если в западном обществе политика и поэзия почти всегда существуют сами по себе, то в арабском мире и, в частности, в Южной Аравии, поэзия является элементом политики, социальных и религиозных институтов, а, следовательно, является ценным историческим источником. Такой источник особенно важен, если учесть, что чувства и настроения в стихах зафиксированы в момент своего возникновения и отличаются большей достоверностью, чем те, что зафиксированы в воспоминаниях ретроспективно, что отличает поэзию от мемуаров и автобиографий.

В докладе речь пойдет о том, как с помощью народной поэзии можно проследить отношения населения Йемена с иностранцами — аджаниб, от португальцев, появившихся у берегов Южной Аравии на рубеже XV–XVI вв., до американцев, которым сегодня грозит в своих пропагандистских стихах террористическая организация «Аль-Каида на Аравийском полуострове».

Все важные исторические события, так или иначе, получили отражение в стихах. Привязка содержания стихотворения к реальным историческим лицам и событиям бывает довольно условной, однако даже в таком случае произведе-

дение не теряет своей источниковой ценности, так как отображает общественно-политическую жизнь в целом. Стихи же, имеющие в своей основе исторические события, пусть, возможно, и приукрашенные поэтом, еще более конкретно демонстрируют отношения между местным населением и «чужаками». Яркий пример этому — антибританские стихи, отличающиеся от стихов, порожденных межплеменными конфликтами, более резкими сравнениями и откровенной враждебностью к противнику. Поэты призывают племена объединиться для изгнания колонизаторов. Одно из таких обращений, считающееся первой политической касыдой Хадрамаута, было написано в 1937 г. шейхом Салахом Ахмадом Лахмади ал-Ку'айти, эмигрировавшим в Индию, но с волнением и тревогой следившим за тем, что происходит в Йемене. В своей касыде автор порицает договор о протекторате, навязанный Британией, и упрекает племена в молчании об этом, призывая восстать против иностранного вмешательства.

В наши дни поэзия, при критическом ее прочтении, также может служить важным источником о текущих событиях. СМИ не всегда полно и достоверно освещают происходящее, а поэзия, даже если не содержит конкретных фактов, отражает голос народа, так как создана в его среде.

Судакова А. А. (ИСПН, УрФУ, Екатеринбург)

Положение и воспитание женщин сословия *си* в период Эдо

Период Эдо был временем длительного внутреннего мира в истории Японии, на фоне которого постепенно изменялась роль военного сословия. Принципу преданности клану следовала вся семья самурая, включая женщин, которым предписывалось служение мужу и его родителям. Неоконфуцианский моралист Каибара Экиэн (1630–1714) в трактате «Онна дайгаку» («Почтение для женщин») излагал основные правила поведения женщины сословия *си*, предписывающие ей молчаливое подчинение мужчине и отводящие ей роль скромной, рачительной и прилежной хозяйки.

В историографии существует несколько противоположных точек зрения касающихся положения женщин в сословии *си*. Самая распространенная точка зрения, представленная, в частности, Г. Востоковым и Ч. Данном, что неравенство между мужчиной и женщиной в сословии *си* было гораздо глубже, чем в низших сословиях. Были распространены политически выгодные союзы, чувства и желания женщины в них не учитывались. Женщина также не имела права распоряжаться собственным имуществом. В «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо пишет: «Женщина должна быть точно так же предана своему мужу, как он — своему господину». Нитобэ Инадзо (1862–1933) утверждал, что существовал «двучленный» стандарт, согласно которому ценность женщины определялась на поле боя и у домашнего очага.

Мнение о доминирующем положении женщин в сословии самураев, которое основывалось на отголосках элементов матриархата в древнем японском обществе, высказано О. Рати и А. Уэстбруком. Л. Богословский дает более уравновешенную точку зрения, полагая, что женщина не пользовалась социальными и политическими правами мужа, ее обязанностью было — быть хорошей женой и матерью.

Домашнее воспитание девушек сословия *си* давало навыки хозяйствования, исполнения традиционных ритуалов, искусства каллиграфии. Особое внимание уделялось воспитанию самоконтроля. Значительное влияние на воспитание оказывало конфуцианство. Прививалось почитание старших и жертвование собой ради родителей. После замужества главным для женщины становилось служение мужу и его родителям.

Девушки из сословия воинов, так же как и мужчины получали военное воспитание. Они учились владеть прямым копьём (*яри*) и изогнутым (*нагината*), кинжалом (*кайкэн*). Дочери самураев достигали большого мастерства во владении оружием, даже участвовали в сражениях.

В сословии самураев можно выделить две категории женщин. Первая — придворные дамы, которые могли нести службу во внутренних покоях сёгуна. Второй тип — женщины из провинций, активно помогавшие своим мужчинам в борьбе за политическое господство. Они являлись точным отражением своих мужей и стали прочным основанием для класса *букэ*.

На протяжении веков самурайская женщина оставалась преданной этическим нормам своего клана. Когда возникала реальная угроза, она решительно принимала смерть. Также нередко она осуществляла месть за членов своего клана. Таким образом, женщина сословия *си* была зависима от мужа, но все же у нее были права в хозяйственной области. Женщина не хуже, чем мужчина знала, что такое долг и верность, и отдавала свою жизнь, если того требовали обстоятельства.

Толмачева А. А. (Бурятский ГУ, Улан-Удэ)

Национальная идентичность Кайфэнских евреев в историографии

В данной работе рассматривается проблема этнической принадлежности Кайфэнских евреев Китая с момента их появления в конце X века до современной активизации сино-иудейской культурной идентичности среди их потомков.

Основными источниками изучения истории еврейской общины Кайфэна служат надписи (китайскими иероглифами) на трех стелах, находящихся в стенах синагоги, построенной в 1163 г. Согласно надписи от 1489 г. члены общины имели преимущественно персидское происхождение¹.

¹ *Weisz T.* The Kaifeng stone description: The Legacy of the Jewish Community in Ancient China. New York; Lincoln; Shanghai: iUniverse, Inc., 2006. С. 3–4.

Ханьцы относили Кайфэнских евреев к мусульманам — «хуэй» (回族) из-за схожести в религиозных обрядах. Термин «Qingzhesi» (清真寺), который буквально переводится как «храм чистоты и истины», мог употребляться для обозначения и мечети и синагоги¹. Как ни парадоксально, это заставило Кайфэнских евреев заявить о своей национальной и религиозной принадлежности. Во-первых, согласно надписи 1512 г., название синагоги поменялось на «zunchongdaojingsi» (尊崇道经寺) — «храм уважения священного писания пути». Во-вторых, они предпочли называть себя сектой, которая вырывает сухожилия «tiao-jinjiao» (挑筋教)². Термин же «youtai» (犹太), т. е. «еврей», был введен в Китае только в начале XIX века немецким миссионером, до этого времени китайцы называли их «lanmaohuihui» (藍帽回回) — мусульмане в голубых шляпах³.

К 1848 г. Кайфэнские евреи были полностью ассимилированы и интегрированы в китайское общество — в связи с долгим пребыванием в изоляции и утратой собственной материальной культуры. Однако и с течением времени Кайфэнские евреи не теряли чувство своей идентичности, даже когда их община перестала существовать формально. Например, во время переписи населения 1952 г., многие относили себя к «евреям» при заполнении формы (*hukouben*, 户口本). В 1953 г. была предпринята попытка официально закрепить статус Кайфэнских евреев как национального меньшинства, но она встретила категоричный отказ со стороны правительства.

Этнографическая литература о современном возрождении сино-иудейской идентичности весьма скудна. Австралийский ученый М. Бернштейн в своем исследовании⁴ приводит интервью с членами современной общины Кайфэна. По его мнению, процесс глобализации привел к возрождению сино-иудейской идентичности среди потомков Кайфэнских евреев. С другой стороны, в соответствии с государственной политикой признания присутствия евреев в Китае лишь в средневековый период, многие китайские историки отрицают, что еврейское сообщество в Кайфэне существует и по сей день, рассматривая все попытки искусственно воспроизвести сино-иудейскую идентичность лишь как возможность заработать на туризме.⁵

¹ *Leslie, D. D.* The Survival of the Chinese-Jews: The Jewish Community of Kaifeng. Leiden: E. J. Brill, 1972. С. 111.

² *Xu Xin.* Legends of the Chinese Jews of Kaifeng. KTAV Publishing House, Inc. Hoboken, New Jersey, 1995. С.36.

³ *Zhang Ligang.* The Understanding and Attitude of Chinese Society towards the Kaifeng. In *Youtai-Presence and Perception of Jews and Judaism in China* / Ed. by Peter Kupfer, 2008. С. 139–154.

⁴ *Moshe Y. Bernstein,* Globalization, Translation and Transmission: Sino-Judaic Cultural Identity in Kaifeng, China, 2016. С. 227.

⁵ <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/01/03/china-s-kaifeng-jews-rediscover-their-heritage.html>.

Подводя итоги, итоги этой дискуссии можно констатировать следующее. Согласно Галахе евреем является человек, рожденный матерью-еврейкой. В случае с Кайфэнскими евреями, где семьи следовали патриархальным традициям Китая, мы не можем говорить об этом. Тем не менее, члены кайфэнской общины, безусловно, считали себя евреями, пытались общими усилиями сохранить свою синагогу, что им удавалось на протяжении семи веков. После 1978 года политика «реформ и открытости» способствовала возрождению китайско-иудейской идентичности, когда различные организации и ученые заинтересовались историей Кайфэнских евреев.

Уварова Е. П. (ФСИН СПбГУ, Санкт-Петербург)

Новый железнодорожный Шелковый путь и его роль в решении проблем современности

Ускоряющаяся глобализация требует все более быстрых темпов мобильности идей, ресурсов, людей. Одна из главных причин многих кризисных явлений в мире заключается в растущем разрыве между этими двумя трендами. Например, отсутствие новых транспортных возможностей в перемещении товарных ресурсов и рабочей силы между разными городскими экономическими центрами отрицательным образом сказывается на росте производительности труда, приводит к усилению экономических диспропорций, результатом чего становится потеря экономической эффективности.

С целью нахождения новых международных подходов к решению долгосрочной стратегической проблемы управления глобальной и региональной мобильностью в 2012 г. была создана международная ассоциация *MIR Initiative*. Одна из важнейших задач *MIR Initiative* — реализация долгосрочного проекта повышения транспортной мобильности между городами Европы, Азии и Ближнего Востока на принципиально новом уровне. Данный проект получил название «*Метро региона METR*».

27 ноября 2015 г. в Турине состоялось учредительное заседание Форума городов Нового Железнодорожного Шелкового пути. Президентом Форума был избран мэр Турина Пьеро Фассино. В рамках форума обсуждались перспективы сотрудничества с целью создания к 2040 г. «евразийского высокоскоростного метро», которое бы с помощью системы высокоскоростных железнодорожных линий соединило регион от Китая до Европы, что привело бы к повышению мобильности в регионе METR. Важное внимание было уделено проходящему через Россию «Северному коридору».

Сложная экономическая ситуация в регионе METR отчасти связана с кризисом мобильности, препятствующему обмену ценностями, идеями и товарами. Поэтому предложенные на заседании Форума городов Нового железнодорожного

Шелкового пути в Турине идеи интеграции на базе нового «шелкового пути» крайне актуальны.

По итогам Форума присутствующие мэры и вице-мэры подписали Туринскую хартию принципов и целей Форума городов Нового железнодорожного Шелкового пути. Важную роль сыграло участие в Форуме мэра Казани И. Р. Метшина. Заочно Туринскую хартию подписали свыше 20 мэров.

Подготовку мероприятия организовала ассоциация MIR Initiative. Будучи членом команды, я предложила идею логотипа форума: знак бесконечности, связывающий Восток и Запад, прошлое и будущее в бесконечном взаимодействии (прошлое: караванный «шелковый путь», будущее: высокоскоростные железнодорожные магистрали). Идеология проекта представлена в совместном проекте MIR Initiative и журнала «Власть» — Белая книга «Метро региона МЕТР: будущая мобильность региона». Белая книга, ставшая основанием для подписания «Туринской хартии», состоит из статей 28 авторов, среди которых — руководители крупнейших корпораций, ключевые политики, ученые.

В нынешней сложной международной ситуации Форум предоставляет целый ряд возможностей для укрепления отношений между Россией и ее азиатскими и европейскими партнерами. Во-первых, через этот канал могут проводиться конкретные проекты сотрудничества. Кроме того, через мэров крупных городов может оказываться давление на правительства европейских стран с целью улучшения отношений с Россией и снятия режима санкций. Во-вторых, Туринский форум предложил интересный для Европы проект строительства высокоскоростной железнодорожной линии, соединяющей Россию, Белоруссию, Польшу и Германию. Эта перспективная линия создает одновременно дополнительные возможности в рамках взаимодействия с Пекином, заинтересованным в развитии проекта Евразийского высокоскоростного транспортного коридора не только до Москвы, но и далее в Европу. Одновременно этот маршрут перехватывает инициативу у «Южного коридора» через страны Центральной Азии и Турцию. Новый высокоскоростной «шелковый путь» позволит объединить народы и регионы Европы и Азии и выйти на новый уровень взаимопонимания.

Мехмет Урпер (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург)

Британия и Ирак: константы в политических отношениях

История Ирака за последние сто лет неразрывно связана с историей его отношений с Великобританией. Страна, появившаяся по воле государств Антанты, долгое время находившаяся под британским мандатом, во многом обрела свой облик вследствие решений британских политических кругов. Наш доклад посвящен вопросу сохранения глубинного сходства в политике

Британии по отношению к Ираку, и особенно к иракскому Курдистану, во времена мандата и в современную эпоху.

В докладе содержатся следующие базовые утверждения:

1. Британская политика в отношении Ирака, начиная с соглашения Сайкса-Пико¹, диктовалась во многом представлениями о существовании некоего абсолютного блага, применимого ко всем без исключения международным акторам. Это хорошо видно на примере (а) иракского Курдистана времен мандата; (б) Ирака во временном промежутке от периода накануне Второй войны в Заливе до истечения срока полномочий правительства Тони Блэра.

2. Иракский Курдистан служил своеобразным полем для социально-политических экспериментов британской администрации. К примеру, курды предмандатного периода характеризуются исследователями как конгломерат племенных образований, руководимый племенной элитой и так называемыми *агами*². Это рыхлое образование, предполагающее языковую и этническую общность, тем не менее, явно находилось на донациональном этапе развития этнического самосознания.

Тем не менее, сразу после окончания Первой мировой войны концепция единой курдской нации была разработана победившими членами Антанты, а вовсе не самими курдами³. Британцы декларировали намерение создать свободный Южный Курдистан под британским надзором, но на местах это намерение в практической плоскости трансформировалось в стремление насильственно включить курдов в систему британского миропорядка, при этом категорически игнорируя мнение и намерения самих курдов⁴.

3. Игнорирование мнений курдского населения привело к тому, что Британия стала произвольно менять свою позицию по отношению к проблемам Курдистана, в том числе к важнейшей проблеме — его автономии. В конечном итоге дело дошло до откровенного пренебрежения интересами курдского народа в пользу сохранения стабильности в Ираке и налаживания контактов с внезапно появившейся на международной арене новой Турцией Ататюрка⁵.

4. Удивительно сходным оказывается отношение Британии к проблемам современного Ирака в современный период, особенно в годы правления кабинета Тони Блэра. По общим соображениям идеалистического неолиберального характера Блэр инициирует войну в Ираке⁶, которая приводит к свержению

¹ <https://www.theguardian.com/world/on-the-middle-east/2015/dec/30/middle-east-still-rocking-from-first-world-war-pacts-made-100-years-ago>.

² Kurds, Arabs and Britons. The Memoir of Wallace Lyon in Iraq 1918–44. Edited and with an introduction by D. K. Fieldhouse. London/New York, 2002. P. 35.

³ Ibid. P.37.

⁴ The Kurds, Britain and Iraq. P. 164.

⁵ Ibid. P. 171.

⁶ Jason Ralph. Tony Blair's new doctrine of international community and the UK decision to invade Iraq // POLIS Working Paper No. 20. August 2005. P. 5.

существующего режима, якобы с целью установления справедливого устройства общества и выхода Ирака на международную арену как полноправного участника международного сообщества¹ (разработанный Блэром неолиберальный концепт).

5. Таким образом, в докладе разбирается подход, который можно условно назвать «Империализмом 2.0» — подход, не являющийся империалистическим по названию (он скорее будет назван неолиберальным), но проявляющий прежний империалистический менталитет по отношению к «менее развитым» территориям, на которых продолжается осуществление политических и социальных преобразований против воли (или, если угодно, помимо воли) самого населения «преобразуемых» территорий.

Хабибуллина А. М. (КФУ, Казань)
**Развитие арабской блогосферы:
социолингвистический аспект**

Блоги за историю своего развития стали немаловажным средством массовой информации. Поскольку большая часть информации в блогах передается языковыми средствами, блогосфера — объект интереса лингвистов.

Блоги появились в арабском мире в начале 2000-х гг. Для формирования арабоязычной блогосферы существовало серьезное препятствие: существующие к тому моменту платформы для создания блогов просто не поддерживали арабский шрифт. Первым арабоязычным блогером стал Абдулла Ал-Мухайри из ОАЭ, который в 2003 году начал вести блог www.serdal.com.

Арабский мир неоднороден, и хотя в целом языковая ситуация в нем характеризуется как диглоссия, в каждой стране развитие блогосферы и ее языка протекало по-разному. Одной из наиболее развитых блогосфер является египетская. Ее развитие подразделяют на три фазы: 2003–2005 гг. — экспериментирование, 2005–2006 гг. — «активизм», с 2007 г. по сей день — фаза «расслоения». Блогерами первого этапа были молодые инженеры, получившие образование за рубежом или в Египте на английском языке. В силу этих обстоятельств, а также того факта, что технической возможности использовать арабский шрифт в блогах тогда еще не было, главным языком египетской блогосферы стал английский язык.

В 2005–2006 годах блогосфера приобрела политическую направленность. Существовали блогеры-активисты движения «*Кифайя*», а также представители «Братьев-мусульман», которые вели блоги на арабском языке, долгое время не привлекая внимание мировых СМИ. Арабский язык был для этих блогов политическим заявлением. На выбор языка влияла и международная

¹ Prime Minister's speech: Doctrine of the International community at the Economic Club, Chicago — 24 April 1999 available at: <http://www.number-10.gov.uk/output/Page1297.asp>.

обстановка. К примеру, одним из первых известных по всему миру блогов стал Baghdad burning и Dear Raed, где иракцы описывали, что они переживают во время войны. Во время конфликта Ливана и Израиля, в комментариях к ливанским и израильским блогам разворачивались огромные дискуссии. Блогеры и комментаторы выбирали английский язык в качестве языка международного общения. На последнем этапе развития блогосферы выделились самые влиятельные блогеры, которые с того времени стали значимыми фигурами общественной жизни именно благодаря своей деятельности онлайн, блоги же приобрели специализацию: политические, модные, кулинарные, персональные.

В наше время, когда у блогеров есть техническая возможность писать на арабском языке, перед блогерами встает проблема выбора между народным и литературным арабским языком. Кроме того, за период, когда техническое оснащение не обеспечивало успешной передачи данных арабским шрифтом, пользователями была выработана особая система письма Zarabeezi. Это способ фонетического письма на основе латинского алфавита, цифр и в некоторых случаях знаков препинания. Выбор языка и шрифта зависит от темы блога, того, как автор его позиционирует, а также от личных предпочтений и уровня образования автора. К примеру, HummusNation — блог, который ведется нарочито официальным литературным языком, чтобы пародировать центральные СМИ. Блоги на диалектах, наоборот, гордятся своей разговорностью.

Важной частью блогосферы являются комментарии. Языковые стратегии у комментирующих разные: они могут использовать определенный код (язык) для осуществления опознавательной функции и для подчеркивания своего статуса, отличного от статуса собеседника. Часто английский или французский язык, а также смесь английского и французского используется комментаторами как показатель «престижа», «образованности». Zarabeezi также используется комментаторами, причем в гораздо большей степени, чем блогерами, так как набранные подобным образом большие по объему посты трудночитаемы.

Таким образом, выбор языка, диалекта и шрифта в блогосфере является результатом множества факторов: от технологических до исторических. Процессы, происходящие в арабоязычном интернете имеют комплексную природу и подлежат тщательному анализу.

Хамидова Нигора (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

**Особенности сочинения «*Kitāb aṣ-ṣādīḥ wa-l-bāḡim*»
поэта Ibn al-Nabbāruya в списках, хранящихся в рукописном
собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ**

«*Китаб ас-садих ва-л-багим*» (Книга певчего и обладателя мелодичного голоса) — знаменитый поэтический сборник сельджукского поэта Ибн аль-

Хаббарийи, содержащий в себе различные басни и стихотворения назидательного характера. Ибн аль-Хаббарийа — сельджукский поэт Аббасидского периода, родился в Багдаде в 1023 г., долгое время жил в Исфахане. Он был визирем и поэтом при дворе визиря Низам ал-Мулка, а также при дворе султана Алп Арслана.

Сочинение «*Китаб ас-садих ва-л-багим*» по своему стилю стихосложения является одним из его самых оригинальных произведений. Главными героями выступают животные и, таким образом, это сочинение напоминает своим стилем известное произведение персидского литератора Ибн ал-Мукаффа «Калила и Димна». Об этом пишет и сам Ибн аль-Хаббарийа в своем сочинении. На написание этого произведения у поэта ушло около 10 лет. Когда он закончил писать «*Китаб ас-садих ва-л-багим*», он отправил своего сына с этим сочинением к эмиру Хиллы Садаке б. Мансуру, написав ему: «Вот отличная книга, которая поражает умы; на нее я потратил десять лет с того момента, как я впервые услышал твое имя. Я написал ее ради тебя; количество бейтов составляет 2000, и все они наполнены смыслом... Я посылаю ее (книгу) с моим сыном, и, на мой взгляд, ты достоин всякого внимания. Проверая твою доброту, он спешит к тебе, преодолевая долгий путь». Садака вознаградил поэта по достоинству за его труд.

«Книгу певчего и обладателя мелодичного голоса» считают одной из самых значительных и выдающихся работ Ибн аль-Хаббарийа. Построение текста произведения «*Китаб ас-садих ва-л-багим*» отличается своей оригинальностью. Большая часть сочинения представлена в виде диалога — задаваемых автором вопросов и ответов на них. Это позволяет читателю лучше воспринять наставления и нравоучительные советы. «*Китаб ас-садих ва-л-багим*» состоит из трех глав, каждая из которых содержит различные басни, притчи и отдельные стихотворения, бейты которых впоследствии стали считать пословицами. Отличительной особенностью третьей главы является то, что стихи группируются по грамматическим признакам.

В «*Китаб ас-садих ва-л-багим*» перекрещиваются разнообразные культурные влияния. Каждая глава содержит притчи, басни и стихотворения, которые разнородны по своим художественным достоинствам. Одни представляют собой басни с вещающими мудрость персонажами (например, о сове и павлине), другие похожи на маленькое драматическое действие (например, рассказы о львах), где у персонажей появляются индивидуальные черты, намечается характер. Храбрость, справедливость, великодушие, верность дружбе, чувство долга и праведность — вот основные человеческие достоинства, восхваляемые в этом сочинении.

Нами были рассмотрены 2 списка (№ 899 и № 729) «*Китаб ас-садих ва-л-багим*», хранящиеся в рукописном собрании Восточного отдела Научной библиотеки им. Горького СПбГУ. Список № 729 принадлежит к коллекции

шейха ат-Тантави. Рукопись в хорошем состоянии; в ней почти отсутствуют глоссы и комментарии. Список содержит 105 листов. Бумага европейская. Текст написан почерком *та'лик* (*ta'liq*). Весь текст написан черными чернилами. На последнем листе указаны имена тех, кто читал данную рукопись. Так, в 1206 г. х. ее читал шейх ат-Тантави.

Список №899, напротив, находится в плохом состоянии; в нем присутствует большое количество комментариев на арабском языке. Список содержит 76 листов. Однако текст сочинения Ибн аль-Хаббарийи приведен здесь не полностью — на 55 листе начинается другое сочинение. Рукопись принадлежит к коллекции Антона Осиповича Мухлинского. Бумага восточная. Тип почерка — *наш* (*nashi*). Текст написан черными чернилами. Название сочинения, названия глав, а также некоторые знаки пунктуации выделены красными чернилами. На листе 76 указано имя переписчика — Мухаммад б. Йунис.

Хамидова Ч. И. (Институт истории АН РТ, Казань)

Шуаб-и панджгана как источник по генеалогии 12 колен Израиля

Средневековый персидский историк Рашид ад-Дин широко известен как автор «*Джами ат-таварих*», одного из важнейших средневековых ближневосточных сочинений по всемирной истории. Своего рода продолжением этой работы или приложением к ней является «*Шуаб-и панджгана*»¹. Рукопись на сегодняшний день известна в одном списке, хранящемся в музее Топкапы (Стамбул)². Общая информация о рукописи соедрежится в статьях И. М. Миргалеева и Ч. И. Хамидовой³.

Изучение рукописи показало, что, скорее всего, ее переплетали заново, поскольку многие надписи на полях срезаны, один из разделов содержания начинается без заголовка (вероятно, какие-то листы пропущены). Название, указанное на корешке переплета, в тексте самой рукописи не встречается. На форзаце имеется надпись: «вазир А'тар Мустафа паша» (وزیر اعظم مصطفی پاشا), есть записи о количестве листов в рукописи на персидском и на староосманском

¹ Şu'b-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kitaphanesi, shift A. III 2937.

² *Стору Ч. А.* Персидская литература: библиографический обзор. Ч. 1–2. М., 1972. С. 306–308.

³ *Миргалеев И. М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. Казань. № 1/2013. С. 57–64; *Миргалеев И. М., Хамидова Ч. И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. Ред. издания и составитель И. М. Миргалеев. Выпуск 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 22.

языках. Посередине внутри круга вписано: «*Джами тарих* из ... хранилища книг Касим султана, сына сейида Ахмад хана Ал-Газеми (?), да приветствует его Всевышний». Можно предположить, что Касим-султан — это сын Науруз Ахмадхана, узбекского хана из династии Шейбанидов Бухарского ханства, правившего в 1552–1556 гг. Возможно, Заки-Валиди Тоган, сделавший свои предположения о том, что рукопись попала в Стамбул «из Азии», основывался на этой гипотезе.

Рукопись содержит генеалогии арабов, евреев, тюрко-монголов, китайских династий. Рашид ад-Дин дает список римских пап, начиная со св. Урбана I и заканчивая Бенедиктом XI (понтификат в 1303–1304 гг.), а также перечисляет правителей Священной Римской империи. В списке римских пап нет данных о следующем после Бенедикта XI папе — Клименте V, чей понтификат начался в 1305 и закончился в 1314 г. Список франкских правителей заканчивается именем Альберта, о котором пишется, что на данный момент именно он является правителем. Альберт I — немецкий король и император Священной Римской империи — правил в 1298–1308 гг.

Соответственно, эти данные позволяют сделать некоторые выводы о датировке рукописи. Ранее считалось, что рукопись написана не позднее 1313 г., поскольку в ней нет информации о восшествии на престол Узбек-хана (1313–1341), а в качестве примечания к имени Тохты (1291–1312) в рукописи написано, что именно он «сейчас правит» Золотой Ордой. Однако если опираться на время правления Альберта I, можно сделать вывод, что текст рукописи написан до 1308 года.

Первая и вторая части генеалогии — это потомки пророка Авраама. Сюда же входит генеалогия пророка Мухаммада, а так же список правителей Арабского халифата вплоть до взятия Багдада монголами в 1258 году. Далее идет родословная потомков Иакова. Родословие занимает 29 листов. Практически каждый лист снабжен пространным комментарием. На первом листе перечисляются 12 сыновей Иакова: Рувим, Шимун, Леви, Йехуда, Дан, Нафали, Гад, Ашир, Исахар, Зевулун, Йусеф, Биньямин. Интересно отметить, что только в этой части мужские имена взяты в круг, тогда как в остальных частях рукописи круги используются для женских имен, а для мужских — квадраты. Родословие Рувима и Шимона очень не подробны: всего 3 поколения. Автор комментирует эти генеалогии, отмечая, что других данных не сохранилось. Родословие Леви уже более подробно: одна ветвь потомков Леви содержит около 20 поколений. Так же Рашид ад-дин приводит список пророков — «современников» Давида из числа потомков Иакова: Шемуил, Натан, Гад.

Считается, что Рашид ад-дин происходил из еврейской семьи врачей. Дед Рашид ад-Дина врач Муваффик ад-Даула находился в окружении низаритского имама Рукн ад-Дина Хуршаха. После падения исмаилитских крепостей в конце 1256 года он перешел вместе со своим сыном (отцом Рашид ад-Дина) на службу

к монгольскому хану Хулагу¹. Рашид ад-Дин поступил на государственную службу в период правления Абака-хана, при Газан-хане дослужился до визиря, став могущественнейшим царедворцем, при брате Газан-хана Олджейту Рашид ад-дин также сохранил свое влияние². Учитывая происхождение Рашид ад-дина и его возможности, его данные по генеалогии потомков Иакова представляют особый интерес.

Харитонов А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Внутриполитическая борьба в КНР и ее влияние на внешнюю политику в отношении Королевства Камбоджа и Демократической Республики Вьетнам в 1966–1969 гг.

8 августа 1966 г. состоялся XI пленум ЦК КПК, на котором под эгидой Мао Цзэдуна было принято «Постановление о великой пролетарской культурной революции». Авторы постановления главными целями Культурной революции определили противодействие возможной «реставрации капитализма», а также борьбу с внутренним и внешним ревизионизмом. Отныне единственным руководством к действию объявлялись идеи Мао Цзэдуна. Вместе с тем разворачивалась жесткая идеологическая компания по борьбе с противниками этих идей, представлявшимися врагами революции. Тогда основной политической силой, поддерживавшей Мао Цзэдуна, выступили *хунвэйбины* (红卫兵) и *цзаофани* (造反), формировавшие отряды революционной молодежи из числа учащихся школ, студентов ВУЗов и заводских рабочих. В 1966–68 гг. китайское руководство, манипулируя *хунвэйбинами* и другими политически активными гражданами, выискивало внутренних врагов и устранило их.

Проводя в КНР политику идеологических чисток, Мао Цзэдун одновременно пытался навязать миру свое видение коммунистического движения и развязать культурные революции в других странах. Так «великий кормчий» намеревался поднять свой авторитет в коммунистическом мире и усилить влияние КНР в ряде государств Индокитая. Для этого Мао Цзэдун использовал смешанную стратегию мягких рекомендаций (в частности, он предпринимал попытки призвать контактировавших с ним лидеров социалистических стран организовать культурную революцию у себя) и гибридного давления на руководства стран, включая тактику разжигания местных революционных настроений.

¹ *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII веках. М.: Наука, 1978. С. 234.

² *Хафиз Аbru.* Зайл-и джами ат-таварих-и рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида»). Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 18.

Рассмотрим, как проводилась новая внешняя политика в отношении Королевства Камбоджа и Демократической Республики Вьетнам в указанный период времени.

В самом начале Культурной революции Мао Цзэдун виделся с Хо Ши Мином в г. Ханчжоу. Тогда во время частной беседы Мао Цзэдун предложил Хо Ши Мину тоже инициировать культурную революцию во Вьетнаме, на что Хо Ши Мин ответил, что во Вьетнаме пока нет возможности проводить ее, поскольку идет война с США. Биография Хо Ши Мина показывает, что он крайне настороженно воспринимал подобные эксперименты Мао Цзэдуна, справедливо усматривал в них уродливые проявления культа личности.

Довольно своеобразно выстраивались отношения с Камбоджей. Несмотря на то, что камбоджийское руководство проводило в отношении КНР дружественную политику и даже воспринимало Китай как первого друга своей страны, Пекин развернул активную и разностороннюю работу, направленную на подрыв в Камбодже существующей власти. Для этого широко привлекались китайцы, находившиеся в этой стране, через чье посредничество в Камбодже распространялись идеи Мао Цзэдуна. В идеологический рупор китайского государства были превращены Ассоциация кхмерско-китайской дружбы и подкупленные камбоджийские журналисты. Подкупались также государственные деятели Камбоджи. В апреле 1967 г. в Камбодже поднялось крестьянское восстание, инициированное кхмерскими коммунистами, получавшими поддержку из Китая.

Курс КНР на разжигание во Вьетнаме и Камбодже грандиозной народной войны не увенчался успехом. Политическое руководство Вьетнама в условиях гражданской войны понимало опасность такой политики и поэтому стремилось не допустить ее реализацию у себя. В Камбодже военные формирования повстанцев были разобщены, не имели необходимого опыта ведения войны, испытывали острую нехватку оружия. Местные коммунисты находили поддержку лишь у небольшой части населения: основная масса жителей страны все-таки сохраняла лояльность правящим властям. Кроме того, в сложившихся обстоятельствах США оказывали всяческую помощь борющимся с коммунистами правительствам, чтобы не допустить осуществление в них коммунистических переворотов.

Хохлова А. А. (НИУ ВШЭ, Москва)

Трансформация ССНС в условиях сирийского кризиса

Актуальность исследования. При легализации оппозиции в 2012 г. на внутренней арене Сирии воскресает целый ряд политических организаций, среди которых особой силой и популярностью среди населения пользовалась

Сирийская социалистическая национальная партия (ССНП). В своем исследовании Элизабет Бэги выделяет ее как самую сильную политическую партию после ПАСВ¹. В некоторых районах, согласно, например, исследованию Джоеля Вельдкамп, работавшего в Сирии с 2010 по 2014 гг., атрибутику партии можно увидеть практически по всем населенным пунктам провинции Тартус².

При этом, о самой партии и ее роли в сирийском кризисе до сих пор отсутствует какая бы то ни было научная литература. В своем исследовании Дэниэл Пайпс говорит о том, что специалисты по социально-политическим процессам региона САБВ часто недооценивают важность политической роли ССНП в истории Сирии. В своей статье «Радикальная политика и ССНП» он приводит выдержки из журнала «The Economist», который характеризовал эту партию как движение мелких «правых активистов» 1950-х гг., трансформировавшихся в «фанатиков» в 1962 г.

Тема исследования. В центре внимания данного исследования — трансформация ССНП А. Саадэ в условиях сирийского кризиса по идеологическим и тактическим параметрам. Каким образом удалось представителям партии позиционировать себя таким образом, чтобы из самой «неблагоприятной» для режима организации превратиться в одного из самых важных союзников режима Башара Асада?

Основные положения исследования. Во вводной части будет рассмотрены проблемы изучения националистических концепций, поскольку до сих пор не существует универсального определения национализма³. Для изучаемой темы особенно важна способность националистических концепций к трансформации. Исследователями отмечается, что политическая идеология современной ССНП заметно отличается от политических взглядов партии в XX в. Несмотря на то, что члены самой партии утверждают об их буквальном следовании идеям основателя партии Антуана Сааде, ряд важных для основателя движения идей опускается современной ССНП ввиду их неактуальности и чрезмерной радикальности. Так, например, идею создания объединенной с Ираком страны Суракии (араб. Сурийа (Сирия) совмещено с аль-Ирак (Ирак))⁴ партия пол-

¹ O'Bagy E. Syria's Political Struggle; Spring 2012. Institute for the Study of War, 7.06.2012. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Backgrounder_SyriasPoliticalStruggle_Spring2012.pdf.

² Veldkamp J. Resurgence of the SSNP in Syria: An Ideological Opponent of the Regime Gets a Boost from the Conflict. Syria Comment, 19.12.2014. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/resurgence-of-the-ssnp-in-syria-an-ideological-opponent-of-the-regime-gets-a-boost-from-the-conflict/>.

³ Тушков В. А. Как и зачем нужно изучать национализм (Введение). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007.

⁴ Саадэ А. Книга ат-Таалим ас-Сурийа аль-Каумийа аль-Иджтимайя — мабадиу аль-Хизб ас-Сурий аль-Каумий аль-Иджтимай ва Гайатух — Машруха би Калям аз-Заим. (Книга изучения Социалистической национальной Сирии — основные

ностью отвергает, хотя этот пункт являлся одной из пяти фундаментальных целей, изложенных в работе основателя движения¹.

В тактическом плане очевидна ориентация партии на интеграцию в государственную систему, в отличие от ее продолжительной конфронтации с режимом в ранний период деятельности партии — при жизни ее основателя, а также в первое десятилетие после его казни. Это подтверждается а) включением партии в состав внутренней сирийской оппозиции; б) отставанием цели сохранения сирийских государственных институтов: в) участие партии в «группе Хмеймим».

В целом, современная ССНП является продолжением организации, основанной на территории Ливана в 1930-е гг., с сохранением идеи «регионального национализма», но при этом с новыми принципами и методами работы, используемыми ради большего участия во власти, с прагматичным подходом к событиям, происходящим в стране.

Цветков Д. В. (ИВР, Санкт-Петербург)

О неопубликованных переводах И. К. Россохина из китайских исторических произведений

Первые русские переводы китайских исторических произведений были выполнены в первой половине XVIII в. Илларионом Калиновичем Россохиным (1707–1761), учеником Второй русской православной миссии в Пекине (1729–1735). За всю жизнь им было переведено около тридцати текстов на различную тематику. Среди них было некоторое количество текстов исторического содержания. Однако большая часть его трудов не была опубликована и в настоящее время существует лишь в рукописных вариантах, хранящихся преимущественно в Архиве Российской академии наук и Рукописном отделе библиотеки Российской академии наук.

Данный доклад посвящен двум историческим текстам: «*Паньши-дзун лунь*, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями»² и «*Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славнороссийского* принципы ССНП и ее целей — из-под руки великого лидера). URL: <http://www.antounsaadeh.com/works/books/book8>.

¹ Там же.

² *Паньши-дзун лунь*, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями. С манджурского на русский язык перевел прапорщик Ларион Разсохин. 1746 // СПбФА РАН. Р. I. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, о завоевании им калкасакого и элетсакого народа, кочующего в Великой Татарии»¹.

«Паньши-дзун лунь, то есть Сокращенное древней китайской истории сочинение автором Ян Дзы Пань ши жуном с обстоятельными примечаниями» — перевод текста «Паньши цзунлунь» (潘氏總論), представляющего собой сокращенный вариант «Тунцзян ганму» (通鑑綱目). В начале текста приводится пояснение Россохина об особенностях произношения китайских слов, а также дается таблица правления династий Китая от Фу-си до династии Цин. Далее следует перевод самого текста, в котором рассказывается история Китая со времен легендарных «совершенномудрых государей» до окончания династии Тан. В конце даются приложения, составленные самим Россохиным. Перевод был выполнен в 1746 г.

«Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славно-российского народа» — краткий конспект книги «Премудрое предусмотрение, по которому Его величество о собственной персоне западные и северные земли оружием усмирил». Данный исторический текст содержит описание Первой ойратско-маньчжурской войны (1690–1697). Перевод был выполнен в 1750 г.

Оба текста были переведены с маньчжурского языка и сопровождаются подстрочными комментариями Россохина. В настоящее время идет работа по установлению и поиску источников перевода.

Данный доклад посвящен детальному анализу данных переводов.

Чубаров Д. А. (РГУ, Москва)

Курдская диаспора в России: пути сохранения национальной идентичности вдали от родных гор

Мы обратимся к примеру, который позволит по-новому взглянуть на проблему миграции. Как человек, живущий в чужой стране, может сохранить свою культуру вдали от своей родины? Эта проблема становится особенно актуальной в том случае, если его родины нет на современной политической карте.

Курды являются одним из древнейших автохтонных народов Западной Азии. Горный район проживания курдских племен в XX в. оказался разделен между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. Курды часто подвергались

¹ Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества, и до презрения всего славно-российского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи, называемого о завоевании им калкасакого и элетсакого народа, кочующего в Великой Татарии 1750 // СПбФА РАН. Р. 1. Оп.2. Д.112. Л.1.

дискриминации, что привело к появлению большого количества общин вдали от гор Курдистана.

Для сорокамиллионного курдского народа проблема миграции заключается в сохранении исторической, культурной и национальной идентичности в условиях территориальной, религиозной и диалектальной разобщенности. Характерна точка зрения на проблему ассимиляции, озвученная одним из российских курдов в личной беседе: «Пока у нас нет своего государства, мы не можем позволить себе смешаться с населением тех стран, в которых проживаем. Тогда мы исчезнем. Но когда у нас появится свое государство — можете ассимилировать нас здесь, сколько влезет».

В условиях разобщенности должен существовать некий фактор или ряд факторов, которые на протяжении нескольких веков обеспечивали сохранение курдской национальной идентичности. Главную роль здесь играли низовые формы организации. В случае с курдской диаспорой в России такой формой является семья. В рамках семьи сохраняется родной язык, формируется понимание принадлежности к своему народу, сохраняются традиции и обряды. В наибольшей степени это касается сельской семьи. Курдские семьи, живущие в городах России, со временем теряют свои традиции.

Вопрос о численности курдской диаспоры в России является не до конца разрешенным. Данные существенно разнятся: 250 тысяч по данным курдского центра в Москве против 28 тысяч курдов и 30 тысяч езидов (которые рассматриваются переписчиками в качестве отдельной нации) по данным переписи 2010 г. Курды расселены на территории Российской Федерации крайне неравномерно. Они могут как полностью населять целые деревни, так и рассеиваться на территории больших городов. На данный момент курдское население России примерно поровну разделено между сельской и городской местностью, но в современных условиях курды все чаще перебираются в город в поисках работы.

Множество семей, рассеянных по чужой территории, рано или поздно смешается с местным населением. Помимо семьи должны существовать иные формы сохранения национальной идентичности, они же — формы общественной и политической самоорганизации. Российские курды поддерживают связи с действующими на территории Курдистана политическими партиями, а в Москве на момент написания доклада действовал ряд организаций, включавший представительства двух курдских автономий. Российские курды демонстрируют высокий уровень самоорганизации, поддерживая прямой диалог между Кремлем и Курдистаном.

Кроме того, курдские организации регулярно проводят концерты, праздники и уроки курдского языка. При этом большинство курдских организаций России связано между собой и представляет политические силы, действующие в Сирийском и Турецком Курдистане под лозунгами Оджалана. Роль идеологической основы для турецких курдов играли марксизм и маоизм: курдские

политические организации не только нашли надежного союзника в лице левых, но и раскрыли потенциал марксистской идеологии в качестве проводника идеологии национальной.

Курды являются примером того, как народ, не имеющий собственного национального государства, сохраняют свою идентичность на уровне семей и неправительственных организаций, не прекращая одновременно сражаться за свои права в родных горах. Курдское освободительное движение наглядно демонстрирует, что политический потенциал «левых» идеологий по-прежнему высок.

Шарапова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Как бенгальцы создали современную Америку (бангладешские историки об американских торговцах на Востоке)

В начале XVII века окончательно становится известен морской путь в Индию, и в связи с этим появляются Ост-Индские торговые компании, которые в скором времени начинают играть довольно серьезную роль в политике и экономике. Довольно значительное количество стран пошло по этому пути: Великобритания, Франция, Голландия, Дания, Швеция, Австрия, Португалия. Однако были и те, кто успешно вел торговые дела в Азии и без учреждения данного института — американцы.

Довольно символично, что американские купцы достигают берегов Бенгалии в конце 1784 года — сразу же после окончания войны за независимость США. Торговцы из Новой Англии были мгновенно очарованы и бенгальской культурой, и возможными торговыми перспективами. Правительство молодого американского государства одобрило торговлю в Бенгальском заливе, но поставило жесткие условия: запрет на учреждение какой-либо ост-индской компании и невмешательство в колониальные дела европейских государств. В результате, не имеющие индийских владений американцы не только оказались экономически конкурентоспособны, но и превзошли англичан. Подобный успех позитивно сказался на американской экономике, и, кроме того, по мнению Сираджула Ислама — профессора Даккского университета, внес ощутимый вклад в индустриализацию Америки.

В дальнейшем ведение торговых дел с Бенгалией наложило глубокий отпечаток на сознание американских купцов, пробудило интерес к индийской (бенгальской) культуре, истории, литературе, философии. При участии некоторых увлеченных купцов-коллекционеров были открыты музеи, посвященные Бенгалии, самым известным из которых был Салемский морской музей Ост-Индии (совр. Музей Пибоди в Эссексе). Все это способствовало и появлению американской школы ориенталистики.

Шахигулин А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

К вопросу о культе сестер Чынг в духовной жизни Вьетнама

Вьетнам — страна с древней и сложной культурой, испытавшей на себе сильное влияние Китая. Для Вьетнама, как и для многих других стран региона, характерно наличие синкретизма буддизма, даосизма и конфуцианства, однако не менее важное место в духовной жизни вьетнамцев занимает культ предков и культы духов-хранителей местности. Во вьетнамской религиозной системе существует многоуровневый пантеон духов, которым поклоняются в определенных местах. Государственная власть во Вьетнаме веками выстраивала систему взаимоотношений с духами. Важнейшее место среди них отводилось духам-охранителям вьетнамской земли, древним правителям, культурным героям¹.

История Вьетнама свидетельствует об активном участии женщин в политической и социальной жизни страны. Вьетнамские женщины руководили некоторыми восстаниями, были отважными воинами. Мифологический пантеон этой страны включает большое количество женских божеств, во многих пагодах поклоняются именно женским божествам.

Култ сестер Чынг также является одним из основных культов, связанных с поклонением женским божествам. Как гласят предания, сами сестры Чынг являются воплощением женского духа горы Тамдао, который помогал Хунгам-выюгам в битвах с врагами. После гибели сестер Чынг люди оплакивали их и воздвигли в их честь кумирню в верховьях реки Хат, уезде Анхат. Воительниц почитали как духов, вызывающих и успокаивающих бури, приносящих дождь.

Центральная власть использовала авторитет сестер Чынг в народе. В 1142 г. император Ли Ань Тонг возводит в их честь поминальный храм, с которым связано несколько легенд. Храм сестер Чынг расположен в 1,5 км от озера Возвращенного Меча; он дал имя целому району современного Ханоя. В святилище и поныне можно видеть статуи сестер-героинь, которые расположены у главного алтаря. Внутри храма немало интересных парных изречений, также в храме находятся две черные статуи боевых слонов, когда-то принадлежавших воительницам. Справа от храма расположен общинный дом, где поклоняются трем духам-хранителям этой местности.

Ежегодно, с 4-ого по 8-ой день 2-го лунного месяца в Ханое, в храме Хай Ба Чынг проходит праздник. Начинается он с торжественного шествия в честь великих сестер Чынг, сопровождаемого грохотом барабанов, гонгов и оркестра из восьми музыкальных инструментов, а также молитвенными песнопениями. Процессия проходит от общинного дома деревни Халой до храма Сестер Чынг.

¹ Антощенко В. И. Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 2002. № 4. С. 108–131

После шествия проходят праздничные мероприятия, устраиваются различные традиционные игры¹. Праздник храма сестер Чынг имеет значение как религиозного, так и культурного события, призванного воспитывать у молодого поколения чувство любви к родине.

В духовной жизни Вьетнама память о сестрах Чынг выразилась не только в культе, но и в создании целого ряда художественных произведений. В эпоху французского колониализма тема героев вьетнамских национально-освободительных движений была особенно актуальна, и поэтому некоторые вьетнамские поэты того времени посвятили свои стихотворения сестрам Чынг. О деяниях отважных сестер повествуют и произведения, появившиеся во время вьетнамско-американской войны и после 1975 года.

Таким образом, в народе продолжают помнить заслуги доблестных воительниц в деле освобождения страны и, как и раньше, возносят им почести. Именно поэтому культ сестер Чынг, как и многие другие культы, существующие во Вьетнаме, имеет огромное значение для духовной и общественной жизни страны.

Ширшова А. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург)

Комплексный подход к локализации веб-сайтов на арабском языке

В настоящее время Интернет представляет собой огромную платформу для продвижения товаров и услуг. В связи с тенденциями возрастающей глобализации полномасштабный выход на международный рынок для компании невозможен без локализации сайта в соответствии со спецификой региона, в котором планируется продвигать продукт. Понятие локализации в данном случае имеет комплексный характер и рассматривается как процесс адаптации сайта с учетом социокультурных особенностей региона и особенностей лингвокультурной специфики языка.

В случае с арабским языком, помимо ряда вопросов технического характера, таких как изменение интерфейса в связи с направлением письма, изменение местоположения кнопок и иконок, а в некоторых случаях и всей навигационной структуры сайта, большую сложность вызывает адаптация текстового контента. Преобразование текста в процессе перевода должно производиться обязательно с учетом особенностей менталитета и культурных установок предполагаемой аудитории. В качестве примера можно привести такое государство, как Саудовская Аравия. Для данного региона в текстах, рекламирующих тот или иной продукт, следует избегать употребления слов, вызывающих ассоциацию с Богом

¹ Hội đền Hai Bà Trưng // Báo ảnh Việt Nam. 2011. №627. С. 31–32.

(например, «величайший» или «сотворить»), а также выражений, которые могут нести скрытый сексуальный подтекст («удовольствие», «наслаждение»).

Большая часть сайтов, ориентированных на арабский мир, сделана на арабском литературном языке (АЛЯ) без использования диалектов. Однако локализуя сайт с использованием АЛЯ, необходимо также учитывать языковые особенности каждой арабской страны.

Стоит отметить, что Арабский Восток представляет собой определенный культурный ареал, без изучения специфики которого, реклама продукта может провалиться, несмотря на качественную работу переводчика. Подчас, в соответствии с культурными особенностями, которые продиктованы традициями и религиозными представлениями целевой аудитории, могут потребоваться серьезные изменения исходной версии сайта. Это касается цвета, изображений, аудио- и видеоматериалов.

При учете вышеперечисленных факторов и использовании комплексного подхода в целом, локализация веб-сайтов может представлять собой наиболее перспективную форму взаимодействия с арабоязычными потребителями.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ XIII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИНДИИ И ЮВА HISTORIOGRAPHY OF INDIA AND SOUTHEAST ASIA

<i>Stig Toft Madsen (Nordic Institute of Asian Studies, University of Copenhagen).</i> Jats and Jutland: Caste Identity Across Time and Space	5
<i>Атманова Ю. Г. (ИВ РАН, Москва).</i> Могольский дарительный портрет в свете письменных и изобразительных источников	6
<i>Бочковская А. В. (МГУ, Москва).</i> Амритбани: священный текст современных последователей Равидаса	8
<i>Горяева Л. В. (ИВ РАН, Москва).</i> Опыт построения документального нарратива в мемуарах Абдуллаха б.Абдулкадира Мунши (1796–1854)	9
<i>Григорьева Н. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург).</i> Ритуальные нарративы мыонгов как нематериальное культурное наследие: история изучения, перспективы, проблемы	10
<i>Демичев К. А. (НИУ РАНХИГС, Нижний Новгород).</i> «Путь любви» Прем Сумараг XVIII в. как источник изучения идеальной модели сикхского государства	12
<i>Донских В. В. (БАН, Санкт-Петербург).</i> Ретроспективный библиографический указатель христианской книги на индийских языках XVI–XVII вв.	13
<i>Дорохова И. А. (Петрозаводский госуниверситет).</i> Скандинавские корреспонденты Махатмы Ганди	15
<i>Захаров А. О. (ИВ РАН, Москва).</i> Некоторые замечания о переводах «Камасутры»	17
<i>Карлова Е. М. (ГМ Востока, Москва).</i> Об одном бродячем сюжете в могольской миниатюре.....	18
<i>Кнорозова Е. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> К вопросу о вьетнамских традиционных энциклопедиях	26
<i>Колотов В. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Технологии создания личного религиозного культа в борьбе против коммунистов в горах Вьетнама по воспоминаниям участников.....	27

<i>Котин И. Ю. (МАЭ РАН; ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Ранние английские «Истории Индии» глазами современных индийских и российских историографов.....</i>	29
<i>Краснодембская Н. Г., Котин И. Ю., Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). И. П. Минаев как зачинатель и пропагандист российской этнографической индологии</i>	30
<i>Мазырин В. М. (ИДВ РАН, Москва). Источники и методология исследования экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии</i>	31
<i>Мельниченко Б. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Российские и таиландские издания XXI века о российско-таиландских отношениях</i>	39
<i>Меренкова О. Н. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Банглатаун и его жители в романе Тарквина Холла «Салам, Брик Лейн: год в новом Ист Энде».....</i>	40
<i>Москалев П. Э. (ВФ, СПбГУ). Книга Джорджа Уильяма Скиннер «Китайская община в Таиланде: аналитическая история» как ключевой источник по истории зарубежных китайцев в Таиланде в западной историографии XX в.....</i>	42
<i>Мратхузина Г. Ф. (ИМОИВ КФУ, Казань). Историография и источниковедение как самостоятельная часть индологии: основные вехи и концепции</i>	43
<i>Новакова О. В. (ИСАА, МГУ, Москва). Relation как основные источники по истории Вьетнама XVII в.....</i>	45
<i>Пылева А. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Характер и особенности взаимных отношений Таиланда с Германией и Великобританией в историческом контексте</i>	47
<i>Смирнова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Хинду «джанаджагрути самити» на защите индусского государства</i>	49
<i>Соболева Е. С. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Личные истории евразийцев как этнокультурные тексты (на примере мемуаров англо-индийцев из Калькутты).....</i>	50
<i>Соколов А. А. (ИВ РАН, Москва). Кругосветное путешествие великого князя Бориса Владимировича: Вьетнам, 1902 год.....</i>	52
<i>Старикова Е. О. (НИУВШЭ, Санкт-Петербург). Вьетнамские антологии народных песен конца XIX — начала XX вв. как самый ранний источник сведений о песенном фольклоре вьетов</i>	52
<i>Стрельцова Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Первые упоминания Непала в записях британских дипломатов и исследователей.....</i>	53
<i>Теханович Анна (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). План «Дорожная карта» как способ нормализации отношений между СРВ и США</i>	55
<i>Тюнь Г. Т. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О жертвах трагедии 30 сентября 1965 г. в современных электронных ресурсах и исторических исследованиях Индонезии</i>	57
<i>Шомахмадов С. Х. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Неопубликованные санскритские фрагменты из коллекции С. Е. Малова (ИВР РАН).....</i>	59
<i>Яковлева Е. А. (МГИМО(У) МИД РФ, Москва). «Воспоминания о моей жизни в контексте лаосской истории» Фуми Вонгвичита — «забытый» источник по новейшей истории Лаоса</i>	60

СЕКЦИЯ XIV.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КИТАЯ

HISTORIOGRAPHY OF CHINA

<i>Alexander G. Storojuk (FAAS, St Petersburg State University, St Petersburg).</i> Qi-furen: Historic Figure and Goddess of Chinese Folksy Religion.....	62
<i>Алтан-Очир (ИКОР, КАОН, Пекин).</i> Медведь глазами дракона: Образ России в Китае в XVIII и XIX вв.	63
<i>Баялиева Е. Ф. (ИВ РАН, Москва).</i> О «моральной или нравственной» экономике юаньского Китая (по переводам кодекса «Чжичжэн тяогэ 至正条格», цзюань 25)	65
<i>Белая И. В. (МРИВСЭО, Курск).</i> Тексты даосских стел как источник по истории женского монашества школы Цюаньчжэнь	67
<i>Благодер Ю. Г. (КубГТУ, Краснодар).</i> Роль периодики в формировании представлений россиян о Китае (1850–1917 гг.).....	68
<i>Бойко В. С. (АлтГПУ/АГУ, Барнаул).</i> Синьцзян в 1940-е — середине 1950-х гг.: на пути к коммунистическому правлению и созданию автономии	70
<i>Верченко А. Л. (ИДВ РАН, Москва).</i> Китайские студенты в СССР в 1920–1950 годы: отцы и дети.....	71
<i>Войтишек Е. Э. (НГУ, Новосибирск).</i> Ароматическая древесина аквилярии в китайских религиозных практиках	73
<i>Врадий С. Ю. (ИИАЭ НДВ ДВО РАН, Владивосток).</i> Китай накануне «опиумных» войн: реакция образованного сословия	74
<i>Головачев В. Ц. (ИВ РАН, Москва).</i> Новые сведения о прапорщике П. И. Ибисе и «экскурсии на Формозу» в 1875 г.....	76
<i>Гулева М. А. (СПбПУ, Санкт-Петербург).</i> Образы русских эмигрантов в журнале «Шидай маньхуа»	78
<i>Дмитриев С. В. (ИВ РАН; ИСАА МГУ; РГГУ, Москва).</i> Музыкальные инструменты и ритуальные принадлежности тангутских буддистов по тангутско-китайскому словарю «Перл в ладони» (1190).....	79
<i>Донская А. Е. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Новые подходы в исследовании голода в период «большого скачка» в КНР	81
<i>Доронин Б. Г. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Китайская историческая наука нового времени: начало пути.....	82
<i>Зельницкий А. Д. (Институт философии, СПбГУ).</i> Подлунный старец. Когда возникает культ?.....	84
<i>Кейдун И. Б. (АмГУ, Благовещенск).</i> Характеристика пространства храма предков (по материалам трактата «Ли цзи»).....	86
<i>Кобзев А. И. (ИВ РАН, Москва).</i> К уточнению перевода заглавия «Ши цзина».....	88
<i>Кудинова М. А. (НГУ, Новосибирск).</i> Данные археологических и эпиграфических источников о ритуальном использовании собак в Шан	89

<i>Кузнецова-Фетисова М. Е. (ИВ РАН, Москва). Образы людей в искусстве «Великого города Шан» (XIV–XI вв. до н. э.)</i>	90
<i>Лютик Е. В. (Гуандунский Университет иностранных языков, Гуанчжоу). Китайские ученые о перспективах участия и сотрудничества с РФ в проектах Морского шелкового пути (по материалам журнала «Стратегические решения» и тезисов конференций 2016 г.)</i>	92
<i>Мясников В. С. (ИДВ РАН, Москва). Китайский чай в России</i>	96
<i>Новиков Б. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Китайские гильдии: условия возникновения и сферы торгово-экономической деятельности в XV — начале XVII вв.</i>	107
<i>Пан Т. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Инспекционные поездки на Восток императора Цяньлуна</i>	110
<i>Пахомова М. А. (ИВ РАН; ВКНЯ МИД РФ, Москва). Взаимодействие в формате Восток-Восток: арабские исследования в КНР во второй половине XX — начале XXI века</i>	112
<i>Перминова В. А. (ИВ РАН, Москва). Выбор модели колониального управления Тайванем в 1895–1945 гг.– вопрос применимости Конституции Мэйдзи</i>	113
<i>Петухова Н. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Российские консульства в Кульдже, Чугучаке и Кашгаре во второй половине XIX века (по материалам АВПИРИ)</i>	115
<i>Погудина Ю. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Система контроля численности автомобилей в крупных мегаполисах Китая в процессе ускоряющейся урбанизации</i>	116
<i>Портяков В. Я. (ИДВ РАН, Москва). Внешняя политика Китайской Народной Республики в 2016 г.</i>	117
<i>Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эскадра адмирала Лесовского у берегов Китая (материалы и документы)</i>	119
<i>Синецкая Э. А. (ИВ РАН, Москва). Вопрос социальной характеристики современного Китая</i>	120
<i>Смирнова Н. В. (ПетрГУ, Петрозаводск). Исследования Льва Абрамовича Березного по американской историографии проблем новой истории Китая</i>	122
<i>Старовойтова Е. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Китайско-японская война 1894–1895 г. и формирование образа Китая в России</i>	123
<i>Терехов А. Э. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Две трактовки древнейшей истории в китайской историографии VIII–XVIII вв.</i>	125
<i>Харитонов А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Китай 2-й половины XIX века глазами русского дипломата (труды и архивные материалы В. М. Успенского)</i>	126
<i>Чэнь Бин (СПбГУ, Санкт-Петербург). Советская помощь Китаю в 1950-х годах: Чанчуньский автозавод</i>	127
<i>Черникова Л. П. (ИВ РАН, Москва). Обзор китайской историографии по истории российской эмиграции в Китае</i>	129

XV. КРУГЛЫЙ СТОЛ: «КИТАЙ: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

ROUND TABLE DISCUSSION: “LEGACY AND MODERNITY IN CHINA”

<i>Будаева Т. Б. (ИВ РАН, Москва). Старые театры пекинских домов землячеств Чжэнъицы и Хугуан хуэйгуань: история и современность</i>	132
<i>Виноградова Т. И. (БАН, Санкт-Петербург). Академик В. М. Алексеев о преподавании истории Китая (по материалам Синологической картотеки ученого)</i>	134
<i>Комиссаров С. А. (ИАЭТ СО РАН; НГУ, Новосибирск), Соловьев А. И. (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск). Мавзолей Цинь Шихуанди как неиссякаемый источник по истории Древнего Китая.....</i>	136
<i>Рысакова П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Образ Советского Союза и России в учебниках истории КНР в 2000-е гг.</i>	137
<i>Самойлов Н. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Наследие КВЖД как фактор исторической памяти.....</i>	139

СЕКЦИЯ XVI.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ЯПОНИИ HISTORIOGRAPHY OF JAPAN

<i>Бабенко Е. (Новосибирский ГУ, Новосибирск). Японский медицинский трактат Исимпо как этнологический источник</i>	141
<i>Бабкова М. В. (ИВ РАН, Москва). «Беседа о постижении Пути» — отдельный памятник или Введение к «Вместилищу сути истинного Закона»?</i>	142
<i>Булацев С. Х. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Трактаты «Сюсинрон» и «Тайёрон» — средневековые источники по истории этикета японских воинских домов.....</i>	144
<i>Досовицкая В. В. (ИВ РАН, Москва). Англоязычная литература по истории внешней политики Японии первой половины XX в.</i>	145
<i>Дулина А. М. (ИСАА, МГУ, Москва). Концепции пространства и времени в учениях о богах: на примере сочинения «Наставление глупым детям о Хатиман» (начало XIV в.)</i>	146
<i>Климов А. В. (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Описание медвежьего праздника японским исследователем Мацуда Дэндзюро</i>	147
<i>Климов В. Ю. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Конторские книги начала XIX в. по торговле японцев с айнами</i>	148

<i>Леленкова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Участие Японии и Индии в политической кампании за расширение состава Совета Безопасности ООН...</i>	150
<i>Маранджян К. Г. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Два неизвестных иллюстрированных свитка «эмакимоно» из коллекции ИВР РАН.....</i>	152
<i>Мартынов Д. Е., Мартынова Ю. А. (КФУ, Казань). «Идеальный мир» Нобуя Хамада — забытый источник по утопической мысли Дальнего Востока....</i>	153
<i>Михайлова С. А. (МГЛУ, Москва). Японские дипломаты в Петрограде в 1917 году: разные судьбы.....</i>	155
<i>Мотрохов А. И. (Харьков). Любовь и жизнь как страдание в поэтическом творчестве Яманоз Окура.....</i>	157
<i>Овчинникова Л. В. (ИСАА МГУ, Москва). Революционные события в России и активизация антияпонской борьбы в Корее в конце 10-х — 20-е гг. XX в. По страницам служебных изданий японского генерал-губернаторства.....</i>	163
<i>Османов Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Специфика идеологического воспитания и особенности подготовки к прохождению военной службы японских школьников периода Мэйдзи (1868–1912).....</i>	165
<i>Полхова Е. В. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург). Советская историография о Федерации экономических организаций, по материалам ежегодника «Япония».....</i>	166
<i>Речкалова А. А. (НГУ, Новосибирск). Генеалогические списки 武鑑 ぶかん.....</i>	168
<i>Симонова-Гудзенко Е. К. (ИСАА, МГУ, Москва). Мандала как источник по истории японских пространственных представлений.....</i>	169
<i>Синицын А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Японский доспех из частного собрания галереи «Касугаи», принадлежавший семье Вакэбэ, как исторический и этнографический памятник второй половины периода Эдо.....</i>	171
<i>Струве Даниил (Centre de Recherches sur les Civilisations d'Asie Orientale, Université Paris-Diderot). «Повесть о жизни Ванкю»: опыт прочтения.....</i>	173
<i>Торопыгина М. В. (ИВР РАН; ИВКА РГГУ, Москва). Минамото-но Тосиёри (1055–1129) о разнообразии форм стихотворений вака (по тексту «Тосиёри дзуйно»).....</i>	173
<i>Федянина В. А. (ИИЯ МГПУ, Москва). Представление о Японии как «земле богов» в начале XIII в. в работах монаха Дзиэн.....</i>	175
<i>Филлипов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Япония от революции Мэйдзи до века информационных технологий: изменения в языковой культуре (попытка периодизации).....</i>	176
<i>Фирсова В. С. (БАН, Санкт-Петербург). Традиционная игра ута-гарута в зеркале японской культуры.....</i>	190
<i>Щепкин В. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Коллекция японских ксилографов И. А. Гошкевича в собрании ИВР РАН.....</i>	191

СЕКЦИЯ XVII.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ КОРЕИ

HISTORIOGRAPHY OF KOREA

<i>Guryeva Anastasia (FAAS, St Petersburg State University). On the Issue of Forming Korean Literature Studies in Korea (in relation with Traditional Perception of Literature).....</i>	193
<i>Акуленко В. С. (ВИ-ШРМИ, ДВФУ, Владивосток). Образ русских и России в Корее в XVII–XVIII вв. по материалам корейской летописи «Анналы правящего дома Чосон».....</i>	195
<i>Воронина Л. А. (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург). Методические термины корейского языка как источник для понимания современной идеологии при обучении иностранным языкам в Республике Корея.....</i>	202
<i>Гутарёва Ю. И. (Художественная галерея Фонда исторической фотографии, Санкт-Петербург). Образ сосны в традиционной корейской живописи: наследие и современность.....</i>	203
<i>Курбанов С. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Категория исторического факта в новейшей истории Кореи.....</i>	204
<i>Лобов Р. Н. (ИДВ РАН, Москва). «Политика памяти» и взаимоотношения между РК и Японией: попытки урегулирования и «новые» противоречия.....</i>	205
<i>Москаленко Ю. В. (ДВФУ, Владивосток). Образ «неба» в лирике Чхон Санбёна.....</i>	207
<i>Новожилова Е. А. (БАН, Санкт-Петербург). О применимости современных лингвистических подходов к изучению синтаксиса корейского языка.....</i>	208
<i>Цой И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Роман-эпопея Пак Кённи (1926–2008) «Земля» как источник описания исторических событий в Корее конца XIX — первой половины XX века.....</i>	210
<i>Шмакова А. С. (НГУ, Новосибирск). Проблемы реконструкции ритуала мэхян (埋香) и его роли в жизни средневекового корейского общества.....</i>	212

СЕКЦИЯ XVIII.

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ, ТИБЕТОЛОГИЯ, БУДДОЛОГИЯ

HISTORIOGRAPHY OF MONGOLIA, TIBET AND BUDDHISM

<i>Arienne M. Dwyer (University of Kansas, USA). When Turks tell Gesar: Cultural contact and the repurposing of the Gesar epic.....</i>	214
<i>Алексеев К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу об идентификации «золотых» фрагментов монгольского Ганджура из джунгарского монастыря.....</i>	214
<i>Бадмацыренова Н. Б. (БГУ, Улан-Удэ). Способы перевода фразеологизмов в монгольской хронике XVII века «Алтан тобчи» Лувсанданзана.....</i>	216

<i>Буцык П. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О тибетских традиционных музыкально-теоретических сочинениях XI–XIX вв.</i>	218
<i>Гроховский П. Л. (ВФ СПбГУ), Добров А. В. (СПбГУ), Доброва А. Е. (АИРЕ), Захаров В. П. (СПбГУ), Михайлова М. О. (Эмоушенспот), Смирнова М. О. (СПбГУ), Сомс Н. Л. (АИРЕ), Санкт-Петербург. Средства автоматической обработки текстов на тибетском языке</i>	220
<i>Жабон Ю. Ж. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). «Бхайшаджья-васту» — медицинская основа буддийской монашеской дисциплины</i>	221
<i>Иванова Е. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Новый взгляд на историю буддизма в России</i>	224
<i>Москалева Н. Н. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Тибетский вопрос» на страницах газеты «Зеркало Тибета» (1949–1963)</i>	226
<i>Музраева Д. Н. (КалмНЦ РАН, Элиста). Письменное наследие ойратских и калмыцких священнослужителей как источник по истории буддизма в Калмыкии</i>	227
<i>Петрова М. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Буддийская тематика в монгольских романах XXI века</i>	229
<i>Попов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Термин «аю» в монгольских официальных документах XIX в.</i>	231
<i>Селюнина Д. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Великий улус» в монгольских источниках XVII века</i>	232
<i>Скрынникова Т. Д. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Титулатура элиты властно-управленческой структуры Монголии XIX в. (иерархия статусов)</i>	234
<i>Туранская А. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Фрагменты Аватамсака-сутры из сериндийской коллекции ИВР РАН</i>	235
<i>Энхбат Мунхцэцэг (Институт языка и литературы АН Монголии, Улан-Батор). Преemptивность в составлении словарей, «созданных по высочайшему повелению» (XVIII–XIX вв.)</i>	236
<i>Ямпольская Н. В. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). О выражении <i>debisker-e bayulyabai</i> в монгольских колофонах</i>	236
<i>Яхонтова Н. С. (ИВР РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Списки поэтических выражений в тибетско-монгольских лексикографических источниках</i>	238

СЕКЦИЯ XIX.

СЕКЦИЯ АФРИКАНИСТОВ: «ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ»

AFRICAN STUDIES: "IN MEMORIAM OF D. A. OLDEROGGE"

<i>Herman Bell (University of Exeter, UK). The Intangible Heritage of the Nubian Nile with a Tribute to the Late Dr. Abdelhalim Sabbar (MBChB)</i>	240
--	-----

<i>Mathew Buyu (US International University — Africa, Nairobi, Kenya). Liberator or Chronicler? A Re-Examination of the Role of Poets in Pre- and Postcolonial Africa</i>	241
<i>Olga A. Ivanova (Department of Linguistics, UCLA, Los Angeles). Linguistic encoding of agency in naturally occurring Swahili-English discourse on social gender</i>	242
<i>Kithaka Wa Mberia (University of Nairobi, Kenya). On the Evolution of Swahili Poetry</i> ..	244
<i>Karina Simonson (Lithuanian Culture Research Institute, Vilnius). German colonialism in Africa through a Jewish lens: László Moholy-Nagy and Leon Levson</i>	244
<i>Аксёшин А. С. (ГЭ, Санкт-Петербург). Социальные границы христианского гетто: случай Сабон Гари, Нигерия</i>	246
<i>Аплонова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Краткий обзор системы ТАМ языка гоо</i>	247
<i>Балезин А. С. (ЦАИ ИВИ РАН, Москва). 45 лет источниковедению африканской истории в Центре африканских исследований ИВИ РАН: итоги и перспективы</i>	250
<i>Блинова Е. (ЯрГУ, Ярославль). Этапы и механизмы формирования африканского Лондона</i>	252
<i>Видакас Ю. Ю. (Посольство России в ОАЭ, МИД РФ). Эволюция деятельности «Африканской архитектуры мира и безопасности» и ее роль в предупреждении и урегулировании конфликтов в Африке</i>	253
<i>Власенкова Е. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сочинения Наны Асма'у как источник по истории Западной Африки в Новое время</i>	254
<i>Воеводский А. В. (НИУ ВШЭ, Москва). Правовые традиции и обычаи африканцев в правовой системе британских колоний Южной Африки (вторая половина XIX в.)</i>	255
<i>Волкова Е. В. (Ecole pratique des hautes études; Institut des mondes africains, Paris). О чем шутят джоола и мандинка: тематика ритуального подшучивания</i>	256
<i>Выдрин В. Ф. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург; LLACAN; INALCO, Paris). Обозначение тонов в практических орфографиях южных языков манде</i>	257
<i>Гавристова Т. М. (ЯрГУ, Ярославль). Африканские селебрити: от космополитизма к афрополитизму</i>	259
<i>Герасимов И. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург), Талха ат-Тайиб (Судан). Племенные лидеры и племенная история: Восток Судана — Эритрея</i>	261
<i>Гриб А. С. (Веб-портал по мусульманской каллиграфии, Санкт-Петербург). Благодатные чернила и магический орнамент: алло Северной Нигерии из коллекции ван Красна, Брюссель</i>	262
<i>Михаил Громов (US International University-Africa, Nairobi, Kenya). Фольклорные мотивы в «новом» кенийском романе на языке суахили</i>	264
<i>Громова Н. В. (ИСАА МГУ, Москва). О способах выражения родового признака в языках банту</i>	265
<i>Гусарова Е. В. (ИВР РАН; ОР РНБ; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург). Такла Хайманот II (1769–1777) и кризис царской историографии в эпоху политической раздробленности Эфиопии</i>	266

<i>Давидсон А. Б. (НИУ ВШЭ; РАН, Москва). Первые ленинградские историки Южной Африки</i>	268
<i>Давыдов А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Говор гбээка (манден) деревни Гбэсоба</i>	268
<i>Добронравин Н. А. (ФМО, СПбГУ). Революционная деколонизация и одностороннее провозглашение независимости в Субсахарской Африке</i>	269
<i>Емельянов А. Л. (МГИМО (У) МИД России). Имитационная демократия в России и Африке: общее и особенное</i>	276
<i>Желтов А. Ю. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Еще раз о типологии именной классификации: специфика языков нигер-конго, и есть ли языки без «рода»</i>	278
<i>Завьялова О. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Клятва охотников и охотничьи легенды манден</i>	280
<i>Захарова Н. А. (Истфак, ЯрГУ, Ярославль). Традиция женского политического участия в обществе йоруба и проблема власти</i>	280
<i>Зданевич А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Устойчивость и изменчивость архаических структур традиционной африканской культуры в пространстве современности</i>	282
<i>Иванова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Система ТАМ языка дан-бло</i>	284
<i>Иванова Л. В. (ИВИ РАН, Москва). Традиция власти и власть традиции в современном Сомали</i>	286
<i>Карпов Г. А. (ИнАфр РАН, Москва). Получение образования как фактор африканской миграции в Великобританию колониальной эпохи</i>	286
<i>Коваль А. И. (ИЯ РАН, Москва). Генерические имена в опытах африканских лингвистов</i>	288
<i>Колесникова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Турция в Африке: зарубежная историография</i>	288
<i>Коношенко М. Б. (РГГУ; Московский ПГУ, Москва). Грамматические тоны в языках Западной Африки</i>	290
<i>Косогорова М. А. (ИСАА МГУ; ИЯЗ РАН, Москва). Особенности сериальных конструкций в пулар фута-джаллона</i>	292
<i>Кудрявцев Д. В. (Филологический ф-т СПбГУ, Санкт-Петербург). Э. Роблес и алжирская война</i>	294
<i>Куликова Е. Ю. (Институт филологии СО РАН, Новосибирск). О соединении истории, прозы и поэзии в «Африканском дневнике» Николая Гумилева</i>	295
<i>Курбак М. С. (ИВИ РАН, Москва). Образ России в современной литературе ЮАР</i>	297
<i>Куценков П. А. (ИВ РАН, Москва). Искусство и архитектура догонов как исторический источник</i>	298
<i>Львова Э. С. (ИСАА МГУ, Москва). «Зрелищная и музыкальная культура народов Африки южнее Сахары», М., 2016 (презентация книги)</i>	302
<i>Ляхович А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Развитие представлений о художественном творчестве в северонигерийской литературе</i>	302

<i>Ляховская Н. Д. (ИМЛИ РАН, Москва). Матапары — «трудные дети» (лингала) Африки в переходную эпоху.....</i>	<i>303</i>
<i>Макеева Н. В. (ИЯ РАН, Москва). Коррелятивные союзы в языке кла-дан (< южные манде < манде < нигер-конго).....</i>	<i>305</i>
<i>Мильто А. В. (ЯрГУ, Ярославль). Сомалийские беженцы в Европе</i>	<i>306</i>
<i>Мингазова Н. Г. (КФУ, Казань). Этап обособления категории числа в языках суахили и лингала</i>	<i>307</i>
<i>Морозенская Е. В. (ИнАфр РАН, Москва). Экономическое благосостояние населения как важнейший показатель реализации «Целей устойчивого развития» в Африке</i>	<i>309</i>
<i>Муравьев Н. А. (ИЯЗ РАН, Москва). Конструкции с анафорическим выражением участников при номинализации в языке акебу.....</i>	<i>311</i>
<i>Огородникова Д. (University of Hamburg). Аннотации на языке сонинке в арабских рукописях Западной Африки: чьих рук это дело?.....</i>	<i>313</i>
<i>Панцеров К. А. (ФМО СПбГУ, Россия). Африканцы в сети: качественная характеристика африканского информационного пространства</i>	<i>313</i>
<i>Перехвальская Е. В. (Филологический ф-т, СПбГУ, Санкт-Петербург). Аспектуальная система южного сан в диахронической перспективе.....</i>	<i>315</i>
<i>Петров В. В. (СПбГИК, Санкт-Петербург). Отражение медицинской проблематики Мозамбика в творчестве Миа Коуту</i>	<i>315</i>
<i>Поздняков К. И. (INALCO, Paris). Реконструкция Нигер-Конго: современное состояние и некоторые новые перспективы</i>	<i>316</i>
<i>Попов В. А. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург). К этноботанике Западной Африки: орех кола</i>	<i>317</i>
<i>Поручиков С. И. (ТГУ, Тамбов). Учебная миграция африканской молодежи в Россию (на примере города Тамбова).....</i>	<i>318</i>
<i>Порхомовский В. Я. (ИЯ РАН, Москва). Чадские и берберские термины родства в типологической перспективе.....</i>	<i>321</i>
<i>Ринканья Алина (Университет Найроби, Кения). Конфликт традиций и современности в рассказах кенийских писательниц нового поколения</i>	<i>323</i>
<i>Саватеев А. Д. (ИнАфр РАН, Москва). Прошлое и настоящее российской африканистики: люди, методологии, перспективы</i>	<i>324</i>
<i>Савельева Д. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эфиопская поэзия кэне: особенности и трудности перевода.....</i>	<i>325</i>
<i>Сапоженикова М. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Тональная система языка джого.....</i>	<i>327</i>
<i>Саркисова-Куаме В. Ю. (Université Félix Houphouët-Boigny, Abidjan, Côte d'Ivoire). Феномен колдовства в Кот-д'Ивуаре и дело Беанзэна</i>	<i>327</i>
<i>Семенова В. Н. (ВФ СПбГУ; МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Образы ангелов в эфиопской христианской иконографии</i>	<i>328</i>
<i>Сиим (Москвитина) А. Ю. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Морские пути и трансокеанские перемещения в истории, повседневности и ритуальных практиках острова Занзибар</i>	<i>329</i>

<i>Сим Г. Е. (ИЯз РАН, Москва).</i> Тоны в экидном праязыке: данные внутреннего и внешнего сравнения	330
<i>Стеблин-Каменский Н. И. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург).</i> Новые и старые формы мобильности в Эфиопии: исторический контекст трудовой миграции из Волло	331
<i>Суетина Ю. Г. (ИСАА МГУ, Москва).</i> Путевые дневники Генриха Барта как источник сведений о торговле города Кано (Северная Нигерия)	332
<i>Сулейманян А. Г. (МГППУ, Москва).</i> Мифы пигмеев как источник для решения проблемы происхождения религии	335
<i>Сумбатова Н. Р. (РГГУ, Москва).</i> Тональные противопоставления в ландума: предварительные результаты	337
<i>Татаровская И. Г. (ИНАФР РАН, Москва).</i> Дендроцентрическая картина мира в африканской мифологии и культуре	339
<i>Фаттахова А. Р. (ИМОИиВ, КФУ, Казань).</i> Арабские глаголы в языках агглютинативного типа (на примере суахили и татарского языка)	340
<i>Французов С. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург).</i> Правление Лалибалы: титулатура, хронология, внешние связи	342
<i>Фролова Н. С. (ИМЛИ РАН, Москва).</i> Три направления развития современной поэзии на языке суахили (XX-XXI вв.): преемственность традиционных жанров или отказ от традиции	343
<i>Ханёноква Т. О. (ИСАА, МГУ, Москва).</i> Социолингвистическая ситуация в современной Нигерии	345
<i>Хохолькова Н. Е. (Истфак, Ярославский ГУ).</i> «Магическая сила слова»: концепт номмо в философии афроцентризма	346
<i>Цветков Э. Г. (ЯрГУ, Ярославль).</i> К 60-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве 1957 года: роль регионов в подготовке к Фестивалю и новые сведения о делегатах из Африки	348
<i>Шарова А. С. (ЯрГУ, Ярославль).</i> Ислам среди догонов (Республика Мали)	349
<i>Шитилов А. Ю. (МГИМО, Москва).</i> Национальный патриотический фронт Либерии в региональных патрон-клиентских сетях в 1985–2003 гг.	351
<i>Шлунский А. Б. (ИЯз РАН, Москва).</i> К сопоставлению предложно-послеложных конструкций в языках ква	352
<i>Ягья В. С. (ФМО СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Д. А. Ольдерогге и ленинградская школа африканистов	354

XX. КРУГЛЫЙ СТОЛ:
«ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СТРАНАХ ВОСТОКА»
ROUND TABLE DISCUSSION:
“PROBLEMS OF GENDER STUDIES IN THE EAST”

<i>Donika Kristina (FAAS, St Petersburg State University).</i> “Pinjra Tod”: breaking the hostel rules in India	357
---	-----

<i>Ахматшина Э. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Женское ток-шоу на арабском спутниковом телевидении: медийная глокализация и ее влияние на публичную сферу</i>	358
<i>Казурова Н. В. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург). Женские персонажи в иранском кинематографе после Исламской революции</i>	360
<i>Кикнадзе Диана (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Проблемы выживания детей в японском обществе эпохи Хэйан (794–1185)</i>	361
<i>Колодина А. К. (Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург). Институционализация проституции во Французском Магрибе</i>	363
<i>Мисанова А. Б. (Кубанский Государственный Университет, Краснодар). Гендерные различия японского языка в массовой культуре (На примере аниме Kamisama Hajimemasa и Psycho-Pass)</i>	365
<i>Моисеева А. В. (Москва). Положение женщины в Йемене в творчестве кинорежиссера Хадиджи ас-Салами</i>	373
<i>Мусаева Б. С. (Бакинский славянский университет, Баку). Женская поэзия в азербайджанской драматургии XX века (на материале творчества Нигяр Рафибейли)</i>	374
<i>Попов В. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Гендерные исследования и антропология родства: актуальные проблемы и перспективы их решения</i>	376
<i>Родионова Е. М. (Петербургский Институт Иудаики). Представления о коллективной собственности на женщин, транслируемые в армянских общинах стран СНГ (по материалам русскоязычных социальных сетей)</i>	377
<i>Фурсова Е. Н. (Санкт-Петербург). Развитие берберского вопроса в современной западной историографии и его гендерный аспект</i>	379
<i>Цыпилова С. С. (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ). Монгольская женщина: от прошлого к настоящему</i>	382

СЕКЦИЯ XXI.

«ШКОЛА МОЛОДОГО ВОСТОКОВЕДА» — 2017

WORKSHOP OF YOUNG SCHOLARS
IN ASIAN AND AFRICAN STUDIES — 2017

<i>Sayed Reza Ghaemi (Shahid Motahari University, Tehran); Muhammad Allahdadi (Quran and Hadith Research Institute, Tehran). Interaction with Jewish Minority in Bārforush in the 19th Century</i>	384
<i>Абдунабиев Суннат (ТашГУ, Ташкент). Ибн Баттута — знаменитый арабский путешественник</i>	385
<i>Алферов Д. А. (СПбГУ, Санкт-Петербург). Сирийский конфликт как предпосылка демонтажа многополярной геополитической структуры мира</i>	386

<i>Анферова Е. К. (ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Иранская торевтика XVI–XVII вв.: уточнение датировок изделий по растительным орнаментам ...</i>	387
<i>Барабанова Н. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Эволюция идеи джихада в тафсире Саййида Кутба «Под сенью Корана».....</i>	389
<i>Белкина Е. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Историки и источники об Аврааме Фирковиче.....</i>	390
<i>Болонова С. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Картография в работах Тонгчая Виничакуна.....</i>	391
<i>Бонч-Осмоловская О. А. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Воля и мышление, или На чем сосредоточен <i>цзюнь-цзы</i>.....</i>	392
<i>Борькина А. Ю. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Типы юмора в сочинении «Тōкайдōтō хидзакуригэ» Дзипэнэна Икку.....</i>	393
<i>Ванина М. В. (Ф-т психологии СПбГУ, Санкт-Петербург). История становления печатной прессы в арабских странах (конец XVIII — вторая половина XIX вв.).....</i>	395
<i>Васильев Л. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Арабская письменность в историческом контексте: от древности до ислама.....</i>	396
<i>Васькин И. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Терроризм в Иране в 1997–2013-х гг.....</i>	397
<i>Градковская Е. В. (УрФУ, Екатеринбург). Положение девушек в «веселых кварталах»: Ёсивара.....</i>	398
<i>Грановский Г. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Развитие концепции и практики политического ислама в Королевстве Марокко в XX веке.....</i>	399
<i>Гурвич В. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Европейская музыка как способ объединения японской нации.....</i>	401
<i>Данилова М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Образ бодхисаттвы Дзидзо (地藏) в японской фольклорно-мифлогической традиции и использование образа бодхисаттвы в художественной литературе.....</i>	402
<i>Дородных Дарья (Европейский Университет в Санкт-Петербурге). Ситуация и контекст: язык «джадидского» дискурса в воспоминаниях Габдуллы Буби (1871–1922).....</i>	404
<i>Жевликова А. А. (Свято-Владимирская школа, Санкт-Петербург). История появления шахмат в России.....</i>	405
<i>Заблоцкая О. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). О специфике северокавказских арабграфических источников периода войны 1817–1864 гг.....</i>	407
<i>Зайнуллина А. К. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Библейские и коранические мотивы в новелле О. Атая «Человек в белом манти».....</i>	408
<i>Ибрагимов И. Э. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Модели самоидентификации в Египте в межвоенный период (1919–1939 гг.).....</i>	410
<i>Иванов Е. А. (НИУ ВШЭ, Москва). Нормативное регулирование обрядов на российском Северном Кавказе: причины появления, возможные перспективы развития, конфликтный потенциал.....</i>	411

<i>Игнатъев М. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Особенности утверждения буддизма в Таиланде.....</i>	413
<i>Каменецкая А. Б. (ВФ, СПбГУ, Санкт-Петербург). Орли Кафель-Блум на израильской литературной авансцене.....</i>	414
<i>Клусова Ю. Д. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Женщины в современной литературе Судана</i>	417
<i>Кузнецова Т. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Неисследованная рукопись поэмы «Сэфер ха-Анак» Моисея Ибн Эзры из собрания ИВР РАН.....</i>	419
<i>Кузнецова Т. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Адаптация Махабхараты в кхмерской литературе.....</i>	420
<i>Курникова О. М. (ФГБУН ИВ РАН, Москва). Путевые заметки и дневники иностранных путешественников как источник по истории османского Крыма (XVI–XVIII вв.).....</i>	421
<i>Курова О. Н. (ИВР РАН, Санкт-Петербург). Австрийский ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь.....</i>	423
<i>Курочкин Р. В. (К(П)ФУ, Казань). Партийная деятельность Мустафы Бюлента Эджевита (70–90-е гг. XX в.): Обзор современной российской и турецкой научной литературы.....</i>	424
<i>Ланькова Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). «Семейные наставления рода Янь» (Яньши цзясюнь 颜氏家训, IV в.) как наиболее характерный образец жанра семейных наставлений</i>	425
<i>Левченко И. И. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Монашеская община Гэндай в X в. в Японии</i>	425
<i>Лемешкина К. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Традиционализм и Восток: Singh weds Kaar.....</i>	426
<i>Матросов В. А. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Египетская и сирийская модели арабского национализма на заре государственности.....</i>	428
<i>Мачулина Д. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Этгар Керет: фантастическая реальность в израильском постмодернистском коротком рассказе</i>	429
<i>Маякова К. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Турецкая кухня как предмет нематериального культурного наследия.....</i>	431
<i>Миронова Т. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Сборники рассказов Фэн Мэнлуна: «низкая» литература как отражение простонародного мировосприятия.....</i>	432
<i>Монахова А. А. (ФСИН, СПбГУ, Санкт-Петербург). Специфика арабской рекламы на примере печатных СМИ.....</i>	433
<i>Мошкова Т. Д. (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург). Иврит как фактор становления еврейской нации</i>	435
<i>Никифоров С. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Взаимные отношения и развитие внешнеэкономических связей Турецкой республики и Королевства Саудовская Аравия в XX–XXI вв.....</i>	436
<i>Нуриева Кямаля (Национальный музей азербайджанской литературы НАНА, Баку). О монографии «Арабская географическая литература» И. Ю. Крачковского</i>	437

<i>Острянина А. О. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Формы рукописных книг Сиама...	439
<i>Патрикеева Е. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Место национальной науки «го сюэ» в современном Китае.....	441
<i>Петряев А. С. (НИСИ, Киев).</i> Секуляризация в странах Ближнего Востока как источник противостояния светских режимов и исламского фундаментализма	442
<i>Руденко Н. В. (ИВ РАН, Москва).</i> «Разнородные изложения» из «Книги для сожжения»: философские эссе Ли Чжи.....	445
<i>Рустамов Э. К. (Ташкент).</i> Некоторые особенности морфологического влияния арабского языка на турецкий язык.....	447
<i>Рустамова С. Р. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Общественно-политическая деятельность дагестанского ученого и политика Гаджимурада Амирова (Мурад-бей Мизанджи).....	449
<i>Рыженков А. С. (Uludağ Üniversitesi, Bursa, Turkey).</i> Сирийские мигранты в современной Турции: особенности сообщества и его социокультурной адаптации.....	450
<i>Саакян Н. Э. (ФИ, ЕУСПб, Санкт-Петербург).</i> Дискурс имамата среди дагестанских `улемов во время Гражданской войны.....	451
<i>Сластенова Ю. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Альберто Фухимори и японо-перуанские отношения в 1990–2000-х гг.	452
<i>Слепухина О. П. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Йеменская поэзия как источник по истории отношений населения Южной Аравии и аджаниб в новое и новейшее время.....	453
<i>Судакова А. А. (ИСПН, УрФУ, Екатеринбург).</i> Положение и воспитание женщин сословия <i>си</i> в период Эдо.....	454
<i>Толмачева А. А. (Бурятский ГУ, Улан-Удэ).</i> Национальная идентичность Кайфэнских евреев в историографии	455
<i>Уварова Е. П. (ФСИН СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Новый железнодорожный Шелковый путь и его роль в решении проблем современности.....	457
<i>Мехмет Урнер (ФМО, СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Британия и Ирак: константы в политических отношениях.....	458
<i>Хабибуллина А. М. (КФУ, Казань).</i> Развитие арабской блогосферы: социолингвистический аспект.....	460
<i>Хамидова Нигора (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Особенности сочинения « <i>Kitāb aş-şādih wa-l-bāğim</i> » поэта Ibn al-Habbāguуа в списках, хранящихся в рукописном собрании Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ.....	461
<i>Хамидова Ч. И. (Институт истории АН РТ, Казань).</i> Шуаб-и панджгана как источник по генеалогии 12 колен Израиля.....	463
<i>Харитонова А. М. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург).</i> Внутриполитическая борьба в КНР и ее влияние на внешнюю политику в отношении Королевства Камбоджа и Демократической Республики Вьетнам в 1966–1969 гг. .	465
<i>Хохлова А. А. (НИУ ВШЭ, Москва).</i> Трансформация ССНС в условиях сирийского кризиса.....	466

<i>Цветков Д. В. (ИВР, Санкт-Петербург). О неопубликованных переводах И. К. Россохина из китайских исторических произведений</i>	<i>468</i>
<i>Чубаров Д. А. (РГГУ, Москва). Курдская диаспора в России: пути сохранения национальной идентичности вдали от родных гор</i>	<i>469</i>
<i>Шарапова А. В. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Как бенгалцы создали современную Америку (бангладешские историки об американских торговцах на Востоке)</i>	<i>471</i>
<i>Шахигулин А. С. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). К вопросу о культе сестер Чынг в духовной жизни Вьетнама</i>	<i>472</i>
<i>Шириова А. Б. (ВФ СПбГУ, Санкт-Петербург). Комплексный подход к локализации веб-сайтов на арабском языке</i>	<i>473</i>

Научное издание

XXIX International Congress on Historiography
and Source Studies of Asia and Africa
“Asia and Africa: their Heritage and Modernity”

Proceedings

Vol. 2

XXIX Международный конгресс
по источниковедению и историографии стран Азии и Африки
«Азия и Африка: Наследие и современность»

Материалы конгресса

Том 2

Редактор А. С. Матвеев
Верстка и дизайн Е. В. Владимировой

Подписано в печать с авторского оригинал-макета
Формат 60 × 84/16. Печать офсетная
Печ. л. 30,75. Тираж 600 экз.
Заказ № 31862

Отпечатано в типографии ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала дом 199-201
Тел./факс: (812) 611-11-07

Санкт-Петербургский
государственный университет

Saint Petersburg State University

Санкт-Петербург
St. Petersburg

2017